

1882

Русская
Речь.

ФЕВРАЛЬ

П. А. С. П. С. П.

Оставшееся небольшое количество полных экземпляров «РУССКОЙ РЪЧИ» за 1881 годъ можно выписать через редакцію журнала по 10 р. безъ пересылки и по 13 р съ пересылкой, а за 1880— по 8 р. безъ пересылки и по 10 р. съ пересылкой. Экземпляры за 1879 годъ распроданы всѣ.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ РУССКАЯ РЪЧЬ“ въ 1882 году.

Журналъ «РУССКАЯ РЪЧЬ» въ 1882 году выходитъ въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 25 до 30 и болѣе листовъ, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же постоянныхъ сотрудниковъ, которые принимали въ немъ участіе и въ прошедшемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой въ Петербургѣ.	16 >
съ пересылкой	17 >
За границу: въ Европу,	} 18 >
Сѣверную Америку и Египеть.	

Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	При подавнѣ	въ 1 Мая.	въ 1 Сентябр.
безъ доставки.	7 р.	5 р.	3 р.
съ доставкой	8 >	5 >	3 >
съ пересылкой.	9 >	5 >	3 >

Вслѣдствіе увеличившейся подписки, редакція нашла возможнымъ допустить разсрочку платы по третямъ, безъ увеличенія подписной цѣны.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала лишь городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты или выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію „Русской Рѣчи“ съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ петербургскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ петербургскіе—50 к. и изъ петербургскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и притомъ если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, причемъ, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, жалоба должна быть заявлена не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

РУССКАЯ РѢЧЬ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

РУССКАЯ РѢЧЬ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И НАУКИ.

Февраль, 1882.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція „Русской Рѣчи“ и Главная Контора журнала:
Средняя Подъяческая, № 1.

1882.

Δ
PSc... 605.15 ($\frac{1882}{2}$)
V

Keller's Ed

Средняя Подъячская, д. № 1.
2840.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА 2-я.—ФЕВРАЛЬ, 1882.

	Стр.
I. НАСЛѢДСТВО.—Романъ.—Часть 1-ая.—А. Львовой	1
II. РУССКОЕ ДѢЛО ВЪ ЛИТОВСКОЙ РУСИ.—Глава II-III.—П. Морозова	58
III. МЫТАРСТВА УПРЯМЦА.—(Современная быль).—Глава V-VII.—А. В. Круглова	80
IV. ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ДОНА.—Усмиреніе Петромъ Великимъ Булавинскаго бунта.—Глава III и IV.—Н. Краснова	108
V. МАРИНА МНИШЕКЪ.—(Поэма).—Часть 1-ая.—Александры Львовой	128
VI. НАЧАЛА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ.—Революція.—Томъ второй.—Торжество якобинцевъ.—(Продолженіе).—Иполита Тэна.—(Переводъ съ французскаго)	152
VII. НА РУБЕЖѢ ДВУХЪ СТОЛѢТІЙ.—Историческій романъ.—Часть 1-ая, глава I и II.—А. Шардина	187
VIII. ОБЪТОВАННЫЯ ЗЕМЛИ.—(По вопросу крестьянскихъ переселеній).—Евгенія Маркова	223
IX. ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ЛѢТЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.—А. Ишимова	254
X. КАРТИНКИ БЕРЛИНСКОЙ ЖИЗНИ.—Воскресенье у Ландсбергскихъ воротъ.—Юлія Роденберга.—(Переводъ съ нѣмецкаго)	273
XI. ОБЗОРЪ НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—1) Изъ области науки. Доктора Б. Окса.—2) Новыя основанія физиологіи чело-вѣка въ связи съ сравнительною и общою физиологіею П. Боли,	

переводъ съ французскаго.—3) Соціалная жизнь животныхъ. Опытъ сравнительной психологіи. А. Эспинаса. Переводъ съ французскаго Ф. Павленкова.—Л. К. П.	295
• XII. ИДЕАЛИСТЫ.—Повѣсть.—Часть 1-ая, глава I и II.—Яна-Ляма.—(Переводъ съ польскаго).	320
XIII. ВЛАСТИ—БДИТЕ!—А. Н.	1
XIV: ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Положеніе европейскихъ державъ къ началу нынѣшняго года и вѣроятность скорой войны между Германіей и Россіей.—Англійское юдофильство и его истинная причина.—Высочайшія повелѣнія объ обязательномъ выкупѣ надѣловъ крестьянъ, оставшихся еще во временно-обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, и о пониженіи выкупныхъ платежей.—По поводу ревизіи Прибалтійскаго края.—Государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1882 годъ	8
XV. КОРЕСПОНДЕНЦІЯ.—Степной оазисъ.—(Поѣздка въ новороссійскія степи).—А.	44
XVI. НАУЧНАЯ ХРОНИКА.—Въ области біологіи.—Внутренняя борьба, или борьба частей въ организмѣ.—Эльпе	70
XVII. ОТВѢТЪ Г. ДЕНСКОМУ НА ЕГО ЛЕКЦІЮ О ЛОГИКѢ И ПОДЕМИКѢ.—Евгенія Марнова.	95

НАСЛѢДСТВО.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Петербургскій почтовый поѣздъ подходилъ къ станціи «Староселье». Дождь, лившій потоками впродолженіи всей ночи, казалось, еще усилился на зарѣ. Дымъ отъ паровоза стлался по рельсамъ, заволакивая всю окрестность, закрывая и сажени дровъ по сторонамъ дороги, и кусты, и деревья; разрываемый по временамъ налетающимъ ливнемъ, онъ точно вата висѣлъ на вѣткахъ деревьевъ, и тогда, въ промежуткахъ, виднѣлось мутносѣрое небо и бурья поля, на которыхъ едва поднималась зелень.

Поѣздъ сталъ уменьшать ходъ, раздался пронзительный свистокъ и станція «Староселье» предстала во всемъ своемъ уныніи.

На верху крутой лѣсенки показалась высокая, тоненькая фигура юноши, лѣтъ 16-ти, въ гимназической формѣ, а за нимъ молодой человѣкъ въ военномъ пальто.

Въ то же самое время изъ вагона перваго класса вышла дама въ черной тальмѣ и черной шляпѣ; лицо ея закрывалъ креповый, черный вуаль. Молодые люди, спустившись на платформу, остановились, не смотря на проливной дождь, чтобы посмотрѣть на даму, которая выходила съ ними на станціи. Меньшой, болѣе любопытный, подбѣжалъ къ ней, чтобы помочь

ей сойти съ крутыхъ ступенекъ; она оперлась на его руку, но не сказала при этомъ ни слова и только молча кивнула ему головой.

«Гордячка и дура» рѣшилъ мысленно юноша и пустился догонять брата, который въ это время входилъ уже въ двери станціи.

Станція была неизмѣрно грязна; въ первой комнатѣ, на скамейкахъ и на полу, лежали пассажиры третьяго класса, — сильно пахло мокрою овчиною и дегтемъ; за перегородкой, гдѣ продаются билеты, еще никого не было, только изъ маленькой сосѣдней комнаты слышалось стуканье телеграфиста. Наши путешественники съ трудомъ пробирались между спавшими на полу мужиками и бабами въ комнату, такъ называемую дамскую. Въ дамской комнатѣ было также грязно; повидимому въ ней никогда не мыли и не мели полъ, потому что онъ былъ весь запачканъ известью и запачканъ давно, вѣроятно съ тѣхъ поръ, какъ бѣлили потолки. Въ простѣннѣ, между дверью и печкою, висѣло большое зеркало въ орѣховой рамѣ, подъ нимъ подзеркальничекъ, а на немъ графинъ съ водою, желто-мутнаго цвѣта, и на всемъ: на зеркалѣ, на столѣ и на графинѣ — на палецъ пыли. Прямо, противъ двери, стоялъ длинный диванъ, обитый вытертымъ тисненымъ бархатомъ, а противъ дивана столъ, весь въ пятнахъ.

«Какъ здѣсь однако грязно», подумалъ входя старшій изъ молодыхъ людей.

Не снимая пальто, онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ; проливной дождь билъ въ огромныя, никогда немытыя стекла; тусклый, сѣрый разсвѣтъ освѣщалъ всѣ предметы и дѣлалъ ихъ еще непригляднѣе. Скука выражалась на худощавомъ смугломъ лицѣ офицера и въ его карихъ, печальныхъ глазахъ. Гимназистъ исчезъ; онъ уже былъ на дворѣ станціи и налеталъ на почтоваго старосту, который, не обращая на него никакого вниманія, смотрѣлъ, какъ ямщики запрягали лошадей въ четырехмѣстную коляску, подъ надзоромъ стараго кучера, въ синей поддевкѣ и валеныхъ сапогахъ.

— Вы не имѣете никакого права запрягать этой барынѣ прежде, горячился юноша, — я раньше ея пришелъ на станцію.

— Госпожа Карминская телеграфировала, чтобы лошади были имъ готовы, отвѣчалъ староста.

— Ну такъ чтожъ, что телеграфировала! Мы такіе же проѣзжіе какъ и она! А что можетъ быть она какая нибудь генеральша, то намъ на это наплевать!

— Да вы чего кричите? замѣтили съ досадою староста. — Будутъ и вамъ лошади, поспѣете.

Гимназистъ весь вспыхнулъ и бросился опять на станцію. Перескакивая черезъ лежащихъ на полу пассажировъ, онъ стремительно влетѣлъ въ дамскую комнату и остановился на порогѣ. Дама въ траурѣ, на которую онъ такъ негодовалъ, сидѣла на диванѣ, въ тальмѣ и шляпкѣ, съ опущеннымъ вуалемъ, такъ что онъ все-таки не могъ разсмотрѣть ея лица.

Старшаго брата не было въ комнатѣ.

На стулѣ у печки сидѣла горничная, очень элегантная, въ шляпкѣ и перчаткахъ, и съ недовольнымъ, брезгливымъ видомъ оглядывала комнату. Она взглянула на вбѣжавшаго юношу и какъ-то презрительно улыбнулась.

«Знаю, зачѣмъ прибѣжалъ», казалось, говорило ея некрасивое, но очень чванное лицо.

«И эта важничаетъ», подумалъ гимназистъ. — «Эдакая-то морда; да и барыня должно быть уродъ, ну чего она въ вуалѣ сидитъ».

Онъ круто повернулся и отправился искать брата.

— Гдѣ Тимофеичъ? спросила барыня по уходѣ молодого человѣка.

— Около коляски; торопятъ ямщиковъ, чтобы скорѣе запрятали. Развѣ вы не видали его, какъ выходили, онъ тамъ стоялъ, еще пледы у меня взялъ?

Барыня ничего не отвѣчала, она повидимому думала со всѣмъ о другомъ.

— Какой здѣсь тяжелый духъ, продолжала горничная, какъ видно не любившая молчать, — ужасное свинство!

Барыня опять ничего не отвѣчала, только откинулась на спинку дивана; слезы такъ и заволакивали ей глаза и потому она не поднимала вуала.

— Устали, Надежда Александровна? спросила горничная. — Вы бы прилегли.

— Нѣтъ, я не усталъ; да и слишкомъ здѣсь грязно, мнѣ бы хотѣлось скорѣе уѣхать.

— Лошади готовы, сказалъ Тимофеичъ входя.

— Наконецъ-то, проговорила барыня вставая.

Когда она вышла на крыльцо станціи и стала спускаться по грязнымъ и скользкимъ ступенямъ, гимназистъ и не подумалъ помочь ей сойти.

«Сама сойдетъ», прошепталъ онъ брату, который куриль, сидя на скамеечкѣ подъ навѣсомъ. Горничная, садясь за бары-

ней въ коляску, опять взглянула на юношу, и ему побазалось, что она опять улыбулась.

— Морда какая! проговорил онъ, — а туда же кокетничаетъ.

— Я узналъ, кто эта барыня, сказалъ офицеръ, садясь съ братомъ на перекладную, — это наца сосѣдка Карминская, урожденная Архарова; говорятъ, красавица.

— Какая красавица! навѣрно старая и уродъ, отвѣчалъ меньшей братъ.

— Конечно, она не можетъ быть молода, потому что я слышалъ, что она болѣе десяти лѣтъ замужемъ; но изъ чего же ты заключаешь, что она уродъ?

— Ну, она не подняла, значить уродъ. Однако когда же наконецъ перестанетъ этотъ проклятый дождь, продолжалъ онъ морщась и ежась въ своей гимназической шинели.

Дождь, какъ нарочно, продолжалъ лить безжалостно; казалось, разверзлись всѣ хляби небесныя. Не помогли ни непромокаемая гимназическая шинель, ни даже клеенчатое офицерское пальто. Бѣдные путешественники чувствовали, какъ холодные струйки дождя прокрадывались подъ воротникъ и бѣжали по шеѣ и по спинѣ.

«Только бы Саша не простудился», думалъ старшій, глядя на гимназиста, который уже пересталъ болтать и сидѣлъ, мрачно насупясь.

Дорога была одна сплошная грязь, колеса вязли въ размякшей глинѣ, лошади уныло мотали головами, а ямщикъ, сидя на какомъ-то торчѣй впереди телѣги и обливаемый потоками дождя, только кряхтѣлъ и безпокойно вертѣлся на своемъ мѣстѣ.

— Ты чего тамъ все возишься? спросилъ Саша, пораженный этими необыкновенными тѣлодвиженіями.

— Болько баринъ, отвѣчалъ ямщикъ, — смерть какъ болько! Ты посмотри-ка, на чемъ я сижу.

— Зачѣмъ же вы такія дурацкія телѣги дѣлаете? замѣтилъ старшій братъ, — вѣдь это все равно что на колѣ сидѣть. Неужели же нельзя какое нибудь сидѣнье сдѣлать, доску что-ль приволоотить?

— Намъ ни къ чему, всю жисть такъ ѣдимъ.

— Такъ и не жалуйся, что болько, самъ виноватъ! сказалъ Саша.

— Ишь ты какой! Я что-ль самъ тарантасъ-то дѣлалъ? Мастеръ такъ сдѣлалъ.

«Дикій народъ, думалъ офицеръ: — сидитъ на торчѣй, жалуются, что болько, а самъ всю жизнь такъ будетъ ѣдить.»

— Кто тутъ живеть? спросилъ онъ, увидя около дороги, посреди расчищеннаго лѣса, избушку, маленькій садикъ и засѣянное поле.

— Чухна, отвѣчала ямщикъ.

— Откуда же онъ здѣсь взялся?

— Изъ своей земли пришелъ, изъ Вихляндіи; пятый годъ пошелъ, какъ здѣсь живеть; купилъ у помѣщика двадцать десятинъ и зачалъ строиться.

— Пахатной земли?

— Какое! лѣсъ да болотина. — Работаетъ, я тебѣ скажу, какъ каторжный; самъ единый работникъ въ дому, жена евоная, да рябятишки махонькіе. Самъ лѣсъ вырубилъ, раскорчевалъ, расчистилъ, да и засѣялъ; избушку построилъ и таперича живеть хорошо, — ему вся округа должна.

— Пionеръ, замѣтилъ Саша; — знаешь, Ганя, какъ въ американскихъ пустыняхъ.

— Да, пionеръ, но только потому, что онъ чухна; русскій же неспособенъ на такой трудъ. Самъ же ямщикъ говоритъ, что онъ работаетъ какъ каторжный.

— Извѣстно, какъ каторжный! продолжалъ ямщикъ, все вертася на своемъ сѣдалищѣ. — Ни ему праздника, ни ему отдыха, все работаетъ; носогрѣйку свою сосеть, а самъ все копошится. Мы, извѣстное дѣло, такъ не можемъ; измочалится человекъ такъ работамши, а ему, бѣсу, ни почемъ, оттого, что развѣ онъ крещеный человекъ, онъ чухна — ничего больше.

— Съ чего же ты взялъ, что онъ не крещеный?

— А есть на емъ крестъ?

— Я не знаю.

— Вотъ то-то и есть, что не знаешь. А я говорю нѣту на емъ креста, а крестъ — это первое дѣло!

«Совсѣмъ дикій народъ, опять подумалъ офицеръ. — И чего мы ходили болгаръ освобождать, вотъ кого отъ глупости освободить надо».

На слѣдующей станціи, въ большому неудовольствію Саши, лошадей не оказалось вовсе.

— Посидите часика два, лошади только что вернулись съ гона, сказалъ имъ староста, когда, совершенно мокрые, они вошли въ станціонную комнату. — Почта прошла, а вотъ сейчасъ госпожа Карминская послѣднюю четверку взяла, продолжалъ староста, точно желая ихъ утѣшить.

— Ну, Саша, дѣлать нечего, давай чай пить, сказалъ старшій братъ, — а у васъ самоваръ?

— Чай и сахаръ свой у васъ? спросила старуха, въ ситцевой кофтѣ, появляясь изъ-за перегородки.

— Нѣтъ у насъ ничего съ собою.

— Ну хорошо, сейчасъ подамъ.

— Кто это у васъ тамъ? спросилъ Саша, слыша за перегородкою скрипъ пера.

— Баринъ проѣзжій, жалобу пишетъ, отвѣчалъ староста, улыбаясь.

— Жалобу? на кого?

— Обижается, что Карминской раньше его лошадей заложили; извѣстно, раньше, какъ и слѣдуетъ: раньше пріѣхала, такъ раньше и заложили, по закону.

— Нѣтъ, не по закону; ты зачѣмъ вренешь! послышался изъ-за перегородки рѣзкій и крикливый голосъ. — Я раньше выѣхалъ со станціи, меня только ямщикъ Карминской обогналъ недалеко отсюда.

— Такъ все же они раньше пріѣхали, коли ихній ямщикъ обогналъ, отвѣчалъ староста.

— Нѣтъ, не раньше! а ты грубить мнѣ не смѣй!

— Я, кажется, ваше превосходительство, никакой грубости не сказаль.

— Молчи, молчи! со мною не разговаривать! А вотъ какъ тебя смѣнять, такъ узнаешь, какъ мнѣ лошадей не давать!

— Да пиши себѣ, бумага все терпитъ, проговорилъ староста, уходя въ сѣни.

Саша заглянулъ за перегородку и вдругъ залился неудержимымъ, совершенно дѣтскимъ смѣхомъ. У окна, за столомъ, покрытомъ клеенкою, сидѣлъ господинъ лѣтъ пятидесяти шести, въ тепломъ пальто, съ котораго вода, буквально, лила на полъ потоками; фуражки на головѣ не было и съ волосъ, съ просѣдью, гладко прилипшихъ къ головѣ, тоже текла вода на бумагу. Столъ, чернильница, все было мокро кругомъ; но баринъ не унимался и все строчилъ. Фигура его, по-истинѣ, была до того комична, что Саша упалъ на диванъ, катаясь со смѣха.

— Ты чего? спросилъ братъ.

— Ганя, посмотри, что за чучело, дядя Струй какой-то!

— Ничего нѣтъ смѣшнаго, послышался опять рѣзкій голосъ;— вы еще слишкомъ молоды, чтобы смѣяться надъ людьми старше васъ.

— Я совсѣмъ не надъ вами смѣюсь, отвѣчалъ сконфуженный Саша.

— А надъ кемъ же-съ?

— Надъ дождемъ.

— Очень остроумно, нечего сказать.

— Вы часто жалобы пишете? спросилъ Саша.

— Это не ваше дѣло-съ!

— Оставь, сказалъ старшій братъ, — ты видишь, что онъ сердится.

— А ну его къ чорту! Сидить, какъ фонтанъ какой, да еще сердится, — и гимназистъ опять захохоталъ.

Перо заскрипѣло еще сильнѣе.

— Кто это таковой? спросилъ Саша у ямщика, когда они опять сѣли на перекладную.

— Андроновъ, нешто не слышали?

— Андроновъ! Василій Ивановичи?

— Онъ самый и есть.

— Ганя, это тотъ самый Андроновъ, который намъ дядею приходится? спросилъ тихо Саша.

— Тотъ самый; только онъ у отца никогда не бываетъ.

— Я во весь свѣтъ знаетъ, продолжалъ ямщикъ, — безпкойный баринъ. — Онъ, кажись, скоро самъ на себя жалобу напишетъ; и родила же мать такого человѣка на свѣтъ!

— А что?

— Самый послѣдній человѣкъ. Анараръ называется, а скаредъ таковой, что по гривеннику на водку даетъ; ужъ за то и возимъ же мы его — всегда на машину опоздаетъ, такое ужъ у насъ заведеніе.

Дождь не переставалъ ни на минуту и продолжалъ окачивать нашихъ путешественниковъ; но не смотря на холодныя души, гимназистъ ухитрился заснуть; онъ сѣлъ на дно тарантаса, положилъ голову на колѣни брата, закрылся пледомъ и спалъ какъ убитый.

— Вотъ и Н....., сказалъ, наконецъ, старшій братъ. — Саша, полно спать!

— Гдѣ! что! пріѣхали? пробормоталъ тотъ съ шросонья, все не перемѣняя своего положенія.

— Пріѣхали, сейчасъ вѣзжаемъ въ посадъ.

Посадъ былъ такой же, какъ и во всѣхъ уѣздныхъ городахъ: мѣщанскіе жалкіе домишки лѣпились по обѣимъ сторонамъ улицы, такіе же бѣдные, такіе же невзрачные, какъ 20, 30, 300 и болѣе лѣтъ тому назадъ, во время литовскаго нашествія.

«Совсѣмъ дивная страна, думалъ офицеръ, — не жилище культурнаго человѣка, а кочевье какое-то. Хотя бы вустигъ, хотя

бы деревцо посадили около своихъ жилищъ, хотя бы разбитыя стекла вставили, хотя бы ворота починили, да заперли».

Кое-гдѣ въ домишкамъ примыкали крошечные, жалкіе садики, такіе же запущенные, какъ и все остальное,—садики, въ которыхъ было очень мало ягодныхъ кустовъ и яблонь, но за то очень много крапивы и лопуха. Наконецъ, пошла мостовая; ямщикъ свистнулъ, погналъ лошадей и, подирыгивая въ тряскомъ тарантасѣ, наши путешественники покатали мимо гостиннаго двора, съ холодными и темными лавками, мимо собора, скучнѣйшей казенной архитектуры двадцатыхъ годовъ, и мимо желтыхъ, каменныхъ домовъ, похожихъ на ящики.

— Куда ѣхать, на станцію аль въ гостинницу? спросилъ ямщикъ.

— А тутъ есть гостинница?

— Извѣстно есть. «Городъ Парижъ» называется.

— Нѣтъ, ужъ вези лучше на станцію.

Проѣзжая мимо одного изъ желтыхъ домовъ, молодые люди увидѣли на дворѣ дома знакомую коляску, въ которую запрягали четверку сытыхъ, гнѣдыхъ лошадей.

— Заворачивай сюда на дворъ! закричалъ гимназистъ,—мы здѣсь остановимся.

— Это не гостинница, баринъ, отвѣчалъ ямщикъ: — здѣсь Фаина Николаевна живетъ, она только знакомыхъ пускаетъ.

— Какая такая Фаина Николаевна?

— Купчиха здѣшняя.

— Отчего-жъ эта барыня, что съ нами со станціи выѣхала, здѣсь остановилась?

— Она здѣшняя, еще ихній папенька ѣзжалъ къ Фаинѣ Николаевнѣ.

— Досада вакая, ну вали на станцію!

II.

Домъ Фаины Николаевны точно не былъ гостинницей и въ него пускали только знакомыхъ, а знакомыхъ у хозяйки былъ цѣлый уѣздъ. Со двора вела на верхъ въ сѣни крутая, но чистая лѣстница, безъ запаха кислой капусты, обыкновенно присутствующаго во всѣхъ купеческимъ домамъ. Чистенькія, низенькія комнаты были оклеены свѣтлыми обоями; крашеный, желтый полъ былъ тщательно вымытъ; на окнахъ были кисейныя занавѣски и стояли кактусы, олеандры и китайскія розы. Въ средней комнатѣ, столъ передъ диваномъ былъ накрытъ пестрою салфеткою

и на столѣ стояла лампа подѣ бронзу. Не смотря на совершенно приличную обстановку, петербургская горничная Карминской поморщилась и спросила шепотомъ у своей барыни:

— Неужели это гостинница?

— Не гостинница, а домъ Файны Николаевны; развѣ вамъ не нравится? отвѣчала та.

— Не прикажете ли кофею? спросила хозяйка, пожилая женщина, въ темномъ ситцевомъ платьѣ, и повязанная чернымъ платкомъ. Фаина Николаевна была вдова.

— Пожалуйста, отвѣчала барыня, которая, наконецъ, подняла вуаль и сняла шляпку.

Она была вовсе не старая и не уродъ, какъ думалъ Саша, хотя, конечно, она бы ему не понравилась. Карминская была высокая, стройная женщина, лѣтъ тридцати, очень блѣдная, съ большими, грустными, черными глазами и черными, густыми волосами, въ которыхъ кое-гдѣ уже бѣлѣли бѣлыя нити. Кромѣ усталости, лицо ея носило еще слѣды глубокой, но сдержанной грусти, что дѣлало его нѣсколько строгимъ и могло быть принято людьми недалъновидными за надменность. Говорила она мало и больше слушала рассказы Файны Николаевны, знавшей всѣ городскія и уѣздныя событія.

— На-долго прѣѣхали, Надежда Александровна? спросила, наконецъ, Фаина Николаевна.

Ей, повидимому, давно хотѣлось сдѣлать этотъ вопросъ, но она все не рѣшалась, хотя вопросъ былъ, кажется, самый естественный.

— Я думаю—навсегда, отвѣчала Карминская, и при этомъ легкая краска покрывала ея блѣдное лицо.

— Соскучитесь здѣсь, отвѣчала хозяйка,— небось опять въ Питеръ уѣдете?

— Не думаю.

— Вы по свекровушѣ въ траурѣ? продолжала спрашивать хозяйка.

— Да, по ней.

Разговоръ опять оборвался. Карминская, видно, не нашла нужнымъ рассказывать, какъ и когда умерла ея свекровь.

— Давненько вы здѣсь, въ своемъ-то Ясномъ, не были? сказала Фаина Николаевна.

— Давно, почти десять лѣтъ.

— Кто-жь у васъ тамъ хозяйничаетъ?

— У меня нѣтъ никакого хозяйства, имѣніе на арендѣ у крестьянъ, развѣ вы не знали?

Файна Николаевна давно это знала, но спросила только для того, чтобы поддержать разговоръ, который безпрестанно обрывался.

— Скучно, я думаю, когда нѣтъ свою хозяйства? продолжала она:— все изъ чужихъ рукъ смотри.

— Я давно въ деревнѣ не жила, хозяйничать совсѣмъ не умѣю.

— А папенька здоровъ?

— Здоровъ, благодарю васъ.

— Приѣдетъ сюда?

— Не думаю; онъ съ Минией уѣхалъ на все лѣто на югъ, въ одному нашему родственнику. Мишѣ необходимъ отдыхъ; вѣдь вы, вѣроятно, помните, какой онъ былъ всегда слабый.

— Заучился ужъ очень.

— Нѣтъ, онъ легко учится.

— Вы послѣднее время все въ чужихъ краяхъ жили? начала опять хозяйка. Ей видимо хотѣлось спросить еще что-то, но она не рѣшалась. Надежда Александровна смущала даже ее, хотя она была не изъ тѣхъ, что легко смущаются. Это дѣйствіе Надежда Александровна производила почти на всѣхъ, кто зналъ ее мало или видѣлъ въ первый разъ.

Файна Николаевна слышала, — вѣдь слухомъ, говорятъ, земля полнится, — что Надежда Александровна будто не по своей волѣ уѣхала за границу года три тому назадъ, но именно по этой причинѣ она и не рѣшалась спросить ее.

— Лошади готовы, сказала горничная, которая все продолжала негодовать и на дождь, и на гостинницу, гдѣ дали ей не такой кофе, какой она привыкла пить, а больше всего на глупую фантазію барыни, вздумавшей ѣхать въ провинцію, когда можно гораздо пріятнѣе провести лѣто на дачѣ.

«Ишь, горячка какая, насилу говорить», думала Файна Николаевна, глядя въ окно на выѣзжавшую со двора коляску, — воображаетъ, что никто ничего не знаетъ. А таки всѣ, какъ есть всѣ знаютъ, что она была выслана изъ Петербурга за то, что гораздъ много глупостей болтала».

Надежда Александровна показала гордичкой Файнѣ Николаевнѣ, потому что была молчаливѣе и грустнѣе обыкновеннаго. На это были свои причины: городъ N напомнилъ ей любовь ея ранней молодости, кончившуюся такъ трагически, и словно растравилъ старую, но еще незажившую рану. Она ду-

мала, что совсѣмъ похоронила прошедшее, и вдругъ это прошедшее встало передъ нею точно живое; точно опять увидала она блѣдное, дорогое лицо, такое спокойное въ своемъ мертвомъ снѣ, и въ которому въ первый разъ прикоснулись тогда ея дрожавшія, похолодѣвшія губы. Вспоминала она также, какъ потомъ утѣшилась и полюбила другаго, изящнаго и остроумнаго господина, совершенно непохожаго на Арбеньева. И эта послѣдняя любовь была еще несчастнѣе первой.

По мѣрѣ того, какъ она приближалась къ своей усадьбѣ, на сердцѣ у нея становилось все тоскливѣе и тоскливѣе, а между тѣмъ она такъ давно рвалась туда и изъ-за границы, и изъ Петербурга, видѣла въ своемъ «Ясномъ» единственное мѣсто успокоенія послѣ всѣхъ своихъ странствованій, невзгодъ и горестей. Видъ этихъ тощихъ родныхъ полей, бѣдныхъ, жалкихъ деревень, точь въ точь такихъ же, какъ десять лѣтъ тому назадъ, просто надрывалъ ей сердце. Она невольно сравнивала ту, полную разнообразныхъ впечатлѣній, жизнь, которую вела она, съ этою невозмутимою, апатичною тишиною города N и окрестныхъ деревень. Точно здѣсь никогда ничего не случалось; точно не существовало здѣсь никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ самыхъ низменныхъ, никакихъ другихъ заботъ, кромѣ заботы о насыщеніи; но и самая эта забота выражалась здѣсь не осмысленною, упорною и терпѣливою дѣятельностью западнаго человѣка, а какою-то вялою, безтолковою, и совершенно легкомысленнымъ отношеніемъ къ завтрашнему дню.

«Зачѣмъ эти молодые люди, которыхъ я встрѣтила, ѣдутъ сюда? вдругъ совершенно неожиданно пришло ей въ голову.— Это мои сосѣди Карповы; всевѣдущая Фаина Николаевна такъ назвала ихъ, когда они проѣзжали мимо ея дома.—Что они будутъ здѣсь дѣлать? Также отдыхать, какъ я, на лонѣ природы. Меньшой напомнилъ мнѣ Мишу».

— Ваша дача за этимъ лѣсомъ? спросила горничная.

— Да, только это не дача, а усадьба.

Коляска вѣзжала въ березовую рощу; дождь пересталъ, на небѣ разъяснѣло и на немъ показались голубые просвѣты; запахло мокрою травою и еще чѣмъ-то сильно пахучимъ.

— Слышите, какъ хорошо пахнетъ, сказала Карминская своей недовольной горничной,—это ландыши, ихъ здѣсь всегда бездна. Она высунулась изъ коляски и весело, почти дѣтски улыбаясь, стала вглядываться въ знакомую рощу. «Вотъ роща перемѣнилась, думала она,—гуще стала».

Дорога была очень грязна, такъ что онѣ должны были ѣхать

шагомъ, но у Надежды Александровны не было нервнаго желанія доѣхать скорѣе, какъ это бываетъ со всѣми, возвращающимися домой; дома ее никто не ждалъ. Когда коляска выѣхала изъ лѣса, недалеко, на потемнѣвшемъ, вечернемъ небѣ, нарисовались крыши строеній, точно потонувшія въ зелени. Направо отъ дороги видна была другая усадьба, съ маленькимъ домикомъ съ мезониномъ и большимъ, густымъ садомъ. Коляска Карминской повернула направо; по бокамъ дороги лежали яровыя поля, на которыхъ едва показывалась зелень. Кучеръ погналъ лошадей, которыя и сами, чувствуя домъ, бѣжали скорѣе, повернули направо мимо высокихъ березъ и вала, на которомъ густо разрослись акаціи, прежде подстриженные, но теперь раскинувшіяся на свободѣ; потомъ дорога пошла направо, мимо сада, обнесеннаго стѣною изъ сиреней. Ихъ сильный, живительный, совершенно весенній запахъ такъ и обдалъ Надежду Александровну.

Коляска въѣхала на круглый, густо заросшій дворъ и остановилась передъ крыльцомъ большаго, бѣлаго, двухъ-этажнаго дома.

«Вотъ я, наконецъ, и дома», подумала она, выходя изъ коляски на полусгнившее, низкое, деревянное крыльцо подъ желѣзнымъ навѣсомъ.

Домъ въ селѣ «Ясномъ» былъ большой, двухъ-этажный; слишкомъ большой для нея, такъ какъ она рѣшилась жить въ немъ одна, безъ мужа, а дѣтей у нея не было. Когда она вошла въ него, то тишина, спокойствіе и порядокъ, царившіе кругомъ, успокоительно подѣйствовали на ея измученные, потрясенные нервы. Войдя въ свою прежнюю дѣвическую спальню, гдѣ стояла та же мебель, что и десять лѣтъ тому назадъ, ей показалось, что она заснетъ по-прежнему сповойно на этой узенькой кровати, подъ старымъ голубымъ одѣяломъ. Утомленная дорогою, но больше пережитыми воспоминаніями, она, точно, скоро заснула подъ шумъ густыхъ, старыхъ липъ, пережившихъ много поколѣній, но такихъ же густыхъ, какъ и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Къ шуму вѣтра и деревьевъ примѣшивался еще другой странный звукъ въ трубѣ ея комнаты, также давно ей знакомый звукъ, похожій, на легкій, отдаленный стонъ, который могло уловить только чуткое ухо Надежды Александровны. Этотъ звукъ она когда-то называла пѣніемъ «Трильби». Ей казалось, что въ ней воскресла прежняя, юная, беззаботная Дина, какъ звалъ ее отецъ, и она крѣпко спала, убаюкиваемая старыми пенатами дома. «Усни, бѣдная», точно говорили высо-

нія деревья, обрѣжавшія бѣлый домъ; «усни, скиталица», тихо пѣлъ въ трубѣ маленький Трильби.

Послѣ дождливаго, сѣраго дня, наступила ясная и свѣтлая, хотя все еще холодная ночь, и громко защелкала соловей въ старомъ, густомъ саду, подъ равинтами, на берегу пруда.

III.

Если-бы Фаина Николаевна знала, что Надежда Александровна навсегда оставила мужа, то удивилась бы этому не менѣе всѣхъ знакомыхъ Леонида Леонидовича Карминскаго, которые всегда удивлялись холодности Надежды Александровны къ такому изящному, умному мужу; а женщины, завидовавшія красотѣ Дины, находили, что Карминскій сдѣлалъ большую глупость, жениась на такой ограниченной особѣ. Красивыя женщины вообще слывуть за ограниченныхъ, точно также, какъ дурныя почти всегда слывуть за умныхъ. Одна остроумная, но весьма странная особа положительно утверждала, что про красивыхъ женщинъ обыкновенно говорятъ въ обществѣ: «*belle, mais très bornée*», про дурныхъ: «*très laide, mais une personne d'esprit*», а про дурныхъ и глупыхъ: «*une personne de mérite*». Дина Карминская была очень хороша, умна и серьезна, и потому слыла за ограниченную и холодную особу. Леонидъ Леонидовичъ женился на ней не столько за красоту, какъ потому, что часто встрѣчалъ ее у своей матери и что надо было сдѣлать *une fin*; общество, въ которомъ онъ почти 20 лѣтъ разыгрывалъ роль *jeune premier*, начинало находить, что онъ устарѣлъ для этой роли. Хотя состояніе Карминскаго было небольшое и по рожденію онъ принадлежалъ къ среднему кругу общества, но благодаря своему придворному званію, изящной наружности и манерамъ, онъ всегда вращался въ самомъ высшемъ обществѣ, гдѣ, хотя никогда не считали его равнымъ и дѣвицы никогда не видѣли въ немъ жениха, но принимали съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что онъ недурно игралъ на фортепіано и хорошо говорилъ романсъ; *dire la romance*, не значить пѣть, точно также, какъ бойко сыграть вальсъ не значить быть музыкантомъ, но эти маленькіе таланты очень цѣнятся въ обществѣ, гдѣ таланты рѣдки и гдѣ сильно скучаютъ. Леонидъ Леонидовичъ былъ единственный сынъ, и хотя мать употребляла всѣ старанія, чтобы выработать въ немъ сильный характеръ и сдѣлать изъ него вполне человѣка, онъ остался всю жизнь маменькинымъ сыночкомъ и фатомъ.

Очень часто случается, что самое тщательное воспитаніе даетъ не тѣ результаты, на которые рассчитываютъ. Мать Леонида Леонидовича была женщина очень умная, очень образованная, хотя совершенно непрактичная, всю жизнь посвятившая воспитанію сына, любившая его страстно, но не слѣпо, какъ любить немногія матери, и между тѣмъ онъ вышелъ такимъ, что не будь онъ ея сыномъ, Карминская-мать, кажется, не пустила бы его къ себѣ на глаза, такъ какъ была очень строгая и очень требовательная. Какъ на грѣхъ, Леонидъ Леонидовичъ имѣлъ именно тѣ недостатки, которые болѣе всего были антипатичны его матери: онъ былъ фать, а она выше всего цѣнила простоту и естественность; онъ былъ не только консерваторъ, но даже ретроградъ, а убѣжденія Карминской, по мнѣнію ея знакомыхъ, были самыя крайнія. Она была щедра и безкорыстна до наивности, онъ былъ жаденъ до гадости и щедръ только въ отношеніи своихъ прихотей. Карминская, не смотря на свои годы, продолжала вѣрить въ любовь, считала ее за самое высокое и благородное чувство, не допускала измѣны и обмана, и какъ святыню берегла засохшій цвѣтокъ, подаренный ей женихомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Сынъ признавалъ только ту любовь, о которой поется: «il nous faut de l'amour, n'en fut il plus au monde», а въ цвѣтахъ видѣлъ только шикарное украшеніе комнатъ и даже предпочиталъ фальшивые настоящимъ. Только въ одномъ Леонидъ Леонидовичъ оправдалъ возлагаемыя на него надежды: онъ былъ очень красивъ, очень изященъ, и мать, вздыхая о его нравственныхъ недостаткахъ, невольно любовалась своимъ Ленушкой, когда онъ парадировалъ передъ эскадрономъ на кровномъ конѣ. Мать и тутъ ошиблась въ расчетѣ: она готовила сына въ университетъ, а онъ пошелъ въ военную службу. Но военная служба не помѣшала карьерѣ Леонида Леонидовича; въ настоящее время онъ занималъ уже важное мѣсто въ администраціи и надѣялся быть со-временемъ министромъ. Это благородное честолюбіе нисколько не радовало его мать; она знала, что изъ него выйдетъ плохой министръ. Вообще его дѣятельность по службѣ не нравилась матери. Она была очень странная и непрактичная женщина; прежде всего она требовала исполненія долга и какихъ-то гражданскихъ доблестей, а доблести заключались пока въ полученіи арендъ, земель и звѣздъ. И звѣзды, и аренды, и земли не пользовались сочувствіемъ Карминской, но вѣдь за то же и слыла она у всѣхъ своихъ знакомыхъ за чудачку и даже за нигилистку.

Архаровы были старые знакомые Карминскихъ. Говорили

даже, что Архаровъ въ ранней молодости, былъ влюбленъ въ Карминскую, тогда уже замужнюю женщину, и разумѣется влюбленъ молча и безнадежно, какъ и подобало такому романическому человѣку, какъ Архаровъ. Угадала ли эту тайную любовь госпожа Карминская, преданіе умалчиваетъ; но она навсегда сохранила къ своему старому обожателю особенную, нѣжную дружбу, и первая радушно и ласково приняла его жену, на которую многіе, особенно женщины, имѣвшія въ прошедшемъ много грѣховъ, смотрѣли недоброжелательно, вслѣдствіе ея прежней связи съ Архаровымъ. Эта нѣжная дружба сохранилась и въ старости. Карминская встрѣтила Дину съ раскрытыми объятіями, и тѣмъ сильнѣе привязалась къ ней, что вполнѣ сочувствовала ея горю, ея молодой, такъ жестоко и преждевременно разбитой любви. Она знала Арбеньева и всегда завидывала его матери, находя, что Арбеньевъ именно такой человѣкъ, какимъ бы она желала видѣть своего сына. Трагическая смерть Арбеньева окружила его, въ ея глазахъ, ореоломъ мученичества; она знала, что онъ былъ убитъ на дуэли, но ей это нисколько не мѣшало утверждать, что онъ погибъ за идею, и съ особенною нѣжностью относиться къ той, которую любилъ Арбеньевъ. Когда время начало залечивать сердечную рану Дины, въ воображеніи Карминской сейчасъ же составился планъ женить на ней своего, отбившагося отъ рукъ, Ленушку.

Дина казалась ей именно такою женою, которая своимъ вліяніемъ можетъ вывести ея сына изъ пустоты, внушить ему другія чувства и мысли. Страстная и увлекающаяся, какъ всегда, она забыла, что сынъ ея уже совсѣмъ не мальчишъ и что въ 35 лѣтъ не мѣняются, и на достиженіе цѣли направила весь свой умъ, всѣ свои желанія и помыслы. На этотъ разъ, къ несчастію, оправдалась пословица: «*Se que femme veut, Dieu le veut*». Дина Архарова полюбила красиваго Ленушку, такъ любимаго матерью, женщиною, которую она привыкла уважать и вѣрить во все, и вышла за него замужъ. Карминская-мать обманывала безсознательно, увлекаясь сама несбыточными надеждами, и когда исполнилось ея желаніе, до того была рада, что въ порывѣ благодарности цѣловала руки своей невѣстки, къ большому смущенію сей послѣдней. Молодые зажили сначала очень хорошо. Леонидъ Леонидычъ былъ влюбленъ въ свою красивую, молодую жену, а Дина, принимая его страсть за серьезную любовь, привязалась къ нему всею горячностью молодого сердца, уже испытывающаго страданіе. На-

дѣля Леонида Леонидыча тѣми качествами, которыя желала видѣть въ немъ его мать, она долго не замѣчала его сухости и нравственнаго ничтожества. Разочарованіе, понятно, пришло не вдругъ, а по-немногу. Она прежде всего замѣтила, что Леонидъ не раздѣляетъ ни одного изъ ея вкусовъ. Воспитанная въ любви къ серьезной музыкѣ, поклонница Бетховена и Баха, она замѣтила, что мужу не нравится ея игра; что онъ только изъ вѣжливости не уходитъ изъ комнаты, когда она начинаетъ играть, и разъ, на вопросъ ея какую музыку онъ любитъ? отвѣчалъ поломавшись сначала, что любитъ только оперетки, и что все, что она играетъ, хотя можетъ быть и хорошо, но очень устарѣло. Конечно, смѣшно было бы изъ различія вкусовъ разлюбить мужа; Дина перестала только играть при немъ. Въ литературѣ оказалось тоже самое: то, что нравилось ей, не нравилось ему; впрочемъ, ему, казалось, ничто не нравилось, потому что онъ подъ предлогомъ, что заваленъ дѣлами, нигде ничего не читалъ и только съ наслажденіемъ прочелъ «Нана», увѣряя впрочемъ, что онъ не дастъ читать этотъ романъ не только женѣ, но даже матери, и что вся новейшая реальная литература—грязь и мерзость.

Но всего больше разочаровалась Дина въ мужѣ тогда, какъ узнала, въ чемъ состоитъ его служебная дѣятельность. Серьезнаго и важнаго она не нашла въ ней ничего; пользы для государства отъ нея не могло быть никакой; но за то она была очень полезна для него самого, потому что награждалась не по заслугамъ, а только вслѣдствіе того, что Леонидъ Леонидычъ служилъ въ такомъ вѣдомствѣ, гдѣ всѣ награждались не по заслугамъ. Міръ бюрократическій, очень странный міръ, гдѣ можно ничего не дѣлать и получать много, и наоборотъ, можно дѣлать очень много и получать очень мало. Тутъ все дѣло иногда случая, часто произвола, а главное умѣнья выставить себя человѣкомъ очень занятымъ и говорить громкія фразы, всегда въ духѣ направленія, господствующаго въ высшихъ сферахъ; но всѣ эти фразы, какъ ультра-консервативныя, такъ и либеральныя, остаются одними фразами и никогда не примѣняются къ дѣлу и къ жизни, такъ что жизнь и дѣло сами по себѣ, а вѣдомство; долженствующее направлять эту жизнь, само по себѣ; да еще и за то надо говорить спасибо, потому что если-бы государственные дѣятели, выросшіе и развившіеся въ канцеляріяхъ и знакомые съ Россіею по газетнымъ корреспонденціямъ, вздумали прилагать свои выработанные въ комисіяхъ планы къ жизни, то Боже мой, какой сумбуръ произошелъ бы отъ этихъ

вчинаній. Леонидъ Леонидычъ не принадлежалъ къ числу ревнителей и потому даже не старался облагодѣтельствовать Россію, а заботился только о томъ, чтобы на бумагахъ были всегда выставлены даты, чтобы соблюдались всѣ формы, даже когда отъ этого страдало дѣло, и очень красиво подписывалъ свою фамилію съ росчерками, исправно получая награды за всѣ эти труды и относясь совершенно безучастно и къ дѣлу, и къ людямъ, точно передъ нимъ ходили и стояли не живые люди, а форменные вице-мундиры. Онъ такъ же равнодушно выгонялъ на улицу несчастнаго помощника столоначальника, за ничтожное отступленіе отъ формы, какъ равнодушно относился къ самому полезному проекту, застрявшему навсегда въ комисіи, часто по его же милости. Всего болѣе возмущало его жену то, что свое безсердечное отношеніе къ людямъ онъ называлъ нелицепріятнымъ и строгимъ исполненіемъ долга, а про застрявшій проектъ говорилъ, что онъ недостаточно обработанъ. Не смотря на это, всѣ считали Леонида Леонидыча за умнаго человѣка и прекраснаго, дѣятельнаго чиновника, и только самые близкіе къ нему люди, мать и жена, видѣли его такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ,—сухимъ, ограниченнымъ, бездушнымъ эгоистомъ и фразеромъ.

Мать хотя терзалась и огорчалась недостатками сына, но продолжала любить его и прощать ему все. Жена тоже огорчалась и страдала, но не прощала.

IV.

Черезъ два года послѣ свадьбы, когда Дина уже почти разочаровалась въ мужѣ, у нея родилась дочь. Къ этому событію, принятому съ невыразимою радостью бабушкою и матерью, Леонидъ Леонидычъ отнесся довольно равнодушно и даже выразилъ сожалѣніе, зачѣмъ родился не сынъ. Обѣ женщины, вполнѣ поглощенные ребенкомъ, на котораго возлагались теперь всѣ надежды ихъ огорченныхъ сердецъ, совершенно заперлись дома и только въ дѣтской находили всѣ радости жизни. Въ это самое время Леонидъ Леонидовичъ, скучающій дома, гдѣ уже никто не заботился о немъ одномъ, зашалилъ. Онъ и прежде часто высказывалъ сочувствіе къ многоженству и въ интимномъ кругу восхищался мормонами, гдѣ, по его мнѣнію, такъ хорошо жилось мужьямъ; но теперь, подъ тѣмъ предлогомъ, что жена кормитъ ребенка, онъ приложилъ свою теорію къ практикѣ. Его по-

хожденія долго оставались тайною; но такъ какъ еще въ Евангелии сказано: «что нѣтъ ничего тайнаго, чтобы не сдѣлалось явнымъ», то и слухи о шалостяхъ Леонида Леонидовича дошли до его жены. Въ одинъ прекрасный день она узнала все; и о свиданіяхъ и перепискѣ съ мадамъ Н—ексъ, подругою Леонида Леонидовича и эксъ-красавицею, но теперь старою и вліятельною особою, и о колье, подаренномъ m-lle Негмансе, и о пасторали, разыгранной Карминскимъ съ какою-то бѣдною, но не добродѣтельною гризеткою, — все узнала Надежда Александровна и дверь ея спальни навсегда закрылась для шаловливаго Леонида Леонидовича. О томъ, что она выстрадала при этомъ открытіи, не узналъ никто, даже ея свекровь, а что выстрадала она много, можно было судить потому, что въ то время въ ея черныхъ густыхъ волосахъ появились совершенно неожиданно серебряныя нити. Карминская-мать поняла это нѣмое страданіе и даже угадала его причину; но у нихъ не послѣдовало никакого объясненія; онѣ точно стоворились никогда не упоминать объ этомъ и только еще больше замкнулись дома, лелѣя свое маленькое сокровище. Но судьбѣ угодно было лишить ихъ и этого утѣшенія. Дѣвочка умерла на третьемъ году отъ воспаленія мозга. Этотъ второй ударъ, который наносила ей безжалостная судьба, показался Динѣ еще ужаснѣе перваго; но такъ какъ человѣкъ привыкаетъ даже къ ударамъ судьбы, какъ привыкаетъ къ яду, то на этотъ разъ она не только не заболѣла, но даже имѣла силу утѣшать и поддерживать свою свекровь. Въ своемъ страшномъ горѣ она нашла даже утѣшеніе въ томъ, что, по совѣту докторовъ, должна была уѣхать со старухою Карминскою за границу. Новые люди, новая природа и новая обстановка если не утѣшили, то развлекли обѣихъ, и старую, и молодую. Обѣ любили и природу, и искусство, и вдали отъ Леонида Леонидовича и его государственныхъ заботъ имъ жилось какъ-то легче. Но ни прелесть южной природы, ни наслажденія искусствами не возстановили потрясенное здоровье старухи Карминской. Болѣзнь сердца, которая уже давно начала развиваться въ ней, унесла ее въ могилу. Она была женщина еще не очень старая, такъ какъ вышла замужъ въ ранней молодости, но жизнь состарила ее преждевременно, и въ пятьдесятъ шесть лѣтъ она казалась семидесятилѣтнею старухою. Изможденное тѣло недолго боролось съ страшнымъ противникомъ, но духъ, бодрый и молодой не по лѣтамъ, долго не сдавался. Оригинальность и прелесть ума оставались въ ней до послѣд-

ней минуты; но живучѣе всего была въ ней любовь къ сыну. Умирая на рукахъ невѣстки, она все тревожно прислушивалась къ каждому звуку и шороху, и все ждала своего Ленушку, который наконецъ пріѣхалъ, но уже въ то время, когда матери не было на свѣтѣ.

Послѣ смерти свекрови, южное небо утратило для Дины всю свою прелесть и ее стало непреодолимо тянуть на сѣверъ, на родину, особенно въ это «Ясное», гдѣ прошли ея лучшіе годы. Отношенія ея къ мужу были все тѣ же холодныя. Умѣренное горе, почти равнодушіе, съ которымъ онъ отнесся къ смерти матери, такъ страстно его любившей, сдѣлали его еще болѣе антипатичнымъ въ ея глазахъ; она рѣшилась его оставить и сказала ему, что, вернувшись въ Россію, уѣдетъ въ деревню на неопредѣленное время. Леонидъ Леонидовичъ, не отличавшійся государственными способностями, былъ человѣкъ однако же настолько тонкій, чтобы понять, что отъѣздъ жены въ деревню служилъ только предлогомъ, чтобы избавиться отъ его присутствія, и, скрѣпя сердце, согласился на это только потому, что былъ убѣжденъ, что Дина непременно соскучится въ деревнѣ и опять вернется подъ кровлю супружескаго дома. Онъ находилъ это необходимымъ, тѣмъ болѣе, что въ свѣтѣ, гдѣ всегда угадываютъ половину истины и гдѣ не любили ни старуху Карминскую, ни Дину, говорили, что онѣ, будто, должны были уѣхать, что ихъ отъѣздъ—замаскированная ссылка, и жалѣли, что у такого благонамѣреннаго, прекраснаго человѣка, какъ Карминскій, такія невозможныя мать и жена. Эти глупые слухи дошли и до провинціи, гдѣ были, какъ водится, приняты на вѣру, какъ все, что приходитъ изъ Петербурга. «Я слышала... говорилъ такой-то,—самые достовѣрные источники»... и пошла писать провинція. Всего лучше то, что даже самые отъявленные лжецы, тѣ, про которыхъ обыкновенно говорили: «Кто вамъ это сказалъ? Илья Ильичъ? Ну такъ вздоръ, вранье, онъ всегда вретъ!» и тѣ, когда привозили извѣстіе изъ Петербурга, во лжи уже не заподозрѣвались; имъ вѣрили, когда они утверждали, что вхожи къ высокопоставленнымъ лицамъ, и что эти высокопоставленные лица посвящали ихъ во всѣ государственныя тайны. Такимъ образомъ слухъ о высылкѣ Дины Карминской за границу достигъ и до ея роднаго города, и она, никогда въ жизни даже въ глаза не видавшая ни одного социалиста, подозрѣвалась въ сношеніяхъ съ ними.

V.

На другое утро, послѣ приѣзда Надежды Александровны, наступила хорошая, теплая погода. Отъ вчерашняго ливня почти не было слѣда, только листья на деревьяхъ казались еще зеленыѣ и свѣжѣе. Яркіе лучи солнца, бившіе прямо въ окна спальни хозяйки, заставили ее встать раньше обыкновеннаго. Она быстро одѣлась и вышла въ столовую, изъ которой вела дверь на балконъ въ садъ. Все въ домѣ оставалось почти въ томъ же видѣ, какъ десять лѣтъ тому назадъ, только подгнуло крыльцо на балконѣ, да въ комнатахъ полиняли обои. Цвѣтовъ и растений, которыхъ прежде было такъ много, теперь не было вовсе, что придавало комнатамъ видъ довольно скучный и нежилый; но на стѣнахъ висѣли тѣ же картины и портреты, а на столахъ, въ методическомъ порядкѣ, были разложены старыя книги и альбомы. Въ этомъ систематическомъ порядкѣ Надежда Александровна сейчасъ же угадала дѣло рукъ Тимофеича, стараго слуги ея отца, единственнаго обитателя и хранителя дома въ отсутствіе господъ. Дикій виноградъ, которымъ былъ обсаженъ балконъ, такъ густо разросся, что почти не пропускалъ свѣта въ столовую; его цѣпкія вѣтки, пробравшись по крышѣ балкона, уже пробирались къ окнамъ и цѣплялись за ихъ карнизы. Растительность боролась съ дѣломъ рукъ человѣческихъ и постепенно разрушала его; ступеньки широкой лѣстницы, совершенно опутанныя виноградомъ, низко спускавшимися на нее красивыми гирляндами, зловѣще заскрипѣли подъ ногами хозяйки, когда она спускалась по нимъ въ садъ. Цвѣтникъ передъ домомъ былъ вычищенъ и въ немъ, стараніями того же Тимофеича, посажены были кое-какіе цвѣточки; тѣ дорожки, которыя были ближе къ дому, были также вычищены, остальные заросли и заглохли. Садъ кончался узенькою рѣчкой, которая, огибая его, образовала прямо передъ домомъ маленькій заливъ, густо заросшій по берегу лознякомъ и раветою. Подъ густымъ орѣшникомъ, на самомъ берегу, стояла скамейка. «Любимое мѣсто папа, — подумала Дина, — надобно вычистить дорожку по берегу и немножко разрядить эти ракиты». Она обошла весь садъ, который былъ очень невеликъ, прошла по заглохшей дорожкѣ въ старую липовую бесѣдку, въ которой, въ дѣтствѣ, играла въ куклы, постояла надъ дурно вычищеннымъ прудомъ, когда-то блестящимъ какъ зеркало, и опять вернулась къ скамейкѣ на берегу рѣки. Она долго сидѣла тамъ,

прислушиваясь въ шуму воды на сосѣдней мельницѣ, слѣдя за полетомъ ласточекъ, низко летавшихъ надъ водою, надъ которою наклонялись и словно купали въ ней листья раскидистыя ивы. На нее нашло то сладкое чувство повои и почти умиленія, которое находитъ на душу въ теплое, лѣтнее утро, когда, поддаваясь обаянію природы, чувствуешь живѣе сродство съ нею и живешь тою же бессознательною, почти растительною жизнью, безъ тревогъ и волненій. Вдругъ громкій, юношескій смѣхъ заставилъ ее вздрогнуть. «Сосѣди,—подумала она; — какъ это, однако, скучно, что они такъ близко».

Въ густой зелени, которою заросъ весь берегъ, недалежъ отъ сада, показалась высокая, тоненькая фигура гимназиста, въ бѣломъ кителѣ.

— Ганя! слышался его голосъ,—посмотри сюда, вѣдь это садъ той барыни, что съ нами ѣхала.

Онъ вдругъ замолчалъ, очень сконфуженный, потому что увидѣлъ Карминскую, неловко повлонился ей и скрылся опять въ кустахъ.

— Она сама! А я только что хотѣлъ купаться, прошепталъ онъ брату.—Э, чортъ! какая досада, она вѣрно вѣезъ тутъ будетъ торчать.

— Зачѣмъ же тебѣ непременно купаться здѣсь, отвѣчалъ братъ, который, сидя на пнѣ, рисовалъ въ маленькой книжечкѣ красивыя ивы сада Карминской.

— Потому что здѣсь самое глубокое мѣсто... А вѣдь она не старая, продолжалъ онъ, садясь на траву, — блѣдная только очень, и вся въ бѣломъ, точно привидѣніе.

— Не хороша?

— Я такихъ не люблю. Ганя, зачѣмъ она пріѣхала сюда одна?

— А Богъ ее знаетъ. Отчего это тебя такъ интересуеть?

— Совсѣмъ она меня не интересуеть, я просто такъ спросилъ; а вотъ только что думаю: скучища будетъ ужасная отъ такого сосѣдства. Вотъ если-бы хорошенькія барышни какіянибудь тутъ жили вмѣсто ея, тогда другое дѣло; а въ ней что толку?

— Кто же тебя просить съ нею знакомиться? Вообрази только, что въ «Ясномъ» никого нѣтъ.

— Не могу я этого вообразить; вотъ она даже купаться мнѣ помѣшала.

— Выбери такое время, когда ея здѣсь не будетъ.

— Да она вѣезъ тутъ будетъ! Ей и самой-то, я думаю, дома

скучно... А какой у нея домъ большой, не такой, какъ у насъ, маленький, низенькій, съ обвалившеюся штукатуркою; хорошо быть богатымъ, Ганя!

— Что это тебѣ вздумалось?

— Если-бы я былъ богатъ, я бы купилъ у Карминской ея имѣніе, ну зачѣмъ ей одной такой большой домъ? Какъ бы мы тамъ зажили, и папа, и мама, и сестра. У тебя мастерская бы тамъ была; вѣдь я знаю, ты хочешь имѣть мастерскую, вотъ такую, какъ у Вейсемана.

— Мало ли чего я хочу. Только ты знай одно, что богатыми мы съ тобою никогда не будемъ и поэтому нужно тебѣ учиться прилежнѣе и не думать о хорошенькихъ барышняхъ.

— А ты, небось, не думаешь?

— Не думаю, мнѣ некогда.

— Ты, Ганя, ужасно скучный, точно старикъ, и мама говоритъ, что ты старикъ; художники всегда такіе веселые, купили, а ты скучнякъ.

— Какой я художникъ? я бѣдный, пѣхотный офицеръ, которому самому еще много нужно учиться и у котораго на рукахъ лѣнтая братъ.

— Ну, пошелъ! Все лѣнтая, да лѣнтая, только отъ тебя и слышишь. Что-жъ ты хочешь, чтобы я, какъ пріѣхалъ, такъ и за сѣлъ за книжку? Нѣтъ, слуга покорный, вотъ гдѣ она у меня сидитъ, эта проклятая книжка! Онъ показалъ на затылокъ.

— Если ты думаешь, что въ деревнѣ я дамъ тебѣ баклуши бить, такъ очень ошибаешься; сегодня еще куда ни шло, а завтра же посажу за алгебру.

Саша надулся и ничего не отвѣчалъ брату, который продолжалъ рисовать, хотя рука его замѣтно дрожала. Старшій Карповъ, не смотря на то, что былъ скучнякъ, по мнѣнію своего брата, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ очень нервный. Онъ часто сердился на Сашу и удивлялся, какъ можетъ онъ быть такъ беззаботенъ, а главное лѣнивъ, какъ принцъ. Въ своей досадѣ, онъ часто забывалъ, что Сашѣ всего шестнадцать лѣтъ. Молодые люди родились и выросли не на розахъ; ихъ отецъ принадлежалъ къ числу тѣхъ служивыхъ дворянъ-пролетаріевъ, потомковъ разорившихся предковъ, которые всю жизнь бьются, лѣзутъ изъ кожи, чтобы прокормить и содержать прилично многочисленную семью, и умираютъ, оставляя ее только-что не на улицѣ. Карповъ-отецъ служилъ долго и служилъ безукоризненно и честно, честно до смѣшнаго, — бы-

вають такіе чудаки между чиновниками,—былъ уже тайный совѣтникъ, состоялъ членомъ какого-то совѣта и все-таки былъ почти нищій. Онъ былъ человѣкъ умный и образованный, кончившій курсъ въ университетѣ; но такъ какъ у него не было ничего, кромѣ службы и маленькаго селища, въ которомъ жили теперь его сыновья, и онъ, какъ всѣ бѣдняки, женился по любви и имѣлъ много дѣтей, то никогда не могъ выбиться изъ нужды. Вѣра Николаевна Карпова была тоже женщина очень хорошая, преданная жена и любящая мать, которая сама выормила, вынянчила шестерыхъ дѣтей, вѣчно дрожала надъ ними и вслѣдствіе этого превратилась въ необыкновенно худую, болѣзненную женщину, преждевременную старуху. Карпова принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя никогда не бывають спокойны, но всегда о чемъ нибудь волнуются; мужъ, шутя, говорилъ про нее: «что если Вѣрѣ нѣтъ никакой причины волноваться, то она волнуется о томъ, что ея горничная дурна собою». Это было, конечно, преувеличено. Вѣрѣ Николаевнѣ было много поводовъ волноваться, но она еще точно искала этихъ поводовъ. Когда дѣти ея были маленькія, она волновалась не только во время ихъ болѣзней, что совершенно естественно, но даже тогда, когда они уходили гулять, воображая, что съ ними непременно что нибудь случится; когда мужъ уходилъ на службу, она волновалась и терзалась, когда онъ опаздывалъ на полчаса, и тогда ея пылкое воображеніе создавало себѣ всевозможныя ужасныя событія, которыя могли съ нимъ случиться. Когда старшія дѣти выросли, волненія ея еще увеличились; она волновалась о томъ, что Саша недостаточно хорошо учится, и о томъ, что Ганя учится слишкомъ хорошо и непременно отъ этого заболѣетъ, и вдругъ, неизвѣстно откуда, взялись у нея силы отпустить его, безъ слезъ и рыданій, на войну и, мужественно скрывая отъ мужа свои смертельныя опасенія, ждать его возвращенія. Ганя вернулся невредимый и украшенный георгіевскимъ крестомъ, и Вѣра Николаевна, похудѣвшая до невозможности въ его отсутствіе, теперь ожила, повеселѣла и опять заволновалась. Настъ всегда удивляли матери, (мы, понятно, говоримъ о настоящихъ матеряхъ, нѣжныхъ и любящихъ), гдѣ находили онѣ силы, чтобы не только жить въ то время, какъ ихъ сыновья подвергались смертельной опасности, но даже иногда весело разговаривать и смѣяться? Что поддерживало ихъ въ это ужасное время, въ эти страдныя, жестокіе дни: вѣра, или только чувство долга?

Не вдаваясь въ анализъ, мы всегда преклонялись передъ

этими мученицами и приходили къ убѣжденію, что русская женщина способнѣе на всѣ жертвы во имя идеи.

VI.

Въ настоящее время Ганя готовился поступить въ академію, а Саша, съ грѣхомъ по-поламъ, переползъ въ пятый классъ военной гимназіи, и старшій братъ далъ матери слово заниматься съ нимъ лѣтомъ, чтобы подогнать его. Родившіеся и выросшіе въ Петербургѣ, молодые люди совсѣмъ не знали деревни, такъ какъ лѣто они обыкновенно проводили въ какой нибудь жалкой, сырой дачѣ въ Новой деревнѣ, гдѣ, за сто двадцать рублей въ лѣто, небогатые петербуржцы наслаждаются природою, представляемую тремя чахлыми, запыленными березами, и называютъ ревматизмы и флюсы, сидя на крошечныхъ балкончикахъ, украшенныхъ корзинками съ петуніями и настурціями. Деревня, настоящая русская деревня представлялась юношамъ какимъ то эльдорадо, и вотъ она предстала передъ ними, въ видѣ стараго, полуразвалившагося домика съ мезониномъ, гнилымъ балкономъ и низенькими, маленькими комнатами, гдѣ въ сильный дождь вода текла черезъ крышу въ комнаты, какъ черезъ рѣшето.

Какъ настоящіе петербургскіе жители, они никакъ не умѣли помочь горю, и только тѣмъ и спасались отъ дождя, что переставляли кровати отъ одной стѣны къ другой. А между тѣмъ помочь бѣдѣ было очень легко; стоило только гнилыя доски на крышѣ замѣнить крѣпкими, и доски эти были и лежали въ сараѣ съ незапамятныхъ временъ, но на нихъ никто не обращалъ вниманія, потому что старостѣ было не до того, да и не въ чему, а старая женщина, которая служила юношамъ кухаркою, помнила хорошо только дорогу къ швапчику, гдѣ у нея стояла водка, и никогда не заглядывала въ сарай. Но дождь прошелъ, стояла хорошая погода и наши юноши съ спокойнымъ сердцемъ засѣли за свои уроки. Но и тутъ бѣда: усиленные занятія требуютъ сытной пищи, этого мнѣнія особенно придерживался Саша, а старая Леонтьевна кормила ихъ очень скудно, и въ извиненіе говорила, что и кормить-то нечѣмъ. Замученные длинной, безкорменной зимой, маленькія, хохлатыя коровенки давали очень мало молока; говядину надобно было покупать въ городѣ, да и дорогая же была она, эта скверная, жесткая говядина, которую могли одолѣть только крѣпкіе, молодые зубы.

— Что вы здѣсь ѣдите? 'спросилъ разъ Саша у бабы, которая пришла продавать имъ яйца.

— А вотъ кое-чѣмъ питаемся, отвѣчала баба, улыбаясь и показывая прекрасные бѣлые зубы.

— Какъ это кое-чѣмъ, да здѣсь ничего нѣтъ?

— Какъ это такъ, ничаво?

— Вѣдь говядины у васъ нѣтъ?

— Ишь, что выдумалъ, говядины! Мы ее и въ глаза не видимъ. Да таперя и жрать-то ее не приходится, таперя постъ.

— Что же вы такое ѣдите?

— Ну, хлѣбушка покрошимъ, луку.

— Куда покрошите?

— Да въ воду, квасокъ-то рѣдко у кого есть.

— А еще что?

— Молочка въ мясоѣдъ похлабаемъ.

— И больше ничего?

— Чаво жъ тебѣ еще, и то слава Богу, коли хлѣбъ есть! Вонъ у иныхъ, ужъ давно, съ посту великаго, хлѣба-то нѣту.

— Господи! да развѣ можно такъ жить? удивлялся мальчикъ и платилъ очень дорого за яйца бабѣ, такъ дорого, что всегда получалъ выговоръ отъ Леонтьевны, которая просила его Христомъ Богомъ всегда посылать бабѣ съ яйцами къ ней на кухню. Саша тѣмъ болѣе сочувствовалъ бабѣ, что самъ постоянно былъ вироголодь; какъ ни простъ и ни экономенъ былъ ихъ столъ въ Петербургѣ, но все-таки въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ кормила ихъ въ деревнѣ Леонтьевна, онъ казался лукулловскимъ. Погруженный въ свои занятія, старшій Карповъ не замѣчалъ скудости трапезы; но онъ тоже чувствовалъ себя нехорошо и не зналъ чему приписать это маленькое недомоганье. Впрочемъ лишенія не были для него новостью; того, кто перешелъ Балканы, питаясь гнилыми сухарями, не удивишь ничѣмъ; но въ деревнѣ, совершенно неожиданно, онъ почувствовалъ припадки томительной скуки, прежде никогда имъ неиспытанной. Отсутствіе общества начинало тяготить его, такъ что ему казалось иногда, что если-бы къ нимъ заѣхалъ волостной писарь, такъ онъ былъ бы радъ даже его посѣщенію. Саша скучалъ еще больше. Нарушить это томительное уединеніе вдвоемъ было очень легко; стоило только идти познакомиться съ сосѣдкой, къ которой, онъ зналъ, ѣзжали гости; но молодого человѣка удерживала не то робость, не то боязнь, общая всѣмъ очень молодымъ людямъ, — боязнь, что онъ будетъ принятъ не такъ, какъ бы онъ хотѣлъ быть принятымъ. Какъ онъ хочетъ быть принятымъ, онъ и самъ не

могъ бы объяснить, если-бы его объ этомъ спросили. Неизвѣстно, на какомъ основаніи, онъ считалъ Карминскую богатою и аристократкою; послѣдняго, т. е. аристократизма, онъ въ особенности не прощаль ей, хотя весь ея аристократизмъ заключался пока въ томъ, что она ѣхала въ коляскѣ, въ то время, когда онъ и братъ тряслись на перекладной. Онъ иногда видалъ ее издали, когда она гуляла у себя въ саду, или сидѣла на скамейкѣ, которая была видна съ того мѣста, гдѣ хотѣлъ купаться Сапа. Онъ также часто слыхалъ о ней: бабы и дѣвки, приходившія продавать Леонтьевнѣ яйца и ягоды, рассказывали о ясенской барышнѣ, что она очень добрая, лечитъ и помогаетъ всѣмъ.

VII.

Стояло прелестное іюньское утро, и въ таеую-то погоду молодые Карповы усердно зубрили свои уроки, когда къ нимъ въ комнату, совершенно неожиданно, вошла Леонтьевна.

— Икону бы позвать надо, сказала она.

— Какую икону? спросилъ съ удивленіемъ старшій братъ.

— Богородицу. Сегодня вѣдь Тифинской Божіей Матери, на томъ селѣ всегда празднуютъ.

— Ну такъ что же, что празднуютъ?

— А тоже, что къ намъ матушка Тифинская завсегда заходила, каждый годъ, такъ и нынче бы надо; я пришла спросить, можетъ вы не за хотите.

— Отъ чего не захотѣть, мы очень рады.

— Такъ я пастухову дѣвчонку пошлю сказать Тимофенчу, чтобы какъ понесутъ икону кругъ села, такъ чтобы къ намъ зашли.

— Пошлите.

Леонтьевна скрылась, очень довольная, что молодые господа согласны принять икону; она все боялась, что, по нынѣшнему духу, они можетъ и не захотятъ.

Молодые люди вышли въ свою маленькую столовую; тамъ въ углу уже стоялъ столъ, покрытый бѣлою скатертью, и передъ иконою горѣла тоненькая восковая свѣчка. Видно было, что Леонтьевна заранѣе все приготовила. Черезъ нѣсколько минутъ раздалось на дворѣ пѣніе канона: «Честнѣйшая Херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія Серафимъ!» Карповы вышли встрѣчать икону. Солнце ярко освѣщало темный ликъ византійской Божіей Матери, и играло въ вѣнчикѣ, украшенномъ жемчугомъ

и каменьями; тихо подымался вверх дымъ изъ кадилаицы, и маленькій старшій Тимофеичъ, съ важнымъ лицомъ, несъ икону, съ высокимъ худымъ старикомъ, въ нанковомъ сюртукѣ, съ блѣднымъ, безжизненнымъ лицомъ, какое бываетъ обыкновенно у людей, отравленныхъ алькоголемъ. Позади иконы шелъ молодой священникъ, съ необыкновенно-густыми, курчавыми волосами, видно неподдававшимися гребню и придававшими ему растрепанный видъ, и высокій, худой дьячекъ, съ длиннѣйшей таліей и перетянутый шитымъ кушакомъ. За священникомъ шли какія-то старухи и вертлявая горничная Карминской.

Леонтьевна, у самаго крыльца, подскочила къ иконѣ приложила къ ней и потомъ нырнула подъ нее. Послѣ этого, икону внесли въ столовую и поставили въ углу, на приготовленномъ столикѣ. Начался молебенъ; Леонтьевна, безпрестанно кланяясь въ землю, взглядывала на молодыхъ господъ, какъ они себя держатъ; но они молились усердно, и даже во время чтенія Евангелія подошли и наклонили подъ него головы. Подъ конецъ молебна, старшій Карповъ сталъ волноваться о томъ, сколько нужно заплатить священнику, а главное, какъ это сдѣлать. «Какъ это неприятно и неловко», думалъ онъ, и уже не могъ молиться; онъ взглядывалъ на Сашу, который мигалъ ему и дѣлалъ какіе-то знаки, и наконецъ, подойдя, шепнулъ: «деньги есть у тебя?»

— Есть, только не знаю какъ дать.

— А просто...

Молебенъ кончился, священникъ съ крестомъ уже стоялъ противъ нихъ. Старшій братъ подошелъ первый, поцѣловалъ крестъ и такъ сконфузился, что никакъ не могъ отдать бумажку, которую приготовилъ.

— «Обидится еще, чего добраго. Какъ, онъ съ крестомъ стоитъ, а я буду деньги въ руку совать», думалъ онъ, взглядывая на кудряваго попа, который смотрѣлъ на него вопросительно и повидимому чего-то ждалъ.

— Попросите батюшку закусить, шепнула Леонтьевна, подходя къ молодому хозяину, — у меня тамъ въ гостинной все приготовлено.

— Не хотите ли закусить? сказалъ Карповъ священнику.

— Можно, отвѣчалъ священникъ и, въ сопровожденіи хозяевъ, направился въ гостинную, гдѣ на кругломъ столѣ передъ диваномъ стояли водка, селедка и огромный пирогъ.

— Проси же садиться, шепнулъ Саша брату и ловко подвинулъ стулъ хохлатому попу.

— Садитесь пожалуйста, проговорилъ Карповъ. Онъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать съ попомъ и о чемъ съ нимъ говорить. Саша вывелъ его изъ затрудненія, налилъ водку въ огромную рюмку и подвинулъ ее священнику.

— Пожалуйте, проговорилъ онъ такъ уморительно, что братъ чуть не фыркнулъ.

— Отмѣнная водка, сказалъ попъ, вѣроятно больше изъ любезности, потому что водка на самомъ дѣлѣ была препротивная. — А вы не употребляете? прибавилъ онъ, обращаясь къ хозяину.

— Онъ не пьетъ, отвѣтилъ за брата Саша;— вотъ я приушываю. И онъ преспокойно налилъ себѣ рюмку.

— Саша, ты съума сошелъ! строго сказалъ старшій братъ и взялъ рюмку.

— По юности вашей, вамъ еще пить не полагается, проговорилъ попъ и налилъ себѣ вторую рюмку.

«Господи! что я съ нимъ буду говорить?» думалъ въ это время Карповъ.

— Какая сегодня прекрасная погода, началъ было онъ, между тѣмъ какъ Саша подчивалъ попа пирогомъ, увѣряя, что пирогъ, ей-Богу, постный, и что Леонтьевна всегда постные пироги печетъ.

— Зачѣмъ же всегда, отвѣчалъ попъ, — совершенно излишне; а вотъ въ настоящее время, точно, требуется постная пища, ибо у насъ Петровскій постъ.

— Какая сегодня прекрасная погода, началъ опять хозяинъ.

— Да-а, именно можно связать благораствореніе воздухонъ, отвѣчалъ священникъ.

— И изобиліе плодовъ земныхъ, подхватилъ Саша.

— Это послѣднее, еще пока неизвѣстно, что Богъ дастъ впередъ; а заранѣе ничего предугать нельзя, все сіе въ рукахъ Божіихъ.

— «Какъ онъ скучно говоритъ», думалъ Карповъ.

— Этотъ крестный ходъ давно установленъ и по какому случаю? спросилъ онъ.

— Сказываютъ болѣе ста лѣтъ, еще прабабкою настоящей владѣлицы, по случаю моровой язвы; икона, точная копія съ чудотворной иконы Божіей Матери, что въ Тихвинѣ; можетъ слыхали?

— Никогда не слыхалъ.

— Та-акъ. Прежде, сказываютъ, на сей крестный ходъ стекались сосѣдніе крестьяне, въ то время крѣпостные архаров-

скіе. Теперь и въ крестьянахъ большое оскудѣніе вѣры замѣчается.

— Леонтьевна говорила, что здѣсь прежде въ этотъ день народъ кормили, а теперь нѣтъ, можетъ быть оттого онъ и стекался? замѣтилъ Саша.

— Не могу ничего вамъ на сей счетъ объяснить, ибо я здѣсь недавно, отвѣчалъ священникъ, налилъ себѣ третью рюмку и кажется и не думалъ уходить.

— Заплати же, сказалъ Саша, наклонясь къ брату.

— На все лѣто въ наши края пріѣхали? спросилъ священникъ, придвигая къ себѣ графинъ съ водкой.

— Да, я думаю.

— Вотъ и сосѣдка ваша, Надежда Александровна, тоже сюда, сказываютъ, надолго прибыла. Вы съ ней знакомы?

— Нѣтъ.

— Отчего же? сосѣдство самое близкое.

— Да такъ, какъ-то не случилось.

— Да-а-а. Водка у васъ откудова? въ погостѣ брали или изъ города?

— Право не знаю. Леонтьевна у насъ хозяйствомъ распоряжается.

— Та-а-къ! Вы не привыкли; а я вамъ скажу, что андроновская водка никуда негодная.

— Отчего же?

— Онъ ее изъ картофеля гонить, а ужъ изъ картофеля такая водка, самая послѣдняя; вы съ ними не знакомы?

— Съ кѣмъ это?

— Съ господиномъ Андроновымъ.

— Онъ намъ дядя, только мы у него никогда не были.

— Дядюшка вамъ приходится? съ удивленіемъ переспросилъ пошъ.

— Точно такъ, отвѣчалъ Саша, вытянувшись и дѣлая фронтъ.

— Богатѣйшій человекъ и, можно сказать, очень значительный въ уѣздѣ; вѣрно пойдете къ нему?

— Зачѣмъ?

— Удивляюсь такому слову. Сами же сказали, что они вамъ дядей приходятся.

— Такъ что жъ? Еще подумаетъ, что мы его наслѣдства ожидаемся.

— Вы ихъ наслѣдники?

— То есть нашъ отецъ его наслѣдникъ, но онъ никогда не рассчитываетъ на его наслѣдство, потому что они въ ссорѣ.

— Та-а-къ-съ, это весьма неприятно; можно бы и помириться съ такимъ родственникомъ.

— «Господи! да когда же онъ уйдетъ наконецъ, этотъ попъ», думалъ Карповъ.

— Этому господину Андронову, продолжалъ тотъ,—почти всѣ здѣшніе помѣщики должны, а мужики совсѣмъ, какъ говорится, въ комутѣ у него, всю пашню ему за долги обрабатываютъ. Много онъ также покупаетъ земель, отрѣзы больше, и, знаете, все въ тѣсномъ мѣстѣ.

— Что это значитъ въ тѣсномъ мѣстѣ?

— А въ такомъ, гдѣ вокругъ все крестьянскія земли, такъ что мужику некуда, какъ говорится, курицы выпустить, сейчасъ она на андроновскую землю попадетъ, а онъ сейчасъ штрафъ; добѣждаетъ, говорятъ, мужичковъ штрафами.

— Какой негодяй! сказалъ Карповъ.

— Кто это-съ?

— Да Андроновъ.

— Какъ вы однако непочтительно о своемъ родственникѣ отзываетесь, извѣстно онъ свою пользу соблюдаетъ, ничего тутъ такого дурнаго не вижу; дѣйствуетъ по закону; съ этимъ народомъ иначе и нельзя, мужики такъ и смотрятъ какъ бы тебя надуть, совсѣмъ развратился народъ.

— Какъ вы можете это говорить? сказалъ съ негодованіемъ молодой хозяинъ.

— Истину говорю, потому что вы этого народа не знаете; поживите подольше, такъ другое говорить станете.

— Всегда буду говорить, что эксплуатировать народъ низко, подло!

— Новаго духа набрались, сударь, за народъ стоите; это по нынѣшнему времени часто бываетъ.

— Какого новаго духа? Вы можете быть принимаете меня за социалиста, такъ вы очень ошибаетесь; я самъ ихъ терпѣть не могу.

— Долженъ вамъ вѣрить, коли такъ утверждаете, а все-таки на счетъ крестьянъ ошибаетесь. Самый продувной народъ.

Наступило молчаніе. Карповъ не хотѣлъ продолжать преній о народѣ, а косматый попъ все не вставалъ. Въ это время въ дверь высунулась Леонтьевна, дѣлая какіе-то знаки Сашѣ. Саша всталъ, Леонтьевна что-то пошептала ему, онъ подошелъ къ священнику и спросилъ его, будетъ ли онъ провожать икону назадъ, въ Ясное, и что Леонтьевна просить сперва отслужить молебенъ у нея въ комнатѣ.

— Хорошо, сказалъ священникъ вставая. — Она очень усердная къ церкви, ваша домоправительница, прибавилъ онъ, протягивая руку хозяину, въ которую тотъ на этотъ разъ положилъ приготовленную бумажку.

— Да, только рюмочки придерживается, отвѣчалъ Карповъ и покраснѣлъ, вспомнивъ о пяти рюмкахъ водки, выпитыхъ кудрявымъ попомъ.

— Что дѣлать, слабъ человекъ, отвѣчалъ тотъ, направляясь къ двери.

— «Руси есть веселіе пити», подхватилъ Саша, мигая брату.

VIII.

Карповъ-старшій не счелъ нужнымъ присутствовать при молебнѣ, который служили для усердной къ церкви Леонтьевны, и отправился по дорогѣ въ Ясное. Его не такъ манила хорошая погода, какъ желаніе уйти куда нибудь подальше, чтобы движеніемъ и усталостью избавиться отъ тоски, ему давно знакомой, но въ настоящую минуту томившей его болѣе, чѣмъ когда нибудь. Это была не та безпредметная тоска, которая бываетъ въ молодости или, скорѣе, бывала прежде, — нынѣшніе молодые люди не мечтаютъ. Тоска Карпова была очень положительная; но такъ какъ по натурѣ онъ былъ художникъ, то, понятно, многое преувеличивалъ. Онъ постоянно думалъ о томъ, что скоро ему придется содержать всю семью, такъ какъ не хотѣлъ больше предоставлять эту заботу своему отцу, уже старому и хворому, а между тѣмъ онъ сознавалъ, что этотъ трудъ будетъ ему не по силамъ. Кромѣ этой заботы, его постоянно угнетало и томило то тяжелое, зависимое положеніе, въ которое бѣдность ставитъ человека, т. е. не та бѣдность въ ломотяхъ, протягивающая руку на улицѣ, а бѣдность, прикрытая приличнымъ платьемъ, часто гвардейскимъ мундиромъ, на который уходитъ все скудное офицерское жалованье. Отецъ получалъ четыре тысячи жалованья; много, скажутъ; навѣрное, не только тѣ, которые живутъ въ холодныхъ углахъ и кому извинительно такъ говорить, но даже тѣ, которые платятъ болѣе четырехъ тысячъ за одну квартиру. Жизнь въ извѣстномъ кругѣ и при извѣстныхъ условіяхъ, особенно при настоящей дороговизнѣ, такъ сложилась, что человекъ, получающій четыре тысячи жалованья, если у него семейство, положимъ, состоитъ изъ четырехъ или пяти дѣтей, почти нищій и, во всякомъ случаѣ, бѣднѣе

дворника, которому онъ платитъ пять рублей въ мѣсяцъ. Дворникъ имѣетъ право ходить въ тулупѣ и смазныхъ сапогахъ, живеть даромъ въ дворницкой и совершенно счастливъ, когда тамъ тепло; его потребности и потребности среды, въ которой онъ живеть, не только въ уровень съ его доходами, но доходы даже очень часто превышаютъ потребности; а у барина, платящаго ему пять рублей въ мѣсяцъ, потребности, а главное неизбѣжныя обязательства положенія, въ десять разъ превышаютъ его скромный бюджетъ. Ганя, съ самаго ранняго дѣтства, страдалъ отъ этой мучительной жизни, гдѣ покупка новыхъ сапогъ составляетъ предметъ долгихъ семейныхъ разсужденій, счетовъ и соображеній; гдѣ двугривенный, переплаченный извозчику, ложится укоромъ на совѣсть; гдѣ покупка книги представляетъ лишеніе цѣлой недѣли, а подписка на журналы—недостижимая роскошь. Онъ всегда хорошо учился, не столько изъ любви къ наукѣ, какъ изъ желанія добиться обеспеченнаго положенія, чтобы помогать отцу. Съ годами это, вначалѣ совершенно законное и скромное желаніе росло все болѣе и болѣе и превратилось, наконецъ, подъ растлѣвающимъ вліяніемъ созерцанія чужой роскоши, въ какую-то жажду не только обеспеченнаго положенія, но богатства, непременно богатства, которое дало бы ему возможность окружить покоемъ и комфортомъ своихъ бѣдныхъ, замученныхъ родителей, дать приданое сестрамъ, воспитать брата; но это была не главная причина; хотя онъ и самъ не сознавался въ этомъ и гналъ отъ себя эти мысли, но, помимо его воли, рисовалась въ его воображеніи изящная, оригинальная мастерская, гораздо лучше всѣхъ тѣхъ, которыя онъ видалъ, и потомъ путешествіе въ странахъ, любимыхъ солнцемъ, Италія, съ ея чудесами искусствъ и природы, далекій, оригинальный востокъ и Парижъ, кипящій жизнью,—и вмѣсто всего этого, темная, маленькая комната съ окнами на дворъ, изъ которыхъ видѣнъ клочекъ грязнаго неба и желтыя стѣны высокаго каменнаго дома; озабоченный отецъ, вѣчно безпокоющаяся, нервная мать, будничныя заботы, зубренье скучныхъ, надѣвшихъ, безжизненныхъ уроковъ и репетиціи съ лѣтящемъ-братомъ. Къ веснѣ у него еще больше расхотѣлись нервы, уже сильно разшатанные, какъ у всѣхъ тѣхъ, кто дѣлалъ послѣднюю кампанію, и онъ вздумалъ уѣхать въ деревню, въ маленькое, давно заброшенное селишко, недавнее никакого дохода и едва уплачивавшее повинности. Семейство Карповыхъ уже давно не жило тамъ, даже лѣтомъ. Наслажденіе отдыхомъ на лонѣ природы,—привилегія людей богатыхъ; мужикъ не отдыхаетъ, а вдвое работаетъ лѣтомъ. Ра-

бочій городской людъ, дворники и бѣдные чиновники вакаціи также не имѣютъ. Высокопоставленные лица въ чиновной іерархіи проводятъ лѣто на казенныхъ дачахъ, на водахъ заграницею, для поправленія здоровья, потрясеннаго государственными трудами, или объѣзжаютъ Россію, встрѣчаемые спичами, тостами и восторгами. Ихъ подчиненные, въ это самое время, посящаютъ мѣста своего служенія такъ же усердно, какъ и зимою; для нихъ отдыха не полагается; они, какъ Сизифъ, вѣчно втаскиваютъ на гору камень. Къ такимъ Сизифамъ принадлежалъ и Карповъ-отецъ; онъ всю жизнь служилъ вѣрою и правдою и всю жизнь втаскивалъ камень, который непремѣнно скатывался назадъ, и въ концѣ своего поприща имѣлъ право получить двухмѣсячный отпускъ съ сохраненіемъ содержанія. Этимъ правомъ онъ никогда почти не пользовался, потому что поѣздка въ деревню: съ большою семьею была роскошь, которую не позволяли его средства. Ганя былъ въ деревнѣ въ раннемъ дѣтствѣ и сохранилъ о ней очень смутное воспоминаніе, и такъ какъ намъ почти всегда нравится то, чего мы не знаемъ, мечталъ о своей Карповкѣ, какъ о какомъ-то значномъ мѣстѣ, гдѣ не надо носить перчатокъ, думать о формѣ, и гдѣ будетъ время заняться и уроками, и живописью, и братомъ. Первое время, не смотря на всѣ неудобства, дурную пищу и скверное помѣщеніе, онъ наслаждался чистымъ воздухомъ и свободою деревни; но онъ былъ слишкомъ впечатлителенъ, чтобы не страдать при видѣ окружавшей его бѣдности, передъ которою его собственная могла считаться богатствомъ; и вопросъ, какъ помочь этому и имѣетъ ли онъ право ничего не дѣлать для окружающихъ его нищихъ, голодныхъ крестьянъ, постоянно стоялъ передъ нимъ, мучительный и неразрѣшимый. Но какъ и чѣмъ помочь? «Если-бы я былъ богатъ,—думалъ онъ,—я завелъ бы школы, больницы, раздавалъ хлѣбъ, а потомъ что? Развѣ общая бѣдность уменьшилась бы отъ этого; развѣ единичная помощь превратить эти истощенныя поля въ плодородныя, замѣнить нездоровыя, гнилыя жилища прочными и хорошими, сдѣлаетъ жалкихъ воровъ сытыми? Что значить одна, двѣ школы тамъ, гдѣ ихъ нужны сотни, да и нужны ли онѣ при настоящемъ экономическомъ положеніи? Вотъ говорила же Леонтьевна, что ея племянникъ, который пять лѣтъ ходилъ въ школу, теперь имени своего подписать не умѣетъ. Пишутъ и говорятъ, что дѣло интеллигенціи помогать народу, поднять уровень его благосостоянія, а какъ это сдѣлать? Вотъ мы сюда пріѣхали и ходимъ какъ въ потьмахъ, даже не знаемъ, что нужно дѣлать для народа, и

только зубримъ свои уроки точно также, какъ зубрили ихъ въ Петербургѣ, но развѣ это дѣло? Положимъ, братъ еще ребенокъ; но я и учился, и за братьевъ-славянъ ходилъ кровь проливать, а между тѣмъ я чувствую, что рѣшительно ни на что не способенъ, пользы не приношу ни малѣйшей; и неужели вся жизнь пройдетъ такъ, въ зарабатываніи куска хлѣба, въ мертвѣящихъ, бесплодныхъ занятіяхъ, какъ прошла жизнь моего отца. И все потому, что я бѣднякъ! «Можно бы и помириться съ такимъ родственникомъ»... вспомнились ему слова кудряваго попа, — а что если-бы и въ самомъ дѣлѣ?» Онъ вдругъ вздрогнулъ отъ неожиданнаго, провинительнаго лая; на него кинулась маленькая, хохлатая собаченка. Онъ поднялъ глаза, къ нему на встрѣчу шла высокая, стройная женщина, въ черномъ платьѣ и съ сѣрымъ зонтикомъ. Это была ихъ сосѣдка Карминская.

— Васъ, кажется, испугала моя собака? сказала она, улыбаясь и отвѣчая на поклонъ молодого человѣка.

— Маленькая, но должно быть очень сердитая.

— Нѣтъ, больше капризная, чѣмъ сердитая; видите, она уже ласкается къ вамъ. Вы, однако, рѣдко гуляете, я встрѣчаю васъ въ первый разъ, хотя мы очень близкіе сосѣди.

— Я очень занятъ, учу брата и самъ учусь.

— Вы, вѣроятно, готовитесь въ академію?

— Да, къ сожалѣнію.

— Отчего же къ сожалѣнію?

— Отъ того, что все это ученіе только мѣшаетъ жить настоящей жизнью, а между тѣмъ лучшіе годы уходятъ.

— Мнѣ кажется, что у васъ еще все впереди, и что теперь вы только готовитесь къ жизни.

— Да, если-бы потомъ наступила эта настоящая жизнь; но вѣдь этого никогда не будетъ, поступлю въ академію, кончу курсъ, сдѣлаюсь преподавателемъ, развѣ это жизнь? Онъ взглянулъ вопросительно на Карминскую своими печальными карими глазами, точно ожидая, что она сейчасъ скажетъ ему, что есть другая жизнь; но она ничего не отвѣчала, казалось, не слышала его, и ему стало невыразимо досадно на себя, для чего онъ такъ глупо откровененъ съ женщиною, совершенно незнакомою и которой до него нѣтъ никакого дѣла. Онъ хотѣлъ уже раскланяться и свернуть въ сторону на межу между высокою розью, начинавшею колоситься, но она опять заговорила:

— Я часто вижу издали вашего брата и, признаюсь, всегда этому рада, онъ мнѣ напоминаетъ моего Мишу.

— Вашего сына?

— Нѣтъ, брата. Что, я кажусь вамъ очень старой, прибавила она, улыбаясь.

Ганя покраснѣлъ до ушей и внутренно сознался, что онъ совсѣмъ дуракъ, потому что, глядя теперь вблизи на замѣчательно красивое лицо Карминской, онъ убѣждался, что она еще совсѣмъ молодая женщина, и что никакъ нельзя подуматъ, чтобы она могла быть матерью семнадцатилѣтняго сына.

«Навѣрное обидѣлась,—думалъ онъ, идя молча съ нею рядомъ,—женщины этого никогда не прощаютъ».

Карминская повернула на дорогу, которая вела къ ея дому. Карповъ остановился.

— Честь имѣю кланяться! сказалъ онъ, снимая фуражку.

— Куда же вы? спросила она.

— Домой, заниматься.

— Въ такую-то погоду? это безбожно, лучше пойдемте ко мнѣ; *maintenant que la glace est rompue*, посмотрите, какъ у меня хорошо въ саду и на балконѣ. Вы же, кажется, рисуете?

Карповъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

— Хотя я и старѣха, продолжала она улыбаясь,—но вижу очень хорошо; въ первый день моего пріѣзда, когда вашъ братъ былъ такъ недоволенъ, что я помѣшала ему купаться, вы рисовали.

— Да, я немножко рисую, отвѣчалъ онъ, слѣдуя за нею въ садъ. Садъ не представлялъ ничего особенно красиваго и могъ нравиться только тѣмъ, кому принадлежалъ, какъ обыкновенно нравится всякая собственность; въда изъ него не было никакого, потому что густо заросшіе клены на берегу рѣчки, а дальше лознякъ, закрывали окрестность; видна была только маленькая полоска рѣки, именно то мѣсто, гдѣ на берегу стояла скамейка. «Тутъ и рисовать нечего», думалъ молодой человѣкъ, слѣдуя за хозяйкою по дорожкѣ около цвѣтника, густо засаженнаго левкоями, флокусами и петуніями. Аристократическое жилище, какимъ Карповы воображали усадьбу Карминской, не представляло вблизи ничего аристократическаго, такъ что молодой человѣкъ уже начиналъ прощать сосѣдѣ и ея коляску, и четверку лошадей, на которыхъ она ѣхала со станціи. Они вошли на балконъ по широкой лѣстницѣ, обросшей дикимъ виноградомъ, составлявшимъ надъ нею густой сводъ, непронускавшій солнечныхъ лучей.

— Осторожнѣе, сказала Карминская,—здѣсь нѣсколько ступенекъ очень ненадежны; все говорю Тимофеичу, чтобы онъ позвалъ плотника починить, а онъ говорить, что еще и такъ по-

стоитъ. Большой чудакъ у меня этотъ Тимофейчъ! И она весело засмѣялась, садясь у рѣшетки балкона на старинное, выкрашенное бѣлой краской кресло, обитое пунцовой клеенкой. Когда Надежда Александровна смѣялась, то выраженіе лица ея, обыкновенно серьезное и даже грустное, совершенно измѣнялось, улыбка необыкновенно молодила ее и шла къ ней. На темнозеленомъ фонѣ изъ листьевъ, ея изящная, античная головка, съ черными, блестящими волосами, показалась Карпову необыкновенно эффектна.

«Она въ самомъ дѣлѣ красавица, подумалъ онъ. — А кабая простая въ обхожденіи; я говорю съ нею, точно вѣкъ ее зналъ».

Вида съ балкона вдаль, какъ мы уже говорили, не было вовсе, но самый балконъ, обросшій дикимъ виноградомъ, былъ очень хорошъ, особенно въ жаркій лѣтній день. Лучи солнца не проникали сквозь темнозеленые, выпрѣзные листья, но ярко освѣщали ихъ снаружи, такъ что на самомъ балконѣ былъ разлитъ какой-то горячій полусвѣтъ, и это освѣщеніе необыкновенно шло къ правильному, блѣдному лицу Карминской. Они оба молчали; Карповъ, любуясь игрою тѣни и свѣта на тонкихъ чертахъ хозяйки; она, задумчиво смотря въ садъ и какъ-будто забывая его присутствіе.

— Вотъ и это сдѣлано стараніями моего стараго Тимофейча, сказала она наконецъ, показывая на полукруглыя отверстія, сдѣланныя въ виноградѣ; — ни за что не позволилъ выпрѣзать ни одной вѣтви, а какъ-то ихъ раздвинулъ, гдѣ подвязалъ, гдѣ согнулъ, и вполнѣ доволенъ своею работою, находя, что эти круглыя отверстія, въ родѣ тѣхъ бойницъ, что бывають въ старыхъ башняхъ, верхъ совершенства. А роговъ старыхъ башенъ, замѣтили ли вы, что у насъ въ №... также существуютъ развалины крѣпости; впрочемъ, что я говорю, вы не могли ихъ замѣтить, такъ какъ вы подѣзжали совсѣмъ съ другой стороны, а онѣ стоятъ на берегу рѣки.

— Что же, красивыя развалины?

— Нѣтъ, скучныя, какъ всѣ русскія древности; не знаю, какъ на васъ, но на меня всѣ русскія древнія церкви и дворцы производили всегда самое тяжелое впечатлѣніе.

— Отчего же? Они по моему очень оригинальны.

— Видно этого мало. Напримѣръ, соборъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ — очень оригиналенъ, а между тѣмъ въ высшей степени безобразенъ. Даже Успенскій соборъ мнѣ не понравился, я точно свободно вздохнула, когда вышла изъ него на свѣжій воздухъ; отъ этого мрачнаго византійскаго собора, съ много-

численными гробницами, такъ и пахнуло на меня старой Русью, съ ея суевѣрїями, жестокостью и грубостью нравовъ. Вы бывали въ Москвѣ?

— Былъ, недолго, проѣздомъ, возвращаясь изъ Болгарїи, и жалѣлъ, что не могъ остаться тамъ дольше. Ея древніе соборы, ея кремль, съ восхитительнымъ видомъ на Замоскворѣчье, самое названіе ея церквей и улицъ, дышуть русскимъ, народнымъ; это невылощенный, скучный, однообразный, нѣмецко-голландскій Петербургъ,—это настоящая русская, древняя, богобоязненная столица; въ ней, напротивъ, дышешь свободнѣе, и мнѣ кажется, что лучше молиться въ Успенскомъ соборѣ, чѣмъ, напри- мѣръ, въ Удѣлахъ.

— Видно мы съ вами никогда не сойдемся во вкусахъ, и не потому, чтобы я предпочитала церкви-салоны древнимъ соборамъ, а потому что вы, какъ видно, любите старинную Русь, а я нѣтъ.

— Какъ вы, Архарова, вы, которая носите старинную русскую фамилію, не любите старую Русь? Простите меня, но я не могу этому вѣрить.

— Неужели вы придаете такое значеніе роду?

— Я? нисколько; но я думалъ, что вы очень высоко цѣните нѣкоторыя случайныя привилегїи.

— Вы, какъ я вижу, очень хорошаго обо мнѣ мнѣнія, сказала Карминская, взглянувъ на молодого человѣка, который сконфузился и покраснѣлъ до ушей.

— Я думалъ... мнѣ казалось... проговорилъ онъ, запинаясь.

— Пожалуйста не извиняйтесь; вы меня совсѣмъ не знаете и потому я и не обижаюсь, что вы приняли меня за чванную аристократку, одну изъ тѣхъ, которыя гордятся тѣмъ, «что ихъ предки Римъ спасли»; мои предки никого не спасали, да и вообще мало такихъ, которые могли бы похвалиться доблестями своего древняго рода. У насъ, впрочемъ, и нѣтъ аристократїи въ настоящемъ значенїи этого слова, есть служилое сословіе, а это совсѣмъ не то; сегодня пѣвчїй, завтра графъ и первый сановникъ въ имперїи. Россїя страна демократическая, можетъ быть потому она и лишена красоты и вообще всякаго эстетическаго элемента. Въ ней нѣтъ ни поэтическихъ легендъ, ни живописныхъ развалинъ, «нѣтъ чудесъ природы, вѣнчаныхъ чудесами искусства», какъ сказалъ Гоголь; въ ней все плоско, бѣдно и однообразно—природа и люди; въ ней можно развить и насадить все, что угодно, потому что въ ней нѣтъ ни антогонизма сословїй, ни преданїй, ни традицій, ни даже религіознаго фанатизма.

— Какъ вы однако презираете Россію и все русское!

— Ваши слова—юношеская экзажерация. Не любить, а тѣмъ болѣе презирать свою родину немислимо и невозможно, какъ немислимо и невозможно, для меня по крайней мѣрѣ, презирать все то, что я привыкла любить съ дѣтства; напротивъ, я страстно люблю Россію, я тосковала по ней всегда и вездѣ, въ самыхъ красивыхъ, самыхъ интересныхъ мѣстахъ Европы. Я люблю въ ней все, и ея скудную природу, и ея печальныя, разоренныя помѣщичьи усадьбы, и бѣдныя соломенныя деревни, съ ихъ сѣрыми обитателями, но не могу же я находить все это красивымъ, богатымъ и изящнымъ. Она замолчала и грустно задумалась. Молодой человекъ не хотѣлъ больше ей противорѣчить, хотя то, что говорила она, ему вовсе не нравилось; ему точно стало жаль ее, точно онъ угадывалъ въ словахъ, а еще больше въ выраженіи лица этой красивой и, по его мнѣнію, счастливой женщины какое-то затаенное страданіе, прошедшее, полное горя и волненій.

IX.

— Барыня, Надежда Александровна! ягодекъ не надоль? раздался недалеко отъ нихъ молодой, еще почти дѣтскій голосъ. На верхнихъ ступенькахъ лѣстницы стояла босая черноволосая дѣвочка, лѣтъ четырнадцати, одѣтая въ ситцевую юбку и воротенькую, красную, кумачную кофточку. Дѣвочка держала въ рукахъ, полную земляники, деревянную чашку, обернутую старымъ бумажнымъ платкомъ.

— Ахъ, это ты, Просочка! отвѣчала барыня,—ты такъ тихо подошла, что я и не слыхала. Сколько же ты хочешь за землянику?

— Что пожалуете!

— Нѣтъ говори, сколько?

— Двадцать копѣекъ! отвѣчала бойко дѣвочка;—только вы мнѣ еще ленточекъ какихъ нибудь дайте.

— Ленточекъ у меня нивакихъ нѣтъ, я уже говорила тебѣ прошлый разъ; поди скажи Дашѣ, чтобы она взяла ягоды и дала тебѣ двадцать копѣекъ.

— А у меня возьмете? сказала, подходя, другая дѣвушка, постарше, въ желтой юбкѣ и пестрой воротенькой кофточкѣ.

— И у тебя возьму, только у тебя ягоды какія-то мятыя.

несвѣжія, за такія тебѣ пожалуй, Даша, и пятнадцати копѣекъ не дасть.

— Она жила у тебя, твоя фрейлина, отвѣчала съ досадою дѣвушка въ желтой юбкѣ;—сама походила бы, небось не то бы заговорила, а то, ходишь, ходишь, день-то цѣльный нагинаешься, ажно спинушку всю разломить.

— Какъ старуха жалится, Гашка-то! замѣтила, улыбаясь, смуглая дѣвочка.

— Правда, что у васъ хлѣба нѣтъ? спросила Надежда Александровна у Гашки.

— Нѣту-ти.

— Какъ же вы дѣлаете?

— А вотъ перебиваемся кое-какъ.

— Какже перебиваетесь, покупаете?

— Нѣтъ, гдѣ покупать. А вотъ мы нанявшись у Андронова рѣзы поднимать подъ лень, такъ батюшка пошелъ къ ему просить, не дасть ли ржицы въ долгъ.

— Да вѣдь вы и безъ того ему должны?

— Должны то должны, да ничего не подѣлаешь, совсѣмъ у яво въ хомутѣ.

— Вотъ у васъ хлѣба нѣтъ, продолжала Надежда Александровна,—а я сама слышала, какъ ты намедни просила у Дашы вырочечки какойнибудь помоднѣе, говоря, что тебѣ отецъ на платье купилъ матерію.

— Это правда, купилъ фая, по два рубля за аршинъ даль.

— По два рубля за аршинъ, сумасшедшій совсѣмъ, ну зачѣмъ тебѣ такое платье?

— А въ люди-то какже выдти? У насъ въ деревнѣ у всѣхъ дѣвокъ шелковыя платья понашиты, да все съ баскамъ, вотъ какъ у васъ, съ востамъ.

— Что же вы босыя въ шелковыхъ платьяхъ ходите? спросилъ Карповъ.

— Эво ты какъ! Мы босыя только въ лѣсъ, да дома ходимъ; а какъ въ люди, либо въ церковь, такъ все въ сапожкахъ, да еще съ французскимъ каблукамъ.

— У насъ иныя дѣвки—подхватила смуглая дѣвочка—и гухли носятъ.

— Тоже съ французскимъ каблукамъ? спросилъ молодой человекъ, смѣясь.

— Нѣтъ, гухли съ простымъ.

— А шляпки вы носите?

— Носили и шляпки, отвѣчала дѣвочка, помирая со смѣха,—

только тѣ дѣвки, что шляпки носили, всё замужь повышли, шляпки бросили носить, а робята ихнія теперь въ этихъ самыхъ шляпкахъ песокъ таскають.

— Ну, подите въ Дашѣ, сказала барыня, — отдайте ей ягоды, она вамъ деньги заплатитъ; скажите, что я велѣла. А отцу своему Гаша скажи, чтобы онъ ко мнѣ пришелъ, какъ вернется отъ Андропова.

— Поворно благодаримъ, дай тебѣ Богъ здоровья! прибавила дѣвушка въ желтой юбкѣ, сходя съ лѣстницы; она видно поняла, что означало приглашеніе придти, которое она должна была передать отцу.

— Все это очень грустно, сказала Карминская, по уходѣ крестьянокъ, — цивилизація прививается къ нашей деревнѣ самою дурною своею стороною; крестьянскія дѣвки, когда въ семьѣ хлѣба нѣтъ, носятъ шелковыя платья, а не могутъ мыломъ рукъ и чешуть волоса только по праздникамъ.

— Я изъ этого заключаю, что крестьяне вообще вовсе не такъ бѣдны, какъ это кажется.

— Нѣтъ, они очень бѣдны, но еще болѣе беззаботны и тщеславны, какъ всё неразвитые люди; къ тому же тутъ большую роль играетъ славянская лѣность, распущенность, какое-то легкомысленное отношеніе къ жизни; вѣдь и мы, такъ называемые интеллигентные классы, страдаемъ тѣми же недостатками. Вы, можетъ быть, никогда объ этомъ не думали, не знаете, отъ чего это происходитъ?

— Не знаю; вы правы, говоря, что я объ этомъ никогда не думалъ.

— Вы опять будете негодовать на меня, скажете, что я западница; — отъ того, что у насъ нѣтъ преданій, нѣтъ историческаго прошедшаго, а можетъ быть нѣтъ и будущаго.

— Какъ! будущаго нѣтъ?

— Т. е. опредѣленнаго будущаго; все представляется въ какомъ-то туманѣ, знаете, какъ бываетъ въ туманное утро; не знаешь, что будетъ, ведро или венастье.

— Такъ и зналъ, опять Надежда Александровна о политикѣ рассуждаетъ, раздался насмѣшливый голосъ въ дверяхъ балкона и показался тучный и весьма невзрачный господинъ, въ какомъ-то желтомъ, невообразимо широкомъ пальто-сагѣ и такихъ же панталонахъ, въ родѣ шароваръ.

— Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ, сказала хозяйка, протягивая руку вошедшему, — какъ это вы рѣшились пріѣхать ко мнѣ по такой жарѣ. Мой сосѣдъ, monsieur Карповъ, продол-

жала она, показывая на молодого человѣка, — Иванъ Ивановичъ Амфитеатровъ, мой старыи другъ, показала она на толстяка.

«Вотъ фамилія-то, подумалъ молодой человѣкъ, пожимая протянутую ему толстую, потную руку. — Странные друзья у госпожи Карминской, и костюмъ какой-то необыкновенный, точно лапсердакъ жидовскій.

— Ну-съ, какъ поживаете? спросилъ гость, тяжело опускаясь на кресло подлѣ хозяйки и безпрестанно отирая лобъ фуляровымъ платкомъ. — Скучаете, хандрите по прежнему?

— Нисколько не скучаю, съ чего вы взяли?

— Меня, стараго фizioномиста, да еще къ тому же доктора, не проведете. У васъ хандра на лицѣ написана. Молодой человѣкъ, скажите, что у сей особы на лицѣ написано? Да вы не конфузьтесь и не краснѣйте.

— Я имѣю честь видѣть Надежду Александровну и говорить съ нею въ первый разъ, и къ тому же не докторъ и не фizioномистъ.

— Хорошо сказано, отлично! Вы, какъ я вижу, изъ раннихъ.

— Что это значить изъ раннихъ? спросилъ Карповъ, точно обидясь.

— А вотъ изъ такихъ, что за словомъ въ карманъ не полѣзутъ; да вы не смотрите на меня такъ сердито, я вѣдь ужасно робкій, сейчасъ испугаюсь.

— Честь имѣю кланяться, сказалъ Карповъ, вставая и подходя къ Карминской. Толстый докторъ пренепріятно дѣйствовалъ на его нервы.

— Надѣюсь, до свиданія, сказала Надежда Александровна, протягивая ему руку.

— Это что за юнецъ? спросилъ Амфитеатровъ, едва Карповъ успѣлъ спуститься съ лѣстницы.

— Вѣдь я же говорила вамъ, мой сосѣдъ, Карповъ.

— Совсѣмъ еще юный, а взглядъ какой мрачный; странные они, эти теперешніе юноши. Карповъ... не сынъ ли Петра Петровича?

— Да, кажется.

— Большая семья у него, я слышалаъ.

— У кого это?

— Разумѣется у отца, у Петра Петровича; страшный идеалистъ былъ, а у идеалистовъ всегда большія семьи, они называютъ это Божьимъ благословеніемъ.

— Вы этому не сочувствуете?

— Большимъ семьямъ? очень сочувствую; только я позво-

ляю ихъ имѣть людямъ, у которыхъ не менѣе ста тысячъ годового дохода.

— Ужь не придерживаетесь ли вы теоріи Мальтуса?

— А хоть бы и такъ. Хорошо, если-бы всѣ бѣдняки ея придерживались; а то наплодятъ кучу хилыхъ, золотушныхъ ребятишекъ, — у бѣдняковъ всегда хилые ребятишки, — да еще хвастаютъ, вичатся, точно не-вѣсть какой гражданскій подвигъ совершили.

— Вы по обыкновенію преувеличиваете. Кто же этимъ вичится?

— Ей Богу, вичатся! У меня есть знакомый художникъ, паціентъ мой былъ, такъ вотъ у него дюжина ребятишекъ, плюгавыхъ, золотушныхъ, изъ носу и изъ ушей течетъ, невытые, грязные, а онъ на нихъ любитъ, все зоветъ ангельчиками; а сопливые ангельчики ему разъ грязными пальцами картину проткнули, а вѣдь картина-то — деньги; ихъ же, сопливыхъ, кормить надо. Чтожъ и это Божье благословеніе? Да это еще не все; знаете, что я замѣтилъ: что люди, у которыхъ много дѣтей, всегда страдаютъ болѣзнью воли. Я и то говорю женѣ моего знакомаго, полно вамъ амур...

— Пожалуйста не продолжайте, вы мнѣ уже нѣсколько разъ это рассказывали.

— По-неволѣ станешь вамъ всякій вздоръ рассказывать, только чтобы заставить васъ улыбнуться. Ну, о чемъ вы все сокрушаетесь, о бѣдствіяхъ людскихъ? Бросьте! Я тоже когда-то сокрушался, а вотъ теперь бросилъ, и никому отъ этого хуже не живется.

— Особенно вамъ.

— Это вы на меня намекаете, вы ужасно ядовиты. Только это напрасно: толстые люди всегда самые чувствительные; одна моя Анна Федоровна чувствительности во мнѣ не признаетъ.

— А какъ ея здоровье?

— Ничего, скрипитъ; вѣдь она у меня тоже изъ сердобольныхъ, изъ породы Маремьянъ-старичъ: своихъ дѣтей нѣтъ, такъ чужихъ набрала, возится тамъ съ разными слюнявыми ребятишками. Я не мѣшаю, пусть, надо-жъ человѣку чѣмъ нибудь и побаловаться. Я вотъ балуюсь же тѣмъ, что все въ газетахъ обличительныя статьи про Андронova пишу.

— Охота вамъ, право не понимаю.

— Смерть люблю. Помните, я тиснулъ статейку, что молъ у насъ завелась арахнея, сирѣчь паукъ, такъ къ нему въ сѣти

мужиченки такъ и ползуть, и ползуть; кругомъ, говорю, нашъ край оплелъ, и хотъ бы умной, говорю, паукъ-то былъ, а то дуракъ, совсѣмъ дуракъ; ужъ должно быть очень отощали мухи, что такъ въ нему лѣзутъ, да и не мухи, а такъ, Божьи коровки больше. Такъ вѣдь обидѣлся, да еще какъ. Кричитъ—этотъ паукъ я, Андроновъ! Въ судъ хотѣлъ на меня жаловаться, требовалъ отъ меня письменнаго удостовѣренія, что я писалъ не о немъ, вотъ болванъ то! Вотъ ужъ подлинно, какъ у Пушкина чтоль, написано: «Въ полученьи оплеухи расписался мой дуракъ».

— Удивляюсь, какъ это можетъ васъ занимать?

— Да еще какъ! Ахъ, еще умора: на меня какая-то дама, родственница или должница Андропова, написала романъ, я читалъ, прелесть, что такое... И такъ просто, знаете, повѣствуетъ: «тамъ-то—говорить,—въ городѣ N, въ зеленомъ домѣ (у меня именно зеленый домъ), на берегу рѣки, живетъ докторъ Амфитеатровъ, женатъ на старой дѣвушкѣ, злой-презлой, на которой за ея злость никто не хотѣлъ жениться.» Не правда ли, какъ это похоже на Анну Федоровну? «А самъ докторъ ужасный человѣкъ, и мошенникъ, и воръ, только что не убійца, очень толстый и ходитъ въ желтомъ пальто».

— И весь романъ въ этомъ родѣ?

— Про меня больше ничего; я никакой роли въ романѣ не играю; за то про себя авторша рассказываетъ, что очень любить природу и что когда утромъ выходитъ гулять, то въ ней на встрѣчу бѣгутъ всѣ животныя и въ томъ числѣ кроты. «Я пробудилась—такъ начинается почти всякая глава—и вдругъ птички, лягушки и кроты».

— Что за чушь! И вы не шутя говорите, что существуетъ такой романъ?

— Ей Богу существуетъ, и напечатанъ.

— Да это бредъ какой-то!

— Очень обижалась сочинительница, что ея произведенія не взяли ни въ одинъ журналъ, и напечатала на свой счетъ; должно быть Андроновъ денегъ далъ. Семьдесятъ пять копѣекъ стоитъ, хотите—куплю?

— Бросьте, Иванъ Ивановичъ; охота вамъ о такомъ вздорѣ говорить.

— А вы все желаете разсуждать о матеріяхъ важныхъ? Да этихъ-то матерій не существуетъ, все тлѣнь, все суета, сударыня вы моя.

— А голодъ, тоже тлѣнь и суета?

— Какой голодъ?

— Вы знаете, что есть семьи, гдѣ уже съ носта хлѣба нѣтъ.

— Это вы про мужиковъ-то говорите, такъ они къ этому привыкли; вотъ сейчасъ я встрѣтилъ Гапку на дворѣ, знаю, что сегодня пустыя щи хлѣбала, а ничего, заливается хохочетъ. Да и я, признаюсь вамъ, не вѣрю, что имъ ѣсть нечего.

— Не вѣрите? Иванъ Ивановичъ побойтесь Бога!

— Не вѣрю, хотя вы и глядите на меня съ такимъ негодованіемъ, что, не будь я такой мастодонтъ, то, кажется, умеръ бы со стыда. Кому ѣсть нечего, тотъ тухли и фан дочкамъ не покупаетъ и не справляетъ Никольщину, тотъ...

— Что-жъ, съ топоромъ что-ль идетъ?

— Да хотя бы и съ топоромъ. Я помню, какъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ, а можетъ быть и больше, когда въ Бѣлоруссіи былъ голодъ, толпы крестьянъ, женщины, дѣти отправились въ Петербургъ просить у царя хлѣба; къ нимъ на встрѣчу выслали войска, чтобы водворить ихъ на мѣсто жительства, такъ женщины, на глазахъ солдатъ, бросали дѣтей съ моста въ воду; вотъ то былъ настоящій голодъ...

— Неужели же вы бы хотѣли того же самаго здѣсь?

— Кто же вамъ говоритъ, что я хочу; я только констатирую фактъ, что голода нѣтъ, а оскудѣніе всеобщее, это вѣрно, и положеніе помѣщиковъ нисколько не лучше положенія крестьянъ. Впрочемъ, если я недостаточно сочувственно отношусь къ народному обѣднѣнію, очень ужъ толста у меня эпидерма, то оскудѣнію дворянъ даже радуюсь, какъ истый плебей. Совершенно выродившееся, неумѣлое сословіе все изъ рукъ выпустило и все у него изъ рукъ валится. Какая была сила въ рукахъ, и что оно сдѣлало изъ этой силы? Нѣтъ-съ, будущее принадлежитъ не вамъ, дворянамъ.

— Кому же, кулакамъ что-ли?

— Пожалуй, что и такъ; кулакъ хотя и хищникъ, но за то онъ свой, ближе къ народу стоитъ; а вы нѣмцы какіе-то кургузые. Кулакъ — скопидомъ, кулакъ — собиратель, кулакъ — сутяга, тягунъ, — всѣ эти свойства присущи русскому человѣку и ему милы... Опять сердитесь, не то говорю?

— Не то, а главное вы говорите неискренно, вы все шутите, разсмѣшить меня хотите, а мнѣ право не до шутокъ. Я пріѣхала сюда отдохнуть, забыть все то, что я тамъ вынесла, а между тѣмъ меня возмущаетъ все, что я вижу и слышу кругомъ, и съ глубокою грустью я убѣждаюсь, что въ эти десять лѣтъ, вторые я не была здѣсь, положеніе народа еще ухудшилось.

— Изъ этого выводъ одинъ и самый рациональный: помочь вы не можете, такъ уѣзжайте.

— Это невозможно, мнѣ некуда ѣхать.

— Какъ некуда? Къ мужу.

— Я больше никогда къ нему не вернусь.

— Отчего?

— Не спрашивайте; рассказывать объ этомъ тяжело и не поведетъ ни къ чему.

— Голубушка, Наденька (простите, что такъ называю васъ, по-старому, какъ маленькую звалъ), вы вздоръ затѣяли; мнѣ хотя всегда казалось, что этотъ раздуженный франтъ не по вамъ, а все-таки это не причина; вѣдь вы здѣсь съ тоски по-вѣситеся; да и мужъ не башмакъ, съ ноги не снимешь.

— И не говорите, я рѣшилась; вотъ если-бы была жива моя дѣвочка, такъ для нея я покорилась бы печальной необходимости жить съ нелюбимымъ человѣкомъ, но вѣдь теперь я одна... и Надежда Александровна отвернулась, чтобы скрыть свои слезы.—Скажите, докторъ, начала она опять,—отчего это иныхъ судьба преслѣдуетъ съ какимъ-то злорадствомъ? Въ ранней молодости, насильственная смерть лишила меня любимого человѣка, вы, вонечно, не забыли его. Замужество...

Она вдругъ остановилась, точно ища выражений.

— Ну и не будемъ больше говорить объ этомъ, сказала толстякъ, взявъ худенькую, блѣдную руку молодой женщины и отечески глядя по ней своею толстою, мясистою рукою.—Я знаю, вы не изъ тѣхъ, что любятъ ныть и жаловаться; если ужъ свазали, такъ, значить, очень наболѣло, а утѣшать и со-вѣтывать я тоже не мастеръ. Вотъ, на-дняхъ, пріѣдетъ къ вамъ моя Анна Федоровна, съ нею вы по душѣ поговорите; вѣдь вы, я думаю, ее помните, представьте, все та же тетя Аня, какъ звали ее десять лѣтъ тому назадъ, даже не постарѣла нисколько, всѣ принимаютъ ее за мою дочь. Ну-съ, мнѣ теперь пора.

— Куда же вы такъ спѣшите? неужели только съ визитомъ ко мнѣ пріѣхали? грѣшно вамъ, Иванъ Ивановичъ.

— Какое съ визитомъ. Вѣдь я ѣду на слѣдствіе; паровикъ тамъ у Феддея на заводѣ взорвало, одного убило, двухъ искалѣчило. Ахъ, кстати, вы вашего юнца-сосѣда, какъ увидите, поздравьте, онъ будетъ очень богатъ.

— Это какимъ образомъ?

— Вы развѣ не слышали, что Карповы единственные наслѣдники Андропова?

— Слышала, такъ что-жъ изъ этого.

— А то, что Андроновъ-то, пожалуй, недолго протянетъ, скоро *ad patres*.

— Развѣ онъ боленъ?

— Пока не боленъ, строчить просьбы по-прежнему, интригуетъ очень по поводу выборовъ, а все-таки, вспомните мое слово, скоро фьюить... Лицо у него нехорошее, не даромъ же я врачъ.

— Васъ это какъ будто огорчаетъ?

— Не то что огорчаетъ, а точно зудъ какой-то на сердцѣ; вѣдь какъ хотите, а я ему много крови испортилъ моими статейками.

— У васъ, однако, эпидерма не такъ толста, какъ вы хвастаетесь, отвѣчала Карминская.

X.

Прошло три недѣли послѣ перваго посѣщенія Карпова и онъ пересталъ дичиться сосѣдки, пересталъ считать ее аристократкою и охотно проводилъ въ «Ясномъ» все свободное отъ занятій время. Какъ почти всѣ живописцы, онъ страстно любилъ музыку и потому съ наслажденіемъ слушалъ мастерскую игру Карминской, читалъ ей вслухъ, и хотя во многомъ они не сходились и часто спорили, ему было хорошо въ ея обществѣ. Онъ находилъ Надежду Александровну большою идеалисткою и никогда не высказывалъ при ней своего завѣтнаго и страстнаго желанія сдѣлаться богатымъ, во что бы то ни стало. Ему казалось, что если онъ скажетъ ей, что хочетъ помириться съ богатымъ родственникомъ (онъ не могъ забыть словъ пона), единственно въ надеждѣ на наслѣдство, то она найдетъ это намѣреніе несовсѣмъ честнымъ. Онъ, однако, до сихъ поръ еще ничего не предпринималъ для осуществленія этого намѣренія; онъ находилъ невозможнымъ поѣхать къ Андронову безъ приглашенія; «а что если онъ меня не приметъ? и что я скажу ему, какъ объясню свой прїѣздъ?» думалъ онъ.

Онъ хотѣлъ написать отцу и просить его совѣта; но не написалъ, потому что находилъ, что отецъ тоже идеалистъ и навѣрное напишетъ, что ѣхать не слѣдъ. Къ матери онъ также не писалъ объ этомъ, зная, что она будетъ только волноваться и ни на что не рѣшится безъ совѣта мужа. Не смотря на всѣ эти тревоги и сомнѣнія, онъ меньше скучалъ въ деревнѣ и меньше обращалъ вниманіе на лишения. Даже зубреніе уроковъ

и занятія съ братомъ меньше раздражали его нервы. Случалось, что онъ совсѣмъ забывалъ и о трудности предстоящаго экзамена, и о тяжелой жизни, которая ждала его въ Петербургѣ, и ему казалось, что вся жизнь его пройдетъ здѣсь, въ обществѣ милой, доброй женщины, на балконѣ, густо заросшемъ дикимъ виноградомъ, подъ звуки шопеновской и шумановской музыки. Онъ, конечно, и не подозрѣвалъ, что чувство, зарождавшееся въ немъ, была любовь; онъ бы удивился и даже разсердился, если-бы кто сказалъ ему, что онъ влюбленъ въ женщину, которая старше его десятью годами и съ которою у него нѣтъ ничего общаго. Развѣ любовь бываетъ когда нибудь такая спокойная, безъ тревогъ, волненій, ревности? Онъ очень хорошо помнилъ, какъ онъ былъ влюбленъ въ Лили Солицеву, какъ злился, когда она кокетничала съ другими, и даже плакалъ, плакалъ какъ баба, когда она сказала ему, что онъ мальчишка, и что она никогда серьезно не смотрѣла на его ухаживанья. Правда, онъ очень скоро забылъ эту глупую дѣвчонку; но все-таки онъ былъ влюбленъ въ нее. Да и любовь-то вообще глупость. Этотъ двадцати-двухлѣтній юноша уже считалъ любовь глупостью, не подозрѣвая, что самъ способенъ любить до безумія. «Мнѣ просто хорошо съ этою барынею, вотъ и все, думалъ онъ, анализируя свое чувство къ Карминской; — она такая добрая, ласковая, спокойная, грустная, но это идетъ къ ней, идетъ къ этимъ глубокимъ, чернымъ глазамъ, которые должно быть много плакали, это сейчасъ видно. Только о чемъ плакали они, эти глубокіе черные глаза? Точно средневѣковая *châtelaine*, въ своей длинной траурной одеждѣ, такая граціозная, движенія медленные, плавныя, точно движенія лебеди... поэзія въ ней много, это правда, но шика никакого». Саша тоже полюбилъ Надежду Александровну, но не за грацію и поэзію, а за ласку, за то, что она такъ радушно угощала его, кормила ягодами и вареньемъ, отдала въ его распоряженіе свое верховую лошадь и, чтобы сдѣлать ему удовольствіе, приглашала къ себѣ его товарища-гимназиста, сына одного изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, такого же совраса безъ узды, какъ называлъ Сашу старшій братъ, и не скучала, когда юноши молили всякій вздоръ и хохотали безъ всякой причины, поднимая иногда такую возню и шумъ, что можно было подумать, что ихъ не двое, а, по крайней мѣрѣ, цѣлая рота. Не смотря на все эти льготы, Саша все-таки скучалъ, и дома, съ строгимъ и молчаливымъ братомъ, и въ «Ясномъ», съ доброю, но тоже, по его мнѣнію, скучною Надеждою Александровною, и при первой возможности исчезалъ

изъ дома и, шагая своими длинными ногами, быстро достигалъ усадьбы товарища, гдѣ никогда не говорили о политикѣ, не играли бетховенскихъ сонатъ, не разсуждали о матеріяхъ важныхъ; но за то пѣли, пласали, хохотали и съ утра до вечера ничего не дѣлали. Карповъ-старшій даже совсѣмъ помирился бы съ жизнью въ деревнѣ и, можетъ быть, даже забылъ «о примиреніи съ богатымъ родственникомъ», если-бы стояла хорошая погода; но, на бѣду, лѣто было мокрое, то лѣто, которое всегда приводитъ въ отчаяніе хозяевъ и наводитъ тоску на нервныхъ людей и вообще на городскихъ жителей, пріѣхавшихъ насладиться деревенскимъ воздухомъ.

Послѣ немногихъ жаркихъ дней, опять пошелъ дождь, точь въ точь таковой, какъ тотъ, что обливалъ молодыхъ людей во время ихъ переѣзда отъ желѣзной дороги. Печально смотрѣли хозяева на кучи скошеннаго сѣна, которыя убирать было невозможно.

— Опять безъ сѣна останемся, говорилъ староста Карповыхъ, приходя къ молодымъ господамъ просить, чтобы посмотрѣли на градусникъ, — подымается ли онъ, аль нѣтъ?

— Нѣтъ, не подымается, отвѣчалъ Саша, который очень часто бѣгалъ смотрѣть на старенькій барометръ, висѣвшій въ столовой.

— Ишь, пропасть какая, говорилъ староста; — ничего не подѣлаешь, подтить народъ съ работы спустить, что попусту-то возжаться; противъ Божьяго произволенія ничаво не подѣлаешь.

Саша бѣгалъ смотрѣть на барометръ во все не изъ боязни за подкошенное сѣно, а потому что проливной дождь мѣшалъ ему, вырвавшись изъ дома, бѣжать съ товарищемъ на охоту, или, въ обществѣ хорошенъкихъ барышень, сестеръ товарища, идти за грибами.

— Ишь, чортъ! говорилъ онъ, подходя въ десятый разъ къ окну, — все льетъ, проклятый!

А дождь все лилъ, не смотря на неудовольствіе Саши, на охи и вздохи хозяевъ и на хандру Карпова-старшаго, хотя дождь не мѣшалъ ему ходить, по вечерамъ, на тотъ дворъ, какъ называли они усадьбу Карминской, безпрестанно завязая на глинистой, размоченной дождемъ дорожкѣ, которая вела туда.

Но всему на свѣтѣ бываетъ конецъ; дождь пересталъ и наступили опять жаркіе іюльскіе дни. Въ одинъ изъ такихъ дней, старшій Карповъ обѣдалъ на томъ дворѣ. Младшій, такъ какъ это было воскресенье, пропалъ съ утра изъ дома. Надежда Александровна была на этотъ разъ не одна; къ ней

пріѣхала Анна Ѳедоровна Амфитеатрова, съ какою-то барышнею, тоненькою, вертлявенькою, недурненькою, съ кудерками на лбу и въ необыкновенно узенькомъ платьѣ, неопредѣленнаго цвѣта, отдѣланномъ голубыми бантиками, не совсѣмъ свѣжими.

Анна Ѳедоровна Амфитеатрова или тетя Аня, какъ звали ее всѣ родные и близкіе знакомые, осталась послѣ десяти лѣтъ замужества такою же дѣятельною, сердечною и миловидною особою, какъ въ то время, когда она покорила сердце доктора Амфитеатрова. Тетя Аня даже не постарѣла, не смотря на то, что ей было подъ сорокъ, даже за сорокъ, какъ говорили злые языки, хотя совершенно напрасно, потому что тетя Аня никогда своихъ лѣтъ не скрывала, и если говорила, что ей сорокъ лѣтъ и двѣ недѣли, то это такъ и было на самомъ дѣлѣ. Она была все такая же худенькая, подвижная и румяная; даже въ ея темныхъ, всегда гладко причесанныхъ волосахъ не было ни одного сѣдаго волоса, а большіе каріе глаза смотрѣли такъ же ясно и привѣтливо. Вкусы ея остались тѣ же; она по прежнему любила чужихъ дѣтей (своихъ у нея не было), всегда возилась съ ними и также аккуратно, хорошо и практично вела свое хозяйство. Докторъ Амфитеатровъ, не смотря на плебейское происхожденіе, былъ лѣнтяй и сибаритъ по натурѣ; судьба, на селонѣ лѣтъ, сжалилась надъ бѣднымъ труженникомъ, котораго, совершенно не встати, надѣлила всѣми замашками богатаго барина, и послала ему благодѣтельную фею, въ лицѣ тети Ани. За что она любила этого невзрачнаго толстяка—надобно спросить у тѣхъ женщинъ, которыя всю жизнь, колѣнопреклоненныя, жгутъ олимпамъ передъ недостойными идолами, въ лицѣ мужей, любовниковъ, или сыновей; но надобно сказать правду, что если Амфитеатровъ наружно походилъ на индѣйскаго идола, то внутренно былъ достоинъ любви своей жены, потому что самъ преклонялся передъ нею и считалъ ее самою лучшею женщиною въ мірѣ. Какъ всѣ энергичныя и вмѣстѣ самоотверженныя женщины, Анна Ѳедоровна вносила свѣтъ и радость всюду, куда ни показывалась, и при ней становилось не только легче жить, но даже легче плавать.

Она всегда искала случая кому нибудь помочь и кого нибудь спасти; теперь она спасала эмансипированную барышню, гостившую у нея, и которую привезла съ собою, хотя спасти ее была задача не совсѣмъ легкая. Надежда Александровна съ первой же минуты пріѣзда тети Ани почувствовала, что жизнь еще совсѣмъ не такъ ужасна, какъ ей казалось, и при видѣ

этой маленькой энергичной женщины, которая въ пошлой средѣ N... общества, гдѣ играли только въ карты и сплетничали, умѣла жить, не скучая, не томясь, говоря всегда правду, не потворствуя ни одной гадости и между тѣмъ заставляя всѣхъ не только уважать, но даже любить себя; она приходила къ убѣжденію, что и въ Ясномъ жить можно, не повѣсившись отъ скуки, какъ пророчилъ ей Амфитеатровъ, признававшій умъ и характеръ только въ одной своей женѣ.

По обыновенію, послѣ обѣда собрались на балконѣ, который выходилъ на дворъ. Надежда Александровна вышивала, а тетя Аня шила ситцевую рубашку одному изъ своихъ многочисленныхъ крестниковъ.

Эмансипированная барышня также вышивала какое-то полотенце русскимъ швомъ, но видно было, что полотенце вышивалось давно, только въ присутствіи строгой Анны Ѳедоровны, не любившей, чтобы сидѣли, сложа руки. Полотенце было невообразимо затаскано, точно вышло не изъ прекрасныхъ рукъ барышни, а какой нибудь поломоѣйки, такъ что Анна Ѳедоровна безглаголиво восилась на него.

Барышня скоро бросила работу, не до того ей было; ее ужъ очень волновало присутствіе незнакомаго молодого чело-вѣка, на котораго она метала убійственно-кокетливыя взгляды. Но напрасно выбѣгала она то въ садъ, то въ гостиную, отеуда иногда раздавалось ея неумѣлое трывканье на роляѣ, Карповъ точно не замѣчалъ всѣ эти продѣлки, не шель за нею ни въ садъ, ни въ гостиную, и только морщился, когда долетало до него трывканье, или романсъ «Стрѣлочекъ», напѣваемый барыш-нею совершенно фальшиво.

— Юлинька, вы бы сѣли, сказала ей, наконецъ, Анна Ѳедоровна, выведенная изъ терпѣнія ея постояннымъ шмыганьемъ.

— Ахъ, какая тоска сидѣть на одномъ мѣстѣ! отвѣчала барышня, метнувъ взглядъ на Карпова.— Это только старики могутъ сидѣть.

— Вотъ сидитъ же молодой чело-вѣкъ, не бѣгаетъ, продолжала Анна Ѳедоровна, показывая на Карпова.

— У нихъ, должно быть, характеръ очень спокойный, а я не могу. Что вы рисуете? вдругъ спросила она, вскочивъ съ мѣста и подбѣгая къ молодому чело-вѣку.

— Вѣдь вы видите, отвѣчалъ онъ, не поднимая на нее глазъ.

— Ахъ, портретъ какой-то! Надежда Александровна, вашъ портретъ рисуетъ monsieur Карповъ; ужасно похожъ!

— Мой? съ удивленіемъ проговорила Карминская.—Что это вамъ вздумалось? Покажите!

— Не стоитъ, Надежда Александровна, не похожъ! Онъ быстро вырвалъ листокъ изъ книжки и спряталъ въ карманъ.

Анна Ѳедоровна пристально посмотрѣла на молодого человѣка и замѣтила, что онъ очень смутился.

«Странно!» промелькнуло у нея въ головѣ.

— Я думаю, портретъ Дины легко сдѣлать похожимъ, сказала она,—у нея такія правильныя черты?

— Я не умѣю дѣлать портреты, отвѣчалъ Карповъ.

— Сдѣлайте мнѣ портретъ Джека, Григорій Петровичъ, сказала Карминская.

— Нѣтъ, избавьте; вашъ Джекъ меня не любитъ и всегда на меня ворчитъ; я вообще не люблю собакъ.

Онъ проворно сбѣжалъ съ балкона и повернулъ направо въ садъ. Черезъ минуту Юлинья тоже исчезла. Анна Ѳедоровна посмотрѣла ей вслѣдъ.

— Вѣдь за нимъ побѣжала, сказала она.

— Оставьте, тетя Аня; вы видите, что она неисправима. Съ нею что-то особенное дѣлается, когда она видитъ мужчину; помните, какая она была спокойная, когда мы были однѣ; пришелъ этотъ юноша—она стала совсѣмъ другая, и вертится, и хохочетъ.

— Жалка она мнѣ очень, отвѣчала Анна Ѳедоровна,—какая-то необузданная, дикая совсѣмъ, точно жительница Огненной Земли; никакого нравственнаго чувства, никакого понятія о долгѣ; она даже не знаетъ, что хорошо и что дурно, а вѣдь дочь честной матери.

— Мать ея жива?

— Нѣтъ, умерла года три тому назадъ; но она никогда не имѣла на нее никакого вліянія; пятнадцати лѣтъ эта дѣвчонка уже кокетничала и кокетничала съверно, вотъ бѣда. Представьте, на-дняхъ принялась увѣрять меня, что продать себя богатому человѣку совершенно естественно, что въ этомъ нѣтъ ничего безнравственнаго, что надо жить, пока молодъ; а когда я стала ей доказывать, что даже выйти замужъ безъ любви—нечестно, то она захохотала и сказала мнѣ, что я въ этомъ ничего не понимаю, и что хотя мнѣ сорокъ лѣтъ, я гораздо наивнѣе ея.

— Я думаю, что она права, замѣтила, улыбаясь, Карминская.

— Теперь вздумала кокетничать съ этимъ мрачнымъ юношею.

— Онъ всегда такой?

— Нѣтъ, бываетъ иногда еще мрачнѣе.

— Онъ мнѣ не нравится, Дина.

— Отчего?

— Я не люблю, когда молодость мрачна.

— У него какая нибудь скорбь на душѣ.

— Какая скорбь, ужь не гражданская ли? Все вздоръ, все это напускное. Мнѣ кажется, что кто въ молодости тоскуетъ безъ причины, тотъ непременно завидуетъ. Или, можетъ быть, онъ безнадежно влюбленъ? И она, улыбаясь, взглянула на Надежду Александровну, которая немножко покраснѣла.

— Не думаю, отвѣчала она, пристально рассматривая свою работу.

На балконъ вбѣжала Юлинька, вся раскраснѣвшаяся и, по-видимому, очень недовольная.

— Вы слышали, какъ кричалъ попугай? спросила она.

— Нѣтъ, а что? отвѣчала тетя Аня.

— Карповъ все время дразнилъ его; не понимаю, какое дурацкое занятіе! Онъ дразнить, а тотъ кричитъ: «попушка! попушка!» силнымъ голосомъ.

— Отчего, Надежда Александровна, вы не возьмете попугая сюда, на балконъ? Онъ тамъ весь опаршивѣлъ у Тимофеича.

— Не беру потому, что не хочу лишать Тимофеича его друга и сожителя, отвѣчала Дина, взглянувъ, улыбаясь, на Анну Федоровну, которую тоже покорило выраженіе ея протезе. — Тимофеичъ питаетъ самую нѣжную дружбу къ своему попущѣ, который раздѣляетъ его уединеніе. Правда, онъ не умѣетъ ходить за нимъ; сколько разъ я предлагала ему вспрыснуть попугая виномъ, чтобы избавить его отъ насѣкомыхъ, онъ всегда отвѣчалъ мнѣ: «спрысну, спрысну... что-жь, мнѣ не жалко», но ничего не дѣлаетъ, потому что убѣжденъ, что его попущка чешется отъ злости. А вотъ и самъ Тимофеичъ, легокъ на поминѣ, прибавила она, вставая и подходя къ рѣшеткѣ балкона.

У подъѣзда стояла телѣжка, запряженная старою пѣгою лошадыю, и Тимофеичъ, въ своей вѣчной синей поддевкѣ и громадномъ картузѣ, слѣзалъ съ телѣжки.

— Письмо есть? спросила Надежда Александровна.

— Есть одно къ нимъ, отвѣчалъ онъ, показывая на Карпова, который въ это время входилъ на крыльцо.

— А отъ отца нѣтъ? уже съ тревогою въ голосѣ повторила Надежда Александровна.

— Нѣту, я самъ въ ящикѣ смотрѣлъ, имъ довѣрять нельзя. Да сегодняшняя почта еще не пришла.

— Отчего же ты не подождалъ ее? Ты знаешь, какъ я беспокоюсь, когда нѣтъ письма отъ papà.

— Безпокойтcя нечего; придетъ письмо, безпремѣнно придетъ.

— Но когда я его получу?

— А вотъ поѣду на той недѣлѣ на почту и получите. Сегодня нельзя было ждать, Пѣгашка домой хотѣлъ, онъ ни за что не ляжетъ на чужомъ дворѣ, особливо гдѣ нечисто, а Пѣгашка старый, старый конь, покой ему нуженъ. Вотъ газетъ этихъ нѣсколько привезъ,—и онъ сталъ вытаскивать газеты изъ за пазухи.

— Невозможный человѣкъ! сказала тихо Надежда Александровна,—ему мое безпокойство гораздо менѣе важно безпокойства Пѣгашки!

— Онъ совершенно правъ, что безпокойтcя нечего, сказала Анна Ѳедоровна,—завтра мужъ придетъ за мною и привезетъ почту.

— Жарко сегодня очень, продолжалъ Тимофеичъ, перебѣгая отъ крыльца къ телѣжкѣ маленькими шажками и вытаскивая оттуда всякіе кулечки и узелки.—Я Пѣгашку отпрегъ у Фаины Николаевны, овса ему далъ, а самъ все бѣгалъ, цѣльный день бѣгалъ.

— Куда же ты бѣгалъ? вѣдь ты все въ одной лавкѣ у Зайцева покупаешь?

— Нѣтъ, дрожжей тамъ хорошихъ не было, насилу нашель; а запоздалъ потому, что все шагомъ ѣхаль, и туда, и оттуда. Конь замаялся, весь въ поту пришелъ, потому что жарко, парить. Вотъ назадъ-то хорошо было ѣхать, по холодку. А вы говорите, почту жди. Да я бы тогда къ свѣту не пріѣхаль.

Тимофеичъ былъ особенно словоохотливъ, видно было, что онъ выпилъ рюмачку. Его впрочемъ никто не слушалъ; Карповъ читалъ письмо матери, наполненное все тѣми же вопросами, хорошо ли имъ, не слишкомъ ли пить Леонтьевна, хорошо ли ихъ кормить, и просьбами не давать Сапѣ ружья.

«А онъ какъ на грѣхъ, этотъ соврасъ безъ узды, ушелъ сегодня съ ружьемъ, думаль онъ;—да и мать право какая странная, вѣчно съ своими тревогами».

Тимофеичъ вынималъ уже послѣдній узелокъ изъ телѣжки и все болталъ.

— Андроновъ очень боленъ, сказалъ онъ вдругъ ни къ себѣ, ни къ городу,—говорять, безпремѣнно помретъ. Вотъ и богатый человѣкъ, а все туда же пойдетъ, куда и всѣ мы,

прибавилъ онъ философически;—я думаю, богатому тяжелѣе помирять.

— Андроновъ? Василій Иванычъ? спросилъ Карповъ, и Надеждѣ Александровнѣ послышалось въ его голосѣ что-то особенное.

— Ну да, Василій Иванычъ одинъ только и есть въ уѣздѣ, отвѣчалъ Тимофеичъ, отправляясь съ телѣжкой и Пѣгашкой къ сараю.

— Васъ это извѣстіе какъ будто тревожить? спросила Карминская.

— Онъ намъ родственникъ, отвѣчалъ Карповъ и вдругъ покраснѣлъ до ушей.

— Карповы наслѣдники Андропова, замѣтила Анна Федоровна.

Молодой человекъ какъ-то странно взглянулъ на нее своими мрачными глазами. «Тебѣ-то что?» точно говорилъ этотъ взглядъ.

— Вотъ счастливые-то, сказала Юлинька, —этакое богатство! Я думаю, вы дорого бы дали, чтобы онъ померъ поскорѣе.

Онъ ничего не отвѣчалъ и внутренно посылалъ барышню ко всѣмъ чертямъ. Ему казалось, что Карминская глядитъ на него насмѣшливо, и ему становилось невыразимо тяжело. Онъ чувствовалъ, что долженъ что-то сказать, что-то объяснить, но слова ему не повиновались, а сердце билось до того, что становилось больно; безумная радость, которой ему было совѣстно, подымалась въ душѣ его и мѣшала думать и говорить о другомъ. Его пылкое воображеніе уже рисовало ему картины будущаго: какъ онъ покупаетъ имѣніе съ густымъ садомъ, красивымъ домомъ, бѣлымъ, съ зелеными ставнями (ему всегда хотѣлось такого дома); домъ глядится въ прозрачное синее озеро. Женевское что-ль? Нѣтъ, ни за что, усадьба должна быть въ Россіи, —и розъ, много розъ въ саду. У него громадная мастерская, съ окномъ на сѣверъ. Мебель все старинная, ковры, вездѣ ковры, рояль, органъ. Это такая прелесть органъ, а за органомъ сидитъ она, граціозная, черноволосая, и на стѣнѣ, обитой cuir de Cordons, рисуется античный профиль. Дина?.. Вздоръ какой, она только будетъ похожа на нее, его будущая жена.

Подъ густыми, потемнѣвшими сводами старыхъ липъ мелькнула бѣлая фуражка и раздался знакомый свистъ, который всегда сердилъ Карпова-старшаго.

— Вотъ и Саша вашъ вернулся цѣлъ и невредимъ, замѣтила Надежда Александровна, которая первая увидела юн ошу.

— Ганя! закричалъ младшій Карповъ, взбѣгая на крыльцо, — Ганя! что я тебѣ скажу, какую новость, просто восторгъ!

— Что такое? отвѣчалъ братъ сердито, — ты бы прежде поклонился, чѣмъ кричать, и навѣрно какой нибудь вздоръ.

— Ахъ, извините! пробормоталъ Саша, снимая фуражку. — Нѣтъ не вздоръ, продолжалъ онъ, взбѣгая на балконъ, — мы будемъ богаты, ужасно какъ богаты, потому что Андроновъ скоро скачурится.

И онъ кинулся къ брату и началъ душить его въ своихъ объятіяхъ.

— Брось! И что у тебя за выраженія, ты рѣшительно ставишься невозможенъ!

— Да ты не ругайся, а слушай. Андроновъ боленъ, скоро умретъ, онъ ужасно богатъ, а другихъ наслѣдниковъ, кромѣ насъ, у него нѣтъ.

— Кто это тебѣ сказалъ?

— Кто сказалъ? Я давно это зналъ, только никогда объ этомъ не думалъ, и вдругъ, мнѣ сегодня Иванъ Дмитричъ, Митинъ отецъ, говоритъ: «Поздравляю васъ съ миліоннымъ наслѣдствомъ, Андроновъ безнадеженъ». Онъ разумѣется долженъ все знать насчетъ наслѣдства, Иванъ Дмитричъ; онъ мировой судья, побольше тебя знаетъ.

Старшій Карповъ ничего не отвѣчалъ; ему было стыдно и того, что онъ самъ чувствовалъ, и наивной, жадной радости, которую высказывалъ Саша.

«Миліонное наслѣдство! Они будутъ богаты, какъ это однако хорошо!» думалъ онъ, и ни на одну минуту мысль его не останавливалась на этомъ бѣдномъ, больномъ дядѣ, который умиралъ тамъ одиноко, въ своемъ большомъ домѣ, на рукахъ равнодушной и тоже жадной прислуги.

— Иванъ Дмитричъ говорилъ также, продолжалъ Саша, — что тебѣ не мѣшало бы ѣхать къ Андронову, вѣдь при немъ только лакеи, растащутъ все, пожалуй, деньги украдутъ. А ты знаешь, гдѣ онъ деньги носить? на груди, они у него въ ладонку зашиты. Поѣзжай, Ганя!

— Отстань! грубо вскрикнулъ Карповъ, — нигуда я не поѣду, это не мое дѣло; если кто и наслѣдникъ, такъ это отецъ, а не мы.

— Послушайте, Саша, сказала Анна Федоровна, приглашая мальчика сѣсть возлѣ себя, — она уже успѣла съ нимъ раньше познакомиться, — все, что вы говорили теперь, нехорошо, право нехорошо. Вѣдь вы жили же до сихъ поръ и не расчиты-

вали, и, какъ вы сами сказали, даже не думали о наслѣдствѣ; а теперь вы выказываете такую радость и такую жадность, что мнѣ даже не вѣрится, чтобы она могла быть искренна.

— Да вѣдь подумайте, Анна Федоровна, миліонъ! Ну какъ тутъ не радоваться.

— Подумали ли вы о томъ, какъ прибрѣтенъ этотъ миліонъ, сказала Карминская:—сколько слезъ, сколько страданій представляютъ эти деньги, зашитыя въ ладонку.

— Да намъ-то какое до этого дѣло? рѣзко спросилъ старшій Карповъ.

— Какъ какое дѣло? По моему, деньги, нажитыя неправо, обожгутъ руки того, кто ихъ получить.

— Ахъ, Надежда Александровна, какая вы однако идеалистка! И онъ захохоталъ, хотя смѣхъ его вышелъ не совсѣмъ естествененъ.— Впрочемъ, что говорить объ этомъ заранѣе, прибавилъ онъ, вставая,—Андроновъ живъ, и смѣшно думать о его миліонахъ, которые намъ никогда и не достанутся.

— Ахъ, какъ жалко, сказала барышня;— мнѣ кажется, я бы утопилась со злости.

— Какъ не достанутся? Говорятъ же тебѣ: нѣтъ другихъ наслѣдниковъ, уже съ досадою проговорилъ Саша.

— Онъ можетъ сдѣлать духовную, отдать другимъ, завѣщать на какое нибудь богоугодное заведеніе: Однако уже поздно; пойдемъ, Саша.

Онъ подошелъ къ Надеждѣ Александровнѣ, которая молча пожала его, холодную какъ ледъ, руку, и опять пристально посмотрѣла на его поблѣднѣвшее лицо.

«Однако она вѣрно меня презираетъ», думалъ онъ, идя съ братомъ по дорогѣ, которая вела въ ихъ усадьбу. И сердце его точно замирало при этой мысли.

— Впрочемъ, что за романтизмъ. Обождетъ руки? деньги никогда никому рукъ не обжигали.

— Ганя! сказалъ Саша, который долго шелъ молча,—знаешь, что я тебѣ скажу! я теперь совсѣмъ не такъ радъ этому наслѣдству. Вотъ Надежда Александровна говоритъ, что это неправо нажитое богатство.

— Ахъ, молчи ты ради Бога! отвѣчалъ Ганя.—И что тебѣ далось оно? никакого наслѣдства нѣтъ и не будетъ. По прежнему мы будемъ съ тобою зубрить наши уроки. Прощай, иди спать, пора, завтра рано разбужу.

Саша ушелъ въ домъ, очень недовольный братомъ и его севернымъ характеромъ, а старшій братъ долго сидѣлъ на

крыльцѣ, съ котораго былъ видѣнъ темный садъ и огни въ комнатахъ Карминской. Ночь была совершенно тихая, теплая и безлунная; на тепломъ іюльскомъ небѣ ласково мигали безчисленныя звѣзды; прямо надъ домомъ, почти надъ освѣщеннымъ окномъ ея комнаты, горѣла изумрудная, красивая звѣзда.

«Это планета, это не звѣзда, думалъ онъ, всматриваясь въ ея дрожащее сіяніе; — какъ жаль что я такъ слабъ въ астрономіи. Венера это, что-ли?»

Изъ сосѣдняго сада вѣтерокъ приносилъ горькій, опьяняющій запахъ датуръ; иногда раздавался пронзительный лай Джека и отчетливо звенѣлъ въ ночной тиши.

«Значить, она еще не легла, думалъ онъ, — а также сидитъ на своемъ балконѣ. О чемъ она думаетъ? Ужь конечно не о насъ и нашемъ пресловутомъ наслѣдствѣ. Какая у нея была нехорошая улыбка, когда я прощался съ нею, она какъ будто хотѣла сказать: «ты, однако, большая дрань!»... Обожжетъ руки... что за вздоръ! ей хорошо говорить! Она никогда не испытывала лишеній; она не знаетъ, сколько ненависти накапливается на душѣ, когда видишь, что люди, которыхъ бы не пустилъ въ переднюю, обдають тебя грязью изъ-подъ копытъ своихъ рысаконъ. Мой отецъ, больной и хворый, каждый день таскается по жарѣ въ департаментъ; моя мать слѣпнетъ надъ переводами, чтобы заработать лишній грошъ. А я не буду радоваться тому, что этотъ двуногій волеъ умираетъ! Нѣтъ, буду!»

Онъ точно съ ненавистью взглянулъ въ ту сторону, гдѣ мелькалъ огонь въ окнѣ, и вдругъ опустилъ голову на руки и заплакалъ какъ ребенокъ, точно выливая въ слезахъ эту непонятную, томительную и жгучую тревогу, которая поднималась въ его душѣ, при видѣ этого освѣщенного окна, тихой, звѣздной ночи и мучительныхъ сомнѣній, терзавшихъ его юное, но уже изстрадавшееся сердце.

А. Львова.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

РУССКОЕ ДѢЛО ВЪ ЛИТОВСКОЙ РУСИ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Положеніе западной Руси въ концѣ XVIII вѣка.—Мѣры, принятыя при Екатеринѣ II.—Усиленіе польской силы при Павлѣ I и Александрѣ I.—Князь Адамъ Чарторыйскій.—Созданіе царства Польскаго.—Мятежъ 1831 года.—Мѣры русскаго правительства послѣ мятежа.—Литовскій митрополитъ Юсепъ.—Воссоединеніе остальныхъ униатовъ Сѣверо-Западнаго края.

По ходу историческихъ событій, польская государственная власть пала въ западной Россіи въ концѣ XVIII вѣка, но пережившая ее, ея польско-шляхетская сила продолжала въ краѣ свою борьбу съ народно-русскою силою до нашихъ дней.

Западная (литовская) и восточная (московская) Русь въ концѣ XVIII вѣка уже не были столь однородны между собою, какъ были въ XIV и даже въ XVI вѣкахъ, слѣдуя по различнымъ путямъ своего историческаго развитія. Одна боролась съ азіатскимъ міромъ, отстаивая свою независимость; другая боролась съ своими западными, европейскими, уже отчасти культурными сосѣдями. Одна боролась съ грубою силою, другая—съ просвѣщенными врагами.

Восточная, московская Русь и подѣ владычествомъ татаръ не измѣнила своему народному быту, а единодержавіемъ укрѣпилась въ своихъ внутреннихъ силахъ не безъ значительнаго вліянія византійскихъ началъ, заимствованныхъ изъ Византіи со времени брака Іоанна III на Софіи Палеологъ. Преобразования

же Петра I придали московской Руси новый для нея видъ — дворянско-чиновничій, закрѣпостивъ народъ.

Западная же Русь была со времени несчастнаго соединенія съ Польшею перевоспитана на латино-шляхетскихъ началахъ. Только народъ въ обѣихъ половинахъ Руси сохранилъ свою народность и не пошелъ за своими высшими сословіями. Православное духовенство даже и въ восточной Руси, подъ вліяніемъ ученыхъ выходцевъ изъ Кіева, нѣсколько подверглось западно-латинскому вліянію. Существовавшая съ давнихъ временъ связь мірянъ съ духовенствомъ была сильно поколеблена съ уничтоженіемъ выборнаго начала и помѣстныхъ соборовъ. Честолюбивые замыслы создателя русскаго раскола патріарха Никона отчасти напоминаютъ стремленія римскихъ папъ, вызвавшихъ протестантство. Такъ называемая интеллигенція въ обѣихъ половинахъ Руси порвала всѣ связи съ своимъ народомъ и пошла чуждыми ему путями. Но, къ счастью для восточной Руси, союзъ царя съ народомъ остался въ своей неприкосновенной силѣ и, переживъ тяжелыя години, обновился и еще болѣе укрѣпился 19 февраля 1861 г. Этотъ великій день былъ еще знаменательнѣе для западно-русскаго народа, которому, до этого дня, латино-польская шляхта не дозволяла мечтать о томъ, что было истоннымъ достояніемъ русскаго народа.

И такъ, надлежитъ считать 19 февраля 1861 года днемъ великаго братскаго соединенія восточнаго и западнаго русскаго народа, началомъ совмѣстной жизни цѣлаго русскаго народа въ неразрывномъ союзѣ съ своимъ царемъ, — союзѣ, представляющемъ дѣйствительную силу.

Необходимо теперь сказать, что представляла западная Россія при соединеніи ея съ восточною, и почему враждебная русскому дѣлу сила такъ долго можетъ тамъ держаться.

Западная Русь, въ XIV вѣкѣ составлявшая могущественное литовско-русское государство, соединившись съ Польшею усилила ея значеніе, принесла ей все въ жертву и создала изъ ничтожной, бѣдной Польши — сильное богатое государство, погибшее, по словамъ даже польскихъ историковъ, отъ латиношляхетства, какъ только западная Русь отъ нея отошла.

Напрасно поляки ставятъ себѣ въ заслугу спасеніе Литвы отъ нѣмецкихъ рыцарей, обманувшихъ два раза литовскихъ князей, входившихъ съ ними въ сношенія. Извѣстно, что въ битвѣ подъ Грюнвальдомъ (1410 г.) почти все войско, побѣдившее нѣмцевъ, состояло изъ русско-литовскихъ полковъ; участь битвы была рѣшена смоленскими полками, а польскіе поляки

почти не принимали участія въ сраженіи, освободившемъ Литву отъ грабительскихъ нашествій проповѣдниковъ латинства и германской образованности (цивилизациі). Сильному Ольгерду, мечтавшему присоединить къ своему обширному государству восточно-русскія княжества, помѣшали нѣмецкіе рыцари, дружившіе съ поляками по дѣлу обращенія въ латинство жмуди.

Избраннаго боярами на московское царство королевича Владислава русскій народъ не захотѣлъ признавать, именно вслѣдствіе латино-шляхетскихъ притязаній поляковъ. Посмотримъ же, что дали поляки западно-русскому народу, столь безотчетно имъ предавшемуся по волѣ своихъ князей. Поляки, послѣ люблинскаго соединенія (1569 г.), дали ему почти одновременно іезуитовъ и евреевъ, и тѣмъ отняли отъ народа его высшее и частію среднее сословіе, создавъ по польскому образцу латинское шляхетство, а городское и все сельское туземное населеніе обратили въ хлопство, самое ужасное изъ всѣхъ видовъ рабства. Жизнь хлопа, въ послѣдніе даже годы существованія польскаго государства, оцѣнивалась въ 3 р. 25 к. на наши деньги. При составленіи пресловутой конституціи 3 мая 1791 года, депутаты заявляли, что хлопство необходимо для шляхетства, шляхетство погибнетъ при малѣйшей волѣ хлопча.

Поэтому и не было допущено ни малѣйшаго измѣненія въ положеніи хлопча. Выхода изъ хлопча не могло быть по множеству евреевъ, захватившихъ, при покровительствѣ поляковъ, всю торговлю, мастерство и промышленность. Никакой фабричной и кустарной промышленности не было развито въ краѣ, мастерства даже были въ младенчествѣ, и притомъ въ рукахъ евреевъ; все необходимое привозилось изъ чужихъ странъ. Православное духовенство было преслѣдуемо, унижено, обращено насильственно въ унию, которая была терпима, насколько соотвѣтствовала видамъ латинства. Дѣти духовенства обращались въ хлопча. Церкви отдавались на откупъ евреямъ. Все образованіе находилось въ рукахъ латинскаго духовенства, преслѣдовавшаго исключительно свои узкія цѣли; не давая ничего изъ обще-человѣческаго развитія, оно воспитывало шляхетство въ презрѣннн къ своему народу.

Въ такомъ видѣ западная Русь вошла въ составъ уже могущественной имперіи всероссійской. Петербургское правитель-ство, утверждавшее тогда въ своихъ областяхъ крѣпостное право, губернскія и дворянскія учрежденія, оставило и западно-русскій народъ въ крѣпостной зависимости латино-польской шляхты, не

пришло на помощь народно-русской силѣ и тѣмъ дало надежду враждебной ей силѣ продолжать борьбу, если не открытую, какъ прежде, то еще болѣе опасную—тайную.

Первымъ послѣдствіемъ освобожденія отъ Польши было исчезновеніе униі во многихъ мѣстахъ. Народъ десятками тысячъ возвращался къ православію. Не успѣвали присылать православныхъ священниковъ. Втеченіи полутора года возвратились на лоно православной церкви, безъ всякихъ волненій, болѣе 3 миллионовъ униатовъ. Это безпримѣрное явленіе въ исторіи церкви! Тутъ бессильны всякія возраженія. Путемъ приказовъ и насилій не совершаются подобныя явленія, тѣмъ болѣе, что было повсемѣстное противодѣйствіе пановъ и постоянные происки латинства. Въ короткое время Малороссія и восточная часть Бѣлоруссіи какъ будто не знали униі. Народно-русская сила оживилась, не смотря на крѣпостное право и чиновничество.

Императрица Екатерина II, не смотря на сочувствіе полякамъ нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ, напримѣръ, князя Потемкина-Таврическаго, породнившася съ графами Браницкими, желала слѣдовать русскому направленію; при ней отмѣнено дѣйствіе литовскаго статута и введено русское право, образованы губерніи и введены губернскія и уѣздныя учрежденія, какъ въ имперіи, и назначались на должности только русскіе чиновники. Много имѣній было конфисковано въ казну и роздано заслуженнымъ русскимъ людямъ. Опасные для государственныхъ дѣлей и вліятельные поляки были сосланы въ Сибирь. Начиная съ указа, даннаго 28 мая 1772 года на имя генерала графа Чернышева и затѣмъ на имя генераловъ Каховскаго и Кречетникова, цѣлый рядъ именныхъ высочайшихъ повелѣній и сенатскихъ указовъ, относящихся къ «провинціямъ, возвращеннымъ отъ Польши», убѣждаетъ въ стремленіи правительства слить неразрывно эти области съ имперією. Но, раздавая конфискованныя и вообще казенныя имѣнія заслуженнымъ русскимъ людямъ, правительство наше не привело въ извѣстность всѣхъ казенныхъ имѣній и потому очень многія остались въ неправильномъ потомственномъ владѣніи польскихъ пановъ.

Пруссія поступила иначе въ захваченныхъ ею польскихъ областяхъ, объявивъ всѣ земли принадлежащими казнѣ, съ предоставленіемъ владѣльцамъ доказывать судомъ свои права, и уже по судебнымъ опредѣленіямъ выдавались польскимъ панамъ нѣмецкіе акты укрѣпленія правъ на приведенныя въ извѣстность имѣнія. Всѣ же остальные имѣнія берлинское правительство обратило на германизацию областей и достигло блестящихъ

послѣдствій, онѣмечивъ избыткомъ своего населенія коренныя польскія области.

Въ литовско-русскомъ государствѣ коронныя или столовыя имѣнія были въ распоряженіи короля и служили для его содержанія, отдавались въ эмфитеутическое (50-ти-лѣтнее) владѣніе частныхъ лицъ, за опредѣленный доходъ, или оставались въ управленіи губернаторовъ (волостныхъ старшинъ), обязанныхъ вносить поземельный доходъ со всей волости въ королевскую кассу. Государству же принадлежали имѣнія подъ названіемъ: староствъ, державъ, экономій, цивунствъ, городничествъ, деревничествъ, ловчествъ, конюшествъ и войтовствъ. Наименованія имѣній произошли отъ должностей лицъ, коимъ онѣ предоставлялись королями, вмѣсто денежнаго содержанія, съ согласія сейма; съ 1775 года было опредѣлено: по смерти лицъ, владѣвшихъ подобными имѣніями, вновь не раздавать, а отдавать съ торговъ тому, кто больше дастъ, на 50-ти-лѣтнемъ (эмфитеутическомъ) правѣ. Объ этихъ имѣніяхъ наше правительство не собрало своевременно нужныхъ свѣдѣній. По уничтоженіи въ Польшѣ въ 1772 году иезуитскаго ордена, всѣ принадлежавшія ему имѣнія были взяты въ казну, отданы въ арендное содержаніе, и доходъ съ нихъ назначенъ въ эдукаціонный (образовательный) фондъ (фондъ, капиталъ). Кромѣ того, много королевскихъ имѣній было отдано польскимъ панамъ на ленномъ правѣ. По присоединеніи же литовско-русскихъ областей къ имперіи, по неприведенію въ извѣстность подобныхъ имѣній и правъ казны, большинство этихъ имѣній осталось въ незаконномъ владѣніи польскихъ или ополяченныхъ пановъ-помѣщиковъ.

Тѣмъ не менѣе можно было надѣяться тогда, что при оживленіи западной Россіи полонизмъ исчезнетъ безслѣдно, тѣмъ болѣе, что многіе тогдашніе западно-русскіе поляки были поляками только по имени и по шляхетскимъ притязаніямъ, а на дѣлѣ были русскими, иногда не знавшими даже польскаго языка.

Хотя и благородныя, но самыя гибельныя для западной Руси побужденія заставили преемниковъ Екатерины II измѣнить направленіе дѣлъ.

Французская революція была въ разгарѣ, престолы сосѣднихъ государствъ колебались, и было ясно, что выступаетъ сила, подымавшая знамя невѣрія. Императоръ Павелъ I былъ избранъ великимъ магистромъ мальтійскаго ордена и латинское духовенство нашло къ нему доступъ; а еще при Екатеринѣ II будущій императоръ Александръ I завязалъ тѣсную дружбу съ молодымъ, вполне ополяченнымъ русскимъ княземъ Адамомъ Чарто-

рыйскимъ (потомокъ Рюрика), умѣвшимъ вложить въ благородное сердце Александра Павловича состраданіе къ бѣдствіямъ польской шляхты.

Императоръ Павелъ I освободилъ многихъ поляковъ изъ изгнанія и возвратилъ имъ конфискованныя у нихъ имѣнія, изъ которыхъ выводили русскихъ людей, коимъ они были пожалованы, вознаграждая ихъ другими имѣніями внутри имперіи. Литовскій статутъ, хотя и заключавшій въ себѣ много русскихъ началъ, но и немало латино-германскихъ, отмѣненный здѣсь Екатериною II, былъ восстановленъ Павломъ I. Польская шляхта, и притомъ безъ особеннаго разбора, была введена въ русское дворянство и въ русское чиновничество. Передъ нею открылась вся широта правъ русскаго дворянства и стремленій русскаго чиновничества; ихъ значеніе и власть на дѣлѣ сдѣлались гораздо сильнѣе и крѣпче, чѣмъ въ слабомъ польскомъ государствѣ, когда имъ приходилось иногда бояться хлопства, а теперь они, подъ охраною сильной русской власти, могли безнаказанно давить западно-русскій народъ.

Насильственное удаленіе изъ западной Руси многихъ вліятельныхъ русскихъ помѣщиковъ побудило другихъ добровольно продавать свои жалованныя имѣнія въ польскія руки; возвращенные изъ ссылки поляки получали, какъ мученики, особое значеніе и вліяніе въ своей средѣ, и польскія начала стали болѣе чѣмъ прежде утверждаться въ край при содѣйствіи польскихъ чиновниковъ, наполнившихъ всѣ преобразованныя губернскія и уѣздныя учрежденія; русскій языкъ теперь уже усиленно вытѣснялся изъ общаго употребленія даже въ присутственныхъ мѣстахъ. Русскій языкъ, по распоряженію русскихъ властей, было воспрещено употреблять въ костелахъ, даже тамъ, гдѣ всѣ прихожане почти не знали польскаго языка. Дружба князя Адама Чарторыйскаго съ императоромъ Александромъ I еще болѣе оживила надежды латино-шляхетской силы, а русская народная сила сохранилась только въ бѣдномъ православномъ духовенствѣ и въ закрѣпощенномъ народѣ.

Мечты о восстановленіи Польши въ прежнихъ границахъ получали удовлетвореніе въ подготовленіи молодаго поколѣнія. Адамъ Чарторыйскій съ увлеченіемъ занялся этимъ подготовленіемъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, подъ покровительствомъ петербургскаго правительства и большею частію на средства русской казны. Въ 1803 году восстановлена была виленская иезуитская академія подъ именемъ университета. Иезуитская сущность—подавленіе въ край всего русскаго и православнаго—

осталась въ новомъ университетѣ неприкосновенною, только была успѣшно обставлена научными усовершенствованіями и воплощена болѣе прежняго въ колонизаціи. Вообще можно сказать, что польская національная наука выступила въ виленскомъ университетѣ въ такомъ величїи, въ какомъ никогда не являлась въ польскомъ государствѣ. При университетѣ же находились латинская и униатская академіи, подъ именемъ главной семинаріи. Въ Малороссїи же, въ Кременцѣ, былъ устроенъ кременецкій лицей подъ управленіемъ графа Чацкого, совѣтника и руководителя Чарторыйскаго. Изъ этихъ высшихъ заведеній выходили готовые для возстановленія Польши поляки. Всѣ училища западной Россїи были подчинены виленскому университету, а все среднее образованіе Чарторыйскій ввѣрилъ латинскому воспитательному ордену піаровъ, которые, не преслѣдуя, подобно іезуитамъ, всемірныхъ цѣлей, болѣе подходили къ польскимъ цѣлямъ, и даже охотно допускали научныя усовершенствованія, которыхъ не терпѣли іезуиты. Для ополченія же русской молодежи былъ избранъ, униатскій базилианскій орденъ, который, при чисто іезуитскихъ и польскихъ началахъ, сохранялъ восточныя и русскіе обряды. Число базилианскихъ училищъ было увеличено и онѣ были поддерживаемы Чарторыйскимъ, ставшимъ кураторомъ университета, слѣдовательно, во главѣ всего просвѣщенія въ западной Руси, и не жалѣвшего денегъ русской казны на блестящее устройство и содержаніе учебно-воспитательныхъ заведеній въ Западномъ краѣ. Чарторыйскій привелъ въ извѣстность всѣ когда-либо сдѣланныя пожертвованія на дѣло образованія и потребовалъ, чрезъ посредство русскихъ властей, платежа съ имѣній жертвователей.

Но попытки правительства привести въ извѣстность имѣнія, подлежащія переходу въ казну, не привели къ подобнымъ успѣшнымъ послѣдствіямъ. Всѣ имѣвшіяся въ виду имѣнія, какъ государственныя имущества, до учрежденія особаго министерства, такъ и имущества латинскаго духовенства состояли въ вѣдѣніи мѣстныхъ казенныхъ палатъ и уѣздныхъ стряпчихъ. Но большинство казенныхъ имуществъ находилось, по привилегіямъ королей и опредѣленіямъ бывшихъ сеймовъ, въ долгосрочномъ или пожизненномъ владѣніи частныхъ лицъ; свѣдѣнія же о такихъ имѣніяхъ, какъ выше было сказано, своевременно не были собраны, не смотря на инструкціи, данныя при занятїи провинцій, возвращенныхъ отъ Польши. Указами 24 января 1808 г. и 21 мая 1813 г. было подтверждено о собранїи этихъ свѣдѣній, но безуспѣшно, такъ что, указомъ 22 апрѣля 1824 г., было

строжайше повелѣно истребовать представленія втеченіи года отъ всѣхъ владѣльцевъ бумаги и привилегій, по коимъ они владѣютъ имѣніями, все немедленно разсмотрѣть и въ дальнѣйшемъ (сказано въ указѣ) поступить по закону. Но польскіе чиновники нашли возможнымъ затормазить еще это дѣло. Изъ высочайше утвержденного 18 декабря 1830 года мнѣнія государственнаго совѣта видно, что со времени возвращенія Западнаго края до 1830 года ничего не сдѣлано по приведенію въ извѣстность казенныхъ имѣній, а потому государственный совѣтъ опредѣлилъ отмѣнить дѣйствіе указа 22 апрѣля 1824 г. по разсмотрѣнію бумагъ на право владѣнія имѣніями вообще. Равнымъ образомъ, не всѣ подлежащія конфискаціи имущества по мятежу 1831 года поступили въ казну; по многимъ изъ нихъ заинтересованныя лица съумѣли, при содѣйствіи мѣстныхъ польскихъ чиновниковъ, затянуть дѣла до указа 6 декабря 1862 года, по которому повелѣно, всѣ не поступившія по конфискаціи въ казну имѣнія оставить за владѣльцами и дѣла по нимъ прекратить.

Совершенно то же послѣдовало по конфискованнымъ имѣніямъ по послѣдному мятежу 1863 года. Правила 7 декабря 1867 года (о выдѣлѣ конфискованныхъ частей) и 26 января 1868 года (о ликвидаціи долговъ по конфискованнымъ имѣніямъ) дали возможность заинтересованнымъ лицамъ, по бывшимъ примѣрамъ, затянуть дѣла до высочайше утвержденныхъ 13 мая 1873 года и 3 февраля 1874 года положеній комитета министровъ, которыми повелѣно: всѣ дѣла по конфискованнымъ имѣніямъ прекратить и вновь не вчинать, и всѣ имѣнія, по коимъ дѣла не окончены производствомъ къ маю 1873 г., освободить вовсе отъ конфискаціи.

Такимъ образомъ, и въ послѣднее время повторились случаи отобранія отъ новыхъ русскихъ землевладѣльцевъ конфискованныхъ имѣній для возвращенія полякамъ.

Возстановленіе варшавскаго герцогства въ 1807 году Александромъ I, по соглашенію съ Наполеономъ I, возбудило надежды поляковъ на императора французовъ и наглядно показало петербургскому правительству, насколько опасно для западной Руси повровительство латино-польской шляхты. Въ 1812 году эта шляхта применила къ полчищамъ Наполеона и давала себя знать въ Россіи своими жестокостями. Въ Москвѣ народъ

особенно боялся жестокостей французовъ, понимавшихъ и говорившихъ по-русски (поляки).

По изгнаніи французовъ изъ Россіи и освобожденіи отъ нихъ Европы, Александръ I не измѣнилъ своихъ чувствъ къ польской шляхтѣ, забывъ ихъ только что доказанную неблагодарность, и, вопреки всей Европѣ и русскаго общественнаго мнѣнія, возстановилъ герцогство варшавское подъ именемъ царства Польскаго, даровавъ ему конституцію, поставивъ во главѣ вновь созданной шляхетской Польши—своего брата, Константина Павловича, подчинивъ ему и западныя области Россіи. Но новая жизнь усиливала въ польской шляхтѣ все большую и большую ненависть къ Россіи. Въ западной Россіи тайныя общества развивали и укрѣпляли латино-шляхетскую силу, получившую обновленіе своихъ стремленій въ образованіи молодежи. Народно-русская сила держалась по прежнему въ формѣ религиозной, въ братствахъ и въ униатскомъ вопросѣ. Быстрое оживленіе, блескъ и шумъ польской силы въ западной Руси совершенно заслонили собою народную жизнь и какъ будто скрыли ее отъ взоровъ правительства и общества. Вслѣдъ за коронованіемъ императора Николая I польскимъ королевскимъ вѣнцомъ въ 1829 г. въ Варшавѣ и обѣщаніемъ соблюдать всѣ дарованныя права, въ концѣ слѣдующаго 1830 года вспыхнуло польское возстаніе, еще разъ доказавшее всему міру неблагодарность латино-польской шляхты. Строгія, по виду, мѣры были приняты для подавленія враждебной Россіи силы; но ядъ, проникшій въ организмъ этого несчастнаго края, не былъ исторгнутъ. Хотя литовскій статутъ и былъ вновь отмѣненъ, виленскій университетъ, многіе латинскіе монастыри съ своими училищами и нѣкоторые костелы закрыты, но латинское духовенство, а также ополяченная и польская шляхта сохранили свою силу и подъ покровомъ глубокой тайны продолжали свою темную работу. Вслѣдствіе этой темноты и неясности представленія о Западномъ краѣ, не было достаточно оцѣнено движеніе народно-русской силы въ дѣлѣ воссоединенія оставшихся въ западной Руси униатовъ, совершившемся 28 марта 1839 г.

Велика въ этомъ дѣлѣ заслуга извѣстнаго Луцкаго униатскаго каноника, впоследствии митрополита литовскаго Іосифа Сѣмашко, представившаго высшему правительству дѣло въ истинномъ свѣтѣ и побѣдившаго равнодушіе нѣкоторыхъ и неумѣстную щекотливость другихъ сановниковъ, смотрѣвшихъ на западную Русь сквозь очки, надѣтыя Чарторыйскимъ и ему подобными. Много помогъ въ этомъ дѣлѣ тогдашній министръ

внутреннихъ дѣлъ графъ Д. Н. Блудовъ, незараженный европеизмомъ, видѣвшій откуда возникаютъ затрудненія. Еще помогло, пущенное въ то время чрезъ Варшаву, въ самыя высшія правительственныя сферы, анонимное письмо, въ которомъ представлялось стремленіе униатовъ къ православію; преступною интригою бѣлаго униатскаго духовенства противъ монаховъ базилианъ, которые, по своему неумолимому усердію къ дѣламъ церкви, сравнены съ іезуитами въ латинской церкви. Последняя фраза даже равнодушнымъ открыла глаза и, можно сказать, рѣшила дѣло. По воссоединеніи униатовъ митрополитъ Іосифъ обратилъ особенное вниманіе на воспитаніе и образованіе будущаго православнаго духовенства въ западной Руси, будущихъ единственно надежныхъ дѣателей народно-русскаго дѣла, вынесшихъ на своихъ плечахъ это правое дѣло до возрожденія народа въ 1863 г.

Послѣ мятежа 1831 г., правительство, находя полезнымъ имѣть въ краѣ вліятельныхъ русскихъ помѣщиковъ и удалить опасныхъ и готовыхъ на всякіе безпорядки лицъ изъ польской шляхты, признало полезнымъ учрежденіе маіоратовъ и выселеніе шляхты. Но эти намѣренія ограничились для Сѣверо-Западнаго края выселеніемъ на кавказскую линію не болѣе 50 семействъ шляхты, гдѣ они, сдѣлавшись казаками, совершенно обрусѣли, забыли польскій языкъ и обратились въ расколъ. Былъ образованъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ только одинъ маіоратъ (Юрбургъ), пожалованный князю Васильчикову. Первое время послѣ 1831 г. были назначены губернаторы исключительно изъ русскихъ людей, несвязанныхъ никакими отношеніями съ польскимъ дворянствомъ, какъ, напримѣръ, извѣстенъ былъ гродненскій губернаторъ М. Н. Муравьевъ (впоследствии виленскій генералъ губернаторъ и графъ); дѣятельность его за это время описана въ біографіи, составленной Кропотковымъ.

Впоследствии эта мѣра осторожности болѣе не соблюдалась при назначеніи на всѣ должности въ краѣ, не исключая даже учебнаго вѣдомства, и мы знаемъ, что даже кадеты виленскаго кадетскаго корпуса принимали сочувственное участіе въ безпорядкахъ 1863 г., не говоря уже о всѣхъ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ. Русскій языкъ было воспрещено употреблять въ костелахъ, а изъ присутственныхъ мѣстъ онъ вытѣснялся постепенно польскими чиновниками, занимавшими почти всѣ должности. Латино-шляхетская сила успѣла убѣдить всѣхъ, исповѣдывающихъ латинство, о принадлежности ихъ къ польской народности. Дѣйствительно, очевидная выгода была на сторонѣ тѣхъ,

кто причислялъ себя къ польской народности, и самое исповѣданіе хлопской вѣры служило для многихъ препятствіемъ къ достиженію извѣстнаго рода благосостоянія, если при этомъ не была усвоена польская народность.

По всѣмъ этимъ причинамъ ополяченіе туземнаго населенія приобрѣтало все большее и большее развитіе уже въ среднихъ кружкахъ, проникая все ниже и глубже; одновременно съ этимъ положеніе литовско-русскаго народа дѣлалось все хуже и хуже, обративъ, наконецъ, вниманіе мѣстныхъ высшихъ властей въ лицѣ генераль-губернаторовъ Васильчикова и Бибикова. Для прекращенія дальнѣйшаго обезземеленія народа были введены особыя инвентарныя вѣдомости, и само правительство приводило въ извѣстность количество земель, принадлежащихъ крестьянамъ, и укрѣпляло за ними. Послѣдовавшее затѣмъ ослабленіе надзора русскихъ властей допустило цѣлый рядъ злоупотребленій, особенно участившихся въ краѣ, когда сдѣлалось извѣстнымъ предстоившее освобожденіе крестьянъ съ землею. Оставшись вѣрнымъ себѣ, польское дворянство пыталось ввести правительство въ заблужденіе, изъявляя готовность способствовать дѣлу личнаго освобожденія крестьянъ (высочайшій указъ на имя виленскаго генераль-губернатора Назимова), вѣроятно надѣясь достигнуть того же, что прибалтійское дворянство въ царствованіе Александра I. Извѣстно, въ какомъ видѣ было представлено крестьянское дѣло депутатами дворянства Сѣверо-Западнаго края, вызванными въ редакціонную комисію подъ предсѣдательствомъ Я. И. Ростовцева (впослѣдствіи графа).

Не лучше себя заявили и мировые посредники изъ мѣстнаго дворянства, на которыхъ было первоначально возложено приведеніе въ дѣйствіе положенія 19 февраля 1861 г.

Но, къ счастью для западно-русскаго народа, латино-польская шляхта, отчасти подъ вліяніемъ возвращенныхъ съ 1856 года изъ ссылки по мятежу 1831 г., а главнымъ образомъ подъ вліяніемъ польской эмиграціи, покровительствуемой во Франціи Наполеономъ III, а также составившагося изъ заграничныхъ выходцевъ послѣ 1831 г. новаго латинскаго ордена «змартвыхъ-встанцевъ» (изъ мертвыхъ вставшихъ),—примкнула къ мятежной Польшѣ и выставила изъ своей среды и мѣстнаго латинскаго духовенства много рѣшительныхъ, открытыхъ и до поры тайныхъ дѣятелей мятежа на разныхъ поприщахъ общественной и государственной дѣятельности, въ то самое время, какъ Александръ II, предавая забвенію прошлое, даровалъ разныя льготы и милости польской шляхтѣ въ царствѣ Польскомъ. Составив-

шіяся въ Сѣверо-Западномъ краѣ общества трезвости, подѣ по-лезною вывѣскою, преслѣдовали преступные замыслы, имѣя опытныхъ руководителей изъ старыхъ дѣятелей тайныхъ обществъ. Польская шляхта еще разъ постаралась доказать, какъ она цѣ-нить оказываемыя ей благодѣянія. Но это послѣднее возстаніе (1863 г.) польской шляхты оказало громадную услугу западно-русскому народу, который уже послѣ 19 февраля 1861 года былъ призванъ къ новой жизни, совмѣстно со всѣмъ русскимъ народомъ. Русское общество ознакомилось съ прошлымъ и на-стоящимъ западно-русскаго народа и братски встрѣтилось на новомъ пути внутренняго преуспѣянія на народныхъ началахъ, указанномъ ему царемъ-освободителемъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Положеніе Сѣверо-Западнаго края (литовской Руси) передъ 1863 годомъ.—Значеніе польско-шляхетской силы.—Генераль-губернаторъ Назимовъ.—Мятежъ 1863 года.—Назначеніе М. Н. Муравьева въ Вильну.

Предъ послѣднимъ мятежемъ 1863 года, польско-шляхет-ская сила получила положительное преобладаніе надъ народно-русскою силою, даже большее, чѣмъ при существованіи поль-ской государственной власти, всячески ей покровительствовавшей по своимъ разсчетамъ объединенія всего государства.

Въ то время она дѣйствовала открыто и преимущественно въ высшихъ общественныхъ слояхъ, а съ утвержденіемъ здѣсь русской власти, польская сила должна была дѣйствовать осто-рожно, осмотрительно и стремилась проникать въ средніе и низшіе общественные слои. Учебно-воспитательная дѣятельность князя Адама Чарторыйскаго, опиравшаяся на латинскій орденъ піаровъ и униатскій—базилианъ, достигла желаемыхъ послѣдствій, такъ что въ 1859 году на сторонѣ враждебной Россіи силы было почти все туземное населеніе Сѣверо-Западномъ края, за исключеніемъ старовѣровъ, хлопства и бѣднаго, приниженаго православнаго духовенства. Вся мѣстная интеллигенція, безъ разли-чія исповѣданія, порвавъ всѣ связи съ народомъ, считала себя поль-скою, усвоивъ себѣ польскій языкъ и польскіе обычаи, стыдясь даже родственныхъ отношеній съ хлопствомъ и вообще со всѣми

русскими. Богатое латинское духовенство, хорошо обеспеченное и много получавшее отъ богатыхъ пановъ, жило роскошно, поражало всѣхъ блескомъ своей обстановки и великолѣпнѣйшми костюмовъ, множествомъ торжественныхъ богослуженій и процесій, при большомъ стеченіи народа и мѣстной знати, и тѣмъ еще болѣе указывало на нищету и убожество православныхъ храмовъ и духовенства. Изданные по высочайшему повелѣнію «Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ» П. Н. Батюшковымъ наглядно и обстоятельно представляютъ на судъ русскаго общества бѣдственное положеніе православія въ этомъ искони русскомъ краѣ, до котораго оно было доведено въ послѣднее передъ 1861 годомъ время. Въ самой Вильнѣ, мѣстѣ нахождения высшей русской власти въ краѣ, православные храмы поражали своею бѣдностью. Старый митрополитальный соборъ, обращенный первоначально въ анатомическій музей при виленскомъ университетѣ, послѣднее время, передъ 1863 годомъ, былъ занятъ войсковыми мастерскими и въ немъ, на мѣстѣ алтаря, была кузница. Древнѣйшій въ Литвѣ христіанскій храмъ въ Вильнѣ св. Параскевы-Пятницы былъ такъ застроенъ домами, что оказался на заднемъ дворѣ, окруженный навозными ямами и т. п. Извѣстный авторъ путешествія къ св. мѣстамъ А. Н. Муравьевъ въ своей книжкѣ «Русская Вильна» поэтически описываетъ впечатлѣнія русскаго при вѣздѣ въ русскую Вильну.

Больно, обидно и стыдно русскому вспоминать объ этомъ грустномъ времени.

Панство и польское чиновничество дѣлало все, чтобы унижить въ глазахъ народа хлопскую вѣру, и намѣренно приписывало русскому правительству всѣ тяжелыя для народа распоряженія, большую часть принимаемая по домогательствамъ самихъ же пановъ и чиновниковъ. Многие изъ русскихъ вліятельныхъ людей продали полякамъ пожалованныя имъ или ихъ отцамъ и дѣдамъ имѣнія при Екатеринѣ II, а другіе, не живя въ краѣ, отдавали свои болѣе или менѣе значительныя имѣнія въ аренду или въ управленіе мѣстной польской шляхтѣ, умѣвшею найти къ нимъ доступъ и угождать имъ, соблюдая свои выгоды. Эти русскіе люди были чужды краю, получая только исправно хорошій доходъ. Нѣмецкіе бароны, прибрѣтавшіе имѣнія близъ Курляндіи, были всегда чужды всему русскому и ближе подходили къ шляхетскимъ воззрѣніямъ на народъ — какъ на хлоповъ. Оставшіеся въ краѣ православные средніе и мелкіе помѣщики и чиновники по большей части были постав-

лены въ необходимость заискивать благорасположеніе пановъ, заразившись шляхетскими воззрѣніями, гнушались народа и усвоили себѣ польскіе обычаи и польскій языкъ и въ домашнемъ быту. Всѣмъ этимъ они сдѣлались чужды для народа и приобрѣли себѣ какое-то неопредѣленное положеніе въ краѣ. Въ прежнее время, при смѣшанныхъ по религіи бракахъ предоставлялось родителямъ воспитывать дѣтей въ какой они пожелаютъ вѣрѣ, поэтому можно встрѣтить поляковъ Пушкиныхъ, Поповыхъ, Макаровыхъ и др. Нѣкоторые изъ нихъ участвовали въ мятежѣ 1863 года. Послѣ 1831 года былъ установленъ существующій нынѣ законъ, по которому дѣти обязательно должны быть православными, если кто либо изъ родителей исповѣдуетъ эту вѣру. Но при столь свойственномъ русскимъ людямъ равнодушіи часто повторялись случаи совершеннаго ополяченія, при смѣшанныхъ бракахъ, православныхъ, не только дѣтей, но и супруговъ. Извѣстно, что въ Вильнѣ графъ О. былъ увлеченъ въ безпорядки своею супругою, урожденною княгинею Г. (чисто русскою и православною). Но чаще бывали случаи обратные, т. е. увлеченія русскихъ людей польскими женщинами, руководимыми есендзами, вмѣшивавшимися во всѣ семейныя отношенія. Конечно, одно исповѣданіе православной вѣры дѣтей, воспитанныхъ по польско-шляхетскимъ началамъ не сдѣлаетъ ихъ вѣрными сынами отечества, но все-таки до нѣкоторой степени удаляетъ отъ враждебной Россіи силы и, при благоприятныхъ для нихъ условіяхъ, можетъ привести ихъ на истинный путь народныхъ интересовъ края. Для большихъ успѣховъ своего дѣла, латино-шляхетская сила, пользуясь своимъ вліятельнымъ положеніемъ, усиленно создавала новыхъ дворянъ, преимущественно изъ домашней прислуги, посредствомъ всевозможныхъ подлоговъ, такъ что число дворянъ въ западныхъ областяхъ достигло огромныхъ размѣровъ. При этомъ требовалась только непремѣннымъ условіемъ, отреченіе отъ своей народности и причисленіе себя по вѣрѣ, языку и обычаямъ къ польской интеллигенціи. Нынѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ большинство лакеевъ, поваровъ, кучеровъ и т. п. исповѣдающихъ латинство — дворяне.

Независимо сего, враждебная сила успѣшно проводила убѣжденіе (послѣ воссоединенія униатовъ), по которому всѣ латиняне принадлежать къ польскому шляхетству, что представляло въ то время существенную для нихъ выгоду, возбуждая въ нихъ шляхетскія мечтанія и притязанія. Убѣжденіе это утверждалось еще болѣе тѣмъ, что во всѣхъ костелахъ (кромѣ жмуди) они слышали, кромѣ непонятнаго всѣми языка латинскаго, въ про-

повѣдяхъ и въ дополнительномъ богослуженіи только польскій языкъ. Ксендзы, вполне ополяченные въ семинаріяхъ, на исповѣди и вообще въ разговорахъ съ своими прихожанами употребляли только польскій языкъ.

Бѣдное православное духовенство находилось въ невольной зависимости отъ пановъ и чиновниковъ, заискивая ихъ расположеніе для возможнаго существованія; не находя поддержки въ своемъ духовномъ начальствѣ, оно не могло заступничествомъ своимъ ограждать народъ отъ произвола притѣснителей и часто само подвергалось разнымъ обидамъ. Но къ чести духовенства нужно сказать, что оно, говоря въ своемъ домашнемъ быту по-польски, унижаясь предъ панами и чиновниками по необходимости, тѣмъ не менѣе не порывало связей съ народомъ, жило его жизнью, терпѣло съ нимъ всякія обиды, и съ нимъ ожидало лучшихъ дней. Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе духовенство, воспитанное митрополитомъ Іосифомъ Сѣмашко (умершимъ въ 1868 году). Православное духовенство было представителемъ народно-русской силы въ краѣ, и до 1863 года испытало на себѣ всю тягость борьбы съ латино шляхетскою силою.

Слушая рассказы о томъ, какъ паны приказывали своихъ собакъ вѣнчать или хоронить по православнымъ обрядамъ, или предавать анафемѣ въ храмахъ ненавистныхъ имъ русскихъ дѣятелей,—удивляешься тому, что все это безпрепятственно и чуть не ежедневно совершалось въ XIX вѣкѣ въ русскомъ государствѣ. Но полное отсутствіе гласности и невозможность бороться съ польскою силою допускали самыя возмутительныя дѣйствія разнузданнаго своеволія латинскаго шляхетства.

Варварское повѣшеніе священника Конопасевича, помѣщикомъ Свенторжецкимъ, на воротахъ его дома, передъ глазами несчастной семьи, по подозрѣнію въ доносѣ на него, останется тяжелымъ воспоминаніемъ потомству о временахъ господства латино-шляхетской силы.

Въ 1857 году были присланы отъ министерства государственныхъ имуществъ, для люстраціи казенныхъ имѣній, чиновники, большинство коихъ, если не всѣ, оказались поляками. Работы по поземельному устройству казенныхъ селеній производились подъ руководствомъ тайной польской силы. Отъ многихъ селеній отрѣзались лучшія земли для образованія казенныхъ фермъ, отдаваемыхъ въ аренду польской шляхтѣ. Во многихъ селеніяхъ отводились надѣлы для шляхты за казенный оброкъ. Латинское духовенство по разнымъ недоразумѣніямъ

получало лучшіе и большіе надѣлы, чѣмъ православное духовенство, которому иногда отводились надѣлы въ мелкихъ кускахъ и въ дальнемъ разстояніи отъ причтовыхъ помѣщеній. Жалобы на эти дѣйствія не были уважены, и только послѣ 1863 года повѣрочная люстрація (исключительно изъ русскихъ чиновниковъ) измѣнила столь несправедливое положеніе дѣлъ, по отношенію къ крестьянамъ и православному духовенству.

Паны и шляхта господствовали вездѣ и во всемъ; западно-русскій народъ чувствовалъ ихъ гнетъ въ частныхъ имѣніяхъ отъ помѣщиковъ, управителей и арендаторовъ, а въ казенныхъ — отъ польскихъ чиновниковъ, не находя нигдѣ защиты и лишенный права, по существовавшимъ тогда законамъ, жаловаться на своихъ притѣснителей.

Казалось бы неизбежнымъ ополченіе всего народа для облегченія себя отъ невыносимаго гнета латинской шляхты. Но шляхетскія преданія и глубокое презрѣніе къ хлопству сохранили народность въ сельскомъ населеніи. При всемъ этомъ латинское духовенство и шляхта жаловались вездѣ на притѣсненія и гоненія русскихъ властей. Впрочемъ это ихъ отличительная черта — жаловаться, когда имъ хотя немного препятствуютъ угнетать другихъ въ волю.

Положеніе хлопства, въ особенности исповѣдующаго православіе, было бѣдственно. Латинская жмудь, сохранившая свой языкъ и обычаи, находилась въ сравнительно лучшемъ положеніи. Старовѣры, пришедшіе изъ восточной Руси, съ давнихъ временъ жили въ Витебской, Виленской и Ковенской областяхъ, сохранивъ вполне свою народность и не поддавшись нисколько чуждымъ имъ началамъ. По всей вѣроятности, немало православныхъ, спасаясь отъ насильственнаго обращенія въ унию, примкнули къ старовѣрамъ и составили довольно сплоченную общими выгодами русскую силу въ краѣ. При польской государственной власти на нихъ не было обращено вниманія, но съ начала XIX вѣка они подвергались по временамъ преслѣдованіямъ, какъ и въ восточной Россіи, за свое исповѣданіе, что, конечно, еще болѣе сплотило ихъ. На нихъ, называемыхъ здѣсь кацапами, бурлаками, смотрѣли, какъ на разбойниковъ, хотя помѣщики очень дорожили ими, какъ надежными сѣмщиками невоздѣланныхъ пустырей и лѣсныхъ пасѣкъ. На всѣ тяжелыя работы нанимали кацаповъ; сильные, трезвые и неутомимые, они были лучшими землекопами, плотниками, каменщиками и т. п. Живя, такъ сказать, внѣ закона, они, конечно, не всегда были безупречны. Но многое имъ приписывалось напрасно,

изъ ненависти къ ихъ русскому происхожденію. Поляки при этомъ еще побаивались ихъ. Старожилы разсказываютъ, что старовѣры никогда не воровали и не грабили у русскихъ и иногда даже охраняли отъ воровъ имущество православнаго духовенства, не смотря на то, что это духовенство всегда относилось (кромѣ лучшихъ его представителей) крайне враждебно къ нимъ. Но, не смотря на преслѣдованія ихъ, какъ раскольниковъ, на ненависть къ нимъ мѣстной интеллигенціи, старовѣрамъ все-таки жилось гораздо лучше хлопства; они свободно располагали собою и могли приобрѣтать нѣкоторую зажиточность, умѣя вести дѣло и съ панями, и съ евреями, и съ мѣстными полицейскими чинами.

Евреи, призванные въ край поляками вслѣдъ за люблинскимъ соединеніемъ (1569 г.) одновременно съ іезуитами, захватили въ свои руки всю торговлю, мастерства, торгашества, промыслы, факторство и ростовщичество, сдѣлались необходимыми принадлежностями всѣхъ шляхетскихъ затѣй. Занявъ мѣсто между шляхетствомъ и народомъ, они стали стѣною, преграждающею выходъ сельскаго люда изъ земледѣльцевъ въ мѣщанство для другихъ занятій. Поэтому все туземное городское населеніе силою обстоятельствъ обратилось къ земледѣлію, а города наполнились евреями. Туземное мѣщанство, гдѣ нѣтъ старовѣровъ, состоитъ почти исключительно изъ евреевъ. До послѣдняго мятежа евреи были послушнымъ орудіемъ въ рукахъ пановъ.

Призванные въ край поляками почти одновременно съ евреями, іезуиты глубоко пустили здѣсь корни нравственнаго воспитанія народа на извѣстныхъ началахъ, что цѣль оправдываетъ всѣ средства, и что все позволено для достиженія извѣстной цѣли. На этихъ началахъ латино-шляхетская сила развивалась въ Сѣверо-Западномъ краѣ подъ владычествомъ Россіи. По закрытіи вилнскаго университета послѣ 1831 года, среднія учебныя заведенія не были окончательно освобождены отъ вреднаго вліянія польской силы и потому много молодежи было увлечено въ мятежное движеніе 1863 года. Приѣзжая изъ среднихъ заведеній края для высшаго образованія въ столицы, молодые люди составляли особые кружки, находя руководителей, увѣривавшихъ въ нихъ, подъ видомъ любви къ отечеству, польскія мечтанія въ латино-шляхетскомъ духѣ; кружки эти привлекали къ себѣ и воспитанниковъ закрытыхъ военно-учебныхъ заведеній и заражали ихъ ядомъ ненависти ко всему русскому, возбуждая надежды на восстановленіе шляхетской Польши отъ моря до моря

(отъ Балтійскаго до Чернаго). Трудно сомнѣваться въ томъ, что въ числѣ руководителей кружковъ находились и тайные приверженцы ордена «смартвыхвстанцевъ». Подобные кружки существовали и въ другихъ большихъ городахъ. Въ столицахъ разныя вліятельныя должности занимали поляки, приверженцы враждебной Россіи силы, и помогали своимъ младшимъ сотрудникамъ въ дѣлѣ служенія шляхетскому ржонду, уже образовавшемуся въ то время. Независимо отъ сего старались пробудить сочувствіе въ Польшѣ (шляхтѣ) въ русскомъ обществѣ и достигали только въ средѣ (прозванной поляками) панургова стада интеллигенціи, оторвавшейся отъ народа и преклонявшейся передъ всѣмъ враждебнымъ Россіи.

Распоряженія правительства не всегда даже приводились въ исполненіе, если онѣ не нравились польской силѣ, а если и приводились, то въ искаженномъ видѣ. Выше было рассказано (глава II), какимъ образомъ большинство казенныхъ имѣній осталось въ потомственномъ владѣніи пановъ и свѣдѣнія о тѣхъ имѣніяхъ, вопреки многимъ повелѣніямъ, не были собраны. Равнымъ образомъ распоряженія о закрытіи нѣкоторыхъ монастырей по смерти наличныхъ, въ то время, монаховъ обходились тѣмъ, что монахи въ тѣхъ монастыряхъ, повидимому, жили маусаиловы годы, если только не допустить предположенія, что ихъ составъ тайно обновлялся. Извѣстно тоже, какъ было обойдено распоряженіе о передачѣ въ вѣдѣніе православнаго духовенства часовни при костелѣ св. Терезіи, т. е. часовни при Острыхъ воротахъ, съ особо почитаемою древле-православною иконою Божіей Матери Остробрамской.

Все вышеизложенное поясняетъ, какъ постепенно подготовлялось отдѣленіе западной Руси отъ восточной.

Милости, оказанныя Александромъ II царству Польскому, возвращеніе въ край ссыльныхъ по прежнему мятежу, прекращеніе дѣлъ по конфискаціи имѣній и нѣкоторыя другія, милостивыя для поляковъ распоряженія возбудили вновь мятежное движеніе въ шляхетствѣ. Слабость высшей мѣстной власти въ Вильнѣ къ проявленіямъ польскаго мятежнаго духа и строгость въ малѣйшимъ волненіямъ хлопства, всегда вызваннымъ притѣсненіями пановъ, давали поводъ польской силѣ разсчитывать на успѣхъ. Дѣйствительно, положеніе дѣлъ было таково, что впослѣдствіи поляки (судя по себѣ) увѣряли, что будто генералъ губернаторъ Назимовъ намѣренно подготовлялъ мятежъ для принатія затѣмъ крутыхъ мѣръ противъ латинства и шляхетства. Очевидно, что подобный упрекъ въ іезуитизмъ былъ

менше всего заслуженъ добродушнымъ В. И. Назимовымъ, истинно добрымъ, но крайне недальновиднымъ сановникомъ, не видѣвшимъ опасности тамъ, гдѣ она существовала. Ближайшимъ къ В. И. Назимову челоѡкомъ въ Вильнѣ былъ, жившій у него въ качествѣ домашняго секретаря, извѣстный главный двигатель мятежа въ Литвѣ—Жварждовскій, повѣщенный при М. Н. Муравьевѣ. В. И. Назимовъ исходатайствовалъ, по причинѣ неуражаеиъ, постигшихъ Сѣверо-Западный край передъ мятежемъ, выводъ большей части войскъ изъ края.

Не подозревая ничего, В. И. Назимовъ давалъ большой балъ въ день люблинскаго соединенія Литвы съ Польшею (10 января). На этомъ балѣ былъ окончательно выработанъ планъ открытаго мятежа, разразившагося въ ту же ночь въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Разсказываютъ, что именно на большой картѣ Сѣверо-Западнаго края съ обозначеніемъ расположенія войскъ были соображены въ кабинетѣ генералъ-губернатора дѣйствія мятежническихъ шаговъ, а затѣмъ, послѣ бала, повстанскіе двигатели разѣхались по мѣстамъ.

Вильна приняла особый видъ. Ношеніе траура по жертвамъ за «ойчизну» въ Варшавѣ сдѣлалось для всѣхъ обязательнымъ, и даже русскіе вынуждены были подчиниться этому, изъ опасенія подвергнуться карѣ тайнаго ржонда. Смирненіе русскихъ было удивительно; такъ, напримѣръ, что дочь одного изъ высокопоставленныхъ лицъ въ Вильнѣ, получивъ на улицѣ плевокъ въ лицо, пошла, будучи православною, въ «костель» молиться за оскорбившаго ее. Обливаніе же цвѣтныхъ платевъ было дѣломъ обыкновеннымъ. На вопросы на русскомъ языкѣ не получали отвѣтовъ въ магазинахъ, лавкахъ, отъ извозчиковъ и даже евреевъ, называвшихъ себя, какъ въ Варшавѣ, поляками моисеева закона.

Все какъ будто потеряло голову. Тероръ, наведенный подземнымъ ржондомъ, сдѣлался повсемѣстнымъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Польскіе паны, ободренные успѣхомъ, отвернулись отъ русской власти и явно пренебрегали ею. Нѣсколько русскихъ крестьянъ прибѣжали въ Вильну изъ имѣнія помѣщика Акко близъ Ковны сообщить, что въ этомъ имѣніи готовятъ мятежническія шайки. Изъ Ковны былъ посланъ эскадронъ конницы съ офицерами-поляками. Помѣщикъ Акко угостилъ гостей, о прибытіи коихъ онъ былъ своевременно увѣдомленъ, и было донесено, что все обстоитъ благополучно. Крестьяне, какъ ложные доносчики, были посажены въ остроги, а ихъ родственники пострадали отъ помѣщика Акко. Только по пріѣздѣ М. Н. Муравьева въ Вильну была обнаружена полная спра-

ведливость словъ крестьянъ. Имѣніе Акко было конфисковано и обращено подъ водвореніе русскихъ крестьянъ, пострадавшихъ за свою преданность правительству (нѣкоторые изъ нихъ были повѣшены мятежниками). Тамъ была сооружена православная церковь, и первая русская слобода на Жмуди была названа Александровскою, на мѣстѣ, памятномъ мученическою кончиною вѣрныхъ сыновъ отечества. Тамъ же была построена казарма для эскадрона конницы.

Не буду распространяться о всѣхъ проявленіяхъ варварства и жестокости, ознаменовавшихъ открытое возстаніе шляхетской силы, а также о насиліи и обманахъ, къ коимъ приходилось прибѣгать для вербовки повстанскихъ шаекъ.

Русская власть, до назначенія М. Н. Муравьева не только бездѣйствовала, но, хотя и бессознательно, помогала возстанію.

До того времени М. Н. Муравьевъ не пользовался расположеніемъ русскаго общества, будучи извѣстенъ за крѣпостника, трехъ-прогоннаго министра и т. п.

Но въ Вильнѣ М. Н. Муравьевъ, своими неутомимыми трудами, знаніемъ населенія края и условій его быта, своею рѣшимостью и твердостью вполне заслужилъ то вниманіе русскаго общества, которое ему было впослѣдствіи выражено со всѣхъ концовъ Россіи, начиная съ Москвы. Сами поляки признавали превосходство его ума и знанія дѣла и выражали, что при немъ всѣ знали свои права и обязанности и начали уважать власть, находящуюся въ твердыхъ рукахъ. При немъ не было колебанія и уступокъ; дѣло велось неуклонно, по заранѣе намѣченному пути, и къ опредѣленной цѣли—торжеству русской народной силы въ искони русскомъ краѣ.

Всѣ рассказы о мнимыхъ жестокостяхъ М. Н. Муравьева изобрѣтены многочисленными его врагами, которыхъ было очень много и не въ средѣ однихъ поляковъ. Какъ извѣстно, его дѣятельность въ Сѣверо-Западномъ краѣ осуждалась нѣкоторыми высокопоставленными лицами въ С.-Петербургѣ и не нравилась петербургскимъ либераламъ. Стихи одного изъ нашихъ поэтовъ по поводу отказа одного сановника подписать сочувственный адресъ М. Н. Муравьеву ходили въ то время по рукамъ и возбуждали еще больше сочувствія къ тому, кого честили, «цивилизованной Европы не спросясь».

По самымъ точнымъ свѣдѣніямъ, число казненныхъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ во время управленія М. Н. Муравьева было менѣе, чѣмъ въ то же самое время въ Юго-Западномъ краѣ

при управленіи добраго Н. Н. Анненкова, не смотря на то, что мятежное движеніе въ Литвѣ было гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Малороссіи. Строгая отвѣтственность, которой подвергались всѣ, безъ различія положенія и состоянія, за каждое нарушеніе установленнаго порядка, внушала уваженіе къ власти. Казнь одного графа, не смотря на сильныя ходатайства изъ Петербурга, еще болѣе укрѣпила это убѣжденіе въ высшихъ слояхъ польскаго общества. Упрекали М. Н. Муравьева въ напрасномъ уничтоженіи помѣщичьихъ усадебъ, но въ дѣйствительности такихъ случаевъ было только два, и при особыхъ обстоятельствахъ, имѣвшихъ особое значеніе. Можно съ увѣренностью сказать, что всѣ дѣйствія М. Н. Муравьева были основаны на положительной необходимости, и потому напрасныхъ жертвъ не могло быть. Строгость во время открытаго мятежа, при неблагонадежности значительной части мѣстнаго населенія, нельзя назвать жестокостью; напротивъ того, эта строгость спасла многихъ отъ пагубныхъ увлеченій, остановила колеблющихся и доставила возможность скорѣе потушить разгоравшійся мятежъ и вообще положить конецъ тому напряженному состоянію, въ которомъ находилось все населеніе при господствѣ террора, наведеннаго подпольнымъ ржондомъ въ край до пріѣзда М. Н. Муравьева.

Когда М. Н. Муравьевъ уѣзжалъ изъ Петербурга, тамъ даже въ высшихъ слояхъ господствовало сильное безнокойство. Недальновидные люди полагали, что при вмѣшательствѣ европейскихъ державъ намъ едва-ли удержатъ за собою Литву отъ притязаній Польши.

Пріѣхавъ въ Вильну, М. Н. Муравьевъ при первомъ же представленіи ему латинскаго духовенства и мѣстнаго дворянства поставилъ, такъ сказать, ребромъ вопросъ объ ихъ отношеніяхъ къ власти. Выслушавъ ихъ заявленія о несочувствіи мятежу и о вѣрноподданническихъ чувствахъ, новый главный начальникъ края, къ ихъ удивленію, объявилъ, что онъ на нихъ возлагаетъ обязанность содѣйствовать ему въ подавленіи открытаго мятежа и предлагаетъ имъ немедленно оставить Вильну, ѣхать въ свои имѣнія и жить тамъ для наблюденія за мятежническими шайками и оказанія должнаго содѣйствія отрядамъ русскихъ войскъ и вообще русскимъ властямъ. Всѣ поняли, что требуется безпрекословное послушаніе и что время послабленій миновалось. На слѣдующій день Вильна, какъ рассказываютъ очевидцы, напоминала Москву предъ вступленіемъ французовъ въ 1812 году. Роскошныя кареты, коляски, сермныя наты-

чанки, возы съ разною рухлядью, направляясь въ разныя стороны, спѣшили оставить городъ.

Войска и русскіе чиновники были вызваны въ край.

Во всѣ губерніи были назначены новые губернаторы.

Попечителемъ учебнаго округа былъ назначенъ И. П. Корниловъ.

Въ Вильну начали прибывать новые русскіе люди со всѣхъ концовъ Россіи.

Наступили новыя времена для литовской Руси.

П. Морозовъ.

(Продолженіе будетъ).

МЫТАРСТВА УПРЯМЦА.

(СОВРЕМЕННАЯ БЫЛЬ).

V.

Первое слово жизни.

Уже пятый день плыла лодка, проплывъ водными изгибами не малое число версть. Чѣмъ далѣе подвигались, тѣмъ глуше становилось вокругъ. Деревушки попадались очень рѣдко. Версть двадцать—тридцать—ни одного бережнаго селенія, лѣсная ширь кругомъ, глазомъ не окинешь.

Погода на второй же день началась «кислиться», а въ третій разразился дождь и затянулся, видно, на долго.

— Ну, августъ мѣсяць пожаловалъ, съ дождемъ, съ ненастьемъ, говорили пассажиры.

— Да-а, не лѣто ужь! Лѣтомъ сейчасъ тебѣ дождить, а глядишь, черезъ полчаса и солнышко.

— То лѣто и статья другая, замѣтилъ хозяинъ лодки.— Лѣто, что ребенокъ малый. Сейчасъ онъ тебѣ плачетъ, слезами уливается, а покажи ему бабушечку, гостинчикъ,—анъ слезы куда подѣвались, смѣется! А теперича время въ осени, что въ старости. Лицо стараго человѣка не такъ-то скоро разглаживается отъ думушки. Вотъ оно што!

— Да-а! соглашался кто нибудь, зѣвая.

— А экой просторъ-то, раздолье-то, а? говорилось въ групѣ. Замѣчаніе подхватывалось и начинались разсужденія на эту тему.

И рѣка, и однообразный, тихо шумящій лѣсъ и скучныя пѣсни, затагиваемыя кѣмъ нибудь, все это вмѣстѣ съ сѣрою погодою, съ дождемъ, то нѣсколько крупнымъ, то мелкимъ, словно «изъ сита», наводили уныніе и тоску на Бузорова. Онъ далъ слово помогать работникамъ лодочника; нельзя сказать, чтобы это было легкое дѣло. Молодой человѣкъ только что успѣлъ задремать, укрывшись въ тулупишко, на время взятый у того же лодочника, вдругъ раздается окликъ надъ самымъ ухомъ, а не то и толчекъ въ плечо:

— Эй, слышишь ты! ну-ка встань!

А ночь сырая, туманная, ко сну такъ и клонить.

— Что тебѣ? спросить Бузорова.

— Мишка что-то заболѣвши, подь-ка помоги.

Вставать изъ-подъ теплаго тулупа не хочется; только высунешься, какъ отъ сырости дрожь охватить всего, приметъ до костей. А вставать надо.

Это было мучительно ночью. За то днемъ Григорій Несторовичъ помогалъ охотно, чтобы только заняться чѣмъ нибудь.

— А ты ничаво, работать не лѣнивь, говорилъ хозяинъ:— спасибо.

Онъ старался отплатить за это учителю и не разъ поилъ его чаемъ и даже угощалъ крупяною.

— Ты не церемонься, а по-просту вотъ: бери ложку, да и хлебай, говорилъ лодочникъ.

Это былъ человѣкъ съ довольно добрымъ сердцемъ и если нѣсколько грубъ, то это не была грубость дерзкаго человѣка, желающаго уволоть, унижить, а грубость простаго, не культурнаго человѣка, натура котораго не понимаетъ тонкостей. Попробуй назвать васъ, читатель, человѣкъ вашей среды: «милый мой», вы обидитесь; но когда насъ называетъ «милый мой», или «милая моя» простая крестьянка, которой это обращеніе кажется самымъ любезнымъ, вы ей простите. Точно также не сердился на лодочника и Бузорова, которому въ то же время было и не безынтересно поговорить съ человѣкомъ той среды, въ какой ему предстояло скоро работать. А за чаемъ, да за обѣдомъ удобнѣе всего поговорить. Китайская ли травка сама по себѣ или паръ, отъ нея идущій, такъ сладки для сердца русскаго человѣка, но только за чаемъ онъ чаще всего откровенничаетъ и дѣлается словоохотливымъ.

А старикъ лодочникъ любилъ побаловаться чайкомъ.

— Привычка все, говорилъ онъ разъ, пригласивъ попить за компанію учителя. — Какъ не напьешься, словно и не достаешь чего; а пополощешь вишви и словно легче, пріятнѣе какъ-то внутри тебя. Избаловались! прибавлялъ онъ; — отецъ мой и въ ротъ не биралъ, ни за какія деньги не заставили бы покойничка. Мнѣ, гитъ, эфтого зелья-то не надо, а свѣжая Божья вода, да квасокъ, вотъ што по сердцу. Да, а мы теперича вона!

— И куримъ! замѣтилъ работникъ Степанъ, приходившійся хозяину родственникомъ и потому ближе другихъ стоявшій къ нему.

— Вотъ тоже! подхватывалъ старикъ. — Услыхалъ бы покойникъ этотъ дымъ, со свѣту сжилъ бы; а теперя кто не сосеть? А вѣдь чать не пользительно, какъ ты скажешь? Ну ка?

— Если хочешь и вредно даже, отвѣчалъ учитель.

— Вишь вотъ! А какъ сосуть-то! Нѣтъ, знаешь што?

— Что?

— Миръ-то допрежь правды больше держался, да-а! Какъ можно! Лонись, што примѣромъ: иду я это городомъ, встрѣчается мальченка, лѣтъ эдакъ тринадцати, право слово, такъ, соплюкъ совсѣмъ, а вѣдь пьянешенеъ и цигарку палить. «Ахъ ты, стервякъ, думаю, взять бы тебя завести въ баню, да настегать хорошенько, бросилъ бы ты эти штуки-то всякія».

— Што говорить, испортились люди, старики куда были лучше! Страха Божьяго больше было, почтенія, а теперь гляди народъ какой: огрыза, да фарсуны!

Бузоратовъ указалъ на шеолу, какъ на средство поднять народъ въ нравственномъ отношеніи.

— И—Христось съ тобою! махнулъ рукою старикъ: — и чаво стоитъ теперь ученее.

— Какъ такъ? удивился учитель. — Неужели прежде лучше было?

— Рази можно сравнить!

— Лучше?

— Какъ можно! Прежде учили какъ слѣдъ.

— Т. е. пороли какъ сидоровыхъ возъ?

— А што же? сказалъ старикъ и положилъ даже ложку на столъ, которую только что хотѣлъ опустить въ крупяну. — А што же? повторилъ онъ, — пореа не худо; учить надо, да коли кто не понимаетъ и въ смыслъ брать не хочетъ, такъ што же? Ну, да ладно, будь по твоему, соглашусь, штобы ты не смѣялся (Бузоратовъ улыбнулся, когда старикъ началъ защищать розги),

пушай, ненадо-ть пороть, да рази одно эфто; нѣтъ, ты на другое глянь, да посравни.

— Что же?

— Да вотъ, тоже! Гдѣ больше дѣла-то, да порядка? Прежде, аль нонѣ?

— По твоему прежде?

— Безъ сумлѣнія! Прежде какъ учили-то? Со страхомъ Божиимъ, молитвамъ, да всему путному, бездѣлья-то ни, ни!

— А теперь развѣ бездѣлье?

— А то нѣтъ? Посуди самъ: гамать мальченки, поютъ пѣсни. Послушаешь это: они «Возлѣ рѣчки» поютъ. Да што же это, скажи на милость, развѣ путевое дѣло? Нешто для этой музыки въ училище посылаешь ребятенковъ? Слава тѣ Христу, пѣснямъ-то и дома, въ посидѣлкахъ, научатся, сдѣлай милость, обучать нечего; что иное, а эфто—переймутъ, дай чередъ! А ужъ коли такъ-то въ школѣ, и учить по што, деньги платить за што? Рази не правду говорю?

— Не то, что не правду, а невѣрно. Ты привыкъ по старому, а нынче учать иначе, возразилъ Бузоровъ.

— А я не хочу по новому! Коли плачу деньги, учи по моему!

— Это не твое дѣло!

— Какъ не мое? Коли деньги мои и дѣло мое! Нѣтъ, другъ милый, не то говоришь; вотъ тоже и нашъ учитель также было, да я ему прямо:—хочешь какъ велю?

— Нѣтъ, говорить!

— Ни за што?

— Сказано! отвѣчаетъ.

— А ну, коли такъ—возьму малыша!

— И взялъ?

— И взялъ! Ужели буду на баловство пушай?

— Куда же теперь?

— Куда-а? Эво! А церковники на што?

— Тамъ долѣе и хуже!

— Ну, эфто-то ешо бабушка на-двое сказала: хуже, аль лучше; а што долго, пушай: менѣ балуется, строгости больше, страху, а главное—молитвы и все божественное. Эфто, братъ, главное; съ пѣснями-то недалече уѣдешь; безъ Бога ужъ не человѣкъ. Это, милый человѣкъ, какъ есть; всякій добрый не басурманъ какой, покажетъ тоже самое... Да-а!

Бузоровъ пожалъ плечами, подумавъ: «Неужели всѣ та-

кіе? Неужели всё такъ смотрятъ? Тогда... да что же тогда? Борьба? Разумѣется! Не плясать же подъ дудку невѣждъ! Наша обязанность, наша миссія—бороться съ тьмою, а не подлаживаться! Умереть на посту—вотъ что надо, но не уйти, не покориться!»

И его сердце охватила рѣшимость биться не на жизнь, а на смерть съ тупостью невѣжества, ему казалось невозможнымъ отступить. Да и зачѣмъ? Побѣда будетъ, должна быть, она не можетъ не быть!

Онъ вышелъ наверхъ, прислонился къ толстой мачтѣ и, вперивъ во мглу взоръ, задумался. Картины того, что можетъ быть, одна за другою начали проноситься въ молодомъ воображеніи. Борьба кончена, цѣль достигнута. Представляется село, въ глуши, но довольно населенное. Посрединѣ стоитъ деревянный домъ, надъ воротами доска съ надписью: «Лучинское училище». Весело, охотно бѣгутъ дѣти къ этому дому. Учитель, т. е. онъ, Бuzоратовъ, ласково встрѣчаетъ дѣтей, и вотъ начинаются занятія. По вечерамъ учитель съ дѣтьми отправляется въ поле, и сколько пользы, сколько удовольствія можетъ доставить такая прогулка. Какое удобство сблизиться съ учениками, узнать, изучить ихъ; какъ много возможности познакомить дѣтей съ разными предметами, дать имъ нѣсколько практическихъ свѣдѣній, побесѣдовать съ пользою для себя и для своихъ маленькихъ друзей.

Наступаетъ праздничный день. Въ школѣ нѣтъ ученья. Послѣ обѣдни въ квартирѣ учителя собирается нѣсколько крестьянъ, завязывается бесѣда, прочитывается газета (газета непременно, надо выписать газету недорогою), возникаютъ разсужденія, учитель объясняетъ, растолковываетъ то, что мало доступно для крестьянъ. А на столѣ стоитъ самоваръ, наливая свои заунывные трели.

По уходѣ гостей, учитель отдыхаетъ немного, и затѣмъ готовится къ вечеру, потому что вечеромъ у него должны собраться взрослые крестьяне, неумѣющіе читать, но желающіе сдѣлаться грамотными. Настаетъ вечеръ, зажигается свѣча, въ комнатѣ собирается нѣсколько мужиковъ. Ихъ лица серьезны, но веселы, рѣчи просты, но дѣльны и здравы. Начинается ученье, а затѣмъ, послѣ него, учитель что нибудь читаетъ или рассказываетъ своимъ взрослымъ слушателямъ...

Молодое воображеніе, можетъ статься, рисовало бы картины еще далѣе, если-бы мужчина средняго роста, плотный и коренастый, одѣтый въ порывѣвшее драповое пальто, въ мягкой

поярковой шляпѣ, не подошелъ къ Бузоратову и не вывелъ его изъ области пыльных мечтаній.

Онѣ вздрогнулъ и быстро вскинулъ глаза на подошедшаго. Не смотря на сумерки, онѣ по силуэту сразу узналъ въ подошедшемъ того новаго пассажира, который въ тотъ день утромъ сѣлъ на лодку въ одной маленькой деревушкѣ.

— Простите меня, я, кажется, испугалъ васъ, плавно и тихо произнесъ новый пассажиръ.

— Да... нѣтъ ничего...

— Вы задумались... Извините, что я такъ прямо обращаюсь къ вамъ... Но, вѣдь мы—собратья. Мнѣ сказали работники, что вы учитель?

— Да!

— Я тоже сельскій учитель... Померанцевъ!

— Бузоратовъ!

Они подали другъ другу руки.

— Я вѣдь просить васъ пришелъ, продолжалъ Померанцевъ.—Вы ничего не будете имѣть противъ того, чтобы испить чайку?

— Благодарю васъ!

— Сначала попейте, а потомъ ужъ и благодарите. Такъ согласны?

— Пожалуй!

— Отлично; у меня уже все готово!

Они спустились въ каюту.

VI.

Упрямецъ на другой манеръ.

Померанцевъ съ перваго раза бросился въ глаза Бузоратову. Но онѣ показался Григорію Несторовичу суровымъ. Темныя лохматыя брови нависли надъ глазами, все лицо заросло бородою, такую же темною, какъ и волосы. Впечатлѣніе суровости усугублялось еще тѣмъ, что загорѣвшее лицо какъ-то пасмурно выдѣлялось своимъ бронзовымъ отливомъ.

«Не симпатиченъ», рѣшилъ Бузоратовъ и подъ этимъ рѣшеніемъ не обращалъ больше вниманія на новаго пассажира.

Но вотъ они сѣли за чай, и не прошло полчаса, какъ

впечатлѣніе у Бузорова начало измѣняться въ пользу Померанцева. Его подкупила эта ровная, увѣренная рѣчь, эта честная и прямая простота. Онъ пристально вглядывался въ Померанцева и ему понравились эти выразительные голубые глаза, большой открытый лобъ, показывавшій устойчивость въ достиженіи цѣли, и крупный выдающійся подбородокъ, говорившій о несокрушимой силѣ воли. Характерная морщинка надъ лѣвою бровью свидѣтельствовала о сильно работающей мысли. Манеры и движенія были нѣсколько грубо-угловаты, но увѣренны и, благодаря этому послѣднему обстоятельству, нравились, уничтожая несовѣмъ пріятное впечатлѣніе, производимое угловатостью.

Чѣмъ болѣе вглядывался Григорій Несторовичъ въ лицо собесѣдника, въ мягкую линію рта и въ добрые, глубокіе глаза, тѣмъ болѣе приходилъ онъ къ заключенію, совершенно противоположному тому, какое сдѣлалъ утромъ, послѣ перваго бѣглаго взгляда на Померанцева.

Какъ человекъ нервный, впечатлительный, поддавшись новому, хорошему чувству, Бузоровъ сдѣлался откровеннымъ и съ увлеченіемъ заговорилъ съ колегою. Онъ передалъ свои предположенія и мечты, рассказалъ о разговорѣ съ лодочникомъ и рѣшительно заявилъ, что будетъ биться до послѣдней капли крови съ невѣжествомъ.

Померанцевъ слушалъ молча, внимательно, видимо сочувствуя тѣмъ прекраснымъ цѣлямъ, какія высказывалъ увлекшійся собесѣдникъ, той любви къ дѣлу, что сквозила въ каждомъ словѣ говорившаго, и готовности его умереть честно на посту за свою идею.

— Мы не дьячки, не церковники, воскликнулъ Бузоровъ. — Наша задача шире, наша миссія болѣе велика... И мы многого можемъ сдѣлать! Мы должны заставить ихъ (онъ подразумѣвалъ крестьянъ) подняться выше, а не спускаться самими до нихъ. Неправда-ли?

— Относительно чего? спокойно переспросилъ Померанцевъ. — Если относительно миссіи, то, разумѣется, да; но если вы ставите вопросъ о методѣ—я несовѣмъ согласенъ.

— Т. е. какъ же? загорячился Бузоровъ: — надо спускаться? да? подлаживаться? Но вѣдь вы же говорите, что согласны на счетъ миссіи?

— Всецѣло!

— А между тѣмъ...

— Это ничего не значить. Видите въ чемъ дѣло... Вы позволите мнѣ нѣсколько подробно высказаться по этому поводу?

— Ну-съ!

— Не сердитесь: вы еще только ѣдете учить, а я уже учителемъ семь лѣтъ. Я учителемъ тоже по желанію...

— И что же вы... убѣдились въ семь лѣтъ, что надо подлаживаться? перебилъ Бузоровъ.

— Если хотите—да! Чтобы поднять—надо подладиться.

— Неправда!

— Васъ, кажется, мучаетъ слово подлаживаться. Но оно несовсѣмъ точно. Правильнѣе сказать: надо умѣть подойти, взяться за дѣло. Вы мнѣ рассказали о своемъ разговорѣ съ хозяиномъ здѣшней лодки.

— По вашему онъ правъ?

— Дѣло не въ этомъ. Берите фактъ, какъ онъ есть. Вѣдь худо ли, хорошо ли, а его игнорировать нельзя. Съ нимъ все равно нужно считаться. Вѣдь такъ смотреть не онъ одинъ, а большинство крестьянъ... какъ же быть? Знаете ли, что я вамъ скажу, простите меня за прямоту: если что всего болѣе повредило школьному дѣлу, такъ именно эта манія ломать народъ... эта горячность... Погодите... я понимаю, что вы хотите сказать. Но нѣтъ, я не за чиновническое исполненіе дѣла, я... впрочемъ... Хотите, я расскажу вамъ одну истинную исторію?

-- Про себя?

— Нѣтъ! Да это все равно... вы выпьете еще стаканъ?

— Нѣтъ ужъ... я и такъ...

— Чай не вино... и я выпью съ вами, за чаемъ лучше какъ-то рассказывать.

— Ну, пожалуй.

— Конечно, что тутъ...

Померанцевъ налилъ два ставана, одинъ пододвинулъ гостю, закурилъ папиросу и началъ:

— Приѣхалъ я...

— Такъ это вы?

— Проговорился! Ну, быть такъ, тайны большой нѣтъ. Приѣхалъ я на мѣсто, до тѣхъ поръ я гувернерствовалъ и учительствовалъ по домамъ. Приѣхалъ я въ село... тѣ же цѣли, что и у васъ: служеніе народу, просвѣщенію его. Мой предмѣстникъ былъ какой-то отставной дьячокъ. Понятное дѣло, училъ только псалтырю и молитвамъ. У меня пошло дѣло иначе. И игры, и пѣсни... Общество все на дыбы! Какъ, говорятъ,

пѣсни да игрушки... это что? за это развѣ деньги платимъ? для этого развѣ въ школу ходять? Точь-точь вашъ лодочникъ.

— Ну, ну?

— Я слышу, но продолжаю дѣло. Жду, что будетъ. Вотъ и призываютъ меня.

— Что, говорю, надо? зачѣмъ позвали?

— Да такъ и такъ, говорятъ, тобою мы недовольны.

— Почему же, спрашиваю: кого я обидѣлъ? кому оказалъ несправедливость?

— Ничего, этого, говорятъ, за тобой не видѣли, и по этой части тобой довольны.

— Очень, отвѣчаю, радъ и впередъ буду стараться; такъ въ чемъ же дѣло?

— А вотъ въ чемъ, говорятъ, такъ учить не слѣдъ. Школа не посидѣлки, не забава, а ученье. Мы тебѣ платимъ деньги, може послѣдніе гроши, такъ ты учи нашихъ ребятъ уму-разуму.

— Господа почтенные, отвѣчаю имъ, я не отъ себя такъ поступаю, а по закону.

— Какой такой законъ? гдѣ это показано?

— Я имъ все объяснилъ, какъ можно понятнѣе. А они опять...

— А почему же тотъ училъ не такъ? это почему? у того такихъ-де штукъ и въ заводѣ не было!

— Совсѣмъ другая статья тотъ, урезониваю ихъ.—Тотъ училъ какъ хотѣлъ, потому что вы его нанимали, а я отъ земства, теперь мнѣ указъ данъ особый. Я имѣю атестать... Да и пѣсня худому не учить. А игры къ ловкости приучаютъ. Резонно, ласково говорю—не внимаютъ.

— Коли такъ, говорятъ, мы лучше и посылать ребятъ не станемъ.

— Вижу—доводы мои не берутъ. Хорошо, говорю, я буду ихъ учить пѣть молитвы. Согласны?

— Вотъ это—въ одинъ голосъ всѣ—резонъ! Молитвы пушай! Даже очинно рады.

На томъ и успокоились.

— Какъ? чуть не привскочилъ на мѣстѣ Бузуратовъ,—и вы уступили?

— Да... но позвольте, я не кончилъ. Я уступилъ и сразу всталъ въ хорошія, близкія отношенія къ населенію. Началъ я учить молитвы, сталъ готовить ребятъ къ пѣнію на клиросѣ и хорикъ маленькой образовалъ. Мужики любятъ, въ восхищеніи, не нахвалятся мною. Довѣріе ко мнѣ утвердилось.

Вижу,—надо идти далѣе, взявъ обратно, что далъ. Подошелъ случай и говорю: ну, братцы, какъ мнѣ не жаль, а придется васъ оставить.

— Какъ это? Пошто?

Испугались даже.

— Да такъ, говорю, начальство мной недовольно.

— Начальство? за што?

— Не исполняю указа. Надо учить пѣснямъ дѣтей, а я не учу, не исполняю. Молитвы-то, говорю, конечно надо учить, да вотъ и пѣснямъ-то велятъ; а вы этого не хотите. Насильно дѣлать я не умѣю, приходится уѣхать! Сказалъ и жду, что будетъ?

— Эхъ, Яковъ Платоновичъ, говорятъ, больно ты намъ любъ; ни за что мы тебя не отпустимъ и подъ отвѣтъ подводить не хотимъ! Учи ужъ тому, что надо! Ты человекъ не съ вѣтру, а богобоязненный, учи ужъ! только и молитвы тоже.

— Непремѣнно, говорю; одно другому не мѣшаетъ! И вотъ-съ устроилось дѣло. Прошелъ годъ; ребята въ ученѣе подались отлично, лучше чѣмъ у дьяча. Мужики-то другое заговорили.

— Вона! Пѣсни, а смотри-ка! Даромъ что пѣсни, а ишь какъ чудесно! Съ пѣснями-то еще лучше выходитъ!

Пріѣхалъ ревизовать директоръ. Я и его попросилъ поддержать мои слова. Видятъ—дѣйствительно я говорилъ правду.

— Видимъ, что законъ такой. Конечно, начальство умнѣе, болѣе насъ-де понимаетъ!

— И пошло все отлично! А сунься-ка я бороться сразу—ничего бы не вышло. Во всякомъ случаѣ дѣло бы потеряло многое, а вѣдь оно важнѣе всего!

— Не всякій можетъ такъ выдержать себя! сказалъ Бузоровъ.

— А долженъ!

— Это дѣло темперамента и... лѣтъ!

— Прибавьте и подготовки! Да знаете что, если ужъ пошло на то?

— Что?

— Громадная ошибка та, что въ народные учителя идутъ очень юные. Много горячки, много желаній и нѣтъ терпѣнія... надо охладиться, отерпѣться! Если-бы вы знали, какую я школу прошелъ до мѣста. Жить на урокахъ—чегонибудь стоитъ, во многому приучишься!

— И потеряешь всякую энергію! Поздно работать, когда устанешь.

— Вы берете крайность; я нисколько не усталъ. Энергія!.. Иногда и она вредна! Попробуйте энергично удержать тройку? Сомнеть и только! Кому же польза? Борьба?—Хороша борьба, когда она несетъ за собою благой результатъ.

— Я упрямя, съ улыбкою возразилъ Бузоровъ,—не хочу сворачивать.

— Да упрямяство-то двойное бываетъ: одинъ упрямо идетъ на проломъ и расшибаетъ лобъ, а другой упрямо добивается цѣли, дѣлая все, что только можно для достиженія этой цѣли. Такое упрямяство я понимаю; да я именно и есть такой упрямецъ!

— Это ужасно скучно! сорвалось у Бузорова.

— Да-а... если хотите, съ тихимъ вздохомъ отвѣтилъ Померанцевъ.—Но вѣдь надо знать, на что идешь! Мнѣ одинъ священникъ сказалъ, что въ настоящее время, при тѣхъ условіяхъ въ какія поставленъ народный учитель, это подвижникъ, апостоль. Видите, какъ высоко и пріятно для насъ, только съумѣемъ ли мы оправдать...

— Апостолы умирали за идею! горячо возразилъ Бузоровъ.

— Совершенно вѣрно. Тогда и надо было умирать! Тогда въ этомъ, если хотите, былъ подвигъ. Смерть одного давала ученію десятки прозелитовъ; а теперь апостольство не въ этомъ... измѣнились задачи.

— Терпѣть и подлаживаться?

— Да, забывъ себя для идеи, отказавшись отъ многого. Да развѣ это легче?

Наступило небольшое молчаніе.

— Вы не женаты? спросилъ вдругъ у Померанцева Бузоровъ.

— Нѣтъ! Съ чего вы это спросили?

— Да такъ...

— Намъ и нельзя жениться: гдѣ же жить съ семьей на тѣ гроши, что получаешь!

— А вы сколько получаете?

— Восемнадцать рублей, съ вычетомъ за каникулярное время. А вы сколько будете?

— Право не знаю. Это объявить управа. Вѣроятно, не больше... И откуда? Глушковское земство не богаче песчанскаго.

— Развѣ можно жениться? А вѣдь семья—радость, свѣтъ въ жизни. Между тѣмъ мы лишены этой радости. Она насъ

связаць. Наше положеніе непрочно, случайностей бездны. Надо жить бобылемъ, безъ поэзіи.

— Нѣкоторые женятся!

— Да, но за то и мучатся. Да вотъ, если именно забыть о своей цѣли и только уйти въ заботы о себѣ, тогда еще можно устроиться. Но вѣдь ужъ это не входитъ и въ мою програму!

Дождь опять застучалъ крупными каплями въ бока и верхъ лодки.

— Однако, погодка, замѣтилъ Померанцевъ. — Какъ-то я завтра доберусь домой.

— Вы уже завтра?

— Да.

— А мы эдакъ...

— Къ вечеру и вы подѣдете. Вы отъ Песчанска какъ же? на лошадяхъ?

— Право не знаю, замаялся Бузоровъ, — тамъ увижу.

— Да вѣдь иначе и нельзя?

— Конечно.

Померанцевъ пытливо посмотрѣлъ на молодаго колегу и, видимо послѣ борьбы съ собою, рѣшился высказать свою мысль.

— Колега, вы будете со мною откровенны? сказалъ онъ дружески.

— Я не понимаю.

Бузоровъ покраснѣлъ и замѣшался.

— Ну ужъ это не по-товарищески, проговорилъ Померанцевъ: — не считайте же меня, въ самомъ дѣлѣ, за человѣка брюха. Я могу понимать иначе дѣло: мы расходимся въ дорогахъ, но цѣль одна.

Бузоровъ молчалъ.

— Сколько у васъ денегъ?

— Право не знаю, чуть слышно отвѣтилъ Григорій Несторовичъ.

— Слушайте, почти также тихо промолвилъ Померанцевъ, наклоняясь къ товарищу: — у меня всего рубль, только дотащиться до мѣста, но въ Песчанскѣ у меня есть хорошій знакомый, священникъ, онъ безъ слова дастъ сколько надо. Да вѣдь и надо-то не Богъ вѣсть сколько!

— Но я его не знаю.

— Я напишу ему письмо. Увѣряю васъ, что это прекрасный человѣкъ. Такихъ людей рѣдко можно встрѣтить. Если хотите, вы съ нимъ пара!

— Т. е. какъ пара?

— Такой же борецъ. Ужь и достается ему отъ архіерея! У-у сколько! А все не унимается.

— Молодой?

— Да, тридцати лѣтъ.

— А вамъ сколько лѣтъ?

— Мнѣ? Мнѣ тридцать четыре года. Я ужь, батюшка, относительно васъ, старикъ.

Разговоръ перешелъ на частную, личную почву. Бузоровъ сообщил кое-что о себѣ, изъ своей жизни, о курсахъ. Померанцевъ былъ пораженъ курсовыми порядками и произнесъ съ неподдѣльною грустью:

— Бѣдный, бѣдный народъ! Кого посылаютъ къ тебѣ?

— А вы не здѣшній? спросилъ Бузоровъ.

— Нѣтъ, я саратовскій. Я случайно попалъ сюда. Но какъ, почему—онъ не сказалъ.

— Гдѣ же вы были лѣтомъ? Въ этой деревушкѣ, откуда сѣли къ намъ?

— Нѣтъ! Я остановился здѣсь на недѣлю у знакомой бабки... больна, одинока. Вотъ тоже жизнь-то: четыре рубля въ мѣсяцъ жалованья! А все это вѣдь мирная армія... войско, сражающееся противъ тьмы, суетвѣрія,—какая смѣсь!

Померанцевъ, оказалось, кончилъ гимназію, былъ годъ въ университетѣ, но безденежье заставило оставить храмъ, доступный лишь при средствахъ, да къ тому же и болѣзнь примѣшалась. Началась кочевая жизнь домашнего учителя, смѣнившаяся на жизнь сельскаго наставника въ отдаленномъ Песчанскомъ уѣздѣ, Сонской губерніи.

Бузоровъ другой разъ спросилъ, почему именно онъ попалъ въ Сонскую губернію прямо изъ Курска, но Померанцевъ замаялъ вопросъ, видимо не желая отвѣтить на него.

— Будемъ переписываться? сказалъ онъ.

— Охотно.

— Не скрывайте только правды.

— Зачѣмъ же мнѣ лгать?

— А совѣта моего такъ и не примете?

— На счетъ уступокъ?

— Да, уступокъ.

Бузоровъ пожалъ плечами.

— Не убѣждаю. Да можетъ быть вамъ и посчастливится, какъ знать напередъ! Не забудьте только, что Лучинское—глушь совсѣмъ, стало быть, и народъ тамъ еще дичѣе. Вѣдь, навѣрное, одною школою не ограничитесь?

— А что?

— Берегитесь! Эти-то столкновения и портят все дѣло.

— Но какъ же обойти? Развѣ можно?

— На цоловину—да! Вы скажете—больно? Правда?

— Не честно, прибавлю!

— Не честно? Да, если-бы вы могли сдѣлать! А то въ результатѣ нуль для того, за кого начнете исторію, а для себя совсѣмъ гадко. Я опять вамъ приведу примѣръ аллегорическій. Если несется бѣшенная тройка, развѣ вы можете ее одинъ удержать? И если не броситесь, кто же обвинить васъ? Я зналъ одного очень честнаго человѣка. Борется безъ всякой пользы. И знаете, какъ его зовутъ-тѣ, кто отдаетъ ему полную справедливость за честность?

— Какъ?

— Донъ-Кихотомъ!

— Спасибо.

— Григорій Несторовичъ, мы—собратья! Я ужъ приглядѣлся къ людямъ. Я много пережилъ нравственно, не даромъ мое лицо избородили морщины. Анализъ у меня есть, это сважу безъ хвастовства. Вы—хорошій человѣкъ. Но вы ничего не сдѣлаете, пока не бросите своей дороги.

— Это еще увидимъ.

— Ничего! Да развѣ можно раздражать врага? Ну, вы вооружите общество, сельскія власти, попа—да что же вы тогда подѣлаете? Сдѣлать что нибудь можно единственно при одномъ условіи: пользоваться всѣми для идеи.

— Это принципъ іезуитовъ! возмутился Буворатовъ.

— Совсѣмъ нѣтъ! Я не говорю, что цѣль оправдываетъ средства. Я говорю только, что тѣхъ, кто можетъ вамъ помогать, не надо превращать въ своихъ враговъ, чтобы они мѣшали. Иногда вѣдь пустякъ, а глядишь—дѣло какое выходитъ.

— Эдакіе полуночники, и спать-то не дадутъ, проворчалъ кто-то сердито въ углу.

— Слышите?

— Да, мы съ вами, кажется, заболтались. Который-то часъ?

— Скоро одиннадцать, отвѣтилъ Померанцевъ.—Время! Ну, мы завтра пожалуй и не свидимся?

— Развѣ такъ рано?

— Въ семь часовъ, пожалуй. На всякій случай я напишу вамъ письмо сейчасъ къ отцу Павлу и пожелаю вамъ всего хорошаго. Жду отъ васъ письма.

— Непремѣнно.

Бузоратовъ долго не могъ уснуть. «Кто правъ? явился вопросъ.—Вѣдь онъ же человѣкъ хорошій? конечно, но уже утомленный; да, такъ! Не прикрывается ли онъ? Можетъ быть просто не хочетъ беспокоиться?... Нѣтъ, нѣтъ! Онъ прямой! Но онъ поломанный!... Что это за теорія уступокъ безъ боя? Что за покорность? Тихе ѣдешь, дальше будешь. Да, отъ того мѣста, куда ѣдешь... Нѣтъ! Смириться еще успѣешь всегда, а пока—борьба! Тамъ—что будетъ».

Когда Бузоратовъ проснулся, дождь лилъ какъ изъ ведра. Померанцева уже не было.

До Песчанска оставалось уже немного.

Благодаря тому, что теперь приходилось плыть по теченію, лодка шла довольно скоро. А теченіе Юзы гораздо сильнѣе, въ сравненіи съ Мутнянкой. И какъ прекрасны берега Юзы! Особенно ея лѣвый, увѣчаный величавымъ лѣсомъ сосенъ и елей, которыя здѣсь образуютъ какъ-бы искусственныя алеи, сходящія съ самой вершины; тамъ группируются въ отдѣльныя картины, а здѣсь—прицѣпились корнемъ къ крутому берегу и растутъ точно на вѣсу. Чудный видъ!

Въ толпѣ слышались замѣчанія:

— Ишь ихъ, диво просто!

— Мудрено прикрѣплены!

— Гляди, во свалятся!

— Небось, сидятъ крѣпко!

— Ничаво... ѣдрено!

— Вырвать силушей не хватить!

— О, Господи, Господи! заключилъ всѣхъ богобоязненный старикъ съ котомкой за плечами, возвращавшійся съ богомолья и окрестившій полъ-Руси съ своимъ посошкомъ.

Бузоратовъ стоялъ на палубѣ, не менѣе другихъ восхищенный картиною. Его отзывчивая, съ искоркою поэзіи, душа, еще чутче другихъ откликалась на все прекрасное, легко поддаваясь впечатлѣніямъ. Все утро онъ продумалъ надъ вчерашними словами Померанцева. Невольно снова возникалъ вопросъ: да не правъ-ли онъ? вѣдь опытъ же у него, семилѣтній опытъ? Но душѣ молодого человѣка претила эта теорія терпѣнія и уступокъ, эта система подлаживаній. Онъ понять не могъ, какъ это ждаты, сложа руки... Спокойствіе! Да на что оно? Развѣ въ немъ счастье? Счастіе въ борьбѣ. Борьба была близка и любя душѣ Бузоратова. Ему даже было трудно молчать, проходить мимо, если дѣло не касалось его прямо, непосредственно. Сколько разъ онъ вмѣшивался въ столкновенія по-

лиці съ вѣрстьянами на базарѣ, видя притѣсненія. Кто его просилъ? Сердце требовало!.. Оно подталкивало его, жажда борьбы за правду! Мелко, единично, а все-таки за правду! Лжи и несправедливости не могъ выносить Григорій Несторовичъ. И вдругъ говорятъ: «Смотри и молчи! Этого требуетъ дѣло». Неправда! Нельзя, не честно смотрѣть! Надо бороться! Теорія Померанцева—теорія людей уставшихъ, надломленныхъ, не желающихъ себя беспокоить! Да, да—это вѣрно! Народъ русскій не такъ тупъ, его можно убѣдить, побѣдить послѣ борьбы; но ему, Померанцеву, уже не хотѣлось много беспокоиться, бороться; онъ взялъ другой способъ—предоставилъ побѣду времени. Особенно худаго нѣтъ, но и нехорошо: зачѣмъ затыгивать время и давать поблажку? Надо скорѣе, не жалѣя силъ своихъ! О, у него ихъ еще много, и онъ не пойдетъ этой дорогой компромисовъ, и не испугается никакой борьбы!..

Онъ уже болѣе не сомнѣвался; онъ теперь бодро, рѣшительно, смотрѣлъ на все и, подъ этимъ вліяніемъ временнаго подъема нервовъ духа, забылъ совсѣмъ о своемъ, почти что безвыходномъ положеніи. Въ карманѣ оставались копѣйки... Да, впрочемъ, что думать: священникъ дастъ, онъ доберется до мѣста, а тамъ какъ нибудь устроится. Его занималъ болѣе этотъ священникъ-борецъ, который, по выраженію Померанцева, «такой-же горячій и неугомонный».

«Это очень интересно, думалъ Бузоратовъ,—я еще не видѣлъ такихъ священниковъ. Хорошихъ, честныхъ, я встрѣчалъ, но все это скорѣе Померанцевы, а этотъ... Да вѣдь этотъ-то и есть настоящій пастыр!»

Бузоратову сдѣлалось досадно, зачѣмъ онъ не вспомнилъ вчера, чтѣ сейчасъ пришло въ голову, а именно, что упорный пастыр и есть настоящій послѣдователь Христа. «Толцые и отверзется вамъ...» А что это, какъ не его теорія: боритесь, не отставая, и добьетесь! Развѣ не правда? Правда! Правда!

Лодка вдругъ круто завернула за мысъ и предъ глазами пассажировъ открылась панорама Песчанска, стоящаго на горѣ. Съ перваго взгляда, Песчанскъ производилъ пріятное впечатленіе. Высилась соборная колокольня, было немало каменныхъ домовъ, красивая набережная.

— Городовъ-то вѣдь ничего, какъ по тебѣ? обратился къ Бузоратову по-пріятельски лодочникъ.

— Да, только каковъ-то внутри? отвѣтилъ Григорій Несторовичъ, внимательно разсматривая открывшуюся панораму.

— Ничаво и снурти. Оно не вездѣ, конечно, всякія мѣста,

а городъ супротивъ другихъ-то уѣздныхъ, краса; губернія даже можно сказать. Да вотъ увидишь.

Онъ помолчалъ и спросилъ опять:

— Ты это какъ теперь? переночуешь вѣдь?

— Непремѣнно!

— Гдѣ думаешь становиться-то? есть знакомые?

— Нѣтъ, письмо имѣю къ отцу Павлу, второму соборному священнику; да у него неловко, совсѣмъ не знаю.

— Это такъ, обыкновенно человѣкъ чужой.

— Ты его знаешь? перебилъ Бузоровъ лодочника.

— Отца-то Павла? на-ка! да какъ-же не знать!.. Немного ихъ всѣхъ-то. Знаю, и лично знакомъ, возилъ даже, во!

— Что какъ онъ?

— Это собой?

— Каковъ онъ человѣкъ? Чтѣ о немъ говорить?

— Да что-же, священникъ точный, все по закону, и души славной. Ласковый, вотъ ужъ съ этой стороны—рѣдкостный. Другой тебя приметъ што звѣрь, потому, знаешь, нынѣ народъ жадливый, да сухой становится; а отецъ Павелъ не такой!.. Только горячка... и... какой горячка!.. Отецъ протопопъ его бунтаремъ, шутя, зоветъ. Извѣстно такъ, смѣючись. А только знаешь что? врядъ-ли ты его застанешь теперь.

— Это почему?

— Кажись, уѣхамши онъ на родину. Какъ шли мы въ Сонскъ, ужъ онъ собирался. Може и не собрался, а только хотѣлъ погостить.

Это сообщеніе неособенно пріятно подѣйствовало на учителя. «Какъ тогда? У кого? Надо будетъ узнать нѣтъ ли знакомыхъ учителей. Поди онъ ихъ всѣхъ тоже знаетъ. Ахъ, вотъ штука-то: вѣдь здѣсь, въ уѣздномъ училищѣ, служить Крепчатниковъ, мой товарищъ по гимназіи, чего лучше, неужели не дастъ нѣсколькихъ-то рублей?»

— А ты вотъ что, заговорилъ опять лодочникъ:—если отца Павла нѣту, или остановиться у него нельзя будетъ, такъ ты иди опять сюда, переночуй!.. Я вѣдь съ тебя ничего не возьму, а на постояломъ-то, мало-мало, а гривенникъ за одну ночьку, да харчи. А здѣсь-то, глядишь, и не надо.

— Спасибо... Я сейчасъ вспомнилъ, что здѣсь у меня товарищъ еще есть, учитель тоже, Александръ Егоровичъ Крепчатниковъ, слыхалъ?

— Кого не знаю! Знаю, што-же; у него можно, комната хорошая.

- Вѣдь не женать?
- Нѣтъ, тутъ ходять слухи, да вѣдь про кого не плетуть. Ну, да тамъ что бы ни было, а все-же не женать. Такъ у него?
- Зайду!
- Зайди, зайди, ничего живеть. А поѣдешь-то какъ? на одной завтра?
- Разумѣется, на одной!
- Тогда вотъ что: иди на Гуляйкину площадь, да спроси постоянный дворъ Зиновихи, тамъ почитай всегда мужики есть. Ты вѣдь на Кулачино, въ Глушковскѣ.
- Да, такъ.
- Иди къ Зиновихѣ! Тамъ попутчики, дешевле!
- Черезъ нѣсколько минутъ лодка причалила къ берегу.

VII.

Въ Песчанскѣ.

Бузоратовъ отправился прямо къ отцу Павлу.

Было около шести часовъ. Еще совершенно свѣтло, но улицы уже почти пусты. Изрѣдка только попадался ктонибудь на встрѣчу.

Бузоратовъ чувствовалъ себя не особенно хорошо. Дома ли еще отецъ Павелъ? Да если и дома, неловко все-таки. И одежда эта; сапоги, «точно насосы», какъ острилъ Григорій Несторовичъ самъ въ веселыя минуты. Положимъ, человѣкъ хороший, да вѣдь все-таки, неловко.

Вотъ и домъ, гдѣ живеть отецъ Павелъ, деревянный, двухэтажный.

Бузоратовъ толкнулъ калитку, она съ шумомъ отворилась;брякнуло желѣзное кольцо, и откуда-то раздался визгливый вой собаченки, на который изъ окна втораго этажа высунулась голова въ ситцевомъ платѣѣ.

- Кого тебѣ? обликнула она не особенно вѣжливо.
- Отца Павла, отвѣтилъ учитель, не зная, поклониться, или нѣтъ. «Кто это? подумалъ онъ, — работница или попадаѣя?»
- Нѣту его! тебѣ зачѣмъ?
- Надо, у меня письмо...
- Да ты откуда?

Кн. . . — Февраль, 1882.

— Я сейчас пріѣхалъ. Да гдѣ же отецъ Павелъ?

— А онъ въ гостяхъ, у родителей... и съ матушкой...

«Такъ и есть! промолвилъ про себя Бузоровъ.—Первая неудача; придется идти къ Крещатникову».

Онъ повернулся.

— Таеъ ты письма не оставишь? крикнула ему вслѣдъ баба.

Онъ не оглянулся и ничего не отвѣтилъ. Выйдя за ворота, онъ остановился въ раздумѣ. Не идти же наугадъ. Надо сообразить. Онъ окликнулъ проходившаго мимо, по одеждѣ должно быть мастерового.

— Не знаете, гдѣ живетъ учитель уѣзднаго училища Крещатниковъ?

Мастеровой окинулъ съ ногъ до головы Бузорова и мрачно спросилъ въ свою очередь:

— А тебѣ зачѣмъ?

Этотъ праздный вопросъ раздражилъ Бузорова.

— Ужъ это меня касается, а не васъ, сказалъ онъ, худо скрывая свое раздраженіе.

Мастеровой посмотрѣлъ опять на молодого человѣка, плюнулъ сердито и пошелъ, не сказавши ни слова.

Учитель остался одинъ, раздраженный окончателно такою выходкою.

— Эдакая свинья! выругался онъ вслухъ и пошелъ наугадъ вправо, надѣясь встрѣтить болѣе вѣжливаго субъекта и спросить у него.

Встрѣтилась баба, несшая воду съ рѣки. Бузоровъ обратился къ ней.

— Какъ же, какъ же, знаю, охотно отвѣтила баба:—ты иди вотъ къ этому желтому дому съ желѣзною крышею, обогни домъ-то, да въ первый переулокъ и иди. Тутъ тѣ и домъ крайній!. Тамъ живетъ Крещатниковъ. Онъ только сейчасъ прошелъ, видно съ гулянки, передъ чаемъ-то...

Молодой человѣкъ поблагодарилъ бабу и пошелъ по ея указанію.

Крещатникова онъ засталъ дома. Тотъ только что сѣлъ за чай.

Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати двухъ, плотный, небольшого или, скорѣе, средняго роста. Густые, темные, волнистые волоса обрамляли лицо гемордиальнаго цвѣта. Черты лица были довольно мягки; прямой носъ, высокій лобъ. Но что-то неприятное было въ его фізіономіи. Это

что-то было неувимое. Правда, его каріе глаза смотрѣли на васъ не прямо: одинъ глазъ, что называется, забѣгалъ. вмѣсто бровей, двѣ красныя полосы подъ рѣдкими свѣтлыми волосиками. Подбородокъ выдавался слишкомъ впередъ. Разрѣзъ рта неправильный. Но не эти отклоненія, не эти неправильности сообщали лицу непріятность. Она крылась гдѣ-то въ линияхъ глазъ и губъ.

Крещатниковъ какъ будто не сразу узналъ товарища. Нарочно ли, увидѣвъ его въ такомъ костюмѣ, или въ самомъ дѣлѣ—неизвѣстно. Но когда Бузоровъ подошелъ ближе и поздоровался, Крещатниковъ выказалъ нѣкоторое удовольствіе, что выразилось въ кривой улыбкѣ, и привѣтливо воскликнулъ:

— А... Григорій Несторовичъ! Это какими судьбами?.. Садись, садись, сдѣлай одолженіе!..

Бузоровъ сѣлъ на предложенный стулъ.

— Какими судьбами? повторилъ хозяинъ.

— Да вотъ мимоходомъ... въ учителя пробираюсь.

— А—а! такъ! Куда же?

— Въ Глушковскій уѣздъ.

— У—у—у! протянулъ Крещатниковъ.—Экъ тебя махнуло!

Ты на лодкѣ?

— Да, на лодкѣ!

— Прямо ко мнѣ?

— Почти прямо.

— Ну, спасибо, спасибо, что не позабылъ. Очень радъ! Вотъ попьемъ чайку. Рассказывай, какъ живешь можешь.

— Да что я... видишь вотъ... ты такъ устроился, вижу!

Хорошо живешь?

— Я? ну, что же? тревожно встрепенулся хозяинъ;—гдѣ же хорошо? Вѣдь это не мое все, хозяйское!

— На хлѣбахъ?

— Да, гдѣ же заводиться. И зачѣмъ? Вдругъ переводъ—куда? Я же человѣкъ холостой, къ чему мнѣ вся эта рухлядь, обуза только.

— Ты вѣдь рублей двадцать пять получаешь?

— Да.

— И въ женской школѣ еще, кажется?

— Тоже... да вѣдь много ли? Гроши, а жизнь дорога.

— Здѣсь-то?

— А какъ же! Все дорого.

— Все-таки остается, думаю, немало.

— У меня? Ни копѣйки! Да я всегда безъ денегъ.

Онъ мелькомъ, бѣглымъ взглядомъ окинулъ Бузоратова и закончилъ:

— Ты думаешь у меня деньги есть? Э, э! знаешь сколько у меня теперь въ карманѣ?

Бузоратовъ молчалъ.

— Отгадай!

— Почему я знаю!

— Четыре копѣйки! Честное слово! Завтра придется просить взаймы, вотъ какъ!

Онъ подвинулъ стаканъ гостю, не положивши, однако, сахару.

— Клади самъ, я не знаю твоего вкуса, сказалъ онъ.— Кто вѣдь какъ любить. Я вотъ не люблю сладко, а про тебя не знаю.

— Я тоже, какъ-то машинально отвѣтилъ Бузоратовъ.

«Неужели правда? думалъ онъ.— Не можетъ быть! Вреть. Испугался, что я попрошу. Эва жила!.. Кажется, онъ еще скупѣе сталъ!»

И онъ улыбнулся невольно, не то горько, не то презрительно.

— Долго ты намѣренъ пробыть здѣсь? спросилъ Крещатниковъ, прерывая молчаніе.

— До завтра.

— Только то? какъ бы съ сожалѣніемъ воскликнулъ хозяинъ; но видно было, что онъ обрадовался такому отвѣту.

Онъ черезъ минуту оживился и началъ спрашивать Бузоратова о Сонскѣ.

Гость отвѣчалъ неохотно. Это замѣтилъ Крещатниковъ.

— Да что ты какой, а? спросилъ онъ:—не здоровится? Усталъ?

— Нѣтъ... а вотъ не знаю какъ быть, сказала Бузоратовъ, раздражаясь вдругъ.

— То есть какъ это?

— Да такъ. Въ карманѣ у меня дѣйствительно копѣйки; а надо ѣхать... Вотъ тутъ и думай.

Оживленность мгновенно исчезла съ лица хозяина.

— У меня-то нѣтъ, проговорилъ онъ печально:—я бы тебѣ далъ, да ей Богу, четыре копѣйки; вотъ на, смотри!

Онъ полѣзъ въ карманъ брюкъ, но гость остановилъ его,

— Можешь не показывать, я и такъ вѣрю.

— Да нѣтъ, ты подумаешь, что жалко, такъ вотъ.

Онъ вывернулъ кошелекъ, изъ котораго на столъ выпало нѣсколько копѣекъ.

— Видишь! три, двѣ... еще одной больше! Вотъ это всѣ капиталы. Если не дадутъ завтра, — какъ хочешь и живи!

— Да вѣдь ты столуешься, такъ что же? замѣтилъ Бузоровъ насмѣшливо. Онъ хорошо понялъ, что Крещатниковъ лжетъ. Въ страхѣ за свой карманъ, онъ ужъ даже пересолилъ.

— Такъ что же, что столуюсь? Да вѣдь я не заплатилъ еще. Тутъ такая штука подошла, что... да лучше и не разсказывать!

— Сдѣлай одолженіе, пожалуйста не разсказывай! воскликнулъ гость. Ему сдѣлалось какъ-то противно отъ лганья и жадности бывшаго товарища.

«Изъ-за какихъ нибудь трехъ, пяти рублей какъ вѣдь лжетъ человекъ, какъ дрожить!»

Бузоровъ всталъ.

— Ты это куда же, куда? встрепенулся хозяинъ. — И стакана-то не допилъ:

— Не хочу.

— Ну вотъ, ну вотъ и разсердился. Не повѣрилъ?.. Честное слово!

— Да замолчи! Я вѣдь ничего не говорю.

— Ужъ я вижу. Ахъ, какъ досадно! Если-бы была... будь хоть три рубля — послѣдніе бы отдалъ! Вотъ что, стой! Хочешь, у хозяйки займу рубль, а?

— Ненужно.

— Да какъ же ты? Надо ѣхать.

— Найду. Пойду въ управу.

— Въ самомъ дѣлѣ! радостно воскликнулъ Крещатниковъ, — всего лучше туда! Должны дать непременно! Чего церемониться то. Они, пожалуй, жадничать вздумаютъ, да ты ихъ хорошенько...

— Прощай! промолвилъ Бузоровъ, чуть не съ отвращеніемъ подавая руку Крещатникову.

— Прощай, прощай!.. Ахъ, ей Богу, какая досада!.. Если-бы... да ты посиди еще, а?

Онъ проводилъ гостя до передней. Здѣсь, въ потьмахъ, ошибкою, Бузоровъ надѣлъ вмѣсто своего пальто, пальто хозяина. Онъ сразу не замѣтилъ, и лишь когда, опустивъ руку въ карманъ, нашелъ тамъ тяжелое портмоне, понялъ, что это не его пальто.

Онъ поспѣшилъ исправить ошибку и вышелъ молча.

Вскорѣ послѣ ухода Бузорова, въ комнату, гдѣ пилъ чай

Крещатниковъ, вошла полная, дебѣлая женщина. Это была хозяйка.

— Александръ Егоровичъ, нѣтъ ли у васъ на двадцать пять рублей мелкими рублями.

— А вотъ сейчасъ посмотрю, отвѣчалъ любезно обладатель «четырехъ вопѣекъ», вставая и направляясь къ этажеркѣ.

Лодочникъ и работники ужинали, когда Бузоровъ, усталый, перемокшій и раздосадованный, вернулся на пристань.

— А, вотъ и нашъ учитель! добродушно встрѣтилъ хозяинъ.— Ну что, нѣту-ти отца-то Павла?

— Нѣту.

— Такъ и есть! Собрался, значить. А тотъ што, товарищъ-то?

— Да ничего... видѣлъ.

— Нельзя тоже, стало, переночевать-то?

Бузоровъ промолчалъ.

— Иди ужинать-то, коли хочешь, пригласилъ лодочникъ,— поѣдимъ напоследокъ-то, будь гость!

— Не хочу.

— Што такъ, аль угостился?

— Да, закусилъ.

— То-то; а если што, ты не конфузъся, садись!

— Не хочу, спасибо, я сытъ.

— Ладно, коли такъ! Ложись, теперь въ каютѣ раздольно, всего пятеро осталось; здѣсь много высадилось.

Бузоровъ легъ, но долго не могъ заснуть подѣ влияніемъ только что пережитаго. Жадность Крещатникова возмутила его. «Гдѣ же товарищество?» Этотъ вопросъ навелъ его на мысль о тѣхъ обѣщаніяхъ, какія давались при разлукѣ.— «Неужели такъ же и здѣсь? Только слова? Пройдетъ годъ, два—встрѣтишься и тебѣ двухъ рублей не дадутъ, хоть умирай съ голоду, упади на землю?»

Сердце сжалось съ болью. Но оно не хотѣло этому вѣрить и допустить безотраднаго отвѣта. Нѣтъ, это онъ только такой Плюшкинъ. Есть люди; понятно, есть! Развѣ нѣтъ? А Померанцевъ? а отецъ Павелъ, про котораго такъ хорошо отзываются Померанцевъ и лодочникъ? А этотъ послѣдній? а Заморенная? Развѣ все это не хорошіе люди? О, конечно, конечно!

Легче стало. Онъ успокоился.

Волны тихо, мирно плескали въ боги лодки, убаюкивая. Подѣ ихъ однообразный напѣвъ забылся и заснулъ, наконецъ, молодой учитель.

Въ каютѣ давнымъ-давно уже слышался храпъ другихъ пассажировъ, не волнуемыхъ думами и не разрѣшавшихъ мучительныхъ вопросовъ.

Бузоратова разбудилъ одинъ изъ работниковъ.

— Вставай! Эй, Григорій Стеричъ, вставай!

Онъ вскочилъ, испугавшись, что проспалъ слишкомъ долго.

— Что, много ужъ часовъ? тревожно спросилъ онъ.

— Пора! Ты вѣдь на постоянный хотѣлъ идти?

— Да, да.

— Гляди, не упусти. Чего добраго, уѣдутъ. Ступай, братъ!

Онъ наскоро одѣлся, отказался отъ чая и полетѣлъ въ управу.

Управскій сторожъ мель крыльцо и сердито посмотрѣлъ на молодого человѣка, подымавшагося по ступенькамъ.

— Куда лѣзешь? Ишь, мету! Обойти-то не можно?

Бузоратовъ не разслышалъ ворчаній.

— Есть кто въ управѣ? спросилъ онъ, въ свою очередь не особенно дружелюбно.

— Иди, иди! Еще разспрашивать вздумалъ; не увидишь самъ то, што-ли? Скажи еще, графъ какой выискался!

Задѣтое самолюбіе учителя возмутилось. Но онъ постарался убѣжать «отъ исторіи» и скорѣе прошелъ въ управу.

Въ передней толпилось нѣсколько мужиковъ и сидѣли два молодыхъ человѣка, хотя и нищенски одѣтые, но съ тою печатью на лицѣ, что зовется у насъ «интеллигентностью».

Бузоратовъ обратился прямо къ нимъ.

— Здѣсь предсѣдатель?

— Еще не пріѣхалъ. Мы сами ждемъ его.

— А вы къ нему тоже?

— Да, мы учителя.

— Я тоже.

— Въ нашъ уѣздъ?

— Нѣтъ, въ Глушковскій; но...

Онъ подсѣлъ къ нимъ на рваный диванъ и рассказалъ въ чемъ дѣло.

— Едва-ли! сказалъ одинъ.

— Чего едва-ли! И думать нечего! утѣшилъ другой.—Мы сами за деньгами; за два мѣсяца не брали.

— Да, за два, за два! подтвердилъ первый.

— А впрочемъ попробуйте! заговорилъ опять второй.—Вы

вотъ что: пройдите въ комнату, да попросите секретаря Кудрявцева. Онъ—сила.

— А хорошій онъ?

— Не скажите! Да вѣдь проба что же? Какъ вздумается, минута какая. Попробуйте!

— До предсѣдателя? сейчасъ?

— Да, да. Узнайте, какъ онъ. Если онъ согласится—предсѣдатель и спорить не будетъ. Онъ у секретаря въ рукахъ. Мы вотъ сейчасъ были; сказали: «хорошо, посидите»—и сидимъ.

Бузоровъ прошелъ въ управскую канцелярію.

У большаго стола въ креслѣ сидѣлъ человекъ высокаго роста, рыжій, съ рябымъ, неприятнымъ лицомъ; на узенькій лобъ сватились пряди рыжихъ волосъ. Торчащія уши были такихъ громаднхъ размѣровъ, что бросались прежде всего каждому въ глаза. Держалъ себя этотъ господинъ важно; небрежно развѣлся въ креслѣ, онъ постукивалъ пальцами одной руки по толстой тетради, а другую заложилъ за жилетъ.

«Это онъ», рѣшилъ учитель и не ошибся.

Онъ подошелъ къ «управской силѣ».

— Что вамъ угодно-съ? встрѣтилъ секретарь надменно.

— Я народный учитель, Бузоровъ.

— Очень пріятно познакомиться! съ поклономъ произнесъ секретарь.

Въ его словахъ прозвучала насмѣшка, которую Григорій Несторовичъ не могъ не замѣтить.

— Я ѣду въ Глушековскій уѣздъ, продолжалъ онъ, стараюсь сохранить спокойствіе.

— Извините, попутчикомъ быть не могу-съ, перебилъ секретарь.

Это уже отзывалось нахальностью. Бузоровъ вспыхнулъ и забылъ, что отъ «спокойствія» теперь зависитъ все.

— Позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить? Или я ошибся? произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Вы не знаете?

— Я думалъ, что говорю съ секретаремъ, но боюсь не ошибся ли, не принялъ ли за секретаря клоуна?

Секретарь не ожидалъ такого отвѣта. Его лицо поблѣвло. Онъ съ минуту молчалъ, какъ-бы не находя словъ, и затѣмъ прерывающимся голосомъ произнесъ:

— Убирайтесь вонъ! Петръ, гони этого нишаго!

Кровь бросилась въ лицо учителю. Его губы поблѣвли. Онъ

сдѣлалъ было шагъ впередъ, но двѣ мощныя руки схватили его за плечи и буквально вынесли на улицу.

Его просто столкнули съ крыльца.

Въ эту самую минуту подъѣхалъ предсѣдатель. Бузоровъ упалъ на землю въ какихъ нибудь двухъ шагахъ отъ экипажа.

— Что это? что это такое? испуганно воскликнулъ предсѣдатель, выскакивая изъ пролетки.

Бузоровъ поднялся на ноги. Волоса его были всклокочены, лицо мертвенно-блѣдно.

— Я учитель... меня вытолкали... секретарь вашъ, безсвязно и захлебываясь отъ волненія, произнесъ Григорій Несторовичъ.

— Что это все значитъ? продолжалъ предсѣдатель, сдвигая брови.—Я сейчасъ все узнаю, прибавилъ онъ, подымаясь на крыльцо.—Войдите, подождите, я позову.

Предсѣдатель быстро взбѣжалъ на ступеньки; Бузоровъ нерѣшительно послѣдовалъ за нимъ. Сторожъ молча пропустилъ его.

— Что это онъ? что у васъ вышло? шепотомъ обратились учителя къ Бузорову, когда онъ опять подсѣлъ къ нимъ.

Онъ рассказывалъ. Они только грустно покачали головою.

— Зазнался!

— Заѣлся! А изъ нашихъ же, изъ кутейниковъ!

— Пожалуйте сюда! раздавался повелительный голосъ предсѣдателя. Его голова показалась въ полуотворенную дверь и снова спряталась.

Бузоровъ вошелъ.

Предсѣдатель ходилъ по комнатѣ, нервно крутя усы.

— Вѣдь вы сами же виноваты, сказалъ онъ недовольнымъ, раздраженнымъ голосомъ,—вы забылись.

— Онъ забылся прежде меня.

— Да... но у него такая привычка. Это не желаніе оскорбить. Вы еще очень молоды, чтобы такъ обижаться. Да позвольте: что вамъ было угодно? зачѣмъ вы пришли?

— Я ѣду въ Глушковскій уѣздъ въ учителя.

— И заходите въ управу Песчанскаго?

— Я хотѣлъ попросить денегъ.

— Да вѣдь вы не у насъ служите?

— Я знаю.

— Что же намъ за дѣло, помиуйте!

— У меня ни копейки. Я думалъ взять, а потомъ, получивши въ Глушковскѣ, переслать. Одна управа для другой...

— Тутъ управа не причемъ, оборвалъ предсѣдатель,—тутъ

вы лично! Но вѣдь управы не кассы ссудъ. Мы не банкиры. Съ чего вы могли обращаться туда, куда не имѣете права? Знакомы вы съ секретаремъ, со мною?

— Нѣтъ.

Предсѣдатель пожалъ плечами.

— И вдругъ идете! Богъ васъ знаетъ кто!

— У меня бумаги.

— Да что бумаги, это еще ничего не значить! Да намъ дѣла нѣтъ до васъ, какъ управѣ, понимаете? А лично мы со всѣмъ чужіе. Довольно странно!

— Это еще не даетъ права выбрасывать, какъ пьянаго изъ кабака, рѣзко сказалъ Бузоровъ.

— Не одобряю. Я дамъ выговоръ Петру, сторожу. Николей Андреевичъ погорячился—тоже не хвалю; но и вы, молодой человѣкъ, знаете, стоитъ мнѣ написать господину инспектору и васъ онъ не похвалить. Для начала дѣятельности это неособенно хорошо. Но я, конечно, не буду вредить; я прощу по вашей молодости...

— Да напрасно; сдѣлайте милость, сообщите! перебилъ учитель.—Я самъ не буду молчать и сообщу; газеты для всѣхъ открыты.

Онъ повернулся и вышелъ изъ кабинета.

— Это чортъ знаетъ что такое! проворчалъ предсѣдатель.— Изъ-за Николая Андреевича когданибудь заварится каша; эдакая натура!.. Петръ, пригласите секретаря ко мнѣ!

Бузоровъ хотѣлъ пройти мимо учителей, но одинъ изъ нихъ остановилъ его и вышелъ вмѣстѣ съ нимъ на крыльцо.

— Не достали? Не дали?

— Да я теперь и не возьму.

— Вотъ что: послушайте, подождите насъ. Мы сейчасъ получимъ и...

Онъ замялся.

— Мнѣ не надо.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста... рубля два, три... вы потомъ вышлете. Да вѣдь намъ вмѣстѣ отсюда. Вы на Кулагино сказали?

— На Кулагино.

— И мы въ ту сторону; только немного не дойдемъ и свернемъ. Мы пѣшкомъ; пойдемте вмѣстѣ!

— Спасибо... я очень радъ... но какъ же вы... у васъ самихъ...

— Да что же рубль? По рублю каждый. Не Богъ вѣсть что!

— Спасибо, спасибо!

Онъ пожалъ руку.

— Подождите здѣсь. Гдѣ вы остановились?

— Я на лодкѣ.

— А мы здѣсь, на постояломъ. Да вотъ что: возьмите вещи съ лодки, да и на постоялый. Мы тѣмъ временемъ тоже управимся.

— Хорошо.

— Идите. Если насъ и не будетъ еще, такъ все равно подождите. Ахъ да, мы у Зиновихи. Знаете?

— Знаю.

Они простились.

— Ну что, какъ? встрѣтилъ Бузорова лодочникъ, — нанялъ?

— Нѣтъ, да мы пѣшкомъ. Двое попутчиковъ. Ужъ съ Кулагина найму, а до него такъ. Сколько верстъ до Кулагина?

— Да какъ тебѣ сказать, верстъ тридцать безъ мала; двадцать-то пять навѣрняка ужъ будетъ. А впрочемъ, кто ѣ знаетъ, здѣсь дорога-то не столбовая: мѣрила баба клювой, да и махнула рукой, во какая мѣра-то!

Бузоровъ взялъ свой мѣшочекъ, поблагодарилъ за доброту и ласку хозяина лодки и отправился на постоялый дворъ къ Зиновихѣ.

— Путь-дорожка! Богъ тѣ пошли добра! проговорилъ старикъ-хозяинъ.

— Спасибо. Счастливо плыть!

— Благодаримъ на добромъ словѣ.

Бузоровъ еще разъ поклонился и сталъ взбираться по лѣсенкѣ на высокую набережную.

А. В. Кругловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ДОНА.

II.

УСМИРЕНИЕ ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ БУЛАВИНСКАГО БУНТА.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вліаніе военной славы Карла XII на гетмана Малороссіи. — Затѣяныя мысли Мазепы. — Принималъ ли Мазепа участіе въ булавинскомъ бунтѣ? — Рождественскій постъ въ Ватуринахъ въ 1706 году. — Пріѣздъ донскихъ казаковъ. — Широкованное письмо княгини Дольской. — Разговоръ Мазепы съ Орликомъ о булавинцахъ.

Въ 1707 году военная слава Карла XII, какъ, ровно черезъ столѣтіе, военная слава Наполеона I, достигла своего апогея. Если царь Петръ, чувствуя внутри себя чудовищныя силы, рѣшился, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, бороться съ своимъ счастливымъ соперникомъ и вѣрилъ своей звѣздѣ; если онъ рѣшился не уступать до конца, какъ глава обширнаго государства, которому отдавалъ всѣ свои силы, — то военное обаяніе короля шведскаго, оттолкнувшее уже отъ русскаго государя датскаго и саксонскаго королей, не могло не повліять на распорядителя-намѣстника пограничныхъ Польшѣ земель, на гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра и Запорожья, Ивана Степановича Мазепу, немѣвшаго строгихъ нравственныхъ убѣжденій, столь необходимыхъ въ подобное смутное время.

Съ молодости, слуга польскаго короля, случайно занесенный въ Украйну къ казакамъ, затѣмъ слуга гетмана Дорошенко и, слѣдовательно, присяжнникъ московскаго царя, Мазепа нарушалъ

присягу такъ часто, что эта перемѣна сдѣлалась для него обыкновеню. Если Мазепа до времени былъ вѣренъ, то разумѣется по расчету. «Вотъ почему, говоритъ Соловьевъ ¹⁾, — Мазепа отвѣтилъ отрицательно на представившійся ему вопросъ: изъ-за чего погибать?» И дальше историкъ Россіи прибавляетъ: «Когда нѣтъ внутреннихъ, могучихъ побужденій жертвовать всѣмъ чему нибудь, не колеблясь, не разсчитывая, тогда обыкновенно ищутъ и легко находятъ, почему не слѣдуетъ жертвовать». Передъ глазами стараго гетмана, хваставшагося своею опытностью, искусствомъ житейскимъ, окончательно разыгрывалась страшная драма. На одной сторонѣ былъ непобѣдимый король шведскій, съ своимъ хорошо устроеннымъ войскомъ; на другой—царь, лучше другихъ сознававшій недостаточность своихъ средствъ въ борьбѣ, послѣ тяжкаго пораженія подъ Нарвою, постоянно избѣгавшій встрѣчи съ страшнымъ врагомъ и теперь отступавшій передъ нимъ. Какой помощи ожидать отъ царя для Малороссіи, когда Петръ лично говорилъ гетману, чтобы тотъ оберегалъ бассейнъ Днѣпра своими средствами? Можетъ ли Малороссія противиться счастливому, талантливому шведскому полководцу, а главное, захочетъ ли, при сильномъ неудовольствіи на Москву и на царя? Если эта непріязнь малороссійскаго народа выскажется въ моментъ вторженія побѣдоносныхъ войскъ, что станется съ гетманомъ, вѣрнымъ слугою царскимъ? Какая же охота погибать, да изъ-за чего? Умѣй гетманъ, говоритъ Соловьевъ, — отвѣчать на поставленный вопросъ положительно, онъ остался бы вѣренъ Россіи въ эту годину ея испытанія. «Но Мазепа, который въ Москвѣ считался драгоценнымъ исключеніемъ, человекомъ преданнымъ царю и московскому государству, среди непостоянныхъ, шатающихся черкасъ, Мазепа вовсе не былъ исключеніемъ. Мазепа не былъ представителемъ той массы малороссійскаго народа, для которой православіе было началомъ, недопускавшимъ никакихъ сдѣлокъ, для которой каждый иновѣрецъ былъ врагъ, а ляхъ-католикъ—врагъ непримиримый, для которой мысль о возможности соединенія съ Польшею была нестерпима. Мазепа былъ именно представителемъ этого испорченнаго поволавія шатающихся черкасъ».

Но мы забѣгаемъ впередъ. Въ наше изслѣдованіе входитъ не фактъ измѣны Мазепы въ 1709 году, а побужденія, руководившія гетманомъ къ этому поступку, его затаенныя мысли,

¹⁾ «Исторія Россіи въ эпоху преобразованій», Т. XV, стр. 262—263.

которыя онъ еще скрывалъ, не только отъ приближенныхъ, но и отъ самыхъ близкихъ ему лицъ. Но уже въ 1707 году онъ проговаривался ¹⁾; сталъ говорить намеками. Мазепа неминуемо могъ вліять на взрывъ страстей и въ близкой къ Малороссіи, Слободской Украинѣ, и на донской территоріи, ибо смѣлость Булавина, прочтя сказанное нами объ усмирении донцами астраханскаго бунта, трудно объяснить, безъ подстрекательства со стороны гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра и наблюдателя за дѣйствіями запорожскихъ казаковъ. Что Булавинъ, при содѣйствіи Мазепы, набиралъ вольницу въ Запорожьѣ и дѣйствовалъ заодно съ кошевымъ Гордѣенко, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: историческіе факты сношеній Булавина съ запорожцами имѣются на-лицо. Что же касается до личныхъ сношеній атамана голытьбы съ гетманомъ Малороссіи, мы должны писать на основаніи общаго смысла документовъ, и въ данномъ случаѣ, какъ и въ первой главѣ настоящаго изслѣдованія, читатели не посѣтуютъ, если вмѣсто сухаго перечня историческихъ фактовъ, которые, по отношенію къ Мазепѣ, мы приводимъ ниже, мы теперь представимъ сцену, взятую нами изъ жизни тогдашняго времени, и обрисуемъ характеры Мазепы и Булавина, какъ мы ихъ понимаемъ.

Не смотря на рождественскій постъ, пѣсни по избамъ и пляски по харчевнямъ и шинкамъ не прекращались въ городѣ Батуринѣ, мѣстопробываніи малороссійскаго гетмана. Зима 1706—1707 годовъ была снѣжная и сугробистая, что затрудняло движеніе войскъ, регулярныхъ полковъ и артилеріи, двигавшихся къ западнымъ предѣламъ государства, такъ какъ стало извѣстно, что Карлъ XII, король шведскій, измѣнилъ свой операціонный путь и наводнилъ уже своими полками Польшу, откуда выѣхалъ король Августъ, отказавшійся отъ короны въ пользу Станислава Лещинскаго, рекомендованнаго Рѣчи Посполитой шведскимъ королемъ. Московскіе пѣхотные полки и ихъ артилерія приходили въ Батуринъ усталыми и измученными тяжелымъ зимнимъ походомъ. Избы малороссійскихъ казаковъ переполнились солдатами, грубо обращавшимися съ своими хозяевами. Регулярныя войска требовали отъ малороссіянъ фуража и провіанта, забирали подъ подводы лучшихъ верховыхъ лоша-

¹⁾ Процессъ Искры и Кочубея, въ исторіи Соловьева, Т. XV.

дей, требовали сытнаго приварка, крѣпкой хлѣбной водки и душистой сливовицы. Они нещадно жгли дрова, уничтожая на топливо домашнія пристройки, заборы и самыя фрутовыя деревья, тщательно оберегаемыя малороссіянами. Обзывая своихъ хозяевъ хохлами и чубатыми, солдаты и офицеры, тѣмъ не менѣе, ласпались къ ихъ красивымъ женамъ и дочерямъ, разсылая отцовъ, мужей и братьевъ малороссіянокъ на различныя работы, выдумываемыя ими по военному времени. Быстро мѣшался свѣтлорусый типъ увѣсистаго москаля съ граціозною, черноокою малороссіянкою, и народившееся въ приднѣпровскихъ губерніяхъ, за первое десятилѣтіе XVIII вѣка, поколѣніе, не мало способствовало впоследствии слянію Москвы съ жителями Киевской, Полтавской и Черниговской губерній...

Но собственно въ зиму 1706—1707 годовъ трудно было еще рассчитывать на добрыя отношенія днѣпровскаго населенія къ московскому правительству. Регулярными офицерами и солдатами тяготились въ Малороссіи войсковая старшина, полковники и простой народъ. Послѣдній и нижніе чины малороссійскихъ казачьихъ полковъ находились между двухъ огней. Подобно донцамъ настоящаго столѣтія, малороссійскіе казаки, въ давнишнихъ своихъ спорахъ съ полковниками и старшиною, рассчитывали на заступничество московскаго правительства и на, самодержавнаго монарха, недававшаго потачки незаконнымъ поборамъ, взяточничеству и nepотизму. Съ другой стороны, привыкшіе къ болѣе мягкимъ правамъ и обычаямъ, изнѣженные чудною природою и поэтическимъ настроеніемъ, усиливаемымъ малороссійскою пѣснью, исполняемою чистыми, мелодическими голосами женъ и дочерей, казаки Днѣпра не могли выносить грубыхъ выходовъ, грязныхъ, срамныхъ пѣсней и циничныхъ плясоевъ, свойственныхъ великорусскому простолюдину петровскаго періода. Оттого и выходило, что гдѣ не было солдатъ на постой, малороссы были вполне за московское правительство; въ Полтавѣ же, Миргородѣ, Прилукахъ, Батуриинѣ и ихъ окрестныхъ хуторахъ накопилось очень много недовольныхъ недоброжелателей царя и его приближенныхъ лицъ. Даже на собственную жизнь Петра злоумышляли въ Малороссіи и только случайность спасла его однажды отъ неминуемой смерти ¹⁾.

Разгуль и пѣсни въ нѣкоторыхъ избахъ, въ описываемую нами зиму, еще сильнѣе и громче раздавались отъ участія въ по-

¹⁾ Соловьевъ, Т. XV.

пойкахъ донскихъ казаковъ, привезшихъ соль изъ Слободской Украйны, изъ Славянскихъ соляныхъ варницъ. Заунывная, полная драматизма малороссійская дума смѣнялась залихватскою пѣснью русскаго солдата и историческою былинною донскаго казака, воспѣвавшаго своихъ богатырей: Ермака Тимофеевича и Степу Разина.

Въ одинъ изъ такихъ декабрьскихъ дней, когда хлопья снѣга совершенно залѣпили окна и темнота настала съ трехъ часовъ пополудни, такъ что пришлось закрыть ставни и освѣтить комнаты, — гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа, въ шелковомъ тепломъ, на мѣху, жупанѣ, сидѣлъ передъ печкою, изрѣдка подкладывая въ нее сухой хворостъ и мелкія дубовыя лучины. Повидимому, старый гетманъ наконецъ согрѣлся; онъ отодвинулъ кресло и приставилъ къ нему столикъ, на которомъ поставилъ два подсвѣчника съ толстыми восковыми свѣчами. Снявши нагарь, Мазепа осторожно оглядѣлся, вынулъ изъ кармана шифрованное письмо и сталъ внимательно читать, ворча про себя: «Проклятая баба, совсѣмъ меня хочетъ погубить. То предлагала союзъ польскаго короля съ царемъ, а теперь говоритъ уже о союзѣ Станислава и короля шведскаго лично со мною... Они обѣщаются создать изъ Малороссіи особенное герцогство, съ подтвержденіемъ всѣхъ прежнихъ правъ малороссійскаго народа и лишь съ васальными отношеніями гетмана къ Рѣчи Посполитой. Будто я самъ не знаю, какъ мнѣ поступить и когда мнѣ отказать отъ рабскаго подчиненія московскому царю? Меня, ношенную птицу, вздумала учить эта польская интригантка. И какъ ловко посланецъ ея передалъ мнѣ это цифирное письмо. Сперва вручилъ конвертъ отъ кievскаго архимандрита. Тотъ проситъ обычнаго пособія на монастырь. Только что я повернулся, чтобы принести деньги, посланецъ передаетъ и эту цидулку: «прочтите на досугѣ». Едва я распечаталъ въ сосѣдней комнатѣ это письмо, а уже посланецъ точно провалился сквозь землю — исчезъ, и сколько не искали по всему Батурину, не могли найти монаха; пропалъ, сгинулъ. А не одобровать бы ему. Съ этими цифирными знаками княгини Дольской отправилъ бы я его немедленно къ князю Голицыну въ Кіевъ, или къ Александру Даниловичу Меньшикову, а то и къ самому царю. Пусть вѣдаетъ, что Мазепа по прежнему усердный ему слуга, а не измѣнникъ, какъ прежніе малороссійскіе гетманы. Я уже давалъ государю читать письма княгини Дольской, когда она была на сторонѣ царя. Отчего не послать и этого письма?.. Пусть также знаетъ, государь, что враги мои между его приближенными. Дольская

нишетъ, что фельдмаршалъ Шереметевъ проговорился ей о непрѣмѣнномъ намѣреніи князя Меншикова занять постъ гетмана Малороссіи. Бывшій пирожникъ будетъ управлять свободнымъ народомъ, живущимъ по обоимъ берегамъ Днѣпра? Видимо и царь того же желаетъ; не даромъ онъ меня такъ сильно обидѣлъ за своимъ столомъ. Никогда не снесу я этой обиды, павшей на мою сѣдую голову... Посылать ли это письмо?..»

Кто-то стукнулъ въ дверь. Мазепа вздрогнулъ, бросилъ шифрованное письмо княгини Дольской въ печь и чрезъ мгновение отъ него не осталось и пепла.

Вошелъ Орликъ ¹⁾, единственный человекъ, которому довѣрялъ Мазепа. Орликъ приходился роднею старику и занималъ вліятельную должность гетманскаго писаря, по нынѣшнему начальника штаба.

Орликъ передалъ Мазепѣ все, что слышалъ въ этотъ день о недовольствѣ батуринскихъ жителей своими постояльцами, регулярными офицерами и солдатами, а затѣмъ сталъ рассказывать о прибытіи въ городъ донскихъ казаковъ съ Сѣверскаго Донца и съ рѣчки Айдара, изъ Слободской Украйны.

— Двое изъ казаковъ, Ивашка Лоскутъ, да Семень Дранный, говорили Орликъ, — хотятъ тебя видѣть и передать гостинцы отъ походнаго атамана въ Бахмутѣ, Кондратія Афонасьевича Булавина.

Тутъ же Орликъ сообщилъ, что на рѣкѣ Великой не все спокойно; что айдарскіе и другіе, по Донцу, а также по Хопру и Медвѣдицѣ живущіе, донскіе казаки, недовольны московскимъ правительствомъ за присылку изъ посольскаго приказа стольниковъ, производящихъ на рѣкѣ Великой народную перепись.

— Близъ Славянска, продолжалъ Орликъ, — начались несогласія донскихъ казаковъ съ полковникомъ изюмскаго слободскаго полка. Ссора произошла изъ-за соляныхъ варницъ. Верховное правительство стоитъ за изюмцевъ, а казаки не уступаютъ, и войсковою кругъ приказалъ Кондратію Булавину отстаивать соляныя варницы въ пользу войска. Булавинъ разогналъ слобожанъ, началъ вываривать соль съ донскими казаками и теперь они набрали много этого добра и привезли сюда, а также повезли рыбы и зернистой осетровой икры. Главный же ропотъ

¹⁾ Мы пропускаемъ сцены съ Матронею Кочубей. Личный нашъ взглядъ по отношенію гетмана къ дочери генеральнаго батуринскаго судьи будетъ изложенъ особо.

происходить отъ намѣренія московскаго правительства согнать вовсе донскихъ казаковъ съ рѣчки Айдара, Сѣверскаго Донца и верховой Хопра, а согнанныхъ поселить на почтовую дорогу, идущую изъ Воронежа въ крѣпость Азовъ и Троицкую, а коихъ поселить и въ самыхъ крѣпостяхъ. Булавицы надѣются на поддержку изъ Малороссіи и Запорожья. За привезенную соль и рыбу, они уже стали скупать лошадей для безконныхъ казаковъ и для разной голытьбы, скрывающейся въ ихъ городкахъ и по лѣсамъ.

— Ну, это дѣло несовсѣмъ ладное, возразилъ Мазепа. — Мы всѣ здѣсь находимся подъ подозрѣніемъ, а наша страна искони богата доносами. Тебѣ извѣстно, что царь воспретилъ намъ принимать у себя донскихъ казаковъ и заказалъ, чтобы они не ѣздили на наши ярмарки. Слова нѣтъ: булавицы, какъ ты ихъ называешь, теперь наши гости и непристойно будетъ ихъ выдать кievскому воеводѣ; вѣдь они намъ братья по крови, по вѣрѣ и по рыцарскому дѣлу, не то, что равные польскіе выходцы, съ которыми я бы не церемонился. Пусть этою же ночью выбираются изъ Батурина, а ты поспѣвши составишь указъ сегодняшнимъ числомъ объ ихъ арестованіи и отправленіи къ князю Голицыну. Въ случаѣ чего, мы оправдаемся указомъ, а они тѣмъ временемъ махнутъ въ Сѣчь. Тамъ, я знаю, кошевой, Гордѣнко, имъ поможетъ набраться конями и воинскимъ запасомъ. Развѣ мыслимо, чтобы донской казакъ не имѣлъ лошади и оружія? Ну а этихъ двухъ, Лоскута и Драннаго, пришли попозднѣе ко мнѣ съ гостинцами такъ, чтобы никто не видѣлъ. Прозвище Лоскута я что-то припоминаю. Какой онъ на видъ?

— Да не молодой уже, отвѣчалъ Орликъ, — однако-же такой же бравый, какъ и ты, Иванъ Степановичъ. У него рубецъ во весь добъ.

— А, вспомнилъ теперь. Это одинъ изъ сподвижниковъ Степана Разина, увернувшійся отъ дыбы и казни. Отчаянная голова и на все рѣшится!

— Семена Драннаго казаки также хвалятъ, продолжалъ Орликъ. — Дранный умѣетъ водить донскіе полки въ бой и славно управляется въ военномъ дѣлѣ, не хуже регулярныхъ генераловъ.

— А самъ-то Булавины? спросилъ гетманъ.

— На военныя дарованія походнаго гетмана своего они, по видимому, мало разсчитываютъ. Кондратій, по словамъ прибывшихъ сюда донцовъ, очень отваженъ и отличается смѣлостью и упорствомъ въ защитѣ казачьяго земельного права. Онъ, гово-

рять, видный, статный, здоровенный мущина и рѣчистый казакъ, но временемъ сильно запиваетъ и буенъ во хмѣлю. Булавинъ все больше ведется съ голытьбой, съ простымъ народомъ, и много ему помогаетъ. За то и голытьба всегда готова идти за нимъ въ огонь и въ воду. А у нихъ, по запольнымъ рѣчкамъ, теперь много набралось народа. Бѣгутъ изъ Воронежа, съ корабельной верфи, изъ крѣпости Азова. Много осталось на Дону солдатъ и изъ арміи фельдмаршала Шереметева, когда генераль изъ Кіева спѣшилъ въ Астрахань. Очень ужъ тяжела нынѣ стала служба. Великороссійскій народъ не привыкъ къ такой тягости, какую завелъ московскій царь. Работаютъ не только въ праздники, но и каждое воскресенье. Сперва царь требовалъ со всѣхъ деньги, а нынѣ набираетъ со всѣхъ мѣстъ людей для рекрутчины. Вотъ и бѣгутъ съ молодыми женами, да съ грудными дѣтьми, и скрываются въ лѣсахъ на рѣкѣ Великой, на Сѣверскомъ Донцѣ, Хопрѣ, Чиру и Медвѣдицѣ. Послали стольниковъ, а тѣ ничего не смѣли найти. Но царь покою не дастъ и заставить учинить по своему. Кажись и на Великой рѣкѣ начнутся тѣ же порядки, что и у насъ въ Малороссіи.

— Ну если—возразилъ Мазепа—царь до времени и оставитъ въ покоѣ донскихъ казаковъ, то со Слободской Украиною, гдѣ живетъ Булавинъ, онъ повернетъ по своему. Тамъ, ты знаешь, много поселилось нашего народа, а нынѣ стали постоянно изъ слободскихъ казачьихъ полковъ брать рекрутъ въ регулярные полки.

— А я, Иванъ Степановичъ, полагаю, перервалъ Орликъ, — что и донскому казачеству настала вонецъ. Нынѣ съ запольныхъ рѣчекъ сгоняютъ славныхъ лицарей копать рвы и строить казематы въ Азовѣ, а потомъ въ тѣ же каменные тюрьмы сажаютъ казаковъ вмѣстѣ съ опальными стрѣльцами. На море же донцы нынѣ не смѣютъ показывать носа; ихъ туда не пускаютъ даже ловить рыбу. Правительственный флотъ за ними слѣдитъ и днемъ, и ночью. Коихъ поймаютъ на рыбной ловлѣ, сажаютъ вмѣстѣ съ каторжными на галеры. Ропотъ и неудовольствіе на Дону всюду, и толкуютъ, что нижній войсковой кругъ тянетъ на сторону Булавина. Нынѣшнею весною едва не столкнули съ атаманскаго поста Лукьяна Максимова.

— Эту лисицу—возразилъ Мазепа—не легко провести. Максимовъ умѣетъ угодить и стольникамъ, посланнымъ изъ посольскаго приказа, и донскихъ лицарей успѣваетъ обольстить, обѣщая имъ цареву жалованье. Слыхалъ я, какія для него были

заказаны клейноты. Ему царь вручил такую-же булаву и такое же знамя, какъ гетману Малороссіи. Да и не одинъ онъ за московское правительство. Сколько старшинъ и бывшихъ атамановъ знаетъ царя Петра Алексѣевича, когда онъ съ донцами громилъ Азовъ и уничтожалъ турецкій флотъ. Трудно Булавину увлечь за собой войсковою кругъ. Не вѣрится мнѣ, судя по твоему разсказу, чтобы этотъ вождь голытьбы успѣлъ увлечь за собой Великую рѣву.

— Больно уже обижены донскіе казаки, отвѣчалъ Орликъ. — Лоскутъ и Дранной, повидимому, привлекаютъ молодежь, напоминающая ей разсказы о Степанѣ Разинѣ; общаются и вольности, и богатство. Булавинъ же только ширма, за которою эти удалцы хотять потрясти всѣмъ государствомъ. Главное войско на половину въ походѣ, или сражается вмѣстѣ съ регулярными полками. Въ Астрахани легко вновь соединить народъ. Башкирія волнуется. Терскіе казаки также чѣмъ-то недовольны. Слободская Украйна только ждетъ сигнала; а ты самъ, Иванъ Степановичъ, знаешь, какъ у насъ здѣсь на Днѣпрѣ не любятъ московское правительство. Вотъ Лоскутъ и Дранной теперь и надѣются на общую смуту. Я говорю тебѣ, гетманъ, какъ слышалъ. Дѣло это не моего ума и распоряжайся, какъ знаешь. Прикажешь—мы ихъ словимъ и арестуемъ; прикажешь—отпустимъ на всѣ четыре стороны....

Мазепа задумался... «Да! вотъ они настоящіе мои союзники! говорилъ онъ какъ-бы самъ съ собой.—Пока еще придетъ съ полками шведскій король, а эти уже поднимутся и отвлекутъ регулярные полки изъ Малороссіи, какъ уже однажды принудили царя двинуть армию Шереметева изъ Кіева въ Астрахани. Все же станетъ здѣсь легче и свободнѣе, и народъ малороссійскій отдохнетъ отъ постоя». И обратясь къ своему племяннику, онъ сказалъ:—Вотъ что помни, Орликъ. Царь меня можетъ потребовать къ себѣ въ Вильну и Кіевъ. Ты останешься здѣсь, и когда явится надобность отправить войска для усмиренія донцовъ, то назначь оба придуцкіе полка. Теперь же выпроваживай гостей подальше отъ Батурина и пиши указъ объ ихъ арестованіи. Мнѣ же подай чернильницу и чистой бумаги.

Орликъ ушелъ, а Мазепа сталъ писать князю Голицыну, жалуясь на поведеніе регулярныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, и просилъ кіевскаго воеводу вывести войска изъ Малороссіи въ Польшу.

1) Т. II, стр. 454.

Маркевичъ въ своей исторіи Малороссіи ¹⁾ говоритъ: «Поселя безпокойство въ государствѣ, ссоря Россію съ сосѣдными державами, Мазепа не упускалъ изъ вида Украйны, употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы возстановить малороссіянь, запорожцевъ и донцовъ противу Петра, возбуждалъ на мечь и уговаривалъ поднять оружіе и отложиться».

«Нынѣ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Мазепа поддерживалъ Булавина».

Обратимся теперь къ обрисовкѣ Малороссіи и гетмана на основаніи историческихъ документовъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Матрена Кочубей.—Отношенія малороссійскаго народа къ старшинамъ и гетману.—Характеристика Мазепы.—Его сношенія съ княгиней Дольскою.—Неудовольствія гетмана на распоряженія Меньшикова.—Боязнь малороссійскихъ полковниковъ объ обращеніи казаковъ въ регулярный строй.—Клятва Мазепы передъ Орликомъ.—Письмо отъ Станислава Лещинскаго и отвѣтъ Мазепы.

Подобно Соловьеву и мы отвергаемъ, чтобы побужденіями Мазепы руководило желаніе принести пользу притѣсненному малороссійскому народу. Вотъ что говоритъ историкъ Россіи:

«Кочубей продолжалъ оставаться съ прежнимъ значеніемъ и даже сблизился, породнился съ гетманомъ: одна изъ его дочерей вышла замужъ за гетманскаго племянника Обидовскаго. У Кочубея была еще другая дочь, Матрена, гетманская крестница.

«Мазепа, овдовѣвши, вздумалъ жениться во второй разъ; не смотря на преклонныя лѣта, сдѣлалъ предложеніе своей крестницѣ. Отецъ и мать отказали, на основаніи церковнаго запрещенія. Но дочь смотрѣла иначе на дѣло. Овладѣла ли дѣвушкою странная, хотя и не безпримѣрная страсть къ старику, стоявшему выше другихъ, не по одному гетманскому достоинству, или дѣйствовало честолюбіе, желаніе сдѣлаться гетманшею,—только она позволила себѣ убѣжать изъ отцовскаго дома въ гетманскій. Возвратившись назадъ, по настоянію Мазепы, она продолжала съ нимъ переписку» ¹⁾.

Хотя лично мы придаемъ громадное значеніе отношеніямъ.

¹⁾ Соловьевъ, т. XV.

Мазепы къ Матренѣ Кочубей и, на основаніи психическаго анализа человѣческой души, готовы признать первенствующее вліаніе старческой любви Мазепы на послѣдующую измѣну гетмана, однакожь въ настоящемъ повѣствованіи не считаемъ удобнымъ распространяться по этому предмету и обратимся къ анализу отношеній малороссійскаго народа къ собственнымъ властямъ и къ московскому правительству.

Въ началѣ XVIII вѣка въ Малороссіи произошелъ важный переворотъ — смѣна землевладѣльцевъ. вмѣсто прежнихъ поляковъ, или ополячившихся пановъ, на первомъ планѣ явилось войско, казаки, съ вождемъ-гетманомъ. Началась борьба. Гетманы стали стремиться къ увеличенію своей власти на счетъ войска, къ наслѣдственности, чтобы не зависѣть отъ шумной войсковой рады; они хотѣли устроить свое положеніе, то посредствомъ Польши, то посредствомъ Москвы. Начальные люди, войсковая старшина и полковники, съ своей стороны, желали устроить свое положеніе, сдѣлаться землевладѣльцами и приобрести какъ можно болѣе власти надъ земледѣльческимъ населеніемъ этихъ земель; полковникамъ хотѣлось управлять своими полками, расположенными въ городахъ, и самими городами и уѣздами ихъ какъ можно самостоятельнѣе, не отдавая отчета ни гетману, ни войску, а главное, не отдавая отчета въ доходахъ и расходахъ. Простымъ казакамъ, разумѣется, не нравилось это стремленіе гетмана и старшины; имъ хотѣлось поддержать прежнее, демократическое войсковое устройство. Они, въ свою очередь, желали, чтобы гетманъ и старшины, избираемые войскомъ, находились въ полной зависимости отъ него, не смѣли возноситься надъ войсковою массою, властительски обходиться съ нею. Это демократическое, казацкое стремленіе находило себѣ постоянную поддержку въ Запорожьѣ. Такъ и въ началѣ XVIII вѣка казацье общество сохранило еще свою первобытную форму. Отсюда-то постоянно раздавались голоса противъ гетмана, какъ московскаго боярина, и противъ старшинъ и полковниковъ, которые, вышедши изъ простыхъ казаковъ, стремились сдѣлаться землевладѣльцами и рабовладѣльцами. Неудовольствія и волненія были всегдашнія. Сюда же присоединилось еще неудовольствіе городскихъ мѣщанъ и осѣдлаго торговаго люда, которымъ тяжело стало отъ казацкаго ига, какъ всегда тяжело бываетъ отъ продолжительнаго военнаго постоя ратныхъ людей, невоспитанныхъ притомъ въ условіяхъ строгой дисциплины. При такихъ обстоятельствахъ положеніе гетмана Ивана Самойловича оказывалось тяжелымъ; при первомъ со-

противленіи гетмана, на него сыпались доносы отъ старшины, простыхъ казаковъ, и жалобы изъ Запорожья. Мазепа хорошо зналъ, какому произволу предаются начальныя люди, и долженъ былъ смотрѣть на это сквозь пальцы, чтобы не возбудить противъ себя неудовольствія между знатью, и въ то же время не долженъ былъ спускать глазъ съ Запорожья, куда переносили свои жалобы недовольныя простые казаки.

Старшина, полковники, хотѣли жить по своей волѣ, распоряжаться въ странѣ, не стѣсняясь ни войскомъ, ни государствомъ; простые казаки желали также жить по своей волѣ, держать въ рукахъ начальныхъ людей, и безъ надзора со стороны государства кормиться на счетъ народонаселенія, ничего не дѣлая, ничего не платя. Правительство долго не могло сносить подобнаго положенія.

Съ первыхъ годовъ подданства начались безпрестанныя неурядицы, смуты, измѣна со стороны войска и его начальниковъ, постоянныя жалобы мирнаго народонаселенія, желавшаго освободиться, посредствомъ правительства, изъ-подъ войсковаго управленія и войти въ непосредственное отношеніе къ государству. Непостоянство черкасъ, шатавшихся между царемъ, королемъ польскимъ, господами валахскимъ и молдавскимъ, королемъ венгерскимъ и турецкимъ султаномъ, входило въ привычку. Тяжелыя обстоятельства временъ царя Алексѣя, Федора Алексѣевича и управленія Софіи не позволяли русскому правительству думать о преобразованіи безуряднаго быта Малороссіи; но съ обнаруженіемъ самостоятельной дѣятельности Петра, на малороссійскихъ казаковъ и преимущественно на начальныхъ ихъ людей нашель страхъ. Царь, который съ такою энергіею, не знающею препятствій, вводилъ преобразованія въ Россіи, неужели оставить приднѣпровскія провинціи въ ихъ прежнемъ бытѣ? И вотъ, по словамъ Соловьева¹⁾, для старшинъ началось тревожное, мучительное состояніе, ежедневное ожиданіе переменъ, при которыхъ конечно уже нельзя было распоряжаться по прежнему.

Въ такое-то критическое время гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра былъ Мазепа. Ни одинъ гетманъ не пользовался такимъ уваженіемъ въ Москвѣ, какъ онъ. Царь Петръ I хорошо зналъ затруднительное положеніе гетмана въ Малороссіи и тѣмъ болѣе цѣнилъ способности и усердіе Мазепы, умѣвшаго исполнять царскія повелѣнія. Мазепа не получилъ и конечно не добивался, какъ Брюховецкій, боярскаго сана, неимѣвшаго значенія

¹⁾ «Исторія Россіи» Т. XV, стр. 260.

въ Малороссіи и потерявшаго свое прежнее значеніе въ великой Россіи; но Петръ сдѣлалъ гетмана однимъ изъ первыхъ кавалеровъ новоучрежденнаго ордена Андрея Первозваннаго. Король Августъ, въ угоду царю, прислалъ Мазепѣ свой орденъ Бѣлаго Орла. Сановники, управлявшіе посольскимъ и малороссійскимъ приказами, относились къ гетману чрезвычайно почтительно. Со стороны Москвы, по крайней мѣрѣ въ 1706—1707 годахъ, бояться было нечего: царь любилъ гетмана, уважалъ его и никакимъ доносамъ не вѣрилъ. Не смотря на то, положеніе Мазепы было незавидное, ибо оно было между двухъ огней. Съ одной стороны, требованія правительства; съ другой—притязанія людей, нежелающихъ знать государственныхъ потребностей. Царь настойчиво требовалъ, чтобы Малороссія приняла одинаковое участіе съ великою Россіею въ шведской войнѣ; приказывалъ гетману двигаться въ польскія владѣнія на помощь королю Августу; требовалъ командированія казачьихъ полковъ въ Лифляндію и страну финновъ; посылалъ ихъ къ Паткулю въ Польшу, гдѣ стремились дать имъ вполнѣ регулярное устройство; заставлялъ рыть траншеи и насыпать валы въ Кіевѣ. Все это возбудило сильное неудовольствіе, особенно при страхѣ преобразованій, не говоря уже о неудовольствіи запорожцевъ, по поводу возведенія крѣпости Каменнаго Затона.

Мазепа изворачивался, какъ могъ, ропталъ, жаловался на свое положеніе, но подчинялся силѣ обстоятельствъ и, конечно, умеръ бы вѣрнымъ слугою царскимъ, если-бы судьба не привела къ русскимъ границамъ Карла XII.

«Въ 1705 году, когда Мазепа стоялъ лагеремъ подъ Замостьемъ, рассказываетъ Соловьевъ,—къ нему явился какой-то Францишекъ Вольскій съ тайными предложеніями отъ короля Станислава Лещинскаго. Мазепа велѣлъ посланца взять подъ караулъ, допросить съ пыткой о неприятелискихъ намѣреніяхъ и потомъ отослалъ въ оковахъ въ Кіевъ, а прелестныя письма польскаго короля отослалъ къ Петру. Въ своей отпискѣ царю онъ упоминаетъ, что это уже четвертое искушеніе, и въ томъ числѣ подстрекательство донскихъ казаковъ-раскольниковъ, отъ которыхъ пріѣхалъ къ нему, въ Батуринъ, есаулъ донской, склоняя къ своему враждебному противу правительства замыслу».

Во время нахождения Мазепы въ Дубно, наказной атаманъ и прилучкій полковникъ Горленко присылаетъ гетману письмо, наполненное жалобами на дурное обхожденіе съ казаками все-россійскихъ начальныхъ людей и солдатъ. Горленко, между прочимъ, писалъ, что однажды стащили его и провожавшихъ съ

лошадей, которыхъ забрали подъ подводы. Другой полковникъ прислалъ копію съ царскаго указа, по которому будто бы два казачьихъ полка, прилучкій и кіевскій, посылались въ Прусію для изученія ратнаго дѣла и для устроенія изъ нихъ регулярныхъ драгунскихъ полковъ.

Выслушавши эти письма и копію съ указа, которыя прочелъ Орликъ, Мазепа сказалъ:

— Какого же намъ добра впередъ надѣяться за наши вѣрныя службы? Другой, на моемъ мѣстѣ, не былъ бы такимъ дуракомъ, чтобы по сіе время не преклонился къ противной сторонѣ на такія предложенія, какія прислалъ мнѣ Станиславъ Лещинскій.

Спустя нѣсколько времени пріѣзжаетъ въ Дубно самъ Горленко и рассказываетъ, что притворился больнымъ и подъ этимъ предлогомъ выпросился изъ царской арміи, подаривши генералу Ренне нѣсколько добрыхъ коней и 300 ефимковъ; убѣждалъ онъ такимъ образомъ, боясь, чтобы не послали въ Прусію и не передѣляли бы казаковъ въ драгуны, за чтó цѣлое войско возненавидѣло бы его, Горленко, какъ человѣка, положившаго начало этому противному регулярному строю.

Скоро послѣ пріѣзда Горленко въ Дубно, Мазепа получаетъ приглашеніе отъ князя Вишневецкаго прійхать къ нему въ Бѣлую Криницу, чтобы быть воспріемникомъ его дочери. Мазепа отправился и сблизился тамъ съ кумою своею, матерью князя Вишневецкаго по второму мужу, княгинею Дольскою, съ которою имѣлъ денныя и ночныя конференціи. По возвращеніи въ Дубно, Мазепа приказалъ Орлику написать благодарственное письмо, причемъ послалъ къ ней ключъ цифирной азбуки для дальнѣйшей секретной переписки, и чрезъ нѣсколько дней получилъ отвѣтъ цифрами: «уже я послала, куда слѣдуетъ, съ донесеніемъ объ истинной вашей пріязни».

Въ 1706 г., будучи въ Минскѣ, Мазепа получилъ еще маленькое цифирное письмо отъ Дольской, извѣщавшей, что какой-то король посылаетъ къ нему свое письмо. Когда Орликъ прочелъ ему это письмо Дольской, Мазепа сказалъ, засмѣявшись: «Дурная баба! хочетъ черезъ меня царское величество обмануть, чтобы его величество, бросивъ короля Августа, принялъ въ свое покровительство Станислава и помогъ ему утвердиться на польскомъ престолѣ, за чтó обѣщаетъ подать такіе способы, которыми можетъ легко шведа побить; я уже о той глупости ея докладывалъ государю и его величество смѣялся». Въ Кіевѣ было получено новое письмо отъ Дольской и въ немъ она просила,

чтобы Мазепа начиналъ преднамѣренное дѣло, былъ бы увѣренъ въ скорой помощи отъ дѣлаго шведскаго войска изъ Волыни и въ исполненіи всѣхъ своихъ желаній, на что придется ему ассекюрація (помощь) короля Станислава и гарантія короля шведскаго. Выслушавъ это письмо, Мазепа, разъяренный, вскочилъ съ постели и началъ бранить княгиню: «Проклятая баба обезумѣла! Прежде меня просила, чтобы царское величество принялъ Станислава въ свою протекцію, а теперь пишетъ совсѣмъ другое. Бѣснуется баба! хочетъ меня, искусную, ношенную птицу, обмануть! Пропалъ бы я, если-бы далъ себя бабѣ обмануть. Возможное ли дѣло, оставивши живое, искать мертваго и отплывъ отъ одного берега, другаго не достигъ. Станиславъ и самъ не вѣрнопкъ на своемъ королевствѣ; Рѣчь Посполитая раздвоена; какой же можетъ быть фундаментъ безумныхъ прельщеній той бабы? Состарѣлся я, служа царскому величеству и нынѣшнему, и отцу его, вѣрою; не прельстили меня, ни король польскій Янъ, ни ханъ крымскій, ни донскіе казаки, и теперь, при кончинѣ вѣку моего, единая баба хочетъ меня обмануть! Сказавши это, Мазепа приказалъ Орлику написать отвѣтъ: «Прошу вашу милость оставить эту корреспонденцію, которая меня можетъ погубить въ житіи, гонорѣ и на субстанціи. Не надѣйся, не помышляй о томъ, чтобы я, при старости моей, вѣрность мою царскому величеству повредилъ».

Долго послѣ этого не было шифрованныхъ писемъ отъ княгини Дольской; но вотъ опять пришло письмо. «Ловко баба—говорить Соловьевъ—закинула сѣть на искусную, ношенную птицу! Княгиня писала изъ Львова, рассказывая, какъ она вѣстила у кого-то ребенка съ царскимъ фельдмаршаломъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ и генераломъ Ренне. Въ разговорѣ Дольская упомянула случайно имя Мазепы, отозвавшись объ немъ съ похвалою. Ренне сказалъ ей на это:

— Умилосердись Господи надъ этимъ добрымъ и разумнымъ господиномъ. Онъ, бѣдный, не знаетъ, что князь Александръ Даниловичъ яму подъ нимъ роетъ и хочетъ, отставя его, самъ въ Украинѣ быть гетманомъ.

Шереметевъ подтвердилъ слова Ренне. Дольская спросила:

— Для чего же никто изъ добрыхъ пріятелей не предостережетъ гетмана.

— Нельзя, отвѣчалъ Шереметевъ:—мы и сами много терпимъ, но молчать принуждены».

Мазепа говорилъ Орлику по прочтеніи письма: «Знаю я самъ хорошо, что они объ васъ и обо мнѣ думаютъ; хотятъ

уcontentовать меня княженіемъ римскаго государства, а гетманство взять, старшину всю выбрать, города подъ свою область захватить и воеводъ или губернаторовъ въ нихъ поставить, а если-бы воспротивились, за Волгу перетнать и своими людьми Украйну населить. Сами вы слышали, чего вамъ надѣяться, когда князь Александръ Даниловичъ въ квартирѣ моей, въ Кіевѣ, во время бытности царскаго величества на ухо мнѣ говорилъ: «пора теперь за этихъ враговъ приниматься!» Въ другой разъ слышали вы, какъ тотъ же Александръ Даниловичъ публично княженія себѣ Черниговскаго просилъ, чрезъ которое стелеть себѣ путь къ гетманству.

Расходился старый гетманъ; припомнилъ всѣ свои обиды; вспомнилъ великое себѣ униженіе и поруганье, когда царь въ 1706 году послалъ Меньшикова съ кавалеріею на Волынь, а ему, Мазепѣ, приказалъ идти за нимъ и исполнять его приказанія. «Не такъ бы мнѣ печально было, говорилъ Мазепа,—когда бы меня дали подъ команду Шереметеву, или иному какому великоимянитому и отъ предковъ своихъ заслуженному человеку».

Разговоры свои съ Меньшиковымъ о стѣсненіи привилегій войсковою старшины Мазепа передавалъ полковникамъ и съ этихъ поръ начался между послѣдними затаенный ропотъ, который все болѣе и болѣе усиливался, вслѣдствіе военныхъ тягостей.

Началась постройка Кіево-Печерской крѣпости.

Чрезъ малороссійскіе города, то рекрутъ ведутъ въ главную армію, то начальныя люди ѣдутъ, то многочисленныя обозы движутся.

Полковники безпрестанно являются къ гетману съ жалобами, что пристава у крѣпостнаго строенія бьютъ казаконъ палками, уши шпагами обсѣкаютъ; что казаки, оставивши дома свои, сѣнокосы и жнитво, терпятъ на царской службѣ зной солнечный, а тамъ великороссійскіе люди дома ихъ грабятъ, разбираютъ и палатъ, женъ и дочерей насилуютъ, воней и скотину и всякія пожитки забираютъ, старшину бьютъ страшными побоями. Миргородскій полковникъ, Даниилъ-Апостолъ говорилъ Мазепѣ:

— Очи всѣхъ на тебя обращены и не дай Боже надъ тобою смерти; тогда мы останемся въ такой неволѣ, что и куры насъ загребутъ.

Прилуцкій полковникъ Горленко говорилъ:

— Когда мы за душу Хмѣльницкаго всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украйну отъ ига ляхаго свободилъ;

такъ, наоборотъ, и мы, дѣти наши въ вѣчные роды душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ по смерти своей въ такой неволѣ оставишь.

Въ 1707 году Мазепа поѣхалъ къ государю ¹⁾ въ Жолку, былъ на военномъ совѣтѣ. Неизвѣстно, чѣмъ его тамъ обидѣли, только послѣ совѣта не пошелъ онъ къ царю и у себя цѣлый день не ѣлъ и говорилъ:

— Если-бы я Богу такъ вѣрно и радительно служилъ, то получилъ бы наибольшее мздовоздаяніе, а здѣсь, хотя бы въ ангела превратился, не могъ бы за службу и вѣрность свою никакой получить благодарности. На другой или третій день приносятъ письмо Меншикова къ полковнику Танскому. Мазепа, прочтя письмо, вскочилъ въ бѣшенствѣ съ своего мѣста, потому что въ письмѣ было приказаніе Танскому идти къ Меншикову.

— Можетъ ли быть большее поруганіе, посмѣяніе и уничтоженіе моей особѣ? кричалъ гетманъ.— Всякій день князь Александръ Даниловичъ со мною видится, всякій часъ со мною конверсуетъ и, не сказавши мнѣ ни единого слова, безъ моего вѣдома и согласія, ордонансы людямъ регимента моего посылаетъ! И кто же тамъ Танскому, безъ моего указа, мѣсячныя деньги и провіантъ выдастъ? И какъ онъ можетъ безъ воли моей идти куда нибудь съ полкомъ своимъ, которому я плачу? А если-бы пошелъ, то я бы его велѣлъ, какъ пса, разстрѣлять! Боже мой, ты видишь мою обиду и уничтоженіе!

Тутъ, какъ нарочно, пріѣзжаетъ іезуитъ Заленскій съ предложеніями перейти на сторону Карла и Станислава Лещинскаго и Мазепа не подвергаетъ его пыткамъ, не отправляетъ къ царю.

А между тѣмъ, неудовольствія среди старшины и полковниковъ становятся все сильнѣе и сильнѣе. Приходитъ царскій указъ объ устроеніи казаковъ на подобіе слободскихъ полковъ. Старшина и полковники въ отчаяніи; только и разговоры, что это переходъ въ драгуны и солдаты. Поднялся страшный ропоть; происходятъ собранія у обознаго Ломиковскаго, въ особенности у миргородскаго полковника Апостола; совѣтуются о способахъ, какъ защитить вольность малороссійскаго народа отъ насилій московскихъ людей; читаютъ гадацкій договоръ, заключенный при переходѣ Выговскаго на польскую сторону. Мазепа ни въ чемъ не принимаетъ участія; молчитъ и ждетъ.

16 сентября 1707 года, въ Кіевѣ Мазепа получилъ, вмѣстѣ

¹⁾ Соловьевъ, т. XV, стр. 268—269.

съ письмами отъ внягини Дольской, и письмо отъ Станислава Лещинскаго. Взявши письмо изъ рукъ Орлика, распечатавшаго конвертъ, гетманъ видимо испугался; письмо выпало изъ его рукъ.

— О, проклятая баба, погубить меня! промолвилъ онъ. Долго послѣ того гетманъ сидѣлъ молча, задумавшись; наконецъ сказалъ, обращаясь къ Орлику:

— Съ умомъ борюсь; посылать ли это письмо къ царскому величеству или нѣтъ? Завтра посоветуемся объ этомъ, а теперь ступай домой и молись Богу, да яко же хочеть устроить вещь; можетъ твоя молитва пріятнѣе моей, потому что ты по христіанству живешь. Богъ самъ вѣсть, что я не для себя дѣлаю, но для всѣхъ васъ, и женъ, и дѣтей вашихъ.

«Была—говорить Соловьевъ—ночь. Орликъ, возвратясь домой, взялъ два рубля денегъ и пошелъ раздавать ихъ монахамъ и монахинямъ, нищимъ, калѣзамъ, которые лежали въ шалашахъ и богадѣльняхъ печерскихъ, чтобы Богъ избавилъ его отъ бѣды. На другой день, 17 сентября, Орликъ рано уже былъ у Мазепы и засталъ гетмана сидящимъ въ концѣ стола и передъ нимъ крестъ съ животворящимъ древомъ. Увидѣвши Орлика, Мазепа стала говорить:

— Такъ какъ теперь передъ тобою не могло не утаиться, то предъ всевѣдущимъ Богомъ протестуюсь и присягаю, что я не для приватной моей пользы, не для высшихъ гоноровъ, не для большого обогащенія и не для иныхъ какихъ нибудь прихотей, но для всѣхъ васъ, для женъ и дѣтей вашихъ, для общаго добра матки моей отчизны, бѣдной Украины, всего войска запорожскаго и народа малороссійскаго, и для повышенія и расширенія правъ и вольностей войсковыхъ, хочу то при помощи Божіей чинить, чтобы вы какъ отъ московской, такъ и отъ шведской стороны не погибли. А если-бы я для какихъ нибудь частныхъ моихъ прихотей то дерзалъ чинить, побей меня Боже!

Проговоривши это, онъ поцѣловалъ крестъ и, обратившись къ Орлику, сказалъ:

— Надѣюсь я на тебя крѣпко, что ни совѣсть твоя, ни цнота (добродѣтель), ни почтивость, ни природная кровь шляхецкая, не допустятъ тебя, чтобы мнѣ, пану и благодѣтелю своему, измѣнилъ; однако же для лучшей конфиденціи присягни.

Орликъ присягнулъ, но замѣтилъ:

— Если вѣкторія будетъ при шведахъ, то вельможность

вапа и мы всё счастливы; а ежели при царѣ, то и мы пропадемъ, и народъ погубимъ.

Мазепа отвѣчалъ:

— Яица курицу учать! Или я дуракъ, прежде времени отступить, пока не увижу крайней нужды, когда царь не будетъ въ состояніи, не только Украины, но и государства своего отъ потенціи шведской оборонить. Уже я въ Жолковѣ предлагалъ царю, что ежели король шведскій и Станиславъ съ своими войсками раздѣлятся и первый пойдетъ въ государство московское, а другой въ Украину, то мы войскомъ нашимъ бессильнымъ, частыми походами и войною зруинованнымъ, не можемъ оборониться, и просилъ царя, чтобы намъ хотя 10,000 отъ войскъ своихъ регулярныхъ въ секунду далъ; но царь мнѣ отвѣчалъ: «не только десять тысячъ и десяти человекъ не могу дать; обороняйтесь сами, какъ можете». Это меня заставило послать всендза Тринитора, капелана княгини Дольской, въ Саксонію, чтобы тамъ, видя мою къ себѣ инклиненцію, по неприятельски съ нами не поступали; однако вѣрность мою къ царскому величеству до тѣхъ поръ буду непремѣнно продолжать, пока не увижу, съ какою потенціею Станиславъ къ границамъ украинскимъ придетъ и какіе будутъ отъ войскъ шведскихъ въ государствѣ прогрессы, и если не сила наша будетъ оборонять Украину и себя, то для чего же имѣемъ сами въ погубель лѣзть и отчизну погубляти?»

Станиславу Лещинскому уже 18 сентября Мазепа отвѣчалъ, что указа его не можетъ исполнить и что либо начать, по слѣдующимъ причинамъ: 1) Кіевъ и другія фортеціи въ Украинѣ великими гарнизонами осажены, подъ которыми казаки, какъ перенелица отъ ястребовъ, не могутъ головы поднять; 2) потенція царская вся въ Польшѣ, недалеко отъ Украины; 3) въ Украинѣ начальныя и подначальныя, духовныя и мірскія, какъ разныя колеса, не въ единомысленномъ согласіи; одни благоволятъ къ протекціи московской, другіе склонны къ протекціи турецкой; третіи любятъ побратимство татарское, находясь въ природной къ полякамъ антипатіи; 4) Самусь, съ прочими полковниками, по недавнимъ бунтамъ опасаясь отъ войскъ польскихъ отомщенія, едва-ли могутъ склониться къ Рѣчи Посполитой. Для того, надобно прежде стараться войско и цѣлый народъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра привести къ единомыслію; 5) гетманъ имѣетъ всегда при себѣ нѣсколько тысячъ войска всероссійскаго, которое бодрымъ окомъ смотритъ на всё его поступки; 6) Рѣчь Посполитая еще раздвоена.

Одно обѣщаль Мазепа: не вредить ни въ чемъ интересамъ Станислава и войскамъ шведскимъ.

Въ такомъ положеніи находилась Малороссія и въ такомъ настроеніи былъ ея гетманъ Мазепа, когда на рѣкѣ Великой уже съ страшною яростью кипѣлъ бунтъ. Въ наше изслѣдованіе не входитъ, ни окончательный фактъ измѣны гетмана Малороссіи, ни процессъ Искры и Кочубея, желавшихъ предупредить царя объ измѣнѣ Мазепы; но изъ всего привиденнаго нельзя не уразумѣть, что, при подобномъ настроеніи, Мазепа не могъ не сочувствовать булавинскому возмущенію, косвенно помогая голытьбѣ снабжаться въ Малороссіи и на Запорожьѣ лошадьми и оружіемъ.

Перенесемъ же опять на Донъ и его притокъ, Сѣверскій Донецъ, и посмотримъ, что тамъ творилось во второй половинѣ 1707 года.

Н. Красновъ.

(Продолженіе будетъ).

МАРИНА МНИШЕКЪ.

(ПОЭМА)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Марина.

Конечно это была изъ хорошенькихъ женщинъ самая странная: въ жизнь свою она имѣла одну страсть—честолюбіе, но въ степени энергіи, бѣшенства, какую трудно и представить себѣ.

А. С. Пушкинъ.

I.

Однажды экстренный гонецъ
Въ Самборъ примчался во дворецъ.
Въ тотъ день гостей былъ полонъ домъ,
Играла музыка въ саду,
И на терасѣ, надъ Днѣстромъ,
Еще впервые въ томъ году,
Ясновельможные паны
Дышали воздухомъ весны.
Въ пріятномъ легкомъ возбужденіи
Отъ старыхъ винъ, отъ жгучихъ глазъ,
Бесѣда свѣтская лилась
Въ неистощимомъ оживленіи.

Дородный Юрій Мнишекъ самъ,
 Хозяинъ дома, воевода,
 Забывъ подагру, возлѣ дамъ
 Жужжалъ, какъ трутень возлѣ меда.
 Гонецъ вошелъ, панамъ привѣтъ
 Смущенно молвилъ на порогѣ,
 И поклонившись пану въ ноги,
 Вручилъ объемистый пакетъ.
 Мгновенно смолкли разговоры:
 Гостей, вниманіе и взоры
 Гонецъ неожиданный приковалъ;
 Межъ тѣмъ, любезно извиняясь
 Старикъ печать съ гербомъ сорвалъ,
 Самодовольно улыбаясь,
 Письмо глазами пробѣжалъ,
 И вѣрно радостную вѣсть
 Пришлось ему въ письмѣ прочесть.
 Онъ молвилъ:—«Я сочту за честь
 Принять царевича къ себѣ,
 Такъ и скажи; благодарю,
 За дружбу князя и дарю
 За порученіе тебѣ
 Пятнадцать злотъ. Ступай пока!»
 И онъ кивнулъ ему слегка
 Своей вельможной головой.
 — «Тебѣ дадутъ изъ кладовой
 Поѣсть и выпить въ славу Польши».
 Гонецъ ушелъ. Не въ силахъ дольше
 Ужъ любопытства превозмочь,
 И гости, и родная дочь,
 Всѣ окружили старика:
 — «Какой царевичъ, что да кѣтъ?»
 Но онъ, какъ истинный полякъ,
 Завелъ рассказъ издалика.
 — «Паны вельможные и панны!
 Такъ началъ онъ:—про случай странный,
 О коемъ пишетъ князь Адамъ¹⁾,
 Я вамъ съ восторгомъ передамъ.
 Въ немъ явно Божье Провидѣнье,

¹⁾ Вишневецкій.

И отъ него теперь вполнѣ
 Зависитъ Польши расширенье.
 Но объяснить позволите мнѣ
 Въ чемъ заключается секретъ.
 Тому назадъ тринадцать лѣтъ,
 Прямой наслѣдникъ Іоанна
 Палъ жертвой дьявольскаго плана,
 И вотъ въ Московіи съ тѣхъ поръ
 Народомъ правитъ дерзкій воръ;
 Но Богъ великъ, и казнь готова:
 Мертвецъ возсталъ на Годунова!
 Тутъ Мнишекъ духъ свой перевелъ,
 Но тотчасъ снова рѣчь завелъ:
 — «Царевичъ живъ, и вотъ о немъ
 Что пишетъ князь въ письмѣ своемъ».
 Онъ вслухъ прочелъ имъ описанье,
 Какъ умирающій слуга
 Повѣдалъ странное признанье,
 Что жизнь ему недорога,
 Но, чтобъ его похоронили,
 Какъ сына царскаго;—что онъ,
 Царевичъ, медикомъ спасенъ
 Отъ смерти былъ; что подмѣнили
 Какимъ-то мальчикомъ его,
 И въ подтвержденіе всего,
 Онъ крестъ алмазный показалъ
 И документы передалъ.
 Съ тѣхъ поръ свидѣтели нашлись
 Событій тѣхъ; они клялись,
 Что въ немъ царевича узнали.
 И такъ, сомнѣній больше нѣтъ.
 Царевичъ, жертва столькихъ бѣдъ,
 Здоровъ и живъ, болѣзнь изгнали,
 И, полонъ юности и силъ,
 Онъ на поляковъ возложилъ
 Все упованіе свое.
 «И вотъ желаніе мое:
 Въ письмѣ стояло подъ конецъ,
 — Отвоевать ему вѣнецъ
 Его отцовъ; я для того,
 Не пожалѣю ничего,
 И къ королю его свезу,

А по дорогѣ завезу,
 И къ вамъ любезный пане-сватъ». —
 «Вивать царевичу! вивать!»
 Между гостями раздалось,
 И тостъ за тостомъ вновь вино
 Шипучей пѣной полилось
 На златовованное дно
 Массивныхъ дѣдовскихъ ковшей.
 Но межъ воинственныхъ мужей,
 Готовыхъ жизнь свою отдать,
 Чтобъ гдѣнибудь повоевать,
 Одинъ князь Корецкій молчалъ,
 И свой бокаль не допивалъ.
 Не то, чтобъ былъ онъ всѣхъ смиренѣе,
 О нѣтъ, онъ рыцарь хотъ куда,
 И хмѣль шипучей романей
 Его не свалить никогда;
 Но въ этотъ вечеръ, самъ не свой,
 Онъ пьянъ отъ страсти роковой!
 У ногъ хорошенькой Марины,
 Не слышалъ онъ и половины
 Рѣчей отца ея; она
 Такъ миловидна, такъ стройна,
 Съ тяжелой черною косой,
 Что вьется длинною змѣей
 До самыхъ ногъ. А эти ножки!
 Онъ у ней такія крошки,
 Что онъ бы могъ въ одной рукѣ
 Ихъ обѣ спрятать! на песокъ
 Еще недавно, онъ ихъ слѣдъ,
 Какъ мальчишъ, жадно цѣловалъ.
 А очи!.. звѣзды! какъ поэтъ,
 Для нихъ онъ рѣшмы подбиралъ.
 И вотъ глядитъ онъ въ эти очи,
 Глядитъ, не можетъ глазъ отвести,
 Но въ нихъ нельзя любви прочесть;
 Они темнѣе темной ночи,
 Они загадочнѣе сна!
 О чемъ задумалась она?
 Ужъ не о томъ ли самозванцѣ,
 Который былъ рожденъ царемъ!
 Да, она думаетъ о немъ,—

Не о ничтожномъ оборванцѣ,
 Забитомъ княжескомъ рабѣ,
 А о паревичѣ несчастномъ,
 О принцѣ сказочно-прекрасномъ,
 О романической судьбѣ
 Героя дѣтскихъ грезъ своихъ!
 Да, онъ, какъ сказочный женихъ
 Старинныхъ рыцарскихъ балладъ,
 Съ забраломъ спущеннымъ примчится,
 И чтобъ любви ея добиться,
 Свершитъ дѣяній славныхъ рядъ:
 У вратъ потеряннаго трона
 Пронзитъ стоглаваго дракона,
 Подцарства броситъ ей къ ногамъ,
 И передъ ней поникнетъ самъ,
 Какъ первый подданный ее,
 Съ словами: «царствуй, все твое»!...
 Каковъ онъ? О, конечно строень,
 Умень, любезень и красивъ,
 Слегка задумчивъ и ревнивъ,
 Любовникъ пылкій, храбрый воинъ,
 И рыцарь чести... Тутъ случайно
 На князя Борецкаго взоръ
 Ея упалъ, нѣмой укоръ
 Она почувствовала тайно;
 Ей стало жаль его: онъ былъ
 Такъ блѣденъ, грустенъ и унылъ.
 Какъ онъ влюбленъ въ нее! И вотъ,
 Внезапной нѣжности полна,
 Къ нему придвинулась она.
 — «Какая дума васъ гнететь?
 О чемъ печаль?» почти ревниво,
 Коветка шлетъ ему упрекъ,
 И вдругъ бросаетъ шаловливо
 Съ груди сорвавшійся цвѣтокъ.
 Но въ этотъ мигъ, какъ на бѣду,
 Будрявый, рѣзвый мальчуганъ
 Скакнулъ, какъ мячъ, и на-лету
 Поймалъ душистый талисманъ.
 Онъ съ торжествующимъ лицомъ,
 Его въ губамъ своимъ прижалъ.
 — «Браво, Осмольскій! молодцомъ!»

Каковъ трофей себѣ досталъ!»!
 Трунили старшіе надъ нимъ,
 А онъ, весь красный отъ смущенья,
 Чуть-чуть не плакалъ отъ воденья
 И убѣжалъ съ цвѣткомъ своимъ.
 — «Какъ неловка!» межъ тѣмъ шептала
 Марина Корецкому, но
 Такою-жъ розу ужъ срывала.
 — «Вотъ вамъ другой!.. не все ль равно?»
 Онъ розу взялъ, но такъ случилось,
 Что ручка съ розой очутилась
 Въ его рукѣ... Ужель любима?
 Онъ горячо къ устамъ своимъ
 Ее прижалъ. О, эту розу
 Онъ сбережетъ какъ жизни грѣзу,
 Какъ первой юности любовь,
 Что зацвѣсти не можетъ вновь!

2.

Сіяетъ солнце надъ палаццо,
 Блеститъ на крышахъ жестяныхъ,
 Гербы на башняхъ золотятся,
 И флагъ въ узорахъ росписныхъ,
 Раздутый легкимъ вѣтеркомъ,
 Летаешь въ небѣ голубомъ.
 Сегодня всѣмъ въ дворѣ работа:
 Открыты настѣжъ всѣ ворота,
 И мимо пестрыхъ цвѣтниковъ,
 Съ утра, къ широкому подъѣзду
 Едва хватается всѣмъ проѣзду.
 Никто изъ шляхетныхъ пановъ
 Окружныхъ сель и городовъ
 Не пропустилъ высокой чести,
 Конечно не изъ низкой лести,
 Обѣдать за однимъ столомъ
 Съ московскимъ будущимъ царемъ.
 Да вѣдь притомъ не всѣ они
 Могли пройти въ другіе дни
 Въ палаты гордаго магната,
 Гдѣ все такъ пышно и богато.

О немъ стоустая молва
 Твердитъ недобрѣя слова,
 Что будто онъ богатство нажилъ
 Путемъ безчестья своего,
 А все-жъ король его уважилъ,
 И въ цѣлой Польшѣ никого
 Нѣтъ ни богаче, ни знатнѣй,
 Ни хлѣбосольнѣй, ни умнѣй.
 Ужъ солнце жжетъ; въ алеяхъ парва.
 Гдѣ даже въ лѣтнѣй день не жарко,
 Темно, прохладно, всюду тѣнь,
 Вездѣ цвѣтеть уже сирень;
 Нарциссы, яркіе тюльпаны,
 Ирисы стелются ковромъ;
 Высоко бьющіе фонтаны
 Кропятъ ихъ радужнымъ дождемъ.
 И слышно тамъ лишь пчелъ жужжанье,
 Да птицъ веселыхъ щебетанье,
 Но древнихъ кленовъ и дубовъ,
 Они покой не нарушаютъ,
 За то въ палаццо не смолкаютъ
 Ни шумъ, ни говоръ голосовъ:
 Съ утра вся дворня на ногахъ.
 Но вотъ на башенныхъ часахъ
 Пробило два, и имъ въ отвѣтъ,
 Звучить, сзывая на обѣдъ,
 Веселый колокола звонъ.
 Своею службой увлеченъ,
 Придворный маршалокъ маститый
 Окинулъ взоромъ столъ накрытый.
 Въ порядкѣ все: блеститъ приборъ,
 Цвѣты украсили фарфоръ;
 Коверъ усыпанъ на полу
 Ароматичною травой ¹⁾,
 А за перилами, въ углу,
 Гора посуды золотой
 На красномъ бархатѣ горитъ.
 Въ другомъ углу, на возвышеннѣ,
 Между тропическихъ растений,

¹⁾ Обычай въ старой Польшѣ.

Оркестръ по знаку загромить.
 Тазы, кувшины золотыя ¹⁾,
 Водой душистой налиты,
 Ужь наготовѣ для гостей,
 И строй услужливыхъ ливрей
 Стоитъ у створчатыхъ дверей.
 Приемъ начался; по чинамъ
 Придворный маршалокъ впускаетъ
 Съ почетомъ всѣхъ гостей и дамъ;
 Хозяинъ всѣхъ равно встрѣчаетъ,
 Равно всѣмъ руки пожимаетъ,
 Равно со всѣми говоритъ.
 Съ нимъ рядомъ дочь его Марина,
 Легка, воздушна, какъ ундина,
 Съ волной распущенныхъ кудрей,
 Вдоль ослѣпительныхъ плечей.
 Но, что съ ней? Какъ она блѣдна!
 Полна мечтой честолюбивой,
 Предъ тѣмъ всю ночь она безъ сна
 Ждала съ тоской нетерпѣливой
 Событій нынѣшняго дня.
 «Каковъ онъ? Какъ поправлюсь я?»
 Твердило сердце безъ сознанья
 Въ тревогѣ смутной ожиданья.
 Вотъ грянулъ польскій.— «Боже мой!»
 Марина вскрикнула невольно,
 — «Онъ рыжій, онъ совсѣмъ дурной!»
 Но впечатлѣнье своевольно,
 Въ словахъ сорвавшееся съ губъ,
 Покрылось звукомъ мѣдныхъ трубъ.
 «Какъ онъ неловокъ, какъ утриумъ!
 Но лобъ открытъ и много думъ
 Въ его загадочныхъ глазахъ;
 Въ нихъ свѣтитъ сила, а не страхъ,
 Въ немъ что-то львиное! О, да!
 Царевичъ онъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнья!»
 Инымъ, въ мечтахъ воображенья,
 Онъ представлялся ей всегда;
 Но жизнь не дѣвичья мечта,
 И что въ муцинахъ красота?

¹⁾ Обычай въ старой Польшѣ.

Имъ нуженъ умъ, нужна отвага,
 И мощь... Не зеркало, а шпага
 Ему проложить въ царству путь,
 А сердце можно обмануть.
 Такъ въ полной силѣ увлеченья
 Честолюбивою мечтой,
 Мѣнялись быстро впечатлѣнья
 Въ ея головѣ молодой.
 Предъ обяваніемъ короны
 Уничтожались всѣ препоны,
 Блѣднѣли призраки любви
 И грѣзы, Кдрецкій, твои...
 — «Позвольте дочь мою представить!»
 Вдругъ говорить ея отецъ.
 Они идутъ... «Вѣнецъ!.. вѣнецъ!..»
 О, полюбить себя заставить
 Она должна! И вотъ она
 Стоитъ, прекрасна и блѣдна.
 Большіе, смѣлые глаза
 Подъ тѣнью спрятались рѣсницъ, —
 Въ нихъ кротость вѣжныхъ голубицъ,
 А въ сердцѣ буря и гроза.
 Едва склонившись передъ ней,
 Угрюмый, робкій, угловатый,
 Онъ комплиментъ витіеватый
 Съ усилениемъ выговорилъ ей,
 Какъ вдругъ, изъ-подъ рѣсницъ огнемъ
 Свернули очи на него.
 Ударъ былъ вѣренъ: сердце въ немъ
 Зажглось отъ взгляда одного.
 Одинъ лишь взглядъ какъ много значить
 Въ предначертаніяхъ судьбы!
 Порой онъ только озадачить,
 Порою просто одурачить,
 Порой, мгновения рабы,
 Ему всю жизнь бросаемъ мы.

3.

Подъ звуки польскихъ и гавотъ,
 За длиннымъ, праздничнымъ столомъ,
 Бесѣда шумная идетъ,

Блестя изысканнымъ умомъ.
 Глаза горять, уста смѣются,
 Вино струится черезъ край,
 Раскаты смѣха раздаются,
 Какъ будто жизнь не адъ, а рай.
 Но молча на почетномъ мѣстѣ
 Сидитъ виновникъ торжества.
 Усталъ ли онъ отъ хвастовства,
 Отъ жалкихъ фразъ, отъ пошлой лести,
 Иль не привыкъ онъ къ этой чести,
 Иль будущность его страшить,
 Иль мысль его вдали парить,
 Въ стѣнахъ Москвы его родной?
 Нѣтъ, въ сердцѣ радостной весной
 Проснулся трепеть молодой.
 Одинъ лишь взглядъ!.. Но онъ напрасно
 Его вымалчиваетъ вновь.
 Напрасно бѣшено и страстно
 Клокочетъ вспыхнувшая кровь!
 Онъ промелькнулъ, какъ метеоръ,
 Тотъ чудный, странный, жгучій взоръ,
 И чинно, рядомъ съ нимъ, она
 Сидитъ безмолвна, смущена.
 Обѣдъ тянулся; вслѣдъ за блюдомъ
 Вносились новыя блюда.
 Разнообразная ѣда
 Могла бь легко служить этюдомъ
 Привычекъ, нравовъ тѣхъ времянь.
 Вотъ перлы сахарныхъ издѣлій:
 Весь Кремль стѣною обнесенъ,
 Короны, скипетра модели,
 Орлы двухглавыя и самъ
 Царевичъ Дмитрій на престолѣ.
 Хозяинъ, вѣрный своей роли,
 Провозглашаетъ гостя за дамъ,
 Потомъ, поднявъ бокалъ высоко,
 Даетъ оркестру знакъ молчать,
 Чтобъ рѣчи выспренной потока
 Игрою трубъ не заглушать.
 Смолкаютъ мигомъ разговоры:
 И свѣтскій вздоръ, и дѣльный толкъ,
 Остроты, шутки, смѣхъ и споры,

И нѣжный шопоть вдругъ замолежь.
 Всѣ ждуть торжественнаго слова,
 И мѣрно льющаяся рѣчь
 Изъ устъ оратора сѣдаго
 Способна всѣхъ собой увлечь:

— «Будь здравъ, изгнанникъ благородный,
 Будь здравъ, великій князь Москвы!
 Привѣтъ тебѣ, о царь природный,
 Во имя Польши и Литвы!
 Привѣтъ тебѣ! Да возсіяетъ
 Надъ міромъ свѣтъ твоей звѣзды;
 Самъ Богъ тебѣ повелѣваетъ
 Принять правленія бразды,
 Отвоевать права на царство,
 Враговъ отчизны низвести,
 И изъ когтей самоуправства
 Престоль отцовъ твоихъ спасти.
 На правый бой иди безъ страха,
 Я первый радъ тебѣ служить.
 Но, царь, подъ шапкой Мономаха
 Мы просимъ Польши не забыть!
 Отбросивъ всѣ предубѣжденья,
 Союзъ любви съ ней заключить,
 И въ поцѣлуѣ примиренья
 На вѣкъ сестеръ соединить!»
 Тутъ громкій взрывъ рукоплесканій,
 Привѣтовъ, шумныхъ пожеланій,
 Покрылъ послѣднія слова.
 Димитрій всталъ... Въ его глазахъ
 Сверкнула искра торжества:
 Онъ не слуга, онъ не монахъ,
 Онъ—царь! За криками привѣта:
 Стоялъ онъ долго безъ отвѣта
 И выжидалъ удобный мигъ,
 Пока шумливый взрывъ затихъ,
 Чтобъ въ благодарность слова два
 Сказать хозяину. Сперва
 Дрожащій голосъ обрывался,
 Онъ былъ взволнованъ, онъ смущался.
 Но вскорѣ, овладѣвъ собой,
 Онъ говорилъ тепло и много,
 Увлекся самъ своей игрой.

Съ бобаломъ въ поднятой рукѣ,
 Справляясь съ трудностями слога,
 На чуждомъ, польскомъ языкѣ,
 Какъ будто съ дѣтства имъ владѣль:
 — «Да, страненъ въ жизни мой удѣлъ!
 Лилась восторженная рѣчь,—
 То монастырь, то Запорожье,
 То четки, то булатный мечъ!
 Но всюду Провидѣнье Божье
 Меня хранило! Для чего же?
 Иль для того злодѣя ножъ
 Меня неволью пощадилъ,
 Чтобъ я скитальцемъ вѣкъ бродилъ,
 Вдали отъ родины? Судьба
 Иной исходъ мнѣ подаетъ!
 Меня ли устрашить борьба?
 Она къ безсмертію ведетъ.
 Царевичъ я—и кровь отца
 Упорно требуетъ вѣнца!
 Мнѣ часть Всевышній не дозволить!
 Недаромъ мать подъ схимой молить
 О правосудіи Творца!
 Героемъ я къ Москвѣ пройду,
 Царемъ въ отцовскій Кремль войду.
 Мой часъ насталъ! Я жажду власти,
 Не какъ безумной, дивной страсти,
 Но ради родины своей:
 Мнѣ счастье дорого людей,
 Развитие вольное и все,
 Что въ славной Польшѣ такъ плѣнаетъ
 Воображеніе мое,
 Что Русь съ Европою сравниваетъ,
 Изъ мрака выдвинетъ ее!...
 Но, какъ бы ни было, а въ полѣ
 Одинъ не воинъ. Безъ друзей,
 Мнѣ цѣли не достигъ своей;
 Но если я, по Божьей волѣ,
 Ее межъ вами обрѣту,
 Я окрылю свою мечту.
 Тогда и Польшѣ, какъ подругѣ,
 Самодержавный русскій царь
 Протянетъ руку, по заслугѣ,

И земли возвратить, что встарь,
 Принадлежали ей по праву!...
 За нашъ союзъ, за нашу славу!>
 Закончилъ онъ, глотнувъ до дна,
 Всю чашу, полную вина,
 И грянулъ, какъ грозы раскатъ,
 Неумолкаемый вивать.

4.

Ужь полночь. Смогло ликованье,
 И звонъ литавръ, и шпоръ бряцанье.
 Дворецъ заснулъ, окутанъ мглой,
 И только въ башнѣ угловой
 Горить огонь; не спитъ Марина
 И у открытаго окна
 Стоитъ, луной освѣщена.
 Предъ нею чудная картина
 Днѣстровскихъ водъ, отроговъ горъ,
 Обширный, дальній кругозоръ!
 Но мрачный, неподвижный взоръ
 Не видитъ прелестей природы.
 Казалось бы, что въ эти годы,
 Въ такую ночь, о чемъ мечтать,
 О комъ задумчиво вздыхать,
 Какъ не о томъ, кто сердцу милъ?
 Кокетство, греза ли, любовь,
 (Въ шестнадцать лѣтъ, кто не любилъ!)
 Но въ ней еще недавно кровь
 Переливалась горячей.
 Немало голубыхъ ночей,
 Она, при пѣньи соловья,
 Въ влюбленныхъ бредняхъ проводила
 О князь Корецкомъ... Шутя
 То чувство въ ней перебродило.
 Она любви ужъ, не пойметъ;
 Другая страсть въ душѣ живетъ:
 Ей снятся снѣжныя равнины,
 Огромный городъ, звонъ церквей;
 Великолѣпная картина:
 Величье, блескъ, толпа людей.

На головѣ ея короны,
 Порфира длинная на ней,
 Ея желанія законы,
 Нѣтъ жизни слаще и полнѣй!
 За мигъ одинъ тавого счастья,
 Она готова все отдать;
 За мигъ единый полновластья
 Себя и родину продать.
 Что ей любовь? Одна лишь власть
 Ее заставить жить иль пасть.
 Кипить потовомъ жгучей лавы
 Въ ея груди одна лишь страсть—
 То жажда почестей и славы.
 Бывало дѣвочкой кудрявой,
 Она не бѣгаетъ съ сестрой,
 Не увлекается игрой.
 Забьется тихо въ уголокъ,
 И взоръ блеститъ, какъ огонекъ,
 И на заманчивыхъ страницахъ,
 Она читаетъ о царицахъ,
 Передъ которыми цари,
 Сложивъ оружіе, склонялись,
 И чьи лучи распространялись,
 Какъ свѣтъ полуденной зари.
 Семирамида! Клеопатра!
 О, если-бъ въ жизни, какъ онѣ,
 Съ мостковъ всемірнаго театра
 Блеснуть звѣздою въ вышинѣ!
 Блеснуть, скатиться метеоромъ,
 Но слѣдъ оставить на землѣ,
 Съ безсмертнымъ, царственнымъ уборомъ
 На историческомъ челѣ.

5.

Межъ тѣмъ Димитрія звѣзда
 Все поднималась; безъ труда,
 Онъ общаніемъ успѣлъ
 Склонить на пользу своихъ дѣлъ
 Іезуитовъ и поляковъ,
 И вотъ онъ съѣздилъ уже въ Краковъ,

И въ смѣломъ замыслѣ своемъ
 Былъ обезпеченъ королемъ.
 Надежды много, цѣль близка!
 На зовъ его издалека
 Стеклися храбрые бойцы;
 Ему казаки-удальцы
 Всѣмъ тихимъ Дономъ поклонились,
 Его клеветы ужъ добились,
 Поднять Украйну за него;
 Москва давно ужъ ждетъ его.
 Но онъ въ Самборѣ все забылъ,
 Вѣнецъ и славу разлюбилъ!
 Онъ жилъ тревогой возбужденья,
 Въ чаду пировъ и увлеченья;
 Онъ сомнѣвался, ревновалъ
 И объясненья выжидалъ.
 Марина знала все, но тонко
 Вела игру издалека.
 Въ кокетствѣ милаго ребенка
 Разсчитать таился старика.
 А между тѣмъ заброшенъ ею,
 Другой поклонникъ молодой,
 Весь полный ревности глухой,
 Слѣдилъ задумчиво за нею.
 «Ужель, — съ тоскою онъ твердилъ, —
 Ужель напрасно я любилъ?
 Ужель она на самомъ дѣлѣ
 Идетъ къ какой-то темной цѣли?
 Какъ честолюбіе могло
 Ее такъ скоро измѣнить!
 О, если-бъ только устранить
 Того, кто сдѣлалъ это зло!»
 Поговорить съ ней?!.. объясниться!
 Сказать все то, что такъ давно
 Въ его груди, какъ владѣ, таится,
 Все, что онъ высказать боится,
 Но что когда нибудь должно
 Быть ей извѣстнымъ? Отраженъ
 Ея упорнымъ невниманьемъ,
 Онъ медлитъ тягостнымъ признаньемъ;
 Но вотъ однажды онъ настигъ

Ее врасплохъ на полевани¹⁾
 Совсѣмъ одну; она въ мечтаньи
 Въ лѣсу отстала отъ другихъ.
 Что дѣлать ей? Развѣзда мало,
 А онъ ей путь загородилъ.
 Она ужъ хлысть свой поднимала,
 Но онъ коня поворотилъ
 И даль дорогу. Ничего
 Она на это не сказала,
 Взглянула мелькомъ на него,
 Хлестнула лошадь, и умчалась;
 Но круто вдругъ поворотивъ,
 Сама опять съ нимъ поравнялась,
 И разговоръ предупредивъ,
 Спросила:—«Корецкій, что съ вами?
 Зачѣмъ вы гонитесь за мной,
 А не за дикою козой
 И не за бурьми лисами?
 Охота вамъ! Иль за козу,
 Въ чаду охотничьяго пыла,
 Меня вы приняли въ лѣсу?
 Иль страсть къ охотѣ въ васъ остыла?»
 — «Что жъ смѣйтесь, панна! онъ промолвилъ,
 —Но мнѣ ей-Богу не смѣшно,
 А издѣваться вамъ грѣшно!
 Хоть я ни разу не замолвилъ
 Вамъ о любви своей, но вы
 Могли понять мои мечты...»
 — «Я не солгу... Я васъ любила,
 Она серьезно перебила
 — Но... вы молчали... я ждала,
 Любовь прошла отъ ожиданья!»
 И бросивъ позднія признанья,
 Галопомъ лошадь подняла
 И въ чащѣ скрылася лѣсной.
 Онъ былъ сраженъ обидой злой;
 Досада сердцемъ завладѣла,
 Но страсть въ груди не охладѣла,
 И только святости былой,

1) Облава, охота съ загонщиками.

Ужь въ ней не стало. Онъ любилъ,
 Но идеалы всѣ разбилъ;
 Онъ понялъ, что служилъ забавой,
 И что капризное дитя,
 Прельстившись призрачною славой,
 Разбило въ дребезги шута,
 Какъ надоѣвшую игрушку,
 Любви пустую погремушку.
 Онъ понялъ глубь ея души,
 И о другой, *своей* Маринѣ,
 Какъ о поруганной святынѣ,
 Сойдя съ коня, въ лѣсной глуши,
 Онъ плакалъ жгучими слезами,
 Подъ голубыми небесами.

6.

Но слезы горя не разгонять.
 Онъ мѣста не найдетъ себѣ;
 Осмѣянь въ чувствахъ и не понять,
 Съ самимъ собой всегда въ борьбѣ,
 Бѣжать онъ хочетъ и не можетъ.
 Ему разлука не поможетъ
 Забыть любви. Одинъ лишь тотъ,
 Кто сердцемъ холоденъ, какъ ледъ,
 Спокойно можетъ разсуждать,
 По волѣ связь любви порвать,
 И скоро вылечить то чувство,
 Что разумъ счелъ за безразсудство.
 Капризь, минутную мечту,
 Легко, конечно, устранить
 И новой вспышкой замѣнить
 Броженъе чувственной крови;
 Но сердца искренняго горе
 Неизсякаемо, какъ море,
 И нѣтъ разлуки для любви
 Не такъ любили въ старину,
 Въ тѣ дни, когда мечту одну,
 Святыней въ сердцѣ схороня,
 Какъ искру Божьяго огня,
 Всю жизнь ей въ жертву отдавали

И безъ измѣны умирали.
 Теперь смѣшить все это насъ,
 Прошелъ тотъ вѣкъ, огонь погасъ,
 И ужъ никто любовью брата,
 Какъ вѣрный Тотенбургъ ¹⁾ когда-то,
 Не согласился бы любить;
 Конечно, такъ спокойнѣй жить.
 Но бѣдный Корецкій къ несчастью
 Марину искренно любилъ;
 Онъ слишкомъ долго ею жилъ,
 И сердце, бьющееся страстью,
 Разсудку подчинить не могъ.
 Онъ не умѣлъ невольный вздохъ,
 Гдѣ нужно смѣхомъ подавлять,
 И самолюбие спасать
 Игрою фразъ краснорѣчивой.
 Угрюмый, блѣдный, молчаливый,
 Онъ пытку ревности сносилъ,
 Но воли не имѣлъ, ни силъ,
 Прийти къ разумному рѣшенью.
 Онъ поддавался увлеченью,
 И каждый день велъ споръ гнѣмой,
 Безсильный споръ съ самимъ собой.

7.

Въ разгарѣ балъ... Отъ тренья шпоры
 Бросають искры; звонъ и хоры
 Веселой музыки, и смѣхъ
 Электризировали всѣхъ,
 И вотъ подъ шумъ разгульно дикій,
 Подъ гикъ, подъ хлопанье ладошъ,
 Подъ одобрительные клики,
 Въ мазурѣ мчится молодежь.
 Разнообразныя фигуры
 Рисуютъ жизни суету,
 Любовь, и ревность, и разлуку,
 Блаженство жизни, жизни муку,

¹⁾ Баллада Шиллера въ переводѣ Жуковского.
 Кн. II.—Февраль, 1882.

Свиданья сладкую мечту...
 Но вотъ раздался звукъ бандуры
 И смолкло все.— «Пѣвецъ слѣпой,
 Ты пѣсни грустныя не пой,
 Ты пой про славныя побѣды,
 Гдѣ прославлялись наши дѣды
 Въ години старины святой!»
 И онъ поетъ тѣ пѣсни славы,
 Пѣвецъ простой, но величавый,
 И гордо слушаютъ сыны
 Безсмертный эпосъ старины.
 Но гдѣ же Корецкій? Бывало
 Любилъ онъ слушать гуслира,
 И даже самъ,—была пора,
 Когда въ душѣ его звучала
 Струна восторговъ молодыхъ,—
 Онъ въ пѣсняхъ воспѣвалъ своихъ
 Всѣ наслажденія и муки
 Любви и жизни молодой,
 И были слаще эти звуки,
 Чѣмъ тѣ, что пѣлъ старикъ съдой,
 Для тѣхъ, кто такъ же, какъ и онъ,
 Былъ молодъ, страстенъ и влюбленъ.
 Еще не дальше, какъ на-дняхъ,
 Когда съ охоты, на коняхъ,
 Вернулось панство во дворецъ,
 И на балконѣ отдыхая,
 Внимало пѣснямъ, что пѣвецъ,
 Столѣтній старецъ, пѣлъ вздыхая:
 — «Довольно! дай бандуру мнѣ!»
 Сказалъ князь Корецкій вставая.
 — Что пѣть о мертвой старинѣ;
 Иная пѣсня, пѣснь живая
 Звучить въ душѣ, и пѣснь мою
 Для дамы сердца я спою!»
 И устремивъ печальный взоръ
 Буда-то вдаль, на цѣпи горь,
 Онъ спѣлъ баладу, вотъ слова,
 Она въ преданіяхъ жива:

Пѣсня.

Жиль-быль рыцарь; онъ безумно
 Быль въ красавицу влюбленъ.
 Это было неразумно,
 Но... Что дѣлать, слѣшь былъ онъ!

Онъ въ очахъ ея небесныхъ
 Душу чистую искалъ,
 И въ рѣчахъ ея чудесныхъ
 Голосъ сердца признавалъ.

А она съ нимъ забавлялась,
 Злое, милое дитя,
 И, играючи, смѣялась,
 Приласкавъ его шутя.

Что любовь?—вѣдь это шутки;
 Разлюбила—все прошло!
 Что признанья?—прибаутки,
 Дунуль—вѣтромъ разнесло!

Онъ не принцъ волшебной сказки,
 Онъ полцарства ей не дастъ;
 Онъ не купитъ ея ласки
 И себя ей не продастъ!

У него ей въ даръ найдется
 Только сердце, да любовь.
 Но и сердце разобьется—
 Не полюбитъ уже вновь!

8.

Такъ гдѣ же Корецкій? Бывало
 Онъ въ первой парѣ танцевалъ,
 И лучшихъ кавалеровъ бала
 Всегда въ мазуркѣ затмѣвалъ.

Немало панночекъ въ душѣ
 Слѣдили, съ завистью ревнивой.
 За той избранницей счастливой,
 Съ которой, ловкій и красивый,
 Въ своемъ расшитомъ кунтушѣ,
 Онъ выступалъ, стуча ногой,
 Подъ тактъ мазурки удалой.
 Его всѣ ищутъ, всѣ желаютъ,
 О немъ другъ друга вопрошаютъ:
 — «Да гдѣ-жъ нашъ милый коноводъ?
 Куда дѣвался онъ?» И вотъ,
 Подъ вдохновеніемъ однимъ,
 Рѣшили всѣ идти за нимъ
 Парно въ паркъ; къ тому же ночь
 Такъ и манитъ изъ залы прочь.
 Чудесно! Въ рассыпную всѣ.
 И что за ночь! Цвѣты въ росѣ
 Еще душистѣе, чѣмъ днемъ;
 Въ травѣ мельбаютъ свѣтляки,
 Переливаясь огнемъ,
 Какъ въ жаркой печи угольки.
 А небо?.. Небо такъ и блещетъ,
 Мигаетъ звѣздами, горитъ;
 Сквозь листву лучъ луны трепещетъ
 И пылъ фонтановъ серебрить,
 Кидая на песокъ алей
 Узоръ причудливыхъ вѣтвей.
 Темно, таинственно и жутко!
 Въ аллеяхъ статуи стоятъ,
 Какъ привидѣнья. Смолкли шутка
 И громкій смѣхъ; уста молчатъ
 Въ наплывѣ чувствъ, въ приливѣ грезъ.
 Блескъ южной ночи, запахъ розъ,
 Игра фонтановъ, шорохъ птицъ
 И томный видъ красивыхъ лицъ,
 Подъ блѣднымъ отблескомъ луны, —
 Все это вмѣстѣ опьяняетъ,
 Къ любви, къ признаньямъ возбуждаетъ.
 Всѣ поневолѣ влюблены.
 Межъ тѣмъ, подъ деревомъ вѣтвистымъ
 Забылся Корецкій; ему
 Отраднѣй бредить одному

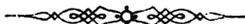
Въ уединеніи тѣнистомъ,
 Гдѣ соловей одинъ поеть.
 Въ полночной майской тишинѣ,
 Смягчая звуки, ночь несетъ
 Къ нему, какъ будто по волнѣ,
 Мотивы музыки далекой,
 И голова его въ огнѣ
 Внимаетъ имъ, какъ пѣснѣ сладкой,
 Которой въ дѣтствѣ, надъ кроватью,
 Его баюкали сквозъ сонъ.
 Но вдругъ невольно вздрогнулъ онъ:
 Песокъ скрипитъ... шаги... ихъ двое.
 Что съ нимъ? Предчувствіе глухое
 Свояло сердце. Страшный сонъ!
 Онъ ихъ узналъ:—она и онъ!..
 Дрожать колѣни... на ногахъ
 Какъ будто гири... на устахъ
 Слова безумныя... рука
 Изъ ноженъ шпагу вынимаетъ.
 Какъ воръ, онъ ихъ подстерегаетъ;
 Забылъ и гоноръ поляка,
 И все, что прежде возмущало
 Инстинкты гордые его,—
 Все, все теперь свой вѣсъ теряло.
 Онъ долженъ слышать... для чего
 Такая пытка и позоръ?..
 Но онъ услышитъ ея рѣчи...
 Тутъ утонченность чести—вздоръ!..
 И если да... на мѣстѣ встрѣчи...
 Его... ее... обонхъ... да!
 А послѣ?.. Послѣ и себя!
 Все ближе шопотъ.— «Никогда
 Я не забуду васъ... любя,
 Умру!»—Проклятье! Руку ей
 Цѣлуетъ онъ! Какъ хороша
 Она, вся бѣлая, бѣлѣй,
 Чѣмъ нимфы парка!—Чуть дыша,
 Князь слышитъ снова шопотъ страсти:
 — «Умру, тогда... тогда на части
 Въ груди разрѣжьте сердце мнѣ;
 Въ немъ образъ вашъ... вы, вы однѣ!»
 Она молчить... терпѣнья нѣтъ!

Отвѣтъ! отвѣтъ! скорѣй отвѣтъ!..
 Заговорила!.. Какъ спокойно,
 Какъ гордо, ровно, какъ достойно!
 — «Царевичъ, вы передо мной?
 О, встаньте! я прошу васъ, встаньте!
 Ужели я всему виной?»
 Онъ руку взялъ ей. — «Перестаньте!
 Мои ли руки вамъ нужны?
 Вамъ руки сильныя важны,
 Такія, чтобъ могли рѣшить
 Всю вашу будущность. Спѣшить,
 Царевичъ, надо вамъ въ Москву.
 Иль вѣрить я должна въ молву,
 Что вы не царь... не сынъ царей?
 О, докажите же скорѣй,
 Что вы не то, что разглашаетъ
 Про васъ Борисъ! Васъ ожидаетъ
 Давно, спасителемъ, народъ.
 Удобный случай вѣдь не ждетъ!
 А я... Меня словами взять
 Нельзя, царевичъ!.. Я довольно
 Слыхала словъ. Отвоевать
 Меня должны вы. Какъ ни больно
 Мнѣ васъ отказомъ огорчать,
 Но, если васъ я и люблю,
 То очень дорого цѣню —
 Не такъ, какъ всѣ — любовь свою!»
 Сказала и глядитъ царицей:
 И царскій взглядъ, и царскій видъ.
 А онъ, какъ филинъ предъ орлицей,
 Дурной, нахмуренный стоитъ.
 Но вдругъ, опомнившись, онъ
 Переродился весь. — «И тронъ,
 И славу, и вѣнецъ царей,
 Я все возьму!.. возьму!.. Скорѣй
 Сложу я голову свою,
 Чѣмъ уступлю любовь твою!..
 Моею будешь ты!» Но крикъ
 Ужасный раздался въ тотъ мигъ:
 — «Молчи, обманщикъ, оборванецъ!
 Какой ты царь! Ты самозванецъ!
 Разстрига!.. бѣглый!..» Страшный крикъ

Ему отвѣтилъ. Засверкали
Въ одно мгновеніе двѣ стали;
Какъ молній скрещенныхъ зигзагъ,
Мелькали острія двухъ шпагъ.
Марина вскрикнула, упала,
Потомъ очнулась, побѣжала,
Зовя на помощь. Изъ щеки
Димитрія струилась кровь;
Еще скрестилися клинки...
— «Марина, за твою любовь!..»
Блѣднѣя, Корецкій сказалъ
И, какъ подкошенный, упалъ.

Александра Львова.

(Продолженіе будетъ).

НАЧАЛА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ.

СОЧИНЕНИЕ ИПОЛИТА ТЭНА.

РЕВОЛЮЦИЯ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Торжество якобинцевъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ іюнѣ 1791 года и во всѣ послѣдующіе пять мѣсяцевъ созывались дѣйствующіе граждане для назначенія своихъ выборныхъ представителей, которыми, по закону, допускались граждане всѣхъ степеней и всѣхъ положеній: во первыхъ, 400,000 второразрядныхъ избирателей и 745 депутатовъ; затѣмъ половина администраторовъ всѣхъ 83 департаментовъ, половина должностныхъ лицъ 544 округовъ и половина должностныхъ лицъ 41,000 сельскихъ общинъ; наконецъ, въ каждомъ муниципалитетѣ — мэръ и старшій прокуроръ, въ каждомъ департаментѣ — предсѣдатель уголовной палаты и представитель обвинительной власти; по всей Франціи — офицеры національной гвардіи; словомъ, почти весь персоналъ упомянутыхъ и агентовъ законной власти. Поднялся вопросъ и

о возобновленіи гарнизона городской цитадели; это случилось уже во второй или даже въ третій разъ съ 1789 года. Якобинцы являлись каждый разъ небольшими отрядами, въ послѣдній же — многочисленными. Парижъ избираетъ мэромъ Петіона, главнымъ прокуроромъ — Манкюэля, помощникомъ его — Дантона; Робеспьера назначаютъ обвинителемъ по уголовнымъ дѣламъ. Съ первой же недѣли 136 новыхъ депутатовъ вписываются въ реестры клуба. Въ собраніи у этой партіи насчитывается до 250 членовъ. Если счесть всѣ правительственные посты, то оказывается, что третья часть, или даже болѣе, выпала на долю осаждающихъ; осаждающіе эти, втеченіи двухъ лѣтъ, вели свою осаду, руководимые самымъ вѣрнымъ инстинктомъ, и, наконецъ, представилось необычайное зрѣлище: — законное завоеваніе цѣлой націи небольшою толпою бунтовщиковъ.

I.

Они сперва позаботились о томъ, чтобы очистить себѣ дорогу и, при помощи декретовъ, вырванныхъ почти насильственно у конституціоннаго собранія, они устранили отъ выборовъ большинство большинства. Съ одной стороны, подъ предлогомъ упроченія народнаго владычества, число выборовъ было настолько увеличено и они повторялись такъ часто, что отнимали у каждаго дѣйствующаго гражданина шестую часть его времени, огромнѣйшее требованіе для людей трудящихся, занятыхъ каемъ-либо ремесломъ или дѣломъ; а, между тѣмъ, вся масса населенія, по крайней мѣрѣ, вся полезная и здравомыслящая часть ея и состоитъ изъ подобныхъ людей. Какъ уже выше сказано, люди эти совсѣмъ не приходили на выборы и предоставляли полнѣйшую свободу людямъ празднымъ и фанатикамъ. Съ другой стороны, всѣ избиратели обязаны приносить гражданскую присягу, включая туда и церковную, такъ какъ вотированіе считалось недѣйствительнымъ, если кто давалъ лишь первую, уклоняясь отъ второй. Въ Дубсѣ, въ ноябрѣ, муниципальные выборы тридцати трехъ общинъ кассировались исключительно подъ этимъ предлогомъ. Такимъ образомъ, не только 40,000 духовныхъ лицъ не присягнувшихъ, но и всѣ ревностные католики теряли свое право голоса, а ихъ было несравненно большее количество въ Артуа, въ Дубсѣ, въ Юрѣ, въ прирейскихъ про-

винціяхъ ¹⁾, въ обоихъ Севрахъ и Вандеѣ, въ Нижней Луарѣ, въ Морбиганѣ, въ Финистерѣ, въ Кот-дю-Нордѣ, въ Лозерѣ и въ Ардэшѣ, не считая южныхъ департаментовъ. Прибѣгая къ подобному способу, якобинцы оградили себя заранѣе отъ разумныхъ вотированій, а такихъ насчитывались миліоны; при помощи же закона, который они создали на началѣ нетерпимости, они напередъ избавились отъ вотированія ревностныхъ католиковъ, какихъ было сотни тысячъ. Благодаря такому двойному выключенію, они, вступая на избирательное поприще, находили тамъ лишь самое ограниченное число избирателей.

II.

Оставалось дѣйствовать противъ остальныхъ, и первый способъ состоялъ въ томъ, чтобы лишать ихъ права кандидатовъ. Этому уже отчасти способствовала обязательная присяга: въ Лозерѣ, напимѣръ, всѣ занимавшіе какія-либо государственныя должности подали въ отставку единственно съ цѣлю не давать присяги; вотъ уже люди не подлежащіе кандидатурѣ на послѣдующихъ выборахъ, такъ какъ естественно, что не добиваешься мѣста, отъ котораго разъ отказался, да и вообще, для уменьшенія и даже уничтоженія кандидатуры со стороны какой-либо партіи, слѣдуетъ лишь возбудить ее противъ властей вообще. Согласно этому принципу, якобинцы успѣшно работали при

¹⁾ Национальный архивъ, F-g., 3253. Письмо департаментскаго совѣта отъ 7 апрѣля 1792 года: «Января 25 мы отдали отчетъ національному собранію относительно почти всеобщей оппозиціи, съ какою встрѣтили въ нашемъ департаментѣ примѣненіе законовъ о духовенствѣ. По крайней мѣрѣ десять одиннадцатыхъ всѣхъ католиковъ отказываются признавать обязавшихся присягою священниковъ. Учителя, подъ вліяніемъ совѣтовъ и примѣра своихъ прежнихъ священниковъ и викарныхъ, соглашаются принести гражданскую присягу, но отказываются рѣшительно признать своихъ законныхъ пастырей и содѣйствовать имъ въ ихъ обязанностяхъ. Такимъ образомъ мы принуждены ихъ смѣнить и позаботиться о назначеніи новыхъ. Граждане большаго числа общинъ упорно продолжаютъ дарить ихъ своимъ довѣріемъ и никакимъ образомъ не желаютъ способствовать назначенію новыхъ; въ результатъ происходитъ то, что мы принуждены при выборѣ этихъ личностей негать содѣйствія у людей почти намъ неизвѣстныхъ и, по большей части, также мало извѣстныхъ окружнымъ совѣтамъ. Въ виду того, что они назначены противъ желанія гражданъ, они не приобретаютъ ихъ довѣрія и пользуются жалованьемъ изъ общинныхъ суммъ, не принося при этомъ ни малѣйшей пользы въ дѣлѣ народнаго образованія».

помощи безчисленныхъ мятежей, которые они возбуждали и которыми руководили противъ короля, противъ военныхъ и чиновниковъ, противъ дворянъ и духовенства, противъ хлѣбныхъ торговцевъ и землевладѣльцевъ, противъ силы общественной, всѣхъ родовъ и происхожденій. Вездѣ власти были принуждены терпѣть, допускать и извинять убійства, грабежи, поджоги, или, по меньшей мѣрѣ, возмущенія и неповиновенія. Каждый мэръ, уже втеченіи двухъ лѣтъ, рисковалъ быть повѣшеннымъ всякій разъ, какъ прибѣгалъ къ военному закону; командиръ не былъ увѣренъ въ своей командѣ всякій разъ, какъ шелъ охранять порядоки при сборѣ податей; угрожали судѣ, засѣдавшему въ судѣ, и оскорбляли его, если онъ приговаривалъ къ наказанію грабителей, опустошавшихъ государственные лѣса. Ежеминутно начальственное лицо, которому поручено было блюсти за исполненіемъ правосудія, принужденъ былъ самъ обходить его или допускать несоблюденіе его другими; если же онъ упорствовалъ, якобинцы, не стѣсняясь, прибѣгали къ насиліямъ и заставляли его законную власть подчиниться ихъ незаконной диктатурѣ. такъ что ему приходилось быть или ихъ сообщникомъ, или ихъ игрушкою. Подобная роль невыносима для людей съ сердцемъ и съ совѣстью; вотъ почему въ 1790 и 1791 годахъ почти всѣ значительные и уважаемые люди, засѣдавшіе въ 1789 году въ городскихъ ратушахъ или командовавшіе національною гвардіею, провинціальныя дворяне, кавалеры ордена Людовика святаго, бывшіе члены парламента, высшая буржуазія, крупныя землевладѣльцы, всѣ возвращались къ своей частной жизни и отказывались отъ общественныхъ должностей, такъ какъ оставаться въ нихъ болѣе имъ было немислимо. Въмѣсто того, чтобы предлагать себя на выборахъ, они отъ нихъ совершенно уклонялись и вся партія, стоявшая за общественное спокойствіе и за порядокъ, нимало не помышляя о томъ, чтобы назначить должностныхъ лицъ, не находила въ своей средѣ и кандидатовъ.

Вслѣдствіе избытка предосторожности, на естественныхъ вождехъ наложили законное запрещеніе, не допуская къ высшимъ должностямъ, а именно, на должность депутата, или министра людей на то пригодныхъ, въ комъ имѣлся тотъ, хотя и не обширный политическій смыслъ, какой французы могли пріобрѣсть въ два послѣдніе года. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1791 года, уже послѣ того, какъ были совершенно устранены непримиримые правой стороны, въ собраніи оставалось еще приблизительно 700 членовъ, приверженныхъ конституціи, но въ то же время рѣшившихся восстановить порядокъ; они бы могли еще снабдить

Францію контингентомъ разумныхъ представителей власти и звана, такъ какъ жизненный опытъ не прошелъ даромъ для всѣхъ ихъ, за исключеніемъ незначительной группы революціонеровъ; а въ послѣднее время ихъ дѣятельности, два крайне важныхъ событія, бѣгство короля и бунтъ на Марсовомъ полѣ, указали имъ на всѣ ошибки и неправильности государственнаго механизма. Продержавъ въ рукахъ, втеченіи трехъ мѣсяцевъ, исполнительный инструментъ, они удостовѣрились, что онъ сломанъ, что все рушится, что самихъ ихъ одолѣли фанатики и чернь. Тогда они совершили усиліе, чтобы затормозить машину; многіе хотѣли бы вернуться назадъ, къ прежнему ¹⁾. Они отдѣляются отъ якобинцевъ: изъ трехъ или четырехсотъ депутатовъ, внесенныхъ въ списки клуба улицы Сентъ-Оноре, остаются лишь семеро ²⁾, всѣ же остальные образуютъ отдѣльный оппозиціонный клубъ, помѣщающійся у фельянтинцевъ, съ своими основателями во главѣ, а именно: съ Дюпоромъ, обоими Ламэтами, Барнавомъ, создателями конституціи, отцами новаго образа правленія. Послѣднимъ декретомъ учредительнаго собранія они открыто караютъ злоупотребленіе властью народныхъ обществъ, и не только запрещаютъ имъ всякое вмѣшательство въ дѣла административныя или политическія, но равно и всякую петицію, или депутацію, представляемую коллективно. Такимъ образомъ, друзья порядка и спокойствія приобрѣтаютъ готовыхъ кандидатовъ, а главное, такихъ, которые имѣютъ шансы на успѣхъ, такъ какъ каждый изъ нихъ уже болѣе двухъ лѣтъ занималъ въ своемъ округѣ самое видное, самое адредитованное, самое выдающееся положеніе; его поддерживаетъ, въ глазахъ его избирателей, популярность имъ же созданной конституціи, и ему, по всѣмъ вѣроятіямъ, удалось бы заполучить въ свою пользу большинство голосовъ. Но якобинцы предвидѣли опасность; они, уже за четыре мѣсяца до того, при помощи двора, ни разу не терпя-

¹⁾ Кореспонденція де-Стала, шведскаго посланника съ его дворомъ, 4 сентября 1791 года: «Переворотъ, происшедшій въ образѣ мышленія демократовъ, поразителенъ; теперь они, повидимому, убѣждены въ невозможности упрочить конституцію. Мнѣ известно, изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, мнѣніе Барнава о настоящемъ положеніи дѣла; онъ говоритъ, что будущимъ общественымъ собраніямъ слѣдуетъ предоставить не болѣе, какъ влияние совѣта избранныхъ представителей, а всю власть оставить въ рукахъ правительства».

²⁾ Ib. Письмо де-Стала отъ 17 іюля 1791 года: «Всѣ члены собранія, за исключеніемъ какихъ-либо трехъ, четырехъ, рѣшились отдѣлиться отъ якобинцевъ; число таковыхъ 300». Семеро оставшихся у якобинцевъ суть: Робеспьеръ, Петіонъ, Грегуаръ, Бюзю, Кореллеръ, Приеръ и абать Ройэ.

шаго случая повредить себѣ или даже погубить себя ¹⁾, воспользовались овлбленіемъ правой стороны и утомленіемъ собранія, которое, вслѣдствіе усталости и изнуренія, увлеченія и нечаянности, въ припадкѣ неумѣстнаго безкорыстія, постановило, что ни одинъ изъ его членовъ не подлежитъ избранію въ слѣдующее собраніе, и этимъ заблаговременно отстранило весь ком-плектъ честныхъ людей.

III.

Если послѣдніе и пробовали бороться, не смотря на столько невыгодъ и неудачъ, имъ не давали сдѣлать больше перваго шага, такъ какъ, когда затѣвается избирательная борьба, то необходимо предварительно собираться, совѣщаться, условиться, а право составлять ассоціаціи, законно и по справедливости принадлежащее имъ, на дѣлѣ оказывалось отнятымъ ихъ противниками. Для начала якобинцы ошканили и «забросали чѣмъ попало» ²⁾ членовъ правой стороны, собиравшихся во Французскомъ Салонѣ (Salon français) въ улицѣ Розаль, и полиція, согласно принятому правилу, приказала имъ разойтись, въ виду того, «что общество это возбуждаетъ смуты, служить предлогомъ для уличныхъ сходовъ, и что оно не можетъ быть поддержано иначе, какъ съ помощью насильственныхъ мѣръ». Въ августѣ 1790 года составилось новое общество изъ людей самыхъ либеральныхъ и разумныхъ, съ Малуэ и графомъ Клермонъ-Тоннеромъ во главѣ; они называли себя «друзьями монархической конституціи» и стремились къ тому, чтобы возстановить общественный порядокъ, сохраняя въ неприкосновенности прибрѣтенныя реформы. Съ ихъ стороны не было упущено ни одной формальности; въ Парижѣ ихъ было уже 800 человекъ и касса ихъ непрерывно наполнялась новыми суммами, собираемыми по подпискѣ; провинція со всѣхъ сторонъ присылала имъ сторонниковъ, а что важнѣе всего, они могли заручиться расположеніемъ народа, вслѣдствіе раздачи хлѣба по уменьшен-

¹⁾ Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда дѣло шло о назначеніи парижскаго мэра, дворъ позаботился о томъ, чтобы вотировали противъ Лафайета и за Петіона.

²⁾ Де-Монльозье, Мемуары, II, 309. «Что касается меня, то я, какъ честный человекъ, долженъ заявить, что въ мою голову попало лишь три моркови и два кочна капусты».

нымъ цѣнамъ. Такимъ образомъ образовывался центръ убѣжденій и вліяній, подобный центру якобинцевъ, а этого они не могли потерпѣть. Клермонт-Тоннеръ нанимаетъ по контракту лѣтній вокзалъ, а какой-то капитанъ національной гвардіи предупреждаетъ владѣльца, что въ случаѣ отдачи его зала по условію, пале-рояльскіе патріоты придутъ цѣлымъ отрядомъ, съ цѣлью его закрыть; владѣлецъ, во избѣжаніе порчи и поломки, нарушаетъ контрактъ, а муниципалитетъ, опасаящийся волненій и стычекъ, прекращаетъ на время ихъ засѣданія. Но это общество требуетъ упорно, неотступно, и такъ какъ буква закона весьма опредѣленна, то оно, наконецъ, добивается официальнаго дозволенія. Тогда всѣ якобинскіе ораторы и журналы раздражаются противъ будущихъ соперниковъ, угрожающихъ отбить у нихъ власть. 23 января 1791 года Барнавъ въ національномъ собраніи обвиняетъ, въ метафорической формѣ, могущей однако послужить воззваніемъ къ убійству, членовъ новаго клуба «въ томъ, что они кормятъ народъ отравленнымъ хлѣбомъ». Четыре дня спустя, домъ Клермонт-Тоннера окружается толпами вооруженныхъ; Малузъ, выходящаго оттуда, насильно вырываютъ изъ кареты съ криками: «вотъ негодай, предатель народа!» Наконецъ, учредители, ждашіе изъ уваженія къ муниципалитету цѣлыхъ два мѣсяца, нанимаютъ другой залъ въ улицѣ Птит-эжюри и 28 марта открываютъ, наконецъ, свои засѣданія. «Придя туда, пишеть одинъ изъ нихъ,—мы застаемъ цѣлое собраніе пьяницъ, уличныхъ крикуновъ, женщинъ въ лохмотьяхъ, солдатъ, ихъ подстрекающихъ, и въ особенности этихъ ужасныхъ горлодеровъ, вооруженныхъ суковатыми дубинами въ два фута длиною, представляющихъ крайне опасное оружіе»¹⁾. Это заранѣе условленное и подготовленное нападеніе; сперва ихъ приходитъ отъ трехъ до четырехсотъ, минутъ черезъ десять набирается до пяти или шестисотъ, а четверть часа спустя, ихъ около четырехъ тысячъ, набранныхъ отовсюду, однимъ словомъ, обыкновенный персоналъ всѣхъ бунтовъ; «жители квартала увѣрили, что ни одна изъ этихъ личностей не была имъ знакома». Сперва сыпятся глупыя шутки и двусмысленности, затѣмъ ругательства, тумакъ и, наконецъ, пускается въ ходъ палка и сабля; члены общества, «условившіеся придти невооруженными», разогнаны, многіе по-

¹⁾ Феррьеръ, II, 222. «Якобинцы послали отъ пяти до шестисотъ надежныхъ людей, вооруженныхъ дубинами, и, кромѣ того, сотню національныхъ гвардейцевъ и нѣсколько уличныхъ потаскушекъ Пале-Рояля».

валены на землю, другихъ тащатъ за волосы, а человекъ пятнадцать раненъ. Чтобы оправдать нападеніе, толпа показываеь бѣлыя кокарды, будто бы найденныя у нихъ въ карманахъ. Мэръ Балли является уже по окончаніи свалки и приказываетъ, во имя окравенія «общественнаго спокойствія», окончательно закрыть клубъ монархистовъ приверженцевъ конституціи.

Благодаря этимъ нападеніямъ со стороны партіи и потворству со стороны властей, уничтожаются равнымъ образомъ и другіе, подобные этому, клубы. Ихъ было немало и они находились по главнымъ городамъ, напримѣръ: «друзья мира», «друзья отчизны», «друзья короля, мира и религіи», «защитники религіи, неприкосновенности личности и собственности». Въ составъ ихъ входили обыкновенно военные, чиновники, люди самые развитые и самые цивилизованные, однимъ словомъ, высшее городское общество. Они и прежде собирались для того, чтобы потолковать и побесѣдовать, и клубъ ихъ, давно въ сущности учрежденный, самымъ естественнымъ образомъ переходилъ съ литературы на политику. Изъ улицы Сэнтъ-Оноре вышло запрещеніе воимъ этимъ провинціальнымъ обществамъ: «это гнѣзда заговоровъ; надо неустанно слѣдить за ними, уничтожать ихъ». Въ Кагорѣ, напримѣръ, взводъ національной гвардіи, возвращающейся изъ экспедиціи, предпринятой противъ сосѣднихъ дворянъ, и желая достойно закончить свое дѣло, врывается въ клубъ, «выбрасываетъ мебель изъ оконъ и разрушаетъ весь домъ». Въ Перпиньянѣ взбунтовавшаяся чернь окружаетъ клубъ съ дикою хороводною пляскою и криками: «на фонарь!» Домъ разграбленъ, и восемьдесятъ членовъ, избитыхъ до полусмерти, уводятся въ городскую крѣпость, въ виду ихъ собственной безопасности. Въ Э (Aix) члены якобинскаго клуба являются лично въ клубъ своихъ противниковъ, оскорбляютъ ихъ и возбуждаютъ ссору; муниципалитетъ приказываетъ немедленно замуравить входную дверь въ осаждаемый клубъ и арестовать всѣхъ его членовъ. Имъ всегда приходится нести наказаніе за насилія, какимъ они же сами подвергаются; одно ихъ существованіе уже вѣняется имъ въ преступленіе. Въ Греноблѣ не успѣли они собраться, какъ ихъ уже разогнали. Ихъ заподозрѣваютъ въ «неимѣннн патріотизма», въ томъ, что они могутъ быть неблагонамѣренны; во всякомъ случаѣ достаточно уже того, что они раздѣляютъ городъ на два противныхъ лагеря. Всѣ ихъ общества въ Гарѣ уничтожаются по распоряженію департаментскаго совѣта, на основаніи того, что онѣ «разсадники злонамѣренности». Въ Бордо муниципалитетъ за-

прещаетъ казія бы то ни было собранія, за исключеніемъ якобинскаго, въ силу тревожныхъ слуховъ о томъ, «что въ городъ возвращается духовенство и привилегированное сословіе». Такимъ образомъ, «во время царенія самой усовершенствованной, самой идеальной свободы, послѣ знаменитой деклараціи правъ чело-вѣка, узаконяющей все, что не запрещено закономъ», когда въ основѣ французской конституціи лежало равенство, всякій якобинецъ исключался изъ общаго права. Общество нетерпимости, самое тираническое, возвелъ себя на степень священнѣйшей церкви и преслѣдовала всѣ асоціаціи, не получившія отъ него «вторичнаго, истиннаго крещенія, гражданскаго вдохновенія и дара многословія». Право же собираться и пропагандировать оно оставляло исключительно за собою. Строго запрещено было по всѣмъ городамъ королевства разумнымъ и умѣреннымъ людямъ образовывать избирательные комитеты, имѣть свою трибуну, свою кассу, своихъ подписчиковъ и сторонниковъ, и власть на вѣсы общественнаго мнѣнія свои имена и свою солидарность; запрещено было привлекать къ своему прочному центру всю разрозненную массу разумныхъ людей, желавшихъ выбраться изъ революціи, не возвращаясь при этомъ къ старому порядку вещей. Пусть они втихомолку шепчутся между собою, это еще, пожалуй, будутъ терпѣть, но горе имъ, если они будутъ стараться соединиться для сбора голосовъ или для поддержки какой-либо кандидатуры. Они обязаны вплоть до самаго дня избранія и на глазахъ своихъ сплоченныхъ, дѣятельныхъ и шумныхъ противниковъ оставаться разрозненными, неподвижными, нѣмыми.

IV.

Но будетъ ли предоставлено имъ хоть въ тотъ послѣдній день свободное право вотированія? Они даже въ этомъ не были увѣрены, и примѣръ прошлаго года заставлялъ ихъ сильно въ этомъ сомнѣваться. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1790 года, въ Буа-д'Эни въ Бургундіи, депутату де-Буа-д'Эни, возвращавшемуся изъ Парижа для подачи голоса, угрожаютъ публично; ему объявляютъ, что дворяне и священники не должны принимать участія въ выборахъ, и многіе говорятъ ему въ глаза, что, для предотвращенія его вмѣшательства, слѣдовало бы его повѣсить. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ оттуда, въ Сэнъ-Коломбѣ, де-Вито былъ выгнанъ изъ избирательнаго собранія, а затѣмъ убитъ послѣ мученій, продолжавшихся три часа. Въ Сэмюрѣ происходитъ

тоже; два дворянина были убиты при помощи палокъ и камней, третій едва спасся, а одному священнику нанесли шесть смертельныхъ ранъ ножомъ. Таково было продостереженіе, даваемое духовенству и дворянству; они поступаютъ благоразумнѣе, если совѣтъ не явятся на выборы—совѣтъ, который можно дать равно и хлѣбнымъ торговцамъ, землевладѣльцамъ, всѣмъ вообще подозрительнымъ личностямъ. Въ подобный день народъ облекается въ свое могущество, а потому буйныя головы воображаютъ, что имъ все дозволено, между прочимъ и насильственное изгнаніе, заблаговременно, какъ кандидатовъ, которыхъ опасаются, такъ и, не по желанію противниковъ, вотирующихъ избирателей. Въ Вильнев-сэнь-Жоржъ, около Парижа, окружные избиратели собирались назначить судьей одного адвоката, человѣка энергическаго и строгаго, но чернь совѣтъ не желала имѣть судьей личность, которая будетъ наказывать грабителей, вслѣдствіе чего отъ сорока до пятидесяти бродягъ кричали, собравшись подъ окнами: «мы не хотимъ его!» Напрасно кропскій приходскій священникъ, предсѣдатель избирательнаго собранія, замѣчаетъ имъ, что собравшіеся избиратели представляютъ девяносто общинъ, т. е. болѣе ста тысячъ жителей, и «что сорокъ человѣкъ не должны имѣть перевѣса надъ сотнею тысячъ». Крики усиливаются и избиратели принуждены отказаться отъ своего кандидата. Въ По патриоты милиціи¹⁾ насильно освобождаютъ одного изъ своихъ арестованныхъ начальниковъ, повсюду разносятъ списокъ осужденныхъ ими на смерть, осыпаютъ повѣрщика при балотировкѣ сперва кулачными, а затѣмъ и сабельными ударами; осужденные ими прачутся, и на слѣдующій день «никто не является въ избирательное собраніе». Въ 1791 году еще хуже того. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ то самое время, когда открывались предварительныя собранія, когда король бѣжалъ въ Вареннъ и революція казалась погибшею, когда и внутренняя, и вѣйшняя война поднимались на горизонтѣ, подобно двумъ страшнымъ призракамъ, когда вся національная гвардія схватилась за оружіе, —якобинцы съумѣли воспользоваться всеобщою паникою. Теперь было не до того, чтобы оспаривать у нихъ голоса; теперь было крайне опасно выставляться на показъ и

¹⁾ Национальный архивъ, П, 1453. Корреспонденція де-Бершени, письмо изъ По отъ 7 февраля 1790 года. «Нельзя себѣ представить, до какого состоянія дошелъ нашъ городъ, прежде столь прелестный; только и дѣлаютъ, что убиваютъ другъ друга. Вотъ уже четыре дузла въ какіе нибудь два дня, и вотъ уже три дня, какъ десять или двѣнадцать лучшихъ гражданъ принуждены прятаться».

легко попасть под народную расправу посреди всѣхъ этихъ шумныхъ сборищъ. Теперь всѣ, и роялисты, и сторонники конституціи, и консерваторы или умѣренные всѣхъ родовъ и видовъ, друзья порядка и закона, всѣ только и думали, какъ бы спокойно сидѣть дома, счастливые, если ихъ оставляли въ покоѣ, а вооруженная чернь не очень то щедра на подобный покой и безпрестанно къ нимъ навѣдывалась.

Разсмотримъ ихъ положеніе въ продолженіи всего избирательнаго періода въ одномъ изъ спокойныхъ округовъ и по этому маленькому уголку будемъ судить о всей остальной Франціи. Въ Мортаньѣ, надримѣръ, маленькомъ городѣ съ шестью тысячами жителей, съ самаго бѣгства въ Вареннъ, господствовало доброе и миролюбивое настроеніе 1789 года. Въ числѣ сорока или пятидесяти аристократическихъ семействъ насчитывалось много либеральныхъ. Тамъ, какъ и вездѣ, въ средѣ дворянъ, духовенства и буржуазіи, философское воспитаніе восемнадцатаго столѣтія оживило прежнюю инициативу, свойственную провинціи, и весь высшій классъ ревностно принялся за исполненіе общественныхъ должностей, ему одному доступныхъ, въ виду того, что онѣ ничѣмъ не оплачивались. Предсѣдатель округа, мэръ и весь муниципалитетъ выбирался изъ числа духовенства и дворянства; три старшіе офицера національной гвардіи были кавалерами ордена св. Людовика, остальные же чины были розданы главнѣйшимъ буржуа.

Такимъ образомъ, въ силу свободнаго же избранія власть была предоставлена общественнымъ представителямъ и новый порядокъ повоилялся на законной іерархіи классовъ, общественныхъ воспитаній и способностей. Но вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ влубь учрежденный дюжиною экзальтированныхъ и буйныхъ головъ, подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ нѣкоего Раттье, бывшаго повара, — волновалъ чернь и всѣ окрестности. По полученіи извѣстія о бѣгствѣ короля, якобинцы вдругъ громогласно заявили, что дворяне и духовенство снабдили короля необходимыми для отъѣзда суммами, для бѣгства и для совершенія контръ-революцій. Они утверждали, что такое-то семейство пожертвовало столько-то, другое столько-то; дѣло повидимому не подлежало никакому сомнѣнію, такъ какъ въ подтвержденіе приводились опредѣленные цифры и такъ какъ цифры эти были распредѣлены на каждое семейство, по мѣрѣ его средствъ и состоянія. Тогда и всѣ главные клубисты, соединенные съ худшею частью національной гвардіи, рассыпались по улицамъ отдѣльными отрядами; они врывались

въ дома всѣхъ подозрительныхъ дворянъ и буржуа и отбирали всякое оружіе, какъ-то: ружья, пистолеты, шпаги, охотничьи ножи, палки и трости съ ножами; обыскивали всѣхъ и все; заставляли отцереть или выламывали насильно замки бюро и шкафовъ, ища въ нихъ спрятанныхъ боевыхъ припасовъ; обыскъ распространялся «даже на дамскій туалетъ»; изъ предосторожности «втыкаютъ пальцы въ банни съ помадой, отыскивая скрытыя въ нихъ пули, и уносятъ съ собою рисовую пудру подь предлогомъ, что это замаскированный и выкрашенный порохъ». Затѣмъ та же толпа разсыпалась по селамъ и окрестностямъ и совершала такой же спѣшный обыскъ по всѣмъ замкамъ, такъ что въ одинъ день всѣ честные граждане, всѣ обладатели большаго количества средствъ и всѣ значительные собственники остались обезоруженными, отданные на произволъ грабителей и разбойниковъ. Обезоружены были всѣ тѣ, которыхъ считали аристократами, такими же считались всѣ, «кто не сочувствуетъ расхोдившемуся безумію, кто не посѣщаетъ клубовъ, или кто принимаетъ у себя неприсягнувшихъ священниковъ», начиная «съ офицеровъ-дворянъ національной гвардіи съ ихъ командиромъ и всѣмъ штабомъ во главѣ». Эти безпрекословно отдавали свои шпаги и, сохраняя долготерпѣніе и патриотизмъ, присущій въ тѣ времена многимъ изъ ихъ среды, оставались на своихъ постахъ; дабы не причинить разстройства въ вооруженной силѣ и надѣясь, что ослѣпленію этому настанетъ конецъ, они ограничиваются одною жалобою въ директорію департамента. Но директорія тщетно требуетъ выдачи оружія; клубисты отказываютъ ихъ выдать, до тѣхъ поръ, пока король не приметъ конституціи; а пока они не скрываютъ «своихъ намѣреній относительно дворянъ и неприсягнувшихъ священниковъ, которыхъ они собираются перерѣзать поголовно, лишь только разъ грянетъ на границѣ первый пушечный выстрѣлъ». Департаментская директорія снова настаиваетъ на своей просьбѣ послѣ принесенія королемъ присяги конституціи, но они этимъ нисколько не смущаются, и національная гвардія, вооруженная пушками, нарочно располагается съ ругательствами и угрозами передъ домами обезоруженныхъ дворянъ. Женъ ихъ преслѣдуютъ на улицѣ мальчишки съ пѣсней «*Ça ira*», вставляя въ заключительный припѣвъ ихъ имя и угрожая имъ повѣшеніемъ на фонарѣ. «Ни одинъ изъ нихъ не осмѣливается пригласить поужинать десятка своихъ друзей, не подвергаясь риску черезъ это возбудить волненіе». Вслѣдствіе этого, бывшіе начальники національной

гвардіи принуждены были подать въ отставку, а якобинцы немедленно воспользовались этимъ случаемъ. Въ ущербъ и поруганіе закона, они возобновили весь персоналъ офицеровъ, и такъ какъ мирные граждане не смѣли подавать голосовъ, весь новый штабъ набирается «изъ людей изступленныхъ, принадлежащихъ по большей части къ низшему общественному слою». Съ этою отборною милиціею клубъ изгоняетъ монахинь и всѣхъ неприсягнувшихъ священниковъ, совершаетъ нападенія на окрестность и доходитъ до того, что разгоняетъ подозрительные ему муниципалитеты¹⁾. Столько насилій и въ городѣ, и въ его окрестностяхъ, лишили высшихъ землевладѣльцевъ и образованныхъ людей возможности остаться тамъ и заставили ихъ искать убѣжища въ Парижѣ. Послѣ перваго обезоруженія, туда переселилось семь или восемь семействъ; послѣ угрозъ избіенія, за ними въ слѣдъ отправляется отъ двѣнадцати до пятнадцати другихъ; послѣ преслѣдованій, которымъ подвергается духовенство, всѣ неприсягнушіе, остальные дворяне, множество буржуа, даже изъ числа небогатыхъ, «цѣлыми массами стремятся туда же. Тамъ они, по крайней мѣрѣ, затерты въ толпѣ и могутъ, подъ вымышленнымъ именемъ, избѣгнуть нападеній черни; тамъ они могутъ жить незамѣтно, какъ честные люди. Въ провинціи же они лишены даже гражданскихъ правъ. Гдѣ же возможность добиться имъ правъ политическихъ?» На предварительныхъ собраніяхъ, всѣхъ честныхъ и благомыслящихъ гражданъ отстраняютъ при помощи угрозъ и насилій. И такъ, поле битвы осталось за людьми, платившими всего 45 су податей, и изъ которыхъ большая часть внесена въ списки неимущихъ. Вотъ каковы были выборы, совершаемые заранѣе; какойнибудь бывший поварь разрѣшалъ выбрать или допускалъ такихъ-то кандидатовъ, и на дѣлѣ, когда главный городъ департамента называлъ всѣхъ депутатовъ, то оказывалось, что всѣ избиратели были назначены якобинцами²⁾.

¹⁾ Пятнадцатаго августа 1791 года настоятельницу сестеръ городской больницы уводятъ силою и бросаютъ въ кабакъ въ полмили разстоянія отъ города, затѣмъ разгоняютъ и остальныхъ монахинь и заминаятъ ихъ восемью городскими дѣвухами. Одною изъ причинъ къ тому послужила вражда къ нимъ двухъ аптекарей, членовъ клуба, такъ какъ монахини городской больницы имѣли свою аптеку, которую онѣ содержали тѣмъ, что продавали лекарства, и такимъ образомъ конкурировали съ обоими аптекарями.

²⁾ «Национальный архивъ», DXXIX, 13. Письмо муниципальнаго совѣта и представителей дворянъ и первыхъ сословій Шансейя къ властямъ Сены-и-Уазы по поводу выборовъ 17 июня 1791 года. Подобныя же письма различныхъ дру-

V.

Подъ такимъ-то гнетомъ приходилось вотировать во Франціи въ продолженіи всего лѣта и всей осени 1791 года. Повсемѣстные обыски, обезоруженія, ежеминутная опасность, принуждали дворянъ и духовенство, землевладѣльцевъ и людей образованныхъ покидать свое мѣстожителство и искать спасенія въ большихъ городахъ; принуждали эмигрировать, или по крайней мѣрѣ жить исключительно частною жизнью, воздерживаясь отъ какой бы то ни было пропаганды, кандидатуры, или вотированія. Съ ихъ стороны было бы безуміемъ показываться въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ домашніе обыски окончились, наконецъ, жакеріей; въ Бургундіи, напримѣръ, и въ ліонскомъ департаментѣ, гдѣ всѣ замки были разграблены, гдѣ многихъ стариковъ дворянъ избивали на смерть, гдѣ де-Гильона только что зарѣзали и растерзали на куски; въ Марселѣ, гдѣ представители умѣренной партіи были всѣ заточены, гдѣ цѣлаго, вполне вооруженнаго полка швейцарцевъ было едва достаточно для приведенія въ исполненіе приговора верховнаго совѣта, и гдѣ всякому, осмѣливающемуся противиться якобинскому движенію, угрожало быть зарытымъ живымъ; въ Тулонѣ, гдѣ якобинцы разстрѣливали умѣренныхъ и солдатъ, гдѣ де-Бокера, капитана судна, убили выстрѣломъ въ спину, гдѣ клубъ, поддерживаемый нищими, матросами, портовыми работниками и безыменными иноземцами, присвоилъ себѣ диктатуру правомъ завоеванія, въ Брестѣ, въ Тюллѣ, въ Кагорѣ, гдѣ въ то самое время избивали на улицахъ дворянъ и офицеровъ. Чего же удивительнаго, если честные люди смотрѣли на выборы какъ на сборище разбойниковъ. Пусть они только поважутся, отъ нихъ съумѣютъ отдѣлаться. Въ Эксѣ объявляютъ засѣдателю, которому поручено прочесть имена избирателей, «что подобное поименованіе подлежитъ чистымъ устамъ и что, будучи аристократомъ

гизъ общинъ, между прочимъ, шарковской, отъ 16 іюня: «Они имѣютъ честь вамъ сообщить, что на послѣднихъ предварительныхъ собраніяхъ, они подвергались величайшимъ опасностямъ, и что ихъ духовному пастырю приходскому шарковскому священнику было нанесено нѣсколько ударовъ штыками, слѣды которыхъ останутся у него на всю жизнь. Господанъ мэръ и еще многіе жители Шаркона едва избѣгли той же опасности». Тамъ же. Письмо администраторовъ Верхнихъ-Альпъ къ національному собранію (сентябрь 1791 г.), по поводу безпорядковъ избирательнаго собранія Тапа, 29 августа 1791 года.

и фанатикомъ, онъ не имѣетъ ни права слова, ни права голоса», и безъ дальнѣйшихъ церемоній выталкиваютъ его за дверь¹⁾. Это самый дѣйствительный способъ для обращенія меньшинства въ большинство; однако вотъ и еще болѣе дѣйствительный. Въ Даксѣ фельянтинцы, принявъ имя друзей французской конституціи, отдѣлились отъ якобинцевъ, потребовавъ сверхъ того, чтобы исключили изъ національной гвардіи «всѣхъ иностранцевъ, не имѣющихъ ни званія, ни собственности», всѣхъ недѣйствующихъ гражданъ, втершихся туда противозаконно и тѣмъ же способомъ присвоивающихъ себѣ право голоса и «каждодневно нападающихъ на мирныхъ гражданъ». Вслѣдствіе этого, въ день выборовъ, происходившихъ въ церкви, гдѣ засѣдало предварительное собраніе, два фельянтинца, Лоредъ, бывший контролеръ сборовъ, и Брюнашъ, стекольщикъ, предложили вывести изъ церковнаго зала какого-то, втершагося туда, лакея. Якобинцы немедленно набросились на нихъ; Лоредъ ударили о кропильницу, ранили въ голову; онъ хотѣлъ вырваться, его схватываютъ за волоса, повергаютъ на землю, ранятъ ударомъ штыка въ руку; затѣмъ арестуютъ обоихъ. Недѣлю спустя, на слѣдующемъ собраніи являются исключительно якобинцы, которые, естественнымъ образомъ, «всѣ избираются» и образуютъ новый составъ муниципалитета, отказывающагося, не смотря на распоряженіе департаментскаго совѣта, освободить обоихъ плѣнниковъ и, наоборотъ, подвергающій ихъ болѣе строгому заточенію.

Въ Монпелье разгромъ былъ хотя и позднѣе, но тѣмъ сильнѣйшій. Голоса были уже собраны, урны съ билетами закрыты,

¹⁾ «Национальный архивъ». F. 3198. Показаніе Веранъ Икара, арльскаго избирателя, отъ 8 сентября 1791 года. Тамъ же, F. 3195. Письмо властей Тарасконскаго округа, отъ 8 сентября 1791 года. На муниципальных выборахъ въ Барбатанѣ формируются двѣ партіи; одною предводительствуетъ абатъ Шабо, братъ одного изъ авиньонскихъ разбойниковъ; партія эта состоитъ изъ трехъ или четырехъ буржуа и изъ «всѣхъ мѣстныхъ бѣдняковъ»; другая же имѣетъ втрое болѣе членовъ и состоитъ изъ «всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, мызниковъ и ремесленниковъ, и всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ общественнаго благоустройства». Дѣло въ томъ, назначать ли меромъ абата Шабо. Выборы проходятъ 5 декабря 1791 года. Протоколъ дѣйствующаго мэра: «Мы, Пьеръ Фонтанъ, мэръ, обратились съ рѣчью къ бунтовщикамъ, призывая ихъ къ спокойствію. Въ ту самую минуту, нѣкій по имени Клодъ Гонтъ, по прозвищу Баокъ, нанесъ намъ кулакомъ ударъ въ лѣвый глазъ, при этомъ въ такой степени повредивъ намъ его, что мы имъ больше почти не видимъ, а затѣмъ бросился на насъ вмѣстѣ съ другими, повергъ насъ на землю, тащилъ за волосы, не переставая насъ бить во всю дорогу, отъ самой церковной двери и до дверей городской ратуши».

запечатаны, и большинство голосовъ оказалось на сторонѣ умѣренныхъ. Тогда клубъ якобинцевъ и такъ называемое общество тяжелыхъ дубинъ, само именующее себя исполнительною властью, силою врываются въ собраніе, сжигаютъ одну изъ избирательныхъ урнъ съ билетами, стрѣляютъ и убиваютъ двоихъ. Для водворенія спокойствія муниципалитетъ распоряжается отсылкою каждой роты національныхъ гвардейцевъ къ дверямъ дома ея же капитана, чему умѣренные покоряются, а буйные противятся. Двѣ тысячи изъ нихъ бродятъ по городу, врываются въ дома, убиваютъ троихъ людей на улицѣ и въ домѣ, и принуждаютъ власти отложить избирательныя собранія. Сверхъ того они требуютъ обезоруженія «аристократовъ», и въ видахъ того, что просьба ихъ не исполняется немедленно, убиваютъ одного ремесленника, гуляющаго съ матерью, отрубаятъ ему голову, несутъ ее съ торжествомъ и вѣшаютъ передъ его домомъ. Тогда власти даютъ приказъ объ обезоруженіи, и побѣдители гордыми толпами расхаживаютъ по улицамъ; вслѣдствіе ли радости или изъ предосторожности, они мимоходомъ стрѣляютъ въ окна домовъ людей подозрительныхъ, и на удачу убиваютъ еще мужчину и женщину. Втеченіи трехъ, слѣдующихъ затѣмъ дней выселяется шестьсотъ семействъ, а администраторы пишутъ, что все обстоитъ благополучно, что согласіе восстановлено. «Въ настоящее время—говорятъ они,—выборы совершаются при соблюденіи полнѣйшаго спокойствія, такъ какъ злонамѣренные люди добровольно отъ нихъ уклонились, повинувъ городъ»¹⁾. Силою разогнали всѣхъ отъ избирательной урны и называютъ это единодушнѣмъ голосовъ.

Подобныя экзекуціи производятъ сильное впечатлѣніе, и нѣтъ надобности прибѣгать къ нимъ часто; достаточно нѣсколькихъ, если онѣ успѣшны и остаются безнаказанными, что впрочемъ въ данномъ случаѣ неизбѣжно. Съ этой поры якобинцамъ достаточно лишь дѣйствовать угрозами; имъ не сопротивляются больше, зная, во что обходится явное сопротивленіе; кому охота идти въ избирательныя собранія, чтобы встрѣ-

¹⁾ «Национальный архивъ», F. 3223. Письма главнаго прокурора департамента министру, отъ 14 и 15 ноября и отъ 26 декабря 1791 года (съ протоколами).—«Къ числу убитыхъ 14 и 15 ноября принадлежатъ: одинъ ювелиръ, одинъ прокуроръ, плотникъ и красильщикъ. Это горестное зрѣлище—пишетъ главный прокуроръ,—возстановило спокойствіе въ городѣ». Тамъ же, извлеченіе изъ писемъ о событіяхъ 9 и 12 октября 1791 года.

тять тамъ одни угрозы и опасности; всё лучше напередъ признають себя побѣжденными. Да и помимо ударовъ, развѣ они не обладаютъ непреодолимыми аргументами? Въ Парижѣ Марать, въ трехъ послѣдовательныхъ нумерахъ своей газеты, выдаетъ имена «злѣдѣевъ и мошенниковъ», разными происками добивающихся быть избирателями, и онъ называетъ не дворянъ или священниковъ, но простыхъ буржуа, адвокатовъ, архитекторовъ, докторовъ, бриліанщиковъ, бумажныхъ торговцевъ, типографщиковъ, обойщиковъ и всевозможныхъ ремесленниковъ, причѣмъ каждый вписанъ въ его журналъ съ обозначеніемъ имени, професіи, адреса и съ однимъ изъ слѣдующихъ наименованій: «тартюфъ, человѣкъ безъ правилъ и чести, банкротъ, шпионъ, ростовщикъ, плутъ и мерзавецъ», не считая массы другихъ, которыхъ нѣтъ возможности повторить. Забудьте, что отъ этихъ обвиненій недалеко и до осужденія на смерть, что подобные листы неустанно печатаются мѣстнымъ клубомъ и рассылаются по всѣмъ городамъ и селеніямъ Франціи, и судите тогда о томъ, насколько окажется равна борьба между имъ и его противниками. Что же касается сельскихъ избирателей, то онъ прибѣгаетъ относительно ихъ къ убѣдительнымъ средствамъ, крайне дѣйствительнымъ, въ особенности же въ безчисленныхъ кантонахъ, разоренныхъ или угрожаемыхъ жакеріей, какъ, на примѣръ, въ Коррезѣ, гдѣ «возмущенія и опустошенія распространились на весь департаментъ, и гдѣ только и говорятъ о томъ, какъ бы перевѣшать всѣхъ эзекуторовъ, осмѣливающихся составить какой либо актъ». Во все продолженіе выборовъ клубъ не прекращалъ своихъ засѣданій и постоянно призывалъ на нихъ своихъ избирателей; каждый разъ тамъ трактовалось лишь объ уничтоженіи арендной платы и о свободномъ пользованіи трудомъ и великіе ораторы резюмировали всѣ свои рѣчи тѣмъ, что платить не слѣдуетъ. «Большинство избирателей, составленное изъ сельскихъ жителей, отнеслось крайне сочувственно къ подобному краснорѣчію; всѣ кандидаты несомнѣнно должны были поддерживать это предложеніе, и изъ нихъ-то и были избраны депутаты и общественный обвинитель; другими словами, якобинцы, для того, чтобы ихъ избрали, обѣщали жаднымъ арендаторамъ и землю, и доходы помѣщиковъ». Въ уловкахъ, которыя они пускали въ ходъ въ 1791 году для добытія третьей части всѣхъ мѣстъ, виднѣнь уже зародышъ тѣхъ уловокъ, къ которымъ они станутъ прибѣгать, чтобы оставить за собою рѣшительно всѣ мѣста въ 1792 году, и достаточно этой первой

избирательной компании, чтобы разоблачить не только их правила и их политику, но и общественное положение, воспитание, умъ и характеръ людей, которымъ они вручали центральную или мѣстную власть.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Если справедливо, что представители какой либо націи всегда ея лучшіе и избраннѣйшіе люди, то слѣдуетъ замѣтить о представителяхъ Франціи во время революціи, что это были люди крайне странные и неподходящіе. Съ каждымъ новымъ собраніемъ политической уровень понижался все болѣе и болѣе; паденіе же его въ особенности замѣтно и быстро въ промежутокъ между конституціоннымъ и законодательнымъ собраніями. Настоящіе актеры удалились съ той самой минуты, какъ они начали понимать свою роль; лучше того, они сами добровольно изгнали себя изъ театра и предоставили сцену подставнымъ актерамъ. «Предъидущее собраніе—пишетъ шведскій посланникъ баронъ де-Сталь, —заключало въ своей средѣ исключительные таланты, огромное состояніе, громкія имена; все это вмѣстѣ имѣло вліяніе на народъ, хотя онъ врагъ всякаго личнаго изящества и отличія. Настоящее же собраніе почти не больше, какъ совѣтъ адвокатовъ всѣхъ французскихъ городовъ и селеній». И дѣйствительно, на 745 депутатовъ насчитывается «400 адвокатовъ, подобранныхъ болѣею частію въ послѣднихъ рядахъ приказнаго сословія», около двадцати конституціонныхъ священниковъ, столько же очень малоизвѣстныхъ поэтовъ и литераторовъ, «по болѣею части все людъ неимущій», не дошедшій до тридцатилѣтняго возраста, шестьдесятъ же изъ нихъ не имѣютъ и двадцати шести лѣтъ ¹⁾ и «почти всѣ они выпущены клубами и народными со-

¹⁾ Воспоминанія, рукопись М. Х....—Дюмурье, «Мемуары», III, глава V: «Общество якобинцевъ, распространяя повсемѣстно свои многочисленныя развѣтвленія, употребляло провинціальныя клубы для того, чтобы захватить въ свои руки выборы. Назначали всѣхъ задорныхъ людей, всѣхъ писакъ, подстрекателей митинговъ, всѣхъ агитаторовъ... Избиралось очень мало разумныхъ и просвѣщенныхъ, а дворянъ еще того менѣе».—«Мониторъ», XII, 199, засѣданіе 23 апрѣля 1792 года. Рѣчь Аюванта-Пюйраво: «Не слѣдуетъ этого скрывать, а наоборотъ, говорить объ этомъ съ гордостью: настоящее законодательное собраніе состоитъ изъ людей небогатыхъ».

браціями». Тамъ не было ни единого прелата стараго режима, ни единого значительнаго землевладѣльца ¹⁾, ни единого изъ крупныхъ представителей власти, ни единого извѣстнаго и способнаго дипломата, финансиста, администратора, или военнаго. Тамъ насчитывается только три генерала, да и тѣ едва лишь произведенные ²⁾. Представителемъ дипломатическаго комитета у нихъ Бриссо, странствующій литераторъ, исколесившій Англію и Соединенные Штаты и, повидимому, нѣсколько изучившій дѣла обоихъ полушарій; и дѣйствительно, это былъ одинъ изъ тѣхъ дерзкихъ и самоувѣренныхъ болтуновъ, которые, сидя на своемъ жалкомъ чердакѣ, управляютъ кабинетами и пересоздаютъ Европу; имъ кажется, что дѣла такъ же легко обдѣлываются, какъ составляются ихъ фразы. Однажды ³⁾, чтобы вовлечь англичанъ во французскій союзъ, Бриссо предлагалъ уступить имъ два охранныхъ пункта, Дюнкеркъ и Калѣ; въ другой разъ онъ совѣтовалъ «предпринять походъ на Испанію» и въ то же время послать флотъ для завоеванія Мексики.

Первенствующимъ лицомъ въ комитетѣ финансовъ—Камбонъ, негоціантъ изъ Монпелье, который въ послѣдствіи на-

¹⁾ Матье Дюма, «Мемуары», I, 521: «Въ избирательныхъ собраніяхъ царію страшное волненіе; аристократы, крупные землевладѣльцы совсѣмъ туда не показывались». Корреспонденція Мирабо и графа де-ля-Маркѣ, III, 246, 10 октября 1791 года: «У девятнадцати двадцатыхъ членовъ этой законодательной сесіи калоши и дождевые зонтики замѣняютъ всякій экипажъ. По вычисленію оказалось, что у всѣхъ этихъ новыхъ депутатовъ, вятыхъ вмѣстѣ, не наберется и 300,000 ливровъ годоваго дохода... Большинство личностей, входящихъ въ составъ этого собранія, не получило никакого образованія».

²⁾ Всѣ три генералъ-маіоры или бригадные, а именно: Дюпюи-Монбренъ (умершій въ мартѣ 1792 года), Декро-д'Эстре, безхарактерный и слабый старикъ, поступившій въ законодательное собраніе лишь по желанію своихъ дѣтей, и, наконецъ, Матье Дюма, человѣкъ умѣренный и довольно значительный.

³⁾ Корреспонденція барона де-Сталь, отъ 19 января 1792 года.—II, 162, 4 февраля: «Де-Вервиль предложилъ въ дипломатическомъ комитетѣ уступку Дюнкерка и Калѣ Англіи, какъ залогъ вѣрности Франціи обязательствомъ, какія она на себя возложить. По этому образчику вы можете судить о разумѣ и о добродѣтели партіи, къ которой онъ принадлежитъ». Буше и Ру, XXX, 89. «Защита Бриссо». Подобно всѣмъ легкомысленнымъ и шумнымъ честолюбцамъ, Бриссо началъ съ скандальныхъ и громогласныхъ парадоксовъ. Въ 1780 году онъ писалъ въ своихъ философическихъ изысканіяхъ о правѣ собственности: «Если сорока праведниковъ довольно, дабы сохранить наше существованіе, то обладать 200,000 эку—явное воровство, вопіющая несправедливость... Исключительная собственность есть преступленіе противъ самой природы... Наши законы караютъ воровство, которое въ сущности добродѣтельный поступокъ, повѣщаемый самою же природою».

столько упростить письменные отчеты, что сведеть их всё на одну общую большую книгу государственного долга, т. е. всеобщаго банкротства; а пока онъ дѣлаетъ все возможное, чтобы вовлечь въ него Францію, наталкивая собраніе на предпріятіе ужасной и разорительной войны, продлившейся двадцать три года, увѣряя, что «денегъ имѣется въ избытѣ». Въ дѣйствительности же, запасъ асигнацій давно истроченъ, нѣтъ возможности собрать податей, только и держатся выпускаемыми вновь бумагами, асигнаціи падаютъ на 40 процентовъ и государственный дефицитъ на 1792 годъ равняется 400.000,000; но финансистъ-революціонеръ рассчитываетъ на конфискаціи, которыя онъ возбудитъ во Франціи и которыя съумѣетъ ввести и въ Бельгію; вотъ и вся его изобрѣтательная уловка—систематическое воровство, совершаемое въ огромныхъ размѣрахъ и въ государствѣ, и за его предѣлами ¹⁾. Какъ законодателя и составителя конституцій слѣдуетъ назвать Кондорсэ, расчетливаго фанатика, преобразователя въ силу системы, убѣжденнаго въ томъ, что спеціальныя науки подходятъ подъ математическій методъ, всормленного отвлеченностями, ослѣпленнаго формулами, самый химерическій изъ всѣхъ фальшиво направленныхъ умовъ. Никогда не встрѣчалось человѣка болѣе начитаннаго и менѣе знающаго людей; никогда еще приверженецъ научной точности и непреложности не съумѣлъ такъ сильно извратить самый характеръ фактовъ. Въ минуту самаго звѣр-

¹⁾ Тамъ же, засѣданіе 3 апрѣля. Рѣчь Кальассона: «Оцѣнили всѣ проданныя и подлежащія продажѣ національныя имѣнія и имущество въ 2.195.000,000, а выпущенныя асигнаціи доходятъ уже до 2.100.000,000.—«Мемуары», Дюмурье, III, 296, 339, 340, 344 и 346: «Камбонъ—это бѣшеный безумецъ, невоспитанный и безъ всякихъ признаковъ человѣчности и честности (общественныхъ); къ тому же онъ безтолковъ, невѣжественъ и крайне легкомысленъ. Онъ говорилъ мнѣ, что ему остается лишь одно средство, а именно: захватить всю звонкую монету, имѣющуюся въ Бельгіи, всю серебряную утварь церквей, содержимое всѣхъ общественныхъ и частныхъ кассъ; что разъ, какъ удастся разорить бельгійцевъ и довести ихъ до того бѣдственнаго положенія, въ какомъ находятся французы, то нѣтъ сомнѣнія, что тѣ поневолѣ примкнутъ къ нимъ и раздѣлятъ съ ними ту же судьбу; что тогда ихъ допустятъ въ члены республики, съ надеждою впереди на лучшее и большее, черезъ посредство тѣхъ же политическихъ приемовъ; что депретъ, отъ 15 декабря 1792 года, какъ нельзя болѣе способствовалъ этой дѣлѣ, такъ какъ онъ стремился къ всеобщему разстройству, и что ничего не могло быть такъ полезно Франціи, какъ полнѣйшая дезорганизація всѣхъ ея сосѣдей и доведеніе ихъ до той же степени анархіи». (Этотъ разговоръ Камбона съ Дюмурье происходилъ въ серединѣ января 1792 года).—«Мониторъ», XIV, 758, засѣданіе 15 декабря 1792 года. Отчетъ Камбона.

скаго, грубаго броженія, за два дня до 20 іюля, онъ восхищался «спокойствіемъ» и разумностью толпы: «По тому благоразумію, съ которымъ народъ отдастъ себѣ отчетъ въ событіяхъ, можно было бы заключить, что онъ посвящаетъ каждый день нѣсколько часовъ анализу». Онъ же, черезъ два дня послѣ 20 іюля, восхваляетъ красный колпакъ, которымъ украсили Людовика XVI: «корона эта стоитъ всякой другой и самъ Маркъ-Аврелій не пренебрегъ бы ею»¹⁾.

Вотъ каковы были пониманіе дѣла и практической смыслъ вожаковъ; по нимъ можно судить и о всемъ стадѣ; оно состояло изъ новичковъ, являвшихся изъ провинціи съ цѣлымъ запасомъ газетныхъ принциповъ и предрасудковъ. Находясь въ такомъ отдаленіи отъ центра, не имѣя возможности наблюдать за общимъ ходомъ дѣла и за ихъ совокупностью, они, на цѣлыхъ два года, отстали отъ членовъ учредительнаго собранія. «Большинство изъ нихъ, говоритъ Малуэ²⁾, — не возставало собственно противъ монархизма, но противъ двора, противъ аристократовъ, противъ духовенства; оно только и мечтало что о заговорахъ и думало найти защиту лишь въ нападеніи. Между ними были люди талантливые, но лишенные всякой опытности, даже и той, каковую успѣли приобрѣсти мы. Наши патриоты-депутаты по большей части сознавали свои ошибки; эти же ни мало, и даже стремились повторить ихъ». Впрочемъ, политическія воззрѣнія ихъ уже заблаговременно сложились и умъ ихъ не укладывался въ рамки новаго режима. Въ числѣ ихъ насчитывали 264 завѣдывавшихъ департаментами, 109 завѣдывавшихъ округами, 125 мировыхъ судей и общественныхъ обвинителей, 68 мэровъ и муниципальных чиновниковъ, кромѣ человекъ двадцати офицеровъ національной гвардіи; епископовъ и священ-

¹⁾ Хроника Париза, № отъ 4 сентября 1792 года: «Ужасно и прискорбно, положеніе, когда народъ, по природѣ добрый и великодушный, принужденъ мстать такимъ образомъ!»—См. отчетливый и характеристичный этюдъ Сентъ-Бѣва по поводу Кондорсе (Causeries du Lundi), III, 245. — Гюв (сослуживецъ Кондорсе въ законодательномъ собраніи), «Мемуары», 89: «Кондорсе въ своемъ журналѣ глгалъ періодично и съ нахальствомъ, какаго никто не превзошелъ. Мнѣнія правой стороны были имъ до такой степени извращены и искажены, что тѣ изъ насъ, которые ихъ высказывали, не узнавали ихъ на другой день въ его журналѣ. Его въ этомъ укоряли, обвиняли въ вѣроломствѣ, но философъ этотъ презрительно улыбался въ отвѣтъ».

²⁾ Малуэ, II, 115.—Дюмурье, III, глава V: «Они были выбраны въ качества представителей нации, чтобы, какъ выражались, защитить ея интересы противъ вѣроломнаго двора».

никовъ, приверженцевъ конституціи, всего 566 изъ числа избранныхъ должностныхъ лицъ, которые уже около двадцати мѣсяцевъ дѣйствовали согласно желанію своихъ избирателей. Относительно ихъ образа дѣйствія, мы уже неоднократно видѣли, какихъ они придерживались способовъ, какихъ условій, на какія они пускались уступки и сообщничества, какъ они трепетали передъ мнѣніемъ шумной толпы, какъ покорялись каждому бунту и преломлялись передъ требованіями черни, и съ какою все это обильною приправою сантиментальныхъ фразъ и отвлеченныхъ общихъ мѣстъ. Посланные въ Парижъ, въ качествѣ депутатовъ, своими мѣстными клубами, они являлись съ предвзятыми политическими воззрѣніями и съ своею собственною риторикою; это цѣлое сборище умовъ ограниченныхъ, исковерканныхъ, непоследовательныхъ, напыщенныхъ и слабыхъ; во время каждаго засѣданія сотни говорильныхъ мельницъ вертѣлись по-пусту и немедленно первое изъ государственныхъ учрежденій превратилось въ источникъ глупостей, въ шквалу сумасбродства, въ арену пустозвонныхъ декламацій.

II.

Неужели же серьезные люди способны были до конца выслушивать подобный нелѣпный вздоръ? «Я пахарь, говоритъ одинъ изъ депутатовъ¹⁾; — я осмѣливаюсь нынѣ превозносить древнее величіе моей сохи. Нѣсколько воловъ изображало тѣхъ чистыхъ и неподкупныхъ деревенскихъ нотаріусовъ, у которыхъ мои добрые предки засвидѣтельствовали о немъ, и его достоинство тверже запечатлѣлась на самой землѣ, чѣмъ на хрупкомъ пергаментѣ, и будетъ лежать оно тамъ неизгладимо, и не

¹⁾ «Мониторъ», X, 223, засѣданіе 26 октября 1791 года. Речь Франсуа Дювала: Съ самыхъ первыхъ засѣданій напыщенность стала общепринятымъ явленіемъ. 1 октября 1791 года двѣнадцать старцевъ собранія отправляются торжественною процессіею за конституціоннымъ актомъ. Камюсъ, архиваріусъ собранія, шествуетъ медленными шагами, съ сосредоточеннымъ видомъ, съ опущенными долу взорами, поддерживая обѣими руками священную книгу, лежащую у него на груди, и всѣ депутаты стоятъ съ непокрытыми головами. «Народъ Франціи, говоритъ одинъ изъ ораторовъ,—граждане Парижа, великодушные французы и вы, добродѣтельныя и мудрыя гражданка, вы, которые вносите въ святилище законовъ ваше смягчающее вліяніе, вотъ залогъ мира, который даетъ вамъ законодательство». — Точно присутствуешь на явленіи какой-либо оперы.

воснутся его никакіе перевороты, никакія революціи». Можно ли допустить, чтобы докладчикъ новаго закона, подвергающаго изгнанію или тюремному заключенію 40,000 священниковъ, выгружалъ въ видѣ аргумента слѣдующее высокопарное пусто-мелье? ¹⁾—«Я видѣлъ какъ на поляхъ и въ долинахъ мерцали огни Гименея, или же превращались въ грозные факелы фурій; я видѣлъ какъ страшный, отвратительный скелетъ предразсудка садился на самое ложе новобрачныхъ; я видѣлъ, какъ онъ становился между природою и ими, какъ онъ удерживалъ неудержимѣйшее изъ всѣхъ стремленій. О, Римъ, доволенъ ли ты? Развѣ ты подобенъ Сатурну, и тебѣ каждый день нужны новыя всесожженія?.. Прочь виновники раздора, почва свободы устала носить васъ. Идите вдыхать воздухъ горы Авентинской. Корабль отечества уже оснащенъ; я слышу на берегу нетерпѣливые крики матросовъ, вѣтеръ свободы раздуетъ паруса; вы, подобно Телемаку, станете на моряхъ отыскивать отца вашего, но вамъ нечего бояться сицилійскихъ скалъ или прелестей Эхариды!» Жалкое кривлянье, прозопопея ритора, проклатіе иступленнаго—таковъ господствующій здѣсь тонъ. Въ самыхъ лучшихъ рвчачъ проявляется тотъ же недостатокъ, разгоряченіе мозга, манія громкихъ словъ, привычка становиться на ходули, неспособность видѣть вещи, какъ онѣ есть, и выставлать ихъ таковыми. Даже люди талантливые, подобные Изнару, Гаде, не исключая и самого Вернію, увлекаются пустозвонной и трескучей фразой, подобно ненагруженной баркѣ, увлекаемой слишкомъ большимъ парусомъ. Они воспаляются своими школьными мечтами и облакаютъ современный міръ въ воспоминаніе древняго Рима. Франсуа де-Нантъ негодуетъ на папу за то, «что тотъ держитъ въ рабствѣ потомство Катонъ и Сцеволя». Изнаръ предлагаетъ слѣдовать примѣру римскаго сената, принимавшаго внѣшнія войны, чтобы избѣжать внутреннихъ, и

¹⁾ «Мониторъ», XII, 230, засѣданіе отъ 26 апрѣля и 5 мая. Докладъ и рвчъ Франсуа де-Нантъ. Не изъшало бы привести ее цѣликомъ, такъ какъ она комична до совершенства. «Снажи мнѣ, римскій первосвященникъ, какія чувства будутъ волновать тебя, когда ты станешь принимать твоихъ достойныхъ и вѣрныхъ судъителей?.. Я вижу, какъ твои священныя руки вооружаются первосвященническими громами, которые и т. д... Пусть принесутъ сюда жаровню Сцеволя и, опустивъ руки въ жаркое пламя, мы докажемъ, что нѣтъ ни пытокъ, ни мученій, которыя могли бы заставить дрогнуть того, кого любовь къ отчизнѣ вывѣшиваетъ надъ человечествомъ!» — А если-бы, въ ту самую минуту, ему приставили къ рукамъ зажженую свѣчку?

дѣйствительно, сходство между древнимъ Римомъ и Франціею 1792 года — поразительно. Ру хлопочеть о томъ, чтобы императоръ удовлетворилъ ихъ требованію до 1 марта: «Въ подобномъ случаѣ римляне предложили бы отсрочку; отчего же французамъ не сдѣлать того же?..» «Слѣдуетъ послѣдовать примѣру Попилія относительно всѣхъ мелкихъ германскихъ владѣтельныхъ принцевъ, если они пребываютъ въ нерѣшительности». Когда не оазывается денегъ на устройство вооруженнаго лагеря вокругъ Парижа и большихъ городовъ, Ласурсъ предлагаетъ продать общественные лѣса и удивляется, что встрѣчаетъ возраженія. «Воины Кесаря, — говоритъ онъ, — считая священнымъ одинъ старый гальскій лѣсъ, не рѣшались рубить его; неужели же и мы изъ пустаго предразсудка поддадимся чувству воображаемаго уваженія!» Прибавьте къ этой школьной начитанности всѣ философскія подонки, сваленныя въ умы великимъ софистомъ, бывшимъ тогда въ модѣ. Лявивьеръ читаетъ съ трибуны страницу «Общественнаго договора», въ которой Руссо говоритъ, что монархъ имѣетъ право изгнать членовъ «необщительной религіи» и наказывать смертью тѣхъ, «кто, послѣ публичнаго исповѣданія догматовъ гражданской религіи, будетъ держать себя такъ, словно онъ въ нихъ не вѣритъ». Послѣ чего другой попутай, нѣкто Филассье, восклицаетъ: «Я предлагаю подвергнуть обсужденію и голосованію заявленіе Ж. Ж. Руссо». Такимъ же образомъ предлагаютъ дозволить дѣвушкамъ вступать въ бракъ въ самой ранней молодости и противъ воли родителей, замѣчая при этомъ съ авторомъ «Новой Элоизы», «что молодая дѣвушка тринадцати или четырнадцати лѣтъ начинаетъ уже стремиться къ союзу естественному, что страсть ея борется съ долгомъ, что если она и восторжествуетъ, то становится мученицею, что рѣдко можно совладать съ природою, и что нерѣдко молодая дѣвушка предпочтетъ спокойнѣе стыдъ пораженія утомительной восьмилѣтней борьбѣ». Постановляютъ разводъ, «въ виду того, чтобы предохранить въ замужествѣ то счастливое спокойствіе, которое пробуждаетъ къ болѣе глубокимъ чувствамъ. Пусть бракъ будетъ отнынѣ не тяжелыми оковами, но исполненіемъ пріятнаго долга, возложеннаго отчизною на каждого ея гражданина... Разводъ — это богъ-покровитель замужества». Миеологическіе дымки и неблагопристойности, прикрытыя нѣкоторымъ классическимъ педантизмомъ, несложныя и краткія понятія средняго образованія, никакого солиднаго и точнаго знанія, пустыя и трескучія банальности болтуна, выгружающаго длинными тирадами пословицы и прибаутки своего революціоннаго

учебника, словомъ поверхностная культура и безсодержательное словопреніе—вотъ на чемъ были основаны всѣ способности мышленія новыхъ законодателей.

III.

Изъ вышеприведеннаго можно заключить о томъ, каковы были ихъ засѣданія. «Онѣ отличаются тѣми же характеристичными чертами, хотя и въ болѣе грубой формѣ, какъ и засѣданія учредительнаго собранія». Аргументація на нихъ слабѣе, за то ругательства обильнѣе, догматизмъ неводержимѣе. Натянутасть перешла тамъ въ дерзость, предразсудокъ—въ фанатизмъ, близорукость—въ ослѣпленіе. Беспорядокъ доходитъ тамъ до сумятицы, а шумъ до гвалта. «Представьте себѣ—разсказываетъ одинъ очевидецъ и завсегдадай—школьный залъ, гдѣ цѣлыя сотни учениковъ постоянно ссорятся и едва не хватаютъ другъ другъ за волосы. Ихъ болѣе чѣмъ неопрятная одежда, ихъ необузданныя движенія, ихъ быстрые, неудержимые переходы отъ одобренія къ шиканію... все это ни съ чѣмъ несравнимое и неописанное зрѣлище». Тамъ есть все, необходимое для самаго низшаго сорта клуба; тамъ заранѣе практикуется образъ дѣйствія будущей революціонной инквизиціи; тамъ выслушиваютъ самыя грубокомичныя обвиненія; тамъ производится мелкій полицейскій допросъ; тамъ не пренебрегаютъ сплетнями привратниковъ и служанокъ; тамъ посвящаютъ цѣлое ночное засѣданіе на то, чтобы выслушивать признаніе пьяницы ¹⁾. Вносятъ въ протоколъ, и безъ малѣйшаго неодобренія, просьбу Гюре, жителя Понсюріона, предлагающаго въ письмѣ за своею подписью сумму въ 100 фран-

¹⁾ «Мониторъ», XII, 574, засѣданіе 4 іюня. Показаніе Шабосъ: «Одинъ молочный торговецъ изъ Мортана разсказываетъ о томъ, что какой-то лакей, пришедшій изъ Коблена, сообщилъ ему, что какая-то, заранѣе условившаяся шайка хочетъ похитить или отравить короля, съ тѣмъ, чтобы вся отвѣтственность этого ужаснаго поступка пала бы на національное собраніе». Бернассе изъ Пуатье, пишетъ: «Одинъ честный гражданинъ сказалъ мнѣ вчера вечеромъ: «Я былъ въ гостяхъ у одной дѣвушки, находящейся въ услуженіи у аристократа; она меня увѣрила, что хозяинъ ея въ ту же ночь отправился въ Парижъ, съ цѣлью присоединиться къ 30,000 заговорщиковъ, собиравшимся втеченіи мѣсяца перерѣзать все національное собраніе и поджечь Парижъ со всѣхъ четырехъ концовъ». Гераръ, свидѣщикъ изъ Амьена, пишетъ намъ о предполагаемомъ бѣгствѣ Людовика XVI при помощи 5,000 перемѣнныхъ лошадей; затѣмъ собираются бомбардировать собраніе раскаленными ядрами.

ковъ и свою руку для убіенія тирана. «Поддерживаютъ одобреніями и немолбаемыми аплодисментами, даже поздравленіями самаго предсѣдателя, какой-либо скандалъ или какую-либо глупую выходку частныхъ лицъ, прибѣгающихъ съ нею подъ покровъ общественной власти». Благодарятъ и принимаютъ на свои скамьи Анахарсиса Клооца, «безумнаго Маскаріля», предлагающаго всеобщую войну и всюду разносящаго карты Европы, раздѣленной на департаменты, начиная съ Савои, съ Бельгіи и Голландіи, и все далѣе и далѣе до самаго Ледовитаго моря¹⁾.

Поздравляютъ и усаживаютъ на скамью собранія викарнаго священника изъ Сэнъ-Маргариты, рекомендующаго свое новое семейство и громящаго противъ безбрачія духовенства²⁾. Позволяютъ толпамъ мужчинъ и женщинъ проходить черезъ залъ съ громкими политическими возгласами. Допускаютъ у перилъ самыя неприличныя, пустыя или возмутительныя сцены³⁾. То, напри- мѣръ, являются «парижскія гражданки», съ требованіемъ допу-

¹⁾ «Мониторъ», XII, 192, засѣданіе 21 апрѣля 1792 г., XII, 447. Адресъ Клооца къ французамъ: «Богъ распуталъ первобытный хаосъ; французы же распутаютъ хаосъ феодализма. Богъ могущъ и захотѣлъ; мы могущи и мы хотимъ. Чѣмъ обширнѣе будетъ театръ войны, тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе окончатся процессъ плебеевъ съ знатью... Намъ нужны враги! Савойя, Тоскана—и скорѣе, скорѣе!»

²⁾ «Мониторъ», XI, 192, засѣданіе 22 января 1792 г. «Бюрне, капитанъ національной гвардіи, подходитъ къ периламъ съ англичанкою, по имени Ляда Киркамъ, и съ тремя малолѣтними дѣтьми, изъ коихъ младшій у нея на рукахъ. Бюрне объявляетъ, что это его жена и что ребенокъ, котораго она держитъ на рукахъ, плодъ ихъ любви. Упомянувъ о сильномъ влеченіи природы, которому онъ не могъ противостоять, проситель продолжаетъ такимъ образомъ: «Я встрѣтилъ однажды одного изъ этихъ духовныхъ эваменаторовъ.—Несчастный, воскликнулъ онъ,—что сдѣлали вы? Я сдѣлалъ ребенка и я женился на его матери, которая будучи протестанткою не допускаетъ подобнаго запрещенія. Оставьте мнѣ жену, или приговорите меня къ смерти! Вотъ крикъ, внушенный мнѣ самою природою, вотъ требованіе, отъ котораго я никогда не отступлюсь». Просителя дѣлаютъ настоящую овацію. (Ib., XII, 369).

³⁾ Иногда смѣшное доходитъ до фарса. Пиорі присягнулъ отъ имени бѣдныхъ, но честныхъ гражданъ двѣ пары пряжекъ, съ слѣдующимъ девизомъ: «Они служили доселѣ для того, чтобы стягивать ремни (contenir les tirants) башмаковъ, надѣтыхъ на мои ноги; пусть же они послужатъ отнынѣ для поверженія подъ ноги мои всѣхъ тирановъ (tous les tyrans), замышляющихъ противъ конституціи». («Мониторъ», XII, 457, засѣданіе 21 мая). Ib., XIII, 249, засѣданіе 25 іюля: «Одна молодая гражданка предлагаетъ лично сражаться противъ враговъ отчизны», на что предсѣдатель отвѣчаетъ ей весьма любезно слѣдующее: «Вы созданы для того, чтобы смягчать тирановъ, а не бороться противъ нихъ; вы обладаете», и т. д.

стить ихъ къ военнымъ упражненіямъ и съ просьбою выбрать ихъ въ начальники «бывшихъ французскихъ гвардейцевъ»; затѣмъ приходятъ дѣти, «съ трогательною наивностью» выражающія свой патріотизмъ и сожалѣющія, что слабыя ноги ихъ не позволяютъ имъ идти или, скорѣе, летѣть противъ тирановъ; а тамъ врываются каторжники изъ Шатовье, въ сопровожденіи ревущей толпы, или же парижскіе артиллеристы, числомъ въ тысячу человекъ съ барабаннымъ боемъ; кромѣ того не перестаютъ являться различные делегаты отъ провинцій, отъ предмѣстій, отъ клубовъ, съ своею неистовою декламаціею, съ своими повелительными требованіями, рѣзкими укорами и угрозами. Помимо этихъ бурныхъ и шумныхъ сценъ, на трибунахъ не умолкаетъ обычный говоръ; къ тому же не проходитъ засѣданія безъ того, чтобы депутаты не получали выговоровъ отъ зрителей; «представители націи, занимающіе галереи, шумно и безцеремонно судятъ представителей націи, занимающихъ низъ зала», вмѣшиваются въ совѣщанія, заставляютъ смолчать ораторовъ, ругаются надъ предсѣдателемъ, приказываютъ докладчику покинуть трибуну. Они прерываютъ не однажды и не сдержаннымъ ропотомъ, но до двадцати, тридцати и даже до пятидесяти разъ въ часъ, и все это сопровождается гамомъ, гвалтомъ, стукотнею, ревомъ и ругательствами. Послѣ сотни, другой, бесполезныхъ увѣщаній, послѣ безчисленныхъ призывовъ къ порядку, «на которые отвѣчаютъ лишь шиканьемъ», послѣ «десятка предписаній, дѣлываемыхъ, передѣлываемыхъ, возобновляемыхъ, выставляемыхъ» какъ бы для того, чтобы этимъ еще лучше доказать все безсиліе закона, властей и самаго собранія, — вмѣшательство толпы все только возрастаетъ. Втеченіи десяти мѣсяцевъ она не переставала кричать: «Долой гражданскій списокъ! Долой приверженцевъ министерствъ! Долой дворовыхъ псовъ! Молчать рабы!» 26 іюля самъ Бриссо покажется имъ недостаточно яркимъ и получить двѣ груши въ фізіономію. «Отъ трехъ до четырехсотъ личностей, не имѣющихъ ни положенія, ни собственности, ни занятія... сдѣлались сподвижниками, челобитчиками, посредниками, распорядителями законодательства», и ихъ подкупленная ярость окончательно убивала тотъ незначительный остатокъ здраваго смысла, который еще кое-какъ уцѣлѣлъ у собранія.

IV.

Въ собраніи, поставленномъ подобнымъ образомъ и обставленномъ такими условіями, нетрудно предугадать на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ. Сотня честныхъ и порядочныхъ людей съумѣла пробраться черезъ хитро сплетенную избирательную сѣть, которою якобинцы опутали все пространство территоріи; сотня людей довольно разумныхъ и нелишенныхъ нѣкоторой энергіи, каковы: Матьё Дюма, Дюмоляръ, Бежэ, Горгеро, Во-бланъ, Бёнію, Жирарденъ, Рамонъ, Жакуръ, съумѣвшіе втереться и составлявшіе правую сторону; они сопротивляются по мѣрѣ возможности, и большинство повидимому на ихъ сторонѣ, такъ какъ изъ 400 депутатовъ, засѣдающихъ въ центрѣ, 164 записаны вмѣстѣ съ ними у фельянтинцевъ, остальные же, именующіе себя независимыми, объявляютъ себя непринадлежащими ни къ какой партіи; впрочемъ всѣ четыреста, вѣрные монархической традиціи, относятся къ королю съ уваженіемъ; ихъ сдержанности и ихъ здравому смыслу противно всякое насиліе; они не довѣряютъ якобинцамъ, они боятся неизвѣданнаго, они желали бы упрочить конституцію и жить спокойно. Однако высокопарные догматы революціоннаго катихизиса имѣютъ для нихъ неотразимую прелесть; они не понимаютъ, что конституція, которую они обожаютъ, производитъ анархію, которую они ненавидятъ; они имѣютъ «глупость жаловаться на послѣдствія причинъ, которыя они клянутся поддерживать»; при «полнѣйшемъ отсутствіи характера, единогласія и смѣлости», они постоянно колеблются между противорѣчащими другъ другу желаніями, и достаточно одного толчка сильной воли, чтобы измѣнить въ совершенно обратную сторону всѣ ихъ слабыя приказанія. Лѣвой сторонѣ нетрудно справиться съ матеріаломъ столь гибкимъ и податливымъ, хотя она въ сущности состоитъ лишь изъ 136 внесенныхъ въ списки якобинцевъ и какой нибудь сотни другихъ, почти во всѣхъ случаяхъ неотстающихъ отъ своей партіи; но непреклонность убѣжденій пополняетъ недостатокъ численности. На первомъ планѣ стоятъ: Гадэ, Бриссо, Жансонне, Вернію, Дюко, Кондорсэ, будущіе вожди Жиронды, все адвокаты или писатели, поклонники дедуктивной политики, съ убѣжденіями самыми рѣшительными и гордящіеся своими воззрѣніями; по ихъ мнѣнію, если принципъ вѣренъ, то слѣдуетъ его прилагать къ

дѣлу цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій¹⁾; кто же останавливается на полдорогѣ, тотъ страдаетъ недостаткомъ сердца или разума. Сами же они съумѣютъ выдержать до конца; они смѣло идутъ впередъ, вывода самыя, по ихъ мнѣнію, непреложныя заключенія, восхищаясь своимъ же умомъ и знаніемъ съ самонадмѣнностью молодости и съ самоувѣренностью теоретиковъ. Господа эти, замѣчаетъ одинъ тонкій наблюдатель, высказывали глубочайшее презрѣніе къ своимъ предшественникамъ, членамъ учредительнаго собранія; они высказывались о нихъ какъ о людяхъ съ узкими воззрѣніями, съ предрасудками, съ неумѣніемъ воспользоваться обстоятельствами. На умныя и безкорыстныя замѣчанія²⁾ они отвѣчали лишь презрительною улыбкой, свидѣтельствовавшей о скудости ихъ ума, что было слѣдствіемъ ихъ до болѣзненности развитаго самолюбія. Тщетно приводили въ примѣръ извѣстныя обстоятельства, съ указаніемъ на ихъ слѣдствія, съ теоріи переходили на практику и съ практики опять на теорію, для того, чтобы доказать имъ тождественность того и другаго; если они и снисходили до какого либо отвѣта, то нерѣдко отрицали самыя достовѣрныя факты и оспаривали самыя очевидныя и неопровержимыя замѣчанія, стараясь опровергнуть ихъ избитыми и общепринятыми разсужденіями, хотя и нелишенными краснорѣчія. Они считали свои воззрѣнія недоступными общему пониманію и поддерживали себя мыслью, что все, что расходилось съ ихъ убѣжденіями, было жалко и ничтожно. Въ своихъ собственныхъ глазахъ они были единственные способные люди и единственные патріоты. Бла-

¹⁾ «Монахъ», XII, 393, засѣданіе 15 мая. Рѣчь Изнара: «Учредительное собраніе, власть котораго была неограничена, почти ничего не посмѣло сдѣлать. Оно оставило на полѣхъ свободы, рядомъ съ корнями молодого дерева новой конституціи, старыя корни деспотизма и аристократіи. Оно приковало насъ къ стволу древа новой конституціи, подобно безсильнымъ жертвамъ, отданнымъ на растерзаніе враговъ». Этьенъ-Дюмонъ хорошо подмѣтилъ недостатокъ воспитанія, присущій всей этой партіи; онъ говоритъ по поводу мадамъ Роланъ: «Въ ней было слишкомъ много недоувѣрія, что доказывало ея незнаніе свѣта. Ея умственному развитію не доставало болѣе опредѣленнаго и полнаго знакомства съ нимъ, не доставало сношеній съ болѣе крупными умами, нежели ея собственный. Умъ Ролана не былъ изъ обширныхъ и всѣ тѣ, которые ихъ посѣщали, не возвышались надъ обыденными предрасудками».

²⁾ Мадамъ де-Сталь, разсужденія по поводу французской революціи, III часть, глава III.—Мадамъ де-Сталь бесѣдовала съ ними, и судить о нихъ со всею тонкостью свѣтской женщины.

годара тому, что они прочли Руссо и Мабли, что они свободно пишут и красиво изъясняют, что они знакомы съ книжными формулами и съумѣютъ отчетливо высказать какое либо отвлеченное разсужденіе, они воображали себя государственными людьми ²⁾).

Потому только, что они прочли Плутарха и Молодаго Анахарсиса, потому что они мнятъ создать общество совершенное, основывая его на своихъ метафизическихъ мудрствованіяхъ, потому что они восторгаются при мысли о предстоящемъ миленіумѣ,—они уже воображали себя великими; и относительно послѣднихъ двухъ предметовъ у нихъ никогда не будетъ и малѣйшаго сомнѣнія, даже и тогда, когда, благодаря ихъ собственной винѣ, все на нихъ обрушится, даже и послѣ того, какъ ихъ уступчивыя руки будутъ освернены прикосновеніемъ грязныхъ рукъ бандитовъ, ими же вызванныхъ, или же прикосновеніемъ окровавленныхъ рукъ палачей, которыхъ они едва ли не были сообщники ¹⁾). На этомъ крайнемъ предѣлѣ самолю-

¹⁾ Луве, «Мемуары» 32: «Я былъ изъ числа тѣхъ смѣлыхъ егософовъ, которые еще до 1791 года оплакивали судьбу великой націи, принужденной остановиться на подорожѣ въ своемъ стремленіи къ свободѣ».—Тамъ же, 38: Нуженъ былъ министръ юстиціи. Четыре министра (Роланъ, Сэрванъ и др.) обратили взоры на меня. Дюрантона предпочли мнѣ. Это была первая ошибка республиканской партіи; она дорого за нее заплатила, она стоила много крови и много слезъ моему отечеству». Немного спустя онъ воображаетъ себя способнымъ занять должность посланника въ Константинополь.

²⁾ Бюзо, «Мемуары», стр. 31, 39. «Какъ могъ я, рожденный съ гордымъ и независимымъ характеромъ, никогда непреклоннымъ ни предъ чьимъ желаніемъ, какъ могъ я терпѣть или даже допустить мысль о неприкосновенности одной личности? У меня голова и сердце были всегда переполнены греческою и римскою исторіею, примѣрами великихъ мужей древнихъ республикъ, болѣе всѣхъ прославившихъ родъ человѣчскій; я съ самаго ранняго возраста привыкъ преклоняться передъ ихъ правилами; я весь отдавался изученію ихъ добродѣтелей... Предполагаемая необходимость монархизма никакъ не укладывалась въ моемъ умѣ съ тѣми величественными и полными благородства картинками, которыя я себя рисовалъ относительно челоѣческаго достоинства. Сознаю, что надежды мои были обмануты, но заблужденіе мое было слишкомъ прекрасно для того, чтобы я въ немъ раскаявался». Самовосхваленіемъ и самообожаніемъ равно пропитаны и мадамъ Роланъ, Роланъ, Петіонъ, Барбару, Луве и т. д. (см. ихъ сочиненія). Малле-Дюпанъ прекрасно выразился, говоря такимъ образомъ: «Читая мемуары мадамъ Роланъ, вы ясно видите въ ней актрису, работающую для сцены». Что же касается Ролана, то это лишь фразеръ и какая-то административная кукула, пружину которой приводитъ въ движеніе его жена; въ сущности же онъ исполненъ какихъ-то карниатурно-химическихъ и плоскихъ воззрѣній. Напримѣръ, въ 1787 году (Гюльонъ-де-Монлеонъ, «Исторія города

біе является худшимъ изъ софистовъ. Проникнутые убѣжденіемъ въ свое глубочайшее знаніе и въ возвышенную чистоту своихъ чувствъ, они выставляютъ, какъ непреложный принципъ, увѣренность, что вся правительственная власть должна сосредоточиваться въ ихъ рукахъ. Вслѣдствіе этого они захватываютъ эту власть въ законодательномъ собраніи, прибѣгая при этомъ къ средствамъ, какими воспользуются противъ нихъ же въ конвентѣ. Они принимаютъ въ качествѣ союзниковъ худшихъ демагоговъ крайней лѣвой стороны, каковы: Шабо, Кутонъ, Мерлинъ, Базиръ, Тюрю, Лекуантръ; внѣ же этой стороны—Дантона, Робеспьера, даже самаго Марата, однимъ словомъ, всѣхъ разрушителей и нивелировщиковъ, которыми они думаютъ воспользоваться, а между тѣмъ орудіями которыхъ становятся сами. Они хотятъ, чтобы предложенія ихъ были приняты во что бы то ни стало, и для принужденія къ тому они натравливаютъ на своихъ соперниковъ грубую и неудержимую чернь, которую завтра другіе, еще сильнѣйшіе бунтовщики станутъ травить на нихъ же самихъ.

V.

И такъ, вотъ уже второй разъ предполагаемые ревнители свободы добиваются власти при помощи насилія. Для начала они препятствуютъ фельянтинцамъ собираться; противъ нихъ возбуждаютъ народныя сборища, вслѣдствіе чего происходятъ безпрестанная сумятица и потасовки. Мэръ Петіонъ, ссылаясь на то, что онъ поставленъ «между общимъ желаніемъ и закономъ», предоставляетъ всѣмъ поступать по усмотрѣнію; наконецъ, фельянтинцы оказываются принужденными очистить свой залъ. Въ собраніи они отданы на произволъ дерзости галерей; тщетно они негодуютъ и протестуютъ. Слова Дюкастеля, напоминающаго о декретѣ учредительнаго собранія, воспрещающемъ какою бы то ни было выраженіе одобренія или порицанія, покрываетъ

Лиона во время революціи», I, 58) онъ предлагалъ ліонской академіи употребить въ дѣло умершихъ, извлекая изъ нихъ масло и фосфорную кислоту. Въ 1788 г. онъ предлагалъ виллаеранкской академіи подвергнуть обсужденію вопросъ о томъ, не согласится ли съ пользою общественною учрежденіе судилищъ для умершихъ, подобно древнимъ египетскимъ. Въ своемъ отчетѣ отъ 5 января 1793 года, онъ предлагаетъ планъ устройства національныхъ праздниковъ, «на подобіе спартанскихъ», и онъ выбираетъ для эпиграфа слѣдующее: Non omnis moriar (Баронъ де Жирардо: Роланъ и мадамъ Роланъ, I, 83, 185).

ропотъ негодованія; онъ настаиваетъ на томъ, чтобы декретъ этотъ читался при открытіи каждаго засѣданія, причемъ ропотъ усиливается. «Не оскорбительно ли, говоритъ Вобланъ, — что позволяютъ себѣ шикать представителямъ націи, говорящимъ съ трибуны, точно какимъ нибудь гаерамъ, декламирующимъ съ театральныхъ подмостковъ?» Троекратное шиканье трибунъ покрываетъ его слова. «Повѣрить ли потомство, говоритъ Катремеръ, — что собранія, въ которыхъ трактуютъ о чести, о жизни, о собственности гражданъ, были подвержены, подобно театральнымъ представленіямъ, аплодисментамъ и шиканью зрителей?» — «Бъ дѣлу!» кричатъ съ трибуны. — «Что даже самое важное судебное рѣшеніе, даже смертный приговоръ можетъ быть подвергнуто скандальной проституціи аплодисментовъ и угрозъ...» Ропотъ возрастаетъ. — «Что всякій разъ, какъ дѣло касается отъѣны какой-либо кровавой или зажигательной мѣры, изступленные и продолжительные крики заглушаютъ голосъ ратующихъ за эту отъѣну». — «Долой оратора! прочь докладчика! долой, долой!» вопятъ съ трибуны. Иногда находится не болѣе двадцати депутатовъ, аплодирующихъ или шикающихъ вмѣстѣ съ галереями, а между тѣмъ все собраніе оказывается поруганнымъ. Предсѣдателю угрожаютъ ударами кулака въ лицо; повидимому остается лишь одно средство, а именно: предоставить занимающимъ трибуны спуститься въ залъ для произношенія рѣшеній, и одинъ изъ членовъ правой стороны проинически заявляетъ подобное предложеніе. Но какъ бы ни было громадно насиліе, пускаемое въ ходъ меньшинствомъ для покоренія большинства, первое этимъ нимало не стѣсняется и якобинцы, сидящіе въ залѣ, усердно поддерживаютъ своихъ же, сидящихъ въ галереяхъ. Не существуетъ права на изгнаніе нарушителей спокойствія. «Это было бы равносильно, говоритъ Гранженвъ, — изъятію изъ нашихъ совѣщаній всего, собственно народнаго элемента». На заявленіе одного депутата о необходимости принятія мѣръ къ усмиренію крикуновъ, Торне отвѣчаетъ предложеніемъ передать это заявленіе на разсмотрѣніе португальской инквизиціи. «Шудье же замѣчаетъ, что подобный запросъ можетъ лишь исходить отъ депутатовъ, забывающихъ о должномъ уваженіи народу, какъ своему верховному судѣ». «Всѣ заявленія, всѣ движенія трибунъ, восклицаетъ Лекуантъ-Пюйраво, — лишь патріотическія стремленія». Наконецъ, этотъ же самый Шудье, съ ничѣмъ несравнимою дерзостью перемѣщая всѣ права, предлагаетъ распространить на всѣхъ присутствующихъ законодательныя привилегіи и требуетъ декрета противъ депутатовъ, виновныхъ въ преступленіи

противъ народнаго величества, если тѣ осмѣлятся жаловаться на своихъ оскорбителей.

Другая притѣснительная машина еще энергичнѣе работаетъ у входовъ въ собраніе. Члены правой стороны, подобно своимъ предшественникамъ въ учредительномъ собраніи, не могутъ выйти безъ того, чтобы не выслушать цѣлый рядъ проклятій и угрозъ со стороны яростной толпы. Крики «на фонарь!» такъ же часто раздавались въ ушахъ Дюмоляра, Воблана, Жокура, Лягертели, какъ и въ ушахъ Казалеса, абата Мори и Монлозье. «Забросавъ сперва угрозами предсѣдателя Матье Дюма, осыпають ругательствами и жену его, которую узнають на одной изъ отдѣльныхъ трибунъ». Въ Тюльери нескончаемыя толпы выслушиваютъ горлодеровъ, выеривающихъ имена подозрительныхъ депутатовъ, и горе тому изъ нихъ, кто выберетъ эту дорогу, чтобы идти на засѣданіе; онъ будетъ встрѣченъ и провожаемъ самими ужасными ругательствами. Если депутатъ этотъ землевладѣлецъ, то кричатъ: «Полюбуйтесь забавнымъ аристократомъ! Да это просто крестьянская собака, стерегшая у себя дома коровъ». Однажды Гюа, поднимавшагося по тюльерійской терасѣ, хватаетъ одна мегера за волосы съ крикомъ: «нагни голову, презрѣнный, подлый депутатъ; склонись передъ твоимъ владыкою—народомъ». 20 іюня одинъ изъ патриотовъ, проходившихъ черезъ залъ, шепчетъ ему на ухо: «мерзавецъ и негодяй, ты долженъ погибнуть отъ моей руки!» Другой разъ, послѣ того какъ онъ защищалъ мирового судью Ляриверера, его, около полуночи, поджидала у двери цѣлая толпа уличныхъ бродягъ, вооруженныхъ кулаками и палками; «къ счастью, друзья его. Дюма и Даверу, оба военные, предугадываютъ опасность и съ трудомъ освобождаютъ его, угрожая своими пистолетами». По мѣрѣ того какъ приближается 10 августа, нападеніе становится все рѣшительнѣе и дерзновеннѣе. Три раза Вобланъ едва избѣгаетъ смерти, вслѣдствіе того, что защищаетъ Ляфайета при выходѣ изъ собранія; такимъ же образомъ расправляются еще съ шестидесятью депутатами, которыхъ избиваютъ, забрасываютъ грязью и которымъ угрожаютъ смертью, если они осмѣлятся явиться на засѣданіе. Меньшинство оказывается достаточно сильнымъ съ подобными союзниками; благодаря своимъ двумъ принудительнымъ мѣрамъ, оно перебиваетъ у большинства недостающіе ему голоса, и прибѣгая поочередно то къ устрашенію, то къ хитрости, почти всегда проводитъ всѣ, нужные ему декреты.

VI.

Оно, впрочемъ, не гнушалось еще и третьяго способа: захвата вдругъ, нахрапомъ. Такъ какъ не существовало предварительнаго распредѣленія очереди дѣлъ и очередь во всякомъ случаѣ была необязательна, то собраніе подвергалось всевозможнымъ неожиданностямъ. «Любой мерзавецъ съ лѣвой стороны (и я подтверждаю это названіе, говоритъ Гюа, — такъ какъ подобныхъ было немало между этими господами) выступалъ съ предложеніемъ, заранѣе подготовленнымъ въ какомъ-либо изъ кружковъ. Мы къ этому не были приготовлены и въ виду того требовали передачи этого вопроса на обсужденіе отдѣльнаго комитета. Обыкновенно отвѣчали отказомъ, ссылаясь на крайность или на безотлагательность вопроса, и поневолѣ приходилось обсуждать его немедленно». Прибѣгали и къ иной тактикѣ, не менѣе безчестной, и чаще другихъ это дѣлалъ Тюріо. Этотъ негодяй большой руки выступалъ не съ проектомъ закона, а съ тѣмъ, что онъ называлъ принципомъ; онъ, на примѣръ, предлагалъ подвергнуть сестру имѣнія всѣхъ эмигрантовъ, или же предлагалъ подвергнуть особому надзору неприсягнувшихъ священниковъ. Ему отвѣчали: «Но вашъ принципъ вѣдь есть суть закона, самъ законъ; дайте намъ время на обсужденіе; слѣдуетъ передать это на разсмотрѣніе комитета». Ничуть не бывало; дѣло оказывалось безотлагательнымъ; комитету предоставлялось лишь право подобрать нигуда негодныя и неприложимыя статьи для водворенія уже самого по себѣ бессмысленнаго принципа. Такимъ образомъ, всякія обсуждения устранились въ силу такого спѣшнаго метода и якобинцы преднамѣренно отнимали у собранія возможность разсудить что-либо; они именно и хотѣли взять его врасплохъ, ошеломить его неожиданностью; они, насколько это имъ удавалось, уничтожали разумъ во имя того же разума и всѣми мѣрами ускоряли голосованіе, такъ какъ ихъ декреты не выдерживали критики. Иногда же, и особенно въ важныхъ случаяхъ, они ихъ вынуждали. Обыкновенно вотивали посредствомъ сидѣнія и вставанія, и одно это представлялось уже тяжелымъ испытаніемъ для четырехсотъ депутатовъ центра, подверженныхъ безпрестанному неодобренію и, нерѣдко, негодованію трибунъ. «Нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ не встаютъ или же встаютъ съ лѣвою стороною»; если, на примѣръ, случится, что большинство голосовъ на правой сторонѣ, что относятся къ этому недовѣрчиво, оспариваютъ и требуютъ

поименной переключки, а между тѣмъ эта поименная переключка была всегда напечатана заранее», что было непозволительнымъ злоупотребленіемъ. «Надо, говорили якобинцы,—чтобы народъ зналъ на перечесть своихъ друзей и враговъ». Такимъ образомъ, списокъ опонентовъ могъ легко перейти въ списокъ осужденныхъ, и боязливые не очень-то охотно пополняли его своими именами. И дѣйствительно, огромные пробѣлы немедленно образовывались въ составѣ центра. «Это достовѣрный фактъ, говоритъ Гюа,—которому мы сами были свидѣтелями; мы теряли около ста голосовъ всякій разъ, какъ производилась поименная переключка». Подъ конецъ они уже уступали и только лишь удерживались отъ явнаго протеста. 14 іюня, когда дѣло касалось того, чтобы отмѣнить безъ всякаго вознагражденія весь феодальный долгъ, «исключительно была переполнена крайняя лѣва; остальная же часть залы была почти пуста»; «на 497 депутатовъ 200 совсѣмъ покинули залу. Обнадеженные мимолетною надеждою на возможность покровительства, они дважды оправдывали генерала Ляфайета, за которымъ они видѣли его армию¹⁾), и открыто сопротивлялись деспотамъ собранія, клубовъ и улицы. Но дважды же, за неимѣніемъ вождя и опоры со стороны войска, видимое большинство принуждено было уступить, замолкнуть, бѣжать, или же отрѣчься отъ своихъ убѣжденій подъ напоромъ торжествующей партіи, испортившей, исказившей и даже окончательно изломавшей весь законодательный механизмъ».

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Гюа, 141.—Mathieu-Dumas, II, 399. «Замѣчательно то, что президентомъ былъ избранъ Лаонъ-Ладеба, одинъ изъ нашихъ вѣрнѣйшихъ друзей, 23 іюля 1792 года; это случилось, благодаря тому, что большинство этого собранія состояло еще изъ здравомыслящихъ; къ тому же оно рѣшилось вотировать лишь втайнѣ. Тѣ же самые люди, которые слѣдуютъ голосу совѣсти изъ чувства справедливости и чести, не имѣютъ мужества подвергнуться испытанію личной опасности, которою ихъ окружаетъ противная партія, и не рѣшаются вотировать открыто, способомъ сидѣнія и вставанія.

НА РУБЕЖЪ ДВУХЪ СТОЛѢТІЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

У с н.

Зимнее утро чуть брезжить. Отъ небольшого, но постоянного и сухаго мороза скрипитъ снѣгъ. На улицахъ кое-гдѣ догораютъ тусклые масляные фонари. Никого еще не видно. Не выѣзжаютъ еще водовозы съ своими оледенѣлыми кадками на дровняхъ; не сметають еще даже дворники снѣга ни со старыхъ деревянныхъ мостковъ, ни съ новыхъ каменныхъ панелей. Въ зимнемъ дворцѣ не зажигалось еще свѣчей на рабочемъ письменномъ столѣ въ кабинетѣ государыни; стало быть, нѣтъ еще семи часовъ.

Царица тогда императрица Екатерина II, и уже не первый, не десятый годъ царица. Состарѣлась она на престолѣ, а все еще на нее любовались, да заглядывались; тава она была красивая, да величественная. Впрочемъ и то, кого не украситъ ореолъ сіянія русской императорской короны?

Хорошо было при матушкѣ-царицѣ вельможамъ жить; хорошо было и барству харахориться, да случая вскаты. Авось,

нѣтъ—пѣтъ, да и выгорить! Довольны были и купцы; мѣщанамъ тяжело было; а все-же жить было можно. Вотъ крестьянамъ... Да тѣ были крѣпостные, подлый народъ, стоило ли о нихъ говорить?

Да, многимъ было хорошо. а все государыня не та была, что когда-то великой княгиней пословицы и пѣсни русскія заучивала; не та была, какой и на престолъ вступила. Отошла она, государыня, и отъ наказа своего милостиваго; нарушила и неизмѣнный свой принципъ любви и милости. Теперь не предложила бы она печатать энциклопидистовъ въ Россіи и съ русскимъ переводомъ, не объявила бы свободы мысли и слова, не уничтожила бы самой памяти объ ужасахъ бироновскаго времени. Что дѣлать? Время беретъ свое, а сила власти и общее угодничество разбиваютъ даже великіе характеры. Исползволь. незамѣтно, но даже отвлеченность логической послѣдовательности впадаетъ въ политику; политическія соображенія начинаютъ примѣняться къ обстоятельствамъ; даже самый идеалъ обращается въ желаніе матеріальнаго довольства и спокойствія.

Но, что дѣлать, какъ быть? Нужно мириться съ человѣкомъ, каковъ онъ есть. Царствованіе Екаторины все-таки было славное. Оно и громомъ побѣды страшило, и татарскую дикость ограничивало. При ней все росло и впередъ двигалось. Вонъ Петербургъ при ней какъ выросъ и украсился. Настоящимъ сталъ городомъ, да такимъ, что чужестранцы дивуются..

Давно-ли вотъ по лугу, отъ самаго новаго зимняго дворца и стараго Брюсова дома, до царевнина терема, по всей луговой улицѣ стояли домишки, все маленькіе, почитай всѣ деревянные, и взглянуть было не на что. А грязь-то какая между ними была. Въ вешнюю или осеннюю пору колесамъ бывало ни за что не проѣхать; все на Зацѣпинъ дворъ объѣзжать приходилось.

А теперь, гляди, какіе дома, все каменные, трехъ-этажные. Какая мостовая настлана, а по бокамъ, для пѣшеходовъ, вмѣсто деревянныхъ мостковъ,—что бывало и съ фонаремъ идешь, такъ того и гляди ногу сломишь,—понадѣланы наменаме тротуары. Что за улица стала! Не даромъ Миліонной прозвали, и точно что миліонная.

А Неву всю гранитомъ одѣли; перила гранитныя сдѣлали, ужъ не упадешь; пристани для лодокъ и для яликовъ и со всходами, тоже изъ гранита. На берегу конную статую царю Петру поставили, просто заглядѣнье. И какая-же красавица

стала наша рѣка Нева, широкая, чистая, свѣтлая какъ зеркало, а въ нее съ обѣихъ сторонъ каменные палаты смотрятся.

Но и при Екатеринѣ II не всеѣмъ была масляница, не всеѣмъ въ красныхъ сапожкахъ ходили, да шапочку-невидимочку носили; и при ней къ инымъ горе, иногда неожиданное и непрощенное, забиралось, нужда въ двери стучалась и подъ бока толкала, особливо тѣхъ, кого судьба выбила изъ колеи, кто, какъ говорили, отъ воронъ отсталъ, а къ павамъ не присталъ; ни рыбой, ни мясомъ становился.

Вонъ хотя-бы на той же луговой, Миліонной улицѣ, въ первомъ этажѣ одного изъ богатыхъ каменныхъ домовъ царя цына камердинера, потемкинскій прежде былъ, Секретаревымъ зовется. Выдумали-же имячко; сейчасъ видно, что отъ крапивнаго сѣмени пошелъ. Такъ вотъ, у него въ домѣ, и въ квартирѣ хоть небольшой, но порядочной, офицерскій деньщикъ изъ всеѣхъ силъ бьется и хлопочетъ около самовара, стараясь заставить его кипѣть помощью лучинокъ, такъ какъ угольевъ нѣтъ.

«Докладывалъ вчера его благородію, говорилъ, два раза говорилъ,—разсуждалъ про себя деньщикъ,—дескать угольевъ всеѣмъ нѣтъ! Такъ хоть-бы денежку выкинулъ, хоть-бы на смѣхъ что сказалъ; и самому въ казармы на пропитанье велѣлъ идти! Вѣрно нѣтъ! Профершипилиса, что-ли?.. А тутъ бѣда, никакъ не сладись! ворчалъ про себя деньщикъ, подбрасывая лучинки.—Зналъ бы—на свои купилъ, хоть на полушку».

Деньщикъ ворчалъ и суетился, а черезъ комнату отъ прихожей, гдѣ онъ раздувалъ самоваръ, не то въ спальнѣ, не то въ кабинетѣ, можно сказать въ спальнѣ-кабинетѣ, не смотря на раннее утро, свѣтился уже огонекъ.

Тамъ, передъ продолговатымъ, овальнымъ столикомъ красного дерева, съ бронзовымъ ободкомъ, опираясь на него обоими локтями и опустивъ на руки свою голову, въ одной рубашкѣ и рейтузахъ, задумчиво сидѣлъ молодой человекъ.

Ему не было еще двадцати лѣтъ, но онъ уже сформировался и былъ бы не дурень собою, если-бы не былъ очень блѣденъ. Блѣлое, открытое лицо его было обрамлено густыми темно-вашиановыми волосами; обликъ его представлялъ весьма пріятный овалъ, непотерявшій еще юношескаго выраженія; цвѣтъ кожи сохранялъ отроческую нѣжность, покрытую, впрочемъ, будто болѣзненною желтизною. Не смотря на то, было видно, что темноваріе глаза его изъ-подъ черныхъ бровей могутъ уже сверкнуть искрой, а тонкіе, черные, едва пробивающіеся, но

видимо холёные усики начали уже придавать то выраженіе мужественности его улыбокѣ и тотъ красивый оттѣнокъ его ровнымъ, матовымъ, какъ жемчугъ, зубамъ, который обозначалъ уже переходъ изъ юноши въ мужчину.

Молодой человекъ былъ видимо разстроены. Глаза его какъ-то смутно смотрѣли въ стѣну, руки судорожно сжимали волосы; выраженіе лица будто замерло отъ апатіи, которую онъ не въ силахъ былъ преодолѣть.

Комната, въ которой молодой человекъ сидѣлъ, его кабинетъ-спальня, какъ мы ее назвали, представляла весьма странный видъ. Не говоря о безпорядкѣ, столь обыкновенномъ въ комнатахъ юнаго холостяка, когда онъ живетъ самъ по себѣ, смѣсь предметовъ, не только богатства, но самой изысканной роскоши, и другихъ, обозначающихъ бѣдность крайнюю, давящую, роковую, невольно бросалась въ глаза. На столѣ, передъ которымъ молодой человекъ сидѣлъ, стоялъ великолѣпный для пяти свѣчей шандаль севрской фабрики, время регентства; а въ этотъ шандаль была вставлена и горѣла одна, сильно нагорѣвшая и оплывшая, семириковая, и не литая, а маканная сальная свѣчка. Такихъ свѣчей теперь, пожалуй, и за большія деньги не смыщешь, а тогда онѣ были долею крайней бѣдности и продавались развѣ немногимъ чѣмъ дороже лучины. На мраморномъ каминѣ, въ который было вдѣлано дорогое венеціанское зеркало, въ золоченой оправѣ, стояли двѣ дорогія китайскія вазы и каминные часы, изображавшіе льва, держащаго въ лапахъ земной шаръ; а подлѣ шандала на столикѣ лежали двѣ половинки разломанныхъ щипцовъ и замѣнявшія ихъ, по случаю слова, большія ножницы. Противъ окна стоялъ дорогой письменный столъ, а подлѣ стола, на престомахъ, некрашеномъ стулѣ, былъ приготовленъ для умыванья дрянной глиняной рукомыльницъ съ отбитой ручкой и носкомъ. На окнахъ висѣла шелковая драпировка изъ лионскаго дамъ, на стульяхъ тамъ и сямъ были разбросаны шитая золотомъ гусарская шапка, пятнистый мѣхъ леопарда, носимый тогдашними гусарами вмѣсто доломана, и тщательно вычищенный, раззолоченный ментикъ, — все богатое и дорогое; въ то же время шелковая обивка дивана висѣла клочьями; на самомъ козынѣ рубашка тонкаго голандскаго полотна была изорвана; а на гусарскихъ полусапожкахъ можно было замѣтить маленькую латку. Подлѣ великолѣпнаго стакана богемскаго хрустала, стояла вода въ простой бутылкѣ изъ-подъ квасу; а подлѣ кровати, вмѣсто ковра, былъ брошенъ кусокъ сѣраго солдатскаго сукна.

Молодой человекъ сидѣлъ неподвижно. Нагорѣвшая свѣча слабо освѣщала комнату и оплывала; снятый передъ тѣмъ ножницами и брошенный нагаръ еще дымился на полу. Деньщикъ, которому удалось, наконецъ, раздуть самоваръ, принесъ на старомъ подносѣ и поставилъ на столъ ставанъ крѣпчайаго чая и, особо на блюдечекѣ, кусокъ сахара для прикуски; но молодой человекъ ничего не видѣлъ и не замѣчалъ. Онъ сидѣлъ, понуривъ голову, и даже едва-ли о чемъ нибудь думалъ.

Вдругъ раздался звонокъ. Молодой человекъ вздрогнулъ.

Черезъ комнату послышался разговоръ деньщика съ вошедшимъ.

— Чесменскій дома?

— Точно такъ, ваше благородіе!

— Спать?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

— Что-же, всталъ?

— Встали, ваше благородіе!

— Я не о себѣ, а о баринѣ твоёмъ спрашиваю, дуракъ!

— Слушаю, ваше благородіе!

— Слушать нечего, а вотъ посвѣти! Ишь, надымилъ какъ...

Затѣмъ въ сосѣдней комнатѣ послышалось брацанье шноръ и сабли и въ спальню вошелъ, сопровождаемый деньщикомъ съ саднымъ огаркомъ въ рукахъ, офицеръ, одѣтый какъ на парадъ въ ментигъ и съ леопардомъ на плечахъ.

Офицеръ былъ тоже молодъ, много что годами двумя, тремя постарше Чесменскаго, но видно было, что онъ уже обжился, осмотрѣлся и довѣрчиво смотрѣлъ впередъ на свое будущее.

Чтобы объяснить, почему офицеръ явился въ такомъ парадѣ раннимъ утромъ, нужно сказать, что въ то время ни венгерскій, ни сюртуковъ, ни вицъ-мундировъ въ войскахъ не было. Военные должны были всегда или ходить въ полной формѣ, или надѣвать гражданское платье, которое носить внѣ службы имъ не воспрещалось, за исключеніемъ однакъжъ лейбъ-гусаръ, долженствовавшихъ всегда быть въ своемъ великолѣпномъ мундирѣ. Впрочемъ и имъ, особенно нижнимъ чинамъ изъ дворянъ, для присутствованія во дворцѣ или на праздникахъ въ частныхъ домахъ, предоставлялось надѣвать общій дворянскій мундиръ; но какъ гусары мундиръ свой любили, и на службу или къ начальству въ дворянскомъ мундирѣ являться было нельзя, то имъ и приходилось быть всегда разодѣтыми именно какъ на парадъ.

— Ты не спишь, Чесменскій? переспросилъ вошедшій. —

Что у тебя, братецъ, темъ какая, чортъ и тотъ себѣ лобъ разобьетъ, развѣ рога помѣшаютъ!

— Нѣтъ, видишь, не сплю! отвѣчалъ молодой человекъ, машинально поднимая голову.—А, Бурцовъ, это ты? проговорилъ онъ какъ-то вяло и нельзя сказать, чтобы особо привѣтственно.

Видно было, что онъ ждалъ не его, и что посѣщеніе Бурцова было для него совершенною неожиданностью.

— Я братецъ, я, по своей вѣчной страсти всюду ность свой совать! и видишь собрался ни свѣтъ, ни заря, чтобы тебя увидѣть. Что у васъ тамъ такое съ княземъ Гагаринимъ вышло?

— Ничего!

— Какъ ничего?

— Ничего особаго! Гагаринъ меня на дуэль вызвалъ!

— Гагаринъ, тебя? Ну, нѣтъ братъ, извини! тутъ именно что-то особое. Гагаринъ не мальчикъ, чтобы дуэлями забавляться. Камергеръ, секундъ-маіоръ гвардіи, съ руки ли ему драться съ только что испеченнымъ корнетомъ? Изъ-за чего у васъ вышло-то?

— Такъ, пустяки, изъ-за усовъ!

— Что? Какъ изъ-за усовъ?

— Да! Онъ подумалъ, что я хотѣлъ показать неуваженіе его женѣ и свояченицѣ, пріѣхавъ къ нимъ съ визитомъ въ усахъ.

— Какая же не легкая тебя къ нимъ понесла?

— Ужъ именно не легкая! Видишь, до моего производства я бывалъ у нихъ каждую недѣлю. По средамъ ихъ день, а я и въ другіе дни бывалъ; легонько за свояченицей ухаживалъ, всегда были ласковы. Вотъ я и подумалъ: неважное дѣло, покажусь.

— Ну, нѣтъ братъ, дѣло важное! Наши къ барынямъ не ѣздятъ! И знаешь, сважу прямо, по-гусарски: въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ. Ужъ если поступилъ къ намъ, такъ и живи по нашему! Барыни выдумали, что имъ очень бланно на наши усы смотрѣть. Это ихъ дѣло; мы отъ того не въ потерѣ. Перестали ѣздить къ нимъ вовсе и не плачемъ. Мы разсуждаемъ такъ: пусть эти ферты-шешатоны, гвардіонцы тамъ разные, на балахъ фигурируютъ, намъ что? Которая захочетъ, намъ и безъ минуты поклонится. Къ намъ просимъ пожаловать! А ты, видишь, пошелъ прямо въ разрѣвъ... Все же, кажется, драться тутъ не изъ-за чего!

— Оно казалось бы и такъ, но что станешь дѣлать? Пришлось... слово за слово. Вѣдь не отказываться же мнѣ было?

— Разумѣется! И когда рѣшили?

— А вотъ я жду Кандалицева. Онъ долженъ былъ поѣхать къ Дурново и Ильину и уговориться. Близъ предоставилъ мнѣ назначить оружіе и время. Оружіе я назначилъ «шпаги», а время все равно: сегодня или завтра, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!

— Что? шпаги?

— Да! Я выбралъ шпаги!

— Ты съума сошелъ, или бѣлены объѣлся?

— Я? чѣмъ?

— Развѣ ты не знаешь, что Гагаринъ на шпагахъ дерется какъ чортъ. Въ Лондонѣ онъ этому мулату, что съ герцогомъ Орлеанскимъ пріѣзжалъ, Сень-Жоржемъ зовутъ, шагу не уступалъ. Еще мальчишкой почти, при покойномъ императорѣ, онъ у прусскаго фехтмейстера рапиру изъ рукъ выбивалъ.

— Я и самъ порядочно дерусь на шпагахъ.

— Ты смѣшишь, милѣйшій. Ты дерешься такъ, какъ и всѣ мы деремся! А Гагаринъ, дѣло иное. На фехтованьѣ онъ всегда становится одинъ противъ троихъ, и всѣхъ мѣломъ искрестить, прежде чѣмъ его ктонибудь рапирой коснется. Съ нимъ, братецъ, драться на шпагахъ, все равно, что впередъ себѣ могилу рыть!

— Ну, что жъ, и выроемъ, воли придется, плакать не станемъ! апатично проговорилъ Чесменскій.

— Э, любезный, кто станетъ плакать? Впрочемъ и то, плачь не плачь, а отъ могилы не отвертись! Но дѣло не въ слезахъ, а въ томъ, что такой дуэли допустить нельзя. Это будетъ не дуэль, а убійство! Дуэль по нашему, по русскому, по старинному, это поле,—это Божій судъ! И точно, не даромъ говорятъ: пуля найдетъ виноватаго! А какой тутъ Божій судъ, когда одному приходится непременно быть убитымъ! Этого нельзя, этого мы не допустимъ! Слухъ распространился, да признаться, не вѣрилось. Вчера и у Платова, и у Денисова, всѣ говорили. И знаешь, другъ, я совѣтую...

— Совѣтую, совѣтую! перебилъ его нервно Чесменскій.—Эхъ вы, господа-совѣтники! Всѣ вы, какъ васъ послушаешь, умно говорите, да не умно рассуждаете. Попробовали бы прежде въ чужую кожу влѣзть, да тогда бы и совѣты давали. А что если у меня и пистолетовъ-то нѣтъ, съ чѣмъ я стрѣляться поѣду? Вотъ на прошлой недѣлѣ одинъ разбилъ; что же, съ однимъ что ли ѣхать?

— Какой вздоръ! Я пожалуй тебѣ свои бы далъ, да и у

любого возьми! Наконецъ, если привыкъ къ своимъ, то поправить не Богъ знаетъ что стоитъ.

— Поправить! Хорошо замъ, богачамъ, говорить...

— Ну, богатство тутъ небольшое нужно. А если ты продулся или прокутился такъ, что карманы выворотилъ, то опять мы, слава Богу, не жиды, не звѣри какіе, чтобы дали среди насъ товарищу съ голоду умирать, или изъ-за нистолетовъ на смерть идти. Всякій охотно чѣмъ можетъ подѣлится. Ты привыкъ тамъ у себя между этими раздушенными, разфуженными бархатниками (мундиры у кавалергардовъ и конной гвардіи были бархатные), у этихъ боковыхъ шематоновъ, что всякій за себя, а Богъ за всѣхъ! Товарищъ хоть пропадай, хоть съ голоду умирай, никто не подумаетъ. Все, дескать, это вздоръ, никто, дескать, никогда съ голоду не умираетъ. Это, дескать, слишкомъ вульгарно, слишкомъ не *comme il faut!* Намъ, дескать, о такомъ вздорѣ думать некогда! У графини балъ сегодня, у князя завтра маскарадъ, а въ четвергъ на куртагъ во дворецъ ѣхать нужно. Тамъ, дескать, весь beau monde будетъ, до товарища ли тутъ? Нѣтъ, братецъ, наши гусары такъ не разсуждаютъ. Коли ужъ дали надѣтъ свой мундиръ, приняли въ свой кружокъ, то — что есть вмѣстѣ, чего нѣтъ — пополамъ!

— Эхъ, Бурцовъ, ты все не то говоришь! глухо и какъ бы съ укоромъ отвѣчалъ Чесменскій. — Кто тебѣ говорить о гусарахъ? Кто не знаетъ, что они другъ за друга на смерть готовы; дѣлать другъ съ другомъ послѣднее. Да что у нихъ залежи какія есть, что ли? Они, поди, экономію наблюдаютъ, да денежки складываютъ? Положимъ, что большая часть у насъ люди богатые, а все, ты знаешь хорошо, у каждого нѣтъ, нѣтъ, да и нехватки. Каждый, нѣтъ-нѣтъ, да и начинаетъ жаться. А если знаешь, то не можешь не понимать, что коли берешь, такъ думай чѣмъ и какъ отдать, и отдать во-время, въ нужду. А чѣмъ тутъ я отдамъ, когда вонъ щипцы сломалъ, починить не на что; сапоги разорвалъ, новые заказать не изъ чего. Государыня, Богъ ей судья, въ армію выпустить меня не согласилась; говорить: «молодъ, хочу, чтобы онъ у меня на глазахъ послужилъ!» Произвела въ гусары. А какъ тутъ служить, чѣмъ жить? Я тебѣ вотъ что скажу, я рѣшилъ: пусть лучше Гагаринъ меня насквозъ проволетъ, по крайней мѣрѣ не придется самому себѣ пулю въ лобъ пускать.

— Ну ужъ это братъ пустыни, чтобы отъ недостатковъ, да отъ нужды стрѣляться. Это стыдъ человѣческому имени, безсовѣстная трусость жизни! Если бѣдняки будутъ стрѣляться отъ

бѣдности, то придется пожалуй перестрѣляться и всѣмъ богачамъ отъ богатства! Да отчего вдругъ обѣднѣлъ-то ты? Служилъ въ конной гвардіи солдатомъ, капраломъ, сержантомъ и жилъ, а тутъ въ корнеты произвели и вдругъ жить стало нечѣмъ. Что же твои неизвѣстные благотворители?

— И думать обо мнѣ позабыли! По крайней мѣрѣ, видимо, не хотятъ войти въ мое положеніе. Не хотятъ они сообразить, что не могу же я питаться воздухомъ! Впрочемъ, это пустяки! Можно и клѣбкомъ съ водою быть сытымъ. Но не хотятъ они понять, что я въ жизни своей связанъ службою, положеніемъ. Не безъ ихъ же воли, я попалъ въ первый гвардейскій полкъ. Когда меня произвели въ вамъ, хоть я и просидя въ армію, я получилъ полную форму, — богатую сказать нечего, получилъ лошадей. Потомъ, пока я ждалъ выхода государыни во дворецъ, чтобы принести мое благодареніе за производство, подошелъ ко мнѣ ея старый камердинеръ Захаръ Константиновичъ Зотовъ и спрашиваетъ: «а квартиру наняли, ваше новое благородіе?» Я отвѣчаю: нѣтъ. — «Такъ вотъ, дескать, у его камрада, тоже камердинера государыни, Секретарева, домикъ недавно выстроилъ, есть квартира, вагъ тутъ для васъ! Онъ уступить дешево и деньгами васъ не стѣснить. Посмотрите-ка! Я вѣдь тутъ не изъ чего, а только такъ. И вамъ польза, и ему помощь!» Поблагодарилъ, и прямо изъ дворца зашелъ. Точно, вижу, квартира подходящая. Хочу торговаться, а Секретаревъ и цѣны не говоритъ. «Да что, говорить, — живите, коли понравилась. Мнѣ деньги ужъ за годъ впередъ уплачены, не ваше дѣло кѣмъ!» На другой день и мебель, и все; будто изъ-подъ земли выросло! Потомъ конвертъ, и денегъ тысяча рублей. Ну, думаю, коли будетъ все такъ идти, отчего и въ лейбъ-гусарахъ не служить? Разумѣется, не сталъ очень экономничать, да вотъ и сѣлъ на бобы... И вѣдь, что досадно! Кажется, меня они и теперь не забываютъ. Да присылаютъ-то все такое не подходящее, что развѣ только отъ большаго богатства сталъ бы я покупать. Вотъ въ прошломъ мѣсяцѣ, я получилъ этого льва. — И Чесменскій указалъ на каминные часы. — Вещь хорошая и дорогая, бѣдно рублей триста стоитъ. А что мнѣ въ ней? Я получилъ ихъ въ то время, какъ мнѣ овса для лошадей купить было не на что, не чѣмъ было прачкѣ заплатить! А потомъ, вотъ кресло шитое прислали. Что же мнѣ съ этими подарками, на рынокъ что ли идти, или лавочку открыть? И такъ, брегета прислали, — продалъ; цѣпь прислали — тоже продалъ. Нельзя же мнѣ кресло или вонъ письменный столъ на плечахъ на продажу тащить. Между

тѣмъ вѣдь жить нужно, и ѣсть; положимъ, съ голоду какъ ни-будь все не умрешь, а вотъ деньщика и конюха нужно кормить; лошадямъ сѣно и овесъ покупать; сапоги шить, перчатки заказывать. Нельзя же, служа въ гвардіи, не имѣть хоть дрожекъ тѣмъ болѣе безъ сапогъ и перчатокъ ходить.

— Н-да! задумчиво проговорилъ Бурцовъ, — а денегъ такъ больше и не шлютъ?

— Шлютъ иногда, но ужь очень рѣдко и мало, а главное, когда имъ вздумается, а не тогда, когда мнѣ нужно. Вотъ я уже десятый мѣсяцъ корнетъ, а мнѣ, кромѣ той тысячи при производствѣ, прислали разъ сто рублей, да разъ пятьсотъ. Въ конной гвардіи мнѣ, какъ солдату, можно было улаживаться и съ этимъ. Тамъ мнѣ не было нужды ни лошадей содержать, ни какихъ дорогихъ принадлежностей покупать. А теперь, — расходы-то идутъ постоянно; тутъ вынь да положь, а получи ни гроша и не знаю, будетъ ли когда. Вотъ теперь пятый мѣсяцъ я хоть бы переломленный пятакъ видѣлъ; дошелъ до того, что деньщику въ артель записаться велѣлъ; верховаго коня въ эскадронъ отослалъ; выѣздныхъ продалъ и конюха отпустилъ, дальше не знаю что и будетъ. Спасибо еще, что у насъ никто не придирается, а въ конно-гвардіи мнѣ просто бы житья не было. И солдатомъ-то мнѣ приходилось выслушивать такіа замѣчанія, что хоть каждый день на дуэли дерись; а теперь вдругъ бы замѣтили: бархатъ на мундирѣ вытерся, или латы пережѣнить нужно; а мнѣ лаку для башмаковъ купить не на что, а не то что серебряныя латы или шпашекъ мѣнять. Оно понятно, все при дворѣ, все на вытяжкѣ, все въ кругу.

— Что и говорить! Всякій монастырь свой уставъ наблюдаетъ, всякій полкъ своимъ обычаемъ живетъ! замѣтилъ Бурцовъ. — У насъ въ полку обычай, чтобы въ строю гусаръ былъ настоящій гусаръ; а тамъ какой халатъ онъ дома носить, у какой Акулины Ивановны грѣется, намъ до того никакого нѣтъ дѣла. Ну, а тамъ точно, полкъ придворный, тонный, хотять, чтобы все по стрункѣ шло.

— Да! Вотъ ты и не посмотрилъ, что я съ сальною свѣчкою сижу, что деньщикъ мой тебя безъ куртки встрѣтилъ; а нашель бы меня въ такомъ разгромѣ конно-гвардеецъ или кирасиръ, да потомъ и не показывайся. Проходу отъ насмѣшекъ бы не было. Коли офицеръ не въ каретѣ ко дворцу подѣдетъ, такъ и о томъ разговоръ. Къ тому же, вы знать не хотите, кто былъ мой отецъ, да откуда я; вамъ былъ бы я исправный офицеръ, да хорошій товарищъ; а тамъ, это мнѣ неизвѣстное про-

исхожденіе, просто отъ него хоть въ воду! Чортъ знаетъ, чего бы не далъ, чтобы было написано хоть изъ дворниковъ. Ну дворникъ, такъ дворникъ, или конюхъ тамъ что ли? Дѣло ясное. А тутъ изволь объяснять, какое такое, дескать, дворянство неизвѣстнаго происхожденія! Теперь, вотъ ты говоришь: зачѣмъ къ Гагаринимъ поѣхалъ, дескать, наши гусары не ѣздятъ и я этого не знать не могъ. А не знаешь ты, да никто и не хочетъ того знать, что не я поѣхалъ, а меня нужда повезла.

— Какая нужда?

— Такъ! Я говорилъ тебѣ, что еще до производства своего я бывалъ у нихъ каждую недѣлю, а иную недѣлю и два раза. Ну, шутилъ, любезничалъ; свояченица князя, молоденькая Ильина подчасъ подсмѣивалась, тоже шутила. Такая она милая. Князь хотя и смотрѣлъ подчасъ букою, но мнѣ что за дѣло было. Княгиня всегда была пріятлива. Только вотъ какъ-то разъ деньги у меня были, я сѣлъ съ ними въ берланъ играть, а потомъ въ три-три и выигралъ у княгини четыре имперіала. Княгиня ихъ не отдала; сказала—до слѣдующаго раза. Ну что-жъ, ничего! Она по картамъ всегда расплачивается аккуратно. Только какъ тутъ подоспѣло мое производство. Вотъ съ обмундировкою, съ тѣмъ-другимъ возился, у нихъ не былъ. Къ тому же вѣдь и зналъ, что гусары не ѣздятъ, да скоро потомъ они въ деревню уѣхали. А вотъ теперь, какъ денегъ-то мнѣ давно не прислали и я дошелъ до такой нужды, что именно хоть въ воду, я и подумалъ: «зайду, будто показаться въ новомъ мундирѣ, авось вспомнить объ имперіалахъ». Пошелъ я въ такое время, когда зналъ, что князя навѣрно дома нѣтъ. Онъ, какъ преображенскій майоръ и камергеръ, во дворецъ, въ парадъ былъ назначенъ. Пришелъ, послалъ о себѣ доложить, что вотъ, молъ, гусарскій ворнетъ Чесменскій. Просятъ. Я вошелъ. Сидитъ княгиня, подлѣ нея младшая сестра. Какъ взглянули на меня, такъ между собою и переглянулись, будто пересмѣиваются. Я дѣлаю видъ, что не замѣчаю, и говорю; дескать засвидѣтельствовать свое почтеніе; надѣюсь, не забыли. Онѣ ничего, только все нѣтъ-нѣтъ, да и посмотреть одна на другую. Молоденькая Ильина будто немного покраснѣла, а княгиня смотреть таково сурово, будто сердита. Вижу, тутъ не до имперіаловъ, кочу уходить. А въ это время, будто нарочно, князь Николай Никитичъ изъ дворца. Государыня къ кому-то обѣдать поѣхала и ихъ распустила. Барыни исчезли разомъ. Началось объясненіе, слово за словомъ и вызовъ... Ну что-жъ? Если князь считаетъ себя обиженнымъ, я не могу ему отказать въ удовлетво-

реніи. Что же касается шпагъ, то онъ предоставилъ мнѣ навѣчать оружіе. Онъ сказалъ: на чемъ угодно, какъ угодно и когда угодно. Я выбралъ шпаги и буду очень радъ, если онъ меня насквозь пронзетъ! По крайности, на своей нуждоу, на неизвестнымъ дворянствомъ никому глазъ мозолить не буду!

— Нѣтъ, братъ, постой! сказалъ Бурцовъ, придвигая стулъ къ столу и мѣшая въ стаканѣ чай, который деньщикъ догадался ему подать и которымъ Чесменскій не угощалъ, потому что не былъ увѣренъ, есть ли сахаръ. — Если все дѣло только въ ухахъ и ничего болѣе между вами не было, то этой дуэли не будетъ.

— Какъ не будетъ?

— Такъ не будетъ! Наши не допустить! Такая дуэль была бы всему полку обида и полкъ не можетъ ее допустить. Наша форма выдумана не нами. Усы мы не по своей охотѣ носимъ. Не сбривать же было ихъ тебѣ ради чопорности ихъ сіятельствъ? Ты пришелъ къ его женѣ по дѣлу, послалъ впередъ о себѣ доложить. Она же передъ тобою виновата, состоитъ въ долгу. Разумѣется, она не могла не знать, что если къ ней пришелъ гусарскій корнетъ, то и явится, какъ корнетъ гусарскій, въ своей формѣ, стало быть и въ ухахъ. Если же князю наша униформа ужъ такъ не по душѣ, что онъ готовъ рѣзаться, чтобы ее не видѣть, то пусть и дерется со всѣми. Мы шпагъ не выберемъ, а встанемъ за тебя всѣ до одного. Нашъ полкъ всегда отличался тѣмъ, что мы другъ за друга, какъ братья, стояли; а тутъ дѣло справедливое. Разумѣется, мы не имѣемъ права дуэли остановить. Ты долженъ будешь явиться на мѣсто. Но если онъ своего вызова назадъ не возьметъ и отправитъ тебя къ праотцамъ, по всѣмъ правиламъ искусства, то долженъ будетъ отвѣчать передъ всѣми нами. Смерти товарища мы не простимъ и не можемъ простить, особенно когда эта смерть соединена съ обидою всего полка. И зотъ, по общему рѣшенію вчера, я сейчасъ ѣду и, на первое предупрежденіе, везу ему десять выводовъ и первый отъ себя.

— Ну, ты извѣстный забіяка! улыбнувшись сказалъ Чесменскій. — Только право не понимаю, съ какой стати тутъ тебѣ путаться...

— Какъ съ какой стати? Дѣло полковое, общее! Вчера у Денисова и у Платова былъ о томъ большой разговоръ, и всѣ говорили одно: — «Такой дуэли допустить нельзя. Если, дескать, князь считаетъ для себя обидою нашъ мундиръ, пусть и дерется со всѣми, которые не только его носятъ, но считаютъ

себѣ за честь его носить!» И въ Европѣ таковой примѣръ былъ... Ты знаешь, что шотландская гвардія по формѣ ходитъ съ голыми ногами, т. е. не носить, съ позволенія сказать, ни штатвовъ, ни панталонъ, никакихъ другаго наименованія одеждъ, закрывающихъ ноги, никакого нижняго платья. Спереди она прикрывается только коротенькою римскою туникою. Чонорная англійская аристократія, разумѣется, не могла помириться съ тѣмъ, чтобы въ ея гостиницѣ являлись люди безъ штановъ. И шотландцы въ своемъ національномъ вострѣмѣ были изгнаны изъ лондонскихъ сливокъ свѣта. Они не принимались нигдѣ. Только вотъ, ужъ не знаю зачѣмъ, молодому Дугласу понадобилось видѣть герцогиню Дерби. Онъ пріѣхалъ, велѣлъ о себѣ доложить, дескать, капитанъ шотландской гвардіи графъ Дугласъ. Приказали просить. Онъ вошелъ. Герцогъ и вломился въ амбицію. «Какъ, дескать, къ моей жепѣ въ такомъ видѣ!» Назначили дуэль. Шотландцы всѣ разомъ поднялись и приняли эту дуэль за личное оскорбленіе ихъ всѣхъ, и одинъ за однимъ всѣ послали герцогу свои вызовы. Герцогъ поневолѣ долженъ былъ извиниться и взять свой вызовъ назадъ. Вотъ и мы вчера всѣ въ одинъ голосъ рѣшили, что прежде всего должно узнать, въ чемъ дѣло, нѣтъ ли другой, скрытой причины дуэли? Если же нѣтъ, то, въ концѣ концовъ, всѣ поручили мнѣ, какъ младшему, ѣхать къ князю съ вызовомъ отъ всего полка.

— Но это будетъ...

— Ничего не будетъ, будетъ судъ чести! Если-бы ты былъ виноватъ передъ нимъ, если-бы ворвался незванный, непрошенный, вошелъ безъ доклада,—такъ! Онъ могъ бы еще претендовать. А то ты сдѣлалъ все, что отъ тебя зависѣло, и вдругъ за то, что ты въ формѣ, которой и снимать не велѣно... Положимъ, что противъ ихъ завитыхъ, припомаженныхъ, раздушенныхъ и расшудренныхъ головъ наши усатые рожи въ глаза кидаются; но это не резонъ, чтобы обижаться, особенно отъ тебя, когда и усы твои меньше мышинныхъ хвостовъ. Но дѣло не въ томъ. Угодно его сіятельству тебя на тотъ свѣтъ отправить—его дѣло, пусть забавляется; за то пусть и самъ къ намъ на раздѣлку пожалуетъ.

Чтобы читателямъ была понятна сцена, которую мы сейчасъ изобразили, нужно слегка коснуться исторіи образованія и устройства нашихъ гвардейскихъ полковъ.

Гвардія наша началась, какъ извѣстно, потѣшными Петра Великаго. Изъ нихъ образовались два полка: преображенскій и семеновскій—корень, ядро, основаніе нашей славы русской

арміи, прототипъ ея развитія и ея дальнѣйшихъ подвиговъ. Оба полка были пѣхотные. Легкую кавалерію дали намъ казаки, а регулярную—сформированіе нѣсколькихъ армейскихъ драгунскихъ полковъ, устроенныхъ такимъ образомъ, какъ могъ устроить и обучать свои войска только Петръ, т. е. пѣхотными роты были посажены на коней и обучены конному строю, сохраняя въ то же время и свое линейное, такъ сказать, пѣхотное значеніе. Гвардейской кавалеріи не было вовсе; за то преобразенцы были все: нужна кавалерія—садились на коней; нужна артилерія—была бомбардирская рота, въ которой капитаномъ былъ самъ государь; нужно шведскія шинявы брать—тѣ же преобразенцы садились на галеры...

Съ такою-то импровизованною кавалеріею Голицынъ и Меншиковъ преслѣдовали шведскую армію послѣ полтавскаго боя и заставили ее положить оружіе.

Потомъ, когда Петру захотѣлось короновать свою вторую супругу и онъ захотѣлъ выполнить эту церемонію съ полною торжественностью, тѣмъ болѣе, что такимъ дѣйствіемъ онъ узаконялъ и двухъ своихъ дочерей, Анну и Елисавету, бывшихъ, по тогдашнему обычаю, привѣчанными, то рѣшилъ, для полноты парада, учредить кавалергардовъ.

Для выполненія этого желанія онъ сдѣлалъ то же, что дѣлалъ и во время военныхъ дѣйствій. Онъ приказалъ посадить взводъ преобразенцевъ на выписанныхъ изъ Голландіи и Германіи рослыхъ коней, вооружилъ ихъ палашами и мушкетонами вмѣсто тесаковъ и ружей, надѣлъ серебряныя латы или кирасы. Сперва все это дѣлалось въ видѣ временнаго учрежденія, на время коронаціи. Но Екатеринанѣ учрежденіе понравилось и она сдѣлала его постояннымъ.

Такимъ образомъ образовался первый двухъ-дивизионный кирасирскій полкъ, получившій, по страсти государя къ чужеземнымъ названіямъ, наименованіе кавалергардовъ.

Императрицѣ Аннѣ полюбилось это учрежденіе и она захотѣла его усилить. Ея любимецъ Биронъ былъ страстный конскій охотникъ—первый, озаботившійся устройствомъ въ Россіи конскихъ заводовъ. По этому желанію государыни, изъ волонтеровъ-дворянъ былъ сформированъ второй кавалерійскій гвардейскій полкъ, подъ именемъ лейбъ-регимента, который потомъ и получилъ наименованіе конной гвардіи.

Полки эти были двухъ-дивизионные. Первые дивизионы были въ латахъ, шишакахъ, ботфортахъ; вторые—безъ латъ и ботфортъ, какъ-бы легкая кавалерія.

Оба эти полка состояли при особѣ царствующаго государя, признавались ближайшими и надежнѣйшими охранителями его особы.

Такая исключительность службы, красивый мундиръ и разныя присвоенныя имъ преимущества вызвали, разумѣется, общее желаніе въ нихъ состоять. Поэтому оба эти кавалерійскіе полка усиливались ежечасно поступленіемъ въ ряды ихъ, можно сказать, цѣнта русскаго дворянства. Многочисленность поступающихъ скоро заставила ихъ раздѣлить. Два изъ нихъ остались кирасирскими, другіе же два составили основаніе русской регулярной кавалеріи, гусарь и улань, въ подражаніе сформированной кавалеріи въ прусскихъ войскахъ, принесшей королю Фридриху II столько пользы въ его первую силезскую войну.

Но если условія службы давали кавалерійскимъ эскадронамъ нѣкоторыя преимущества противъ пѣхотныхъ, то они не имѣли ихъ въ легальныхъ узаконеніяхъ служебной іерархіи. Первымъ полкомъ все оставался преображенскій и избранная изъ него Елисаветою рота подъ наименованіемъ лейбъ-компаніи. Гвардейскіе кавалерійскіе полки всѣ, въ полномъ составѣ своемъ, составляли какъ-бы часть преображенскаго полка, который, вмѣстѣ съ семеновскимъ, а потомъ и измайловскимъ полкомъ, производствомъ изъ капраловъ и сержантовъ, снабжали офицерами всю русскую армію.

Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II это устройство получило иной видъ.

Въ 1762 году, Алексѣй Орловъ, будучи поручикомъ, командовалъ эскадрономъ гусарь, числящихся еще кавалергардами, и занялъ ими Петергофъ во время похода Екатерины на Ораніенбаумъ.

Это ли обстоятельство, или критическое обсужденіе дѣйствій супруга, уничтожившаго лейбъ-компанію и не имѣвшаго потому опоры для своей личной защиты, заставили Екатерину изъ гвардейской кавалеріи сдѣлать какъ-бы гвардію въ гвардіи. Утвердивъ раздѣленіе ихъ на разныя полки, соответственно роду оружія каждаго и принявъ роту кавалергардовъ въ свое личное завѣдываніе, равно какъ преображенскій полкъ, она, можно сказать, учредила іерархію въ старшинствѣ самыхъ полковъ. Корнетъ кавалергардовъ былъ уравненъ съ генераль-майоромъ арміи и капитаномъ гвардіи, въ такомъ расчетѣ, что государыня сама значится ихъ капитаномъ и полковникомъ. Подполковникъ гвардіи равнялся генераль-аншефу арміи и поручику кавалергардовъ; майоры гвардіи были генералы. Вновь устроенные полки

лейбъ-гусарскій и лейбъ-уланскій шли позади кирасирскихъ, кавалергардскаго и военной гвардіи, приче́мъ гусарамъ была дана та форма, которая, говорятъ, очень понравилась императрицѣ на одномъ изъ адъютантовъ германскаго императора, изъ венгерскихъ гонведовъ, выѣхавшемъ къ ней на встрѣчу, — съ предоставленіемъ имъ права носить усы, подобно тому, какъ носили ихъ венгерцы.

Изъ произведенныхъ преобразованій произошли, естественно, и взаимныя отношенія полковъ между собою, также какъ и отношенія ихъ къ обществу.

Само собою разумѣется, что первый дивизионъ кавалергардовъ, сформированный Петромъ Великимъ, состоялъ изъ лучшихъ фамилій въ государствѣ. Рядовые его были молодые князья и графы; шефомъ — Голштейнъ-Бекъ, владѣтельный принцъ голбургскій; командиромъ или поручикомъ — князь Никита Юрьевичъ Трубецкой. Въ него поступила большая часть молодыхъ людей, возвратившихся изъ-за границы, особенно изъ тѣхъ, которые не усвоили какихъ-либо специальныхъ знаній, но довольствовались общимъ образованіемъ. Но вмѣстѣ съ общимъ образованіемъ эти молодые люди усвоили лоскъ, обычаи, этикетъ и изящную внѣшность западной Европы. Они старались ввести эти новые обычаи, взгляды и этикетъ въ своемъ полку. Удивительно ли, что они весьма легко могли ихъ нѣсколько утрировать; а отъ такой утрировки полкъ, естественно, впадалъ въ нѣкоторую щепетильность, чопорность, изысканность, натянутость, которыя прежде всего обозначались общимъ взглядомъ на все свысока, съ пренебреженіемъ, особенно къ простымъ, обыкновеннымъ формамъ жизни, которыя приобъели теперь называть мѣщанскими и которыя всегда и вездѣ золотая и аристократическая молодежь поставляетъ себѣ въ заслугу отрицать.

Усиленіе числа поступавшихъ въ гвардейскую кавалерію, давшее возможность сперва сформировать второй и третій дивизионы, а потомъ образовать изъ нихъ отдѣльные полки, разумѣется, ослабляло силу ихъ исключительности. Они становились не столь отборными, по крайней мѣрѣ по внѣшности, поэтому поневолѣ должны были уступать первому дивизиону. Такимъ образомъ и образовалось, что первый дивизионъ или кавалергарды держали камертонъ, а другіе ему только вторили.

Это положеніе было еще усилено постановленіемъ Екатерины, сдѣлавшимъ изъ кавалергардовъ какъ бы границу доступа къ себѣ. Кавалергардамъ было предоставлено занимать одну изъ внутреннихъ залъ дворца передъ тронной. Всякій

дворники имѣли право входа во дворець, до этой залы, занимаемой кавалергардами, и въ которую назначались отъ кавалергардовъ часовые. Только высшіе государственные и придворные чины и тѣсныя кружки лично принятыхъ императрицѣ людей, по особымъ, даваемымъ ею разрѣшеніямъ, имѣли право входа за кавалергардовъ, въ тронную залу и ея внутренніе покои. Это давало кавалергардамъ видъ исключительной стражи спокойствія и безопасности государыни и, разумѣется, ихъ возбуждало.

Но вотъ при сформированіи отдѣльныхъ полковъ, образовался гусарскій полкъ, самая форма котораго представляла уже дорогую исключительность. Нужно вспомнить, что тогда ни мишуры, ни поволоты не было; нужно было блестяще чистымъ золотомъ и серебромъ. Ясно, что въ такой полкъ должны были поступать только самые богатые люди, именно, золотая молодежь. Но какъ родовыя фамиліи въ Россіи, вслѣдствіе раздѣла имѣній между сыновьями и выдѣловъ приданого дочерямъ, были далеко не богаты, то полку поневолѣ нужно было быть снисходительнымъ въ происхожденію лицъ, въ него поступающихъ. Этимъ, разумѣется, въ лейбъ-гусарахъ разбивалась сословная замкнутость и исключительность, которая въ другихъ полкахъ сохраняли еще преобладаніе. Другая особенность вновь учрежденнаго полка была обязательное ношеніе формы и усвоенные, вмѣстѣ съ этой формой, усы. Первое впрочемъ обуславливалось послѣднимъ. Нельзя же было явиться во французскомъ кафтанѣ, напудренными и въ усахъ; точно также какъ нельзя было сбивать усы, когда надѣваешь кафтанъ, и отращивать ихъ къ тому случаю, какъ придется надѣвать мундиръ. Между тѣмъ въ обществѣ того времени, руководящая обычаями мода узаконила употребленіе костюма именно французскаго покроя. Бархатный или шелковый, весьма рѣдко суконный или казимировый кафтанъ, кружевные бриджи и манжеты, камзолъ непременно шелковый, свѣтлыхъ цвѣтовъ и шитый золотомъ или шелками, но камзолу золотыя брелочки и цѣпочки, французское нижнее платье съ шелковыми чулками и башмаками съ блестящими пряжками, — это былъ общій костюмъ тогдашняго франта, какъ статскаго, такъ и воинскаго. Всѣ были чисто выбриты, всѣ напудрены, а нѣкоторые и въ парикахъ; носимыхъ въ подражаніе модамъ Людовика XIV, признаваемымъ образцомъ изящнаго вкуса образованнаго общества. Въ такомъ костюмѣ являлись военные, какъ офицеры, такъ и солдаты, что, само собой разумѣется, если и сличивало между собою общество,

то ни въ какомъ случаѣ не могло содѣйствовать укрѣпленію дисциплины въ полкахъ. Вдругъ, среди этихъ-то расфранченныхъ и раздушенныхъ петиметровъ, среди этихъ напудренныхъ господчиковъ, балансирующихъ съ ноги на ногу по всѣмъ правиламъ хореографіи, съ приготовленнымъ мадригаломъ на языкѣ и золотую табакеркою въ рукахъ, должны были явиться гусары въ своей богатой, но оригинальной и мужественной формѣ, и—о ужась, въ усахъ!

Подражательная чопорность и искусственность тогдашнихъ взглядовъ были настолько велики, что общество признавало самое слово усы неприличнымъ. До нашего времени дошелъ анекдотъ о приказѣ, отданномъ однимъ изъ начальниковъ, раздѣлявшихъ впрочемъ власть по вѣренному ему управленію съ своею супругою, — приказѣ, послѣдовавшемъ несравненно позднѣе, когда гоненіе на усы потеряло уже свою первоначальную ожесточенность, и усы начали усваиваться и нравиться даже въ тѣхъ частяхъ войскъ, гдѣ ношеніе ихъ еще не было разрѣшено. Начальникъ не призналъ возможнымъ въ приказѣ своемъ употребить столь непристойное слово, каково «усы», и выразился такимъ образомъ: «замѣчено мною и моею женою, что нѣкоторые изъ офицеровъ моего вѣдомства между носомъ и верхнею губою носятъ волоса...» Разумѣется заключеніе было: брить, брить и брить, подѣ опасностію чуть ли не египетскихъ казней. По этому приказу уже позднѣйшаго времени, можно судить, какое гоненіе должны были выдержать усы при первоначальномъ ихъ появленіи у однихъ только гусаръ.

Притомъ гусарская форма представляла еще другія отличія противъ общепринятаго французскаго костюма. Они вмѣсто башмаковъ должны были быть въ гусарскихъ полусапожкахъ, вмѣсто длиннаго французскаго кафтана, съ пристегнутыми полами, быть въ гусарской курткѣ. Все это въ совокупности производило столь сильное впечатлѣніе, что не смотря на то, что полкъ состоялъ изъ самыхъ богатыхъ людей, и въ немъ служило много лицъ самаго избраннаго общества, гусары увидѣли себя какъ бы изолированными. Отъ знакомства съ ними уклонялись, ихъ старались не приглашать. Гусары, разумѣется, обидѣлись и перестали вовсе показываться въ свѣтѣ. Это сблизило ихъ въ дружескій, товарищескій, частію кутящій, съ тѣмъ вмѣстѣ боевой, военный кружокъ, воспоминаніе о которомъ осталось какъ бы завѣтнымъ преданіемъ ихъ удалы и братства. Это воспоминаніе о боевыхъ друзьякъ-удальцахъ, «испивающихъ ковшами» и стоящихъ другъ за друга и за

честь полна какъ одинъ человекъ, и до сихъ поръ можно слышать въ преемственныхъ преданіяхъ послѣдующихъ поколѣній нашей арміи.

Въ то же время явилось и укоренилось въ нихъ желаніе быть совершенною противоположностію тогдашняго придворнаго типа, который не только усвоили, но которымъ желали руководить кавалергарды и конная гвардія, въ тонѣ общаго направленія французскаго пегиметрства. Стремленіе противорѣчить этому направленію заставило гусаръ принять вмѣсто изысканности и фатовства, естественность и простоту; вмѣсто стремленій къ этикету, чопорности и раздражительности, принять тонъ искренности, прямоты, подчасъ нѣсколько даже грубоватой, и своеобразное стремленіе къ народности, къ русизму.

Вотъ это-то направленіе пылкаго товарищества, взаимной помощи и наблюденія другъ за другомъ, въ видахъ охраны традицій и чести полка, и вызвали миссію Бурцова съ заявленіемъ отъ имени всѣхъ, что вызовъ Гагаринимъ Чесменскаго лейбъ-гусарскій полкъ признаеть для себя оскорбленіемъ и требуетъ удовлетворенія въ лицѣ всѣхъ его членовъ отъ полковаго командира до послѣдняго юнкера или вахмистра изъ дворянъ.

— Чесменскій мальчишка хорошій, говорилъ Денисовъ, извѣстный рубака, съ тѣмъ вмѣстѣ и извѣстный питухъ,—изъ него со временемъ, можетъ, толкъ выйдетъ! Будеть настоящий гусаръ! Особенно коли перестанеть за этими поп cher'ами гоняться.

— Да, его надобно поддержать, а то эти шелкоперы его совсѣмъ заклюють съ его дворянствомъ неизвѣстнаго происхожденія, сказалъ другой, ротмистръ Платовъ, суровый, весьма уважаемый офицеръ, дававшій тонъ гусарскимъ бесѣдамъ.

— Какое намъ дѣло до происхожденія, кричалъ третій, Мосоловъ, уже порядочно вылившій, какъ говорили тогда, за галстухъ.—Онъ гусаръ—и этого довольно, всѣ должны его уважать!

— Прочитать [этихъ шелкоперовъ надо, вотъ что! кричалъ Денисовъ.—Чесменскій никого не могъ обидѣть, захватъ засвидѣтельствовать свое почтеніе.

И вотъ старые усатые ротмистры обсудивъ дѣло, нашли, что Чесменскій ни въ чемъ не виноватъ, и поручили Бурцову, какъ младшему въ ихъ совѣтъ, подняться до свѣту, захватъ сперва къ Чесменскому и хорошенько разспросить, нѣтъ ли

другой причины дуэли; если же нѣтъ, если точно все дѣло вышло только изъ-за усобъ, то вести ихъ вызови Гагарину.

Мы видѣли, что дѣйствительно Бурцовъ прѣхалъ ни свѣтъ ни зари.

Въ зимнемъ дворцѣ, въ рабочемъ кабинетѣ государыни, въ двухъ шандалахъ, на большомъ письменномъ столѣ, горѣло восемнадцать восковыхъ свѣчей.

Государыня императрица Екатерина Алексѣевна сидѣла за этимъ ярко освѣщеннымъ столомъ, въ бѣломъ шелковомъ гарнитуровомъ шлафрокѣ, съ легкой флеровой накидкой на головѣ, и припиленной на груди рододендромъ. Она писала и, видимо, была увлечена своей работой, потому что не замѣчала, что она чернилами пачкаетъ подчасъ гро-гро своего шлафрока и рѣшительно приводитъ въ негодность обшитыя кругомъ его рукавовъ кружева. Въ углу комнаты горѣлъ каминъ, затопленный собственноручно ея царственной особой.

Перо ея быстро скользило по бумагѣ, не успѣвая слѣдить за быстротою теченія ея мысли. Минутами она останавливалась, прочитывала написанное, хмурилась или улыбалась, вымарывала нѣсколько словъ и начинала писать снова.

Государыня любила писать. Она говорила: развѣ можно прожить цѣлый день, не написавъ ни строчки. Результатомъ такой любви ея къ письму, кромѣ цѣлыхъ томовъ ея переписки, осталось нѣсколько белетристическихъ и критическихъ ея сочиненій въ различныхъ родахъ, преимущественно въ драматической формѣ, но частію и дидактическихъ, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Къ сожалѣнію, доселѣ ея сочиненія еще не собраны вполне и не изданы; между тѣмъ онѣ любопытны уже по одному имени ихъ автора.

Въ настоящую минуту она писала о предметѣ, который, въ ея изложеніи, могъ бы имѣть не только историческій интересъ, но и практическое значеніе даже для нынѣшняго времени. Ея сочиненіе было озаглавлено: «Тайна одного нелѣпаго общества, раскрытая передъ цѣлымъ міромъ».

Екатерина много трудилась надъ этимъ вопросомъ, много о немъ думала. Ее занимала мысль, какимъ образомъ это общество, которое она называетъ нелѣпымъ, могло образоваться, исходя изъ тѣхъ же самыхъ началъ мысли; можно сказать, изъ того же корня разумности, изъ котораго исходило и ея собственное мировоззрѣніе. Между тѣмъ какая противоположность...

Отчего? какимъ образомъ? Развѣ у насъ не одна логика? Развѣ строеніе мысли совершается не по однимъ и тѣмъ же законамъ разума и истины? А если начало одно, если развитіе мысли совершается по однимъ и тѣмъ же законамъ логики, то и выводы, бесспорно, должны быть одинаковы. Между тѣмъ, какое противорѣчіе? Одна сторона, думала Екатерина, — стоитъ за порядокъ, разумъ, истину, а другая проповѣдуетъ хаосъ, разгромъ, анархію, и все опираясь на тѣ же начала и руководствуясь тѣми же доводами.

Предлагая къ своему разрѣшенію этотъ вопросъ, она невольно вдалась въ анализъ своего собственнаго развитія. Она вспоминала и свое дѣтство, и мамамъ, учившую ее французскому языку, и своего отца, прускаго коменданта, солдатскую косточку прускаго образца, хотя онъ и былъ владѣтельный принцъ. Вспоминала свою мать, молодую женщину, вышедшую за ея отца замужъ, не смотря на разность лѣтъ и, разумѣется, отсутствіе всякой симпатіи, потому что иѣмецкимъ принцесамъ мелкихъ владѣній было выйти замужъ тогда труднѣе, чѣмъ богачу-кулаку попасть въ царствіе небесное. Помнить она за то при ней молодого, красиваго русскаго варвара, незаконнаго сына стараго, послѣдняго русскаго боярина, заика, фельд-маршала и андреевскаго кавалера, князя Ивана Петровича Трубецкаго. Этотъ варваръ однакожъ блестялъ лоскомъ французской образованности. Онъ былъ другомъ перваго *maître de salon* своего времени герцога Ришелье. Своєю ловкостью, остроуміемъ, блескомъ онъ заставилъ забыть побочность своего происхожденія и затмѣвалъ собою самыя блестящія имена французскаго петиметрства. Д'Эгриньонъ и Лозенъ завидовали его успѣхамъ; Кребильонъ прославлялъ ихъ въ своихъ посланіяхъ. Живой, веселый, блестящій, онъ устроился при дворѣ ея отца, былъ своимъ, и провожалъ ея мать, вмѣстѣ съ нею, въ Россію, по вызову императрицы Елисаветы, чтобы быть объявленной неврѣстой ея племянника, великаго князя.

Она помнить евой пріѣздъ, встрѣчу ея въ Россіи, привѣтъ императрицы, праздники, подарки, свою болѣзнь, наконецъ, свою увѣренность въ томъ, что здѣсь она должна царствовать.

Затѣмъ мысль ея останавливается на ея свадьбѣ, несчастной жизни ея съ мужемъ, скукѣ одиночества среди многолюдства двора. Она помнить, какъ, именно благодаря этому одиночеству, этому уединенію въ толпѣ, она полюбила чтеніе; какъ отдалась она чтенію со всѣмъ увлеченіемъ своей страстной натуры, со всюю силою своихъ стремленій къ дѣятельности.

И вотъ, она живетъ, мыслить; анализируетъ съ великими умами вѣка. Передъ нею, какъ тѣни, мелькають энциклопедисты, съ Вольтеромъ во главѣ, и обращенными отъ него въ ней льстивыми тирадами. Передъ нею Дидеротъ, этотъ фантазеръ философіи, оставившій послѣ себя, какъ фейерверкъ, только дымъ фразъ. Наконецъ, д'Аламберъ, въ одно и то же время точный и мечтательный, философъ и утопистъ. Потомъ Гельвецій, Бекаріа, Монтескье. Что осталось въ ней отъ нихъ теперь? А она ими зачитывалась.

Естественно, практическая жизнь взяла свое. Не оставаться же ей было въ тѣхъ сонякахъ, которые не сдумаютъ стать на ночь дѣйствительныхъ требованій жизни? Не вдатся же было въ сентиментальность, ради какихъ-то отвлеченныхъ началъ безупречности? Она любитъ жизнь, а не мечту; любитъ дѣйствительность, а не идеалы. Къ тому же лишеніе всегда лишеніе, а ея супругъ не хотѣлъ понять высоту величія своего положенія—быть наследникомъ русскаго престола. Онъ все, даже въ мечтѣ своей, оставался тѣмъ же голштинскимъ принцемъ, какимъ онъ былъ десяти лѣтъ.

Жизнь при дворѣ всегда и для всѣхъ хорошій урокъ, тѣмъ болѣе для молодой принцессы, нелюбимой своимъ мужемъ. Особенно чувствителенъ долженъ былъ быть этотъ урокъ при дворѣ императрицы Елисаветы. Екатерина помнить лицъ этого двора, съ ихъ особенностями и ихъ фаворомъ. Она помнить Разумовскихъ, изъ коихъ одинъ, осыпанный всѣми дарами счастья, по очереди то вдатся въ ханжество, въ мистицизмъ, то бушуетъ во хмѣлю, даже до того, что готовъ принять въ батожье генераль-фельдцейхмейстера Шувалова; и другаго—свое вліяніе на котораго она успѣла замѣтить; помнить Бутурдина, который думалъ, что довольно быть фельдмаршаломъ, чтобы умѣть побѣждать неприятелей и брать ихъ крѣпости; помнить и Шуваловыхъ: Петра Ивановича, считавшаго совершенно излишнимъ что нибудь знать, чему нибудь учиться, чтобы сочинять всевозможные проекты преобразованій и проводить ихъ; Александра Ивановича, повторявшаго каждое слово Никиты Юрьевича Трубецкаго, какъ заданный урокъ; потомъ пресловутаго Ивана Ивановича, гонявшагося за французскою образованностью и желавшаго разыгрывать роль русскаго мецената; наконецъ, помнить Сиверса, котораго никакъ нельзя было увѣрить, что главное достоинство человѣка заключается не въ томъ, чтобы умѣть ловко поднести кофе.

Помнить она и тѣхъ, которые тогда ее, великую княгиню,

опружали, которые пользовались ея расположеніемъ. Салтыковъ, Понятовскій, братья Орловы, особенно Григорій, этотъ геній-самоучка, блестящій красавецъ, отважный борецъ, готовый за нее на все. Они нѣвогда занимали ея воображеніе и были ей дѣйствительно и истинно преданы. Но такія ли лица должны были окружать ее, будущую русскую государыню?

Въ противорѣчіе этой жизни съ госпожею Чогаковой, графинею Брюсъ, Разумовскою, Дашковой, Нарышкиными, полной безцѣльныхъ сплетней, придворныхъ интригъ, самодовольнаго чванства, — воображеніе рисовало передъ нею картину парижскихъ салоновъ, этихъ бюро разума, какъ они сами себя прозвали, съ ихъ пресловутою мадамъ Жоффренъ, съ которою Екатерина переписывалась. Перспектива дали представляла эти салоны въ самомъ увлекательномъ свѣтѣ. Екатеринѣ казалось, что они, эти бюро разума, дѣйствительный источникъ развитія мысли, дѣйствительно истинный свѣтъ, отрицающій все темное и освѣщающій все, достойное человѣка. Но что же случилось съ такимъ источникомъ свѣта? Гдѣ онъ, и отчего не освѣтитъ онъ пропасть, къ которой человѣчество видимо стремится, особенно тогдашнее французское общество? — Вопросъ, вопросъ и вопросъ...

— «Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, нужно взглянуть на жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, во всѣхъ практическихъ метафорфазахъ мысли», думаетъ Екатерина.

И вотъ несутся передъ нею Танюши и мадамъ Стакъ, митрополитъ Свѣченъ и карбонары; иезуиты и прусскій король Фридрихъ; колеблющаяся императрица Марія-Терезія, илюминаты и самоотрицаніе раскольниковъ-прыгуновъ. Ко всему она присматривалась когда-то, все изучала; не даромъ говорила она князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, что она не боится труда. Но гдѣ же правда жизни, въ чемъ же истина?

И новыя картины представляются ей, какъ-бы въ отвѣтъ на ея вопросъ. Она видитъ вступленіе свое на престолъ, начала ея политики, восторгъ народа, блескъ коронаціи, а затѣмъ заговоры, смуты, новыя интриги и Пугачевъ. Неужели все это разумно, неужели все это должно было быть?

— «Нѣтъ, не могло и не должно было быть! Могли не признать меня; а если признали, то, ради самихъ себя, должны были повиноваться. Нельзя говорить и да, и нѣтъ; нельзя отрицать то, что сами же установили!»

Опираясь на этотъ выводъ, Екатерина хотѣла разбить противниковъ своей мысли разумомъ своего слова, силою своего логическаго анализа. Но она забыла, что логическій анализъ

рѣдко поддается страстности; а отъ страстности-то она, будучи представительницею одной изъ сторонъ дѣла, и не могла отфрѣшиться.

Ей вспоминаются: Радищевъ, съ его указаніями несправедливостей, притѣсненій, обидъ, всей ненормальности русской жизни, падающей прежде всего на нее саму, какъ на государыню; Лопухинъ, съ своими финансовыми теоріями на мистической подкладѣ любви и терпѣнія; масоны, съ ихъ социальными воззрѣніями на человѣчество.

«Не правы ли они?» спрашиваетъ себя Екатерина.— «Ни въ какомъ случаѣ! отвѣчаетъ она.— Во всемъ этомъ только французская зараза, только ядъ ума, который горячить, но не укрѣпляетъ, отравляетъ, но не излечиваетъ. Можетъ быть Державинъ правъ, продолжаетъ Екатерина, стараясь разрѣшить вопросъ, который сперва казался ей столь яснымъ,— можетъ быть этотъ упрямый, но восторженный, разумный но необразованный царедворецъ, говорящій рѣзкую правду и потомъ старающійся задобрить выслушаніе этой правды стихотворною лестью, имѣлъ всѣ основанія утверждать, что рѣшенія мои далеки отъ справедливости? Нѣтъ и опять нѣтъ! отвѣчала себѣ Екатерина, задумываясь надъ тѣмъ, что она слышала отъ Державина и что заставило ее оттолкнуть его отъ себя.— Истина не бываетъ лестью; а гдѣ лесть, тамъ нѣтъ истины».

Екатерина готова была вѣрить, что она Фелица, но не могла повѣрить никогда, чтобы ктонибудь или чтонибудь могло имѣть вліяніе на ея рѣшенія.

«Тамъ кто же, наконецъ, правъ? продолжала она спрашивать себя, вдумываясь въ свои слова и анализируя свою собственную мысль.— Новиковъ, мартинисты съ своею подземною дѣятельностью? Неужели они? Никогда, никогда! Эта дѣятельность можетъ философствовать, можетъ интриговать, можетъ красоваться самопожертвованіемъ, самоотрицаніемъ, но никогда не дастъ разумнаго вывода, ведущаго къ общему благу. Ихъ дѣятельность—интрига; безъ интриги они немедленно исчезнутъ со всею своею дѣятельностью, полною видимаго самоотрицанія и скрытой гордости...—Однакожь, вдругъ спросила Екатерина себя,— не эта ли дѣятельность выдумала, создала сперва Пугачева, а потомъ самованку? Нѣтъ, не она! подумавъ, отвѣчала она опять себѣ.— Та не касалась идей, не входила въ глубину отношеній взаимности. Та опиралась только на виѣшность и распространялась, благодаря только виѣшности. Она шла только противъ меня, противъ моей личности, и была создана только

лицомъ. А въ дѣятельности мартинистовъ нѣтъ лица; оно принимаетъ только идею, борется только противъ принципа. Поэтому та могла быть уничтожена силою оружія, а чтобы уничтожить эту—недовольно матеріальной силы, нужна еще сила мысли».

И вотъ, приходя невольно къ этому выводу, она пишетъ, пишетъ со всею страстностью, со всѣмъ нетерпѣніемъ увлекающагося критика.

Ея опроверженія, ея доводы, если и не представляютъ логически несомнѣнныхъ положеній отвлеченной мысли, то не менѣе того очень любопытны. Они заключаютъ въ себѣ столь интересныя указанія практическаго взгляда одной изъ сторонъ, разсматривающаго вопросъ въ его дѣйствительномъ, реальномъ значеніи, въ томъ значеніи, которое создаетъ ему дѣйствительная жизнь, что не могутъ не останавливать на себѣ вниманія. Екатерина съ особою ясностью успѣла очертить относительность всякаго ученія въ примѣненіи его къ практикѣ. Она разобрала и разсмотрѣла ничтожество общихъ мѣстъ, ничтожество фразерства, думающаго красивымъ словомъ замѣнить практичность истины. Ей припоминается опять Дидеротъ, думавшій научить ее царствовать въ такомъ видѣ, чтобы своимъ царствованіемъ осчастливить пол-міра.—«Если-бы, вспоминаетъ Екатерина,—она вздумала принять и осуществить хоть одно изъ предлагаемыхъ имъ указаній всеобщаго счастія, она, несомнѣнно, залила бы свою имперію кровью. Она не поддавалась на эту удочку отвлеченныхъ доктринъ и была права, объявивъ, что одно дѣло—писать теоріи абсолютнаго благоденствія, другое—управлять государствомъ.»—«Люди не бумага, и не такъ скоро расстаются съ своими убѣжденіями, даже ошибочными, какъ та съ своей безукоризненной бѣлизной», отвѣчала Екатерина на предложенный Дидеротомъ вопросъ, и подумала: «Бѣдный мечтатель, неужели ты думаешь, что не умѣла бы и я броситься въ отвлеченность, если-бы не была обязана стоять на почвѣ дѣйствительности, на почвѣ практической жизни? Правда,—прибавила она затѣмъ со вздохомъ,—практика-то жизни и убиваетъ иногда строгость логики! Какимъ же образомъ ихъ сблизить, чѣмъ соединить?» вотъ въ чемъ былъ ея настоящій вопросъ...

Остановившись на этомъ вопросѣ, государыня взглянула на часы, стоявшіе на тумбѣ противъ средняго окна ея кабинета, выходящаго на дворцовую площадь, прямо противъ дома, только что подареннаго графу Маркову. Демъ этотъ въ настоящее время вошелъ въ составъ генеральнаго штаба и составляетъ

часть, занимаемую министерствомъ иностранныхъ дѣлъ; но тогда это былъ небольшой, но красивый домъ, прямо противъ кабинета Екатерины, такъ что, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, графъ Марковъ устроилъ въ своемъ домѣ прямую и настоящую обсерваторію для наблюденія за всѣмъ, что дѣлалось на русскомъ небосклонѣ того времени, въ Зимнемъ дворцѣ.

Часы только начали переваливать послѣднюю четверть часа и потомъ ударили девять; послѣ чего раздалась арія Чимарозы изъ Армиды. Государыня въ ту же минуту положила перо и подумала: «Приходится отложить! Нужно держать въ порядкѣ свое маленькое хозяйство, а чай уже многіе собрались и ждутъ», и она позвонила.

Изъ-за драпри, прикрывающаго дверь изъ кабинета въ уборную, показался бывшій камердинеръ великолѣпнаго князя Тавриды Кошечкинъ, взятый за свою службу при князѣ, послѣ его смерти, вмѣстѣ съ другимъ камердинеромъ Секретаревымъ, въ камердинеры государыни, съ предоставленіемъ имъ бласнаго чина и тѣхъ правъ, которыми обуславливается служба при особѣ царствующаго императора.

Камердинеръ несъ на золотомъ подносѣ маленькую чашку знаменитаго до сихъ поръ *vioux sax*, присланную Екатериной въ подарокъ отъ прускаго короля Фридриха изъ вещей, купленныхъ имъ послѣ извѣстной графини Бенигсмаркъ, матери не менѣе извѣстнаго графа Морица Саксонскаго. Чашечка была налита крѣпкимъ чернымъ отваромъ мокка. Подлѣ, на золотомъ же блюдечкѣ, лежалъ одинъ бисквитъ.

Государыня взяла чашку съ лежащею подъ нею салфеткою, хлебнула, отпивъ почти треть принесеннаго кофе, поставила чашку передъ собою, откусила маленькій кусочекъ бисквита и откинулась на штофную спину своего стула.

— Много собралось? спросила государыня у камердинера.

— Какъ же, ваше величество. Кромѣ всегдашнихъ, ожидаютъ ваше величество ихъ превосходительства: Дмитрій Петровичъ Тропинскій и Андрианъ Моисѣевичъ Грибовскій, его превосходительство Василій Степановичъ Поповъ, его сіятельство графъ Аркадій Ивановичъ Марковъ и вице-канцлеръ графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ. Еще прибыли какіе-то двое грузинъ, одинъ предводитель дворянства и смоленскій губернаторъ, по особому вашего величества высочайшему повелѣнію; а какъ изволили позвонить, входилъ кажется и его сіятельство г. фельд-маршалъ графъ Александръ Васильевичъ; но ни Льва Александровича, ни графа Александра Сергѣевича еще нѣтъ!

— Хорошо. А его свѣтлость князь Платонъ Александровичъ еще не изволилъ пожаловать?

Екатерина любила величать даже заочно полными титулами, особенно тѣхъ, которымъ титулы эти были пожалованы ею самою.

— Никакъ нѣтъ, ваше величество, его свѣтлость еще не выходили отъ себя.

— Къ докладу готово?

— Все готово, ваше величество!

— Хорошо. Просить ко мнѣ оберъ-полиціймейстера.

Екатерина въ это время допила свою маленькую чашку кофе и докушала бисквита.

II.

Противорѣчія.

Въ это время Чесменскій горячо спорилъ съ Бурцовымъ, доказывая, что ни его пріятель, ни полкъ, въ которомъ они оба имѣютъ честь служить, и никто другой въ мірѣ не имѣютъ права входить въ его дѣла и принимать на себя разбирательство ихъ личныхъ съ княземъ Гагаринымъ отношеній.

— Онъ меня вызвалъ, прекрасно! горячо говорилъ Чесменскій. — Онъ имѣлъ полное право меня вызвать, хотя бы потому, что вот мое лицо ему не нравится. Вызавъ, онъ предоставилъ мнѣ выбирать оружіе; я выбралъ шпаги, хорошо! Почему не пистолеть, не эспадонъ, не кинжалъ, не ножъ наконецъ, какъ дерутся между собою американскіе дикари, это тоже мое личное дѣло; какіе же могутъ быть вопросы, какая можетъ быть опека? Я не мальчикъ, чтобы быть долженъ, прежде чѣмъ плюну, спросить позволеніе у маменьки. Правда я моложе всѣхъ; но я офицеръ — и ни подъ чьимъ надзоромъ не состою! Если я хочу быть убитымъ, какое кому дѣло?...

— Не горячись, любезный, горячка не годится ни въ чорту! Какъ нѣтъ дѣла? Дѣло есть и еще какое дѣло? Честь и мундиръ полка! Ты думаешь, весело намъ будетъ слушать, какъ будутъ говорить, что князь Гагаринъ лейбъ-гусара Чесменскаго какъ муху прокололъ. Нѣтъ, братъ, это лейбъ-гусарамъ не руга. Вотъ ты проколи Гагарина, другое дѣло, мы всѣ рады

будемъ; но какъ этого не случится навѣрное, то... Вотъ выйдешь въ отставку и будешь вольный казакъ. Дѣлай тогда, что хочешь, полкъ не вмѣшается. А пока ты носишь нашъ мундиръ, принадлежишь нашему обществу, до тѣхъ поръ... извини! Пой, что хочешь, а дѣлать долженъ то, что слѣдуетъ... Ты бы еще вздумалъ, въ виду всего полка, да хотя бы при одномъ только мнѣ, застрѣлиться, утопиться или повѣситься, и захотѣлъ бы, чтобы мы всѣ зѣвали на потолокъ, пока ты надѣваешь на себя петлю. Шалишь, любезный! Невмѣстательство имѣетъ свои предѣлы, за которыми оно уже преступленіе.

Молодые люди горячились.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ только одинъ выходъ: повѣситься, какъ Миша Сушковъ. Его положеніе было сходно съ моимъ; дядя его, статсъ-секретарь, записалъ его въ дипломаты. Отправили его въ Берлинъ и не дали ни гроша. Что ему было дѣлать? Да онъ еще былъ въ чужомъ городѣ, гдѣ его никто не зналъ. А я? Помилосердуйте, господа! Изъ гвардіи не выпускаютъ и еще хотятъ, чтобы я служилъ въ самомъ дорогомъ полку, а средствъ нѣтъ никакихъ. Жди пока съ неба манна упадетъ! Да еще полкъ хочетъ ограничивать: того ни дѣлай, туда ни ходи, являйся въ приличномъ видѣ. Иванъ Петровичъ Лопухинъ, проповѣдуя свою христіанскую идею правды и добра, говоритъ:— «Жизнь, горе и труды понимаю, и не прочь ни отъ того, ни отъ другаго. Только трусь боится горя и страданій, только лѣнтяй боится труда.» Ну, я не лѣнтяй и не трусь! Я не боюсь ни горя, ни труда; готовъ сейчасъ хотъ камни ворочать, хотъ мостовую мостить; но поможетъ ли мнѣ этотъ трудъ? Да и полкъ, что послѣ скажетъ?

— Выходи изъ поля и тогда дѣлай что знаешь! отвѣчалъ Бурцовъ, покручивая усы, — любимый приемъ гусаровъ того времени,

— Не выпускаютъ, не выпускаютъ, даже просьбы о выходѣ не принимаютъ, горячо отвѣчалъ Чесменскій. — Въ этомъ-то и состоитъ ненормальность, неестественность моего положенія. Какъ ни молодъ я, а все могу понять, что дѣло неладно! Ко мнѣ приступаютъ, отъ меня требуютъ, мнѣ указываютъ, а я... Что я могу сдѣлать, когда у меня ни за мной, ни предъ мной ничего нѣтъ? Бросаюсь изъ стороны въ сторону, какъ угорѣлый, а толку нѣтъ! Вотъ, думаю, стрѣляться или вѣшаться, дѣло нехристіанское... Припомни, что мы клятву передъ великимъ мастеромъ нашей ложи произнесли: никогда не думать о самоубиеніи, беречь свое тѣло, какъ сосудъ души.. Хорошо! Но если другой застрѣлитъ

меня или заколетъ, я не виноватъ. Грѣхъ на его душѣ! Я клятвы не нарушалъ, а онъ не обязанъ меня беречь и щадить. Вотъ, думаю, выходи! Кажется никому ничѣмъ не мѣшаю. Такъ и тутъ нѣтъ, полку нужно вмѣшаться, любовному моему другу и товарищу Бурцову мое дѣло покоя не даетъ. Говорять: во имя товарищества и единства. Да Богъ съ вами и съ вашимъ единствомъ, когда единство не помогаетъ, а только требуетъ! За тѣмъ и въ самомъ дѣлѣ останется одинъ исходъ—Миши Сушкова.

— Не горячись, почтенный, многоуважаемый. Объ этомъ можно поговорить! Если полкъ хочетъ заставить тебя жить, то можетъ найти и средства къ жизни...

— Чтоже, дадутъ милостыню! Не хочу я милостыни, не хочу подачекъ! Мнѣ и тѣ подачки, которыя я съ дѣтства получалъ, опротивѣли до омерзения. Я хочу быть свободнымъ, только свободнымъ, больше ничего! Имѣть право хоть съ голоду умереть. Жить трудомъ, но безъ опеки, безъ стѣсненій, безъ требованій. Пожалуй ничего не имѣть, но знать, что за то въ мою жизнь не можетъ нѣто вмѣшаться.

Споръ былъ прерванъ приходомъ еще гусара. Это былъ Кандалицевъ. Онъ объяснилъ, что Гагаринъ принялъ всѣ условія и что дуэль должна быть завтра со свѣтомъ, т. е. около десяти часовъ утра, на Каменномъ островѣ, за Бестужевской дачей, и именно, какъ Чесменскій желалъ, на шпагахъ.

— Ничего не сказалъ Гагаринъ объ оружїи, когда ему сказали, что Чесменскій выбираетъ шпаги? спросилъ Бурцовъ.

— Напротивъ, замѣтилъ, что дуэль будетъ неровна. — «Чесменскій не можетъ драться на шпагахъ, какъ я, сказалъ онъ, но прибавилъ: — Не кланяться же мнѣ ему, дескать, выберите что нибудь для себя по-выгоднѣе! Выбралъ шпаги, прекрасно! Я принимаю! А тамъ, его дѣло думать.»

— Видишь и князь находить, что дуэль неровна будетъ! Впрочемъ, посмотримъ, что онъ скажетъ послѣ моего визита.

— Не ѣзди, Бурцовъ, прошу! Онъ еще подумаетъ, что я нарочно придумалъ и уговорилъ...

— Вотъ хорошо! Это до тебя не касается вовсе! Я уполномоченъ отъ полка, а не отъ тебя! Ты съ нимъ драться не отказываешься. Онъ можетъ тебя убить, если хочетъ! А тамъ дѣло наше... Будь здоровъ, да не думай глупостей. Богъ дастъ все переमेется и мука будетъ!

— Не мука, а развѣ мука.

Но Бурцовъ уже скрылся, оставивъ Чесменскаго глазъ-на-

глазъ съ его секундантомъ, тоже корнетомъ-лейбъ гвардіи гусарскаго полка Кандалицевымъ.

— Ну говори, ты доволенъ условіями, кажется все по твоему желанію? спросилъ Кандалицевъ.

— Благодарю, другъ, сердечно благодарю! задумчиво отвѣчалъ Чесменскій.— А кто у него секундантъ?

— Его своякъ, полковникъ Ильинъ. Я сейчасъ къ нему ѣду.

— Поѣзжай, душа! только вотъ какая неприятность! Ты знаешь, зачѣмъ пріѣхалъ Бурцовъ?

— Нѣтъ, а что?

— Онъ пріѣхалъ объявить, что полкъ этой дуэли не допускаетъ, и что если Гагаринъ своего вызова назадъ не возьметъ, то ему пришлетъ вызовъ весь полкъ.

— Полкъ! Да ему какое дѣло?

— Говорятъ, что имъ обидно, что дуэль изъ за-усовъ, когда они всѣ носятъ усы!

— Да кто же вамъ велитъ говорить, что дуэль изъ-за усовъ; развѣ нельзя найти другую причину? А то, понятно, они могутъ на Гагарина обидѣться...

— Какую же причину я могъ имъ сказать?

— Мало-ли? Могъ бы сказать, что ты вздумалъ ухаживать за его молоденькой свояченицей, ш-лле Ильиной, что она къ тебѣ была благосклонна и князь потребовалъ, чтобы ты на ней женился, а ты не хочешь, или что ты въ эрмитажѣ вздумалъ сдѣлать ручку его супругѣ княгинѣ; когда она играла па-стушку Альцесту; наконецъ, поспорилъ съ княземъ за картами, сказавъ, что онъ любитъ заглядывать въ чужія. Мало-ли, что придумать можно? Тогда никто слова-бы не сказалъ. А то изъ за усовъ! Оно, конечно, полку обидно, а главное смѣшно! Будто усы могутъ быть причиной дуэли? Всего лучше сказать, что началъ ухаживать за свояченицей, и князь, замѣтивъ съ ея стороны къ тебѣ нѣкоторую склонность, надутый своей родословной и княжествомъ, не захотѣлъ допустить даже возможности своего свойства съ тобой, дворяниномъ неизвѣстнаго происхожденія.

Чесменскій промолчалъ.

Онъ думалъ: «Чтобы я позволилъ себѣ вмѣшать ея имя, чтобы я позволилъ себѣ лгать, клеветать, и на кого же—на нее? Грязнить своей клеветой ея чистое имя? Никогда, никогда! Пусть лучше меня разорвутъ на части, слова не скажу, но такой подлости я не сдѣлаю никогда и ни за что!»

Въ кабинетѣ Екатерины изъ за драпри дверей показалась тучная и довольно неуклюжая фигура с-петербургскаго оберъ-полиціймейстера бригадира Никиты Ивановича Рылѣва, въ мундирѣ измайловскаго полка прежняго покроя, съ высокимъ, шитымъ золотомъ, срѣзнымъ воротникомъ, напоминающимъ боярскій козырь, въ бѣломъ галстухѣ, ботфортахъ, черномъ шелковымъ съ серебряными полосами шарфѣ, коротенькой шпагѣ, торчавшей съ лѣваго бока, какъ вертелъ, и въ крестѣ св. Анны на шеѣ, украшенномъ брилліантами.

Показавшись изъ-за драпри, оберъ-полиціймейстеръ остановился у дверей и низко поклонился, касаясь рукою пола. Потомъ онъ сталъ тихъ приподниматься, выправляя свою тучную фигуру и склоняя въ то же время голову, будто боясь вдругъ показать государынѣ свое круглое и красное лицо.

Онъ зналъ, что его не похвалятъ, поэтому всѣми мѣрами старался протянуть время до той минуты, когда придется выслушать выговоръ, и этой самой протяжкой думалъ смягчить, если можно, предстоящій гнѣвъ.

— Что это, г. бригадиръ, сурово и строго начала Екатерина:—вы сума сопли, что ли, или сходить было не съ чего? Что-такое вы еще тамъ выдумали? Что вы хотѣли сдѣлать съ моимъ Сутерландомъ?

— Виновать, ваше величество, вы изволили приказать... хриплымъ голосомъ началъ говорить Рылѣвъ.

— Что? Я приказать? Вы сумасшедшій, совсѣмъ сумасшедшій! Или вы думаете, что у васъ государыня помѣшанная, или такая кровопийца, что на людей кидается? Который разъ я вамъ говорю: «не поняли, спросите, а не бросайтесь, будто васъ съ цѣпи спустили.» Ну скажите, чѣмъ теперь вознаградить смятеніе, испугъ, наконецъ, отчаяніе... Вѣдь это до того глупо, до того глупо, что не вѣрится, чтобы человекъ съ разумомъ могъ такую глупость выдумать! Хорошо же вы думаете о вашей государынѣ, когда полагали, что она можетъ приказать такую глупость!...

Бригадиръ и кавалеръ Никита Ивановичъ Рылѣвъ молчалъ. Онъ самъ сознавалъ, что глупости, которую онъ сдѣлалъ, не было ни предѣловъ, ни извиненія, но... но... вѣдь онъ хотѣлъ... онъ думалъ... онъ думалъ, что первое дѣло исполнить приказаніе, а потомъ уже разсуждать. И онъ пыталъ и краснѣлъ отъ гнѣва Екатерины, чувствуя себя подъ грозою, и еще какою грозою!

Холодный потъ выступалъ на его лбу, лицо покрылось пурпуромъ. Но онъ молчалъ, сознавая, что каждое слово его только болѣе разсердитъ государыню.

Дѣло въ томъ, что наканунѣ, когда онъ утромъ явился во дворецъ съ донесеніемъ о происшествіяхъ дня, государыня сказала:

— Вѣдь у тебя, Рылѣвъ, при полиціи служить, кажется, препаровщикъ, который умѣетъ чучела изъ звѣрей и птицъ набивать? Вели, пожалуйста, набить чучелу изъ Сутерланда и отошли ее отъ моего имени въ кунсткамеру; пусть поберегутъ, какъ рѣдкость. Особенно тщательно желала бы я сохранить уши и ноги; дѣйствительно, такіа рѣдко можно встрѣтить. По-заботься!

Рылѣвъ посмотрѣлъ на государыню съ изумленіемъ, но вида, что она говоритъ серьезно, не смѣлъ возражать.

Его молчаніе было тѣмъ естественнѣе, что Сутерландъ былъ банкиръ и на всякій праздникъ не забывалъ ни оберъ-полиціймейстера, ни другихъ великихъ людей міра, такъ что у оберъ-полиціймейстера, вмѣстѣ съ прочими особами, было, какъ говорятъ, «рыльце въ пушку». Бѣда; если сдѣланнымъ вопросомъ себя выдашь! Поневоля молчать приходится.

Получивъ такое приказаніе, нашъ бригадиръ и кавалеръ, не говоря дурнаго слова, хотя и съ крайнимъ сожалѣніемъ, но, какъ вѣрный исполнитель, сейчасъ же отправился къ своему доброму банкиру. Что дѣлать, служба прежде всего!

Сутерландъ принялъ его почтительно и ласково.

«Зачѣмъ бы, и такъ рано? подумалъ онъ, когда ему доложили о с.-петербургскомъ оберъ-полиціймейстерѣ. — Вѣрно перехватить хочетъ, просить передъ праздниками. Ну что-жь? Онъ человѣкъ хорошій; если сумма небольшая, можно и дать!»

Съ этою мыслью онъ велѣлъ просить Рылѣва въ кабинетъ и встрѣтилъ его у дверей. Тутъ его поразило, что оберъ-полиціймейстеръ вошелъ въ нему въ полной формѣ и съ двумя урядниками, замѣнявшими тогда нынѣшнихъ жандармовъ.

— Простите, мойнъ геръ, началъ неопредѣленно Рылѣвъ, блѣднѣя и потраживая своею рукою, когда-то раненою подъ Очаковымъ, — простите, что я къ вамъ съ тяжкимъ и крайне неприятнымъ порученіемъ. Видитъ Богъ, я не виноватъ! Я самъ чуть не плачу, приступая къ столь тяжкому порученію. Знаю, что вы нѣмецъ добрый, и всѣ мы вами весьма благодарны и очень обязаны, но... но... Не понимаю, что государыня въдумалась... но, вы сами знаете, наше дѣло не разсуждать, а исполнять. Я готовъ, съ своей стороны, сдѣлать все, что могу, но... но воля государыни должна быть исполнена.

Отъ такого вступленія Сутерландъ поблѣднѣлъ; онъ тоже чувствовалъ за собою грѣшки. Послѣдніе два миліона, внесен-

ные въ его контору изъ государственнаго казначейства для перевода въ Лондонъ, переведены еще не были, хотя отъ времени ихъ взноса прошелъ цѣлый мѣсяцъ. И ему пришло на мысль: «вдругъ узнали?»

— Что такое, г. бригадиръ? что вы хотите сказать? что такое приказала ваша государыня? Неужели вы, безъ всякаго даже предварительнаго вопроса, пришли меня арестовать?

— Охъ, мейнъ геръ, объ этомъ не стоило бы и говорить! Ну арестовалъ бы и опять бы выпустилъ, а подъ арестомъ, мы бы похлопотали, чтобы вамъ не было скучно.

— Такъ что же, г. бригадиръ, неужели такъ-таки безъ слова хотите выслать меня изъ Петербурга, изъ Россіи?

— Мейнъ геръ, я не думаю, чтобы такая высылка огорчила васъ. Съ деньгами вездѣ хорошо, вездѣ Петербургъ. А ваша честь, кажется, въ деньгахъ неособенно нуждается изволите! Нѣтъ, не о высылкѣ рѣчь, а... а... Я вамъ сказалъ, что такъ какъ вы человекъ добрый, нашего брата забывать не изволили, и я вамъ очень, очень и премного обязанъ, то я и готовъ, какъ я вамъ докладывалъ, все, что могу...

— Такъ что же? Государыня приказала меня послать въ Сибирь, на каторгу?

— Э, г. банкиръ, и изъ Сибири возвращаются, и съ каторги прощаются! Къ сожалѣнію, долженъ вамъ сказать хуже.

— Хуже? Такъ что-жъ? Неужели она безъ суда опредѣлила мнѣ смертную казнь? Это было бы уже совсѣмъ потурецки. И не думаю, чтобы столь великая и милостивая государыня... Что же, скажите, она приказала: повѣсить, отрубить голову? Не томите меня, г. бригадиръ, скажите прямо! Я не боюсь смерти! но такъ, безъ суда...

— Хуже, мейнъ геръ, еще хуже! Она приказала сдѣлать изъ васъ чучелу.

— Что? Чучелу?

— Да, мейнъ геръ, слезливо проговорилъ Рылѣвъ, — приказала сдѣлать чучелу и препроводить въ кунсткамеру, причѣмъ особо изволила указать, чтобы въ возможной степени сохранить ваши уши и ноги, какъ рѣдкость. Я, разумѣется, вѣрный исполнитель приказаній государыни, но съ своей стороны принялъ всѣ мѣры, чтобы такой переходъ вашъ изъ жизни въ число рѣдкостей кунсткамеры совершился для васъ, не только возможно менѣе мучительно, но даже съ нѣкоторою пріятностью. Для того я пригласилъ съ собою двухъ докторовъ, которые общаются наркотизировать васъ опіемъ такъ, что вы и не за-

мѣтите, какъ препаровщикъ изъ-подъ вашей кожи вынетъ мясо и положитъ туда вату съ опилками и отрубями. Однимъ словомъ, повѣрьте, мейнъ геръ, что отъ меня зависитъ—будетъ сдѣлано все.

— Господинъ бригадиръ, скажите, вы не сошли съ ума?

— О, мейнъ геръ, я былъ бы счастливъ, если-бы на эту минуту былъ сумасшедшимъ! Я готовъ сойти съ ума, чтобы только не имѣть несвастія видѣть потерю столь хорошаго и добраго человѣка, какимъ считаю я васъ, г. банкиръ. Къ сожалѣнію, я долженъ вамъ сказать, что приказаніе государыни было столь опредѣленно, что не можетъ быть сомнѣнія, что это именно ея воля; такъ что если-бы въ настоящую минуту я дѣйствительно съ ума сошелъ, то отъ этого нисколько не измѣнилась бы сущность дѣла и...

— Когда же думаете вы меня препарировать?

— Да сію минуту, съ вашего дозволенія, г. банкиръ, если вы изволите пожелать. Вы знаете, что высочайшее повелѣніе откладывать нельзя.

— Какъ, вы не позволите мнѣ даже проститься съ семействомъ, написать письма?

— Объ этомъ государыня ничего не изволила приказывать, поэтому думаю, что если вы не захотите моимъ дозволеніемъ злоупотреблять, то я могу дозволить. Но предупреждаю, что выйти отъ васъ или васъ выпустить, не исполнивъ высочайшаго повелѣнія, я не могу. Не забудьте, что завтра утромъ, о доставленіи васъ въ правленіе академіи наукъ, для помѣщенія въ кунсткамерѣ, я долженъ буду государынѣ рапортовать, а вѣдь препарация тоже требуетъ времени.

— Нѣтъ, нѣтъ, г. бригадиръ, я не буду злоупотреблять вашимъ дозволеніемъ; я напишу только два коротенькихъ письма. Надѣюсь, что въ ту же минуту получу отвѣтъ.

Сутерландъ написалъ дѣйствительно два коротенькихъ письма: одно къ князю Платону Александровичу Zubову, а другое къ французскому посланнику Сегюру, которыхъ, именемъ всего святаго, умолялъ разъяснить, дѣйствительно ли могло послѣдовать такое приказаніе государыни, чтобы изъ него сдѣлать новый препаратъ для изученія человѣческаго организма, или оберъ-полиціймейстеръ просто помѣшался и таковое приказаніе слышалъ въ своемъ разстроенномъ воображеніи.

Не прошло четверти часа, въ квартиру Сутерланда прибылъ церемоніймейстеръ государыни графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ и освободилъ бѣднаго банкира изъ его горь-

каго положенія. Недоумѣніе разъяснилось тѣмъ, что нѣсколько мѣсяцевъ назадъ банкиръ преподнесъ государинѣ прелестную собачку, съ необыкновенно красивыми ножками и необыкновенно длинными ушами. Государыня прозвала эту собачку по имени дарителя — Сутерландъ. Этотъ маленький Сутерландъ вскорѣ околѣлъ. Государыня хотѣла сохранить хотя виѣшній его видъ и вдумала сдѣлать изъ него чучелу. Приказаніе, отданное о приготовленіи чучелы, чуть не стоило жизни бѣдному банкиру. О существованіи собачки Сутерланда Рылѣевъ никогда не слыхалъ.

Государыня очень огорчилась этою исторіею и постаралась заглядить передъ банкиромъ непріятное впечатлѣніе приглашеніемъ его къ вечернему собранію въ эрмитажъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она сочла своею обязанностью намылить хорошенько оберъ-полиціймейстеру голову, думая въ то же время про себя:

«Правда, глупъ до нелѣпости, но за то исполнительнень до самоотрицанія. Поневолѣ приходится пошадить!»

Не смотря на эту внутреннюю мысль, бригадиру Рылѣеву пришлось выслушать жестокую нотацію, такъ что онъ уже думалъ:

«Погибъ! кончено! погибъ! Выгнать непременно, а выгнать, такъ и подѣ судъ отдать! Купцы-шельмецы сейчасъ съ жалобами явятся. Одно слово: погибъ!»

Однако государыня его не выгнала и послѣ нотаціи обратилась уже снисходительно съ вопросомъ:

— Что новаго въ городѣ?

У оберъ-полиціймейстера во время нотаціи вылетѣло было изъ головы все, что онъ полагалъ докладывать; однакожь онъ скоро оправился и началъ говорить о найденныхъ замерзшими, объ опившихся, повѣсившихся и проч., хотя и видѣлъ, что для государыни его рассказъ вовсе незанимателенъ. Вдругъ онъ вспомнилъ, что ему говорили о томъ, что сегодня или завтра должна быть интересная дуэль между корнетомъ Чесменскимъ и преображенскимъ секундъ-маіоромъ княземъ Гагаринымъ; на смерть, говорятъ, драться будутъ! Государыню это заинтересуетъ. И онъ сталъ докладывать о дуэли.

— Что, какая дуэль?

— Между княземъ Гагаринымъ и корнетомъ Чесменскимъ.

— Изъ-за чего?

— Разно говорятъ, ваше императорское величество. Одни говорятъ, что Чесменскій пріѣхалъ къ Гагарину одѣтымъ не такъ, какъ слѣдовало, и князь обидѣлся; другіе рассказываютъ, что у Гагарина есть свояченица, молодая Ильина, съ хорошимъ

приданнымъ дѣвица; Чесменскій будто за нею приударилъ и хотѣлъ увести, а Гагарину досадно стало.

— На Чесменскаго, этого мальчика?

— Онъ ужь офицеръ, ваше величество, гусарскій корнетъ!

— Знаю. Но онъ мальчикъ... Помѣшать! не допустить! Я не хочу никакой дуэли! Слышишь, я не хочу, чтобы эта дуэль состоялась!

— Слушаю, ваше величество.

— Ну, съ Богомъ, да чтобы дуэли этой не было! Ты понял?

— Какъ не понять, ваше величество! Дуэли не будетъ.

— Всего лучше, пришли Гагарина во мнѣ. Съ Богомъ!

Оберъ-полиціймейстеръ исчезъ, оплть послѣ низкаго поклона, касаясь рукою земли, а гсударыня вошла въ спальню.

А. Шардинъ.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪТОВАННЫЯ ЗЕМЛИ.

(КЪ ВОПРОСУ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ПЕРЕСЕЛЕНІЙ).

Будь твердъ и мужественъ, ибо ты народу
сею передашь во владѣніе землю, которую я
клялся отцамъ ихъ отдать имъ.

(Ев. Іисуса Назаря, 6).

Вопросъ о переселеніяхъ крестьянъ сталъ, наконецъ, на очередь не только въ литературѣ, но и въ ряду практическихъ государственныхъ мѣръ.

Нельзя не помянуть добромъ нашу литературу, нашихъ частныхъ изслѣдователей за то, что сдѣлали они въ послѣдніе годы для разработки матеріаловъ и для уясненія значенія этого важнаго вопроса народнаго благосостоянія; нельзя не отнестись съ признательностью и къ тѣмъ представителямъ настоящаго правительства, которые рѣшились, наконецъ, отступить отъ многолѣтней суевѣрной рутины своихъ предшественниковъ въ вопросѣ крестьянскихъ переселеній и счумѣли выдвинуть его, вопреки всякимъ препятствіямъ, на первую очередь, счумѣли оцѣнить его высокое государственное значеніе, его тѣсную связь со всѣмъ хозяйственнымъ и общественнымъ строемъ нашего отечества.

Втеченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ вѣдомство, специально призванное къ распоряженію государственными имуще-

ствами и государственными крестьянами, систематически уклонялось отъ выполнения основной задачи своего призванія—уравновѣшивать нужды въ землѣ земледѣльческаго населенія государства, обращать въ заселенныя и доходныя земли безлюдныя степи и лѣса, отданныя въ распоряженіе этого вѣдомства, и давать хозяйственный просторъ слишкомъ тѣсно скученному населенію срединныхъ областей Россіи.

Разумная государственная задача, положенная въ основу самаго учрежденія министерства государственныхъ имуществъ и выраженная совершенно ясно въ статьяхъ «Устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ», оставалась до сихъ поръ, особенно же съ 19 февраля 1861 г., на одной бумагѣ, пустымъ звукомъ, неимѣвшимъ почти никакого примѣненія въ жизни.

«Переселеніе государственныхъ крестьянъ, сказано въ 1 пунктѣ 24 статьи устава,—производится въ видѣ хозяйственнаго устройства, чтобы сельскимъ обществамъ, нуждающимся въ землѣ, предоставить съ выходомъ переселенцевъ, потребное количество оной на остальные души, и чтобы излишнія руки въ однѣхъ мѣстахъ обратить къ воздѣлыванію пространствъ въ пустѣ лежащихъ». Такая ясная, откровенная и широкая програма была поставлена въ свое время правительствомъ.

Въ исполненіе ея были назначены уставомъ для новыхъ поселеній губерніи и области, имѣющія излишекъ земли свыше 15 или 8 дес. на душу (ст. 25), а самое право переселенія было предоставлено всѣмъ сельскимъ обществамъ государственныхъ крестьянъ, у которыхъ удобной земли было 5 дес. на душу (ст. 30).

Земли, предположенныя къ отдачѣ подъ заселеніе, предварительно должны были сниматься на планы и раздѣляться на участки отъ 4,000 до 7,500 дес. на каждое сельское общество (ст. 26), по расчету 15—8 дес. на душу. Удерживать переселенцевъ противъ ихъ желанія на старыхъ мѣстахъ, безъ основательныхъ причинъ, уставомъ воспрещалось (ст. 35), и даже обязанность уплачивать недостатки по земскимъ повинностямъ за переселенцевъ возлагалась на ихъ прежнее общество (ст. 35 и 8). По прибытіи на мѣсто новаго водворенія, не говоря уже объ обязанностяхъ палатъ государственныхъ имуществъ оказывать переселенцамъ всякое содѣйствіе при выборѣ и отводѣ участковъ,—переселенцамъ долженъ былъ производиться безденежный отпускъ строеваго лѣса въ числѣ 100 корней на дворъ или $\frac{1}{3}$ дес. мелкаго лѣса, кромѣ безвозвратнаго денеж-

наго пособія въ 20 р. на семейство изъ особаго капитала министерства государственныхъ имуществъ и кромѣ многихъ льготъ по уплатѣ податей, отбыванію рекрутской и постоянной повинности.

Все это, повторяемъ, осталось на страницахъ свода законовъ и съ тѣхъ поръ не сдѣлано ничего, чтобы воплотить въ жизнь и развитъ въ практическомъ примѣненіи великодушныя стремленія законодателя.

Напротивъ того, съ тѣхъ поръ сдѣлано очень много, что кореннымъ образомъ противорѣчитъ идеи «Устава о благоустройствѣ» и что отчасти сдѣлало уже невозможнымъ въ настоящее время выполнение требованій этого устава въ ихъ прежнемъ широкимъ объемѣ.

Оставляя въ сторонѣ, словно область какихъ нибудь платоническихъ мечтаній, всѣ основныя постановленія законовъ, касающіяся переселеній и права крестьянъ на расширеніе земельного надѣла, правительственная практика развила на дѣлѣ совершенно иную систему распоряженія свободными землями государства; правильныя переселенія крестьянъ стали почти невозможными, вслѣдствіе различныхъ стѣснительныхъ циркуляровъ, не хотѣвшихъ знать кореннаго закона и стремившихся прекратить переселеніе мѣрами насилія, а свободныя казенныя земли послужили главнымъ образомъ къ созданію крупныхъ, но безплодныхъ и бездоходныхъ частныхъ владѣній, которыя съ громаднымъ барышомъ перепродавались потомъ крестьянамъ значительными чиновными лицами и капиталистами, успѣвшими забрать ихъ въ свои руки едва не даромъ.

Изъ свѣдѣній министерства государственныхъ имуществъ видно, что втеченіи 12 лѣтъ отъ 1868—1880 гг., съ тѣхъ поръ, какъ начали систематически избираться участки казенныхъ земель для водворенія въ нихъ поселенцевъ, слѣдовательно, въ эпоху, еще наиболѣе благопріятную для переселеній,—отведено поселенцамъ казенной земли всего 127,000 дес., для 14,100 душъ (см. записку высочайше утвержденной комисіи о переселенцахъ, стр. 10).

А между тѣмъ переходъ казенныхъ земель въ крупную частную собственность лицъ, не имѣющихъ ничего общаго съ земледѣліемъ, происходилъ совершенно въ иныхъ размѣрахъ, какъ это можно по крайней мѣрѣ видѣть изъ отдѣльныхъ примѣровъ башкирскихъ, кавказскихъ и другихъ земель. Такъ, на-примѣръ, въ 1870 годахъ было продано около 100,000 дес. казенной земли въ нѣсколькихъ губерніяхъ, въ томъ числѣ

около 43,000 дес. въ Таврической и т. д. Такъ изъ ногайскихъ земель, послѣ ухода татаръ въ Турцію, 167,000 дес. были розданы чиновникамъ и офицерамъ, 112,000 дес. взято въ удѣлы; въ 1863 г. роздано до 83,000 дес. на р. Кугултѣ служащимъ на Кавказѣ (см. «Землевладѣніе», князя Васильчичова).

На Кавказѣ вообще открывался особый просторъ для отгласненія государственныхъ земель отъ ихъ прямаго назначенія раздачею въ частную собственность лицъ, пользовавшихся по разнымъ причинамъ вниманіемъ власти. Просторъ этотъ создавался выселеніемъ въ Турцію горцевъ разнаго наименованія, скоро послѣ севастопольской войны.

Изъ одного Закубанскаго края выселилось болѣе 400,000 черкесовъ, и вообще не было области въ сѣверномъ Кавказѣ, гдѣ бы казніи ни приходилось принимать въ свои руки свободныхъ земель; а такъ какъ, въ это же время, на сѣверномъ Кавказѣ происходило освобожденіе крѣпостныхъ и надѣленіе ихъ землею въ опредѣленныхъ размѣрахъ, то явился очень удобный поводъ къ отрѣзкамъ большихъ участковъ свободной земли и передачѣ ихъ мѣстнымъ служащимъ людямъ, генераламъ, офицерамъ, чиновникамъ и высшимъ представителямъ горскихъ племенъ, дружелюбнымъ къ Россіи.

Для примѣра приведемъ, что въ одной только части Урупскаго округа Кубанской области 90,000 дес. земли были розданы, въ 1869 году, разнымъ лицамъ за ихъ службу на Кавказѣ, преимущественно лицамъ богатымъ и высокопоставленнымъ, не считая 26,257 дес., отмежеванныхъ, нѣсколько лѣтъ ранѣе, знатымъ туземцамъ (см. «Устройство поземельнаго быта кавказскихъ горцевъ», Гаврилова, въ «Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ», т. II).

Въ верхней части того же округа, тогда же, было назначено къ отводу служащимъ 38,000 дес., не считая участковъ, отведенныхъ генералъ-маіору Абдурахманову и другимъ знатымъ туземцамъ, въ количествѣ свыше 22,000 дес., такъ что всего въ одномъ только Урупскомъ округѣ Кубанской области въ частныя руки перешло до 180,000 дес. земли; ауламъ же, горскимъ и армянскимъ, нѣмецкимъ колоніямъ и русскимъ селеніямъ, вообще, въ пользованіе земледѣльческаго населенія, было отведено всего около 94,000 дес., т. е. вдвое менѣе.

Въ Зеленчукскомъ округѣ той же области изъ 190,261 дес. земли 72,500 дес., т. е. около половины, точно также было роздано въ частное владѣніе, и т. д. На Кавказѣ эта щедрость

въ раздачѣ земель своей и туземной знати издавна вошла въ привычку и не удивляетъ никого.

Еще въ 1825 году, напримѣръ, князя Бековичи-Черкасскіе получили отъ правительства около 100,000 дес. земли въ Малой Кабардѣ; а въ 1837 году, фамилія Тугановыхъ—около 20,000 дес. земли въ плоскостной Дигорин; эта неосторожная передача громаднѣхъ свободнѣхъ земель въ частное владѣніе до такой степени стѣснила окрестное населеніе туземцевъ и казаковъ, что правительство вынуждено было въ послѣдствіи купить и тѣ, и другія земли обратно отъ Черкасскихъ и отъ Тугановыхъ для надѣленія землею казацкихъ станицъ и горскихъ ауловъ (см. «Устройство поземельнаго быта горскихъ племенъ сѣвернаго Кавказа по официальнымъ документамъ», Гаврилова, въ «Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ», т. II).

Впрочемъ, тѣ же привычки необузданной щедрости относительно знатнѣхъ лицъ, безъ того уже обремененнѣхъ богатствомъ, издавна руководили судьбою казеннѣхъ земель и въ самой Россіи. Въ любопытномъ сочиненіи Карновича «Замѣчательнѣя богатства Россіи» приводится много фактовъ непродуманной раздачи огромнѣхъ пространствъ земли въ руки нашихъ петербургскихъ сановниковъ; нѣкоторые изъ нихъ получали въ свое владѣніе даже цѣлыя уѣзды, напримѣръ, графъ Зубовъ получилъ Шавельскій и Россіенскій; князь Безбородко—цѣлый городъ Дмитровъ Орловской губерніи, не считая крымскихъ соленѣхъ озеръ и каспійскихъ рыбнѣхъ ловлей; конечно, при этомъ на первомъ планѣ были крестьянскія души, а не земля; души эти дарились десятками тысячъ, напримѣръ, Орловымъ въ разное время чуть не 50,000 душъ, Потемкину—около 40,000 душъ.

Тысяча душъ считалась уже малостью, такъ что даже Поповъ, нѣчто въ родѣ дворецкаго и домашняго секретаря блистательнаго князя Тавриды, получилъ 1,800 душъ.

Но вмѣстѣ съ душами, однако, надѣлялись и громадныя земли, которыхъ приходилось навѣрное не одинъ миліонъ десятинъ на 800,000 ревизскихъ душъ, розданныхъ значительнымъ людямъ одною только Екатериною II. И земли эти раздавались, въ то время, далеко не въ однихъ безлюднѣхъ мѣстностяхъ Заволжья или Новороссіи; еще при Павлѣ казенная земля центральныхъ черноземнѣхъ губерній, страдающихъ, въ настоящее время, отъ малоземелья, жаловалась десятками тысячъ десятинъ на одно

лицо; такъ, напримѣръ, графъ Кутайсовъ получилъ около 25,000 дес. въ Тамбовской губерніи и 36,000 въ Курляндской; князь Безбородко, одинъ изъ богатѣйшихъ тогдашнихъ магнатовъ Россіи, — 30,000 дес. въ Воронежской губерніи, и т. д.

Немудрено послѣ этого, что въ нашей густонаселенной мелковладѣльческой черноземной полосѣ могли появиться уѣзды въ родѣ Бобровскаго Воронежской губерніи или Моршанскаго—Тамбовской, гдѣ огромное большинство земель принадлежитъ немногимъ частнымъ владѣльцамъ.

Немудрено также, что во многихъ мѣстностяхъ, наиболѣе нуждающихся въ расширеніи земельныхъ надѣловъ и въ распространеніи своего тѣсно сбившагося населенія, въ настоящее время, уже вовсе не существуетъ казенной земли!

Такъ, ея не осталось въ Фатежскомъ, Тимскомъ, Суджакскомъ, Старооскольскомъ уѣздахъ Курской губерніи; то же и въ сосѣднихъ ей губерніяхъ: въ уѣздахъ Кромскомъ, Малоархангельскомъ и Дмитровскомъ—Орловской губерніи, Землянскомъ—Воронежской и множествѣ другихъ уѣздовъ Тульской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Калужской губерній и проч.

Въ Щигровскомъ уѣздѣ Курской губерніи, гдѣ я живу, послѣдніи нѣсколько сотъ десятинъ казенной земли, уже въ началѣ 70-хъ годовъ, когда потребность въ переселеніяхъ сказалась во всей своей силѣ, были подарены правительствомъ какой-то петербургской княгинѣ Яшвилъ, которая, не видя этой земли, тотчасъ же продала ее по довѣренности въ другія руки, и съ тѣхъ поръ въ Щигровскомъ уѣздѣ также нѣтъ казенной земли.

Этотъ системою дѣйствій, идущей совершенно въ разрѣзъ со взглядами и требованіями нашего законодательства, достигнуть тотъ результатъ, что, напримѣръ, въ 8 губерніяхъ центральной земледѣльческой полосы, какъ видно изъ превосходнаго труда центрального статистическаго комитета, казенная земля составляетъ только 4% всѣхъ земель, въ томъ числѣ въ черноземной независимой полосѣ всего только 1% общаго количества земель.

А изъ 11.500,000 дес. земли частнаго владѣнія въ той же полосѣ 53% принадлежитъ всего только 2,000 частныхъ собственниковъ.

Вообще сокращеніе казенныхъ земель идетъ съ быстротою, не соответствующею расширенію крестьянскихъ надѣловъ путемъ переселенія.

По расчетамъ нашего извѣстнаго статистика, профессора Янсона, во владѣніи казны состояло въ 1859 году въ 45 гу-

берніяхъ европейской Россіи 5.124,371 дес., въ 1868 году осталось 4.367,274, а къ 1878 году только 3.699,246 («Сравнительная статистика Россіи», т. II), т. е. въ 20 лѣтъ сократилась на 1.500,000 дес. Но это еще расчетъ болѣе благоприятный.

Въ совѣщаніи мѣстныхъ людей по вопросу переселенія, бывшемъ въ ноябрѣ 1881 года, редакціонной комисіи была доложена справка изъ дѣлъ министерства государственныхъ имуществъ, изъ которой обнаруживалось сокращеніе казенныхъ земель на 3.000,000 дес. за срокъ еще болѣе короткій.

Между тѣмъ земли другихъ категорій за это же время увеличиваются, а не уменьшаются въ числѣ; такъ, напримѣръ, по исчисленіямъ профессора Янсона, земли удѣльнаго вѣдомства, коихъ вмѣстѣ съ лѣсами числилось къ 1 января 1878 года 7.528,300 дес., увеличились сравнительно съ концомъ 60-хъ годовъ на 519,817¹/₂ дес., притомъ не въ безлюдныхъ и бездоходныхъ мѣстностяхъ, а въ такихъ плодородныхъ губерніяхъ, какъ Кіевская, Воронежская, Харьковская, Волинская, Подольская, Херсонская и Ставропольская, гдѣ вовсе не было удѣльныхъ земель въ 60-хъ годахъ, и гдѣ ихъ находилось къ 1878 году уже 383,326 дес.

Казалось бы и казна могла слѣдовать той же благоразумной политикѣ расширенія, а не сокращенія своего земельного фонда, какъ вѣдомство удѣльное и другія.

Въ итогѣ число казенныхъ земель европейской Россіи стало такъ ограничено, что комисія по вопросу о переселеніяхъ, высочайше учрежденная при министерствѣ государственныхъ имуществъ, подъ предсѣдательствомъ нашего извѣстнаго статистика г. Семенова, нашла возможнымъ предназначить для переселенія крестьянъ только 1.500,000 дес. земли изъ числа 4.000,000 дес. казенныхъ земельныхъ оброчныхъ статей, не считая лѣсовъ и лѣсныхъ оброчныхъ статей, и на этомъ количествѣ основало свои расчеты переселенія (см. записку комисіи), хотя впрочемъ цифра эта не вполне соотвѣтствуетъ даннымъ самаго министерства государственныхъ имуществъ; именно, въ особой вѣдомости, составленной департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности, напечатанной въ числѣ матеріаловъ комисіи, общее количество казенныхъ оброчныхъ статей въ 14 губерніяхъ европейской Россіи, могущихъ послужить для водворенія поселенцевъ, показано въ размѣрѣ 2.898,000 дес. удобной земли, и исчислено, что на ней можетъ быть поселено около 200,000 душъ съ надѣломъ выс-

шаго размѣра, указаннаго въ положеніяхъ 19 февраля 1861 года для означенныхъ мѣстностей.

Точно съ такою же неосмотрительностью и отсутствіемъ разумной экономической системы, допускался до послѣднаго времени переходъ въ частную собственность громадными участками и такихъ земель, которыя хотя и не носили почему-то заглавія казенныхъ, но по существу своему имѣли такое же точно назначеніе служить постояннымъ запасомъ для надѣленія землею нуждающагося сельскаго люда разныхъ разрядовъ, именно, земель башкирскихъ, казачьихъ и т. п. Исторія башкирскихъ земель слишкомъ всѣмъ извѣстна и еще донинѣ составляетъ злѣбу дня, чтобы долго останавливаться на ней.

Вѣроятно, скоро опубликуются отчеты сенаторскаго разслѣдованія, изъ которыхъ будутъ ясны всѣ подробности этого злополучнаго дѣла. Башкирскія земли дѣйствительно стоятъ того, чтобы подумать объ ихъ судьбѣ. Башкирія—это цѣлая страна, охватывающая нѣсколько уѣздовъ Оренбургской, Уфимской, Вятской, Пермской и Самарской губерній. Еще въ 30-хъ годахъ башкирскихъ земель считалось до 12.000,000 дес.; въ одной Уфимской губерніи ихъ около 7.000,000 дес., т. е. $56\frac{1}{2}\%$ всей площади губерніи, и въ это число еще не входятъ дачи, на которыя до сихъ поръ не выдано плановъ генеральнаго межеванія. Казна отобрала на себя часть башкирскихъ земель, и передала ихъ въ частную собственность. Профессоръ Янсонъ думаетъ, что такихъ земель уже теперь насчитывается болѣе 1.000,000 дес., и что предстоитъ поступленіе въ казну еще отъ 3.000,000—5.000,000 дес. (см. «сравнительную статистику» Янсона, т. III), передача которыхъ въ частныя руки, благодаря Бога, однако приостановлена послѣдними распоряженіями правительства.

Но и кромѣ казны, частныя лица раскупали прямо отъ башкиръ громадна пространства земли за ничтожную цѣну. Такъ, по сообщенію г. Романова въ его книгѣ о переселеніи вятскихъ крестьянъ, одинъ только крестьянинъ Уржумскаго уѣзда Вятской губерніи Морозовъ приобрѣлъ покупкою 50,000 дес. башкирскихъ земель, не свыше 2 р. за десятину, и теперь поселилъ на нихъ до 20 поселковъ вятскихъ крестьянъ, усту-

пять имъ участки земли цѣною отъ 8, до 12—22 р. за десятину, съ разсрочкою на 6 и на 8 лѣтъ.

Большая часть нашихъ пермскихъ и уральскихъ казенныхъ заводовъ также устроены на бывшихъ башкирскихъ земляхъ, которыя яѣсколко десятилѣтій тому назадъ продавались ни за что. Такихъ заводскихъ дачъ насчитывается до 1.000,000 дес.; одна изъ нихъ, Кыштымская, въ размѣрѣ 150,000 дес., была куплена у башкирцевъ во второй половинѣ XVIII столѣтїя всего за 150 р., т. е. по одной копѣйкѣ за 10 дес. («Землевладѣнїе», князя Васильчикова, т. II). Не смотря на то, что башкирскихъ вотчинъ осталось теперь не болѣе $\frac{1}{2}$ части ихъ стараго владѣнїя, башкиры не знаютъ, что дѣлать съ своими степями и лѣсами, такъ что даже теперь, при сильномъ повышенїи цѣны на землю, нерѣдко отдаютъ ихъ въ аренду по 12 в. съ десятины и очень рѣдко выше 50 к. И это вполне понятно, если сообразить, что даже послѣ всякихъ отрѣзовъ и продажъ, во многихъ мѣстностяхъ башкиры еще имѣютъ по 60 дес. на душу одной только удобной земли.

Разумная политика правительства относительно этого мнимаго владѣнїя разныхъ степовиковъ, башкиръ, киргизовъ, калмыковъ и проч., обезпечила бы надолго земельными надѣлами нуждающееся русское крестьянство, даже и помимо специальныхъ казенныхъ земель.

Киргизы, напр., живутъ еще въ такомъ раздолѣ, что у нихъ на одну вибрку приходится 435 дес. земли, совершенно имъ бесполезной и очевидно немогущей принадлежать имъ въ собственность въ томъ опредѣленномъ смыслѣ, въ какомъ разумѣеть собственность законъ цивилизованныхъ народовъ.

Допуская до послѣдняго времени необдуманную растрату казенныхъ и общественныхъ земель въ пользу частнаго владѣнїя и подрывая этимъ экономическое будущее трудовыхъ классовъ народа, само правительство извлекало очень мало пользы изъ всѣхъ этихъ продажъ, арендъ и пожалованїй.

Въ 1868 г. разрѣшено было прїобрѣтать на льготныхъ условїяхъ казенную землю отставнымъ чиновникамъ гражданскаго и военнаго вѣдомства, сначала до 150, потомъ до 500 дес. и наконецъ до 2,000 дес. на cadaго. Цѣна этихъ участковъ назначалась самая ничтожная, и покупатель платилъ

только десятую долю, а остальная сумма разсрочивалась на 37 лѣтъ, такъ что покупщику нерѣдко приходилось платить казнѣ менѣе 10 к. въ годъ за десятину. Точно на такихъ же, безвыгодныхъ для казны условіяхъ отдавались казенныя земли и въ аренду частнымъ лицамъ, безъ торговъ, на 12 лѣтъ, крупными участками, которые они потомъ съ большимъ барышомъ передавали настоящимъ земледѣльцамъ.

Князь Васильчиковъ сообщаетъ, напримѣръ, что около Пятигорска есть казенная дача въ 12 дес. земли, которая сдана въ аренду на 12 лѣтъ, по 15 к. за 1 дес. («Землеустройство» т. I).

То, что казна раздвала по 30 и 50 к., много 1 р. сер. въ годъ, попадало крестьянамъ черезъ руки барышниковъ за 5, 6, 8 рублей.

Немудрено послѣ этого, что за свои земельныя арендныя статьи казна получала въ результатѣ ничтожный доходъ, который, напримѣръ, по вычисленіямъ г. Заблоцкаго-Десятовскаго, равнялся въ 60 годахъ—двумъ миліонамъ и нѣсколькимъ сотнямъ тысячъ рублей въ годъ со всѣхъ 4,000,000 дес. свободной казенной земли.

Рѣшительный поворотъ въ земельной политикѣ нашего правительства обозначился назначеніемъ особаго слѣдствія надъ сановными виновниками башкирскаго расхищенія и удаленіемъ со сцены одного изъ самыхъ видныхъ государственныхъ дѣятелей прежняго направленія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о назначеніи казенныхъ земель для нуждъ землеуладѣльческаго населенія имперіи былъ поставленъ настоящимъ правительствомъ нашимъ такъ откровенно и широко, что больше не можетъ оставаться сомнѣній на счетъ предстоящаго разрѣшенія его. Особая комісія изъ членовъ четырехъ министерствъ, подъ предсѣдательствомъ г. Семенова, была учреждена въ 1881 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, для составленія предположеній по вопросу о крестьянскихъ переселеніяхъ, предварительно разработанному въ министерствѣ государственныхъ имуществъ по инициативѣ бывшаго министра государственныхъ имуществъ, графа Игнатьева.

Работы этой комісії были окончены въ томъ же году и переданы на обсужденіе вызванныхъ для этой цѣли мѣстныхъ людей изъ разныхъ краевъ Россіи, въ числѣ которыхъ имѣла честь работать и авторъ настоящей статьи.

Въ то же время въ министерствѣ государственныхъ иму-

щество выработать проектъ отдачи въ аренду казенныхъ земель преимущественно сельскимъ крестьянскимъ обществамъ, а въ министерствѣ финансовъ—проектъ государственнаго кредитнаго учрежденія, для приобрѣтенія крестьянами частныхъ земель.

Взятыя всѣ вмѣстѣ, эти правительственныя начинанія показываютъ несомнѣнно, что правительство наше вступаетъ, наконецъ, на путь плодотворной и разумной земельной политики, которой такъ долго и горячо ожидали всѣ сколько нибудь дальновидные друзья народа, всѣ истинные патріоты.

Предоставляя себѣ право съ полною откровенностью обсуждать по существу предположенія правительства и его различныхъ комисій, опровергать и не соглашаться съ ними, мы считаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ поддержать самымъ искреннимъ сочувствіемъ всѣхъ просвѣщенныхъ людей Россіи, всего русскаго общества, тѣ добрыя стремленія къ упрощенію основныхъ условій народнаго благосостоянія, которыя проявлены настоящимъ правительствомъ въ отношеніи переселенческаго и земельного вопроса, и которыя, въ случаѣ удачнаго осуществленія своего, составятъ благополучіе и гордость Россіи наравнѣ съ самыми важными реформами предъидущаго царствованія.

Въ статьѣ популярнаго журнала мы не можемъ и не должны входить въ разсмотрѣніе переселенческаго вопроса съ тою полнотою и подробностью, съ какою производится работы какой нибудь комисіи, или пишется специальное изслѣдованіе.

Мы постараемся только намѣтить нѣкоторыя общія и главнѣйшія основанія этого важнаго дѣла, установить, такъ сказать, только принципы его, съ точки зрѣнія нашего практическаго опыта и нашего посильнаго разумѣнія.

Намъ кажется важною не столько та или другая процедура переселеній, то или другое количество земли, для нихъ назначаемое въ настоящее время, тѣ или другія мѣры пособія имъ.

Все это подробности минуты, которыя завтра могутъ быть измѣнены по указанію опыта или новыхъ потребностей. Въ этомъ отношеніи мы не раздѣляемъ взглядовъ редакціонной комисіи совѣщанія свѣдущихъ людей, по предложенію которой совѣщаніе занялось разработкою формальныхъ подробностей дѣла, не уяснивъ еще себѣ общихъ началъ, которыхъ оно желаетъ держаться въ дѣлѣ переселенія.

Основнымъ общимъ принципомъ въ этомъ дѣлѣ, разрѣшающимъ всѣ остальные, мы считаемъ самое назначеніе государственныхъ земель.

Мы думаемъ, что прежде всего слѣдовало бы провозгласить торжественнымъ законодательнымъ актомъ, какъ провозглашена была 19 февраля 1861 года свобода всѣхъ русскихъ гражданъ, — неотчуждаемость государственныхъ земель въ частное владѣніе, хотя бы и крестьянское, и исключительное назначеніе ихъ на нужды земледѣльческаго населенія. Если бы изъ всѣхъ усилій теперешнихъ министровъ, сочувственно работающихъ въ пользу расширенія крестьянскаго землевладѣнія, изъ всѣхъ совѣщаній мѣстныхъ людей, въ результатъ получился бы только этотъ законодательный актъ, то онъ одинъ составилъ бы собою великую эпоху въ исторіи внутренней жизни Россіи и сталъ бы краеугольнымъ камнемъ ея плодотворнаго будущаго.

Доказательства тому самыя простыя и очевидныя.

Въ наше время громкихъ и страстныхъ протестовъ, раздающихся во всѣхъ концахъ стараго и новаго свѣта, наполняющихъ враждою и волненіями всѣ современные общественные организмы, странно было бы доказывать необходимость всевозможнаго облегченія суроваго жребія тѣхъ многочисленныхъ темныхъ массъ, неустанный трудъ которыхъ создаетъ всѣ удобства нашей цивилизаціи и всю силу нашихъ государствъ.

Если исторія имѣетъ свои права и законы; если благоразумные люди, знакомые съ опытомъ прошлаго, понимаютъ глубокой вредъ и несправедливость неосторожной насильственной ломки вѣками созданныхъ интересовъ и отношеній, не довѣряютъ утопіямъ и теоретическимъ идеаламъ; если государство обязано охранять силою власти своей то, что возникло въ силу имъ же освященныхъ законовъ, — то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы имѣли право закрывать глаза на будущее и не принимать рѣшительныхъ мѣръ, имѣющихся въ нашихъ рукахъ, для предупрежденія въ будущемъ уже испытанныхъ ошибокъ и несправедливостей. Россія во многихъ отношеніяхъ поставлена гораздо счастливѣе остальной Европы.

Въ то время, какъ крестьянство Англии, Испаніи, Италіи, почти совершенно обезземелено; въ то время, какъ въ демократической Франціи, хвастающейся необыкновеннымъ развитіемъ мелкой земельной собственности, всѣхъ такихъ собственниковъ насчитывается 3.799,759 душъ, составляющихъ всего 10% населенія, — въ нашей варварской Россіи, «странѣ кнута и рабства» по воображенію европейца, абсолютное число земель-

ныхъ собственниковъ въ 6 разъ превышаетъ число французскихъ, болѣе чѣмъ въ 12 разъ—австрійскихъ, почти въ 14 разъ—пруссскихъ собственниковъ, представляя собою громадную цифру—20.515,359 человекъ; т. е. 36% русскаго населенія (см. «Сравнительную статистику» Янсона, т. II). Эта цифра при ближайшемъ анализѣ представляется еще болѣе утѣшительною, потому что въ ней заключается только самый незначительный процентъ среднихъ и крупныхъ собственниковъ, а болѣе 98% принадлежатъ къ мелкимъ собственникамъ, во владѣнн которыхъ находится около 38% всей русскаго территоріи, по крайней мѣрѣ, въ 35 губерніяхъ, представляющихъ полныя данныя по землевладѣнню; между тѣмъ какъ во Франціи дѣйствительно мелкаго землевладѣнн почти не существуетъ (0,5% всего пространства Франціи), а крупное землевладѣнне захватываетъ уже не 29%, какъ въ Россіи, а 62%! Въ Великобританіи на 6,8% мелкаго владѣнн приходится крупнаго почти 72% всей территоріи.

Князь Васильчиковъ въ своей книгѣ «О землевладѣнн» приходитъ къ заключенію, что изъ 3½ миліоновъ собственниковъ Франціи не болѣе 2 миліоновъ принадлежатъ къ разряду крестьянъ, т. е. лицъ, которые сами обрабатываютъ землю. Между тѣмъ въ Россіи, по тѣмъ же исчисленіямъ, считается крестьянскаго населенія свыше 22½ миліоновъ ревизскихъ душъ, т. е. болѣе 45 миліоновъ населенія, и всѣ эти души, за ничтожными исключеніями, надѣлены землею, такъ что количество всѣхъ крестьянскихъ земель въ одной только европейской Россіи простирается до 158 миліоновъ десятинъ («Землевладѣнне» т. I).

Въ этихъ фактахъ статистики нельзя не признать великаго социальнаго и экономическаго преимущества Россіи надъ западною Европою. Факты эти должны успокоивать насъ относительно будущности русскаго народа; должны вселять въ насъ вѣру, что наступитъ же время, когда разумная система хозяйства и широкое просвѣщеніе народныхъ массъ дадутъ Россіи возможность развить свои экономическія силы гораздо правильнѣе и тверже, чѣмъ могла развить ихъ Европа при вопіющемъ неравенствѣ своего землевладѣнн. Но главное преимущество Россіи надъ западомъ въ этомъ отношеніи все-таки заключается не въ настоящихъ условіяхъ ея землевладѣнн, а въ будущности его.

Въ то время, какъ, напримѣръ, въ Англіи, Германіи и другихъ странахъ замѣчается постепенное усиленіе крупной собственности, роковое поглощеніе слабыхъ крестьянскихъ хозяйствъ

могучими сосѣдними помѣстьями, какъ это такъ мѣтко изобразилъ князь Васильчиковъ въ 1-й части своей книги «О земле-владѣннѣ»,—въ Россіи идетъ быстрая и послѣдовательная демо-кратизація земельной собственности, вызываемая естественнымъ ходомъ вещей и незадерживаемая разными несправедливостями закона, какъ въ другихъ государствахъ. Работы г. Штейна по статистикѣ земельной собственности Петербургской губерніи и г. Орлова по губерніи Московской представляютъ въ этомъ отношеніи особенно убѣдительныя данныя.

Достаточно привести въ примѣръ, что по Московскому уѣзду втеченіи 10 лѣтъ общее число землевладѣльцевъ болѣе чѣмъ удвоилось—съ 308 возрасло до 673, а средній размѣръ личнаго владѣнія передвинулся съ 23 десятинъ до 10, 3, т. е. понизился болѣе чѣмъ вдвое.

Въ трудахъ комисіи по изслѣдованію сельскаго хозяйства въ Россіи находится много свѣдѣній о переходѣ въ собствен-ность крестьянъ помѣщичьихъ земель и связанномъ съ этимъ переходомъ размельченіи владѣній: такъ, въ Любимскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи число владѣльцевъ не-дворянъ до освобожденія крестьянъ было всего 20, а впослѣдствіи достигло 650, т. е. увеличилось въ $32\frac{1}{2}$ раза; такъ, Курской губерніи, въ одинъ годъ, крестьяне купили земель на 2 міліона рублей; въ Ковенской губерніи въ 1871 г. куплено было крестьянами около 4 тысячъ десятинъ дворянской земли по значительной цѣнѣ (см. докладъ Высочайше учрежденной комисіи изслѣдо-ванія сельскаго хозяйства, приложение 1, сводъ свѣдѣній и т. д.). Быть можетъ, этими фактами объясняется, между прочимъ, и то обстоятельство, что общій процентъ крестьянскихъ земель Рос-сіи, показываемый редакціонными комисіями во время освобо-жденія крестьянъ, совершенно не соответствуетъ настоящему проценту этихъ земель; именно, вмѣсто 50⁰/₀ и 58⁰/₀ всѣхъ земель Россіи, какъ считаютъ князь Васильчиковъ и г. Янсонъ, тогда считалось крестьянскихъ земель всего только 20⁰/₀.

Такимъ образомъ, крестьянство или сословіе землевладѣль-цевъ-собственниковъ, исчезающее мало-по-малу въ Европѣ,—въ Россіи находится въ самомъ разгарѣ своего роста. Если поученія исторіи имѣютъ обязательную силу для будущаго; если, на глазахъ міра, латифундіи погубили въ древности Италію, Гре-цію, Испанію, вездѣ предшествуя окончательному экономи-ческому и общественному упадку народовъ; если и въ современ-ной Англійи мы видимъ несомнѣнные признаки грозящаго ей внутренняго разстройства, исключительно по причинѣ тѣхъ же

латифундїи англійской родовой аристократіи, — то, кажется, мы смѣло можемъ заключить, что противоположный строй экономическихъ отношеній, основанный на широкомъ развитіи крестьянскаго землевладѣнія, какъ у насъ въ Россіи, неминуемо долженъ повести народъ и государство къ процвѣтанію, а не къ гибели, какихъ бы скверныхъ вещей ни пророчили намъ наши мрачные, всѣмъ недовольные вѣщунъ и вѣвоторыхъ нашихъ литературныхъ партій.

Постепенное размельченіе крупной земельной собственности и увеличеніе числа землевладѣльцевъ, хотя и составляютъ одинъ изъ несомнѣнныхъ признаковъ болѣе правильнаго экономическаго порядка, но, сами по себѣ, еще далеко не выражаютъ всѣхъ преимуществъ русскаго землевладѣнія надъ западнымъ, въ будущихъ судьбахъ его.

Эти преимущества будутъ гораздо яснѣе, когда мы бросимъ сравнительный взглядъ на запасные источники будущаго землевладѣнія въ Россіи и въ другихъ государствахъ Европы, т. е. на казенныя и удѣльныя земли, еще неотчужденныя въ частныя руки. Въ то время, какъ во Франціи земли этого разряда занимаютъ только 1,8% площади страны, въ Пруссіи только 10,6%, въ европейской Россіи они составляютъ 36,6% всей площади.

Въ непредѣльныхъ же областяхъ азіатской Россіи, въ Сибири, Приамурскомъ и Приморскомъ краѣ, въ Туркестанѣ и другихъ мѣстахъ средней Азіи, на Кавказѣ и за Кавказомъ, включая сюда же Карскую и Батумскую области, пропорція свободныхъ казенныхъ земель, конечно, несравненно значительнѣе, хотя, къ сожалѣнію, для нея еще не существуетъ точныхъ статистическихъ данныхъ.

Такимъ образомъ, русскому землевладѣнію предстоитъ впереди такое широкое поле развитія, о которомъ не могутъ мыслить западныя государства. Весь вопросъ нашего будущаго экономическаго благополучія въ этомъ отношеніи сводится, стало быть, на то, чтобы земельная политика нашего правительства, съ своей стороны, содѣйствовала, а не препятствовала естественному ходу вещей, т. е. мирному постепенному переходу земельной собственности въ руки людей, обрабатывающихъ землю, и чтобы запасные источники государства, т. е. его свободныя земли, были точно также обращаемы только въ непосредственное пользованіе трудящагося землевладѣльческаго населенія, соз-

дающаго богатство страны, а не въ руки классовъ, чуждыхъ землѣ, извлекающихъ изъ нея барышъ путемъ дорогой перепродажи тѣмъ же землевладѣльцамъ, или путемъ эксплуатаціи ихъ труда.

Все заставляетъ думать, что правительство стало теперь именно на эту точку зрѣнія, и что оно не замедлитъ прочно установить принципъ исключительнаго назначенія казенныхъ земель на нужды земледѣльческаго класса.

Этою плодотворною земельною политикою правительство вѣрнѣе всего предупредить развитіе въ нашей странѣ тѣхъ вредныхъ ученій вражды и ненависти, сѣмена которыхъ пытаются насадить среди насъ шайки нашихъ тайныхъ революціонеровъ-анархистовъ, къ счастью совершенно чуждыхъ народу, но которыя уже пустили глубокіе корни въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы. вмѣстѣ съ тѣмъ, это будетъ самою рѣшительною и самою справедливою поправкою разныхъ роковыхъ неправильностей нашего историческаго общественнаго роста.

Дожившія до насъ неправильныя условія прошлаго, имѣющія свои законныя оправданія и свои разумныя причины въ миновавшихъ обстоятельствахъ исторіи, могутъ быть охраняемы нами въ настоящемъ, какъ законное право, только тогда, если мы твердо рѣшимся не допускать повторенія подобныхъ неправильностей въ будущемъ, разъ сдѣлалась очевидна эта неправильность и исчезли условія, ее оправдывавшія. Иначе это была бы, съ нашей стороны, слишкомъ лицемѣрная и односторонне-пристрастная игра въ законность.

Мы выразились нѣсколько выше о принципѣ неотчужденности казенныхъ земель даже и въ руки крестьянъ.

Насъ спросять, какимъ же образомъ мы согласимъ съ этимъ принципомъ предоставленіе казенныхъ земель земледѣльческому населенію?

Мы думаемъ, что наши бывшіе государственные крестьяне и однодворцы, считавшіе всегда своими земли, на которыхъ они сидятъ, и платившіе за нихъ ничтожную оброчную подать, нисколько не были стѣснены въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ существовавшимъ прежде запрещеніемъ продажи и вообще отчужденія этихъ «казенныхъ» земель. Запрещеніе это имѣло только одни благотѣльные результаты, сохраняя изъ рода въ родъ каждому крестьянскому семейству кормившую его землю, не смотря ни на какія временныя невзгоды и затрудненія, подерживая въ крестьянствѣ нѣкоторое равенство состоянія.

Законъ 24 ноября 1866 года о владѣнныхъ записяхъ, предоставившій право продажи даже невыкупленныхъ у казны участковъ крестьянской земли въ руки всѣхъ сословій, произвелъ цѣлую революцію въ земельномъ владѣннн государственнхъ крестьянъ, обезземелилъ и раззорилъ множество семействъ, сильнѣйшимъ образомъ поощрилъ развратъ и пьянство многихъ слабыхъ крестьянъ, поощрилъ судебное сутяжничество и мошенничество всякаго рода и положилъ серьезную основу съ одной стороны, сельскому пролетариату, съ другой — новому помѣщичеству своего рода, т. е. разбогатѣвшимъ скупкою крестьянскихъ земель крестьянамъ, мѣщанамъ и разночинцамъ всякаго званія. Между тѣмъ, свободная продажа «казенной земли», за которую платится «оброчная подать» и которая подлежитъ «выкупу», такъ же неправильна, какъ была бы неправильна продажа крестьянами помѣщичьихъ земель, отданныхъ имъ въ надѣлъ за оброкъ и еще подлежащихъ выкупу. А главное, продажа эта не вызываетъ рѣшительно ничѣмъ и, кромѣ указаннаго вреда, не приноситъ ни малѣйшей выгоды массѣ крестьянства, получившаго эту землю, какъ разумно указывается въ законѣ, «въ надѣлъ для постоянного обезпеченія быта и для выполнения обязанностей передъ правительствомъ», а вовсе не для барышничанья и не для расплаты за кабацїя попойки.

То же значеніе, какъ указъ 24 ноября 1866 года, для государственныхъ крестьянъ имѣли во многихъ мѣстахъ 163 и 165 ст. положенія о выкупѣ для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; на основанн ст. 163, общество можетъ раздѣлить свои земли на подворные наслѣдственные участки, которые, по выкупѣ ихъ, могутъ быть проданы частному лицу; а на основанн ст. 165 отдѣльный крестьянинъ вправе выкупить, выдѣлить себѣ и, конечно, продать подворный наслѣдственный участокъ даже и вопреки желанія общества.

Если законы эти не будутъ отмѣнены въ скорости; если земли, данныя въ надѣлъ крестьянамъ для обезпеченія ихъ быта и повинностей, ради какого-то теоретическаго единообразія будутъ и впредь признаваться за ходячїй рыночный товаръ, какъ вообще всякія свободныя цѣнности,—то будетъ просто смѣшно принимать какія бы то ни было мѣры въ увеличенію крестьянскаго землевладѣнн, путемъ ли переселенн, путемъ ли правительственнаго и земскаго пособн для покупки частныхъ земель.

Въ самомъ дѣлѣ, если даже существующіе земельные надѣлы нашего крестьянства не обезпечены отъ перехода въ руки другихъ сословн, или отъ сосредоточенн въ рукахъ немногихъ

богатыхъ крестьянъ, то есть ли смыслъ заботиться объ увеличеніи этого дорогаго рыночнаго товара, единственно для оживленія барышничанія имъ? Ясно, что чѣмъ больше земель скопится въ рукахъ крестьянства, чѣмъ дешевле и легче достанутся имъ эти земли, тѣмъ больше сдѣлается на рынкѣ предложеніе земель въ продажу, тѣмъ удобнѣе и охотнѣе будутъ скупаться они капиталистами и барышниками. Но государство, безъ сомнѣнія, рѣшается принести серьезные матеріальныя жертвы при переселеніи крестьянъ и расширеніи ихъ землевладѣнія, тѣми или другими способами, ради обезпеченія ихъ собственной судьбы, ради поддержки благосостоянія многочисленныхъ мелкихъ плательщиковъ налоговъ, а ужь никакъ не для того, чтобы какой нибудь одинъ уржумскій крестьянинъ Морозовъ, или подобный ему скупатель 50,000 дес., сдѣлалъ себѣ миліонный барышъ на счетъ казенной субсидіи. Съ государственной точки зрѣнія, имѣющей въ виду обезпеченіе земледѣльческаго быта, совершенно разумно обложить, на примѣръ, земли бывшихъ государственныхъ крестьянъ ничтожною оброчною податью, недостигающею иногда 1 р. съ десятины въ лучшихъ черноземныхъ мѣстностяхъ, гдѣ, по вольной цѣнѣ, эта десятина отдается внаймы за 20 и 25 р. сер. въ годъ. Но когда эта самая земля, съ тою же самою ничтожною оброчною податью, переходитъ, вслѣдствіе права свободной продажи, въ руки скупщика, барышничавшаго этою землею въ цѣляхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ земледѣльствомъ и обезпеченіемъ крестьянскаго быта, то такой скупщикъ получаетъ ничѣмъ незаслуженную премію на счетъ средствъ государства и обращаетъ въ свою личную пользу заботы и жертвы государства, предназначенныя на пользу земледѣльческаго класса.

Никто не можетъ поручиться, что при существованіи въ будущемъ права свободной продажи крестьянскихъ земель, при усиливающихся затрудненіяхъ мелкаго сельскаго хозяйства, крестьянскія общины, вмѣсто того, чтобы обратить усилія свои на болѣе производительные способы земледѣлія или на развитіе сельско-хозяйственныхъ промысловъ, не стали бы систематически приобѣгать къ раздѣламъ земель на подворные участки съ цѣлью выпродажи ихъ слабѣйшими хозяевами, не только въ пользу немногихъ сильныхъ хозяевъ, но и въ пользу всякихъ кабатчиковъ, писарей, лавочниковъ и другихъ разночинцевъ. Никто не можетъ поручиться, что, въ виду этой возможности, въ расчетѣ

на возрастающее въ народѣ стремленіе къ личной обособленности интересовъ, не составятся цѣлями товарищества мелкихъ капиталистовъ для скупки крестьянскихъ земель, и что товарищества эти не стануть дѣйствовать на крестьянъ всѣми доступными имъ средствами, побуждая ихъ разстраивать общину, возбуждая иски и тяжбы, учреждая въ деревняхъ свою питейную торговлю, какъ самое могучее орудіе для всевозможныхъ вліяній и воздѣйствій на крестьянъ. Если вообще возможно безъ труда предвидѣть подобное направленіе нашего земельного барышничества, то при широкой системѣ переселеній и отводѣ крестьянамъ безвозмездно или на самыхъ льготныхъ условіяхъ значительныхъ казенныхъ земель — барышничество это должно получить необыкновенное оживленіе и энергію, такъ какъ выгоды его будутъ тѣмъ больше и расходы тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ дешевле будетъ доставаться крестьянину его новая земля, и чѣмъ легче будетъ для этого крестьянина возможность подыскать себѣ другую и третью землю, выпродавъ съ барышомъ ту, которую отвели ему подъ поселеніе.

При этихъ условіяхъ, духъ барышничества землю можетъ охватить собою не только существующій классъ мелкихъ барышниковъ и кулаковъ, но и самое крестьянское сословіе, а это внесетъ въ дѣло переселенія, въ будущія судьбы нашего крестьянскаго землевладѣнія, такое опасное усложненіе, съ которымъ врядъ-ли справятся самыя разумныя мѣры правительства.

Прежде всего, это можетъ вызвать постоянное шатаніе землевладѣльческаго населенія и крайнюю непрочность земледѣльческихъ хозяйствъ, цѣнность которыхъ сильно упадетъ по этой самой причинѣ и, по этой же причинѣ, будетъ еще болѣе поощрять такой вредный порядокъ вещей; а это значитъ, что весь плодотворный смыслъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія на счетъ свободныхъ казенныхъ и частныхъ земель совершенно утерается и коренное условіе народнаго благосостоянія обратится въ источникъ его дальнѣйшаго разоренія.

Между тѣмъ ничего подобнаго не могло бы произойти, при безусловномъ воспрещеніи крестьянамъ продавать тѣ земли, которыя отдаются въ надѣлъ отъ казны на тѣхъ или другихъ условіяхъ, ради обезпеченія ихъ быта и лежащихъ на нихъ повинностей.

Если правительство рѣшается отнять даже у самого себя право располагать казенными землями какъ рыночнымъ товаромъ, и извлекать изъ нихъ торговый барышъ въ пользу цѣлаго государства, то было бы совершенно нелѣпо и необъяснимо предоставить это вѣчное и единственное достоинствѣ государства, незамѣнимое по самому существу своему никакой другою цѣнностью, на свободное расхищеніе отдѣльными крестьянскими селеніямъ или хозяевамъ, на произволъ потерявшаго разсудокъ пьяницы, или на себялюбивый расчетъ невѣжественнаго барышника.

Мы принадлежимъ къ числу людей, постоянно живущихъ среди крестьянства и притомъ въ мѣстности, которая наиболѣе нуждается въ переселеніи, наиболѣе стѣснена землею.

Мы можемъ свидѣтельствовать въ качествѣ присяжнаго передъ судомъ, что вслѣдствіе злополучнаго закона 24 ноября 1866 г., разрѣшившаго продажу крестьянскихъ земель черезъ 3 года послѣ выдачи владѣнныхъ записей (что случилось въ 1872 г.), съ 1875 г. началась такая азартная выпродажа крестьянскихъ подворныхъ участковъ, такое систематическое обезземеленіе крестьянъ, сопряженное съ полнымъ разореніемъ семействъ ихъ, что если это будетъ продолжаться безпрепятственно, то въ скоромъ времени земля, по владѣннымъ записямъ подворнаго владѣнія, будетъ принадлежать исключительно бывшимъ старшинамъ и писарямъ, кабатчикамъ, лавочникамъ, кулакамъ-мѣщанамъ, богатымъ попомъ и т. п.

Какими бы щедрыми надѣлами не надѣлила казна этихъ добровольно обезземелившихся пролетаріевъ, ничто не воспрепятствуетъ имъ повторить въ Оренбургской или Томской губерніяхъ ту же исторію, какъ и въ Курской.

Въ одномъ только городкѣ Щиграхъ, не считая четырехъ нотаріальныхъ конторъ г. Курска, гдѣ также производится многочленные продажи крестьянской земли Щигровскаго уѣзда, въ 1880 г. и началѣ 1881 г. выпродано до 2,500 дес.; въ 1875 и 1876 гг. такихъ продажъ было особенно много, вслѣдствіе неурожайнаго года. Но если всякій годъ будетъ выпродаваться 2,000—3,000 дес. крестьянской земли въ уѣздѣ, до-нельзя нуждающемся въ землѣ, то задачи переселенія и расширенія крестьянскаго надѣла обратятся для государства въ бочку Данаидъ своего рода, въ наглую эксплуатацію земельными барышниками великодушныхъ заботъ правительства о нуждающихся земледѣльцахъ.

Примѣръ подворныхъ владѣльцевъ соблазняетъ и бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые все чаще и чаще начинаютъ продавать свои земельные участки частнымъ лицамъ даже прямо изъ общественной земли. и вопреки воли общества, пользуясь для этого ст. 165 о выкупѣ, т. е. предоставляя покущику вносить за нихъ въ казначейство выкупную ссуду, а затѣмъ требуя отъ общества выдѣленія подворнаго участка, на который уже безъ труда дѣлается купчая.

Мы вообще отказываемся понять, какъ можно серьезно говорить о недостаткахъ земельныхъ надѣловъ у крестьянъ, о необходимости увеличить крестьянское землевладѣнiе, обезпечить хозяйственный бытъ крестьянъ жертвами цѣлаго государства и въ то же время узаконивать для этихъ самыхъ крестьянъ возможность ежеминутно остаться даже безъ того скуднаго земельного надѣла, который имѣютъ они теперь. Это значить, одною рукою разрушать то, что мы воздвигаемъ другою; это значить, добиваться не дѣйствительной пользы для крестьянъ, не дѣйствительнаго обезпеченія ихъ быта, а только великодушныхъ словъ, громкихъ либеральныхъ узаконеній.

Это значить, витать въ розовыхъ иллюзіяхъ мечты, закрывая глаза на дѣйствительность.

Скажемъ рѣшительно: по нашему мнѣнію предоставленіе крестьянамъ казенныхъ земель, безъ запрещенія въ то же время продажи ихъ, будетъ не пользою, а вредомъ и для государства, и для крестьянъ.

Но если мы правы въ этомъ случаѣ, если продажа крестьянскихъ земель должна быть безусловно воспрещена, какъ при подворномъ, такъ и при общинномъ владѣніи, то изъ положеній 19 февраля 1861 г. и изъ указа 24 ноября 1866 г. должны быть немедленно исключены всѣ статьи, разрушительно дѣйствующія на крестьянское землевладѣнiе, именно, ст. 162, 165 и 169 Положенія о выкупѣ, — ст. 36 и 37 общаго Положенія о крестьянахъ, — ст. 4, пунктъ 9, 13 и ст. 14 указа 14 ноября 1866 г. Ясно, что тогда должна исчезнуть всякая мысль о выкупѣ крестьянами своихъ земель у казны и что основнымъ собственникомъ этихъ неотчуждаемыхъ земель должна навсегда остаться казна.

Только въ такомъ случаѣ земельные запасы государства могутъ въ дѣйствительности стать на вѣчныя времена обезпеченіемъ наиболѣе нуждающагося земледѣльческаго населенія, а

не сдѣлаются, черезъ посредство крестьянскаго сословія, предметомъ всеобщей торговли и новою силою и безъ того сильныхъ капиталистовъ.

Князь Васильчиковъ совершенно справедливо вспоминаеть во 2-й части своей книги, что историческія судьбы древняго Рима находились въ тѣсной зависимости отъ положенія римскаго землевладѣнія; патриціи погубили Римъ болѣе всего тѣмъ, что добились для плебеевъ права свободной продажи земельныхъ участковъ, которые давались въ надѣлъ каждому гражданину изъ общественнаго или государственнаго поля (*ager publicus*), въ размѣрѣ то 2, то 7 югеровъ на душу, какъ и у насъ, для обезпеченія быта и повинностей, а вовсе не для торговли и не для барышничества эту землю.

Послѣ Гракховъ, энергически отстаивавшихъ неотчуждаемость плебейскихъ земельныхъ надѣловъ, законъ разрѣшилъ ихъ свободную продажу, и крупныя помѣстья (*латифундіи*) мало-помалу покрыли всю Италію.

Въ I вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ государственныя земли были уже всѣ подѣлены между римскою знатью, а въ нѣкоторыхъ областяхъ они принадлежали въ собственность одному, двумъ богачамъ.

Либеральное юридическое ученіе о правѣ полной собственности земледѣльца на землю своего надѣла, столь излюбленное римскими патриціями, въ Римѣ окончилось изгнаніемъ плебеевъ изъ землевладѣнія и паденіемъ Римской имперіи. Въ новѣйшихъ государствахъ Европы, оно ведетъ къ тому же и также поддерживается мѣстными «патриціями».

«Расчищеніе помѣстій» лордовъ Англіи и Шотландіи (*Clearing of estates*), уничтоженіе крестьянскихъ усадебъ въ пользу рыцарскихъ маестностей въ Германіи (*Abschlachten der Bauerhöfe*) представляютъ поучительные образцы этой системы. Результаты ея свазываются въ тѣхъ печальныхъ фактахъ, какими полна статистика западнаго землевладѣнія.

Въ Англіи, напримѣръ, гдѣ еще въ годину нормандскаго завоеванія, въ 1086 г., считалось по *Domesday Book* 250,000 крестьянъ-собственниковъ, по расчету князя Васильчикова, въ 1861 г. всѣхъ землевладѣльцевъ изъ земледѣльческаго класса считалось не болѣе 15,000 душъ мужскаго пола, а между тѣмъ у 100 богатѣйшихъ лордовъ находится въ собственности земли около 1.500,000 дес. маленькой Англіи и 710 лицамъ принадлежит $\frac{1}{4}$ всѣхъ англійскихъ земель. Въ Шотландіи 26 ли-

цать принадлежит $\frac{1}{3}$ всѣхъ обработанныхъ земель, т. е. до 2.000,000 дес., и т. д.

Доходы въ нѣсколько миліоновъ рублей получаютъ многіе лорды Англіи и Шотландіи, этихъ классическихъ странъ безземельнаго пролетаріата.

Но не къ этимъ, конечно, результатамъ стремится наше правительство настоящими заботами о крестьянскомъ землевладѣніи.

Если-бы утвердился принципъ назначенія казенныхъ земель исключительно на нужды земледѣльческаго, т. е. крестьянскаго населенія, неразрывно связанный съ неотчуждаемостью этихъ земель, то этимъ, въ то же время, положена была бы твердая почва для разрѣшенія вопроса о переселеніяхъ правильнымъ и здоровымъ образомъ, безъ болѣзненныхъ преувеличеній и увлеченій.

Разъ устранена въ будущемъ опасность расхищенія земельныхъ запасовъ государства во вредъ населенію, живущему земле,—не является никакой необходимости и никакой возможности торопить послѣднее искусственными способами.

Въ этомъ отношеніи многіе изъ насъ находятся въ заблужденіи и смотрятъ на вопросъ крестьянскихъ переселеній съ нѣкоторою односторонностью и близорукостью. Самые благонамѣренныя литературные изслѣдователи этого вопроса иногда доходятъ до крайностей въ своемъ пристрастномъ увлеченіи спасительностью переселеній.

Въ тѣхъ же нашихъ литературныхъ органахъ, которые болѣе хлопочутъ о модномъ тонѣ своихъ статей, чѣмъ о дѣйствительномъ уразумѣніи дѣла, которыхъ читающая и пишущая публика состоитъ по большей части изъ неопытной молодежи, падкой на великодушныя мечтанія, но еще неспособной судить трезво о практическихъ вліяніяхъ и послѣдствіяхъ замышляемой мѣры, можно иногда встрѣтить при разсмотрѣніи вопроса о переселеніяхъ изрядные курьезы.

Такова, напр., статья о переселеніяхъ г. Ленскаго въ декабрьской книжкѣ журнала «Дѣло» за 1881 годъ. Г. Ленскій уже въ ноябрьской книжкѣ того же журнала, изслѣдуя семейные раздѣлы крестьянъ, пришелъ къ странному заключенію, что эти семейные раздѣлы приносятъ крестьянамъ серьезную выгоду и составляютъ собою усовершенствованіе ихъ общественнаго строя, на томъ будто бы основаніи, что приобщаютъ

къ общинной жизни не однихъ патриарховъ-деспотовъ, коренныхъ хозяевъ, но и всѣхъ младшихъ членовъ семьи, немѣющихъ будто бы ниваевныхъ правъ въ составѣ своей старой семьи.

Въ декабрьской книжкѣ, г. Ленскій почти такую же теоретическую точку зрѣнія прилагаетъ къ вопросу переселеній. Мы говоримъ «теоретическую», потому что авторъ, знакомый съ книжными трудами по вопросу переселенія, высказываетъ очевидное незнакомство съ дѣйствительными условіями жизни крестьянъ. Такъ, напр. почтенный «ислѣдователь» крестьянскаго быта довольно наивно смѣшиваетъ трехпольную систему хозяйства съ залежною ¹⁾; такъ, напримѣръ, онъ увѣряетъ, что крестьяне, снимающіе въ аренду чужія земли, «несутъ самый тяжкій изъ всѣхъ налоговъ, арендный налогъ», который «окончательно разоряетъ ихъ»; что крестьяне, арендующіе чужія земли, «стоятъ на самомъ вѣрномъ пути къ обезземеленію»; что «къ арендѣ обращаются бѣдняки, совершенно истощенные». И это все говорится о черноземной полосѣ, о Курской, Воронежской, Тамбовской губерніяхъ, центрѣ нашего земледѣлія.

Желали бы мы посмотрѣть на почтеннаго автора, если бы онъ изъ редакціи своего журнала прогулялся дѣйствительно въ тѣ уѣзды и губерніи Россіи, о которыхъ онъ повѣствуетъ такія диковинныя вещи, и съ изумленіемъ убѣдился бы, что народъ считаетъ богачемъ и счастливецемъ того именно крестьянина, которому удастся побольше снять земли въ аренду; что только такіе крестьяне впоследствии покупаютъ сами землю, и что непомерно высокія цѣны, о которыхъ справедливо говоритъ авторъ, вызваны именно слишкомъ сильнымъ стремленіемъ состоятельныхъ крестьянъ брать въ аренду земли, слишкомъ малымъ предложеніемъ ихъ, и большею выгодною арендѣ при настоящемъ возрожденіи хлѣбной «Истощенные же бѣдняки» уже потому не могутъ «оконча-

¹⁾ «Нашъ крестьянинъ, не заботясь по старой привычкѣ объ удобреніи, думать устранить необходимость въ немъ излюбленной залежной системой, которую онъ и ввелъ на своемъ обрванномъ и суженномъ земельномъ участкѣ; онъ сталъ обрабатывать только часть и безъ того дробнаго участка, а другую выключилъ изъ сѣвооборота. Цѣлая треть крайне скуднаго земельного участка и притомъ треть вполне удобной земли, оставалась безъ употребленія» («Дѣло», XII, 1862 г.). Чтобы написать эти строки, нуно не имѣть ни малѣйшаго понятія о залежной системѣ хозяйства.

тельно разориться» арендами, что имъ, къ великому сожалѣнію, никто не отдаетъ земель въ аренду, по простой причинѣ ихъ бѣдности, т. е. невозможности внести впередъ арендные деньги, безъ чего земля обыкновенно не отдается, а если и отдается иногда, то опять-таки людямъ, материально обеспеченнымъ, возбуждающимъ довѣріе. Вообще въ черноземной полосѣ аренда земель служить до такой степени общимъ и вѣрнымъ признакомъ зажиточности крестьянина, что развѣ только въ шутку кто-нибудь могъ разсказать г. Ленскому о гибельности этого выгоднаго промысла, за который иногда идетъ чистый бой между состязателями-крестьянами. Но надѣ г. Ленскимъ, повидимому, подшутили и не на счетъ однѣхъ арендъ; напр., на той же страницѣ его «ислѣдованія» любопытный читатель можетъ прочесть слѣдующее хозяйственное размышленіе г. Ленскаго:

«При арендѣ покосовъ, пахатная земля все-таки продолжаетъ ухудшаться, сборы съ нея уменьшаются, такъ какъ полосы снимаются не въ видахъ удобрения, а только для прокормленія рабочаго скота».

Неужели г. Ленскій знаетъ другой способъ удобрения полей сѣномъ кромѣ того, который составляетъ неизбѣжный результатъ корма рабочаго скота, кромѣ обращенія этого сѣна въ навозъ? И какая могла бы быть, по мнѣнію его, разница въ этомъ отношеніи между собственнымъ лугомъ крестьянина и наемнымъ покосомъ?

Неудивительно, что при такомъ знакомствѣ почтеннаго «ислѣдователя» съ изслѣдуемымъ имъ бытомъ, его удивляетъ «странность того обстоятельства, что часто переселяются крестьяне, вовсе немалоземельные, обладающіе надѣлами, сравнительно довольно значительными», между тѣмъ какъ для человѣка, знакомаго съ переселеніемъ, такъ сказать, въ лицо, былъ бы гораздо удивительнѣе именно противоположный фактъ, т. е. возможность для малоземельнаго бѣдняка сдѣлать разомъ большую затрату и взяться за рискованное предпріятіе.

Послѣ всего этого врядъ ли будетъ убѣдительно для читателей и общій выводъ, къ которому пришелъ г. Ленскій, въ видахъ поученія «совѣщанію свѣдущихъ людей» по вопросу переселенія, работамъ котораго собственно и посвящена его статья. Г. Ленскій требуетъ поощрить къ переселенію бѣднѣйшую часть населенія, назначивъ на первое время изъ 14 центральныхъ губерній переселить на казенный счетъ на казенныя земли 350,000 семействъ, т. е., считая только по 4 человѣка

въ семьѣ, 1.400,000 жителей; на каждое семейство г. Ленскій полагаетъ достаточнымъ казеннаго содержанія отъ 200—225 р., а на всѣхъ, слѣдовательно, отъ 70.000,000 р. до 78.750,000 р.

Г. Никольскій, изслѣдователь журнала «Русская Мысль», въ декабрьской книжкѣ 1880 года (см. статью его «Подробности аграрнаго вопроса въ черноземной Россіи»), не довольствуется такими скромными размѣрами переселеній.

Г. Никольскій считаетъ, что въ семи центральныхъ губерніяхъ черноземной полосы около $\frac{2}{3}$, крестьянъ имѣютъ недостаточные надѣлы (т. е. не свыше 4 дес. на душу), что всего недостаетъ въ этихъ губерніяхъ 5.451,581 дес. земли, и что по разсчету этихъ десятинъ въ нихъ оказывается «лишнихъ душъ» 1.090,315.

Въ другихъ губерніяхъ (3-хъ малороссійскихъ, 3-хъ юго-западныхъ и Симбирской) точно также недостаетъ 8.380,000 дес. земли и также присутствуетъ 1.676,000 «лишнихъ душъ»; итого въ 14 только губерніяхъ Россіи недостаетъ крестьянамъ около 14.000,000 дес. земли и находится лишнихъ душъ около 3.000,000.

Понятно, что эти «лишнія души» должны быть выселены изъ своихъ теперешнихъ мѣстъ туда, гдѣ имъ можно будетъ отвести 14.000,000 дес. свободной земли; это коротко и ясно, какъ всякая простая задача, разрѣшаемая четырьмя первыми дѣйствіями ариѳметики.

Но и эти разсчеты г. Никольскаго еще далеки отъ дѣйствительныхъ потребностей народа, такъ какъ онъ принимаетъ условно за достаточный надѣлъ 5 дес. Но дальше онъ объясняетъ, что надѣлъ въ 5 дес. далеко недостаточенъ и доводитъ свою норму почти до 8 дес. (7.6); въ другомъ мѣстѣ онъ объявляетъ «чуть достаточнымъ» даже степной надѣлъ въ 10 дес. на душу.

Г. Романовъ, въ своей книгѣ «О переселеніи крестьянъ Вятской губерніи», идетъ далѣе г. Никольскаго; онъ требуетъ для Вятской губерніи такого выселенія, чтобы остающимся жителямъ досталось не менѣе какъ по 12 дес. на душу, хотя самъ же г. Романовъ доказываетъ весьма убѣдительно, что у вятскихъ крестьянъ земли болѣе, чѣмъ имъ нужно, и что прежде, при значительно меньшемъ надѣлѣ, имъ жилось лучше теперешняго.

«Мы вполнѣ признаемъ, что значительное увеличеніе душевыхъ надѣловъ у нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ Вятской губерніи, бывшее результатомъ выселенія крестьянъ изъ этихъ обществъ, никакой замѣтной пользы не принесло;

земледѣльческое хозяйство ни въ чемъ не измѣнилось и не сдѣлалось доходнѣе», говоритъ, между прочимъ, г. Романовъ.

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «крестьяне живутъ теперь еще хуже, чѣмъ 20 лѣтъ назадъ, когда средній земельный надѣлъ ихъ былъ приблизительно въ $\frac{3}{4}$ нынѣшняго.»

Казалось бы, послѣ такихъ убѣдительныхъ фактовъ, довольно трудно возлагать надежду на пользу переселеній и слѣдовало бы искать другихъ средствъ для поднятія благосостоянія крестьянъ въ губерніяхъ, нисколько нестѣсненныхъ недостаткомъ земли.

Но есть извѣстнаго рода суевѣріе даже и у научныхъ изслѣдователей; есть какіе-то обязательные догматы вѣры, отъ которыхъ почему-то не смѣютъ отступить писатели извѣстнаго направленія, разъ они касаются вопросовъ нашего соціального и экономическаго устройства.

Такъ и г. Романовъ изъ своихъ очень интересныхъ и полныхъ наблюденій выводитъ совершенно неожиданное заключеніе, что, безъ сомнѣнія, результаты выселеній были бы другіе, «если-бы: во 1-хъ, выселилось больше и средній душевой надѣлъ увеличился бы не на 37%, а, напримѣръ, вдвое или втрое, и во 2-хъ, если-бы увеличеніе надѣловъ не сопровождалось увеличеніемъ подушнаго оклада» и т. д.

Поэтому г. Романовъ совѣтуетъ правительству принять самыя рѣшительныя мѣры для усиленія переселеній уже не только изъ густо населенныхъ центральныхъ губерній, но даже изъ Вятской и ей подобныхъ.

«Необходимо скорѣйшее выселеніе крестьянъ массами и на государственныя средства», объявляетъ онъ, «потому что иначе такихъ выселеній не можетъ состояться, а между тѣмъ онѣ необходимы».

Это говорится про Вятскую губернію, въ которой до сихъ поръ находятся громадныя пустыя пространства земли и въ которой общее число жителей не превышаетъ 18 душъ на квадратную версту! Куда же дѣтъ въ такомъ случаѣ населеніе тѣхъ мѣстностей Россіи, въ которыхъ число жителей приходится уже не 18, а 50, 45, 40, 30 душъ на 1 кв. версту, и къ которымъ принадлежитъ огромное большинство губерній европейской Россіи?

По истинѣ нужно изумляться смѣлости людей, такъ самоувѣренно приглашающихъ государство къ безумнымъ опытамъ надъ своими населеніями, къ безумному риску своимъ благосостояніемъ и спокойствіемъ.

Прежде всего, какъ согласить мѣры насильственного и поспѣшнаго «переселенія массами», «безъ личной инициативы крестьянъ», не по выбору ихъ, а куда имъ укажутъ, — съ правами свободнаго, со всѣми равнаго гражданства, которыя такъ горячо отстаиваются въ пользу крестьянъ тѣми же самыми проповѣдниками переселеній? Вѣдь крестьяне Вятской и Курской губерній, при всей нуждѣ, при всемъ невѣжествѣ своемъ, все-таки еще не обратились въ стада рогатаго скота, которыя можно перегонять съ одного вытравленнаго пастбища на другое, по расчетамъ стерегущаго ихъ пастуха.

Затѣмъ, пусть подумаютъ горячечные сторонники искусственныхъ выселеній, что выселенія эти въ томъ видѣ, какъ замышляютъ они ихъ, представляютъ собою громадную финансовую операцію, которую нельзя совершить однѣми благими намѣреніями.

Съ одной стороны, г. Никольскій требуетъ отвода 14.000,000 дес. казенной земли для 14 губерній Россіи, по 1.000,000 на губернію, отнимая, конечно, у казны эти источники ея дохода, и выселенія изъ этихъ губерній половины рабочаго населенія, съ освобожденіемъ его, конечно, отъ податей, въ пользу казны на первые годы переселенія; съ другой стороны, г. Ленскій требуетъ отъ казны почти 80.000,000 р. для расходовъ пути и устройства переселенцевъ на мѣстахъ; въ то же время г. Романовъ считаетъ невозможнымъ увеличивать казенныя подати съ крестьянъ, даже остающихся на мѣстѣ и вдвое, въ трое увеличивающихъ свой надѣлъ, полагая, что подать эта въ 1880 годахъ, при двойномъ надѣлѣ, должна быть «по крайней мѣрѣ» также какъ, въ 1858 году.»

На основаніи расчетовъ г. Романова, большая часть русскаго крестьянства уже не однѣхъ центральныхъ, а и окраинныхъ губерній должна бы быть выселена съ своихъ старыхъ мѣстъ и, конечно, пользоваться обычными льготами переселенцевъ по взносу податей и проч.

Устройство широкаго кредита для покупокъ крестьянами частныхъ земель точно также возлагается на казну всѣми изслѣдователями переселенческаго вопроса.

Но вѣдь нельзя же намъ, людямъ науки и образованія, смотрѣть на казну тѣмъ наивнымъ взглядомъ дикаря, какимъ смотрѣли когда-то индѣйцы на «остъ-индскую кампанію», воображая себѣ, что это богатая дама, живущая въ Лондонѣ и имѣющая въ своемъ карманѣ неисчерпаемые миліоны.

Одинъ изъ дофиновъ Франціи, путешествуя по странѣ и

ужаснувшись бѣдности жителей, съ удивленіемъ спросилъ своего воспитателя:

— Отчего же казна не даетъ денегъ этимъ бѣднякамъ?

— Потому, принцъ, что казна сама должна брать съ нихъ деньги и имѣть только то, что дадутъ эти бѣдняки, отвѣчалъ воспитатель на наивный вопросъ юноши.

Неужели-жъ нашимъ серьезнымъ исследователямъ серьезнаго дѣла нужно повторять этотъ отвѣтъ, данный ребенку?

Но если-бы даже нашлись у казны деньги на такое баснословное предпріятіе, могла ли бы она исполнить его?

Или мы не знаемъ свойствъ и способностей нашего чиновничества, нашего земства? Развѣ не на нашихъ глазахъ по югу Россіи бродили, какъ стаи журавлей весною, цѣлыя полчища болгаръ и грековъ, такъ сказать, выписанныхъ правительствомъ, пользовавшихся содѣйствіемъ всѣхъ органовъ его, заранѣе предназначенныхъ на опредѣленные мѣста и подъ опеку опредѣленныхъ чиновниковъ? Что же было? Цыганскія свитанія по нѣскольку лѣтъ, голодовки, болѣзни, рукопашныя битвы съ осѣдлымъ населеніемъ, наконецъ, бунты и усмиренія силою, а въ результатѣ—бѣдность и разореніе.

Если въ насъ такъ мало точности и внимательности къ своимъ обязанностямъ, если мы теряемся при малѣйшемъ новомъ положеніи вещей, если у насъ нигдѣ ничего неготово и никто ничего не знаетъ,—то представьте себѣ, что будетъ, если вмѣсто двухъ, трехъ каравановъ болгаръ, вся православная Русь вдругъ заколѣшется и тронется, какъ большая рѣка въ половодье; если цѣлыя миліоны бѣднаго и невѣжественнаго населенія, оторвавшись отъ своихъ старыхъ корней, оставивъ свои старые промыслы, вдругъ обратятся въ кочующіе цыганскіе таборы, наводнятъ собою всѣ губерніи, сбиваясь съ пути, сталкиваясь другъ съ другомъ, объѣдая осѣдлое населеніе, сучиваясь такими массами, которыхъ не прокормить никакая мѣстность, разнося всюду неминуемыя болѣзни и тревогу, въ концѣ концовъ, не попадая туда, куда хотѣли попасть, или приходя въ ужасъ отъ тѣхъ новыхъ мѣстъ, гдѣ надѣялись найти молочныя рѣки въ висельныхъ берегахъ.

Сладить съ такимъ хаосомъ было бы не подъ-силу самому дисциплинированному и искусному чиновничеству, въ родѣ прусскаго, не только нашему, распущенному и невѣжественному. Никакое правительство въ мірѣ не согласилось бы такимъ безумнымъ образомъ всколыхать стихійныя силы народа и искусственно вызвать своего рода первобытную борьбу общественныхъ

атомовъ. Никакое quos ego правительственнаго трезубца не было бы въ силахъ успокоить потомъ расходившіяся народныя воды, тѣмъ болѣе направленныя въ предначертанный фарватерь... Въ Россіи повторилось бы настоящее «переселеніе народовъ», со всѣми безпорядками, насиліями и бѣдствіями его. Земли захватывались бы просто силою, одна переселенческая партія билась бы съ другою, осѣдлые прогоняли бы кочующіе таборы, таборы брали бы приступомъ поселенія осѣдлыхъ.

Пусть не думаютъ, что это напрасныя застрашиванія или излишняя теоретическая осторожность. Я близко видѣлъ подобныя народныя свалки и потому хорошо знаю ихъ. Онѣ происходятъ даже по такимъ поводамъ, которые, казалось, не должны были бы вызывать ихъ, и всегда бывають ужасны. Нѣтъ, тѣ, кто приглашаетъ начать «скорѣйшее переселеніе массами» нашего крестьянства, должно быть, никогда не видали народа въ огромныхъ скопленіяхъ, должно быть, представить себѣ не могутъ, какъ безсильны и ничтожны оказываются въ такихъ случаяхъ попытки направить эти массы туда, куда предполагается ихъ направить.

Народныя толпы — не пансіонъ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ ученицы идутъ по двѣ въ рядъ, всѣ въ одинаковыхъ платьицахъ и фартучкахъ, и безшумно разводятся по класамъ двумя, тремя гувернантками.

Чтобы съумѣть даже съ внѣшней стороны руководить хаосомъ, который долженъ неминуемо возникнуть при повальныхъ выселеніяхъ крестьянъ, — нужно пройти долгую и трудную школу исторіи, нужно крѣпко усвоить себѣ принципы опеки, которые процвѣтали когда-то въ системахъ, подобныхъ кольберовой, или въ нашей доморощенной аракчеевской системѣ, но уже никакъ нельзя браться за это руководство на почвѣ нашихъ теперешнихъ правительственныхъ обычаевъ и нашихъ теперешнихъ общественныхъ идей. Овладѣть этимъ хаосомъ и подчинить его одной направляющей волѣ возможно бы развѣ было только при примѣненіи строжайшей военной дисциплины и исключительной личной власти, которыя прежде всего были бы встрѣчены негодованіемъ самихъ горячихъ проповѣдниковъ переселенія.

Но и этимъ, повторяемъ, разрѣшилась бы только внѣшняя, такъ сказать, полицейская сторона вопроса. Сторона же экономическая оставалась бы все-таки неразрѣшимою, непосильною для правительства.

Къ такому рѣзкому и дружному движенію народа не при-

готовлены не только нравы и таланты нашей администраціи, но не приготовлены и средства казны. Казенныя земли еще далеко не всё сняты на планы и почти вовсе не изслѣдованы въ хозяйственномъ отношеніи. Не приготовлено ни необходимыхъ капиталовъ, ни необходимыхъ справочныхъ и содѣйствующихъ конторъ, ни необходимыхъ средствъ передвиженія.

Нужно цѣлое огромное вѣдомство, которое не выростеть разомъ изъ земли, совсѣмъ готовое. Людей для него нужно приготовить постепенно, какъ и средства. Къ тому же бѣльшая часть казенныхъ и частныхъ земель уже заарендованы кѣмъ-нибудь и требуютъ срока для своего освобожденія. Все говорить объ одномъ, гонить къ одному—къ осторожности и постепенности. Только при умѣренномъ и постепенномъ переселеніи всякій неудачный опытъ можетъ быть поправленъ, всякая нужда усмотрѣва и удовлетворена, всякая опасность устранена. Только при этомъ условіи силы правительства и земствъ могутъ оказаться по-плечу своей важной задачѣ.

Иначе же онѣ могутъ заранѣе объявить себя банкротами, и плодотворное хозяйственное дѣло народнаго выселенія на свободныя земли обратится неминуемо въ дѣло народнаго разоренія и государственныхъ смуть.

Евгеній Марковъ.

(Окончаніе бюджета).

ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ЛѢТЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

И прежде чѣмъ понять разсудкомъ неравнѣтъ,
Ребенокъ, могъ я что нибудь,
Проникъ уже порокомъ дыханьемъ ядовитымъ
Въ мою младенческую грудь.

Некрасовъ.

I.

Мнѣ было лѣтъ пять-шесть. Жилъ я съ матерью въ лачугѣ, на окраинѣ большаго промышленнаго города. Отца не помню. Сказывали мнѣ, что онъ былъ печникъ, но умеръ чуть-ли не до моего рожденія. Мать, женщина лѣтъ сорока, здоровая, крѣпкая, занималась поденною работою въ прачешномъ заведеніи, получая не болѣе четвертака въ сутки, чего, впрочемъ, намъ доставало и на пищу, и на наемъ квартиры, и даже на одежду. Квартира стоила всего рубль въ мѣсяцъ. На пищу выходило немного, и въ лѣтніе мѣсяцы, когда почти ненужно было топить печку въ нашей избушкѣ, оставался полтинникъ, иногда рубль на гардеробъ. Зимой, конечно, доставало. Топливо было дорого, а прогнившія и промерзшія стѣнки лачуги дѣлали печь ненасытною; но все-таки недостатокъ мамкина бюджета казался не такъ ощутителенъ.

— Все равно, хоть топи, хоть не топи, говорила мать, — холодно будетъ.

Не топить совершенно нельзя же; топили умѣренно, сообра-

зуюсь съ бюджетомъ, и особенно не мерзли, благодаря раздольному помѣщенію на большой русской печи, гдѣ я проводилъ зимою день и ночь, гдѣ мы съ мамкою и спали.

Благодаря лѣтнимъ сбереженіямъ, я одѣвался прилично моему званію и состоянію, даже богато, сравнительно съ рубищами другихъ ребятишекъ нашего переулка, дѣтей изъ большихъ, многоголовыхъ семей рабочаго люда. Я носилъ сапожки, тиковыя штаны въ голенища и нанковый «пинжачекъ» по праздникамъ. Рубашенка была всегда чистенькая, изъ яркаго, нелинячаго ситца, перехваченная гаруснымъ разноцвѣтнымъ пояскомъ, плетенія моей матери въ часы досуга. Между большими и маленькими обитателями переулка я былъ извѣстенъ подъ именемъ «прачка сына».

Мое общеніе съ уличнымъ міромъ только что начиналось. Обыкновенно, уходя съ утра на работу, мать поручала меня надзору сосѣдки и наказывала не выходить далѣе двора. Случалось, я выходилъ за ворота, но далѣе своихъ оконъ не отлучался, а слѣдилъ за играющими ребятишками со стороны. Наконецъ, въ послѣднее лѣто началось сближеніе, но шло какъ то туго. Я хотя не весь день находился съ матерью, но былъ нѣжный ребенокъ, робкій съ чужими, шумными мальчуганами и дѣвочками, выросшими въ большихъ семьяхъ. Кромѣ того, на первый разъ новые друзья сдѣлали мнѣ огорченіе: толкнули въ грязную лужу и я запачкалъ надѣтную нарочито для дебюта аленькую рубашку. Сначала я этимъ не такъ огорчился, какъ потомъ, когда увидѣлъ огорченіе матери, встрѣтившей своего любимца въ очень непривлекательномъ видѣ. Отъ шумной толпы, въ которой рассыпались дружескіе толчки и колотушки направо и налево, мнѣ нужно было сторониться, и я охотнѣе шелъ въ какой нибудь отдѣльной группѣ дѣвочекъ-мелюзги, мирно созидающей изъ мокрой глины печи, дома, или занимающейся страпнею изъ того же матеріала. Здѣсь также не обходилось безъ пачканья рукъ, носа и рубашки; но это проходило незамѣтно, безобидно, и было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ невозбраннаго развлеченія, почему ни я, ни мать такимъ маленькимъ неудобствомъ не обижались.

Первое лѣто «общественной жизни» быстро миновало. Къ зимѣ мои босоногіе знакомцы расселились по печамъ, какъ болѣе удобнымъ мѣстамъ для дебатовъ безъ сапогъ и валенокъ. Я изрѣдка, въ оттепель, выползалъ на свѣтъ Божій, пользуясь мамкиною кофтою. Но передъ Рождествомъ заморозило сильно. Кофта понадобилась даже на печкѣ. Я не показывалъ за дверь

носа, а бѣдная мамка все ходила, да ходила на работу. Разъ вечеромъ возвращается она вся синяя отъ холода, дрожить такъ, что зубъ на зубъ не попадаетъ. Прислонила окоченѣвшія руки къ печкѣ и говоритъ:

— Охъ, Ванютка, знать я шибко простыла... полоскала бѣлье на рѣкѣ. Много теперь бѣлья-то!

Дала мнѣ поѣсть, а сама на печку влѣзла; все согрѣться не можетъ. Я уснулъ. Утромъ будить меня мамка.

— Ваня! Ванютка! Сходи, батюшка, къ Назаровнѣ, позови ее печку затопить; я пошевелиться не могу.

— Ты, мамка, развѣ не пойдешь сегодня?

— Нѣтъ, родной, не могу.

Я какъ будто и радъ былъ тому, что мамка цѣлый день дома останется. Сбѣгалъ къ Назаровнѣ. Сосѣдка пришла.

— Что съ тобою, голубка?

— Не могу. На льду вчера застудилась. Босая стояла, а у меня время такое...

— Ты бы, голубка, водки съ солью.

— Пройдетъ и такъ, не впервой!

— То-то!

Сосѣдка затопила печь, согрѣла намъ чайникъ и ушла. Я усѣлся въ уголку, принявшись выстрагивать «пильщика». Мамка сначала поохивала, потомъ забылась. Стало тише и скучнѣе, чѣмъ я былъ одинъ. Тогда я весь погружался въ свои занятія, не думая ни о комъ, а теперь со мною была мамка; я думалъ, почему она не такая, какъ по воскресеньямъ, когда тоже не ходила на работу? Хвораетъ. Но что это такое? Я имѣлъ смутное представленіе о болѣзни.

Вотъ мамка заметалась, застонала и что то заговорила скоро-скоро.

— Мамка, что тебѣ?

Мамка бормочетъ и мечется по печи. Отертыя глаза смотрятъ въ уголь. Меня страхъ взялъ. Вскорѣ, однако, мамка успокоилась и опять заснула. Мнѣ стало легче, но «пильщикъ» уже не шелъ на умъ. Черезъ часъ еще хуже. Мамка вскочила дикая такая, говорить что-то—не могу понять. Я горько заплакалъ. По цѣлымъ днямъ оставаясь одинъ, я не чувствовалъ одиночества, а теперь вдругъ охватило маленькую душу одиночество страшное, безпомощное. Но еще болѣе ужасное одиночество было впереди.

Къ счастью, заглянула Назаровна.

— Что это съ нею, моею голубкою?

Я плачу. Назаровна уложила мамку, сказала мнѣ, чтобы не плакалъ, не пугался, что это «такъ», «пройдетъ», и ушла.

Потянулся беспокойный день и еще болѣе беспокойный, страшный вечеръ. Я зажигаю жировикъ. Толстая свѣтильня изъ транки тускло горѣла въ плашкѣ, освѣщая одинъ уголокъ избы, противоположный отъ печи. Тамъ, въ полумракѣ, билась моя мамка, то тяжело и протяжно стонала, то бормотала, а разъ завела пѣсню, ту пѣсню, которую она пѣвала за шитьемъ моихъ рубашенокъ. Бывало прошу: «спой, мама, спой еще!» Теперь же у меня волосенки дыбомъ встали, рыданія сдавили горло. Понялъ я, что мамкѣ не до пѣсенъ.

Измученный, потрясенный ужасами дня и длиннаго зимняго вечера, я заснулъ. Утромъ мамка не будила меня, не посылала за Назаровною и сама не вставала; она была безъ сознанія. Пришла Назаровна.

— Ваниютка, дровъ-то нѣту.

Точно я зналъ до тѣхъ поръ, что значить: «дровъ нѣту». У мамки всегда были дрова. Скажеть: «дрова выходятъ» и пойдетъ на рынокъ. Привезутъ возъ дровъ. И только.

— Какъ быть-то? допрашивала Назаровна.

Я ничего не могъ отвѣтить.

— У меня у самой на одну истопку. Нѣтъ ли у нея денегъ? я схожу, куплю. Ты знаешь, куда она деньги-то прячетъ?

— Въ сундучекъ.

Открыли. Отыскалось 17 в.

— Ну, на эти не купишь дровъ; на эти тебѣ хлѣба куплю. Побудьте сегодня такъ. Можетъ къ завтраму «пройдетъ».

Въ избѣ холодно, у меня посинѣли руки, а мамкѣ жарко, отъ нея такъ и пышетъ.

Насталъ второй мучительный день, хотя я и не пугался такъ, какъ наканунѣ. Несчастіе, въ первый разъ посѣтившее меня, пригнетло, придавило дѣтскую душу. Я ежился отъ холода, плакалъ, но не боялся.

На третій день болѣзни матери набрались съ Назаровною какія-то старухи. Что онѣ толковали—я не понималъ или не помню; помню только то, что порѣшили на завтра свезти мамку въ больницу, а Назаровна общалась сейчасъ же сходить къ водовозу Игнатичу поучиться ему о лошади и саняхъ. Печь въ этотъ день Назаровна истопила своими дровами. Мамка была покойнѣе, но не приходила въ себя.

На слѣдующее утро меня разбудилъ говоръ тѣхъ же старухъ и Назаровны.

— Отошла, голубка, отошла! Ванюшка, вставай! Отошла твоя кормилица ненаглядная!

Я ничего не понималъ.

— Сирота вѣдь ты остался горемычный; ни роду у тебя, ни племени.

Тутъ я зарыдалъ, чуя, что меня постигло какое-то великое горе, большое несчастіе.

— Дѣть-то его, куда дѣть-то? толковали старухи.

— Въ сиротскій домъ, куда больше!

— Ой, мать, несладе тамъ ему придется!

— Что говорить! Да не баричъ, обижнеть!

О сиротскомъ домѣ я не имѣлъ никакого понятія, но вывелъ заключеніе, что онъ долженъ быть очень-очень страшный. А мамка куда? Развѣ она останется здѣсь? Почему она ничего не говорить и даже не стонеть?

Вотъ двѣ старухи начали снимать ее съ печи. Какъ исхудала она и кабая сдѣлалась страшная! Но она не спитъ, а смотритъ полуоткрытыми глазами. И какъ страшно смотреть! Только я ее не боюсь; боюсь скорѣе этихъ старухъ, что-то дѣлающихъ съ нею.

— Мамка! мамка! съ громкимъ воплемъ бросился я къ ней и повисъ на опустившейся, какъ плеть, рукѣ.

— Уведи его, Назаровна. Что ему тутъ надрываться.

Назаровна не увела меня, а утащила, потому что я долго бился, не соглашаясь оставить мамку. Въ концѣ концовъ, меня все-таки водворили въ каморѣ Назаровны подъ присмотръ ея старика-мужа, занимавшагося башмачнымъ ремесломъ.

II.

Мамку похоронили. Теперь я зналъ, что она умерла. На дрогахъ водовоза Игнатъича свезли простой, невращенный гробъ и на моихъ глазахъ зарыли въ землю такъ глубоко, что, по моему мнѣнію, не было возможности отрыть ее, если-бы кто захотѣлъ. Съ перваго дня смерти мамки, посѣщавшія Назаровну знакомки совѣщались о томъ, «куда дѣть сиротку?»

— Мальчикъ хорошенькій, да тихонькій; замуштрують его въ сиротскомъ-то.

— И тоже, мать, хлопотать надо, говорила Назаровна, — безъ спросу не сведешь, безъ дозволенія не подкинешь.

— Чай, въ полицію, сперва?

— Не знаю, мать. Кто говоритъ—въ полицію, это—въ мѣщанскую... Вотъ нашлись бы бездѣтники, такъ Богъ съ нимъ, съ сиротскимъ!

— Что говоритъ! Только хлѣбъ-то нынѣ дорогъ; мало охочихъ до ребятъ; себя дай Богъ пропитать.

На мое счастье или несчастье, бездѣтники нашлись. Мужъ Назаровны, покупая стоптанные старые башмаки на толкучкѣ, для передѣлки на новыя, встрѣтилъ человѣка, изъявившаго желаніе имѣть «пріемыша». Когда старикъ привелъ этого человѣка, Назаровна, по первому впечатлѣнію, очень опечалилась, а я струсилъ. Мой будущій покровитель, мушкетеръ лѣтъ сорока, очень отдавалъ жидомъ. Не понравились мнѣ его прищуренные съ прикосью глаза, осматривавшіе меня во всѣхъ подробностяхъ, какъ бывало Назаровна ревизовала купленную мужемъ на передѣлку старую обувь. Пришедшій назвался торговцемъ поношеннаго платья, Борисомъ Исаичемъ. Фамиліи онъ не сказалъ, чѣмъ никто и не поинтересовался.

— Не изъ жидовъ ли ты? напрямикъ спросила Назаровна.

— Папенька былъ кантонистомъ, пояснилъ свое вѣроисповѣданіе Борисъ Исаичъ.

— То-то. Некрещеному не отдамъ; а если жидъ, такъ жидъ и ищи. Гдѣ живешь-то? Я вѣдь ходить буду—онъ у меня что родной. Съ покойницей мы товарки были.

Борисъ Исаичъ назвалъ отдаленную часть города.

— Далеко... да все изрѣдка навѣщу. Отцемъ будь ему настоящимъ, коли крестъ есть. Сироту воспитаешь—на старость пригодится, помога. Ну собирайся, съ Богомъ, Ванюша!

Я заплакалъ.

— Голубчикъ ты нашъ! утѣшали меня Назаровна съ мужемъ,—сами-то мы безъ хлѣба сидимъ! рази, мы тебя отдали бы? да и гдѣ намъ тебя воспитать—старини мы старыя, тоже одной ногой во гробу стоимъ. Того и гляди снова одинохонекъ, итенчикъ, останешься.

Меня, однако-же, увели лишь подъ условіемъ возвратиться къ вечеру къ Назаровнѣ. Борисъ Исаичъ подхватилъ за скобку мамкинъ сундучекъ съ ея убогимъ имѣньемъ и щегольскимъ гардеробомъ «прачка сына». Назаровна всхлинула, крестя меня, и мы отправились въ путь.

— Зови его съ этой поры тятеньбой! наставляла меня Назаровна передъ уходомъ; но Борисъ Исаичъ, выйдя на улицу, сказалъ мнѣ:

— Ванька! тятенькомъ не зови мене; зови мене дяденькомъ. Слышишь!

«Ванька»!—меня такъ никогда не звали. Мать звала меня Ваней, сосѣди иногда Ванюшкой, и хотя мнѣ было все равно, какъ бы меня ни называли, имя Ваньки больно оскорбило мой слухъ, и можетъ быть, въ первый разъ возмущилась моя дѣтская, нетронутая душа.

Нивогда еще мнѣ не приходилось совершать такое далекое путешествіе. Мамка не брала меня съ собою далеко, и мои познанія въ географіи ограничивались нашею улицею, да ближайшею приходскою церковью, гдѣ съ самыхъ пеленокъ, однажды въ годъ, я исполнялъ важный долгъ христіанина—причащался. Теперь мы шли какою-то невѣдомою землею, и чѣмъ дальше шли, тѣмъ становилось люднѣе. Дома на улицахъ росли и росли, а полуразрушенные домишки роднаго переулка какъ будто провалились сквозь землю; деревянное хламье исчезло; съ обѣихъ сторонъ тянулись высокія каменные зданія, сплошь увѣшанныя вывѣсками, часто для меня настолькоъ любопытными, что Борисъ Исаичъ или мой названный дядинька вынужденъ былъ прибѣгать къ подзатыльникамъ, сразу возвращавшимъ мои мысли отъ затѣйливыхъ вывѣсокъ къ горькой дѣйствительности. Не разъ во время пути я вспоминалъ о быломъ; оно возникало у меня въ представленіяхъ о доброй, любящей мамкѣ, о сердечной, вѣчно болѣзнуюющей о людскомъ горѣ, Назаровцѣ. Настоящее давило меня присутствіемъ незнакомаго и неласковаго чловѣка, уводившаго еня... Куда онъ велъ меня?—Дѣтскій мозгъ моего возраста не могъ опредѣленно поставить такого вопроса; довольно было и того: чужой чловѣкъ куда-то уводилъ меня, и мнѣ было страшно.

— Ты усталъ, парнишка? спрашиваетъ дяденька; дѣйствительно мои маленькіе шаги давно путались и сбивались.

— Усталъ, дяденька.

— Зайдемъ сюда.

Дяденька завернулъ подъ грязную, оборванную вывѣску.

Еще новый, невиданный міръ! Въ большой, до-нельзя грязной комнатѣ, въ табачномъ дмму, толпилось много народу. Всѣ шумѣли и почти всѣ были пьяны, что я сейчасъ замѣтилъ, такъ какъ и на моей родинѣ пьяненькихъ сосѣдей видалъ нередко.

— А, свиное ухо! еричалъ кто-то въ нашу сторону.

«Свинымъ ухомъ жидовъ дразнять», сообразилъ я.

— Садись, парнишка, на лавочку, отдохни.

Къ дяденькѣ подошелъ какой-то оборванный человѣкъ.

— Откуда повормленка досталъ? сказывай! Магарычи съ тебя, потому такіе махонькіе просто кладъ. Жалости въ немъ больше, а приучатся—тоже маху не дадутъ.

— Отстаньте, господинъ, я не гавару съ вами! парнишка дитю будетъ; у мене жена...

— Жена?—У чорта съ дани, съ большой елани! Рази мы Борьку тычовскаго не знаемъ?.. Угости баночкой; послѣ сочтемся!..

Дяденька недолго оставался здѣсь: то его дразнили свиннымъ ухомъ, то требовали выпивки. Мы снова пошли; шли долго. Дома становились мельче и мельче, улицы малолюднѣе. Наконецъ, мнѣ показалось, какъ будто мы возвращаемся домой въ Назаровнѣ. Стали попадаться деревянные домишки, узкіе переулки; мостовой не было.

— Скоро, Ванька, дома будемъ.

«Дома»!.. какъ это сладко прозвучало. Значить, скоро я увижу Назаровну, и ужъ она меня снова не отпуститъ съ чужимъ человѣкомъ, да и самъ не пойду... заревусь, а не пойду!

— Сюда... иди за мной, тутъ темно.

Мы свернули подъ какой-то навѣсъ, гдѣ, въ темнотѣ, сквозь небольшое окно свѣтился огонь. Рядомъ съ обномъ дяденька открылъ дверь и пихнулъ меня впередъ. Я очутился въ небольшой комнатѣ, съ русскою печью, съ некрашенымъ столомъ въ углу и двумя табуретами. На одномъ табуретѣ сидѣла, покачиваясь, женщина, ни старая, ни молодая, въ старенькомъ, порванномъ платьишкѣ, простоволосая; платокъ съ головы свалился на плечи. Около печки стояла большая дѣвочка, такъ лѣтъ двѣнадцати. Женщина, очевидно, бранила ее; дѣвочка плакала. Всю сцену освѣщала жестяная лампа, поставленная на столѣ.

Я остановился; замеръ въ дверяхъ и Борисъ Исаичъ.

— Врешь! ты врешь, Фенька! кричала женщина, не замѣчая насъ;—всего тридцать копѣекъ... ты украла!... Цѣлый день—и тридцать копѣекъ... я тебѣ морду разхлешу!

— Сво-а-лачь! раздался за мною голосъ Бориса Исаича.

Я отлетѣлъ въ сторону, потому что онъ, толкнувши меня, быстро подошелъ къ женщинѣ и ударилъ ее по лицу.

— Ахъ, ты жидъ пог...

Женщина не успѣла докончить, какъ слетѣла съ табурета. Исаичъ таскалъ ее за косы.

— Пьяница! негодная распутница! кричалъ онъ.

— Рази, я на твои? рази...

Исаичъ бросилъ.

— Фенька, сказывай, гдѣ сборъ?

— Тетенькѣ отдала.

— Сколько?

— Два пяточка, серебряничекъ, да конфечки были; больше чѣмъ на полштофа.

Исаичъ всплеснулъ руками.

— Господи Боже мой, съ вами самъ по міру пойдешь! У-у, стерва!..

Началась снова расправа. Женщина уже не ругалась, а, какъ говорится, плакалась:

— Бей, бей, іуда предатель, бей! вышей мою кровь, коли я такая несчастная!

— Ложись на печь.

Та покорно исполнила приказаніе и замолчала. Тогда Исаичъ обратилъ вниманіе на меня; онъ велѣлъ снять мое пальтишко и сапоги, которые сейчасъ же и убралъ. Потомъ досталъ изъ печи горшокъ щей и предложилъ мнѣ и Фенькѣ ужинать.

— Вотъ тебѣ сестра! отрекомендовалъ онъ ее;—теперь ложитесь спать, а завтра потолкуемъ.

Со слезами на глазахъ я проглотилъ двѣ или три ложки щей, но плавать боялся. Моя новая подруга, захудалая, изнуренная и запуганная дѣвочка, заботливо уложила меня на полу, въ томъ самомъ углу, гдѣ она сейчасъ трепетала передъ разгнѣванной хозяйкой. Говорить ни я, ни она не смѣли. Мы легли на истертый потничекъ и одѣлись не то шалью, не то съѣденнымъ молью ковромъ. Треволненія дня, длинный пройденный путь, слезы, пролитыя нѣсколько разъ въ этотъ несчастный день, взяли свое, и дѣтски доврчиво прижавшись къ худому тѣльцу дѣвушки, я заснулъ.

III.

Свительческая жизнь моя началась, но порочная была впереди, если можно вмѣнить въ вину поведеніе шестилѣтняго ребенка. Я попалъ въ извѣстную среду трущобныхъ промышленниковъ, гдѣ порочное ремесло и паденіе человѣка во всѣхъ его возрастахъ эксплуатируется своего рода кулаками—мошенниками, заправляющими міромъ несчастныхъ созданий всѣхъ степеней. Такимъ кулакомъ, какъ я впоследствии узналъ, былъ

мой названный отецъ, Борисъ Исаичъ. Это одинъ изъ тѣхъ покровителей и укрывателей преступленій, пріемщиковъ браденыхъ вещей, которыя, совершая преступленія не иначе, какъ черезъ другія руки, рѣдко попадаютъ подъ судъ, а если и попадаютъ, то всегда менѣ платятся, чѣмъ ихъ жертвы — активные дѣятели противозаконной наживы. Активный дѣятель труппы почти всегда получаетъ отъ своихъ «трудовъ» наименьшій барышъ, скорѣе подачку, потому что онъ, при своей нелегальности, связанъ еще многими условіями потеряннаго человѣка: беспомощностью, неприютностью, отсутствіемъ силы воли, склонностью къ спиртнымъ напиткамъ, не говоря объ ограниченности нравственныхъ задатковъ. Часто въ натурѣ этого потеряннаго человѣка можно найти немало порядочныхъ сторонъ, хорошихъ душевныхъ порывовъ, но, не имѣя никакой опоры, все хорошее въ конецъ гибнетъ въ труппобной кабалѣ, нищетѣ и порочной обстановкѣ. Гораздо больнѣ явленіе — труппобная гибель дѣтей, и всего неисполнимѣ исправленіе взрослога ребенка, пробывшаго нѣсколько лѣтъ въ воровской школѣ. Между тѣмъ, такихъ дѣтей въ нашихъ труппобахъ немало. Это по большей части дѣти бѣднѣйшихъ семействъ, преимущественно осиротѣвшія. Благотворительность извлекаетъ ихъ далеко не всѣхъ. Первая ступень порочной школы дѣтей — нищенство, не какъ пропитаніе самихъ себя, а какъ добыча для ихъ опекуновъ и попечителей, конечно, нивѣмъ непризнанныхъ. Дѣтское нищенство практикуется въ тотъ періодъ возраста, когда ребенокъ еще не въ силахъ быть полезнымъ въ важнѣйшихъ операціяхъ; но онъ быстро «приготавливается». Въ самомъ, повидимому, невинномъ возрастѣ онъ уже полонъ «грязнаго слова», хотя и безсознательнаго отношенія къ нему. Потомъ начинается практика въ мелкомъ воровствѣ, тоже съ его стороны безсознательная, управляемая старшими. Вскорѣ, при развитіи потребностей, дитя начинаетъ обманывать своихъ хозяевъ или опекуновъ, и тогда настаетъ сознательная фаза дѣйствительности, время ухищреній и самостоятельной изобрѣтательности. Порочность мальчика принимаетъ опредѣленную форму.

Участь дѣвочекъ едва-ли не горшая. Сначала тоже подневольное нищенство и мелкое воровство. Потомъ въ 15, а нерѣдко и въ 13 лѣтъ дѣвочку просто продаютъ, благо охотниковъ много и въ образованныхъ классахъ, не только между неразвитымъ купечествомъ. Послѣ продажи, дѣвочка въ самомъ непродолжительномъ времени попадаетъ въ домъ терпимости разныхъ степеней и разрядовъ. Но какъ бы ни былъ «прили-

чень» таковой домъ, жертва безвозвратно погибаетъ, отравленная алкоголемъ, который ей приходится употреблять ежедневно; характеръ, сила воли, если они и были, уничтожаются, и со временемъ, выброшенная на мостовую, она снова попадаетъ въ свою родную труппу и снова дѣлается рабой перваго кулака. Такова была сожительница Бориса Исаича. Она прошла ужасную школу, и все же осталась пассивною жертвою среды. Самъ Борисъ Исаичъ не былъ кореннымъ воромъ. Кантонистомъ, въ николаевскія времена, онъ былъ оторванъ отъ еврейской семьи, крещенъ, служилъ въ солдатахъ, и отставленъ по какой-то тѣлесной неспособности. Оторванный отъ еврейства, для русскихъ онъ оставался все же «пархатымъ жидомъ». Нечего говорить, чѣмъ долженъ былъ сдѣлаться неразвитый крещеный еврей. Къ тому же солдатство отъучило его отъ національной воздержности; изъ него не вышелъ осторожный ростовщикъ, а вышелъ промышленникъ другаго сорта, факторъ темныхъ дѣлъ, переводчикъ краденыхъ вещей и, еще хуже, продавецъ дѣтей...

Но я обращаюсь къ первымъ впечатлѣніямъ въ моей новой обстановкѣ.

Утромъ я проснулся отъ сильнаго холода, такъ какъ худая избенка моихъ покровителей за ночь совершенно выстыла. Фенька встала прежде меня и таскала изъ сѣней къ печкѣ дрова. Борисъ Исаичъ сидѣлъ со своею сожительницею у стола и мирно распивалъ чай изъ позеленѣвшаго самоварчика. О вчерашней ссорѣ не было и помина.

— Хочешь, Ванька, чаю?

— Хочу, дяденька.

— Пей, да живо; пора идти съ Фенькою. Слышишь? Ты съ Фенькою пойдешь за сборомъ. Она тебя научить.

Я таращилъ глаза: «Куда?.. Научить... значитъ, учить хотять... мамка тоже учить собиралась».

— Да у меня не зѣвать, не баловаться, а то вечеромъ пореа! продолжалъ строго Исаичъ.

Я готовъ былъ заплакать и, обжигаясь, старался скорѣе допить чашку жидкаго чая. «Тетенька», какъ мнѣ приказано было называть сожительницу Бориса Исаича, разбирала какія-то лохмотья.

— Вотъ тебѣ рубаха, а эту скинь, сказала она, швырнувъ мнѣ синюю, холщевую, до-нельзя грязную рубашку, — а вотъ и штаны. Въ тѣхъ холодно будетъ, эти тебѣ.

Она бросила мнѣ суконные, рваные штанишки, которыми я замѣнилъ свои нанковые. На ноги дали мнѣ не мои сапоги, а

старше штилеты съ ноги взрослого человѣка. Чтобы они не сваливались, ноги обмотали тряпками. Сверху надѣли на меня женскую вудавейку, представлявшую слошннн лохмотья, и ваточный картузь, — возыревъ у него держался на одной ниткѣ, изъ туды выглядывали ключья грязной ваты. Въ пять минутъ я превратился въ нищаго, уличнаго мальчишку. Ни бѣдная мамва, ни Назаровна не узнали бы меня. Мнѣ не доставало только вошеля, но это не входило въ расчеты Бориса Исаича. Онъ требоваль, чтобы ему приносили деньги, а не хлѣбъ.

Одѣвался я совершенно пассивно, не понимая, для чего все это со мною продѣлываютъ. Я чувствовалъ только одинъ страхъ передъ новыми лицами. Въ головѣ бродила мысль бѣжать къ Назаровнѣ и ухватиться за ея юбку; но я помнилъ, какое разстоянiе прошли мы наканунѣ, помнилъ длинныя и шумныя улицы, народъ, экипажи и не зналъ, въ какой сторонѣ остался мой родной переулокъ, какъ его найти? Но вотъ свѣтлая мысль: Назаровна обѣщала придти! О, тогда я не отстану отъ нея! Я не хочу здѣсь оставаться!

— Ну, Фенька, готова? Маршъ теперь; учи его просить. Да на одномъ мѣстѣ не торчать. Увижу — вздую обоихъ! Сегодня идите на рыбный — тамъ базаръ.

Фенька была готова, т. е. одѣта въ такія же лохмотья, какъ и я. Мы вышли.

— Куда мы, Феня? спрашиваю.

— Милостинку собирать.

— Ты развѣ нищенка?

— А ты кто? Баричъ?

— Нѣтъ, я прачкинъ сынъ.

— Былъ, да сплылъ. Теперь поморозъ носъ-то.

— Я не умѣю милостинку просить.

— Не хитро. Шагай сворѣе! вишь, нетепло. Напляшешься еще день-то деньской. Мало наберемъ, такъ вечеромъ лупка. Ужь и стерва же Аграфенка, чтобы ей...

— Кого ты бранишь?

— А нашу-то потаскуху, пьяницу, чтобы ей захлебнуться!

— Тетеньку-то?

— Тетеньку съ болотнымъ дяденькой, жидомъ пархатымъ. Только бы до лѣта, сейчасъ сбѣгу на пристань. Тамъ напихъ много. Подъ барками спать.

— А лѣто скоро?

— Куда тѣ скоро! Вишь, еще морозы каки; тамъ масляна, песть; ну, когда рѣка тронется.

Мы вышли неизвестною мнѣ дорогою въ людную часть города.

— Вонъ идетъ баринъ, указала мнѣ Фенька, — бѣги за мною!

— Ба-а-ринъ, ба-а-тюшка, ко-пѣ-ечку! запищала Фенька жалобнымъ голосомъ, протягивая руку.

Баринъ продолжалъ идти, не обращая на насъ вниманія.

— Ба-а-ринъ, ба-а...

— Отстань! осадилъ онъ насъ.

Фенька остановилась, какъ ни въ чемъ не бывало. Пошли далѣе. Попадается старушка съ сумочкою.

— Су-у-дариня, ма-а-тунка! снова пищитъ Фенька.

Старушка долго рылась въ своей сумочкѣ, перебирая мѣдныя деньги, и надѣлила насъ по грошику.

— Теперь, Феня, домой? спросилъ я.

Та расхохоталась.

— Какъ же! попалъ пальцемъ въ Приди-ва съ грошемъ-то, такъ зададутъ тебѣ перца!

— Какъ?

— А такъ, за ноги, да башкою объ уголъ.

— Ну-у!

— Вотъ тебѣ и ну... Ба-а-ринъ, ба-а-тюшка...

На этотъ разъ дали по копѣйкѣ.

— Это что! говорила Фенька, — намедни одна барыня двугривенный отвалила, я сейчасъ же печонки нажралась.

Такъ мы шли долго, приставая къ встрѣчному и поперечному. Многіе ничего не давали. Къ бѣдно одѣтымъ Фенька не подходила.

— У нихъ у самихъ жрать нечего.

Дошли до лавокъ, между которыми сновало и шумѣло много народу. Это былъ рыбный рядъ. Толкаясь въ народѣ, мы просто окоченѣли. Я началъ плавать. Руки у меня скрючились и не разгибались, ноги щипало.

— погоди, уже въ харчевнѣ погрѣмся, утѣшала Фенька.

Кто-то далъ пятакъ.

— Ну, вотъ, этотъ мы убухаемъ. Аграфенка не узнаетъ, а ты не сказывай, а то...

Она погрозила мнѣ кулакомъ.

Зашли въ какую-то вонючую, грязную нору, полно набитую народомъ. Здѣсь продавали съѣстное и водку. Фенька купила печенки и хлѣба. Никто не обращалъ на насъ вниманія и мы спокойно поѣли и отогрѣлись. По выходѣ изъ харчевни, насъ обступила толпа такихъ же оборвышей, какъ и мы.

— А, Фенька, мокрохвоста! Шкура барабанна! Много набрала?.. А это што за фитюкъ? кричали намъ.

Ко мнѣ подбѣжалъ мальчуганъ и хлопъ меня по затылку. Я—носомъ въ снѣгъ, заревѣлъ. Фенька бросилась на мальчишку ихватила его по зубамъ. Началась свалка. Кругомъ хохотали и поддразнивали мужики.

— Ай, да дѣвка! Молодецъ! Лущи его! Еще, еще!.. Тюлюлю!..

— Прочь, продово отродье! зычно крикнулъ кто-то.

Мальчишки разбѣжались. Я взглянулъ на кричавшаго, и вдругъ обрадовался. Я узналъ хожалаго изъ нашего переулка.

— Дяденька, веди меня къ Назаровнѣ!

— П-шоль! Я тебѣ задамъ Назаровну, шенокъ!

Фенька тащила меня за рукавъ и я тотчасъ же потерялъ изъ глазъ знакомое лицо, бросившее мнѣ лучъ надежды.

Скоро свечерѣло. Мы отправились домой. Я утомился и перезябъ страшно. Бѣжали оба въ припрыжку, стараясь отогрѣть ноги. Вдругъ Фенька остановилась у одного крыльца.

— Знаешь, Ванюшка, мы заблудились.

Я сначала не понялъ.

— Ну, теперь ночуй на улицѣ, пояснила она,—вѣдь ты не знаешь дороги?

— Не знаю, робко сказалъ я, предчувствуя что-то недоброе.

— И я забыла. Такъ и замерзнемъ, какъ собаки.

Горе и страхъ охватили меня. Я трясся отъ стужи и боязни, хотя еще ни разу въ жизни не проводилъ одиноко ночь среди неизвѣстной улицы и въ сущности былъ малъ, чтобы уяснить весь ужасъ безпріютности. Я глухо зарыдалъ. Хныкала и Фенька.

— Что вы тутъ плачете? спрашиваетъ насъ проходившая дама.

— Заблудились, отвѣтила Фенька.

— Чьи вы?

— Сироты.

— Гдѣ вы живете?

— Далеко. Съ утра вышли и заблудились.

— Зачѣмъ же вы вышли?

— По мѣ-и-ру, рыдаетъ Фенька.

— Ахъ, Господи! Идите ко мнѣ, ночуйте, а тамъ утромъ легче будетъ отыскать дорогу. Куда же вы ночью!..

Мы, успокоившись, пошли за дамою. Она жила недалеко, и проведя насъ въ свою кухню, сдала кухаркѣ:

— Вотъ, ребята заблудились. Куда они ночью пойдутъ; пусть почуютъ. Да накорми ихъ.

— Выдумали нищихъ собирать по улицѣ! взъялась кухарка, но, осмотрѣвши насъ, сжалилась. Очень мы выглядѣли несчастенькими.

Кухарка оказалась доброю старухою, въ родѣ Назаровны. Съ участіемъ она распросила о нашихъ родныхъ. Отвѣчала Фенька и очень удивила меня рассказомъ о какой-то слѣпой бабушкѣ. О дяденькѣ же съ тетенькою ни слова.

— А дяденька, робко напомянулъ я.

— Какой дяденька? У васъ есть дяденька? спросила меня кухарка.

— Это хроменькой старичокъ, вмѣшалась Фенька, — безпомощный; на одномъ дворѣ живетъ.

Я не зналъ, что подумать. Выводить какія либо заключенія и возражать, въ моемъ возрастѣ я былъ не въ состояніи. Я замолчалъ и болѣе не вмѣшивался въ показанія Феньки. Меня болѣе всего занимала обстановка чистой, просторной кухни, невиданная дотолѣ плита и много, много всякой посуды. Всего же интереснѣе была маленькая, бѣленькая кошечка, съ длинною и мягкою шерстью.

Насъ накормили и показали мѣсто, гдѣ лечь спать. Хорошо и скоро я заснулъ. Снилось мнѣ много хорошаго: мамба, Назаровна, родной переулокъ съ знакомыми лицами. Ахъ, какъ хотѣлось еще спать, когда меня разбудила Фенька, больно толкая въ бокъ.

Свѣтало. Кухарка тоже проснулась и уже хлопотала около печи.

— Баунька, я братишка на улку свожу, спросила у ней Фенька, когда я одѣлся.

— Вотъ тутъ, на лѣво-то. Крючокъ сама достанешь, невысоко.

Мы спустились во дворъ. Ворота были отворены.

— Ну, Ванька, лупимъ во всѣ лопатки домой! крикнула мнѣ Фенька и юркнула въ ворота.

Я за ней. Вѣдь, Фенька была моею путеводною звѣздою. На улицѣ Фенька перевела духъ, оглядѣлась, но не побѣжала, а только скоро зашагала.

— Бѣжать не надо.

— Феня, куда же? Мы заблудились? едва поспѣвая за нею, спросилъ я.

— Молчи, дуракъ! теперь я знаю дорогу.

Я не нашелся, что сказать на это, но при мысли, что мы идемъ домой, мнѣ почему-то пришло на умъ спросить:

— Дяденька битъ будетъ?

— Не будетъ, а на сѣмянки еще дастъ, да дома цѣлый день съ сосѣдскими ребятишками играть будемъ, вотъ что! заключила она увѣренно.

Но я все чего то боялся и, подпрыгивая за нею, болѣе ничего не спрашивалъ.

Переходя изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ, мы достигли знакомаго жилья Бориса Исаича. Онъ дѣйствительно встрѣтилъ насъ нестрого.

— Ну что? спросилъ онъ Феньку.

Та молча вынула изъ-подъ куцавейки что-то блестящее и положила на столъ. Это былъ мѣдный подсвѣчникъ.

— А сборъ? снова спросилъ Исаичъ, разсматривая и взвѣшивая на рукѣ принесенную вещь.

Фенька развязала тряпку съ нашимъ вчерашнимъ сборомъ Христа ради...

IV.

Такъ началась моя новая жизнь, послѣдствія которой были бы весьма печальны, если-бы она скоро не закончилась разореніемъ гнѣзда Бориса Исаича. Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ въ его школѣ, не могли отразиться на мнѣ глубоко, потому что я былъ очень малъ для прочнаго воспріятія задатковъ порока. Все участіе мое въ порочной дѣятельности ограничивалось пассивнымъ исполненіемъ мелкихъ порученій, въ родѣ нищенства и сопутствованія Фенькѣ для похищенія разной кухонной мелочи у добродушныхъ самарянъ, что не могло случаться часто, ибо въ городѣ начали оглашаться подобныя продѣлки; мы рѣдко находили простаковъ, а если находили, то за нами присматривали, или рекомендовали принять въ насъ участіе полиціи. Въ послѣднемъ случаѣ мы всегда старались вернуться и, хотя въ полночь, находили дорогу домой. Мало-помалу я изучилъ городъ. Бродя по всѣмъ закоулкамъ его, мнѣ разъ случайно привелось забрести въ «родной переулокъ». Боже мой, какъ я обрадовался, увидя двѣ знакомыя лачужки: ту, гдѣ я жилъ съ мамкою, и сосѣднюю, гдѣ пріютила меня послѣ смерти мамки Назаровна. Но радость моя была непродолжительна. Я не нашелъ Назаровны и ничего не могъ узнать о ней. Она или

съѣхала, или умерла. Заглянулъ и въ свою бывшую квартиру, нѣтъ ли тамъ мамки?!

Все незнакомые.

— Что тѣ, мальчижъ, надо?

— Что спрашиваешь—видишь нищенка.

А я стоялъ у порога и молчалъ съ полными слезъ глазами.

— Что ему дать-то? Хлѣбъ-отъ четыре копейки! Нѣтъ ли тамъ луковки?

Теперь, я думаю, что Исаичъ далъ Назаровнѣ ложный адресъ, а то бы она непременно навѣдала своего любимца въ новомъ «купеческомъ быту».

Пришелъ великій постъ. Мы съ Фенькой охотнѣе ходили за сборомъ: стало теплѣе. Завели знакомства съ уличными мальчишками, и Фенька стала болѣе и болѣе выказывать свои порочныя способности, втягивая въ нихъ и меня. За мясными рядами у насъ устроился клубъ, собраніе оборвышей. Здѣсь играли въ карты и кости на деньги, пили водку. Я не могъ пить, но меня часто посылали за водкой. Въ кабакахъ дѣтямъ пить воспрещено; мнѣ отпускали водку, какъ посланному отъ большихъ. Мало я тогда понималъ, но не могу безъ ужаса вспомнить этихъ дѣтскихъ «компаній». Ухарское подражаніе большимъ оборвышамъ, «цыгарки», водка, карты и цинизмъ—такой же, какъ у большихъ, если не отвратительнѣе! Да, пожалуй, хуже, такъ какъ это былъ «цинизмъ среди дѣтей». Не забудьте, что все это есть и теперь. Мало того—все это растетъ и множится въ нашихъ большихъ городахъ.

Однажды, передъ Пасхой, намъ съ Фенькой не велѣли уходить изъ дома. Съ утра Фенькѣ приказали вымыться мыломъ, а потомъ Аграфенка тщательно причесала ее и воткнула въ волосы гуттаперчевую гребенку. Борисъ Исаичъ принесъ откуда-то платье и бѣлый воротничекъ. Ихъ надѣли на Феньку. Я таращилъ глаза отъ удивленія. Фенька—барышня, да какая хорошенькая! Длинное со шлейфомъ платье сдѣлало ее ростъ на цѣлую четверть выше. Но въ чему это? Неужели все Фенькѣ подарятъ? Она сама рада; какъ-то бойко повертывается, дѣлаетъ ручку на отлетъ, часто заглядываетъ въ зеркало.

Борисъ Исаичъ принесъ водки, бутылку наливки, пряниковъ и конфетъ. Значить, будутъ гости.

— Феня, ты иманиница? уличивъ минутеу спросилъ я.

Она не отвѣчала.

— Маршь за печку, да носа оттуда не показывать! крикнула на меня Аграфенка.

Это меня смутило, но въ то же время крайне заинтересовало, и я сталъ наблюдать.

Въ полдень пришла гостья, толстая женщина съ краснымъ носомъ, по моему, богато одѣтая, съ перстнями на рукахъ, въ наколѣхъ. Ее усадили къ накрытому скатертью столу, уставленному двумя бутылками и тарелками со сладостями. Борисъ Исаичъ усердно и раболѣпно принялся угощать; Аграфенка приготовляла самоваръ, а Фенька сидѣла, сложя ручки, поодаль. Разговоръ шелъ о какой-то торговлѣ, о посѣтителяхъ, часто прерываясь просьбами Бориса Исаича «выкушать». Послѣ чая, когда бутылка съ наливкой до половины усохла, гостья мотнула головой на Феньку.

— Такъ эта?

— Эта съ.

— Мала больно. Намъ несподручно.

— Ей скоро 14 лѣтъ, сказалъ Борисъ Исаичъ.

— А мнѣ Фенька говорила, что ей всего 12.

— Ну, едва ли! Съ такими бѣда. Очень нынѣ строго. И такъ полиція съ заведеньевъ жретъ такую прорву, такую.

— Это такъ съ, но все же не безъ барыша, особенно, для любителя. Фруктъ нынѣ рѣдкій.

— Рѣдкій былъ, да по новѣшнимъ временамъ изъ достатковъ чуть не даромъ. Бѣдовый народъ сталъ!

Борисъ Исаичъ промолчалъ.

— На счетъ условіевъ какъ вы? спросила гостья.

— Такъ же, какъ и ту, прежнюю. Эта, пожалуй, лучше будетъ.

— Нѣтъ, что нейдетъ, то нейдетъ, сказала гостья, поднимаясь, — мала еще; покормить надо.

— Можетъ на праздникахъ не надумаетесь ли. Мы, вѣдь, тоже не спѣшимъ.

— Можетъ. Прощайте, Борисъ Исаичъ; за угощенье позорно благодарю. Ко мнѣ милости просимъ!

Гостья ушла. Феньку сейчасъ же переодѣли въ старое рубище. Она плакала.

Борисъ Исаичъ съ Аграфенкой принялись допивать водку. Вечеромъ они дрались. Досталось и намъ.

Вскорѣ Фенька, зайдя въ чей-то домъ, стащила серебряную ложку и, по обыкновенію, принесла ее Борису Исаичу.

Но только что онъ успѣлъ засунуть ложку во временной тайникъ, между двернымъ косякомъ и стѣной, къ намъ явилась полиція. Феньку выслѣдили.

При обыскѣ, кромѣ ложки, нашли еще все-какія воровскія вещи, укрытыя Борисомъ Исаичемъ. Въ тотъ же день меня отправили въ ремесленный пріютъ, а Феньку въ женское сиропитательное заведеніе. Бориса Исаича съ Аграфенкой «посадили», но скоро выпустили. Онъ и теперь живъ. Аграфенка же давно исчезла. Вѣроятно, нашла себѣ вѣчный покой гдѣ нибудь подъ заборомъ.

Фенька бѣжала изъ пріюта. Гдѣ она и что она—не знаю, да и боюсь узнавать.

А. Ишимовъ.

КАРТИНКИ БЕРЛИНСКОЙ ЖИЗНИ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ У ЛАНДОВЕРГОВИХЪ ВОРОТЪ.

ЮЛІА РОДЕНБЕРГА.

Ландсбергскія ворота одна изъ моихъ любимыхъ прогулокъ. Знаю, что мѣстность эта далеко не фешенебельная и что я былъ бы въ нѣкоторомъ затрудненіи, попадись мнѣ тамъ случайно знакомый и спроси онъ меня: «Какими судьбами вы здѣсь? Что вамъ тутъ понадобилось»? Ужь не знаю, чтобы я и отвѣтилъ. Но собственно потому-то и тянетъ меня туда; тамъ-то именно я имѣю полнѣйшую увѣренность не встрѣтить ни единого изъ нихъ. Поѣзжай я хоть въ Сицилію, или на Нордвалъ, чего добраго и тамъ наткнешься на знакомыхъ; даже на островѣ Скіе, самомъ отдаленномъ изъ группы Гебридъ, я не увѣренъ, что не повстрѣчаюсь съ кѣмъ-либо. За то выйди я къ Ландсбергскимъ воротамъ—тамъ я чужой между чужими.

Или, пожалуй, нѣтъ! Весь этотъ людъ средняго сословія, болѣе и менѣе зажиточный, все народъ порядочный, скромные бюргеры;—весь этотъ людъ не чуждъ мнѣ. Они-то меня не знаютъ; за то я хорошо знаю ихъ. Я съ величайшимъ удовольствіемъ и самымъ невиннѣйшимъ образомъ наблюдаю за ними, я люблю посидѣть съ ними за однимъ столомъ, иногда подмѣтить словечко изъ ихъ разговора, но Боже избави меня

отъ нескромности. Да и какое мнѣ въ сущности дѣло до ихъ семейныхъ радостей и заботъ, до ихъ домашнихъ праздниковъ или бѣдствій? Казалось бы очень, напримѣръ, мнѣ интересно знать, будетъ ли завтра довольно хорошая погода для этой толстой булочки, моей сосѣдки съ правой руки, и удастся ли ей благополучно просушить свое бѣлье, или, напримѣръ, выиграетъ ли свой процессъ, который онъ ведетъ противъ упрямаго, несговорчиваго сосѣда, этотъ, повидимому, честнѣйшій человѣкъ, такъ задумчиво сидящій надъ своею кружкою пива налѣво отъ меня. А между тѣмъ я все-таки интересуюсь всѣмъ этимъ. Я чувствую себя, нѣкоторымъ образомъ, по-дружески, посвященнымъ въ ихъ тайны, и принимаю въ нихъ живѣйшее участіе. Мнѣ какъ-то отраднѣе наблюдать жизнь и съ иной стороны, чѣмъ привыкли это дѣлать въ западной части города; быть между людьми, никогда неговорящими о свѣтскихъ отношеніяхъ и новостяхъ, даже никогда не произносящихъ хоть одно изъ тѣхъ именъ, безъ которыхъ мы разговора почти представить себѣ не можемъ, и не смотря на то людьми вполне почтенными, довольными и празднующими свое воскресенье съ какимъ-то особеннымъ достоинствомъ.

Заберись я только въ омнибусъ, идущій по направленію востока, и вотъ я уже почти между ними. Только не въ будній день; онъ, со своею разнообразною дѣятельностью, все перетасовываетъ—сѣверъ, югъ, востокъ и западъ. За то въ воскресенье совсѣмъ иное дѣло; тогда вы не увидите женщинъ съ мѣшкомъ и корзинами, мужчинъ съ ящиками или различными инструментами. Кто ѣдетъ въ воскресенье, тотъ дѣлаетъ это для своего удовольствія; или же онъ отправляется въ гости, или же возвращается изъ гостей, какъ, напримѣръ, этотъ молодой слесарь изъ Краутштрассе, съ женою и дѣтьми, занимающій глубину кареты. Подобные люди путешествуютъ всегда цѣлыми семействами, но берутъ, изъ экономіи, какъ можно меньше мѣстъ: у мужа на рукахъ дѣвочка, а у жены мальчикъ. Они были въ гостяхъ у друзей, живущихъ въ одной изъ новыхъ улицъ, вблизи ботаническаго сада; карманы ихъ набиты сладкими пирожками и какъ имъ весело проѣзжать по красивымъ улицамъ и широкимъ площадямъ западной стороны Берлина; они смотрятъ на все это какъ на чудо. Но надо сказать, что родомъ они изъ Ней-Руппина; истый же берлинецъ, живи онъ хоть на Verlorenen Wed гдѣ почти еще совсѣмъ нѣтъ домовъ, никогда ничему не удивится. Проѣхалъ я съ моими ней-руппинцами изъ Краутгассе только до Денгофской площади, а я уже знаю всю ихъ

подготовную съ исторіей обоихъ дѣтей включительно. Я даже начинаю чувствовать нѣкоторую симпатію къ этой достойной парочкѣ, тѣмъ болѣе, что ни онъ, ни она не скрываютъ отъ меня даже менѣе похвальныя качества своего потомства; видите ли, дѣвочка все завидуетъ брату—замѣчаніе, впрочемъ, немедленно подтверждающееся на дѣлѣ, такъ какъ оба эти чело-вѣчка уже затѣяли войну между собою изъ-за сладкой булочки, которую мальчикъ усердно запикиваетъ себѣ въ ротъ. Мать, любящая миръ, успокоиваетъ дѣвочку тѣмъ, что отдастъ ей половину спорной булки. Но этотъ насильственный поступокъ возмущаетъ душу мальчика. Сперва онъ молчитъ, но затѣмъ вдругъ испускаетъ крикъ, потомъ еще и еще и т. д., точно онъ собирается не перестать до завтра.

— Вотъ онъ такимъ манеромъ иногда полночи на пролетъ кричить, говорить озабоченная мать, и видно по ея узенькому, усталому личику, что она говоритъ правду.

Еще черта, праваяся мнѣ въ папашѣ: въ душѣ онъ стоитъ за мальчика, но не хочетъ ему этого показать, ради матери.

— На тебѣ, получай! говоритъ онъ и при этомъ награждаетъ своего наслѣдника порядочнымъ шлепкомъ, вѣроятно весьма обычнымъ маленькому крикуну, такъ какъ тотъ моментально замолкаетъ. На жену же онъ посмотрѣлъ, черезъ голову мальчика, съ торжествующей миной, какъ бы говорящей: «вотъ погоди-ка ты, какъ этотъ выростетъ, сдумаетъ же онъ постоять за свое!»

Я выхожу у Мюлендамма; карета продолжаетъ свой путь направо, а я—налѣво. Тамъ, на берегу широкаго бассейна, образуемаго здѣсь рѣкою Шпрее, лежитъ Ней-Келевъ. Вечернее солнце отражается въ проточной водѣ и освѣщаетъ мирныя сосѣднія жилища, между которыми и домъ съ широкимъ, тяжеловѣснымъ фасадомъ и массивными воротами. Домъ этотъ мнѣ хорошо знакомъ; я не разъ проходилъ его темными извилистыми проходами. Тамъ нѣкогда жилъ старый Грандидье. Теперь же онъ съ виду такой повинутый; тамъ поселились чужіе, и хотя окна его такъ и горятъ на солнцѣ, но меня онъ больше не манятъ. Мюлендамскіе же жители все тѣ же. У нихъ все по-прежнему два воскресенья на недѣлѣ: и субота, и воскресенье, но воскресенье для нихъ лучшій день; имъ дозволяется тогда и покурить. Сидятъ они передъ полуоткрытыми дверьми своихъ лавочекъ, больше по старо-заведенной привычкѣ. Дѣла же ихъ совсѣмъ идутъ плохо. Красивые военные мундиры съ блестящими пуговицами, ливреи, обшитыя золотымъ галуномъ, халаты на крас-

ной подкладкѣ—все это повоится въ забытьѣ. Только одна штора спущена, съ надписью большими буквами: «здѣсь отдаются на прокатъ фраки». Подъ каменными сводами аркадъ очень прохладно, и тамъ они засѣдаютъ, какъ важные баре, которые могутъ себя побаловать, въ шляхахъ и туфляхъ, съ безгранично-презрительною миною, которую я впрочемъ замѣчалъ въ нихъ только по воскресеньямъ, да и то больше вечеромъ.

Мольбенмарктъ лежитъ совсѣмъ въ тѣни; солнце освѣщаетъ только сѣрныя стѣны того дома, въ который, какъ мнѣ кажется, солнце никогда не проникаетъ. Найдется ли хоть одна изъ этихъ маленькихъ, съ желѣзными рѣшетками у оконъ, велеетъ въ этихъ тѣсно застроенныхъ дворахъ, куда хоть изрѣдка проникнетъ привѣтливый теплый лучъ. Главный входъ закрытъ, точно преступленіе еще стыдится воскресенья; черезъ полуоткрытый боковой ходъ видно, какъ прохаживается часовой, а на лѣстницѣ праздно стоитъ одинъ изъ «синихъ», какъ называютъ жандармовъ на языкѣ тѣхъ, которые ведутъ съ ними непримѣримую вражду. Воскресный вечеръ въ темницѣ—воскресный вечеръ на Мольбенмарктѣ... пойдѣмъ дальше, любезный читатель.

Вотъ мы и на Шпандауерштрассе, прошли нѣсколько шаговъ, и передъ нами сіяетъ, во всей своей красѣ, новая ратуша, составляющая гордость берлинскаго бюргерства. Красный цвѣтъ этого огромнаго четырехугольника, сверкающій на солнцѣ, такъ отчетливо выдѣляется на голубомъ небѣ, а башня его, вся залитая и позолоченая въ настоящую минуту вечернимъ солнцемъ, стоитъ тамъ словно путеводный знакъ путешественнику. Она привѣтствуетъ его, когда онъ приближается въ центръ города, къ самому его сердцу, и ея яркій цвѣтъ днемъ и освѣщенные ночью часы далеко еще замѣтны, когда онъ направляется къ востоку или сѣверу.

На Королевской улицѣ сегодня тишина. Лавки закрыты, дома словно вымерли. Только и встрѣчаешь, что мѣрно прогуливающихъ, по-воскресному. Но даже и въ воскресенье, когда работы всѣ прекращаются, очень замѣтно, до какой степени Берлинъ постоянно измѣняется, разрастается, украшается. Королевскій мостъ и волоната, сооруженіе временъ Фридриха великаго, столь грандіозное для того времени, еще существуютъ, но украшавшія ихъ фигуры изъ песчаваго камня и ротонда, прежде столь прелестныя, когда все это было еще бѣло и свѣжо, теперь совсѣмъ почернѣли; мостъ мостомъ больше нѣтъ воды да и самъ онъ скоро будетъ снесенъ. На высохшемъ луговицѣ

бывшаго Королевскаго канала поднимаются теперь другія сооруженія,—проводится новая городская желѣзная дорога, которая, вѣрная духу новаго времени, беспощадно прокладываетъ себѣ путь черезъ наши улицы, разрушая всѣ преграды, и скоро охватитъ насъ своимъ желѣзнымъ кольцомъ. Еще воздвигается здѣсь новая городская стѣна, но уже совсѣмъ иная, чѣмъ прежде здѣсь бывшая; такая, на которой замѣтны жизнь, движеніе; способствующая промышленности а не замедляющая ее, какъ бывало прежде. Гдѣ то блаженное, старое время, когда каждому жилось спокойно, безмятежно! Когда то, что теперь называютъ всеобщимъ благомъ, не мѣшало каждому отдѣльно позаботиться о своемъ; когда не было на землѣ такого множества людей, и когда тѣ немногіе, которые обитали на ней, не такъ шумѣли, какъ нынѣшніе; когда на улицахъ царило спокойствіе, а въ домахъ жилось такъ уютно; когда не раздавалось грохота омнибусовъ и звонковъ конно-желѣзныхъ дорогъ, когда не имѣли понятія о канализаціи, теперь ежечасно взрывающей наши улицы и образующей неперелазныя горы и глубокіе рвы.

За сто съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ Александровской площади еще не существовало; тамъ находились улицы: Контрескарпъ и Штельденкругъ, и когда почтенный бюргеръ, въ трѣхъугольѣ и длинной костѣ, подъ руку съ своею высококонравственною половиною, совершалъ свою послѣбобѣденную воскресную прогулку, то онъ неизмѣнно направлялъ стопы свои въ одному изъ близлежащихъ садовъ. Выступали они съ такимъ достоинствомъ; съ тѣмъ же неизмѣннымъ достоинствомъ пили они кислое вино, ихъ тамъ ожидавшее; жизнь была дешева, въ городѣ жилось широко, привольно, а время-то какъ дешево стоило, да почти то же, что и хорошій, сытный ужинъ изъ трехъ горячихъ кушаньевъ съ масломъ и сыромъ, стоявшій на наши настоящія деньги всего одну марку и двадцать пфениговъ. Единственная вещь, въ то время дорого стоявшая, были—письма, такъ какъ напр. письмо, адресованное въ «Германію» (необходимо было франкировать до Дудерштата), стоило 40, а въ Эльзасъ и Лотарингію даже 70 пфениговъ. Вотъ и видно, какъ измѣнились времена; за то и осталось въ наше время всего одно дешевое удовольствіе—это писаніе писемъ, въ тому же еще и не всѣ считаютъ это удовольствіемъ. Но достойные филистеры и монументальные бюргеры того славнаго времени хорошо знали, что они дѣлаютъ: писемъ писали они очень мало, за ужиномъ же ѣли очень много и воздавали хвалу Творцу за то, что онъ все такъ благо и мудро устроилъ. Иногда,

можетъ быть, изъ сосѣдней улицы, подъ названіемъ: «набережная вдоль вала, по лѣвой ругѣ», выходилъ человѣкъ, лѣтъ около тридцати, въ чулкахъ и короткихъ панталонахъ, съ божественно веселымъ лицомъ, еще какъ бы горѣвшимъ отраженіемъ возвышенныхъ мыслей, подобно іюньскому небу, разстлавшемуся надъ нимъ во всей своей пышной, солнечной красѣ. Человѣкъ этотъ не шелъ пить вино въ городскіе сады, — нѣтъ, онъ направлялся въ самое нѣдро города. Онъ зналъ толкъ въ хорошемъ винѣ, любилъ хорошее общество; и то, и другое можно было найти у Маурера въ Брюдерштрассе, гдѣ кварть хорошаго понтака стоилъ 10 грошей, а бутылка шампанскаго 1 талеръ. О, доброе, счастливое время, когда Лессингъ писалъ свою «Минну фонъ-Барнгельмъ», а шампанское стоило всего одинъ талеръ! «Набережная вдоль вала», теперь называемая «Кёнигсграбенъ», вся состояла тогда изъ новыхъ домовъ; дома эти всѣ давно состарѣлись; тамъ, гдѣ прежде былъ валъ, теперь городская желѣзная дорога, а берлинскіе поэты, хотя и непишущіе больше сочиненій, подобныхъ твореніемъ Лессинга, все таки едва ли согласятся жить тамъ, гдѣ жилъ онъ.

Вотъ здѣсь начинается мой любимый уголокъ. Тамъ, гдѣ бывало бродилъ Лессингъ, съ грохотомъ проѣзжаетъ теперь извозчикъ и останавливается у фонтана. Передъ мною, частію залитая солнцемъ, частію въ прохладной тѣни, лежатъ Александровская площадь, а за нею отърывается и Ландсбергская улица. Эта улица не изъ новыхъ, по нынѣшнимъ понятіямъ, но еще не совсѣмъ старая. Да, собственно говоря, въ Берлинѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ церквей, древностей никакихъ нѣтъ. Ландсбергская улица ведетъ прямо въ середину Кенигштата, а сейчасъ, лѣвѣе немного, находится уголокъ настоящаго стараго Берлина, уносящаго насъ, если и не постройками своими, то хотя воспоминаніями, далеко въ средневѣковую глубь — тамъ Георгіевское кладбище. Еще въ первые годы царствованія великаго Курфюрста не было здѣсь ничего, кромѣ этой церкви, построенной еще въ XIII столѣтіи, больницы для чумныхъ, затѣмъ зданія верховнаго суда и нѣсколькихъ домовъ, въ послѣдствіи послужившихъ какъ бы исходнымъ пунктомъ будущихъ улицъ. Вокругъ разстлались поля и луга сады и виноградники, мшмы и фермы. И зелень, и виноградъ, и розы, и бузина, — все это давно исчезло отсюда, а взамѣнъ того вишитъ цѣлый рой прилежныхъ ремесленниковъ; за то живетъ еще воспоминаніе этихъ далекихъ дней аромата и зеленыхъ тропинокъ въ названіяхъ улицъ, напр.: Виноградной, Цвѣ-

точной, Зеленой, Бузиной и Розовой. Тогда покровителемъ всей этой мѣстности считали св. Георгія; въ память его названы церковь и госпиталь, оба зданія еще въ половинѣ XVII столѣтія лежавшія совершенно за чертою города: «*Domus St.-Georgii extra muros*». Но уже по одному плану города, составленному въ концѣ правленія великаго Курфюрста (1688 г.), замѣтна возникавшая здѣсь дѣятельность; такимъ образомъ, послѣ сен-жерменскаго мира предмѣстье это быстро разрастается и получаетъ названіе предмѣстья св. Георгія. Только дома еще стоятъ больше особнякомъ, окруженные обширными садами; посрединѣ ведетъ пробѣгающая дорога, названная на планѣ «дорогою въ Ландсбергъ», и все это замыкается песчаными холмами, подобными нынѣшнему Крейцбергу, только шире и длиннѣе его, обнимающими весь горизонтъ и увѣнчанныя множествомъ вѣтряныхъ мельницъ.

. Но вотъ наступаетъ день 18 января 1701 г., когда сынъ великаго Курфюрста торжественно возлагаетъ себѣ на главу въ Кенигсбергѣ королевскую корону, и другой день—6 мая того же года, когда король Фридрихъ I торжественно въѣзжаетъ въ городъ черезъ Георгіевскія ворота, Георгіевскую улицу, Георгіевское предмѣстье. Блескъ св. Георгія меркнетъ передъ молодымъ, возникающимъ королевскимъ блескомъ; съ тѣхъ поръ Георгіевскія ворота переименовываются въ Королевскія ворота, Георгіевская улица—въ Королевскую улицу и Георгіевское предмѣстье—въ Королевское предмѣстье. Но приходъ до сихъ поръ носить названіе Георгіевскаго и изображеніе этого святаго, золотой всадникъ на золотой же лошади, красуется до сихъ поръ надъ Георгіевскою аптекою въ Ландсбергской улицѣ. Названіе же этой улицы, болѣе всѣхъ другихъ почитающей память своего покровителя, находимъ мы только на планѣ 1710 года. Улица эта, столь длинная въ настоящее время, была тогда еще очень мала; она простиралась не далѣе, чѣмъ до нынѣшней Франкфуртской. Однако количество жителей все увеличивалось и Георгіевская церковь становилась мала для нихъ; надо полагать, что она была не больше церкви Гертрауды на Шпительмарктѣ,—церкви всѣмъ хорошо извѣстной, которой суждено уступить мѣсто новой большой берлинской конно-железной дорогѣ; и хотя она некрасивая и маленькая, но всѣ мы, навѣрно, пожалѣемъ о ней. Берлинцы до гогенцолернскихъ временъ никогда не строили большихъ и красивыхъ церквей. Какъ могли предвидѣть эти рыбаки и крестьяне, что Берлинъ современемъ будетъ играть важную роль! Къ счастью, въ мѣстѣ не-

достатка не было: когда церковь дѣлалась мала, ее расширяли тѣмъ, что становились на площади, передъ ея открытыми дверями; на Шпительмарктѣ, бывшемъ тогда Гертрауеновскимъ кладбищемъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь останавливаются шенбергенскіе omnibusы, читалась проповѣдь подъ открытымъ небомъ въ 12 часовъ каждое воскресенье. На кладбищѣ Святаго Духа стояли три липы, подѣ которыми совершалось богослуженіе, а на Георгіевскомъ кладбищѣ былъ воздвигнутъ даже алтарь, кафедра и стояли стулья. Самая же церковь была основана только при Фридрихѣ Великомъ, и на ея фронтонѣ и теперь стоитъ надпись: «1779 годъ».

Между тѣмъ Ландсбергская улица и окружающія ее значительно разрослись. Отецъ Фридриха Великаго, который, какъ извѣстно, «очень заботился о построеніи новыхъ зданій», приходилъ иногда погулять и въ Кенигштатъ изъ Фридрихъ-Вильгельмштата, исключительно его творенія. Каждая изъ подобныхъ прогулокъ имѣла слѣдствіемъ то, что кто-либо изъ его подданныхъ обязывался выстроить новый домъ. И оригинальная же постройка подобный домъ временъ Фридриха Вильгельма! Онъ не имѣетъ ничего общаго съ большею частію грандіозныхъ построекъ дворцовъ Вильгельмстрассе; нѣтъ, это маленькіе жалкіе домики, на которыхъ какъ бы и теперь лежитъ печать принужденія и бѣдности, — теперь, когда они стоятъ между болѣе человѣческими домами. Пещера троглодитовъ, и та чуть ли не привлекательнѣе и удобнѣе этихъ длинныхъ, низкихъ, одноэтажныхъ глиняныхъ построекъ съ рѣшетчатыми, полувадѣланными окнами, а иногда и совсѣмъ безъ оконъ, и съ какими-то четырехъугольными отверстіями, какъ въ конюшнѣ. Кажется, впрочемъ, и теперь они обитаемы; на одномъ изъ нихъ прочелъ я надпись: «салоны для большихъ и маленькихъ обществъ», на другомъ же, за которымъ видѣлся обширный дворъ, — слѣдующую: «парадные свадебные и праздничные экипажи». Храбрый долженъ быть народъ, не боящійся селиться въ этихъ жалкихъ трущобахъ, попадающихся здѣсь еще въ изрядномъ количествѣ, даже и на главныхъ улицахъ.

Затѣмъ идутъ дома временъ Фридриха Великаго, они немного приличнѣе, немного презентабельнѣе первыхъ: съ окнами, доходящими почти до тротуара, и съ дверьми, всегда усгрозенными ниже тротуара, такъ что въ домъ приходится спускаться какъ въ погребъ. Въ слѣдующія затѣмъ тридцать — сорокъ лѣтъ очень мало строилось: начались войны конца прошлаго и первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, далеко непобѣдоносныя, по-

добно силезскимъ, или семилѣтней войнѣ. Слѣдующій затѣмъ домъ, имѣющій своеобразный характеръ, это домъ временъ Фридриха Вильгельма III, трехэтажная казарменная постройка, предназначенная для отдѣльныхъ квартиръ, голая и безыскусственная, еще до сихъ поръ преобладающая въ Берлинѣ, въ началѣ казавшаяся намъ такою огромною и гдѣ большинство изъ насъ провело хоть часть жизни. Но и она ушла на задній планъ, ступевалась, подлѣ колоссальныхъ четырехъ и пятиэтажныхъ строеній; этихъ продуктовъ новой архитектурной эры, наступившей послѣ войны 1866 г. и окончательно установившейся послѣ 1870 г. Это отдающійся въ наймы дворецъ, уже начавшій совершенно вытѣснять казарменные зданія, появляющійся въ большомъ количествѣ, даже въ отдаленныхъ частяхъ города и поражающій своею грандіозностью и своимъ великолѣпьемъ. Эти наемные дворцы носятъ на себѣ какъ-бы печать аферизма (и нерѣдко краха), но они безспорно имѣютъ и свою свѣтлую, хорошую сторону: въ нихъ или совсѣмъ нѣтъ подвальныхъ этажей, или же они несравненно лучше устроены, чѣмъ тѣ, въ сырыхъ и зловонныхъ помѣщеніяхъ которыхъ до сей поры проживала почти четвертая часть всего нашего населенія. Собственно говоря, различные образцы всѣхъ возможныхъ архитектуръ и безобразій, обильно разбросаны по всему Берлину, но нигдѣ не найти всѣхъ этихъ образцовъ, сгруппированныхъ въ такомъ осязательномъ, хронологическомъ порядкѣ и разрастающихся вмѣстѣ съ улицами, какъ именно въ этомъ уголкѣ его.

Уже въ половинѣ прошлаго столѣтія, Ландсбергская улица доходила до Гальновской, за нею простирались сады и виноградники. Никогда я не хотѣлъ вѣрить тому, чтобы въ этихъ виноградникахъ, такъ часто упоминаемыхъ въ старыхъ сочиненіяхъ, когда либо дѣйствительно росъ виноградъ. Надо однако полагать, что это все-таки не вымыселъ, такъ какъ старый Фридрихъ Николай, котораго нельзя назвать лгуномъ, не смотря на всѣ его другія погрѣшности, въ своемъ описаніи Берлина, рассказываетъ, что въ 1740 г. виноградникъ фельдмаршала Дефлингера, находившійся въ Ландсбергѣ, совсѣмъ померзъ. Меня удивляетъ только то, какъ онъ раньше того не вымерзъ. Чего добраго, вѣдь пожалуй, вообразишь себя въ прелестной долинкѣ. По или въ благословенныхъ равнинахъ Бріанцы, когда силошь и рядомъ повѣствуютъ тебѣ объ этихъ *côte-couirs*, этихъ берлинскихъ виноградникахъ, а у того же Николая, ниже немногочитаешь еще и о томъ, что у Ландсбергскихъ воротъ, направо, находилась плантація тутовыхъ деревъ. Теперь же тамъ только

и находятся, что конюшни общества берлинскихъ омнибусовъ, что мнѣ кажется вещью подходящею на подходящемъ же мѣстѣ. Ужели Берлинъ такъ измѣнился къ худшему, или же намъ только не хватаетъ вѣры, горы сдвигающей и, слѣдовательно, могущей то же предпринять и съ виноградниками и съ тутовыми плантаціями. Блаженные праотцы! Обрабатывали они свои виноградники, ткали себѣ свой шелкъ и затѣмъ, счастливые и довольные вползали въ свои низкія квартиры, на половину ухидившія въ землю.

Такъ и вѣтъ древностью отъ Георгіевской площади, особенно же вечеромъ въ воскресенье, когда здѣсь нѣтъ обыденнаго шума и движенія, когда дѣти играютъ на лужайкѣ, а старики, уже не повидающіе домовъ своихъ, сидятъ передъ ними на скамейкахъ, или изъ окна георгіевскаго госпиталя смотреть выздоравливающій, съ такою благодарностью, на заходящее солнце, лучи котораго все болѣе и болѣе ложатся косвенно и теперь такъ ярко освѣщаютъ слова на противоположномъ домѣ: «Кормессерскій сиротскій домъ, основанный Рюкеромъ». Посрединѣ церковь, это мирное убѣжище; вокругъ нея спокойствіе воскреснаго дня, нарушаемое только беззаботною веселостью дѣтей, запахъ свѣжей зелени, а ко всему этому примѣшивается такое чувство, какъ будто находишься вблизи добрыхъ, милосердыхъ людей; ощущеніе это какъ будто носится въ воздухѣ, наполняетъ его и такъ подходитъ къ мѣсту, посвященному больному, бѣдному и сиротѣ. Но скажите, гдѣ найдете вы мѣсто во всемъ Берлинѣ, въ которомъ подобное чувство не охватитъ васъ? Только замѣчайте, и не найдете вы улицы, гдѣ бы не встрѣтились слѣды благодѣянія и милосердія. Иногда попадаются они въ видѣ цѣлаго ряда непрерывныхъ домовъ, какъ въ Франкфуртской улицѣ, все убѣжища для больныхъ и престарѣлыхъ. И какія это убѣжища! Высокія, обширныя, помѣстительныя; это большею частію все учрежденія умершихъ гражданъ и почти всегда такихъ, которые сами стужали выработаться, self-made-men, теперь по-царски заботащихся о своихъ бывшихъ сотоварищахъ. Основная черта всякаго берлинца—это доброта, не слабая, безпомощная, у которой можно все насильственно отнять, нѣтъ, —при этомъ я вспоминаю своего маленькаго знакомца изъ омнибуса,—но та дѣятельная, всегда готовая поработать на пользу общественную, открытое сердце и щедрая рука. Берлинецъ не расточителецъ; онъ акуратецъ, экономецъ; онъ рассчитываетъ каждый цѣфенигъ, равно и въ палатѣ депутатовъ, и съ своимъ извощикомъ. За то сколько

огромныхъ состояній или большихъ частей ихъ, такъ бережливо, экономно собранныхъ, переходитъ, въ видѣ полезнаго учрежденія, въ городскую собственность, когда онъ закончитъ свое существованіе. Въ подобномъ городѣ живетъ хорошо; хорошо потому, что въ насъ самихъ гнѣздится сознаніе того, что мы живемъ всетаки посреди порядочныхъ, достойныхъ людей, не смотря на всѣ современныя уродливости и софизмы. Вотъ что мнѣ такъ по-сердцу, что я такъ пѣню; когда я прогуливаюсь по городу, вездѣ встрѣчу я людей, съ которыми могу обмѣняться привѣтливымъ словомъ, съ которыми можно поболтать мимоходомъ, не осѣдомляясь, съ кѣмъ говоришь, и не заявляя о своей личности. Я нахожу истинное наслажденіе мѣшаться въ толпу людей, ниже меня стоящихъ на общественной ступени; наблюдать, какъ трудятся они въ будни и какъ проводятъ воскресенье въ мирныхъ, безвредныхъ удовольствіяхъ. Люблю я садиться съ ними за одинъ столъ, какъ люблю въ сочиненіяхъ людей, давно уже отшедшихъ, находить черты изъ ихъ жизни, и рассказы про нихъ, глубоко меня трогающіе.

Еще черта радующая меня въ моихъ прогулкахъ,—это наблюденіе надъ тѣмъ, до какой степени и какъ прекрасно умѣютъ у насъ позаботиться о подроставшей молодежи; относительно ихъ обученія и здоровья. И не требуется доказательствъ тамъ, гдѣ результаты такъ ясны, такъ какъ наша система воспитанія, пожалуй, еще больше насъ прославила, чѣмъ наша военная организація. Только тамъ отраднo имѣть передъ глазами, осязательно, то, что намъ, постороннимъ, непринимаящихъ въ этомъ дѣлѣ непосредственнаго участія, представляется всегда какимъ-то отвлеченнымъ понятіемъ. Когда случится вамъ, напримѣръ, въ одной изъ фабричныхъ, промышленныхъ частей города, часто по сосѣдству съ нуждою, увидѣть замѣчательно красивое строеніе, выведенное болѣею частію изъ мѣстнаго песчаника или кирпича, съ фронтономъ, украсившимъ бы и дворецъ, съ широкими окнами, съ массою зелени или вокругъ, или наполняющей внутренность двора, то вы можете быть увѣрены, что это приходское училище, какъ напр. прекрасное кирпичное зданіе въ Елизабетштрассе, или величественное четырехугольное строеніе въ Страусбергер-штрассе, гдѣ помѣщается кромѣ того еще городская бібліотека. Да, да, старое доброе время имѣло много хорошаго, чего нѣтъ болѣе у насъ; за то такихъ училищъ оно не имѣло. И что за наслажденіе, въ прекрасное лѣтнее утро встрѣчаться съ веселою толпою счастливыхъ дѣтей, то изъ той, то изъ другой шюлы; сегодня дѣво-

чень, въ ихъ пестрыхъ платѣнцахъ, завтра—мальчиковъ, въ ихъ гимнастическихъ блузахъ и съ ботаническою жестяною черезъ плечо; видѣть, съ какою радостію направляются они изъ отдаленныхъ частей города черезъ Тиргартенъ въ Грюневальдъ и къ Гавельскимъ озерамъ; какъ они идутъ отрядами, всѣ попарно, и поютъ свои четырехголосныя пѣсни, съ челобѣкомъ во главѣ, мѣрно выбивающимъ тактъ и весело куращимъ сигару, и такимъ довольнымъ и благодарнымъ за радостный, свѣтлый день. Вниманіе, господа! Это прусскій школьный учитель, такъ тихо, скромно и незамѣтно прошедшій передъ вами.

Подобное зрѣлище наполняетъ меня радостію на цѣлый долгій день и мысль о немъ сопровождаетъ меня и сюда, гдѣ вѣроятно родина многихъ изъ моихъ маленькихъ пѣвцовъ. Воскресный покой царитъ и въ узкихъ, тѣнистыхъ улицахъ, развѣтвляющихся отъ Георгіевскаго кладбища. Точно онѣ покинуты своими обитателями. Только тамъ и самъ изъ подвального этажа показывается старушка и такъ недовѣрчиво смотритъ мнѣ вслѣдъ. Какъ бы я охотно пожелалъ ей добраго вечера! Но здѣсь, въ этомъ большомъ городѣ, это не принято. Она, чего добраго, подумаетъ, что имѣетъ дѣло съ злоумышленникомъ, рассчитывающимъ поживиться ея добромъ. Вотъ изъ окна выглянула расфранченная дѣвушка, а изъ другаго—мушина безъ сюртука. Передъ мясною лавкою сидитъ дородная мясничиха въ бѣломъ передникѣ, а рядомъ съ нею ея откормленный супругъ и еще сосѣдъ. Изъ одного дома доносятся звуки фортепiano, а изъ другаго—звукъ шарманки. Вотъ все, что нарушаетъ сегодня тишину, между тѣмъ какъ въ будни здѣсь едва проберешься. Теперь же все какъ будто улетѣло за городъ.

И вдругъ передо мною раскрывается цѣлая масса зелени; это «роща», какъ здѣсь называютъ Фридрихсхайнъ. Она выступаетъ все яснѣе и яснѣе, такъ что уже отчетливо отдѣляется одно дерево отъ другаго. Но я, какъ истый берлинскій «Соскпеу»,—да простится мнѣ это выраженіе—люблю идти къ цѣли прямо, а не окольными путями. Если берлинецъ направляетъ стопы свои къ Ландебергскимъ воротамъ, то идетъ онъ по Ландебергской улицѣ; это составляетъ уже половину удовольствія. И дѣйствительно, недурна она, эта улица, съ своими и большими, и маленькими домами, такъ небрежно перетасованными. Здѣсь нѣтъ зелени; за то здѣсь живописныя перспективы, которыя я такъ люблю и которыя нахожу даже въ длинныхъ, считаемыхъ однообразными и скучными, берлинскихъ улицахъ, когда въ нихъ тѣни смѣняютъ свѣтъ и открываются боковые переулки, гдѣ продол-

жается эта прелестная игра солнца съ мракомъ. Когда здѣсь, подъ сводомъ воротъ старой гостинницы, останавливается обтянутая бѣлою царусиною большая телѣга, а тамъ видѣется обнесенный плетнемъ дворъ, точно ферма съ своими земледѣльческими орудіями и снарядами, съ сараями, коровами, это напоминаетъ мнѣ сѣверную идиллію, подобную тѣмъ, которыя восцѣвлялъ бывало Шмидтъ фонъ-Вернейкенъ, да еще, пожалуй, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ оныя блаженные времена находился померзшіи виноградникъ его высокопревосходительства генераль-фельдмаршала Дефлингера.

Надо, однако, сознаться, что въ этой части города гражданскія доблести почитаются гораздо болѣе, чѣмъ военныя. Такимъ образомъ, ни единая улица не упоминаетъ о старомъ рубакѣ, здѣсь, у Ландсбергскихъ воротъ, мирно почившемъ отъ всѣхъ своихъ выигранныхъ сраженій, между тѣмъ какъ Бюшингс-плацъ и Бюшингстрассе увѣковѣчили имя достопочтеннаго чловека, бывшаго 27 лѣтъ директоромъ гимназіи у Сѣраго монастыря и положившаго начало новаго научнаго изученія географіи, вслѣдствіе изданія своего классическаго «Описанія земли». Здѣсь же владѣлъ онъ когда-то небольшою дачею и былъ похороненъ въ своемъ собственномъ саду. Только въ 1873 году, когда прокладывали Ландверштрассе, ведущую черезъ Гольновскую, домъ и садъ Бюшинга были снесены, а кости его и его семейства перенесены на Георгіевское кладбище за Ландсбергскія ворота, гдѣ и положены на одномъ изъ первыхъ мѣстъ. Лицмангассе названа въ честь одного извѣстнаго берлинскаго бюргермейстера; Васманская—въ честь одного плотника, пожертвовавшаго на благо общественное своимъ садомъ; а Гольновская—въ честь одного изъ городскихъ депутатовъ, пожертвовавшаго своимъ амбаромъ. Благодарное было то время и серомное же: за амбаръ получалось безсмертіе! Нашимъ нынѣшнимъ городскимъ депутатамъ не такъ-то дешево дается оно.

За Бюшингскою площадью Ландсбергская улица принимаетъ уже совершенно современный характеръ; это все новѣйшая постройка. Еще лѣтъ десять тому назадъ въ концѣ этой улицы стояли Ландсбергскія ворота и къ нимъ примыкала стѣна, которая, впрочемъ, не отличалась своею крѣпостью и неприступностью. Да это и не было ея назначеніемъ; она не служила крѣпостною стѣною, подобно тѣмъ, которыя воздвигались во времена курфюрстовъ и первыхъ королей, а служила совершенно мирнымъ цѣлямъ—сбору налога за помоль и убой скота. Но она стѣсняла городъ и не способствовала его красотѣ. Пѣшеходы переходили отъ воротъ къ воротамъ по грязнымъ, плохо

вымощеннымъ дорогамъ, называемымъ «сообщеніями». Теперь же и стѣны, и ворота давно снесены, и когда приходишь на Ландсбергскую площадь, то видишь, оттуда представляющійся— это видишь большого, красиваго города; по обѣ стороны отъ нея тянется прекрасная новая улица—улица Мира, лѣвая часть которой, гдѣ находились эти «сообщенія» у Королевскихъ воротъ, составляетъ главную ея часть, съ роскошными барскими домами и прекраснымъ бульваромъ; правая же, гдѣ «сообщенія» были у ландсбергскихъ воротъ,—представляетъ улицу, подобную одному изъ болѣе отдаленныхъ парижскихъ бульваровъ, посрединѣ засаженую деревьями и такую же широкую, какъ «Подъ липами». Тамъ, гдѣ прежде находились песчаные холмы, теперь шумитъ, колыхнется и манитъ къ себѣ Фридрихская роца (Фридрихсхайнъ), а въ гору живописно поднимается ландсбергская алея, и какая веселая, пестрая, праздничная, оживленная толпа наполняетъ ее! Тамъ безпрестанно переверещиваются экипажи и омнибусы, проходятъ вагоны конно-железной дороги; тамъ цѣлыя толпы наполняютъ широкую, красивую площадь, а глаза отдыхаютъ на густой зелени роцы, которую кругомъ обхватываютъ фестонами гирлянды вьющихся растений. Теперь и жасминъ, и бузина въ полномъ цвѣтѣ и оба такъ и сияютъ своими бѣлыми цвѣтами, а благоуханіе ихъ сливаются: одно такое сладкое, другое горькое. Окруженный массою цвѣтовъ, стоитъ памятникъ по убиеннымъ, на чугунныхъ доскахъ котораго сверкаютъ въ лучахъ заходящаго солнца имена храбрецовъ изъ этой части города, павшихъ во Франціи; и здѣсь то именно я и попадаю въ средину воскресной, праздничной толпы. Но даже и по воскресеньямъ люди эти порядочно навьючены. Вотъ одна женщина тащитъ ребенка, заснуваго на ея рукахъ, а сзади идетъ мужъ съ горшкомъ цвѣтовъ. Въ этихъ краяхъ мужья по возможности выбираютъ себѣ на долю лучшее, т. е. болѣе легкое. Роца такъ и кипитъ дѣтьми, веселыми, играющими; все это дѣти простаго народа, дѣвочки въ ситцевыхъ платьицахъ, мальчики въ полотняныхъ курткахъ. У матерей большею частію все блѣдныя, серьезныя, утомленныя лица, носящія слѣды усиленной работы и бессонныхъ ночей. Онѣ такъ рано старѣются. Старушки сидятъ за чулкомъ на скамейкахъ, или на травѣ подъ деревьями. Такихъ явленій въ Тиргартенѣ совсѣмъ нѣтъ; это былъ нѣкогда старый королевскій лѣсъ, имѣющій и теперь нѣсколько часовъ ходьбы въ окружности. Окаймленный нашими аристократическими кварталами, онъ представляется въ извѣстные часы дня мѣстомъ собранія самаго элегантнаго общества,

въ другіе же—мѣстомъ важнаго спокойствія. Фридрихсхайнъ же совсѣмъ инаго рода. Это созданіе самаго города, существующее съ 1845 года, оно составляетъ не предметъ роскоши, а благосостоянія, и способствуетъ сохраненію здоровья большей части нашего населенія. Оно разноситъ запахъ зелени, кислородъ лѣснаго воздуха, въ узкія, густо населенныя улицы. Немаловажно и моральное значеніе, какое имѣетъ сосѣдство съ такимъ хорошенькимъ сельскимъ уголкомъ для жителя большаго города. «Роша» истинное благодѣяніе для всей этой мѣстности и ея гордость. Хотя она и менѣе обширна, нежели Западный паркъ, но не лишена извѣстной живописности. Деревья ея красиво и густо разрослись, и холмистая ея мѣстность представляетъ все новые и новые виды и картины, каковыхъ немного найдется въ Берлинѣ. Прекрасный дернъ густо покрываетъ всѣ скаты и большія гладкія пространства. Вездѣ открываются новыя прогалины; идешь то въ гору, то подъ гору, посреди цвѣтущихъ бустарниковъ, и приходишь иногда въ такіе уединенные и скрытые уголки, что такъ и кажется, вотъ-вотъ выглянетъ сейчасъ дикая козочка. А тамъ, вокругъ бронзовой статуи нашего Великаго Фридриха, движутся цѣлыя сотни дѣтей, поднимая облако золотистой, ярко освѣщенной солнцемъ пыли. Они танцуютъ вокругъ ея, строятъ крѣпости изъ песку, ловятъ другъ друга. Молодые и влюбленные парочки (потому что и имъ посвящена эта роша) наполняютъ скамейки кружка. Вблизи раскинута красивая палатка, гдѣ всегда можно получить парное молоко, а дальше, на возвышеніи, стоитъ городская больница, окруженная лугами и массою зелени, между которою видѣются ея красныя стѣны, и на мирномъ, бѣломъ дворѣ ея не хуже играетъ, если дѣтямъ случится забрести и туда.

Есть здѣсь еще одинъ уединенный уголокъ, совсѣмъ поросшій кругомъ кустами и деревьями, но часто посѣщаемый, особенно по воскресеньямъ и вечеромъ, когда заходящее солнце благотворно и успокоительно вліяетъ на человѣка. Это мѣсто погребенія павшихъ бойцовъ изъ народа въ мартовскіе дни 1848 года. Солдатамъ, сдѣлавшимся жертвами этихъ несчастныхъ дней, воздвигнутъ національный памятникъ въ паркѣ Инвалидовъ, а этимъ павшимъ нѣтъ инаго памятника, кромѣ полуоглажившихся могилъ и кое-гдѣ поблешаго вѣнка. Да такъ оно и лучше; зачѣмъ поднимать тяжелый вопросъ желѣзной, непримиримой необходимости, случайности, дающей однимъ славу, другимъ же ничего, кромѣ забвенія? «Есть могилы, гдѣ молить всякая жалоба». Здѣсь царитъ вѣчная тѣнь отъ густо

сросшихся вѣтвей, даже непронускающихъ лучей вечерняго солнца, отдѣльныя искры котораго кое-гдѣ лишь изрѣдка ложатся то на крестѣ, то на надгробной плитѣ. Здѣсь лежать они всё вмѣстѣ, безъ различія въ исповѣданіи, люди большею частью средняго и низшаго сословія, всевозможные рабочіе: машинисты, ткачи, наборщики, бухгалтеры, изъ которыхъ многіе были не старше двадцати лѣтъ. Многія изъ надписей совершенно стерлись, но гдѣ онѣ еще сохранились, тамъ исторія, которую онѣ рассказываютъ, коротка и трогательна. «Здѣсь покоится мой милый мужъ», «павшему брату», «нашему доброму сыну, умершему 18 марта 1848 года за свободу и право, прострѣленному въ грудь». Между мушкетерами лежитъ здѣсь и дѣвушка: «наша горячо любимая дочь и сестра». Кто была она? Что привело ее на барикаду: ненависть ли, любовь ли, или же слѣпая случайность направила пулю, ее убившую? А кто разрѣшитъ мнѣ слѣдующую загадку: «N. N., 18 марта 1848 года былъ смертельно раненъ однимъ человѣкомъ въ квартирѣ своего своднаго брата и умеръ 20 марта 1848 года». Большой бугѣ, стоящій посреди могилъ, почти всѣхъ ихъ осѣняетъ своими вѣтвями; рябины такъ низко-низко склоняютъ свои сучья, а бузина раскинулась привольно и широко. Деревянная калитка ведетъ за ограду и на скамеечкѣ рядомъ усѣлась парочка, изъ всѣхъ мѣстъ въ роцѣ выбравшая себѣ именно это, чтобы безмятежно почитать. Книга, которую они читаютъ, такъ же мало походитъ на книгу о Ланцелотѣ и о Гиневрѣ, какъ и они сами на Франческу и на Паоло. И между тѣмъ я все-таки предчувствую, что именно случится, когда удалятся съ могилъ всѣ гуляющіе.

«Въ тотъ день мы дальше не читали».

Стоитъ лишь спуститься съ холма, и вотъ мы опять посреди шумной воскресной толпы въ Ландсбергской алѣѣ. Это одна изъ пригородныхъ берлинскихъ улицъ, незамѣтно переходящихъ въ поле. Весьма почтенная вѣтряная мельница, съ своими маленькими постройками вокругъ, стоитъ рядомъ съ громаднымъ угловымъ домомъ новѣйшей конструкціи, пяти-этажнымъ и имѣющимъ двадцать оконъ по фасаду. Тамъ дымовыя трубы богемской пивоварни, изящныя какъ башенки Альгамбры, виднѣются рядомъ съ огромными неуклюжими трубами Паценгоферской. Сады и направо, и налѣво, и такихъ размѣровъ, что могутъ приютить цѣлыя тысячи подъ своею сѣнью, какъ, напримѣръ, сегодня. Массы гуляющихъ покрываютъ тротуары. Пять, шесть пивныхъ находятся рядомъ, и всѣ, съ старинною излюбленною вывѣскою: «здѣсь семейства могутъ варить себѣ кофе». Но время кофе-

пятія уже прошло и въ настоящую минуту пора и поужинать. Подъ капитанами за длинными столами размѣстились многочисленныя семейства и усердно принялись за уничтоженіе всякой свѣди, которую заботливая мать вынимаетъ изъ разныхъ пакетовъ и корзинокъ. Въ эти пивныя всѣ приносятъ свое кушанье, но въ то же время въ саду и по сосѣдству отъ него можно получить все возможное для пополненія и усовершенствованія этихъ ужинковъ: въ маленькомъ балаганѣ у самаго входа въ садъ продаются «горячія колбаски» прямо изъ кипящаго котла; въ лавкѣ, напротивъ сада, всякіе пирожки и печенье; а на улицѣ у старушки—рѣдиси.

— Это уже послѣднія въ нынѣшнемъ году, замѣчаетъ она,— но еще очень хороши. «Бѣлое» (пиво) такъ и переходитъ изъ рукъ въ руки; даже дѣти, играющія въ отдаленныхъ частяхъ сада, и тѣ время отъ времени прибѣгаютъ, чтобы выпить глотокъ, другой, при этомъ очень быстро и искусно опоражнивая стаканы. Рядомъ съ хозяиномъ стоитъ сверхъ того, обыкновенно, бутылочка кюммелю, а около хозяина пузырекъ молока для принесеннаго съ собою груднаго ребенка, и почти на каждомъ столѣ стоитъ горшокъ цвѣтовъ. Въ концѣ сада устроены качели, лавочка съ лотереей, кегли, горка и кухня для варки кофе, съ бѣльевыми корзинами, наполненными чашками и кофейниками, а за маленькимъ плетнемъ кудахтаютъ куры, летаютъ голуби и лежитъ цѣнная собака. «Собака эта кусается», написано большими буквами на досчатой стѣнѣ. На всѣхъ лицахъ довольство и спокойствіе. Женщины вяжутъ чулки, мужчины играютъ въ карты. Здѣсь нѣтъ того гама и шума, который поражаетъ васъ у сѣверныхъ и южныхъ воротъ Берлина, и по понедѣльникамъ, когда почти вездѣ приходятъ отрезвляться, здѣшнія пивныя почти пусты. Вообще сѣверо-восточное населеніе Берлина, работающее, благоразумное. Видно, что всѣ эти семейства сели и не живутъ въ избыткѣ, то не терпятъ недостатка, что ремесло кормитъ ихъ, и удовольствія ихъ болѣе солидны и спокойны, нежели у обитателей почти всѣхъ другихъ берлинскихъ предмѣстій. Ландсбергская алея не имѣетъ ничего ярмарочнаго, подобно Газенгейде, и въ то же время ничего искусственнаго, зазывающаго, какъ въ «Пратерѣ» у Шенгейзерскихъ воротъ. Впрочемъ подобныя приманки необходимы до известной степени, въ особенности же въ воскресенье. И дѣти, и служанки, и молодые мастеровые всѣ ищутъ случая повеселиться; стоитъ только пройти передъ дворомъ, на которомъ каменщикъ разставилъ разные надгробные памятники и колѣнопреклоненныхъ ангеловъ, и очутишься на открытомъ мѣстѣ, въ будни совер-

шенно пустомъ, но очень оживленномъ по воскресеньямъ. Тамъ, не переставая, вертится карусель, вся увѣшанная пестрыми стеклышками, а «сынъ преисподней—Плутонъ» является передъ публикою съ голыми руками, одѣтый въ красное трико и съ огненнымъ пѣтушьимъ перомъ на шляпѣ.

— Вы вѣрно скажете, голосить онъ,—что невозможно чело-вѣческому существу, созданному изъ плоти и крови, глотать растопленное олово и языкомъ лизать раскаленное желѣзо.—Оказывается, что это, вѣроятно, дѣло возможное, такъ какъ много любопытныхъ, сперва стоявшихъ въ нерѣшимости, теперь болѣе не въ состояннн противостоятъ этому послѣднему вову и стремительно исчезаютъ вслѣдъ за нимъ за занавѣской его балагана, гдѣ онъ совершить сеie чудо. Другая часть публики обвужаетъ столъ, за которымъ стоитъ человекъ, въ свѣтломъ влѣтчатомъ лѣтнемъ костюмѣ, съ вязаномъ фескою, ованчивающеюся голубою кисточкою на головѣ. У человека этого электрическая машина и рядомъ ящикъ, завѣшанный платкомъ и украшенный фотографическими карточками прекрасныхъ юношей и дѣвицъ, съ слѣдующею надписью: «взглядъ въ будущность». И этотъ ящикъ, повидимому, сильно притягиваетъ служановъ, любящихъ все таинственное. Человекъ же говорить такимъ сладкимъ, манящимъ, пророческимъ голо-сомъ; но время отъ времени, когда уличные мальчишки ему очень досаждаютъ, переходитъ онъ въ свой берлинскнй жаргонъ, такъ какъ и онъ, и Плутонъ—сынъ ада, оба окрещены водою изъ Шпрее. Духа, дѣйствующаго въ завѣшанномъ ящикѣ, онъ называетъ «маленькимъ человекомъ изъ Амстердама», и зываетъ его: «выходи, человекъ, выходи». Затѣмъ онъ обращается къ своей женской аудиторнн:

Здѣсь вы можете узнать, будете ли вы счастливы въ любви, въ замужествѣ, или въ лотерѣе. Можетъ быть есть у васъ родственники... вотъ я те дамъ, проклятый мальчишка! что суешься? вонъ отсюда, а то я тебя такъ угощу, что полетишь, какъ шаръ воздушный!—Можетъ быть у васъ родственники въ Америкѣ, или гдѣ-либо въ чужой землѣ, или же какая-либо старая тетка у васъ умретъ и оставитъ вамъ въ наслѣдство нѣсколько сотъ талеровъ. Или, наконецъ, явится новый или старый возлюблен-ный; мнѣ только стоитъ сказать: «человекъ изъ Амстердама!» и вы получите письмо заказное, вамъ адресованное, и съ фотографической карточкой. Затѣмъ онъ переходитъ къ электрическому аппарату.—Не желаетъ ли кто изъ господъ электризироваться. Это укрѣпляетъ нервы, хорошо противъ любви, головной и зуб-ной боли, и стоитъ всего только десять пфениговъ съ персоны.

Выходить одинъ молодой человѣкъ, кладетъ свою дань на тарелку и его начинаютъ электризировать. Но хотя артистъ, въ красной фесѣ, вертитъ ручку до изнеможенія, молодой человѣкъ утверждаетъ, что онъ ничего не чувствуетъ. Я не дождался конца этого интереснаго эксперимента, такъ какъ все прибываетъ новая толпа и уноситъ меня дальше въ свое теченіе.

Почти у всѣхъ въ рукахъ горшочки съ цвѣтами. Любовь этихъ людей къ цвѣтамъ такъ велика, что въ каждой пивной, въ каждомъ общественномъ саду разыгрываются или дешево продаются цвѣточные растенія. Здѣсь, конечно, можно найти только простые сорта: какъ фуксіи, гвоздику, или желтый левкой; за то всего этого такое множество и число цвѣточныхъ лавочъ и погребовъ, близко другъ отъ друга лежащихъ, такъ велико, что мѣстами тротуаръ походить на цвѣточный садъ. Что еще поражаетъ тѣхъ, которые въ первый разъ приходятъ сюда въ воскресенье, это большое количество леекъ; какъ у мужчинъ, такъ и женщинъ, дѣвочекъ и мальчиковъ у всѣхъ въ рукахъ неизмѣнно или цвѣты, или лейки. Это прекрасный обычай по воскресеньямъ заботиться о могилахъ своихъ близкихъ. Здѣсь нѣсколько большихъ кладбищъ: Георгіевское, Парохіальное и Петровское, и всѣ, въ особенности же первое, наполнены сотнями людей, остающимися до захожденія солнца; они старательно поливаютъ цвѣты и дернъ на могилахъ своихъ близкихъ, приходя навѣстить своихъ дорогихъ покойниковъ. Петровское кладбище также не лишено своей прелести; густая липовая аллея освѣняетъ его и скрываетъ въ своей пышной зелени почти всѣ памятники. Парохіальное же кладбище подобно великолѣпному саду, переполненному розами въ полномъ цвѣту, а вечерній вѣтеръ шелеститъ въ вѣтвяхъ его величественныхъ тополей. Самое большое—это Георгіевское и оно же болѣе всѣхъ посѣщаемое, такъ какъ принадлежитъ преимущественно этой части города. На особенно почетномъ мѣстѣ, у самаго входа, находится могила Бюшинга и его семейства; она обнесена рѣшоткою, и всѣ монументы, перенесенные сюда изъ Гольновской улицы, приврѣплены къ стѣнѣ. На одномъ изображенъ портретъ Бюшинга, на другихъ—различныя барельефы и фигуры, впрочемъ не особенно артистической работы. Я не нашелъ уже надгробной надписи, составленной преемникомъ Бюшинга, Гедике, и гласящей: «Здѣсь, въ нѣдрахъ земли, покоится тотъ, который такъ хорошо описалъ ее». Говорятъ, что еще жива одна старая родственница этого семейства, приходящая сюда иногда, чтобы присмотрѣть за могилами. Затѣмъ знаменитостей здѣсь больше не лежитъ,

такъ какъ извѣстно, что почти всѣ онѣ жили, умерли и погребены въ западной части Берлина. Но не мало покоится здѣсь достойныхъ мужей, добрыхъ, честныхъ женщинъ, прославившихся полезною, хорошею жизнью, и которые, если и не живутъ на страницахъ исторіи, за то долго не умрутъ въ сердцахъ своихъ близкихъ. Здѣсь прочтете вы много лучшихъ и старѣйшихъ, коренныхъ берлинскихъ фамилій изъ купцовъ и ремесленниковъ. Ясно, что любовь и признательность, такъ усердно лелѣющая эти дорогія могилы, не стѣснена денежными обстоятельствами, однако, не смотря на то, безвкусныхъ, аляповатыхъ памятниковъ вы здѣсь почти не встрѣтите. За то цвѣтовъ, самыхъ дорогихъ, рослыхъ, великое множество. Надъ могилами вездѣ растутъ пинніи и кипарисы, а пальмы и померанцевыя деревья разставлены кругомъ въ огромныхъ кадкахъ. Каждая отдѣльная могила походитъ на маленькій, цвѣтушій садикъ, обнесенный изыщною цѣпью. Сколько сидитъ здѣсь вдовъ, погруженныхъ въ думу, на скамеечкахъ, поставленныхъ тамъ, гдѣ современемъ и ихъ положить, рядомъ съ милыми, прежде почившими. Нѣтъ почти могилы, за которою не ухаживала бы любящая рука. Въ тѣнистыхъ аллеяхъ и проходахъ такъ и мелькаютъ легкія лѣтнія платья въ перемежку съ глубокимъ трауромъ; вездѣ проносятся лейки; солнце величественно спускается надъ Фридрихсхайномъ.

Неужели пройти мимо этой голой, черной, досчатой стѣны, тянущейся между Георгіевскимъ кладбищемъ и двумя другими вдоль Фридрихштрассе? Надъ низенькою калиткою, едва притворенною и все-таки рѣдко открывающеюся, надпись: «Городское кладбище». Это кладбище бѣдняковъ; а кто придетъ въ нимъ, кто навѣститъ ихъ, — живы-ли они, или мертвы! Тамъ ни цвѣтовъ, ни леекъ, кое-гдѣ только одинокій человекъ, точно потерянный. Большинство изъ здѣсь лежащихъ, вѣроятно, и не имѣли родныхъ или друзей; жили они одиноко и умерли одиноко въ этомъ большомъ городѣ, и большой городъ похоронилъ ихъ на свой счетъ. Да и могъ ли онъ сдѣлать для нихъ большее, чѣмъ то, что сдѣлалъ — давъ имъ нѣсколько футовъ земли, при жизни даже и столько не имѣвшихъ.

А все-таки грустно смотрѣть на то, какъ лежатъ они тамъ, безъ холмиковъ, безъ дерна, одна плоская могила рядомъ съ другою, съ чернымъ столбикомъ въ головахъ, обозначеннымъ номеромъ. Впрочемъ, что пользы вспоминать и называть имена бѣдняковъ? Проходятъ они такъ незамѣтно и слѣдъ ихъ теряется. И какая жалкая, печальная вещь — жизнь, если она лишена утѣшеній природы, любви, красоты, утѣшеній, часто обманчивыхъ,

но все-таки дорожки — вот впечатлѣніе, которое уносишь отсюда. Даже и деревья, кое-гдѣ стоящія, и тѣ расколоты молніею и лишены зелени. Голо, пустынно это обиталище смерти, даже и лѣтомъ. Прекрасное изрѣченіе Виктора Гюго: «l'été c'est la saison des pauvres» несправедливо для мертвыхъ. Тернистый кустарникъ и дурная трава, крапива и осока — вотъ все, что растетъ здѣсь въ изобилии; вездѣ валяются груды камней, перемѣшанныхъ съ сучьями и корнями деревьевъ; всѣ дороги изрыты и вездѣ рыхлый, глубокий песокъ ведетъ къ могиламъ. Иногда вы видите цѣлый рядъ въ шесть или семь могилъ, еще нехорошо засыпанныхъ. Только изрѣдка попадаетъ желѣзный крестъ, съ надписью, давно стертою. Цвѣтовъ и поблекшихъ вѣнковъ наперечетъ. Чаще попадаетъ шелковая ленточка съ надписью: «Нашъ удѣлъ — горе». На одной могилѣ замѣтилъ я черную дощечку, на которой, довольно неумѣлою рукою, была сдѣлана надпись масляною бѣлою краскою: «Здѣсь повоются дорогія мать и сестра». Но даже и здѣсь не выставлено имени, какъ будто сынъ или братъ и посреди своего горя чувствовалъ, сознавалъ, что не приходится бѣдняку выставять своего имени на могилѣ. Тяжелая, страшная безнадежность вѣетъ надъ этимъ кладбищемъ, но и оно «поле, засѣянное Богомъ, зрѣющее ко дню жатвы». Но нѣтъ тамъ надежды, гдѣ нѣтъ упованія, гдѣ нѣтъ вѣры, когда душа черствѣетъ и притупляется; и какъ избавиться отъ подобныхъ горькихъ сомнѣній тамъ, гдѣ сотни безыменныхъ могилъ не могутъ дать отвѣта!

Вотъ и солнце зашло, и только вечерняя заря еще горитъ на краю неба, — заря свѣтлая, теплая, обдающая своимъ розовымъ блескомъ всю огромную массу домовъ Берлина. Это часъ, когда сотни газовыхъ рожковъ вторгаются съ своимъ бѣловатымъ свѣтомъ въ сумерки лѣтняго вечера и борются съ ними; а сумерки такъ медленно, медленно переходятъ въ ночь и, уже потухая окончательно, еще бросаютъ послѣдній, прощальный, тусклый свѣтъ на уличныя вывѣски.

Теперь наступаетъ часъ, когда я заканчиваю свою воскресную прогулку въ прекрасномъ саду богемской пивоварни. Тамъ я между мастерами, домовладѣльцами, купцами, фабрикантами — все хорошее, приличное общество, которое, усердно поработавши недѣлю, можетъ себѣ кое-что и позволить въ воскресный день; они, хотя и не больше меня знаютъ объ истинномъ смыслѣ и значеніи существованія, но умѣютъ таки отъ души повеселиться; а эти люди всѣ занимаютъ видное мѣсто — каждый по своему. Мнѣ утѣшительно смотрѣть на нихъ. У нихъ пригожія

жены и хорошенькія дочери; они съ апетитомъ поѣдаютъ свой бифштексъ, запиваютъ его пивомъ, выкуриваютъ свою обычную сигару, платятъ, когда бьетъ одиннадцать часовъ, и отправляются домой; и все точно такъ же, какъ дѣлали передъ ними ихъ отцы, и какъ—если на то воля Божія—будутъ дѣлать ихъ дѣти послѣ нихъ. Голубое небо просвѣчиваетъ между вѣтвями высокихъ деревьевъ; надъ далекимъ полемъ выплываетъ мѣсяцъ. Да, говори что хочешь, но хорошо живется на свѣтѣ, пока есть веселые люди. Не измѣнить намъ ни единого изъ законовъ природы; картина умѣреннаго гражданскаго счастья все-таки самая привѣтливая для меня изъ всѣхъ картинъ берлинской жизни.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

ОБЗОРЪ НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Изъ области науки. Общедоступные очерки изъ разныхъ отраслей знанія. Доктора Б. А. Окса. С.-Петербургъ, 1882 г.

Громкое заглавіе этой книженки вовсе не отвѣчаетъ ея содержанию. Широка и обильна область науки, но нужно быть совершенно незнакомымъ съ нею или, по меньшей мѣрѣ, относиться въ ней спустя рукава, для того, чтобы извлечь изъ этой обширной и многообъемлющей области тѣ ничтожныя крохи, которыми уснастил г. Окса свою книженку. Правда, авторъ, какъ «скромно» заявляетъ онъ въ своемъ предисловіи, «нисколько не преувеличиваетъ достоинства своихъ замѣтокъ», называя ихъ «легкими эскизами, предназначенными именно для легкаго чтенія»; но онъ полагаетъ, что случайно, въ дорогѣ, на досугѣ, прочитанное свѣдѣніе изъ области науки, болѣе или менѣе чуждой обыкновенному читателю, можетъ принести свою долю пользы, можетъ заронить желаніе поближе ознакомиться съ тѣмъ или другимъ вопросомъ, и «въ такомъ случаѣ цѣль автора будетъ вполне достигнута».

Но въ томъ-то и бѣда, что книженка г. Окса не удовлетворяетъ даже этой «скромной» цѣли. Она не только не «можетъ заронить желаніе поближе ознакомиться съ тѣмъ или другимъ вопросомъ» изъ области науки, а напротивъ, по своей образцовой безсодержательности, способна отбить всякую охоту въ ознакомленію съ этими вопросами. Г. Оксу имѣетъ, повидимому, крайне смутное представленіе о значеніи и характерѣ «легкихъ эскизовъ», отождествляя ихъ съ легкимъ отношеніемъ къ самому предмету, подлежащему разсмотрѣнію.

По крайней мѣрѣ, такого до непопозволительности легкаго отношенія къ научнымъ вопросамъ, какое представляетъ книженка г. Окса, намъ еще не приходилось встрѣчать. Это даже вовсе не «легкіе эскизы», а просто какіе-то мыльные пузыри, какое-то мѣсиво, какое-то толченіе въ ступѣ всякой всячины. Тутъ и дифтеритъ, и электрическое освѣщеніе, и чахотка, и врожденная цвѣтовая слѣпота, и спаржа противъ бѣшенства, и леченіе гидрофобіи, и порча зубовъ, и простуда, и рыбы, и вопросъ уголовного права въ медицинскомъ обществѣ, и сновидѣнія, и «душа и тѣло», и бросаніе грязи въ гомеопатію, и кое-что о гипнотизмѣ, и новое средство противъ рака, и врачебная помощь бѣднымъ; нѣтъ только одного—нѣтъ смысла во всей этой безшабашной толчѣѣ.

Чтобы обвиненіе наше не показалось голословнымъ, приведемъ два-три примѣра. Вотъ, напримѣръ, въ IV главѣ говорится, между прочимъ, «о новомъ методѣ дѣлать женщинъ безплодными». Предметъ, какъ видите, весьма пикантный и во всякомъ случаѣ не могущій предназначаться для «легкаго чтенія». Но курьезнѣе всего то, что сообщаетъ г. Оксъ объ этомъ предметѣ.

«Бываютъ—говоритъ авторъ—болѣзненные состоянія, при которыхъ актъ родовъ можетъ грозить жизни женщины, и приходится дѣлать выборъ между спасеніемъ жизни ребенка и жизни матери». Конечно, «бываютъ». «Поэтому идея охранить такую женщину отъ могущихъ угрожать ей жизни послѣдствій представляется весьма счастливою». Разумѣется, «счастливою». «Идея эта принадлежитъ Коксу, сдѣлавшему пока о ней предварительное сообщеніе». Очень хорошо. Но въ чемъ же состоитъ сущность идеи Кокса? А вотъ сейчасъ намъ объяснить это г. Оксъ. «Сущность идеи Кокса состоитъ въ производствѣ небольшой, безболѣзненной и, по словамъ его, безопасной операціи, подробности которой не могутъ быть нами здѣсь изложены. Коксъ осуществилъ уже свою идею на одной чахоточной больной, матери 4-хъ дѣтей. Сейчасъ же послѣ операціи больная уѣхала домой и вскорѣ совсѣмъ поправилась. Удалась ли операція—это покажутъ послѣдствія».

Вотъ и все объясненіе. Не правда-ли, какъ понятно! И какъ прекрасно это замѣчаніе: «безопасная операція, подробности которой не могутъ быть нами здѣсь изложены»! На самомъ же дѣлѣ не только «подробнаго», но никакого изложенія. «Коксъ, видите ли, изобрѣлъ прекрасный методъ дѣлать женщинъ безплодными. Методъ этотъ состоитъ... ахъ, нѣтъ, нельзя сказать

въ чемъ состоитъ этотъ методъ». Неужели г. Оксъ не понимаетъ, что таковъ именно смыслъ его курьезной замѣтки? Но для чего же тогда было «огородъ городить»? Неужели только для того, чтобы поймать неопытнаго читателя на пивантное заглавіе? Прекрасный способъ заронить въ читателя «желаніе поближе ознакомиться съ тѣмъ или другимъ вопросомъ»! И подобную комическую замѣтку, написанную словно шутки ради, г. Оксъ пресерьезно относитъ къ числу «свидѣній изъ области науки», къ числу «общедоступныхъ очерковъ», могущихъ принести «свою долю пользы».

Но только что разсмотрѣнная замѣтка вовсе не составляетъ исключенія; напротивъ, она служитъ превосходною иллюстраціею ко всей книжкѣ г. Окса, большинство «очерковъ» которой отличается такою же бессодержательностью. Вотъ, напримѣръ, глава о «сновидѣніяхъ». Нѣсколько общеизвѣстныхъ фактивовъ, два-три ничего не разъясняющихъ комментарія и ни слова, что давало бы хотя общее понятіе о современномъ состояніи даннаго вопроса. Самъ авторъ такъ прямо и говоритъ, что если-бы ему предложили резюмировать все изложенное имъ о сновидѣніяхъ, то онъ «ограничился бы словами Нудова, связанными въ концѣ прошлаго столѣтія». Словно втеченіи воего нашего, XIX столѣтія вопросъ о сновидѣніяхъ не сдѣлалъ никакого успѣха и все продолжаетъ пребывать въ томъ положеніи, въ какомъ оставилъ его Нудовъ. Поучительно, очень поучительно! Не менѣе поучительна и глава X, посвященная изложенію извѣстной книги Бэна «Душа и тѣло», — поучительна именно въ томъ отношеніи, что она не даетъ ни малѣйшаго понятія объ этой книгѣ. Достаточно уже сказать, что, по мнѣнію г. Окса, «вся книга Бэна представляетъ собою, по существу, популярное изложеніе относящихся къ избранному имъ предмету страницъ анатоміи и нервной физиологіи». По истинѣ глубокое пониманіе книги Бэна! Но г. Оксъ идетъ еще дальше. Съ комическою важностью онъ напрекаетъ Бэна въ томъ, что послѣдній, «какъ весьма часто случается съ популяризаторами (знай, моль, нашихъ!), выдаетъ еще недоказанныя предположенія за чистую монету».

И съ такою отеческою выскочидельностью говорить о Банѣ кто же? кто? — г. Оксъ, тотъ самый г. Оксъ, который, рядомъ съ крайне халатнымъ отношеніемъ къ научнымъ вопросамъ, обнаруживаетъ въ своей книжкѣ и значительную склонность къ ляганію.

Предметомъ для такого превраснаго занятія г. Оксъ избралъ

гомеопатию. Гомеопатія—это зло, «необходимо доказать ее невежество и грубое, суевѣрное основаніе», восклицаетъ негрубый и несуетливый докторъ Оксъ. И доказываетъ онъ это весьма глубокомысленно. Такъ г. Оксъ увѣряетъ, что по ученію гомеопатіи, «если взять изъ кружки пива каплю, развести ее въ цистернѣ воды, взять отсюда каплю и понюхать, то капля эта подѣйствуетъ сильнѣе, нежели кружка пива». Г. Оксъ словно опасается, чтобы производители пива, въ самомъ дѣлѣ, не послѣдовали ученію гомеопатіи и не лишили бы любителей пива удовольствія упиваться этимъ напиткомъ.

Но авторъ разсматриваемой книженки не ограничивается однѣми игривыми опроверженіями. Для пушлага уясненія тѣхъ «колоссальныхъ нелѣпостей», до какихъ доходить гомеопатія, онъ прибѣгаетъ къ способу, дѣлающему честь его несообразительности, чтобы не сказать больше.

Дѣло вотъ въ чемъ: существуетъ нѣкій графъ Маттеи, «прославившійся» своими средствами леченія, состоящими изъ весьма ограниченнаго числа лекарственныхъ веществъ, и такъ называемыми имъ растительными электричествами. Графъ почему-то не хочетъ открывать, изъ какихъ именно растений и какими путемъ онъ добываетъ свои лекарства и электричества. Сначала онъ употреблялъ ихъ въ большихъ алопатическихъ дозахъ, но потомъ кто-то посоветывалъ ему давать ихъ въ гомеопатическихъ дозахъ. Графъ внялъ этому совѣту и назвалъ свой способъ леченія «электро-гомеопатіей». И вотъ г. Оксъ продѣлываетъ такого рода фокусъ: онъ доказываетъ нелѣпость ученія Маттеи—дѣло, конечно, совсѣмъ немудреное—и затѣмъ, со всею своею персоною, обрушивается... думаете—на «послѣдователей» графа Маттеи?—нѣтъ, на гомеопатию вообще. Вотъ, молъ, смотрите, какими «колоссальными нелѣпостями» отличается гомеопатія, какъ бессмысленно все ее ученіе! Упустилъ изъ виду г. Оксъ только одно обстоятельство—что если-бы какой нибудь гомеопатъ, ссылаясь на тѣхъ многочисленныхъ шарлатановъ, которые такъ же злоупотребляютъ алопатією и такъ же комментируютъ ее, какъ послѣдователи Маттеи гомеопатию, сталъ бы доказывать «колоссальную нелѣпость» самой алопатіи,—что сказалъ бы на это г. Оксъ?!

Неужели же г. Оксъ не понимаетъ, что, опровергая гомеопатию нелѣпостями «ученія» Маттеи и не приводя болѣе серьезныхъ основаній, онъ тѣмъ самымъ обнаруживаетъ свое безсиліе, хотя, правда, и очень сердитое безсиліе. А между тѣмъ, не смотря на такой незавидный пріемъ «критики», г. Оксъ смѣло принимаетъ на себя «обязанность предостереженія публики, про-

свѣтленія ея путемъ критическаго разбора ученія гомеопатовъ». Хорошъ «критическій разборъ»; хорошо и понятіе о «просвѣтленія публики»!

На этомъ мы могли бы и покончить съ смѣхотворною книженкою г. Окса, если-бы не его разсужденія въ послѣдней главѣ о «врачахъ и обществѣ», — разсужденія, крайне безцеремонныя для того, чтобы ихъ можно было обойти молчаніемъ.

Два вопроса всего болѣе безпокоятъ г. Окса: «требованіе и размѣръ вознагражденія со стороны врачей, и отказъ послѣднихъ въ поданіи во всякое время врачебной помощи». Послушать г. Окса, такъ врачи—это самыя несчастныя жертвы общественной неблагодарности; это какіе-то мученики, труды которыхъ общество не умѣетъ цѣнить. Г. Оксъ до такой степени убѣжденъ въ истинности такого несчастнаго положенія врачей, что находитъ нужнымъ отстаивать права ихъ на «извѣстную сумму благъ». «Не фарисейничая, невозможно требовать отъ человѣка, чтобы онъ далъ все для другихъ, а самъ умираетъ съ голоду или терпѣлъ нужду». И съ такимъ вдругъ несправедливымъ требованіемъ обращаются къ врачамъ! О, жестокосердое общество! О, бѣдныя эскулапы! Еще смѣютъ сомнѣваться въ ихъ человѣколюбіи, тогда какъ, «по роду своей дѣятельности, врачъ видитъ такъ много горя людскаго, что лучшія стороны человѣческаго характера, состраданіе, самопожертвованіе и помощь ближнимъ, въ немъ постоянно дифференцируются», восклицаетъ г. Оксъ. И вотъ этихъ-то дифференцированныхъ благодѣтелей человѣчества общество допускаетъ умирать съ голоду и терпѣть нужду!

Позвольте, однако, г. Оксъ, кого же это собственно вы морочите? Да кому же, скажите ради Бога, неизвѣстно, что если у одного изъ десяти врачей «лучшія стороны человѣческаго характера» дѣйствительно «дифференцируются», то у десяти десятыхъ эти «стороны» атрофируются, атрофируются до того, что, помимо наживы, помимо эксплуатированія пациентовъ и самой безшабашной профанаціи своей науки, гг. эскулапы ничего знать не хотятъ.

И г. Оксъ позволяетъ еще себѣ толковать о какихъ-то правахъ на вознагражденіе! Полноте фарисейничать, господинъ дифференцированный благодѣтель! Иначе каждый въправѣ подумать, что вопросъ объ отношеніи врачей къ обществу первые понимаютъ только въ смыслѣ денежнаго вознагражденія, вмѣстѣ съ охраненіемъ своей особы отъ излишнихъ заботъ.

Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ г. Оксъ также усерд-

ствуется немало. Онъ всячески старается доказать незаконность требованія о подааніи врачемъ во всякое время врачебной помощи. Обращаться съ подобнымъ требованіемъ къ врачу несправедливо; несправедливо именно потому, говоритъ г. Оксъ, «что въ случаяхъ, въ которыхъ необходима немедленная помощь, врачъ и безъ угрозы десятирублеваго штрафа исполнить свои обязанности. По роду дѣятельности и его отношенія къ больнымъ, не въ интересѣ даже врача отказывать въ подааніи помощи; если же это случается, то только вслѣдствіе физическаго томленія, моральнаго нерасположенія врача, или другихъ, еще болѣе уважительныхъ причинъ. Заставлять въ такихъ случаяхъ врача подавать помощь—значить, совершать надъ нимъ нравственное насиліе».

И все это г. Оксъ утверждаетъ самымъ серьезнымъ образомъ. Не говоря уже о томъ, что врачъ не можетъ знать заранее, дѣйствительно ли необходима немедленная помощь или нѣтъ, и стало бытъ первое оправданіе г. Окса никуда не годится, обнаруживая лишь въ немъ легкое отношеніе къ обязанностямъ врача,—не говоря уже объ этомъ, г. Оксъ позволяетъ себѣ завѣдомую неправду, утверждая, что только физическое томленіе, моральное нерасположеніе и т. п. причины заставляютъ врачей отказывать въ своевременномъ подааніи помощи. Да кто же не знаетъ, что сплошь и рядомъ это дѣлается совсѣмъ не такъ; что «физическимъ томленіемъ» на самомъ дѣлѣ оказываются лѣнь, зеленый карточный столъ и проч., а «моральнымъ нерасположеніемъ» служитъ просто нерасположеніе врача тревожить свою персону изъ-за какой нибудь трехрублеви; кто же не знаетъ, наконецъ, что всѣ эти физическія томленія, моральные недуги и всяческія другія «уважительныя» причины оказываются нулемъ, какъ только дѣйствительно близко затронуты «интересы» врача. А г. Оксъ толкуетъ о какомъ-то «нравственномъ насиліи» надъ врачами. Или онъ не знаетъ того, о чемъ говорить, или просто играетъ въ наивность.

Новыя основанія физиологіи человѣка, въ связи съ сравнительной и общей физиологіей. Н. Beaunis, профессоръ физиологіи въ Нанси. Переводъ со втораго исправленнаго изданія доктора Н. Цыбульскаго, съ предисловіемъ профессора И. Тарханова. Изданіе журнала «Медицинская Библиотека». С.-Петербургъ, 1881 г.

Авторъ предисловія къ русскому переводу совершенно спра-

ведливо замѣчаетъ о названной книгѣ Бони, что она «заслуживаетъ вполнѣ вниманія, какъ врачей, такъ и студентовъ», и не только врачей и студентовъ, прибавимъ отъ себя, но каждаго, интересующагося современнымъ состояніемъ физиологическаго знанія. Главное достоинство книги Бони, помимо подробной разработки фактическаго матеріала, состоитъ именно въ томъ, что, будучи посвящена физиологіи человѣка, она не ограничена исключительнымъ обзоромъ специальныхъ задачъ одной частной физиологіи. Бони подробно изслѣдуетъ также вопросы общей и сравнительной физиологіи, въ связи съ ученіемъ о развитіи жизненныхъ явленій, и ставитъ въ прямую зависимость изученіе физиологіи человѣка отъ основныхъ положеній науки о жизни вообще. Все это, вмѣстѣ взятое, сообщаетъ книгѣ Бони такую полноту и всесторонность, какою отличаются далеко немногія специальныя руководства по физиологіи.

Въ настоящее время въ русскомъ переводѣ вышли первая и вторая части разсматриваемаго труда, именно, введеніе и физиологическая химія. Мы позволимъ себѣ здѣсь сказать нѣсколько словъ о введеніи, какъ представляющемъ собою общую характеристику труда и потому позволяющемъ составить точное понятіе о точкѣ зрѣнія автора на предметъ, которому посвященъ этотъ трудъ, и о научномъ значеніи самаго труда.

Бони принадлежитъ къ числу тѣхъ новѣйшихъ физиологовъ, которые разсматриваютъ физиологію, какъ «вѣтвь общей динамики», а самую жизнь, какъ «одну изъ формъ всемірнаго движенія». Съ этой точки зрѣнія становится уже совершенно очевиднымъ, что понятіе о жизни должно предшествовать понятію о силѣ и движеніи вообще и что, стало быть, основныя физико-химическія знанія о статистикѣ и динамикѣ вещества должны служить исходнымъ пунктомъ для надлежащаго уясненія природы жизненныхъ явленій. Такъ и поступаетъ въ своей физиологіи Бони. Онъ прежде всего обращается къ вопросу о силѣ вообще. Съ этою цѣлью онъ даетъ общее понятіе объ атомахъ и тѣлахъ, о постоянствѣ матеріи и энергіи, о законѣ превращенія силъ, анализируетъ такіе факторы, какъ движеніе, движущееся тѣло и двигатель, и, въ концѣ концовъ, приходитъ къ заключенію, что «понятіе о силѣ имѣетъ своимъ источникомъ насъ самихъ и что только благодаря ошибочности сужденія и неточности языка, по силѣ, которую мы чувствуемъ въ себѣ самихъ... мы дѣлаемъ заключеніе о существованіи силъ въ неодушевленной природѣ». Въ дѣйствительности же «силы физико-химическія—ничто иное, какъ особен-

ный видъ движенія. Соотношеніе силъ состоитъ только въ переходѣ одного движенія въ другое». Такимъ образомъ «три фактора, которые умъ человѣческій находитъ въ неодушевленной природѣ: движеніе, движущееся и двигатель, сводятся къ одному единственному фактору—движенію».

Установивъ общее понятіе о силахъ въ неодушевленной природѣ, Бони переходитъ затѣмъ къ вопросу о силахъ жизненныхъ. Онъ обращается прежде всего къ жизни растительной; переходитъ затѣмъ къ жизни животной, не исключая и ея психической стороны, и не находитъ ни одного явленія, которое устраняло бы здѣсь понятіе о силѣ, какъ о движеніи. Въ виду этого Бони приходитъ къ тому заключенію, что въ наукахъ физиологическихъ, какъ и физическихъ, «принятіе отдѣльныхъ силъ бесполезно и только затрудняетъ научный языкъ. Всѣ явленія, доступныя человѣческому уму, суть явленія движенія».

Такимъ образомъ, изъ различныхъ теорій жизни, Бони отдаетъ первенство механической теоріи, какъ строго научно объединяющей всѣ явленія космоса,—теоріи, согласно которой «жизненные процессы происходятъ по тѣмъ же законамъ, по которымъ происходятъ явленія физико-химическія; это ничто иное, какъ особыя формы движенія, только болѣе сложныя, съ болѣшимъ трудомъ поддающіяся объясненію».

Но рядомъ съ закономъ соотношенія силъ, установленномъ механической теоріей, долженъ быть принятъ во вниманіе и другой, не менѣе важный законъ,—законъ эволюціи или развитія живыхъ существъ. Только при посредствѣ этихъ двухъ законовъ можно установить главныя основы физиологіи, говоритъ Бони.

Установленіе перваго изъ этихъ законовъ обязываетъ принять и вытекающія изъ него слѣдствія, именно, что всѣ жизненные движенія должны представлять существенные признаки движеній физическихъ, и что, стало быть, изученіе тѣхъ и другихъ должно слѣдовать одному и тому же пути, т. е. всецѣло должно покоиться на опредѣленіи условій данныхъ формъ движенія.

Установленіе втораго закона,—закона развитія живыхъ существъ ведетъ къ признанію, что «человѣкъ не можетъ быть изолированъ отъ остальныхъ живыхъ существъ», что «жизненные акты человѣческаго организма идентичны таковымъ же животныхъ». Они представляютъ собою, такъ сказать, вершину жизненныхъ явленій органическаго міра и потому изученіе

первыхъ необходимо предполагаетъ изученіе послѣднихъ въ ихъ генетической преемственности, въ ихъ естественномъ отношеніи другъ къ другу. Такое отношеніе можетъ быть установлено только закономъ развитія, съ помощью котораго является возможность отыскать и указать мѣсто человѣка въ ряду остальныхъ живыхъ существъ, и мѣсто жизненныхъ актовъ человѣческаго организма въ ряду таковыхъ же актовъ животныхъ. Отсюда уже совершенно ясно, что изученіе физиологіи человѣка должно идти рука объ руку съ изученіемъ общей и сравнительной физиологіи. Это именно существенное условіе строго научнаго изслѣдованія и положено въ основу труда Бони.

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ приступить къ обзору жизненныхъ актовъ человѣческаго организма, онъ даетъ обстоятельный очеркъ характерныхъ признаковъ жизнедѣятельности вообще. Съ этою цѣлью онъ прежде всего обращается къ опредѣленію общихъ, динамическихъ и статическихъ свойствъ живыхъ тѣлъ, по которымъ послѣднія наиболѣе отличаются отъ тѣлъ неодушевленныхъ.

Затѣмъ Бони переходитъ къ опредѣленію отличительныхъ свойствъ растений и животныхъ, причемъ мы не находимъ уже у него того рѣзкаго противоположенія жизни растений жизни животной, которое установлено было дуалистическою теоріею. Напротивъ, указывая на то или другое изъ отличительныхъ свойствъ, онъ признаетъ, что ни одно изъ нихъ «не является абсолютнымъ». «Ни отсутствіе хлорофила, ни движеніе, ни чувствительность, ни пищевареніе, ни дыханіе не представляютъ вовсе ничего рѣшающаго и, на самомъ дѣлѣ, мы не имѣемъ дѣйствительнаго критерія животнаго царства».

Далѣе авторъ разсматриваемаго труда обращается къ явленіямъ возрастанія жизненной энергіи помѣръ развитія жизни, какъ это возрастаніе выражено въ установленныхъ Клодъ Бернаромъ трехъ главныхъ формахъ жизни, хотя и связанныхъ между собою незамѣтными переводами—скрытой жизни, колеблющейся и постоянной. Общій обзоръ этихъ трехъ формъ жизни приводитъ Бони къ заключенію весьма поучительному въ устахъ физиолога механической школы, именно, что «по мѣрѣ поднятія по лѣстницѣ существъ... жизнь мало-по-малу... освобождается болѣе и болѣе отъ внѣшнихъ условій, надъ нею господствующихъ, и пріобрѣтаетъ, наконецъ, въ высшихъ животныхъ максимумъ интенсивности и относительной независимости». Наконецъ, вслѣдъ за изученіемъ трехъ формъ жизни, Бони обращается къ изслѣдованію внѣшнихъ физическихъ

условіи жизни, причѣмъ знакомить своихъ читателей съ вліаніемъ на явленія жизни теплоты, свѣта, атмосферическаго электричества и тяжести. Затѣмъ уже онъ переходитъ къ опредѣленію мѣста человѣка въ природѣ.

Таково въ общихъ чертахъ введеніе къ физиологіи Бони, наглядно характеризующее, такъ сказать, физиономію еге прекраснаго труда. Попытка ввести въ основы физиологіи механической принципъ, подчинить физиологію идеи развитія—сама по себѣ ставить разсматриваемый нами трудъ въ ряду лучшихъ и наиболѣе всесторонне разработанныхъ руководствъ по физиологіи.

Помимо введенія, какъ было уже нами замѣчено, въ русскомъ переводѣ вышла и слѣдующая часть (обѣ первыя части въ одной книжкѣ), посвященная весьма подробному изложенію физиологической химіи. Затѣмъ имѣютъ появиться: третья, наиболѣе обширная, часть, первый отдѣлъ которой содержитъ общую физиологію: кровь, лимфу, хилусъ, физиологію клѣтки, тѣани и общую физиологію организма. Этотъ отдѣлъ разработанъ очень полно, такъ какъ «общая физиологія составляетъ основаніе частной, которая въ сущности ничто иное, какъ примѣненіе первой въ частностяхъ», и которой посвященъ второй отдѣлъ третьей части. Наконецъ, въ четвертой части разсматривается физиологія вида, а пятая и послѣдняя посвящена физиологической техникѣ. Этотъ простой перечень показываетъ, какой обширный трудъ представляетъ руководство Бони. Остается только желать, чтобы русскій переводъ этого труда былъ законченъ въ возможно скоромъ времени.

Признавая физиологію Бони однимъ изъ наиболѣе выдающихся трудовъ, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ не указать на крайне одностороннюю оцѣнку, которую даетъ онъ механическому принципу, какъ основному закону жизненныхъ явленій. Бони весьма справедливо придаетъ механической теоріи жизни такое широкое значеніе, что односторонняя оцѣнка послѣдствій, вытекающихъ изъ признанія закона соотношенія силъ, можетъ повести въ ошибочному понятію о самой жизни. Къ сожалѣнію однако такую именно одностороннюю оцѣнку и дѣлаетъ Бони. Объ этомъ, именно, мы имѣемъ въ виду сказать нѣсколько словъ.

Прежде всего самое опредѣленіе, которое даетъ Бони механической теоріи жизни, крайне неточное. Такъ, по его мнѣнію, въ этой теоріи можно отличить два рѣзко расходящихся мнѣнія: «а) механизмъ предустановленный, по которому

организмъ разсматривается, какъ механизмъ, созданный и приводимый въ дѣйствіе высшимъ умомъ и движущійся вслѣдствіе первичнаго импульса, и б) механизмъ случайный или теорія эволюціи, по которой жизненныя явленія находятся въ непосредственной зависимости отъ окружающей среды и внѣшнихъ вліяній; это самая современная теорія. Жизнь есть особый видъ движенія, всегда вызваннаго и никогда не являющагося самопроизвольно, и наука о жизни—только одна изъ главъ общей динамики.

Повторяемъ, такое опредѣленіе механической теоріи крайне неточно. Прежде всего, отождествлять эту теорію съ ученіемъ о предустановленной гармоніи совершенно неосновательно, такъ какъ понятіе объ особомъ «первичномъ импульсѣ» идетъ въ разрѣзъ съ самимъ механическимъ принципомъ, недопускающимъ иной «причины» помимо движенія. Такимъ же образомъ неосновательно и современную теорію жизни называть «механизмомъ случайнымъ»; неосновательно опять-таки потому, что самый принципъ механической теоріи устраняетъ всякую возможность случайностей. Здѣсь такъ же мало мѣста случайностямъ, какъ и «первичному импульсу». Механическая теорія жизни не знаетъ ни съ случайностями, ни съ предопредѣляющими началами; она имѣетъ дѣло исключительно съ условіями, опредѣляющими, детерминирующими жизненныя движенія, и потому ее скорѣе всего слѣдовало бы назвать механическимъ детерминизмомъ.

Дѣло, конечно, не въ названіи; но въ данномъ случаѣ неточное опредѣленіе ведетъ къ ошибочной оцѣнкѣ того значенія, которое представляетъ механическая теорія для науки. Никто, конечно, не станетъ спорить, что съ точки зрѣнія механическаго детерминизма, «наука о жизни—только одна изъ главъ общей динамики». Но когда отсюда Бони заключаетъ, что «дѣятельность жизненная всегда вызвана и никогда не бываетъ самопроизвольна» и что, стало быть, «всякая фізіологическая задача сводится къ опредѣленію условій, вызывающихъ данное жизненное явленіе, или къ опредѣленію жизненнаго явленія, вызываемаго данными условіями»,—вогда, говоримъ мы, Бони дѣлаетъ такое заключеніе изъ первой посылки, онъ только повторяетъ ошибку большинства современныхъ фізіологовъ. Эта ошибка—одно изъ тѣхъ крупныхъ недоразумѣній, на которое давно слѣдовало бы обратить надлежащее вниманіе, но которое несомнѣнно долго еще будетъ вводить въ заблужденіе многихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, это толкованіе, что жизнь, какъ особый видъ движенія, всегда вызвана и никогда несамопроизвольна, цѣликомъ основано на давно уже укоренившемся метафизическомъ понятіи о самопроизвольности, съ которою обыкновенно связывается представленіе о безпричинности. При этомъ обыкновенно разсуждаютъ такъ: Признаніе безпричиннаго происхожденія жизненнаго явленія равносильно признанію созданія силы, что опровергается закономъ соотношенія физической силы. Стало быть, съ точки зрѣнія механической теоріи, жизненная дѣятельность никогда не бываетъ безпричинной, самопроизвольной; стало быть, она «всегда вызвана».

Но вотъ, съ этого послѣдняго «стало быть» и начинается недоразумѣніе. Почему «стало быть»? Потому, говоритъ Бони,— что «всѣ жизненныя движенія должны представлять существенныя признаки движеній физическихъ». Прекрасно! Однако, что же отсюда слѣдуетъ? Возьмите для примѣра тѣ измѣненія, которыя испытываютъ тѣла, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ физическихъ условій. Сказать, что эти измѣненія «всегда вызваны», значитъ сказать, что онѣ никогда не наступаютъ въ тѣлѣ, если въ окружающемъ отсутствуютъ условія ихъ вызывающія; значитъ сказать, что всякое измѣненіе тѣла предполагаетъ соотносительное измѣненіе во внѣшнихъ условіяхъ. Въ этомъ, дѣйствительно, смыслѣ и употребляетъ Бони фразу «всегда вызваны», да въ иномъ смыслѣ и употребляетъ ее нельзя. Но въ томъ-то и дѣло, что такое опредѣленіе условій измѣняемости крайне односторонне, крайне ошибочно. Многочисленные факты несомнѣнно доказываютъ, что нерѣдко тѣла обнаруживаютъ тѣ или другія измѣненія безъ всякаго побудительнаго къ тому стимула извнѣ, а исключительно по причинѣ присутствующаго тѣламъ внутремолекулярнаго движенія, побуждающаго частицы ихъ къ постояннымъ перераспределеніямъ. И эта внутренняя работа, постоянно накопляясь, выражается, въ концѣ концовъ, тѣмъ или другимъ осязательнымъ результатомъ. Такъ лопаются иногда стеклянные предметы, безъ всякой видимой причины. Такимъ же образомъ, желѣзо, обладающее волокнистымъ сложеніемъ, принимаетъ современемъ явственную кристаллическую структуру. Такимъ же образомъ происходятъ цѣлыя скалы углекислой извести, представляющія изъ себя одинъ сплошной кристаллъ (сталактиты). По той же причинѣ «метеоритное желѣзо является въ видѣ колоссальныхъ кристалловъ, не смотря на то, что химическій составъ веществъ, его сопровож-

дающихъ, не допускаетъ мысли, чтобы это желѣзо, до своего паденія на землю, могло быть въ расплавленномъ состояніи». Наконецъ, по той же причинѣ градины «являются въ кристаллическомъ видѣ».

Словомъ, какъ совершенно справедливо поясняетъ всѣ подобныя явленія Э. Шведовъ въ своей статьѣ «Что такое градъ?» подъ вліяніемъ внутримолекулярнаго движенія или, говоря его словами, «подъ вліяніемъ молекулярныхъ силъ, дѣйствующихъ между частицами твердаго тѣла, въ послѣднемъ совершается, втеченіи неизмѣримо долгихъ промежутковъ времени, та внутренняя работа, конечнымъ результатомъ которой является кристаллическое строеніе вещества, тѣмъ болѣе совершенное, чѣмъ менѣе это тѣло подвергается внѣшнимъ, нарушающимъ его покой, условіямъ».

Мы спрашиваемъ теперь: имѣла ли бы мѣсто эта внутренняя работа и опредѣляемыя ею измѣненія, если-бы эти измѣненія для каждаго даннаго момента предполагали соотнositельныя измѣненія въ окружающемъ, если-бы такая внутренняя работа была «всегда вызвана». Вызванной можетъ быть только періодическая работа, а не та, постоянная, внутренняя дѣятельность, которою выражается внутримолекулярное движеніе тѣла, столь же постоянно имъ присущее. Это движеніе существуетъ на столько, на сколько существуетъ данное тѣло, оно составляетъ природу послѣдняго, оно и есть самое тѣло, въ строгомъ смыслѣ механической теоріи: А потому, если въ то же время это движеніе опредѣляетъ собою тѣ или другія внутреннія измѣненія въ перераспределеніи частицъ, то такія измѣненія не могутъ быть разсматриваемы какъ непосредственный результатъ соотнositельныхъ измѣненій въ окружающемъ, а напротивъ, указываютъ на фактъ самоизмѣняемости тѣла.

И признаніе подобной самоизмѣняемости вовсе не влечетъ за собою признаніе безпричинности явленія, какъ обыкновенно думаютъ. Причина существуетъ; но она опредѣляется внутреннимъ частичнымъ движеніемъ самого же тѣла, а не дѣйствіемъ извнѣ. Послѣднее можетъ и не быть, и тѣмъ не менѣе измѣненіе будетъ, разъ внутренняя причина, его обуславливающая, налицо.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь для того, чтобы разсматривать каждое физическое движеніе «всегда вызваннымъ», чтобы отрицать въ тѣлахъ всякую способность къ измѣненіямъ, независимо отъ соотнositельныхъ измѣненій въ окружающемъ, — необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ признать въ частицахъ даннаго тѣла абсолютный

покой. Иначе, разъ внутримолекулярное движеніе существуетъ, существуютъ и условія для внутренней работы. Но допускать въ частицахъ абсолютный покой значитъ идти въ разрѣзъ съ основнымъ принципомъ механической теоріи.

Такимъ образомъ, хотя механическая теорія и отрицаетъ безпричинность явленій, тѣмъ не менѣе она не даетъ никакого права отвергать въ тѣлахъ внутреннюю активную дѣятельность, не даетъ никакого права разсматривать, напримѣръ, физическое измѣненіе какъ «всегда вызванное» въ смыслѣ принимаемомъ Бони, т. е. какъ необходимо предполагающее побудительный къ тому стимулъ въ окружающихъ внѣшнихъ условіяхъ. Стимулъ къ измѣненію можетъ быть и внутренней, хотя измѣненіе и не будетъ отъ этого самопроизвольнымъ, т. е. безпричиннымъ.

Въ томъ именно и вся ошибка Бони, въ томъ и самая, таеъ связать, хоть недоразумѣнія, что возможность обнаруженія той или другой дѣятельности, независимо отъ внѣшняго стимула, онъ отождествляетъ съ безпричинностью, самопроизвольностью этой дѣятельности, совершенно упуская изъ виду, что, помимо внѣшняго стимула, существуетъ внутренній стимулъ, внутреннія условія молекулярнаго движенія.

Но тѣмъ рѣзче выступаетъ ошибочность такого воззрѣнія Бони, тѣмъ чувствительнѣе ставовится односторонность толкуемаго имъ механическаго принципа, въ примѣненіи къ жизненнымъ явленіямъ. Если внутренняя активная дѣятельность присуща неодушевленнымъ тѣламъ, то тѣмъ болѣе такая дѣятельность свойственна живымъ существамъ. Если эта дѣятельность опредѣляется внутримолекулярнымъ движеніемъ, то тамъ, гдѣ данное движеніе отличается наибольшею энергіею и наибольшею сложностью, тамъ она будетъ обнаруживаться все интенсивнѣе, все рѣзче. А сюда-то именно и относится протоплазма, это единственное биоганическое вещество. Его внутримолекулярное движеніе отличается такою сложностью, которая совершенно уже устраняетъ возможность подвижнаго равновѣсія между частицами, которая, сама по себѣ, служитъ достаточнымъ условіемъ къ непрерывному нарушенію даннаго равновѣсія. Такое саморазрушеніе, самораспаденіе протоплазмы является внутреннимъ стимуломъ къ той дѣятельности ея, которою выражается жизненность этого биоганическаго вещества.

Отсюда уже нетрудно видѣть, какъ ошибается Бони, утверждающій, будто съ точки зрѣнія механической теоріи, «жизненная дѣятельность всегда вызвана», будто проявленіе ея всегда предполагаетъ внѣшній побудительный стимулъ.

Наконецъ, тоже самое говорятъ факты. Такъ, согласно толкованію Бони, было бы, напримѣръ, необходимо допустить, что процессы окисленія обуславливаютъ жизнедѣятельность протоплазмы, что они вызываютъ эту дѣятельность, служатъ ея причиною. И хотя по сей день такого рода соотношеніе продолжается еще признаваться нѣкоторыми физиологами, но оно вовсе не составляетъ послѣдняго слова науки о жизни. Напротивъ, накопившаяся масса фактовъ по физиологій дыханія не оставляетъ уже никакого сомнѣнія въ томъ, что дыхательные процессы не могутъ быть отождествляемы съ прямымъ окисленіемъ, и что, стало быть, окисленіе не только не служитъ причиною жизненной дѣятельности протоплазмы, а наоборотъ, является результатомъ этой дѣятельности, результатомъ самораспаденія протоплазмы.

Такимъ образомъ, причиною оказывается не внѣшнее, а внутреннее вліяніе; факты говорятъ именно въ пользу признанія внутримолекулярной подвижности протоплазмы, какъ вповнивая ея дѣятельности. Послѣдняя вызывается не внѣшнимъ вліяніемъ, а составляетъ прямое слѣдствіе самораспаденія протоплазмы. Стало быть, строго говоря, необходимо признать, что протоплазма самодѣятельна и что жизненность есть результатъ этой самодѣятельности, а потому предполагать, что она «всегда вызвана» на томъ только основаніи, что она никогда не бываетъ самопроизвольною (безпричинною), совершенно не значить, какъ думаетъ Бони, вводить механической принципъ въ науку о жизни.

Механическая теорія жизни отрицаетъ безпричинность дѣятельности, но она вовсе не обязываетъ видѣть активнаго виновника этой дѣятельности исключительно во внѣшнихъ причинахъ, она вовсе не доказываетъ, чтобы стимуломъ этой дѣятельности могли быть внѣшнія причины и не могли быть внутреннія причины, именно, присущая протоплазмѣ внутримолекулярная подвижность, ея саморазлагаемость. Результатомъ такой саморазлагаемости будетъ роковымъ образомъ самодѣятельность протоплазмы, а между тѣмъ, едва-ли кто возьметъ на себя смѣлость утверждать, что признаніе этой самодѣятельности опровергается основнымъ принципомъ механической теоріи.

Вотъ это обстоятельство совершенно упущено изъ виду Бони. Онъ упустилъ изъ виду, что жизненная дѣятельность несамопроизвольна только въ томъ смыслѣ, что она безпричинна, а никакъ не въ томъ, что проявленіе ея не служитъ внѣшнимъ

выраженіемъ внутримолекулярной подвижности протоплазмы, что она не выражаетъ собою самодѣятельности протоплазмы.

Такое упущеніе весьма важно не только само по себѣ, но и по послѣдствіямъ, именно, въ примѣненіи къ опредѣленію задачи физиологіи. Толкованіе теоріи жизни въ смыслѣ случайнаго механизма, приводитъ, какъ мы видѣли, Бони къ заключенію, что всякая физиологическая задача сводится къ опредѣленію условій, вызывающихъ жизненное явленіе.

Въ виду всего вышесказаннаго, само собою уже понятно, что подобное ограниченіе задачъ физиологіи крайне односторонне и не можетъ быть принято. Оно предполагаетъ, будто условія, вызывающія жизненные явленія, суть, въ то же время, и условія, опредѣляющія эти явленія, тогда какъ такое предположеніе идетъ въ разрѣзъ съ строго-научнымъ пониманіемъ причинности явленій. Первые составляютъ, такъ сказать, только одну половину причины—онѣ всегда внѣшнія условія, а между тѣмъ существуютъ еще внутреннія условія. Поэтому Бони ставитъ физиологіи невозможную задачу: по такимъ-то условіямъ, вызывающимъ жизненное явленіе, опредѣлить самое это явленіе. Пусть данныя условія будутъ налицо, но пока неизвѣстно ихъ отношеніе къ тѣмъ внутреннимъ условіямъ, которыми выражается самая природа живаго существа, до тѣхъ поръ требованіе, предъявленное Бони, останется невыполненнымъ. Подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же вызывающихъ внѣшнихъ условій, могутъ обнаружиться тысячи различныхъ жизненныхъ явленій въ зависимости отъ того, какъ относятся эти условія къ внутреннимъ условіямъ жизни. Стало бытъ, даже самое точное знаніе условій, вызывающихъ жизненные явленія, далеко недостаточно для надлежащаго пониманія данныхъ явленій; такое знаніе будетъ по необходимости половинчатымъ. Опредѣлять, въ этомъ узкомъ смыслѣ, задачи физиологіи, значить ограничивать ее изученіемъ одной только внѣшней стороны жизненной дѣятельности, одними только внѣшними соотношеніями, и совершенно игнорировать тѣми внутренними соотношеніями, которыя именно освѣщаютъ эту дѣятельность въ ея истинномъ смыслѣ; значить, ограничивать предметъ физиологіи одною только описательною стороною изучаемыхъ явленій. Однако же, самъ Бони противъ такого ограниченія. И вотъ, къ такимъ-то противорѣчіямъ приводитъ его крайне одностороннее толкованіе механической теоріи жизни.

Но послѣдствія этой односторонности сказываются и въ дру-

гомъ, не менѣе существенномъ, отношеніи, именно, въ отношеніи опѣнки закона развитія живыхъ существъ.

Совершенно ошибочное положеніе, будто признаніе внутренняго активнаго стимула жизни необходимо ведетъ къ признанію метафизической сущности и, стало быть, противорѣчить механической теоріи,—повело къ тому, что ученіе о развитіи отождествилось съ ученіемъ о приспособленіи къ окружающему, а условія развитія цѣликомъ отнесены къ внѣшнимъ условіямъ, къ внѣшнимъ вліяніямъ. Исходя изъ того же общепринятаго воззрѣнія на теорію развитія, Бони принимаетъ, что, согласно этой теоріи, «жизненные явленія находятся въ непосредственной зависимости отъ окружающей среды и внѣшнихъ вліяній».

При этомъ однако весьма поучительно обратить вниманіе на слѣдующее весьма характерное противорѣчіе. Если опредѣляющимъ признакомъ теоріи развитія служить, какъ думаетъ Бони, ученіе о непосредственной зависимости жизненныхъ явленій отъ окружающей среды и внѣшнихъ вліяній; если идея развитія выражается установленіемъ таковой зависимости,—то отсюда прямой выводъ: развитіе жизни идетъ рука объ руку съ возрастаніемъ ея непосредственной зависимости отъ окружающаго и внѣшнихъ вліяній. А между тѣмъ тотъ же Бони, какъ было уже нами замѣчено, принимаетъ, что «по мѣрѣ поднятія по лѣстницѣ существъ», жизнь все болѣе «освобождается отъ внѣшнихъ условій, надъ нею господствующихъ, и приобретаетъ, наконецъ, въ высшихъ животныхъ максимумъ интенсивности и относительной независимости».

Какъ же согласить это возрастающее «освобожденіе отъ внѣшнихъ условій», эту «относительную независимость», съ «непосредственною зависимою»? Мы могли бы сказать, не рискуя впасть въ ошибку, что первое есть прямой выводъ изъ фактовъ, послѣднее же продиктовано предвзятымъ, одностороннимъ пониманіемъ теоріи развитія.

Какъ бы то ни было, важнѣе всего одно: признаніе возрастающаго освобожденія жизни, по мѣрѣ ея развитія, отъ внѣшнихъ условій, необходимо ведетъ къ признанію того, что теорія эволюціи имѣетъ дѣло не только съ явленіями непосредственной зависимости жизни отъ окружающаго, но и съ явленіями относительной независимости ея отъ этой среды, и явленія возрастающаго освобожденія жизни отъ внѣшнихъ условій. Стало быть, она, теорія эволюціи, должна истолковывать и эти послѣднія явленія; она должна показать условія, которыми опредѣляется освобожденіе жизни отъ внѣшнихъ вліяній, должна пояснить истинный смыслъ

того соотношенія, что освобожденіе это возрастаетъ съ развитіемъ жизни, должна начертить тотъ путь, которому слѣдуетъ данное явленіе и выяснитъ вытекающія изъ него послѣдствія.

Таковы задачи теоріи развитія. Но вотъ онѣ-то и показываютъ, что, согласно именно этой теоріи, явленія непосредственной зависимости жизни отъ окружающей среды и внѣшнихъ условій далеко не характеризуютъ собою всѣхъ явленій развитія, что въ число послѣднихъ входятъ также и явленія освобожденія жизни «отъ внѣшнихъ условій, надъ нею господствующихъ». Вотъ это-то обстоятельство и упускаетъ изъ виду Бони, слѣдуя примѣру большинства современныхъ эволюционистовъ.

Указывая на всѣ эти противорѣчія по общимъ биологическимъ вопросамъ, мы вовсе не думаемъ умалять ими достоинствъ прекраснаго труда Бони. Мы хотѣли только показать, что хотя Бони и придаетъ широкое значеніе механической теоріи, хотя онъ и вводитъ основной принципъ ея въ физиологію, тѣмъ не менѣе онъ истолковываетъ эту теорію въ отношеніи жизненныхъ явленій такъ же односторонне, какъ это дѣлалось до него и какъ, несомнѣнно, долго еще будетъ дѣлаться и послѣ него.

Соціальная жизнь животныхъ. Опытъ сравнительной психологіи съ прибавленіемъ краткой исторіи социологіи А. Эспинаса. Переводъ со втораго французскаго изданія Ф. Павленкова. С. Петербургъ, 1882 г.

Этотъ, во многихъ отношеніяхъ замѣчательный трудъ представляетъ собою попытку установленія основъ социологіи на началахъ, выработанныхъ современною точною наукою. Весьма еще общераспространенное мнѣніе, будто основы эти не коренятся глубже соціальной жизни человѣка—крайне ошибочно.

«Основная суть общества заключается въ постоянномъ сотрудничествѣ отдѣльныхъ живыхъ существъ». Но сотрудничество это наблюдается не только въ общественной жизни человѣка, оно наблюдается также и среди животныхъ. Поэтому, социологія «должна вкдючать въ себѣ, въ качествѣ различныхъ стадій одного и того же развитія, и факты соціальной жизни человѣка, и проявленія этой жизни въ мірѣ животныхъ, подобно тому, какъ въ биологическое изученіе живаго существа должна входить его зародышевая жизнь, хотя граница между этой фазой жизни и всѣми дальнѣйшими теряетъ при этомъ свое рѣзкое обозначеніе. Совершенно такимъ же образомъ, не

переставая видѣть въ человѣческомъ обществѣ развѣтъ социальной жизни, необходимо изучать ея зачатки въ низшихъ обществахъ» (Эспинасъ). Соціальная жизнь животныхъ и представляетъ эти зачатки, изученію которыхъ и посвящается трудъ Эспинаса.

Было бы совершенно невозможно входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого обширнаго труда, отличающагося, какъ богатствомъ фактическаго матеріала, такъ и разнообразіемъ изслѣдуемыхъ имъ вопросовъ, поэтому мы ограничимся лишь краткою характеристикой общихъ возрѣній автора. Хотя социальная жизнь животныхъ и представляетъ собою зачатки общественной жизни человѣка, но сама по себѣ она отличается различными стадіями развитія, которыя должны быть прослѣжены въ восходящемъ порядкѣ, отъ низшаго къ высшему. Такъ именно и поступаетъ Эспинасъ: онъ начинаетъ съ изслѣдованія общественной жизни простѣйшихъ существъ и постепенно поднимается къ формамъ общежитія высшихъ животныхъ, наиболее приближающихся къ человѣку.

Первый вопросъ, подлежащій разсмотрѣнію, очевидно вопросъ о томъ, откуда должна начинаться социологія? Если «основную суть общества» составляетъ сотрудничество его членовъ, то вѣдь это сотрудничество наблюдается и среди анатомическихъ элементовъ каждаго сложнаго индивидуума. Слѣдуетъ ли въ такомъ случаѣ включать въ социологію явленія той группировки, которую обнаруживаютъ эти элементы? По мнѣнію Эспинаса, слѣдуетъ: «самую низшую степень единства, какъ органическаго, такъ, быть можетъ, и психическаго представляетъ собою простая подвижная или неподвижная клѣточка. Поэтому съ первыхъ группированій клѣточекъ и должна начинаться социологія. А такъ какъ всякій сложный индивидъ представляетъ собою комбинаціи клѣточекъ или другихъ органическихъ элементовъ, то онъ есть особый родъ общества, который не можетъ быть исключенъ изъ социологіи».

И такъ, индивидъ есть общество. Такимъ же образомъ и наоборотъ: общество есть индивидъ. Эспинасъ изслѣдуетъ формы общежитія различныхъ животныхъ и всюду находитъ факты въ пользу такого заключенія; онъ самъ говоритъ о своей книгѣ, что она «въ сущности не имѣетъ другой цѣли, какъ доказать, косвеннымъ путемъ, справедливость этого положенія».

Въ данномъ пунктѣ биологія сливается совершенно съ социологіей. Такъ, согласно биологіи, въ настоящее время, какъ полагаетъ Эспинасъ, «не подлежитъ сомнѣнію», что индивиду-

альность всякаго сложнаго организма «не только не исключаетъ индивидуальности составляющихъ его элементовъ, но, напротивъ, предполагаетъ ее и прогрессируетъ вмѣстѣ съ нею». Наоборотъ: «чѣмъ проще организмъ животнаго, тѣмъ проще также и строеніе анатомическихъ элементовъ, составляющихъ его ткани, а слѣдовательно тѣмъ слабѣе индивидуальность этихъ элементовъ». То же отношеніе наблюдается между обществомъ и его членами. «Другими словами, между индивидуальностью цѣлаго и частей не только нѣтъ никакой противоположности, но органическое единство, раздѣленіе труда и дифференцированіе индивидовъ, во всѣхъ областяхъ жизни, находятся въ прямомъ отношеніи другъ къ другу». Замѣьте: «во всѣхъ областяхъ жизни», стало быть, и въ области общественной жизни.

Словомъ, общественная жизнь и индивидуальная слѣдуетъ однимъ и тѣмъ же законамъ развитія. И тамъ и тутъ это развитіе достигается насчетъ сотрудничества частей цѣлаго; и тамъ, и тутъ такое сотрудничество по природѣ своей тождественно и ведетъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ—оно содѣйствуетъ сохраненію цѣлаго и вмѣстѣ съ развитіемъ послѣдняго обуславливаетъ и развитіе частей. Вся разница только въ томъ, что «въ первомъ классѣ обществъ (индивиды, колоніи полиповъ, и т. п.) такое сотрудничество чисто фізіологическое, причемъ оно поддерживается непрерывною связью органовъ между собою. Во второмъ же классѣ, устанавливаемомъ Эспинасомъ, сотрудничество только на половину фізіологическое, на половину же оно психологическое». Сюда именно относится семейство, которое не могло бы существовать безъ органической связи, которое «начинается и кончается соотвѣтствующею дѣятельностью нервныхъ центровъ, расположенныхъ на разстояніи въ отдѣльныхъ индивидахъ». Наконецъ, въ третьей формѣ общезитія—въ сообществѣ (общественная жизнь животныхъ въ буквальномъ смыслѣ) то же именно сотрудничество является исключительно психологическимъ. Тѣмъ не менѣе, «каковы бы ни были общества, всѣ онѣ безразлично основываются на солидарности и взаимодѣйствіи частей; всѣ онѣ организованы, съ тою разницею, что наиболѣе высшія изъ нихъ обладаютъ болѣе развитою организаціею».

Это единство сказывается даже въ самомъ характерѣ, которымъ проявляется сотрудничество, въ самыхъ условіяхъ его. «Притяженіе или тяготѣніе подобнаго къ подобному—одинъ изъ самыхъ основныхъ общественныхъ законовъ». Этотъ законъ об-

шаго сливаетъ сотрудничество вѣточекъ, группирующихся въ смежныя другъ съ другомъ массы (индивидъ, органическія общества). Такое группированіе происходитъ безъ сомнѣнія потому, что каждый гистологическій элементъ происходитъ отъ себѣ подобныхъ и необходимо остается въ связи съ тѣми, отъ которыхъ онъ получилъ свое начало.

Тотъ же законъ подобія, то же тяготѣніе подобнаго къ подобному обуславливаетъ и сотрудничество членовъ въ психологическихъ обществахъ. Только здѣсь причина тяготѣнія подобнаго къ подобному «коренится прежде всего въ симпатіи, т. е. въ наибольшей легкости, съ какою всякое существо, способное къ представленіямъ, представляетъ въ своемъ умѣ себѣ подобнаго, а также и въ сознаниі, что это влечетъ за собою увеличеніе и расширеніе дѣятельности (удовольствіе)». Кромѣ того «сближеніе подобныхъ существъ имѣетъ свою причину еще въ законѣ, по которому однѣ и тѣ же вліянія производятъ на аналогичныя существа тождественное дѣйствіе и который заставляетъ эти существа изъ аналогическихъ внѣшнихъ условій извлекать сходныя заключенія».

Исходя изъ такого полнаго единства законовъ для органическаго и психологическаго общества и перехода отъ одного изъ нихъ къ другому, мы найдемъ, что «органическая стройность», какъ она обнаруживается, напримѣръ, въ индивидахъ, «дѣлается солидарностью» въ обществѣ психологическомъ; «органическое единство», проявляющееся въ пространствѣ, становится невидимымъ сознаниемъ, непрерывность замѣняется традиціей, самопроизвольность движенія переходитъ въ инициативу, специализація функцій превращается въ раздѣленіе труда, координація элементовъ—въ симпатію, подчиненіе—въ почтеніе и преданность, самоопредѣленіе явленій—въ рѣшеніе и свободный выборъ. Такимъ образомъ, все принимаетъ новый обликъ: изъ нѣдръ организма возникаетъ своеобразный міръ, управляемый тѣми же самыми законами, какъ и другой, но совершенно отличный отъ него, такъ какъ въ немъ идеи или представленія замѣняютъ очертанія, а желанія играютъ роль движеній. Міръ этотъ есть общество: взаимная жизнь (*vie de relation*) сообщаетъ ему извѣстную фізіономію; вездѣ, гдѣ можетъ происходить обмѣнъ впечатлѣній, есть мѣсто и для общества, и обратно, гдѣ возникло общество, тамъ всегда долженъ быть и обмѣнъ представленій».

Таковы въ общихъ чертахъ основныя воззрѣнія, проводимыя Эспинасомъ въ рассматриваемой нами книгѣ. Что же касается

вопроса, въ какой мѣрѣ эти возрѣнія дѣйствительно отвѣчают основнымъ истинамъ, изъ которыхъ онѣ выведены, то мы позволимъ себѣ сдѣлать одно общее замѣчаніе: онѣ несомнѣнны, на сколько имѣютъ въ виду показать, что въ общественной жизни, какъ и въ индивидуальной, господствуетъ одинъ и тотъ же основной законъ—законъ развитія; но онѣ положительно ошибочны насколько имѣютъ цѣлью подтвердить ученіе органистовъ, что общество есть организмъ, со всѣми вытекающими отсюда заключеніями.

Можно было бы указать въ самой книгѣ Эспинаса массу фактовъ, опровергающихъ это ученіе, и не мало другихъ, подтверждающихъ его только потому, что они истолковываются авторомъ превратно. Такъ, жизнь общества дѣйствительно не только не исключаетъ индивидуальности его членовъ, но предполагаетъ ее и прогрессируетъ вмѣстѣ съ нею.

Эспинасъ, какъ мы видѣли, полагаетъ, будто «въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію», что то же самое вѣрно и относительно индивидуальной жизни, что индивидуальность организма идетъ рука объ руку съ индивидуальностью его анатомическихъ элементовъ, «предполагаетъ ее и прогрессируетъ вмѣстѣ съ нею». Мы же, напротивъ, смѣемъ думать, что такое положеніе, именно съ биологической точки зрѣнія, подлежитъ очень большому сомнѣнію, и что доказательства тому можно найти у того же Эспинаса.

Примѣръ. Самъ Эспинасъ считаетъ инфузорій одноклѣточными существами. Но общественная жизнь этихъ клѣточекъ, ихъ сотрудничество, равняется нулю въ сравненіи съ общественной жизнью и сотрудничествомъ клѣточекъ, составляющихъ анатомическіе элементы сложныхъ организмовъ. Согласно мнѣнію Эспинаса, слѣдуетъ, что этой послѣдней, высшей стадіи общезитія клѣточекъ должна соответствовать и высшая степень развитія ихъ организаціи и наиболѣе полное проявленіе ихъ индивидуальности, какое не можетъ имѣть мѣста среди инфузорій. А между тѣмъ, въ дѣйствительности наблюдается совершенно обратное; въ дѣйствительности нельзя указать ни на одну клѣтку среди анатомическихъ элементовъ, которая отличалась бы такимъ сложнымъ, всестороннимъ развитіемъ и такою степенью индивидуальности, какими отличаются многія инфузоріи (тоже вѣдь клѣточки). И это, замѣтите, не смотря на то, что общественная жизнь послѣднихъ нуль, въ сравненіи съ общественной жизнью первыхъ (анатомическихъ элементовъ).

Къ тѣмъ же заключеніямъ приводитъ и организація такихъ

колоній животныхъ, какъ полипы, черви. Индивидуальность членовъ колоніи не только не прогрессируетъ вмѣстѣ съ развитіемъ колоніи, а, напротивъ, постепенно ея подавляется, поглощается. Тысячи тому примѣровъ можно найти у Перье: «Les Colonies animales et le Formation des organismes». Одни черви представляютъ многочисленныя доказательства этого подавленія индивидуальности до превращенія организма въ органъ,—превращенія, которое необходимо сопряжено съ переходомъ къ большому однообразію функций.

Факты подобнаго превращенія такъ рѣжутъ глаза, что ихъ не могъ обойти и Эспинасъ. Но онъ пытается согласовать эти факты съ ученіемъ органистовъ и утверждаетъ, что «индивидъ, дѣлающійся органомъ по отношенію къ болѣе широкому жизненному цѣлому, не регрессируетъ, а прогрессируетъ». Утверждаетъ онъ это, не смотря на то, что всего пятью строчками выше говоритъ: «Высшая индивидуальность обладаетъ большимъ разнообразіемъ функций.» Но какъ же въ такомъ случаѣ? Неужели же, чтобы спасти теорію, мы должны признать, что въ индивидуумѣ, дѣлающемся органомъ, разнообразіе функций растеть. Какъ согласить такое признаніе съ тою специализаціею функциональной дѣятельности органовъ, которая, согласно основнымъ истинамъ біологіи, составляетъ непремѣнное условіе раздѣленія фізіологическаго труда. Вѣдь, въ виду положенія Эспинаса, слѣдовало бы допустить, что клѣточка-индивидъ, превращающаяся въ органъ защиты «болѣе широкаго жизненнаго цѣлага», причемъ оболочка ея часто совершенно развивается на счетъ и въ ущербъ остальныхъ ея частей (многочисленные тому примѣры представляютъ, между прочимъ, нѣкоторыя растительныя ткани), что такая клѣтка не регрессируетъ, а прогрессируетъ». А такое допущеніе вовсе не говоритъ въ пользу истинности вышеприведеннаго положенія Эспинаса. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно того единства, которое онъ усматриваетъ въ условіяхъ сотрудничества между членами психологическаго общества и органическаго (органическія колоніи, организмы).

Какъ было уже указано нами, по мнѣнію Эспинаса, влеченіе подобнаго въ подобному—одинъ изъ самыхъ основныхъ общественныхъ законовъ. И это несомнѣнно въ отношеніи психологическихъ обществъ; но это далеко не въ такой же мѣрѣ несомнѣнно относительно обществъ органическихъ. Достаточно обратить вниманіе на сотрудничество анатомическихъ элементовъ того или другаго организма. Согласно Эспинасу, слѣдо-

вало бы допустить, что на высшихъ ступеняхъ развитія организаци, гдѣ сотрудничество составляющихъ ее клѣточекъ проявляется съ наибольшою интенсивностью, тамъ эти клѣточки должны быть болѣе всего подобными другъ другу. Однако извѣстно, что это не такъ; извѣстно, что наибольшимъ подобіемъ отличаются клѣточки среди организмовъ съ наименѣе рѣзко выраженною индивидуальностью. Самъ Эспинасъ, на 201-й страницѣ своего труда, поясняетъ слабое единство органическаго цѣлаго «отсутствіемъ различія» между его частями, что, по его же мнѣнію, «говорить о наивысшей степени индивидуализма» послѣднихъ.

Но во первыхъ, какимъ же образомъ слабое единство цѣлаго можетъ поясниться отсутствіемъ различія между его частями, если влеченіе подобнаго къ подобному служить основнымъ закономъ общественности? Не доказываетъ ли это, что данный законъ, примѣнимый къ психологическимъ обществамъ, вовсе непримѣнимъ къ обществамъ органическимъ, другими словами, что общество не есть организмъ.

Во вторыхъ, если «отсутствіе различія» между частями говорить о наивысшей степени ихъ индивидуальности и въ то же время обусловливаетъ «слабое единство цѣлаго», то какъ же согласить это съ тѣмъ положеніемъ, будто индивидуальность агрегата идетъ рука объ руку съ индивидуальностью его частей? Не доказываетъ ли оно совершенно обратное и не слѣдуетъ ли отсюда еще разъ, что общество не есть организмъ.

И такъ, хотя организмъ есть общество, въ томъ смыслѣ, что онъ представляетъ собою собраніе простѣйшихъ, единицъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ еще, что общество есть организмъ въ біологическомъ смыслѣ. Дерево есть растеніе, но не всякое растеніе—дерево. Не всякая асоціація или сотрудничество ведетъ непремѣнно своихъ членовъ къ прогрессивному развитію и къ расширенію ихъ индивидуальной жизни. Это именно и доказываютъ органическія общества. Стало быть, ихъ изученіе для соціологіи важно именно потому, что онѣ показываютъ не то, какъ могли образоваться психологическія общества, а скорѣе, какъ онѣ не могли образоваться.

Интересно, что хотя Эспинасъ и называетъ общество «живымъ существомъ», но въ концѣ концовъ считаетъ необходимымъ замѣтить: «оно отличается отъ другихъ тѣмъ, что прежде всего создается сознаніемъ», и дѣлаетъ онъ это замѣчаніе, какъ самъ говоритъ, для того, чтобы «избавить себя отъ упрека, во-

торого вполне заслуживаютъ многіе социалисты, — упрека въ томъ, что онѣ объясняютъ формы высшаго существованія формами низшаго». А такое замѣчаніе уже само по себѣ вовсе не говоритъ въ пользу ученія органистовъ; не подтверждаютъ это ученіе, какъ мы видѣли, и тѣ аргументы, которые приведены въ книгѣ Эспинаса, какъ несомнѣнно яко-бы удостовѣряющіе, что общество есть организмъ.

Указывая на слабыя стороны разсматриваемаго нами труда, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не повторить, что трудъ этотъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный; онъ замѣчателенъ только по разработкѣ фактическаго матеріала, но и по новизнѣ предмета, и по изобилію въ высокой степени интересныхъ вопросовъ, затрогиваемыхъ авторомъ. Русскій переводъ прекрасный; книга читается легко и мы убѣждены, что она найдетъ себѣ у насъ не мало читателей. По крайней мѣрѣ отъ всей души желаемъ ей этого, и прежде всего для самихъ же читателей.

Л. К. П.

И Д Е А Л И С Т Ы.

П О В Ъ С Т Ъ

Я Н А Л Я М А.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

Ч А С Т Ъ П Е Р В А Я

Г Л А В А П Е Р В А Я.

Вечеръ у пани Подвальской отличался на этотъ разъ сугубою торжественностью; вынули лучший фарфоровый сервизъ, а Мацею или Михалу велѣли напаять бѣлыя перчатки. Кухарку чуть не замучили котлетами, дали особый рецептъ, и пани Подвальская сама поминутно бѣгала въ кухню и ахала, и охала, и погоняла.

Ксендзь Зигмунтъ Стодольскій особенно любилъ котлеты; къ тому же сегодня, въ день первой майской службы въ честь Пречистой Дѣвы, онъ сказалъ такую прекрасную, задушевную проповѣдь, что пани Подвальская вернулась изъ костела въ слезахъ, рыдая такъ, что съ трудомъ заказала ужинъ.

Знавшимъ источникъ цвѣтовъ, еисейныхъ завѣсъ и другихъ аксесуаровъ торжественной службы, волненіе пани Подвальской было весьма понятно; все это, даже риза и стула, въ которой ксендзь Зигмунтъ читалъ слово Божіе, было дѣломъ ея рубъ. И

вотъ... скромные, смиренно повергнутые къ стопамъ алтаря дары ея дождались лучшей, высшей награды; въ нищетѣ духа своего благочестивая жена и не мечтала о такомъ воздаяніи. Ксендзь Зигмунтъ, говоря о Богоматери, какъ о недостижимомъ для грѣшныхъ идеалѣ, указалъ цѣлый рядъ примѣровъ, когда дѣвы и жены, стремясь къ нему, возносились превыше земныхъ добродѣтелей и сіяли небеснымъ блескомъ. Подробнѣй всего остановился онъ на дѣвахъ-мироносицахъ, шествовавшихъ въ окруженному языческимъ воинствомъ гробу Господню, дабы умастить тѣло его драгоценными маслами и благоуханіями. И тутъ, искусно перейдя къ современнымъ мироносицамъ, онъ осыпалъ похвалами богобоязненныхъ дамъ, ревнующихъ о благолѣпіи храма Господня.

— О ты, досточтимая подвижница! воскликнулъ онъ всенародно, обращаясь лицомъ къ колѣнопреклоненной Подвальской, — истая дщерь католической церкви, украшающая цвѣтами домъ Божій, шелкомъ и златомъ устлавшая стоны алтаря его, не камень хладный одѣла ты, а непорочное тѣло Сына человѣческаго! Воздаяніе будетъ по дѣломъ твоимъ, первая-бо узришь воскресеніе мертвыхъ.

Пани Подвальская, чувствуя въ эту минуту, что взоры вѣрныхъ обращены на нее, громкимъ рыданьемъ выдала всѣмъ свою тайну, и узнали въ ней ту жену, на которую намекалъ ксендзь Стодольскій.

Узнала ее и пани графиня Одборская; и она также принесла въ даръ цвѣты, но похуже, такъ что ихъ помѣстили въ побочной часовнѣ. Пани Одборская, не дождавшись конца, удалилась и больная вернулась домой.

Не смотря на слезы, пани Подвальская замѣтила удаленіе графини и только хуже разрыдалась; сердце ея страдало при видѣ страданій ближняго, тѣмъ болѣе, когда этотъ ближній — въ данномъ случаѣ графиня Одборская — впадалъ въ тяжкій, грѣхъ и зависть обуревала душу его.

Не буду настаивать, что именно огорчило пани Подвальскую; исторически вѣрно только то, что глаза ея были полны слезъ, и сквозъ эти слезы ксендзь Зигмунтъ, съ воздѣтой десницей, гласившій о воскресеніи мертвыхъ, казался ей ангеломъ Господнимъ, отвалившимъ камень отъ гроба Иисусова и обратившимъ въ бѣгство римское воинство. Дѣйствительно, лицо ксендза было такъ еще молодо и красиво, такъ безбородо и безусо, такъ прозрачно блѣдно, точно ликъ посланника небесъ. Пани Подвальская не разъ даже спорила съ дочерью своей Еленой; странно, что ей, дѣвницѣ далеко не дюжинной, всегда казалось, что нѣкій

Альфредъ Згожельскій гораздо ближе къ идеалу мужской красоты, чѣмъ всендѣзъ Зигмунтъ Стодольскій.

Панъ Альфредъ издавна былъ частымъ гостемъ пани Подвальской; и теперь, проводивъ обѣмъ изъ костела, онъ усердно помогаль паннѣ Еленѣ занимать гостей. Въ ожиданіи чая и всендза, въ гостиной собралось большое общество, далекое, правда, отъ неземнаго идеала, но и не такъ глубоко погрязшее въ заботахъ мірской суеты, какъ прочіе смертныя.

Я уже сказалъ, что вечеръ пани Подвальской былъ сугубо торжественъ. Надо замѣтить, что, предоставивъ матери всѣ заботы о майскихъ и другихъ годичныхъ службахъ, панна Елена занималась поэзіей и искусствомъ, въ особенности же музыкой. Она играла и пѣла, а потому въ домѣ бывали всякіе музыканты. Какъ разъ наканунѣ, панна Елена участвовала въ любительскомъ концертѣ съ благотворительною цѣлью, а на другое же утро въ «Ежедневномъ Обзорѣніи» появилась въ высшей степени лестная для артистки статья; критика не смѣла опоздать съ похвальнымъ словомъ таланту, такъ же какъ кухарка съ котлетами для всендза Стодольскаго. Сравненіе мое далеко не такъ странно, какъ кажется; дѣйствительно, пани Подвальская горевала, что въ данную минуту кромѣ котлетъ и другихъ яствъ ей нечѣмъ усладить утомленное апостольскимъ трудомъ брешное дѣло прелата, а критикъ «Ежедневнаго Обзорѣнія» — что перо его слишкомъ слабо и бѣдно для достоюлжной дани талантамъ панны Елены.

Какъ-бы то ни было, но къ чаю критикъ явился во главѣ большей части исполнителей. Между ними былъ и виртуозъ съ предлинными волосами и неотступнымъ адъютантомъ-любителемъ, неизбѣжнымъ спутникомъ всѣхъ маэстро. У спутника волосы были еще длиннѣе и гуще, по молодости вѣроятно. Явился также пѣвецъ, отличавшійся, кромѣ худобы, отсутствіемъ высокихъ, среднихъ и низкихъ нотъ голосоваго регистра. За то у него была превосходная метода, такъ что въ этомъ отношеніи онъ поразительно напоминалъ Наполеона I, когда тотъ, безъ арміи и средствъ, въ виду непріятельскаго нашествія поль-Европы, изумилъ міръ своею стратегіею. Въ числѣ исполнительницъ пришли двѣ барышни; одна изъ нихъ удостоилась наканунѣ сыграть что-то въ четыре руки съ великимъ маэстро; другая прочла прелестныя стихи о жаворонкѣ, мошкѣ и весеннемъ вѣтеркѣ, — все это какъ-то ввязалось съ разрывомъ сердца, безъ всякихъ видимыхъ болѣзненныхъ причинъ, и заканчивалось высипреннымъ полетомъ въ надвѣздный міръ. Авторъ сего, не-

сомнѣнно оригинальнаго произведенія, молодой поэтъ и критикъ, сотрудникъ «Ежедневнаго Обзорѣнія», принадлежалъ къ числу безмолвныхъ поклонниковъ панны Елены и сидѣлъ тутъ же, предаваясь мрачнымъ, самоубійственнымъ мыслямъ. Барышни были подъ нравственною опекою и материнскимъ крылышкомъ пани Тшетецакевичовой, лучшей подружки пани Подвальской, съ которою онъ сообща предавались поклоненію великимъ добродѣтелямъ ксендза Зигмунта Стодольскаго.

Необходимымъ членомъ общества былъ и знакомый намъ панъ Альфредъ, молодой человѣкъ высокаго роста, съ красивымъ, слишкомъ, можетъ быть, нѣжнымъ лицомъ и свѣтло-русою, выхоленною бородою и усами, скрадывавшими нѣсколько женственность его очертаній. Свѣжій цвѣтъ кожи и темно-голубые, кроткіе и добрые глаза впередъ располагали въ его пользу, а новешенькій изящный нарядъ дѣлалъ его очень милымъ салоннымъ юношею. Панъ Альфредъ съ честью поддерживалъ французскую конversaцію пани Тшетецакевичовой, которая, ради воспитанницъ, никогда почти не говорила инымъ языкомъ; пріятномъ онъ усердно помогалъ молодому поэту порицать тенденціозность книжки, сильно интересовавшей его собесѣдницу; когда же общество хоромъ начинало воспѣвать славу гостившаго маэстро, онъ съ жаромъ вторилъ ему и, въ великому удовольствію композитора, презрительно пожималъ плечами при именахъ Листа или Таузига. Однимъ словомъ, молодой человѣкъ умѣлъ заслужить расположеніе каждаго и обдавалъ холодомъ своего равнодушія только одного.

Этотъ одинъ былъ панъ Тадеушъ Замецкій, человѣкъ уже немолодой, рябоватый, обрюзглый, крупный землевладѣлецъ и вдовецъ, о чемъ краснорѣчиво говорилъ не старшій еще трауръ¹⁾. Пани Подвальская сдала его цѣлкомъ на руки дочери, которая видимо окружала его и великаго маэстро тѣмъ утонченнымъ вниманіемъ, какимъ пользуются рѣдкіе, привилегированные гости; сама же хозяйка, благодаря извѣстному намъ стеченію обстоятельствъ, была занята бѣготнею въ кухню.

Предпочтеніе это оскорбляло вѣроятно пана Альфреда, хотя, съ другой стороны, странно было ему, домашнему человѣку, обижаться тѣмъ, что залетный гость временно занималъ его

¹⁾ Въ Польшѣ существуетъ обычай, вѣсто хрепа на рукавъ и на шляпу, носить бѣлый кантъ на воротникѣ сюртука; обновать такой кантъ нелегко, а потому по свѣжести его можно судить о давности траура.

мѣсто. Но вѣдь этотъ Замецкій, не смотря на весь почетъ, очень, кажется, не долюбивалъ общество. Великому маэстро онъ прямо высказалъ, что, по его мнѣнію, мазурка или полонезъ лучше всякой концертной белиберды; а пани Тшетешакевичовой такъ-таки и отрѣзалъ, что вечернія службы—истое злоупотребленіе и сослался даже на своего деревенскаго попа, который говорилъ будто бы съ амвона, что постоянное торчаніе въ костелѣ—богохульство и кощунство.

Хуже всего попалъ онъ на бѣднаго поэта; тотъ чирикалъ себѣ, какъ жаворонокъ, тонулъ въ лиризмъ какъ мошка, а порою, какъ весенній зефиръ, раздувалъ свой сердечный жаръ; цѣлые потоки чувствительныхъ изліаній вырывались тогда изъ его сердца. Жарко дѣлалось отъ нихъ молодой его собесѣдницѣ, такъ что пани Тшетешакевичова велѣла ей даже выпить воды. Поэтический вулканъ немедленно перевернулъ тогда фронтъ и, направивъ весь пылъ изверженій въ сторону почтенной матроны, сразу огорошилъ ее изрѣченіемъ, что только католическіе народы способны на самопожертвованіе; протестантъ же—синонимъ эгоиста.

— Эхъ, почтеннѣйшій, зачѣмъ переверять правду! перебилъ его панъ Замецкій.—Не знаю, при чемъ тутъ католицизмъ, но фактъ налицо: два католическихъ народа, поляки и французы, именно-то и отличаются полнымъ отсутствіемъ того, на чемъ стоятъ государства—отсутствіемъ чувства долга, прямымъ слѣдствіемъ эгоизма отдѣльныхъ личностей. Присмотритесь-ка къ нѣмцамъ и англичанамъ, не лучше ли намъ быть похожими на нихъ, лютеранъ?

— Oh, Sainte Mère de la miséricorde! вздохнула пани Тшетешакевичова и начала шептаться съ своими питомицами.

Везувій же влокоталъ и бурлилъ, но не могъ изрыгнуть отвѣта; выручилъ его нашъ панъ Альфредъ.

— По моему, нѣмцы и англичане—машины, не люди; вся дѣятельность ихъ направлена въ матеріальную сторону. У машинъ нѣтъ ни воли, ни честолюбія, ни чувства собственнаго достоинства. Мы же выработали въ себѣ это чувство; и потерявши вѣру во все другое, останется намъ вѣра въ бога чести.

— Коварный божокъ, пане Згожельскій! А если и нѣтъ, все же надо жертвовать имъ для блага отчизны.

— Жертвовать, съ жаромъ воскликнулъ панъ Альфредъ,—можно всѣмъ; кромѣ чести!

— Эхъ, презрительно сказать панъ Замецкій,—не жертвовать, такъ проиграть въ карты!

Какой-то желтый огонекъ, точно молнія, но безъ грома, сверкнулъ въ вроткихъ голубыхъ глазахъ пана Альфреда. Наступило неловкое молчаніе; всѣми овладѣло минутное, какъ-бы безпричинное безпокойство. Панъ Альфредъ скоро сдумѣлъ, однако, вновь придать лицу своему вдохновенное выраженіе и первый продолжалъ разговоръ.

— Обвиняя въ эгоизмѣ цѣлые народы, вы забываете о полькахъ и французенкахъ. Ихъ-то, а въ особенности полякъ, нельзя обвинять въ эгоизмѣ.

— Правда, случаи самопожертвованія женщинъ въ исторіи Польши довольно часты, но нѣтъ вѣдь правила безъ исключенія. Всѣмъ заправляли у насъ женщины, а слѣдовательно, хотя отчизну сгубили безпутство и разгулъ мужчинъ, большая доля вины лежитъ на женщинахъ. Зачѣмъ обманывать себя?!

— Это не по-рыцарски! возразила панна Елена.—Вы, мужчины, выше всего ставите свое я и свое честолюбіе. Отъ насъ же, женщинъ, требуете только жертвъ и самоотверженія; мало вамъ этого? Стыдно упрекать насъ въ недостаткѣ гражданскихъ добродѣтелей!

Панъ Замецкій никакъ не ожидалъ нападенія именно со стороны панны Елены, а потому замолчалъ, съ выраженіемъ недовольнаго самимъ собою или чѣмъ-то обезкураженнаго челоувѣка. Пораженіемъ противника воспользовались панъ Альфредъ и молодой поэтъ; оба наперерывъ старались доказать, что мужчины всегда пользовались, да пользуются и теперь во всѣхъ отношеніяхъ привилегированнымъ положеніемъ; что они властны въ своихъ поступкахъ, а потому и несутъ полную за нихъ отвѣтственность. Панъ Замецкій не былъ силенъ въ доказательствахъ; онъ предпочиталъ насмѣшку, да и то урывками; а потому согласную атаку противниковъ онъ попытался отразить полусхотливымъ замѣчаніемъ, что мужъ играетъ дома роль министра въ конституціонномъ государствѣ. Онъ, яко-бы, править и повелѣваетъ, но командуетъ имъ парламентъ—жена.

— Вы побили себя собственнымъ оружіемъ, перебила панна Елена.—Не разъ читала и слыхала я, что даже въ наиболѣе ограниченныхъ государствахъ умные министры заставляли парламентъ плясать по своей дудкѣ.

— Да, потому что министръ можетъ пригрозить отставкою, распустить парламентъ, произвольно направить новые выборы; а мужъ не можетъ—законъ не позволяетъ. Не даромъ говорятъ, что лучшіе браки тамъ, гдѣ легче разводъ, т. е. гдѣ министръ можетъ подать въ отставку, если парламентъ ему не по душѣ.

— Безнравственный, языческий обычай! вдохновеннымъ голо-
сомъ воскликнула пани Тшетещакевичова. — Жалко, что вамъ не
довелось слышать, какъ отдѣлалъ есендзъ Зигмунтъ гражданскіе
браки! Ужасно! Какъ такъ людямъ жениться по контракту, на
три года?

— Нисколько! По гражданскимъ законамъ развестись, правда,
легче, но изъ этого не слѣдуетъ, что разводиться будутъ чаще.
Я, съ своей стороны, убѣжденъ, что панъ Тшетещакевичъ ни за
что не воспользовался бы правомъ развода.

Все общество было, конечно, того же мнѣнія. Но вдругъ
молодая декламаторша уронила вѣрвь; нѣсколько человѣкъ сразу
нагнулось за нею, причемъ случилось вѣроятно что-то не-
обыкновенно забавное; все общество вдругъ развеселилось. Даже
вдохновенное лицо великаго маэстро и то просіяло; онъ улыб-
нулся, въ тонъ ему улыбнулся и молодой адъютантъ. При-
чина смѣха такъ и осталась тайною, потому что въ эту минуту
пани Подвальская съ торжествомъ ввела ксендза Стодольскаго въ
сопровожденіи еще какого-то юноши. Всѣ встали, а пани Тше-
тешакевичова мелкими шажками подбѣжала къ ксендзу и на-
божно поцѣловала его бѣлую апостольскую руку. Ея примѣру
последовали и обѣ воспитанницы, а панна Елена привѣтство-
вала гостей дружескимъ рукопожатіемъ, упрекнувъ ксендза за
поздній приходъ.

— Не моя вина, отвѣтилъ тотъ, вскинувъ глазами на спут-
ника: — все онъ, великій нашъ историкъ! Панъ Криспинъ поло-
жительно увлекъ меня отрывками новой диссертациі своей «О
фатотумѣ въ исторіи». Вотъ вопросъ, который принесъ бы много
пользы нашимъ народникамъ и другимъ атеистамъ. Диссертантъ,
на основаніи историческихъ фактовъ, доказываетъ, что перстъ
Божій караетъ людей и народы, возстающіе противъ церковной
власти. Съ Казиміромъ Великимъ, покровителемъ жидовъ, окон-
чился домъ Пястовъ. Последнимъ изъ ягелоновъ былъ Зигиз-
мундъ Августъ, доброхотъ еретиковъ и новаторовъ. А въ ряду
избирательныхъ королей последнимъ былъ Станиславъ Августъ,
приверженецъ энциклопедистовъ и франмасоновъ.

Ропотъ одобренія пронесся по залѣ и взоры всѣхъ востор-
женно обратились къ пану Криспину. Но молодой ученый мол-
чалъ, вперивъ глаза куда-то въ пространство. Гостиная пани
Подвальской была слишкомъ мала для такого всеобъемлющаго
взора, а слушателей слишкомъ немного, чтобы сказать имъ
последнее слово великой, таинственной правды, осѣнившей мо-
лоде, но сознающее свою силу и мудрость чело. Избранники

духа позволяют иногда пресмыкающимся въ прахъ земли смотрѣть и удивляться имъ, но вблизи простыхъ смертныхъ они не поднимають завѣсы; вдалекѣ они сіяють величіемъ, а вблизи — всеподавляющимъ молчаніемъ.

Ксендзь Зигмунтъ былъ далеко не молчаливъ, но и онъ не вносилъ въ семейный кружокъ того свѣта, какимъ сіялъ съ амвона. Онъ оставлялъ его въ ризницѣ, а въ гостиной не пренебрегалъ свѣтскими, мірскими развлечениями. Усѣвшись посреди барышень, онъ забавлялся цѣвинной болтовней ихъ, какъ Тотъ, который призывалъ дѣтей, съ тѣмъ только различіемъ, что въ данномъ случаѣ двоимъ «отъ малыхъ сихъ» было шестнадцать и восемнадцать лѣтъ, а панна Елена Подвальская, хотя лѣтъ на десять старше ихъ, поражала всѣхъ своей роскошной смуглой красотой. Впрочемъ сравненіе барышень съ дѣтьми все же остается въ силѣ, такъ какъ женщины всегда дѣти и всегда неотвѣтственны въ своихъ поступкахъ, о чемъ недавно только говорилось. Того же мнѣнія держался, конечно, и ксендзь Зигмунтъ, иначе трудно было бы объяснить безграничную снисходительность его къ слабостямъ прекраснаго пола. Онъ не только не преслѣдовалъ модницъ и франтихъ, но даже очень интересовался дамскимъ туалетомъ, принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи того или другаго покроя, и даже не разъ давалъ умные, толковые отвѣты. Музыка и поэзія также очень занимали его; о вчерашнемъ концертѣ онъ отозвался весьма лестно и наставлялъ множество пріятныхъ вещей самому маэстро, паннѣ Еленѣ, переворачивавшему ноты адъютанту и всѣмъ прочимъ участникамъ концерта. Онъ былъ вообще такъ непритворно веселъ, что пани Подвальская и Тшетешакевичова, внимательно слѣдившія за каждымъ его словомъ и движеніемъ, усердно благодарили Бога, что святой мужъ и многотимый духовникъ ихъ такъ весело проводитъ у нихъ время.

Наступилъ, наконецъ, важный моментъ чаю и ужина. Ксендза посадили между паней Подвальской и паней Тшетешакевичовой, а пана Замецкаго — между панной Еленой и ея матерью. Забота о насыщеніи хлѣбомъ насущнымъ заняла всѣ умы; никто не пренебрегалъ дарами Божиими: ни святой проповѣдникъ, ни царь гармоніи, ни ученый историкъ, ни даже пѣвецъ «Ежедневнаго Обзорнія»; меньше же всѣхъ пани Тшетешакевичова. Она спрятала даже въ неизмѣнный свой ридикюль нѣсколько кусочковъ для «Жуля». Ксендзь Зигмунтъ до слезъ растрогалъ достойную даму, распросивъ съ участіемъ о здоровьѣ ея любимца. Жюль былъ нездоровъ; пани Тшетешакевичова оставила его

изъ предосторожности дома; пріѣхалъ докторъ Чулицкій и прописалъ *Kali bromatum* съ малиновымъ сокомъ. На пана Тшетещакевича было возложено ухаживать за Жултей въ отсутствіи жены.

— Что это сынъ Тшетещакевичей? спросилъ вполголоса Замецкій.

— Нѣтъ, собачка, отвѣчала панна Елена, иронически улыбаясь своему сосѣду.

Панъ Замецкій взглянулъ на нее; въ глазахъ его свѣтилось что-то, кромѣ обоюдной симпатіи къ Жулти.

— Ну, а панъ Тшетещакевичъ, спросилъ онъ:—также одна изъ тѣхъ постылыхъ личностей «мужескаго пола», которыя свое честолюбіе и свое я ставятъ превыше всего и требуютъ отъ женщинъ только жертвъ и самопожертвованія?

— Несомнѣнно! Конечною, честолюбивою цѣлью пана Тшетещакевича была женитьба на теперешней пани Тшетещакевичъ; выйти же за него замужъ, значило, съ ея стороны, пожертвовать собой. Неужели вы не понимаете, какъ унижительно быть женой человѣка, который въ настоящую минуту сидитъ у изголовья Жулти?

— Чувствую, что изъ всѣхъ—я могъ бы сойтись только съ вами.

Продолжительный, полный теплаго участія взглядъ былъ отвѣтомъ на это признаніе; отвѣтъ былъ такъ краснорѣчивъ, что завзятый песимистъ совсѣмъ потерялъ подъ ногами почву. Панна Елена вздохнула.

— Боюсь стараться понять васъ, сказала она;— правда и я по горло сыта всѣми службами, музыкой, поэзіей. Жизнь имѣетъ болѣе серьезныя и правдивыя стороны.

— Да, но серьезное, реальное, не вытѣсняетъ прекраснаго и возвышеннаго. Только на все есть мѣра и время.

— Вы не довѣрите, какъ я рада, что не вижу въ васъ завятаго матеріалиста. Не правда ли, вы не иронизируете того, что возвышаетъ и облагораживаетъ наши чувства, служить путеводителемъ въ пустынь жизни?

— Нѣтъ, ничуть; мнѣ кажется только, что, всѣ эти мнимыя вдохновенія, сантиментальныя слезы и ханжество вовсе не возвышаютъ духа. Прекрасное и возвышенное должно быть правдивымъ. Я вѣрю, что вы набожны, любите поэзію и музыку, но не вѣрю ни ксендзамъ, ни музыкантамъ, ни поэтамъ.

— Мнѣ-то вы почему вѣрите?

— Потому, что вы безъ притворства.

Глаза ихъ опять встрѣтились; встрѣча эта не помогла пану Тадеушу собраться съ мыслями; онъ окончательно потерялъ способность думать.

«Какъ она хороша и мила!» твердилъ онъ.

«Какъ онъ старъ, безобразенъ!» думала панна Елена.

Всѣ встали и вернулись въ гостиную. Великій маэстро сѣлъ за фортепьяно и такъ восхитительно сыгралъ ноктюрнъ Шопена, что адъютантъ его вздохнулъ себѣ въ порывѣ увлеченія всю голову, а великій ученый въ первый разъ открылъ ротъ, точно готовясь сказать что то, но раздумалъ; онъ привсталъ, пронзительнымъ взоромъ какъ бы проникъ стѣны, взглянулъ въ глубь прошедшаго и будущаго, и не сказалъ ничего, желая сберечь, вѣроятно, свои мысли для разсужденія о славянской музыкѣ, которое давно собирался писать. Затѣмъ, «по желанію публики», молоденькая декламаторша повторила вчерашніе стихи молодого поэта; громкія рукоплесканія наградили обоихъ.

Начались *petits jeux*; ксендзъ Зигмунтъ любилъ невинныя забавы. Играли въ кошку-мышку; случалось такъ, что пани Подвальская была мышкой, а ксендзъ Стодольскій кошкой; кошка поймала мышку въ уюромномъ уголку за фортепьяно, но не задушила ея.

Nonny soit qui mal у pense.

Потомъ историкъ былъ мышкой, а пани Тшетенякевичова кошкой; но мышка, намѣтивъ себѣ слишкомъ далекую цѣль, ступнула лбомъ, а кошка, вмѣсто неуклюжаго внигобда, поймала ошибкой ксендза Стодольскаго и обѣими руками обхватила его за талию, какъ разъ въ то время, когда онъ и обѣ барышни усердно шлепали другъ друга по рукамъ.

Играли и въ прятки; и тутъ также или барыни и барышни ловили удиравшаго ксендза, или онъ ихъ.

Тѣмъ временемъ Замецкій вполголоса разговаривалъ съ Еленой, а панъ Альфредъ Згожельскій жаловался на головную боль и вообще былъ очень не въ духѣ.

Наконецъ, сердце пани Тшетенякевичовой почувало жалобный взоръ Жулти; она забрала мѣшокъ съ гостинцами, барышень, ксендза Зигмунта и пана Криспина, и въ сопровожденіи всей компаніи, отправилась во свояси, сговорившись предварительно съ паней Подвальской придти завтра въ соборъ къ тихой обѣдни и сообщить о здоровьѣ Жулти. Маэстро, его адъютантъ и лирикъ «Ежедневнаго Обзорѣнія» двинулись, вслѣдъ за ними, прямо въ цукерню на пуншикъ; а панъ Замецкій

вернулся въ ту самую гостиницу, въ которой жилъ уже двѣ недѣли, со дня прибытія въ городъ.

Достопамятный вечеръ сей закончился нѣсколькими знаменательными сценками; хотя по внутреннему смыслу онѣ далеко забѣгаютъ впередъ, тѣмъ не менѣе, для сохраненія хронологическаго порядка, приходится вратцѣ передать ихъ содержаніе.

— Замѣтили-ли вы, что Ламецкій ухаживаетъ за Еленой и что Альфредъ сильно пораженъ этимъ? спрашивала поэтеса, по французски, свою подругу, когда обѣ онѣ скрылись подъ материнскимъ кровомъ пани Тшетешакевичовой.

— Еще-бы, вѣдь у Ламецкаго тридцать тысячъ флориновъ годоваго дохода.

— Но Альфредъ такъ хорошъ.

— Да, но онъ весь въ долгу, отвѣчала исполнительница Шопена.

— Все-таки я скорѣе полюбила-бы его, возразила поэтеса.

— Замолчите, mesdemoiselles, и ложитесь спать, прикрыкнула пани Тшетешакевичова, сразу прервавъ интересный споръ.

Въ цукернѣ разговаривали на ту же тему. Адъютантъ великаго маэстро, тщательно взглянувъ въ его лицъ, вынесъ убѣжденіе, что можетъ сказать что-нибудь, а потому дерзнулъ намегнуть на досаду Альфреда.

— Что-жъ, онъ правъ, сказалъ маэстро:—толстый шляхтичъ перебьетъ невѣсту.

— А по моему, отвѣчалъ адъютантъ,—не о чемъ горевать. Приданое не ахтигельское; тысячь двадцать, а то и меньше. Потому-то Альфредъ и колеблется вѣроятно сдѣлать рѣшительный приступъ.

— Какъ такъ? смѣялся поэтъ,—рѣшительный приступъ? Оба они дѣйствовали рѣшительнѣе, чѣмъ послѣ свадьбы! Я описалъ этотъ казусъ въ стихахъ, нечепатныхъ, конечно.

— Что, стихи? говорите стихи! торопилъ великій маэстро, причемъ глаза его свѣтились блескомъ гастронома, внезапно узрѣвшаго двѣ дюжины свѣженъеихъ устриць и бутылку шабли.

Поэтъ не заставилъ просить себя и наши идеалисты, фортепьянисты и рифмоплеты, взапуски стали восхищаться далеко недвусмысленными картинами поэтическаго жанра; эстетическое достоинство стиховъ было, впрочемъ, нѣсколько сомнительно.

Тѣмъ временемъ церковный идеалистъ прощался у дверей своего дома съ идеалистомъ исторіи и кончилъ разговоръ поучительной фразой:

— Подвальская бармышка ничего себѣ... отъ души желаю ей подцѣпить для дочери такого гуся. Трудненько только послѣ скандала съ Альфредомъ: всѣ знаютъ. Да и шляхтичъ-то материалистъ до мозгу костей, а приданнаго-то вѣдь нѣтъ.

Историкъ измѣриль проницательнымъ взглядомъ пространство и исчезъ.

Самый же предметъ разговора, Замецкій, пройдясь раза два по номеру, остановился съ трубкой въ зубахъ передъ столомъ, на которомъ лежала чья-то фотографія. Долго, долго глядѣлъ онъ на нее, потомъ взялъ и прижалъ къ губамъ. Случайно, возвращая карточку на старое мѣсто, взоръ его упалъ на зеркало; гладкая поверхность стекла отразила морщинистое лицо и полусѣдые усы и волоса. Замецкій задумался; грустная тѣнь пробѣжала по его лицу.

— Тьфу, плюнулъ онъ, — недаромъ говорятъ, что въ старой печкѣ дьяволъ топить ¹⁾. А почему знать? Зачѣмъ смотрѣла она на меня, зачѣмъ признавалась? Поговорю завтра съ Карломъ.

Вслѣдъ затѣмъ панъ Тадеушъ улегся, но долго не могъ заснуть; черные, съ длинными рѣсницами, глаза прогоняли его сонъ.

Панъ Альфредъ также не спалъ до утра; клубная партія протянулась до разсвѣта.

Майское солнце смотрѣло съ порядочной уже высоты на земныя радости и печали, когда панъ Альфредъ попрощался, на пути домой, съ двумя пріятелями, уносившими каждый не только частичку его сердечныхъ привязанностей, но и все содержимое его кошелька. Безжизненные останки этого вѣрнаго спутника сладкой и горькой судьбины одни повеились въ карманѣ Альфреда.

Герой нашъ осмотрѣлся по сторонамъ; критическимъ окомъ окинулъ онъ свой туалетъ, оправился и скорымъ шагомъ пустился по направленію къ той части города, которая, вазалось бы, наименѣе соответствовала изящной внѣшности молодаго чловека. Потянулись грязные, темные, вонючіе переулки. Чловекъ сколько-нибудь сносно одѣтый былъ здѣсь рѣдкостью; встрѣчались только ободранцы-христіане, носившіе воду или инымъ образомъ попавшіе въ кабалу къ не менѣе ободранымъ жидовскимъ пролетаріямъ. По временамъ попадались на встрѣчу длиннополды, пейсатя личности; съ истинно восточнымъ ра-

¹⁾ Польская пословица.

нодушіемъ и невозмутимостью плелись они по грязной мостовой, бормоча еврейскія молитвы. Дальше они стояли цѣлыми кучками, гнуса и жестикулируя, или распозаясь по сторонамъ каждый за своимъ дѣломъ; что ни шагъ, то мелочная лавочка; что ни уголь, то кабакъ. Притоны отворялись, провѣтривались и то тутъ, то тамъ выталеивали изъ нихъ въ зашеи ободраннаго, заспаннаго бродягу.

Кто не былъ въ Польшѣ или на востокъ, тотъ не пойметъ, какъ могутъ жить люди въ подобной атмосферѣ; не разъ задумался бы онъ отвѣтить на вопросъ, какія твари пожираютъ кучи разныхъ припасовъ, отравлявшихъ воздухъ своими испареніями.

У пана Альфреда не было ни времени, ни охоты дѣлать какія бы-то ни было умозаключенія; онъ привычнымъ шагомъ завернулъ изъ грязнаго переулка въ еще болѣе, по возможности, грязный завоулокъ и остановился передъ каменнымъ домомъ, представлявшимъ истое чудо строительнаго искусства. Стѣны дома такъ обвѣтривались, такъ потрескались, были такъ зачinenны и заштопаны, что даже знатокъ дѣла не могъ бы сказать на основаніи какого закона механики не развалилась еще эта трехэтажная развалина.

Дверей на улицу давно уже не было; видѣлась только темная пасть, въ глубинѣ которой можно было предположить существованіе лѣстницы. Панъ Альфредъ, взглянулъ на номеръ дома и смѣло войдя въ сѣни, ошупью пробрался къ лѣстницѣ. Случай помогъ ему; лѣстница вдругъ затрещала подъ тяжестью старой тщедушной служанки; покачиваясь отъ лишней чарки, медленно сходила она съ пустыми ведрами. Пустыя ведра — дурной знакъ, но все-таки благодаря имъ, Альфредъ по слуху прошелъ тамъ, гдѣ глаза были совсѣмъ излишни. Оттолкнувъ старуху, онъ схватился за перила и съ трудомъ сталъ взбираться наверхъ, упустивъ изъ виду, что замысловатая постройка дома могла не выдержать лишняго человѣка. Судя по времени восхожденія, можно было принять домъ за пятиэтажный, но панъ Альфредъ съ похвальнымъ усердіемъ взобрался подъ самую крышу и очутился въ квартирѣ своего министра финансовъ, пана Арона Гольдштейна.

У дверей нашло на него какъ будто раздумье; на встрѣчу пахнула такая азотисто-углеродисто-сѣрнистая атмосфера, безъ всякаго признака кислородныхъ частицъ, что казалось невозможнымъ войти; а все же, въ чаду этихъ міазмовъ, на кучахъ поломанной рухляди, подъ цѣлымъ ворохомъ перинъ и немь-

таго бѣлья, въ живописной обстановкѣ битой посуды и безносовыхъ горшковь, ворочались и копошились пятеро молодыхъ Гольдштейновъ, сама пани Гольдштейнова, дочь и зятья ея, да еще трое поросятъ, принадлежавшихъ уже къ третьему поколѣнью того же семейства.

Увидѣвъ, что вертепъ обитаемъ, панъ Альфредъ смѣло вошелъ въ него, не стѣсняясь утреннимъ туалетомъ пани Гольдштейнъ. Вся церемонія туалета была, впрочемъ, весьма несложная: нѣсколько подергиваній плечами и ногами, вызываемыя обыкновенно зудомъ, а потомъ ея ноги сами собою вѣхали въ просторныя чоботы, стопанныя совсѣмъ по ногѣ, такъ что чловѣкъ не особенно брюзгливый, могъ принять ихъ за туфли.

— Съ добрымъ утромъ, пани Гольдштейнъ! Вы сегодня прелестны! Цвѣтете какъ роза! самымъ вкрадчивымъ голосомъ началъ панъ Альфредъ.—А что дѣти? Здоровы?

— Ну? Зачѣмъ нездоровы? спросила дочь Сары, Ревекки и Рахили; появленіе пана Альфреда вовсе не смутило ее и она преспокойно продолжала заниматься подозрительными тѣлодвиженіями, напоминавшими отчасти шведскую комнатную гимнастику.

— А гдѣ вашъ мужъ?

— А гдѣ мужъ? Мужъ въ школѣ ¹⁾, отвѣчала пани Гольдштейнова и, безъ лишней поспѣшности, систематично и покойно стала разливать молоко изъ большаго горшка въ меньшіе.

— Суре! Суре!! прибавила она,—*haste precedzet de mylych?* ²⁾

— *Sy nysz gowejn ka szmate* ³⁾, отозвался изъ подъ перины заспанный, гортанный и далеко несвѣжій и серебристый голосокъ.

И такъ, начало похода было далеко неудачно; проигратъся, не выспаться, нуждаться въ деньгахъ, искать фактора у самаго очага его, и вмѣсто денегъ, присутствовать при поискахъ «шматы» и другихъ утреннихъ занятіяхъ семейства Гольдштейновъ, все это свело бы съ ума даже святаго. Но панъ Альфредъ не думалъ сердиться; вѣжливо попрощавшись съ хозяйкою, онъ осторожно спустился по скрипѣвшей лѣстницѣ, вышелъ на улицу и направился «къ школѣ».

¹⁾ Въ синагогѣ.

²⁾ Суре, Суре! хасты прецедзеть де мылыхъ?—Прощадила ты молоко?

³⁾ Сы ныштъ гвейнъ ка шматы!—Не было тряпки. Нѣмецко-польско-яидовскій жаргонъ.

Панъ Гольдштейнъ былъ, очевидно, такой же ревностный приверженецъ своей религіи, какъ и пани Подвальская. Бѣдному Альфреду пришлось прождать съ полчаса, и тогда только увидѣлъ онъ наперстника всѣхъ своихъ бѣдъ, вespѣшно выходящаго изъ «школы»; замѣтивъ Альфреда, онъ самъ подошелъ къ нему.

Не повторяю сути краткаго разговора пріятелей, такъ какъ въ принципѣ я не люблю входить въ мелкія дразги моихъ героевъ, если дразги эти не касаются нити разсказа. Скажу только, что минуто спустя, панъ Альфредъ крупными шагами направлялся домой, куда, вслѣдъ за нимъ, долженъ былъ явиться и Аронъ Гольдштейнъ, чтобы покончить начатыя подъ синагогою переговоры.

Прошло половина осьмаго; проходя черезъ городской садъ, панъ Альфредъ встрѣтилъ пани Тшетещакевичову, которая съ воспитанницами своими возвращалась, очевидно, изъ церкви, потому что, кромѣ стакановъ и бутылокъ съ минеральною водою, у всѣхъ трехъ были въ рукахъ молитвенники.

— Пользуетесь, какъ вижу, прекраснымъ утромъ, спросилъ, поздоровавшись, панъ Альфредъ.

— И я, и Вандя, пьемъ воды; но мы зимою и лѣтомъ ходимъ къ ранней обѣдни въ костель отцовъ іезуитовъ. *C'est sublime!* Вы не поймете, какъ поучительно и съ какимъ вдохновеніемъ служить отецъ Игнатій! Онъ такъ подрѣвляетъ мои душевныя силы, такъ возноситъ сердце мое къ Богу, что... je ne saurais vous l'exprimer! Жаль, что вы не бываете у ранней обѣдни.

— Бываю! Я иду изъ костела, отъ отцовъ кармелитовъ. Тамъ меньше давки, меньше... развлеченія. Хотя, вполне съ вами согласенъ, у іезуитовъ торжественнѣй, громче!

— О, я вѣдь знаю! у всѣхъ мушинъ—*des préjugés* противъ іезуитовъ; хотя вы и лучше другихъ... *Les Cathes!* И тамъ хорошо. Только обѣдня тамъ очень ранняя; въ пять кажется? спросила пани Тшетещакевичова; испытующимъ окомъ глядя на Альфреда.

— Да, но кромѣ той, еще есть обѣдня въ половинѣ седьмаго; я хожу къ этой обѣднѣ, отвѣчалъ панъ Альфредъ,—но я не прямо изъ церкви. Выходя, меня такъ и тянуло взглянуть поближе на нашъ бѣдный народъ; съ какимъ благоговѣніемъ, съ какою вѣрою идетъ онъ къ своей святинѣ. Сколько выносить онъ истиннаго чувства. Особенно растрогала меня одна старушка, лѣтъ подлѣ семьдесятъ, подслѣповатая. Съ огромною

корзиною въ рюфѣ, съ трудомъ поднималась она на паперть и безъ моей помощи навѣрно бы упала. Я разговорился съ нею. Какая простота, какая глубокая, неподдѣльная набожность! Бѣдная сказала, что дома у нея двое больныхъ внучать; помочь она имъ не можетъ, а потому ищетъ и находитъ облегченіе въ горячей молитвѣ. Vous pensez bien, что я отдалъ ей все, что имѣлъ...

Тутъ панъ Альфредъ, будто урядкою, смахнулъ двѣ слезы умиленія, вызванныя аналогичнымъ съ лѣстницею Арона Гольдштейна воспоминаніемъ.

— *Toujours généreux, toujours bon et charitable!* восторженно ахнула пани Тшетешакевичова, и три пары прелестныхъ глазокъ уставились въ прекрасные темноглазые глаза и русую бородку и усы пана Альфреда.

— Благодареніе Господу и Пречистой Матери Его! Не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ! О, вы не повѣрите, съ какимъ содроганіемъ думаю я о томъ Замецкомъ, завсегдатаѣ пани Подвальской! Человѣкъ этотъ—чудовище! Что слово—то кощунство, ничему не вѣрять, надо всѣмъ смѣется! *Et puis, il est si commun!* Безъ поэзіи, безъ благородныхъ инстинктовъ, даже безъ образованія. Удивляюсь Подвальской! На порогъ бы его не пустила.

— *Est il possible?* робко спросила одна изъ барышень,—говорятъ, Замецкій очень ухаживаетъ за Еленой?

— *On dit!* пожимая плечами, утрированно-равнодушно сказалъ Альфредъ.

Барышни толкнулись локтями и переглянулись.

— Что вы, помилуйте, какой вздоръ! чуть не кривнула пани Тшетешакевичова. — Елена—ангелъ, идеальнѣйшее существо! Скажу больше: она такъ экзальтирована, что, иной разъ, меня просто злость беретъ! Не разъ совѣтовала я пани Подвальской научить дочь смотрѣть на свѣтъ и людей съ разумной, практической точки зрѣнія. Не понимаю, какъ можно сопоставлять Елену и... Замецкаго! *Ce serait une horreur!*

— *Mais, chère tante,* замѣтила молодая декламаторша,—вѣдь мы говорили о намѣреніяхъ Замецкаго, а не о Еленѣ.

— Да, да! Собственно я хотѣла сказать, что вовсе не вѣрю въ намѣренія Замецкаго. Матеріалистъ, какъ онъ, для котораго деньги—и Богъ, и святыня—*Grand Dieu, pardonnez moi ce blasphème!*—не женится безъ приданого; а у Елены не Богъ знаетъ сколько! Замецкій... правда, у него есть кой-что, такъ что, глядя на дѣло съ практической точки зрѣнія...

Но въ эту минуту «практическая точка зрѣнія» близехонько подошла къ нашей группѣ въ лицѣ пана Арона Гольдштейна, посланшаго Альфреду многозначительный взглядъ. Тотъ торопливо попрощался съ дамами, оставивъ ихъ въ полнѣйшемъ убѣжденіи, что разговоръ задѣлъ его за живое, а потому... Но я, скромный лѣтописецъ правдивыхъ событій, долженъ высказать личное мое предположеніе, что появленіе Гольдштейна растравило другую, болѣе тяжелую рану, которую панъ Альфредъ собственноручно нанесъ себѣ, отдавъ «старушкѣ подъ Кармелитскимъ востеломъ» всю бывшую при немъ наличность.

Пани Тшетещакевичова и двѣ ея воспитанницы неутомимо продолжали еще комментировать слова пана Альфреда, когда внезапно повстрѣчался имъ самъ Замецкій, торопившійся, какъ видно, переговорить съ тѣмъ «Карломъ», о которомъ онъ вспомнилъ на сонъ грядущій.

Старшая воспитанница, сдѣлавшая очень вѣрное замѣчаніе, что у Замецкаго больше доходу, чѣмъ у Альфреда долговъ, невольно обратила теперь вниманіе на то, что на улицѣ онъ гораздо презентабельнѣе, чѣмъ въ гостиной. Онъ былъ даже вовсе не такъ старъ, напротивъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, представительный, съ приятнымъ лицомъ. За то младшая, назвавшая пани Тшетещакевичову «chère tante», съ ужасомъ глядѣла на воплощеннаго антихриста. Сердце ея разрывалось отъ мысли, что Елену принесутъ ему въ жертву; но предательское чувство шептало ей въ тоже время, что если антихристъ похититъ Елену, то некому ужъ будетъ похитить душу, милашку Альфреда.

Панъ Замецкій былъ человекъ стараго закала, т. е. необыкновенно-предупредительно вѣжливо съ дамами; въ молодомъ поколѣніи такіе люди рѣдкость. Пани Тшетещакевичова также равсыпалась въ любезностяхъ; во первыхъ, по привычкѣ, а во вторыхъ, потому, что враговъ вѣры надо побѣждать оружіемъ еротости.

Я самъ, благодаря какому-то грустному недоразумѣнію, считался когда-то врагомъ вѣры и нѣкоторыхъ монастырей, и мнѣ пришлось вкусить меду евангельскаго незлобія: отцы-іезуиты письменно поздравили меня съ новымъ годомъ и просили «не оставлять ихъ моимъ вниманіемъ».

Хотя монастырскій медъ былъ не безъ желчи: мнѣ тонко намекнули, что, независимо отъ любви или нелюбви моея, отцы-іезуиты живутъ, и здравствуютъ, и веселятся душою и тѣломъ, все же мнѣ польстило «вниманіе» къ моея ничтожной особѣ.

Пани Тшетещакевичова перещеголяла даже іезуитовъ: въ ея

медѣ не было ни капли желчи. Вступивъ съ Замецкимъ въ оживленныя словопренія, она, между прочимъ, упрекнула его, что онъ не сдѣлалъ ей чести и не былъ съ визитомъ, а для вящей убѣдительности, точно вскользь, намекнула, что Елена, частенько, забѣгаетъ въ ней около часу.

Занимая Замецкаго пріятными разговорами, пани Тшетещавичова, по крайней мѣрѣ, четверть часа водила по бульвару и его, и своихъ воспитанницъ, ни разу не вспомянувъ пріятномъ ни отцовъ-іезуитовъ, ни ксендза Зигмунта Стодольскаго, ни Жултю, ни отца Игнатія. Высоко нравственная матрона, очевидно, жертвовала собою для какихъ-то высшихъ, совершенно недоступныхъ пониманію младшей воспитанницы цѣлей; мы вѣдь знаемъ, что пани Тшетещавичова, въ глубинѣ души своей, чувствовала неопределимое отвращеніе ко всему «отъ міра сего», а тѣмъ болѣе къ Замецкому, «человѣку безъ поэзіи, безъ благородныхъ инстинктовъ и даже безъ образованія», а между тѣмъ, старалась, елико возможно, попасть ему въ тонъ. Старшая воспитанница, панна Цецилія, та, которая, по примѣру своей патройши¹⁾, рѣвностно занималась наименѣ осязаемымъ изъ всѣхъ изящныхъ искусствъ—музыкою, и играла въ концертѣ съ великимъ маэстро въ четыре руки, по мѣрѣ силъ и возможности помогала теткѣ занимать «матеріалиста» наиболѣе реальнымъ разговоромъ.

Разговоръ вращался, главнымъ образомъ, на Еленѣ Подвальской; восхваляли ея внутреннія и внѣшнія прелести, экзальтированное направленіе мыслей, преклоненіе передъ литературою, искусствомъ, а особенно религіею, беззапятную преданность ксендзу Зигмунту Стодольскому; рассказывали чудеса о ея постахъ и экстазахъ, приплетая сюда почему-то салонныя и несалонныя добродѣтели; жалѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ, что такая милая, добрая, образованная и въ высшей степени достойная барышня не можетъ сдѣлать «хорошей партіи», потому что у нея только двадцать тысячъ, не говоря уже о томъ, что она десятью годами старше панни Цециліи и одиннадцатью—панни Ванды.

Въ результатѣ Замецкій непремѣнно долженъ былъ распрощаться съ Тшетещавичовой въ полной увѣренности, во первыхъ, что у Елены имѣются всѣ задатки для дома умалишенныхъ;

¹⁾ См. Цецилія, покровительница музыки.

и во вторыхъ, что она уже старая дѣва, почти сходить со сцены, безприданница и ловить богатаго мужа.

Панъ Замецкій слушалъ очень внимательно, самъ ничего не говорилъ, былъ, казалось, радъ встрѣчѣ съ паней Тщетецакевичовой и на прощанье общалъ ей быть съ визитомъ сегодня или завтра около часу по-полудни, на что та опять и опять повторяла ему, что сочтеть за великую честь и т. д., и т. д. Человѣкъ свѣтскій пойметъ безъ труда, что пани Тщетецакевичова соблюдала только свѣтскія приличія, въ душѣ же по прежнему отиреживалась отъ близкаго знакомства съ кощунственнымъ антихристомъ; но панна Вандя ¹⁾ этого не поняла; семнадцатилѣтняя наивность ломала себѣ голову, съ какой стати «*chère tante*» зазываетъ Замецкаго, такого прозаика, слѣпленнаго «изъ необсушенной въ лучахъ духовнаго солнца и несмоченной эфирной росой глины», какъ выразился о немъ юный поэтъ «Ежедневнаго обозрѣнія»; а онъ, поэтъ, въ сравненіи съ прочими двуногими твореніями всемогущества Божія, былъ въ глазахъ Ванди севрской чашкой въ ряду черныхъ коломыйскихъ горшковъ. Даже дома, когда въ двѣнадцать часовъ тета велѣла ей одѣть лиловое платье, и какъ-то особенно зачесать волосы, бѣдная Вандя не могла понять зачѣмъ ее усадили въ гостиной съ книжкой изрѣченій Цегельскаго, а Цецилію послали въ третью комнату преодолевать непреодолимыя трудности совместной игры на девяносто клавишахъ только десятью пальцами. Я человѣкъ немусыкальный, но мнѣ кажется, что объ этотъ камень разбивались геніальнѣйшія усилія извѣстныхъ и извѣстнѣйшихъ исполнителей, и наука тогда только скажетъ послѣднее слово свое, когда, въ несказанной радости нашего слуха, разрѣшится «девяносто-десятизвучный» вопросъ.

Пока панна Цецилія то галопомъ, то черепашнымъ шагомъ странствовала по нотамъ отъ баса до дисканта и назадъ, а панна Вандя страничку за страничкой перелистывала книжку Цегельскаго, сама пани Тщетецакевичова, усѣвшись подъ окномъ, наблюдала за горничной, которой поручила на минутку своего Жултю, пославъ ее погулять съ нимъ взадъ и впередъ по тротуару, и строго-на-строго приказавъ беречь его отъ сильныхъ ощущеній. Панъ Замецкій, тѣмъ временемъ, избралъ себѣ еще болѣе скучный удѣлъ: уже немало времени простоялъ онъ у дверей квартиры, помѣщавшейся во дворѣ, въ нижнемъ этажѣ

¹⁾ Вандя—уменьшительное отъ Ванда.

огромнаго, занятаго безконечнымъ множествомъ жильцовъ дома. Въ дверяхъ не было ни звонка, ни ручки; не за что было ни звонить, ни дергать, а потому надежды на впускъ было мало. Панъ Замецкій стучалъ кулакомъ, то легонько, то сильно, то въ окно, то въ двери; пытался даже заглянуть въ квартиру, пожималъ плечами, опять и опять принимался стучать и кричалъ «Карль, Карль!» такъ громко, что проснулся бы даже мнимомъ умершій. Испытавши всѣ средства, онъ начиналъ опять сначала, т. е. стучалъ, кричалъ, глядѣлъ и т. д. и т. д.

Человѣкъ посторонній несомнѣнно пришелъ бы къ заключенію, что тотъ «Карль», котораго такъ упорно призывалъ панъ Замецкій, вѣроятно померъ, давно уже въ могилѣ и визитовъ не принимаетъ; возможны, конечно, были еще другія предположенія, тѣмъ болѣе, что панъ Замецкій, послѣ каждаго путешествія къ окну, принимался стучать еще сильнѣе и то и дѣло прислушивался къ щелкѣ, случайно замѣченной имъ въ дверяхъ. Дѣйствительно надо было обладать особенно чуткимъ ухомъ, чтобы даже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ двери слышать мѣрный, забористый храпъ. По самому храпу легко было заключить, что ни сверные сны, ни совѣсть не мучили мирно и сладко спавшаго сибарита, между тѣмъ, какъ вругомъ выпѣла жизнь, а майское солнце стояло почти въ зенитѣ.

Наконецъ, гдѣ-то подъ лѣстницей скрипнула дверь. Замецкій оглянулся; на встрѣчу ему высунулась женская голова.

— Вѣдь здѣсь живетъ Карль Скрыптовичъ? воскликнула Замецкій, обрадовавшись пробужденію соннаго царства.

— Здѣсь.... но его нѣтъ дома.... онъ вышелъ.... отвѣчала, заикаясь и очень неувѣреннымъ голосомъ, дама. Замецкій засмѣялся; беспокойство и сконфуженный видъ собесѣдницы развеселили его.

— Будьте такъ добры, впустите, сказалъ онъ;—вѣдь я знаю, что мужъ вашъ спитъ, я видѣлъ въ окно; у меня къ нему дѣло.

— Ахъ! панъ Замецкій! узнала дама:—прошу васъ, извините мужа, онъ такъ усталъ!

— Когда-же онъ легъ?

— О, недавно... постойте, сегодня пятница? Да, онъ легъ въ среду вечеромъ и не велѣлъ будить себя.

— Ну, значить онъ успѣлъ вздремнуть! Позвольте разбудить? Не говорилъ же онъ вамъ, что хочетъ проспаться конецъ девятнадцатаго и начало двадцатаго столѣтія?

Пани Скрыптовичова видимо затруднялась отвѣтить; она

впустила его въ гостиную, но все еще сильно сомнѣвалась, можно ли послѣ сорокачасоваго сна позволить разбудить мужа безъ вреда для его здоровья.

— Онъ много работаетъ.... такъ сильно напрягаетъ силы; у него разболится голова, пусть отдохнетъ.

— Бѣдняжка! Нечего дѣлать, придется будить его на свой страхъ!

И не смотря на сильную оппозицію пани Скрыптовичовой, панъ Тадеушъ дѣйствительно исполнилъ угрозу; онъ ворвался въ комнату Карла и громко, надъ самымъ ухомъ, сталъ выкрикивать ему о прелестяхъ весенняго дня и другихъ жизнедѣятельныхъ удовольствіяхъ. Ничто не помогало. Тогда панъ Тадеушъ схватилъ друга и пріятеля своего за плечо, поднялъ и однимъ махомъ посадилъ его на постели, сбросивъ при этомъ огромную, налѣзшую на глаза нѣмецкую ермолку.

— Ну, какъ здоровы, дружище? соннымъ голосомъ буркнулъ панъ Карлъ и, тутъ же, съ новымъ храпомъ перевалился лицомъ къ стѣнѣ.

— А, чтобъ тебя! въ отчаяніи крикнулъ Замецкій, осматриваясь кругомъ, точно ища поддержки.—Отцы родные! прибавилъ онъ, подходя къ столу:—письмо мое нераспечатано съ марта мѣсяца! Карлушка, Карлушка!

— Что? письмо? да, письмо!... Я зналъ, что ты пишешь.

— Откуда? какъ? Я писалъ во первыхъ, что билетъ нашъ выигралъ 20,000 гульденовъ и что банкъ выплатитъ тебѣ твою долю.

— Ну и пусть себѣ платитъ, мнѣ что? Храбѣнне опять перешло въ *andante maestoso*.

— Потомъ я писалъ, что хочу жениться.

— Жениться? Женись, женись, Тада! ¹⁾, хорошее дѣло.

— И на комъ... спрашивалъ совѣта... прибавлялъ, что до женитьбы хочу....

— Ну да... хочешь получить разрѣшеніе...

— Проснешься ли ты, тетеря! Разрѣшеніе! Не разрѣшеніе, а дочь! Просилъ тебя помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ.

— Что, дочь?! вздрогнулъ Скрыптовичъ, добровольно открывъ глаза и мигомъ сѣвъ на постелѣ,—гдѣ я возьму тебѣ дочь?

— А письмо? распечаталъ бы да прочелъ! Ей-ей можно исходить свѣтъ и не подобрать тебѣ пары!

¹⁾ Уменьшительное отъ Тадеушъ.

Панъ Скрыптовичъ покраснѣлъ и, молча схвативъ письмо, сталъ усердно вникать въ его смыслъ; шесть недѣль пролежало оно на столѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ предыдущей главѣ я не кончилъ отчета о переговорахъ господъ Скрыптовича и Замецкаго изъ боязни преждевременно разочаровать читателя также, какъ разочаровался бѣдный панъ Тадеушъ; разговоръ такъ ничѣмъ и не кончился; панъ Скрыптовичъ былъ еще слишкомъ уставши, не могъ понять смыслъ письма, а тѣмъ менѣе высказать какое бы то ни было мнѣніе. Не смотря на просьбы и мольбы Замецкаго, онъ объявилъ наотрѣзъ, что головная боль не даетъ ему ни думать, ни жить, а потому ранѣе шести часовъ ни физическая, ни нравственная сила не могутъ заставить его сдѣлать надъ собой какое бы то ни было усиліе.

Панъ Тадеушъ не зналъ, сердиться ли ему или смѣяться, но въ концѣ концовъ, зная подобную замашку Карла, помирился съ судьбою, заручившись предварительно клятвеннымъ обѣщаніемъ, что часовъ около восьми Скрыптовичъ придетъ въ условную ресторацію, гдѣ они вмѣстѣ поужинаютъ, напьются пива и подумаютъ что дѣлать.

Благодаря такому обороту дѣла, панна Цецилія ненапрасно терзала своими гаммами уши всѣхъ сосѣдей, а панна Ванда не даромъ упивалась въ книжкѣ Цегельскаго прелестями польскихъ стиховъ; панъ Замецкій, не зная что дѣлать, отправился къ пани Тшетешакевичовой и на самомъ порогѣ невольно убѣдился, что домъ, гдѣ процвѣтаетъ поэзія, гораздо сноснѣе мѣстопробыванія любителей и любительницъ фортепьянной игры. Пани Тшетешакевичова тоже, казалось, вполне раздѣляла его мнѣніе, потому что не преминула признаться, какъ она рада, что Ванда, ея племянница, не сочувствуетъ пристрастію «Цеси».¹⁾ и «Елены» къ музыкѣ; если играть — такъ хорошо, а то лучше вовсе не играть: несносное бречанье раздражаетъ нервы. Поэтому она сейчасъ же послала Вандю велѣть Цесѣ бросить несносные этюды, а сама стала приходять въ восторгъ отъ пле-

¹⁾ Уменьшительное отъ Цецилія.

мянницы, расхваливать ее наивность, покорность, мягкость характера: точно воскъ, такъ и мнется, такъ и поддается. Правда, Вандя не прочь поидеальничать, но что дѣлать... въ ея лѣтахъ... впрочемъ, все это пройдетъ и по нѣкоторымъ даннымъ Вандя будетъ превосходной хозяйкой. Жена она также будетъ прекрасная; пока о томъ, конечно, нечего и думать.... да Вандя не скоро и выйдетъ; у нея нѣтъ приданого, а кто захочетъ взять безприданницу?

Она даже призналась Замецкому, какъ ей неприятно вводить племянницу въ дома, гдѣ есть богатая нсвѣсты, привышія къ роскоши и транжирству. Охъ! ужъ эта дружба съ Подвальскими! А нельзя. Она и Подвальская—подруги дѣтства. Подвальская—дама въ высшей степени почтенная; пересаливаетъ немного въ дѣлѣ религіи, но, съ другой стороны, у нея было столько горя, особенно съ дочерью... Елена такъ вѣдь премилая, а надо сознаться, что съ матерью она ведетъ себя далеко непохвально: капризна, брюзглива, сорить деньгами. А старуха ни въ чемъ не отказываетъ: вѣдь единственная дочь. О! всѣ «зеницы ока» всегда избалованны! Счастье для Ванди, что она сирота. И ее бы избаловали. Но она, Тщетецакевичова, не смотря на всю любовь и привязанность, держитъ племянницу въ ежовыхъ рукавицахъ; захотѣла бы Подвальская, такъ и Елена заплѣла-бы другую плѣсню! А тои домъ и имѣнье въ долгахъ; кредита нѣтъ. Впрочемъ, Богъ съ ними, съ деньгами! Бѣда въ томъ, что Елена такого легкаго поведенія! Хотя она, Тщетецакевичова, и не любитъ повторять людскихъ басенъ, да сплетенъ, но чужаго языка не прикусишь. Тѣмъ болѣе, что нѣкоторые факты на лицо: Елена дѣйствительно слишкомъ подолгу брала уроки у великаго маэстро, и всегда вечеромъ, часа по два, а мать не впускала въ комнату! Бросила музыку—приспичила литература, и вмѣсто маэстро чуть не денно и ношно торчалъ у Подвальскихъ нанъ Криспинъ. Конечно, люди видятъ, говорятъ, прибавляютъ; свѣтъ такъ испорченъ, клевета—это хлѣбъ насущный. Но... ужъ что касается пана Альфреда—свѣтъ тутъ не причемъ! Странныя отношенія ихъ продолжаютъ слишкомъ семь лѣтъ и нани Подвальская сама, со слезами на глазахъ, рассказывала о страшныхъ послѣдствіяхъ. Но ни уговоры, ни разумныя представленія—ничто не помогаетъ, и Елена отказывается и выйти замужъ за Альфреда, и порвать съ нимъ. Если Елена будетъ упорствовать, нани Подвальская не выдержитъ, религіозныя и нравственныя мученія вгонять ее въ могилу. А потому непре-

мѣнно слѣдовало бы положить конецъ такому явному поруганію законовъ человѣческихъ и Божескихъ....

Но Елена себя на умѣ: уперлась выйти за богатаго и выйдеть, ей-ей! Дураковъ не занимать-стать, сами редятся! Да вотъ хоть бы въ посту, частенько бывала у Подвальскихъ одинъ выкрестъ изъ жидовъ, панъ Вейнштейнъ, богатъ; панъ Замецкій, вѣроятно, встрѣчалъ его? Грѣхъ и повторять что говорили объ этихъ посѣщеніяхъ! Но, какъ-бы то ни было, принимая вниманіе безнадежное положеніе финансовъ пани Подвальской, Еленѣ не слѣдовало бы сдѣваться съ такою роскошью, что....

Вся фигура Замецкаго давно уже была олицетвореніемъ скрытаго негодованія; пани Тшетенцакевичова видѣла, что онъ съ трудомъ воздерживается отъ вспышки, но такъ дурно поняла его чувства, что только съ бѣлымъ усердіемъ продолжала заниматься репутаціею панны Елены.

— Сударыня, перебилъ Замецкій свою собесѣдницу: — это ужъ слишкомъ! Панъ Вейнштейнъ былъ у Подвальскихъ по дѣлу о займѣ, въ силу котораго все имѣніе ихъ перешло бы на цѣлый годъ въ его руки. Все это мнѣ достовѣрно извѣстно, потому что, только благодаря моему вмѣшательству, заемъ не состоялся. Какъ ни пріятно мнѣ бесѣдовать съ вами, но ноль панъ не позволяетъ мнѣ продолжить бесѣды поясненіемъ, почему я наслаждаюсь ею въ послѣдній разъ. Честь имѣю вѣнаться, вашъ покорный слуга!

И голосъ, и губы его дрожали отъ затаеннаго гнѣва; сверкая глазами, взявъ онъ шляпу, раскланялся самымъ церемоннымъ, вѣжливымъ и холоднымъ поклономъ и вышелъ при полномъ недоумѣніи самой хозяйки и обѣихъ ея барышень, которыя, какъ нарочно, вбѣжали въ минуту размолвки и, разинувъ рты, видѣли очевидный разрывъ дипломатическихъ сношеній. Я навѣрно заслужилъ бы названіе старой колотовки, если-бы вздумалъ подробно описывать, какъ пани Тшетенцакевичова, опомнившись, расплакалась; какъ она сорвала досаду на мужѣ и на Вандѣ; какъ съ бѣднымъ Жултей сдѣлались судороги и докторъ Чулицкій, пріѣхавъ второнякъ на извозикѣ, пустилъ ему кровь, а барынь его прописалъ Kali bromatumъ съ малиновымъ сокомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ пояснилъ что медицина, въ концѣ концовъ, въ отношеніи собакъ и животныхъ бессильна, потому что полное излеченіе можетъ дать только вѣра, а бѣдныя собачки, даже милый и умный Жултя, не вѣрують, потому что у нихъ нѣтъ души. Пани Тшетенцакевичова залилась слезами; она откровенно призналась, что мысль, будто у Жулти

нѣтъ души, для нея невыносима. Докторъ Чулицкій сослался тогда на св. писаніе, на святыхъ отцевъ и даже на авторитетъ самого Зигмунта Стодольскаго. Но наша матрона и тутъ не увѣровала; она вспомнила слова есендза, который сказалъ, что Богъ, по всемогуществу своему, можетъ и собакѣ дать душу. Докторъ Чулицкій возразилъ на это, что есендзъ Стодольскій — мужъ, исполненный благодати и свѣта истины, что онъ знаетъ больше, чѣмъ другіе, и что всякое слово его дышетъ правдою. Утвердивъ, такимъ образомъ, большую въ вѣрѣ, онъ излечилъ ее и уѣхалъ.

Многіе считаютъ пятницу несчастнымъ днемъ, и дѣйствительно, пятница эта была печальна почти для всѣхъ нашихъ знакомцевъ. Пану Замецкому не удалось переговорить съ Скрыптовичемъ; вмѣсто Скрыптовича онъ поговорилъ, и притомъ довольно неприятно, съ паней Тшетещакевичовой.

Скрыптовича разбудили не во время; заснуть онъ уже не могъ, а потому всталъ, одѣлъ халатъ и туфли и сталъ расхаживать по всей квартирѣ, безъ умолеу ворча на жену, зачѣмъ позволила разбудить его, зачѣмъ опоздала съ обѣдомъ и зачѣмъ держаетъ оправдываться въ своихъ тяжкихъ преступленіяхъ. Наконецъ, обѣдъ подали; онъ попробовалъ ложку супа и, не говоря ни слова, выбросилъ за окно и миску, и тарелку, и ложку, пошелъ на свою половину и съ грохотомъ захлопнулъ двери. Благовѣрная его заплакала и въ кухнѣ тотчасъ былъ созванъ военный совѣтъ для обсужденія всѣхъ недостатковъ супа. Глава дома, тѣмъ временемъ, одѣлся и вышелъ, объявивъ во всеуслышаніе, что идетъ обѣдать въ трактиръ, потому что ничуть не желаетъ питаться разсоломъ и углекислотою. Пани Скрыптовичова заключила поѣтому, что супъ пересоленъ и пахнетъ дымомъ, и слезъ полились у нея въ три ручья; а грозный повелитель на улицѣ простылъ, сталъ сердиться на самого себя, потомъ подумалъ, вернулся, попросилъ прощенія и даже, въ великой радости дражайшей половины, соблаговолилъ доѣсть остальной обѣдъ, гнѣваясь только между кушаньями, придираясь къ каждому жесту жены и дѣтей, къ каждой вещицѣ и каждому слову. Наконецъ, подеръживъ свои силы, онъ далъ нѣсколько категорическихъ приказаній и вышелъ обончательно въ относительно сносномъ расположеніи духа, обѣщавъ на прощанье поломать вухаркѣ всѣ кости, если она не будетъ покупать лучшаго мяса, и свернуть ей шею, если она не омычетъ лучшей сметаны.

Но хуже всего отозвалась пятница на патѣ Альфредѣ.

Аронъ Гольштейнъ напрасно обѣжалъ всѣхъ знакомыхъ капиталистовъ, ни одинъ изъ нихъ не захотѣлъ увеличить своего собранія автографовъ драгоценною подписью пана Згожельскаго, тѣмъ болѣе, что у каждаго она имѣлась въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Панъ Гольштейнъ увѣрялъ даже, что «поломалъ себѣ ноги», но, тѣмъ на менѣе, денегъ не досталъ; времена тяжелыя; у миліонеровъ, даже у тѣхъ нѣтъ и десятка ренскихъ ¹⁾; сколько ни тряси—ничего изъ нихъ не вытрясешь. Вотъ, если-бы подписалъ еще кто нибудь, ну, тогда можно найти, даже больше. На это панъ Альфредъ отвѣчалъ фактору, что, съ ручательствомъ, онъ получилъ бы деньги и въ банкѣ.

— А развѣ ты не знаешь, прибавилъ онъ, — что я скоро женюсь и заплачу всѣ долги; да они и такъ обезпечены Крухувкой.

— Да, но съ Крухувкой-то крухо ²⁾: во первыхъ, банку двадцать тысячъ; да на двадцать тысячъ росписокъ; а вся-то цѣна ей двадцать четыре.

— А ну ее совсѣмъ! Слушай, ты, если черезъ два часа не принесешь мнѣ тысячу ренскихъ,—видишь, револьверъ? Пуцу въ себя пулю, а ты иди въ Бердичевъ тѣ шестнадцать тысячъ, которыхъ не стоитъ Крухувка.

— Ай-вай! И зачѣмъ говорить такія вещи? Вотъ Пингасъ Розенблюмъ сейчасъ дастъ тысячу, пусть только панна Подвальская подпишетъ; дастъ и больше!

— Дуракъ! Развѣ я могу просить подписать барышню, за которой ухаживаю?

— Другіе не могутъ, а панъ можетъ; ужъ я знаю.

— Но я не хочу и не попрошу. При этихъ словахъ, Альфредъ два раза прошелся по комнатамъ, подумалъ и, вдругъ, смѣло взглянулъ въ глаза Арону.

Слушай, сказалъ онъ: — пойдеть Розенблюмъ спрашивать, ея-ли подпись?

— Ай-вай, я знаю, что панъ думаетъ! Это не можно; я не дѣлаю такихъ гешефтовъ! Я факторъ; у меня есть хорошія и дурныя подписи, а не такія...

И панъ Гольштейнъ внушительно показавъ, черезъ плечо, большихъ пальцемъ правой руки по направленію уголовного суда.

¹⁾ Ренскій—гульденъ.

²⁾ Игра словъ; к р у х о—значитъ, плохо, ненадежно, ломко. К р у х у в к а — имѣніе Згожельскаго.

Панъ Альфредъ вспылить за оскорбленіе и поступилъ съ Гольдштейномъ такъ, какъ обыкновенно поступаютъ съ жидомъ, отъ котораго не надѣются достать денегъ, т. е. вытолкалъ его вонъ. Процедура эта такъ измучила его, что онъ немедленно опустился въ кресло, полный самыхъ грустныхъ предчувствій; запустивъ руки въ карманы, панъ Альфредъ, въ нѣмой задумчивости, смотрѣлъ на закрытыя двери.

Не прошло и четверти часа, какъ послышался стукъ.

— Кто тамъ?

Двери слегка приотворились и на порогъ показалась совершенно равнозначущая Гольдштейну фигура, но красноволосая, шепелявая и сухая какъ щепка. Фигура таинственно вошла въ комнату, сняла шляпу, а потомъ, въ знакъ вѣщаго уваженія, и ермолеку, поклонилась и осторожно осмотрѣлась по сторонамъ.

— Тебѣ чего?

— Ясный пане ¹⁾, я Симхе Бергеръ. Я никакой факторъ, я самъ купецъ. И зачѣмъ имѣть дѣло съ факторами? Они жулики! Я думаю, что пану нужны деньги? Есть кто подпишетъ?

— Замени двери и подойди ближе.

Симхе Бергеръ выглянулъ предварительно въ коридоръ, замкнулъ двери и на цыпочкахъ, такъ неслышно подошелъ къ Альфреду, какъ будто малѣйшій шорохъ могъ помѣшать окончанію щекотливаго дѣла.

— Ну, а кто подпишетъ? тихонько спросилъ онъ.

— Панна Елена Подвальская, моя невѣста.

— Пс, пс! замѣтилъ, покачивая головою, панъ Симхе Бергеръ, — славная панна, храбьянка! ²⁾ Она самая и подпишетъ?

— Не вздумаешь ли ты наводить справки?

— Какъ можно! Я знаю, что не годится! Панъ можетъ быть увѣренъ, что никто не увидитъ, ея подписи. Положите веверсель въ конвертъ и запечатайте собственной печатью, а я въ срокъ принесу и конвертъ и печать цѣлехоньки. А много вамъ надо?

— Тысячу.

¹⁾ Пане—звательный падежъ отъ панъ.

²⁾ Храбы, храбина, храбьянка,—значить собственно графъ, графиня, дочь графа. Но простонародье всякихъ вѣроисповѣданій употребляетъ эти титулы въ знакъ уваженія или лести, какъ у насъ: «Ваше сіятельство». Въ такомъ смыслѣ слова эти непереводимы.

— Ну, напишите вексель на полторы, сходите за подписью, а я вернусь, через два часа, съ деньгами. Вотъ бланкъ.

Симхе удался, а Эгожелскій выдвинулъ ящикъ стоявшаго у дивана столика и сталъ перебирать лежавшія въ немъ бумаги. Не мало было тамъ писемъ и записокъ, но, къ несчастію, просто съ подписью «Елена». Наконецъ, послѣ продолжительныхъ поисковъ, удалось ему найти письмо подписанное «Елена Подвальская». Не теряя времени, Альфредъ подошелъ къ окну и, смѣлымъ почеркомъ, прорисовалъ подпись карандашомъ съ письма на бланкъ. Затѣмъ, вернувшись къ столу онъ навелъ подпись чернилами и присыпалъ пескомъ. Сравнивъ конію съ оригиналомъ, панъ Альфредъ самодовольно улыбнулся.

«Почемъ знать, къ чему пригодятся иной разъ любовныя письма, сказалъ онъ;—выходить не дурно прятать всю эту дрянъ. Однакожъ... прибавилъ онъ и задумался.

Нетерпѣливо и безпокойно сталъ онъ шагать по комнатѣ, потомъ схватилъ шляпу и перчатки и поспѣшно направился къ дому нани Подвальской.

Мѣстожителство пани Подвальской было въ предмѣстьи и соединяло всѣ прелести деревенской, съ удобствами городской жизни. Передъ домою, отдѣленный отъ улицы желѣзною рѣшеткою былъ большой дворъ, украшенный палисадникомъ съ лужками и цвѣтами. Стѣны надворныхъ построекъ были затянута дикимъ виноградомъ, а сзади лежалъ большой, окруженный заборомъ садъ. Пани Подвальская нанимала весь домъ, отчасти ради свѣжаго воздуха, отчасти изъ экономіи, чтобы не занимать болѣе дорогую квартиру въ собственномъ городскомъ домѣ, отчасти же изъ нежеланія жить подъ одною крышею съ жильцами, нравственными и религіозными возврѣнія которыхъ часто казались ей богопротивными. Одинъ изъ жильцовъ, напримѣръ, не постился даже въ Вознесенье; другой никогда не ходилъ въ церковь; третій, что хуже всего, выдалъ дочь за лютеранина. Пани Подвальская не разъ очищала свои владѣнія отъ присутствія безбожниковъ; но на бѣду, послѣ дурныхъ католиковъ, являлись жильцы безъ всякой вѣры; приходилось опять изгонять. Затѣмъ, долгое время домъ былъ не занятъ, подати платить было нечѣмъ, и городскія власти, вмѣшавшись въ дѣло, отдали всѣ квартиры, не обращая ни малѣйшаго вниманія на нравственные и религіозныя убѣжденія хозяйки. Тогда-то пани Подвальская и выѣхала; но, предварительно, по совѣту всецѣлца Стодольскаго, отслужила десятидневное молебствіе, съ цѣлю обращенія къ истинному Богу всѣхъ, для ко-

торыхъ Богъ—государство, а пророкъ его—казна, и которые воображаютъ, что дозволительно грабить людей не только во имя церкви и ея доходовъ.

Въ общемъ, впрочемъ, ксендзь Стодольскій находилъ, что затишье, окружавшее новое мѣстопребываніе его духовной дщери, въ высшей степени приятно, и не разъ, отправляясь гулять, направлялъ туда шаги свои, не взирая на пору дня и года.

Случилось, что въ этотъ день и онъ, и Альфредъ, одновременно стремились туда, оба пѣшкомъ, потому что Эгожельскій, въ силу хорошо намъ извѣстныхъ обстоятельствъ, пренебрегъ услугами многочисленныхъ фэтоновъ и дрежекъ. Пани Подвальская, зарывшись огромнымъ, темнокоричневымъ зонтикомъ, приказывала что-то дворнику, работавшему, въ настоящее время, въ качествѣ садовника. Ксендзь Зигмунтъ, случайно проходя мимо рѣшетки, зашелъ «на минутку» и пани Подвальская вдвойнѣ обрадовалась этому случаю, потому что, сегодня, болѣе чѣмъ когда-либо, ждала она неземной воды ученія и словъ святаго мужа, такъ какъ была подъ бременемъ тяжелыхъ, непримѣрныхъ заботъ. Поэтому, осмотрѣвъ бальзаминъ, резеду, и нарциссы, она повела ксендза съ собою въ садъ и тамъ открыла ему свою душу.

Ее мучила мысль о Еленѣ. Нѣтъ слова, она такъ нравится Замецкому; казалось—все бы хорошо и партія прекрасная. Да вотъ бѣда: какъ выдать дочь за фармазона, за явнаго кошуна, отъявленнаго грѣшника, душа котораго давно осуждена на вѣчныя мученія?

Ксендзь Зигмунтъ, не задумываясь, успокоилъ Подвальскую. Развѣ святые не бывали женами грѣшниковъ? Развѣ имъ не случалось быть орудіями всемогущества Божія, когда, благодаря женамъ, язычники обращались, какъ, напр. Савль? Правда, Замецкій безнадеженъ, потому что небо удручило его богатствами, подъ бременемъ которыхъ онъ не увидитъ въ царствіе небесное; но вѣдь по смерти богатства останутся и можно отдать ихъ на служеніе Богу. Кромѣ того, дѣти ада часто осмпаютъ женъ своихъ щедротами, особенно если жены хороши собою; не явствуетъ ли отсюда, что панна Елена, еще при жизни пана Тадеуша, можетъ сдѣлаться орудіемъ въ рукѣ Божіей, благодаря которому богатства мужа пойдутъ на богоугодныя цѣли? Во всякомъ же случаѣ, послѣ смерти онъ все оставитъ ей же; вѣдь у него нѣтъ близкихъ родныхъ, а дальніе сами богаты. Нѣтъ сомнѣній, что смерть скоро постигнетъ такого грѣшника, а потому, предосторожности ради, недурно позаботиться о томъ, чтобы онъ еще до свадьбы отписалъ женѣ часть имущества. Все

дозволено, лишь бы цѣль была чистая, направленная къ славѣ и возвеличенію церкви Христовой.

Пани Подвальская не сомѣвалась, что Елена, выйдя за Замецкаго, если и не возвратитъ его въ лоно церкви, то, по крайней мѣрѣ, вынудитъ его на цѣлый рядъ уступокъ и свободно будетъ хозяйничать не слишкомъ плотно замкнутою кассою. Но у нея были еще другія укоры. Вѣдь ксендзь Зигмундъ знаетъ объ отношеніяхъ Елены къ пану Згожельскому? Послѣ того, что было, голосъ людей и совѣсти не позволяетъ оттолкнуть его—вѣдь это смертный грѣхъ!

Ксендзь Зигмунтъ, вмѣсто отвѣта, бросилъ на Подвальскую полный грознаго недоумѣнія взглядъ; онъ былъ пастыремъ души и врачомъ ея совѣсти и, подобно многимъ врачамъ тѣлесъ нашихъ, не любилъ, чтобы больные говорили о страданіяхъ, которыя, съ точки зрѣнія врача, совсѣмъ неумѣстны. Если, напримеръ, больной чувствуетъ аппетитъ къ сладкому, когда, въ силу научной истины, ему должно хотѣться кислаго, докторъ считаетъ его весьма неудобнымъ пациентомъ; но оборони его Боже пожаловаться на жаръ, когда докторъ говоритъ, что должна быть холодная дрожь! Такъ и ксендзь Стодольскій терпѣть не могъ, чтобы совѣсть его овечекъ шевелилась по собственной волѣ; его дѣло, какъ духовника, было опредѣлять смертные и простые грѣхи, а вовсе не дѣло пасомыхъ! А потому онъ не однимъ только взглядомъ, но и словомъ казнилъ Подвальскую за то, что онъ назвалъ невѣріемъ во всемогущество Божіе и всеразрѣшающую власть церкви, передъ лицомъ которой, какъ подъ ножомъ хирурга, гибнуть всѣ, даже наиболѣе смертные грѣхи.

. Но увы! Глубоко, видно, запустилъ духъ отрицанія и сомнѣнія когти свои въ сердце жены! Уничтоженная, убитая громомъ краснорѣчія духовника своего, она вилась у ногъ его, такъ горячо цѣловала его руки, что прутья темнокоричневаго зонтика очутились въ близкомъ сосѣдствѣ съ глазами прелата, и все-таки сквозь слезы взывала:

— Отче, святитель, прости мнѣ прегрѣшенія мои! Призракъ грѣха преслѣдуетъ меня по ночамъ, отнимаетъ сонъ мой! Я вѣрю, что долги мои отпустятся мнѣ, что я могу замолить, отстрадать ихъ; но скажи мнѣ, отче, что этотъ грѣхъ не вѣченъ, что и онъ сотрется Богомъ изъ книги смерти! Ребенокъ... ребенокъ, ты знаешь, отче, живетъ, брошенный на произволь судьбы, на посмѣшище, на жертву чужимъ людямъ. Если-бы я знала, гдѣ онъ, я приютила бы его, занялась бы имъ! Вѣдь онъ

дита моей дочери! Зачѣмъ, зачѣмъ Елена такъ непремѣнно хотѣла затерять всякій слѣдъ его. О, она сильнѣе меня; она или не чувствуетъ, или умѣетъ скрыть свои чувства! Сколько разъ бросалась я къ ея ногамъ, цаловала ей руки, умоляла отдать мнѣ ребенка!.. Шестъ лѣтъ... Ни молитва, ни слова и убѣжденія твои, отче, не могутъ отогнать этой мысли; сколько разъ, когда я одна, кажется мнѣ, что кто-то плачетъ, жалобно плачетъ, и я знаю тогда, что чужіе, безсердечные люди обижаютъ его. Но Елена неумолима!

— Написано есть: «аще рука твоя соблазняетъ тя — отсѣки ее, аще око твое соблазняетъ тя — изыми его». Елена права: что было, то дурно; но поправить его нельзя, будетъ хуже. Дитя ея — плодъ грѣха; отторгни его отъ себя, а если тебѣ трудно, то сноси печаль свою, какъ кару небесную, и слушайся церкви, а то наказаніе постигнетъ тебя тамъ, гдѣ уже нѣтъ покаянія. Перестаньте плакать и убиваться; подумайте о будущности дочери, которую вы разъ уже поставили на карту, и можете поставить вторично. Помните о томъ, что я говорилъ вамъ: позаботьтесь о средствахъ къ жизни; у васъ ихъ скоро не будетъ, а безъ средствъ вы никогда не умоливите оскорбленнаго правосудія Божія. Богъ самъ даетъ вамъ средства; берите и творите, елико можете, во славу Его.

— Но удастся ли взять-то? спросила пани Подвальская, мало-по-малу успокоившись, благодаря безграничному довѣрью къ словамъ есендза. — Замецкій можетъ узнать.

— Замецкій, насколько я могъ замѣтить, слишкомъ увлекся Еленою, такъ что не повѣритъ слухамъ, которые навѣрно уже дошли до него. Надо только ловко подстроить дѣло. Вы должны притвориться недовольною; пусть Елена отдастъ ему свою руку противъ вашей воли. Говорите, что совѣсть не позволяетъ вамъ выдать дочь за человѣка безъ вѣры; для него это будетъ что масло въ огонь; онъ вообразитъ себѣ, что, женившись на Еленѣ, онъ исторгнетъ ее изъ когтей церкви. Для хорошей, возвышенной цѣли можно пустить въ ходъ такой невинный обманъ. Въ концѣ концовъ, уступите совмѣстнымъ просьбамъ его и дочери, но съ однимъ условіемъ: пусть Замецкій дастъ что нибудь на пріютъ для мальчиковъ, который будетъ основанъ здѣсь монахами ордена св. Якова Компостельскаго. Пусть дастъ двадцать тысячъ, для него это немного; мальчики должны учиться ремесламъ, такъ что самая цѣль учрежденія придется ему по вкусу. Заслуга ваша будетъ велика передъ Богомъ, такъ какъ прежде пріюта построютъ часовню.

Пани Подвальская вторично поцѣловала руку ксендза, назвала его своимъ благодѣтелемъ, утѣшителемъ, ангеломъ-хранителемъ и много-много разъ благодарила за отеческій совѣтъ. Онъ же, возложивъ ей на голову руки, улыбнулся и сказалъ:

— Какъ слаба и нетверда еще въ вѣрѣ душа ваша; но молитва и благость Божія сдѣлаютъ свое дѣло.

Исполнивъ такимъ образомъ долгъ свой, достойный пастырь охотно принялъ приглашеніе «на кофе съ густѣйшими сливками». А сливки дѣйствительно были прекрасныя, потому что пани Подвальская держала своихъ коровъ.

У когонибудь изъ читателей родится, можетъ быть, вопросъ, почему ксендзъ Зигмунтъ не позволилъ пани Подвальской послѣдовать влеченію сердца? Можетъ быть онъ просто не надѣялся, что удастся ублажить Елену, а можетъ быть думалъ, что если у набожныхъ овечекъ его не будетъ душевныхъ мученій, они рѣже станутъ прибѣгать къ его помощи и ослабнутъ въ вѣрѣ.

Пока въ саду разыгрывалась вышеописанная драма, съ надворной стороны дома происходила не менѣе интересная сцена. Когда пани Подвальская увлекла въ садъ ксендза Зигмунта, на дворъ скорыми шагами вошелъ панъ Альфредъ; ксендзъ Зигмунтъ давно уже наслаждался своимъ кофе, а изъ спальни панны Елены все еще доносились въ столовую отдѣльныя слова громкихъ, оживленныхъ словопреній.

Воспользуемся правомъ, въ которомъ никто еще не отказывалъ авторамъ, и подслушаемъ, хотя-бы урывками, интересный для насъ разговоръ.

Панъ Альфредъ со двора вбѣжалъ въ гостиную, а оттуда въ спальню панны Елены, съ такимъ выраженіемъ лица, что одинъ взглядъ на него заставлялъ предположить что-то особенное. Панна Елена, съ своей стороны, встрѣтила его такимъ покойнымъ, холоднымъ и испытующимъ взоромъ, что герой нашъ остановился на пол-дорогѣ, не зная съ чего начать свою рѣчь.

— Ты опять не спалъ, флегматично сказала она;— игралъ въ карты, да? И, по обыкновенію, проигрался?.. И не думай отпираться, прибавила она, замѣтивъ отрицательный жестъ пана Альфреда, — вѣдь знаешь, что я не повѣрю!

— Я не жаловаться пришелъ и не искать утѣшенія, мрачно отвѣтилъ онъ, — отпираться мнѣ и не думалось. Оставимъ шутки, началъ онъ, садясь передъ нею на низкомъ стулѣ; онъ видимо старался придать лицу рѣшительно выраженіе, между тѣмъ какъ

глаза его боролись съ усталостью и безпокойствомъ.—Я пришелъ для окончательныхъ переговоровъ.

— Окончательныхъ переговоровъ? переспросила Елена, нарочно растягивая слова.—Какіе могутъ быть у насъ окончательные переговоры? умышленно недоумѣвая, говорила она.— Кажется, мы слишкомъ хорошо знаемъ другъ друга, чтобы нуждаться въ «разъясненіяхъ»? Еще менѣе нужны намъ эти «окончательные переговоры».

— Ну, однимъ словомъ, выходилъ ты за Замецкаго или нѣтъ?

— Не знаю. Онъ еще не сватался, но думаю что на-дняхъ посватается.

— И тогда?... Ты пойдешь за него?

— Зачѣмъ спрашивать? Или ты сомнѣваешься? Можетъ быть, въ качествѣ друга дома, ты узналъ что бракъ этотъ почему-либо не принесетъ мнѣ счастья и пришелъ предостеречь меня? Не надѣлалъ ли Замецкій долговъ, не разорился-ли онъ? Или за нимъ, можетъ быть, водятся раззорительныя страстишки, которыя грозятъ мнѣ горемъ и нуждою? Нѣтъ? Ну, наконецъ, рѣжетъ онъ что-ли, женъ своихъ, какъ Синяя Борода, такъ что я впередъ осуждена на погибель?

— Елена, въ тебѣ нѣтъ ни сердца, ни состраданія. Ты такъ хладнокровно смѣешься надо мной, что я теряю надежду быть понятнымъ! Сама ты не въ состояніи привязаться къ кому-бы то ни было, а потому не понимаешь, что человѣкъ, котораго ты топчешь какъ гадину, можетъ любить тебя до безумія. Когда ты отказалась быть моею женою, я поневолѣ долженъ былъ покориться, такъ какъ не имѣлъ права добиваться руки женщины, которой не могъ дать семейнаго счастья; я не смѣлъ связывать твоей судьбы съ моею надломленною будущностью... Улыбайся, смѣйся; но слушай. Я не стану терять словъ, не позволю, чтобы ты насмѣкалась надъ ними; скажу тебѣ коротко и ясно: ты не будешь женою другаго!

При этихъ словахъ Альфредъ всталъ; онъ дрожалъ и холодный потъ выступилъ на его поблѣднѣвшемъ лицѣ. Елена такъ-же спокойно, какъ раньше, взглянула на него; но, на этотъ разъ, онъ не смѣшался. Въ глазахъ его было больше рѣшимости, чѣмъ можно было ожидать отъ такого хорошенькаго мальчика.

— Не буду? спросила она.—Какимъ образомъ?

— Я убью Замецкаго!

— Садись, садись, Альфредъ! Не заставляй меня насказать

тебѣ комплиментовъ, которые ты могъ-бы принять за вывозъ или насмѣшку, я не думаю ни насмѣхаться, ни вызывать тебя. Садись, и слушай спокойно.

— Я убью его, повторяю тебѣ! въ какомъ-то дикомъ изступленіи кричалъ Альфредъ.

— О нѣтъ! Ты не убьешь его, милѣйшій; да садись-же!

— Хочешь вѣрь, хочешь не вѣрь! Но я исполню угрозу раньше, чѣмъ ты думаешь!

— Нѣтъ, не исполнишь; я даже не понимаю, зачѣмъ ты угрожаешь? Если ты думаешь, что я скажу Замецкому, то ты очень ошибаешься. Отказавъ ему, я, развѣ навсегда, теряю возможность выйти за него; принявъ-же сватовство, у меня остаются шансы, что убьешь не ты его, а онъ тебя. Вотъ эти-то шансы тебя и удержатъ; ты слишкомъ красивъ, чтобы рисковать лишить подлунный міръ одного изъ лучшихъ его украшеній; поэтому ты и не подставишь лобъ подъ пулю индкитча, который сражался въ двадцати битвахъ и получилъ за храбрость крестъ, хотя никогда не носить его и не хвастаетъ имъ. Садись, говорю тебѣ!

— О! исполнилась мѣра, воскликнула Згожельскій, выхвативъ изъ кармана какую-то цацку, съ рываткой изъ слоновой кости.— Женщина! предъ лицомъ Бога и людей зачтется мнѣ въ заслугу, если я сотру съ лица земли такую гадину! Видишь оружіе? Я покончу съ тобою и съ собою! Ты разорвала всѣ нити, перешла за границу возможнаго, довела меня до безумія! Сгинь! Сгинь!

За каждымъ изъ послѣднихъ восклицаній что-то слегка щельнуло. Панъ Альфредъ направилъ револьверъ въ сторону Елены и дрожащей рукой дергалъ за язычокъ убійственнаго снаряда. Курокъ поднимался и хлопалъ; но самый трескъ показывалъ, что барабанъ былъ пустой.

Когда Альфредъ навелъ револьверъ, Елена встала и повелительнымъ жестомъ указала на столъ:

— Положи вотъ здѣсь, на столъ! Институтка я, что-ли, ты думаешь? Неужели ты воображаешь, что я испугалась-бы даже тогда, если-бы не была вполне увѣрена, что рѣшившись на эту комедію, ты вынулъ заряды? А думала, что ты умнѣе и знаешь меня гораздо лучше. Говори прямо, безъ обиняковъ, чего тебѣ нужно, и знай, что я не поддамся ни угрозѣ, ни принужденію. Не тебѣ-бы пугать меня!

Альфредъ бросилъ на полъ револьверъ и осмотрѣлся, какъ

человѣкъ, только-что проснувшійся послѣ тяжелаго, безпокойнаго сна. Онъ, конечно, игралъ комедію, но какъ хорошій актеръ, до того принялъ къ сердцу свою роль, что комедія потрясла его такъ, какъ будто-бы онъ и въ самомъ дѣлѣ соби-рался убитъ и себя, и Елену.

На мгновеніе онъ согнулся подъ тяжестью смѣшнаго положенія, но потомъ въ глазахъ его мелькнуло новое, небывалое выраженіе. Онъ свѣтились трезвою, покойною злостью, такой-же самоувѣренной, какъ гордость, съ которой раньше встрѣтила его Елена.

— Ты думаешь, что я не сумѣю испугать тебя? Постараюсь доказать, что ты очень ошибаешься. Тебѣ вѣдь хочется, неправда-ли, быть паней Замецкой, пользоваться сто двадцати-тысячнымъ ¹⁾ доходомъ, носить почетное имя твоего мужа и блистать въ свѣтѣ своей красотой?

— Хочу и буду! Не выходишь-же мнѣ за тебя, чтобы ты въ двѣ-три ночи проигралъ все, что у меня еще есть, чтобы потомъ вывезъ меня за границу и продалъ, по обоюдному согласію, какому-нибудь богатому иностранцу? Я уже давно говорила тебѣ, что предпочитаю продать себя сама, на вѣки и безъ скандала. У меня нѣтъ ни малѣйшей охоты сдѣлаться предметомъ отпускной торговли.

— А если не найдется купецъ на мѣстѣ? Помни, что ты еще не сторговалась и Замецкій можетъ надуматься; особенно если...

— Если что?

— Если я пойду къ нему, расскажу ему все, воспротивлюсь вашему браку и предъявлю на тебя права, отъ которыхъ ты не можешь отпереться.

— Вотъ это угроза! воскликнула Елена, которая взволновалась впервые въ теченіе всего разговора, — съ нея надо было начать; вѣдь ты знаешь, я всегда вѣрю, когда ты угрожаешь сдѣлать какую-нибудь подлость, низость! Она встала и, очевидно разстроенная, заходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Альфредъ сѣлъ, и сохраняя на лицѣ то-же самое злобное выраженіе, торжествующимъ взглядомъ смотрѣлъ на Елену. Минуту спустя она остановилась и, опершись рукою на спинку ея кресла, сказала:

— Кажется, я поняла; но пока еще не догадываюсь, чего

¹⁾ Сто двадцать тысячъ золотыхъ—восемнадцать тысячъ рублей.

ты хочешь. Меня такъ и подмываетъ насолить тебѣ чѣмъ-нибудь: терпѣть не могу, чтобы кто-бы то ни было злоупотреблялъ выгодой своего положенія. Я и сама могу сказать Замецкому все, чѣмъ ты угрожаешь; могу открыть ему всю душу, сказать, что ненавижу тебя и прошу его помощи и поддержки. А знаешь, что-бы сдѣлалъ тогда Замецкій? Конечно, нѣтъ! Твои благородные порывы похожи на выстрѣлы изъ незаряженнаго револьвера; а Замецкій взял-бы пару пистолетовъ заряженныхъ и предложилъ-бы повторить съ нимъ въ лѣсу сцену, которая только-что такъ удалась тебѣ со мной; съ тою только разницею, что у меня былъ въ рукахъ не пистолеть, а вѣеръ. Я могу даже рассказать Замецкому сегодняшнюю репетицію...

— Неужто можешь?

— Могу, но не сдѣлаю. Замецкій и такъ уничтожаетъ меня чувствомъ своего превосходства, но пока еще я ни разу не преклонялась и не унижалась передъ нимъ. А потому—soyons amis, Cippa! Откровенно говоря, тебѣ нужно денегъ?

— Нужно!

— Значить у тебя нѣтъ ни гроша. Я догадывалась объ этомъ по тѣмъ геройскимъ намѣреніямъ, съ которыми ты пришелъ ко мнѣ. Забавникъ ты, Альфи! Зачѣмъ было ломаться? Ты вѣдь знаешь, что когда я прочно засяду въ Рыжишовскомъ замкѣ, касса моя будетъ къ твоимъ услугамъ: ни церевей, ни монастырей я ставить не буду. Но пока я безъ денегъ.

— Но съ кредитомъ. Подпиши вексель; положеніе мое отчаянное.

— Сколько тебѣ?

— Двадцать тысячъ.

— Это много; ты спустишь все сразу. Возьми пока пять, а остальное я дамъ тебѣ послѣ свадьбы. Съ однимъ только условіемъ, чтобы до свадьбы ты бывалъ у насъ порѣже.

Альфредъ вынулъ изъ кармана бланкъ, но не тотъ, который подписалъ недавно самъ, написалъ вексель, а панна Елена дала свою подпись. Не теряя времени, ускользнулъ онъ потомъ въ другія двери, чтобы не встрѣтиться съ Подвальскою и есендзомъ Стодольскимъ.

Панъ Симхе Бергеръ поджидалъ уже Згожельскаго у воротъ его дома. Узнавъ, что вмѣсто тысячи надо дать пять, онъ сначала заартачился. Згожельскій предложилъ ему сходить освѣδο-миться, вѣрна ли подпись; Симхе не захотѣлъ: видно было, что онъ дѣйствительно мастеръ своего дѣла. Онъ непременно тре-

боваль еще одной подписи; говорилъ, что сумма слишкомъ велика, что солнце скоро зайдетъ, что черезъ часъ нельзя уже дѣлать «гешефтовъ» ни съ дѣйствительными, ни съ подложными подписями. Читатель вѣрно помнитъ, что была пятница и что религія Симхе Бергера не позволяла ему затыгивать дѣло, а потому онъ предложилъ, наконецъ, снизойдя къ усиленнымъ просьбамъ Эгожелскаго продать ему и вексель и подпись за три тысячи пятьсотъ гульденовъ.

И такъ мы видимъ, что въ этотъ день разные лица довольно безцеремонно впередъ распорядились «бѣзовскими деньгами». Кругленькая сумма была предназначена на часовню для проскитированнаго пріюта св. Якова Компостельскаго шесть тысячъ золотыхъ заграбасталъ панъ Симхе Бергеръ; шестьдесятъ тысячъ обезпечилъ себѣ на случай замужества Елены панъ Альфредъ, а четырнадцать онъ уже получилъ, уплативъ изъ этой суммы малую толику пану Бергеру за бланкъ, за марки, извощиковъ и хлопоты.

Люди, озлобленные противъ всѣхъ и вся, станутъ утверждать, пожалуй, что, заручившись деньгами, панъ Альфредъ навѣрное поторопился вернуться въ клубъ и начать тамъ за новотѣ же финансовыя операціи, которыя принудили его накануне рѣшиться сдѣлать ранній визитъ пану Гольдштейну. На зло имъ я докажу, что каковъ бы ни былъ человекъ, у него все же есть хоть капля благородныхъ инстинктовъ, для чего стоитъ только хоть вратцѣ описать дальнѣйшее время препровожденія пана Альфреда. Первымъ дѣломъ отправился онъ погулять въ городской садъ, гдѣ встрѣтилъ примадонну мѣстной сцѣны въ сопровожденіи неизмѣнной «тетеньки»; фамиллярнымъ поклономъ и разговоромъ своимъ съ богиней дня или, скорѣе, вечера, онъ довелъ до зелено-желтаго изступленія дюжины четыре студентовъ и медвѣхъ чиновниковъ. Онъ наставлялъ ей бездну приятныхъ вещей о ея послѣднемъ дебютѣ въ роли Шекспировской Юліи и прозакладывалъ душу свою, что, по его мнѣнію, совершенно нецѣлостно, чтобы, не испытавъ или, по крайней мѣрѣ, не предчувствуя припадеа такой наивной, искренней, горячей, идеальной, безкорыстной любви, возможно было передать это чувство съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ; въ противномъ случаѣ, ей навѣрное предназначено судьбой пережить что либо подобное.

Лучезарная звѣзда, выслушавъ это словоизліяніе, съ своей стороны подумала, что молодой знакомецъ нашъ самъ, вѣроятно, очень наивенъ и идеаленъ, а потому безъ всякихъ пре-

людей заявила, что чувствует къ нему безграничное довѣріе. Послѣ подобныхъ обоюдныхъ завѣреній не удивительно, что при той простотѣ въ обхожденіи, какою всегда отличаются театральныя знаменитости, она въ дальнѣйшемъ разговорѣ призналась пану Альфреду, что не можетъ принять участія въ сегодняшнемъ артистическомъ торжествѣ. Дѣло въ томъ, что на пятницу былъ обѣщанъ концертъ маэстро № 2, не того, который бывалъ у Подвальской, а у звѣзды была только одна парюра колѣе и серегъ; парюра эта, пожалуй, еще и довольно презентабельная, но весь городъ знаетъ ее; она одѣвала ее и въ роли Лэди Макбетъ, и Маріи Стюартъ, и Юліи. О, если бы она была «дамой», все бы ничего; но «мы, актрисы», занимаемъ особое «положеніе»; глаза всѣхъ обращены на насъ, и часто успѣхъ на подмосткахъ зависитъ отъ впечатлѣнія, которое мы производимъ «въ обществѣ». Неподражаемая наивность юноши прекрасно выдержала пробу; онъ громко сталъ расхваливать нѣкое ожерелье, недавно видѣнное имъ, и нѣкоего золотыхъ дѣлъ мастера; такъ какъ было еще довольно времени, вся компанія отправилась убѣдиться, дѣйствительно ли панъ Альфредъ такъ же хорошо судилъ о женскихъ украшеніяхъ, какъ о наивной любви. Побрякушки оказались прелестными и даже настолько «вовсе не дорогими», что десять семействъ съ трудомъ прожили бы за ихъ стоимость до конца мѣсяца. Я, конечно, не стану описывать недоумѣніе, съ которымъ купецъ выслушалъ просьбу Альфреда отослать эту бездѣлушку въ квартиру дивы, какъ панъ Альфредъ небрежно бросилъ на прилавокъ нѣсколько сотенныхъ асигнацій и какъ недоумѣніе золотыхъ дѣлъ мастера смѣнилось цѣлымъ рядомъ униженныхъ улыбокъ и поклоновъ.

Въ концѣ концовъ и тетенька, и ожерелье, и дива, и нѣсколько десятковъ локтей шелковой, отороченной кружевами матеріи, появились часа черезъ два въ концертномъ залѣ; маэстро № 2 игралъ, можетъ быть, даже лучше маэстро № 1; панна Ванда была положительно такого мнѣнія; но панна Елена и панъ Альфредъ доказали ей, что въ такого рода игрѣ нѣтъ «души», что она просто наборъ блестящихъ пасажей, въ родѣ тѣхъ побрякушекъ и звѣздочекъ, говорила панна Елена, — какихъ понавѣшала себѣ на шею и въ ухахъ та дива, и которыя не могутъ замѣнить ей сердца. Въ доказательство, что и у актрисъ есть сердце, панна Ванда привела въ примѣръ Адриенну Лекуверреръ; но панъ Альфредъ, краснорѣчиво поддержалъ мнѣніе Елены, а потомъ торопливо

попрощавшись съ дамами, поспѣшилъ на ужинъ съ шампанскимъ. На шампанское прилетѣла дива, присваивали и друзья пана Альфреда, которые наканунѣ лишили его кошелекъ и побрякушекъ, и сердца. Но до вартъ дѣло не дошло; у пана Альфреда было слишкомъ самоувѣренное лицо, а потому пріятель-противники, люди не дюжинные, мигомъ сообразили, что счастье будетъ на его сторонѣ, и что откуда-то, изъ невѣдомыхъ странъ, приплыли ему на выручку золотые корабли.

Все это я разсказалъ только съ цѣлью убѣдить читателей, что деньги, данныя паномъ Бергеромъ, не красовались ночью на зеленомъ столѣ, и что есть еще на свѣтѣ люди, склонные къ идеальнымъ увлеченіямъ и легко замѣчающіе отсутствіе души и сердца, какъ въ игрѣ артистовъ, такъ и подъ фалбалами и кружевами артистовъ.

(Продолженіе будетъ).

ВЛАСТИ—БДИТЕ!

Имѣй уши слышати — да слышитъ!

Въ столицѣ Германіи, въ Берлинѣ, живетъ человекъ, которому суждено было, путемъ крови и желѣза, приступить къ объединенію Германіи и возложить корону Фридриха Барбароссы на маститаго Гогенцоллерна Вильгельма IV, свидѣтеля полнаго разгрома и униженія Пруссіи Наполеономъ I въ началѣ нынѣшняго вѣка. Человекъ этотъ уменъ, прозорливъ, и настойчивъ въ исполненіи задуманнаго имъ плана создать единую германскую имперію, обезопасивъ ее по возможности отъ внѣшнихъ враговъ, и сдѣлать ее недоступною и въ то же время грозною для своихъ сосѣдей, у которыхъ она, для своей силы, должна была и вынуждена будетъ еще оттануть значительные куски, для округленія своихъ оградъ и для возможности бороться, не только въ отдѣльности съ каждою изъ пограничныхъ ей великихъ державъ, но даже, въ случаѣ неизбѣжности, и съ коалиціею ихъ противъ общаго врага. Человекъ этотъ истинный политикъ, горячо преданный своей идеѣ и лишь откладывающій по необходимости ея полное осуществленіе, одинъ изъ великихъ умовъ нашего вѣка, канцлеръ германской имперіи князь Отто Бисмаркъ фонъ Шёнгаузенъ. Много лѣтъ назадъ задумалъ онъ свой планъ объединенія Германіи и, когда настало время, онъ, силою своего убѣжденія, сумѣлъ добиться согласія осторожнаго и нерѣшительнаго Вильгельма, а затѣмъ, не смотря на сопротивленіе палаты, не смотря на полное неодобреніе націи, сумѣлъ приступить къ дѣлу и рѣшительными ударами на заранѣе

подготовленной имъ почвѣ выигралъ двѣ войны, отгѣснилъ Австрію отъ вѣншательства въ германскія дѣла и, разгромивъ Францію, заставилъ ее подписать унизительный миръ, по которому она лишилась двухъ своихъ лучшихъ провинцій—Эльзаса и Лотарингіи.

Но въ числѣ сосѣдей Германіи раскинулось на востокѣ наше обширное отечество, могущественная Россія, которая, въ силу династическихъ связей и своей традиціонной политики, хотя и помогла Германіи объединиться, но которая, раньше или позже, все же должна будетъ вступить на почву своихъ интересовъ, во многомъ, если не во всемъ противорѣчащихъ интересамъ Германіи.

Приступивъ къ исполненію своего плана объединенія Германіи и во многомъ уже осуществивъ его, могъ ли Бисмаркъ не составить себѣ програмы дѣйствія и относительно Россіи, съ дѣлью ослабить и ее и обезопасить вполнѣ восточную границу своего могущественнаго фатерланда. И планъ этотъ составленъ, составленъ давно, и только династическія связи заставляли желѣзнаго князя пріостанавливаться въ такія минуты, которыя онъ считалъ удобными для достиженія своей цѣли. Человѣкъ крови и желѣза, фанатикъ идеи объединенія и могущества Германіи, звѣрь—не задумавшійся залить кровью и спалить огнемъ весь Божій міръ для могущества своего фатерланда, философъ—для котораго люди—шашки, а земля—шахматная доска, для котораго личныя страданія и скорби человѣка, въ виду государственнаго блага, никогда не должны приниматься въ расчетъ—онъ однако до сихъ поръ долженъ былъ уступать престарѣлому монарху, для котораго личныя отношенія и многолѣтняя дружба съ своимъ державнымъ племянникомъ, кроткимъ и благодушнымъ императоромъ Александромъ II стояли выше всякой политики и считались неразрывными до могилы.

Престарѣлый монархъ пережилъ своего царственнаго племянника, погибшаго ужасною смертію, и котораго онъ искренно и глубоко любилъ. Самъ онъ давно уже стоитъ одною ногою въ гробу и не сегодня—завтра успокоится на вѣки въ родовомъ склепѣ Гогенцоллерновъ, украсивъ свою могилу завѣтною императорскою короною и мантией германской имперіи; старѣеть и желѣзный канцлеръ и хмурить свои густыя брови при думѣ о томъ, успѣеть-ли онъ окончить свой, давно задуманный, хитро сплетенный и уже во многомъ осуществившійся планъ. А хочется, сильно хочется этому желѣзному старику самому докончить исполненіе этого плана по отношенію къ своему восточному сосѣду, этой темной, но страшной стихійной силѣ, которую зовутъ русскимъ народомъ. Какъ одолѣть его? Какъ сдѣлать его безсильнымъ? Какъ на долго обезопасить Германію отъ него? Вѣдь это не разношерстная, считая изъ клочковъ Австріи; вѣдь это не богатая, промышлен-

ная, буржуазная Франція, или Англія,—нѣтъ, этотъ народъ и нищъ, и нагъ, и убогъ, но въ минуты поднятiя народнаго чувства онъ великъ, и готовъ страдать и бороться безъ конца. Какъ же одолѣть его? А тутъ еще стоитъ за плечами этого народа грозный призракъ славянства, сила, которая, если дать ей развиться, будетъ страшна и гибельна для нѣмцевъ, закроетъ имъ навсегда путь въ свою землю, заставитъ ихъ или задохнуться отъ тѣсноты, или выселяться въ другія страны свѣта, не только безъ пользы для Германіи, но даже во вредъ ей. Какъ же тутъ быть?

Долго и старательно присматривался желѣзный князь къ этому загадочному народу русскому, нарочно для этого и посланникомъ былъ въ Петербургъ, и русскому языку обучался; изучилъ онъ до тонкости всѣ слабости и грѣхи нашего управленiя, всю подноготную нашего бюрократическаго обихода. Многое пришлось ему на руку, во многомъ видѣлъ онъ сильную поддержку своимъ планамъ; но народная сила наша, возможность ея подъема—заставляли сильно задумываться желѣзнаго человѣка, заставляли его по отношенію къ Россіи и славянству примѣнять иную мѣрку, чѣмъ по отношенію къ своему южному и западному сосѣдямъ. Страшна была для Бисмарка затяжка окончанiя войны, вспоминался ему 1812-й годъ, а вся военная система Германіи построена на быстрыхъ, ошеломляющихъ ударахъ и разгромахъ, но не на продолжительности войны. Годъ Германіи еще можетъ выдержатъ, какъ боевая единица, но болѣе—врядъ-ли. Ея напряженіе, при полномъ ривитiи ея военныхъ силъ, такъ велико, что, при затяжкѣ, оно легко можетъ перейти въ истощеніе, въ деморализацію, въ открытое неповиновеніе и внутреннiй мятежъ. Къ тому же надо устроить такъ, чтобы послѣ побѣдоносной войны обезопасить свои границы отъ возможности внезапнаго нападенiя, отъ страха отместки. Старинный девизъ *divide et impera* (раздѣляй и властвуй) пришелся вполнѣ по душѣ желѣзному канцлеру и онъ съ успѣхомъ примѣнялъ его въ обѣ войны, уединяя вполнѣ того, на кого нападалъ. Это правило, конечно, должно быть примѣнимо и по отношенію къ славянству, въ которомъ, въ силу историческихъ причинъ, православіе и католичество опредѣлило два взаимно-враждебные лагеря и заставило два, наиболѣе могущественныя государства, Россію и Польшу, вести многолѣтнюю борьбу, кончившуюся уничтоженіемъ всякой политической самостоятельности слабѣйшаго изъ нихъ, когда-то могущественной Рѣчи Посполитой. Кончилась ея политическая жизнь, но еще жива она, если не въ памяти народной, то покрайней мѣрѣ въ интеллигентномъ классѣ его, во всѣхъ, кто знаетъ исторію своей родины, кого волнуетъ и привлекаетъ къ себѣ обаяніе ея прошлаго. Какъ же не воспользоваться этою, находящейся подъ спудомъ, но все еще живою и могу-

чею силою? Какъ же упустить такого естественнаго союзника, и не помочь ему, даже не постараться возсоздать его, если-бы его уже не существовало? Вѣдь подобнымъ приемомъ сразу достигаешь нѣсколькихъ цѣлей. Во 1-хъ, приобретаешь вѣрнаго союзника, который, въ силу самосохраненія, будетъ надежнымъ другомъ и вассаломъ Германіи; во 2-хъ, устраиваешь между Германіей и Россіей польское государство, которое, въ случаѣ войны, и вынесетъ на своихъ плечахъ возможность русскаго вторженія; въ 3-хъ, создаешь вѣчное волненіе на западныхъ окраинахъ Россіи, такъ какъ интеллигентные классы западныхъ губерній непременно будутъ таять на сторону свободной Польши, а русское правительство никогда не поставитъ вопроса ребромъ, т. е. не пожертвуетъ, ради государственныхъ цѣлей, ополченной интеллигенціей и не изгонитъ ее изъ этихъ губерній. Оно, положимъ, и у Германіи есть больное мѣсто — Познань; ну да при уступкѣ Германіи царства Польскаго, кто же помѣшаетъ германскому правительству удержать за собой коронныя земли, а затѣмъ предложить познанскимъ полякамъ обмѣняться землями, и тогда, конечно, врядъ-ли останется хотя одинъ владѣлецъ, который не пожелалъ-бы такимъ путемъ переселиться въ свободную Польшу. А если и останутся, то число ихъ будетъ столь незначительно, что они потонутъ въ массѣ нѣмецкаго, или уже онѣмеченнаго мѣстнаго населенія.

Выгода очевидная.

Но надо торопиться, пока еще наша восточная граница совершенно беззащитна и открыта. Труднѣе будетъ наступать, когда выростутъ грозныя твердыни крѣпости Ковно и укрѣпленные лагеря около Бѣлостока и на сѣверной окраинѣ царства Польскаго. А теперь, кажется, начинаютъ серьезно подумывать объ этихъ сооруженіяхъ, какъ будто и къ работѣ приступать хотять.

И вотъ съ лѣта прошлаго года стали появляться въ газетахъ статьи, трактующія, съ большею или меньшею ясностью и подробностью, о намѣреніяхъ князя Бисмарка относительно Россіи. Вотъ какъ нѣкоторые корреспонденты объясняютъ его планъ. Подъ удобнымъ предлогомъ, которыхъ у Бисмарка всегда найдется въ избыткѣ, внезапно объявитъ намъ войну, вторгнуться въ Россію и быстро занять царство Польское, отрѣзавъ его отъ сообщенія съ Россіей и не давъ намъ времени мобилизовать тамъ наши войска, которыя, какъ извѣстно, должны мобилизоваться тамъ, большею частію, не изъ мѣстнаго польскаго населенія, а изъ внутреннихъ губерній Россіи; одновременно занять военскую и курляндскую губерніи и овладѣть Либавой и Ригой, безъ которыхъ Германіи не можетъ считать обезпеченнымъ свое торговое и морское преобладаніе на Балтійскомъ морѣ. Овладевъ этими провинціями, въ чемъ, при быстротѣ мобилизаціи германской арміи и при помощи ея искусство

направленныхъ желѣзныхъ дорогъ, а также и при полномъ отсутствіи нашихъ оборонительныхъ укрѣпленій по Нѣману и Вилии, не представляется особой трудности, — укрѣпиться затѣмъ въ занятыхъ провинціяхъ и ожидать нападенія русскаго войска, являясь уже не нападающимъ, а лишь обороняющимся, что, при нынѣшнихъ успѣхахъ военнаго дѣла, представляется значительно болѣе выгоднымъ. Для того же, чтобы привлечь къ себѣ населеніе занятыхъ провинцій, немедленно объявить, что Германія вовсе не желаетъ присоединенія Польши, но желаетъ, по заключеніи мира, создать изъ царства Польскаго особое конституціонное государство, съ своимъ королемъ, и которое будетъ находиться въ вассальномъ отношеніи къ Германіи лишь по отношенію охраненія своей самостоятельности, для чего необходимо поставить мѣстную польскую армію въ зависимость отъ германскаго императора и его главнаго штаба. Ясно, что подобная приманка вскружить голову не только всему польскому населенію занятыхъ провинцій, но и вообще всему интеллигентному и шляхетскому классу западныхъ провинцій Россіи, который и явится усерднымъ помощникомъ германской арміи, въ ея усиліяхъ достигнуть побѣды, а съ нею и возстановленія независимости Польши.

Врядъ-ли Россія въ силахъ будетъ выгнать многочисленную и хорошо укрѣпленную германскую армію изъ занятыхъ ею провинцій, въ которыхъ огромное большинство населенія будетъ всѣми силами тоже бороться противъ насъ.

Если же одновременно вызвать затрудненія въ Европейской Турціи, то Россія весьма скоро должна будетъ пожертвовать своими интересами на западѣ, для своихъ интересовъ на югѣ, и тогда—по варшавскому или рижскому миру Россія вынуждена будетъ уступить Германіи царство Польское, ковенскую, курляндскую и лифляндскую губерніи съ Либавой и Ригой, а можетъ быть и часть виленской по Вилии и по Двинѣ; затѣмъ возстановится конституціонное царство Польское, и начнется для Россіи вѣчная возня съ своими западными провинціями, въ которыхъ интеллигентный, шляхетскій и торговый классы невольно будутъ стремиться къ возстановленію Польши въ предѣлахъ 1792 года.

Готовъ и король для этого новаго королевства. Бисмаркъ думаетъ предложить этотъ тронъ королю саксонскому съ тѣмъ, чтобы онъ отказался отъ своихъ династическихъ правъ на Саксонію, которая и будетъ присоединена окончательно къ Пруссіи, какъ Ганноверъ, или Гессенъ въ 1866 году.

Но что скажутъ въ это время Франція и Австрія? Не воспользуются ли онѣ случаемъ для нападенія на общаго врага?—Хитеръ канцлеръ. Все предвидѣлъ онъ. Тунисская экспедиція наглядно показала все неустройство и неурядицу французскаго войска. Эта экспедиція,

при искусномъ разжиганіи мусульманскихъ народовъ, можетъ затануться на долго и во всякомъ случаѣ сдѣлаетъ Францію неспособною для наступательной войны. Владѣя Мецомъ, Страсбургомъ и крѣпостями по Рейну, Германіи нужно немного силы, чтобы держаться въ оборонительномъ положеніи противъ Франціи; а неустойчивость французскаго правительства всегда дастъ возможность искусной и щедрой рукѣ устроить разные вспышки комунаровъ и поддонковъ городского населенія Парижа, всегда готовыхъ попытаться возсоздать комуна, или поднять междоусобную войну.

Австрія? Но Бисмаркъ давно уже толкаетъ ее на Балканскій полуостровъ, гдѣ она найдетъ себѣ могилу, какъ Австрія. и гдѣ можетъ возродиться лишь въ видѣ федераціи южно-славянскихъ государствъ, съ Габсбургомъ во главѣ. И она уже втянулась въ эти силы. Боснія и Герцеговина начинаютъ высасывать ея силы, и въ рѣшительную минуту интересы Австріи и Россіи будутъ на столько противоположны относительно южнаго славянства, что о союзѣ между ними не будетъ и рѣчи. А тамъ, кто же мѣшаетъ при случаѣ отнять, наконецъ, нѣмецкія провинціи Австріи, присоединивъ ихъ къ Германіи, хотя бы на вассальныхъ началахъ, съ какимъ нибудь изъ нѣмецкихъ государей во главѣ, владѣнія котораго, по примѣру Саксоніи, можно будетъ тоже присоединить къ Пруссіи. Галицію съ Краковомъ можно будетъ отдать Польскому королевству и такимъ образомъ создать между собою и Россією съ славянствомъ рядъ самостоятельныхъ государствъ: королевства польское, венгерское и румынское, которыя, въ силу необходимости, будутъ душой и тѣломъ преданы Германіи и, въ случаѣ нужды, составятъ ея авангардъ. Короткую же полосу лифляндской, курляндской и ковневской губерній, которыми Германія будетъ непосредственно соприкасаться съ Россіей, она, конечно, сумѣетъ такъ укрѣпить, что добратся до нея будетъ крайне трудно и тяжело.

Маленькую Богемію можно будетъ или совсѣмъ поглотить, или сдѣлать и изъ нея вассальное государство и новую кандидатуру для какого нибудь владѣтельнаго нѣмецкаго князья, владѣніямъ котораго приспѣетъ пора быть поглощеннымъ Пруссією.

Вотъ планъ Бисмарка, о которомъ уже не разъ проговаривались корреспонденты различныхъ газетъ. Что-жъ! Умно, ловко расчитано и вполне осуществимо. Говорятъ, что желѣзный канцлеръ хотѣлъ даже нынѣшнимъ лѣтомъ осуществить этотъ планъ, но опять-таки воля императора Вильгельма помѣшала ему. У маститаго Гогенцоллерна не поднялась рука напасть на страну своего усопшаго царственного друга, котораго прахъ еще такъ недавно былъ преданъ землѣ. Состоялось, совершенно внезапно, данцигское свиданіе и опасность войны исчезла. Но на долго-ли? Маститый императоръ старъ, очень старъ!

Его годы,—даже не годы, а, может быть, мѣсяцы или дни уже сочтены, а его будущій преемникъ не связанъ никакимъ личнымъ чувствомъ, для котораго онъ остановился бы передъ общающей стѣль много пользы войной. А Бисмаркъ еще бодръ. Онъ все сильнѣе и сильнѣе закаляется во внутренней борьбѣ съ представителями государства; кто знаетъ, можетъ быть онъ съ умысломъ обостряетъ эту борьбу, чтобы сдѣлать неизбежною внѣшнюю войну, какъ единственное средство предотвратить внутреннюю неурядицу. Кто знаетъ? Можетъ быть его прозорливый умъ предвидитъ возможность осуществленія своего плана въ грядущее лѣто, и Европа уже ощущаетъ напряженіе стальныхъ мышцъ, готовящихся нанести кровавый ударъ и возжечь ужасную, убійственную войну. Ужасную — потому что взаимная народная ненависть между нѣмцами и русскими дѣйствительно существуетъ; убійственную — потому что борьба между такими, не легко воодушевляющимися, но зато упорными до фанатизма націями будетъ кровава до звѣрства, до полного забвенія чувства человѣчности и пощады ненавистному врагу.

Вотъ что угрожаетъ намъ! Вотъ что ожидаетъ насъ и, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ! Вотъ къ чему мы должны готовиться, и отъ чего искать себѣ помощи и защиты внутри и извнѣ! А мы???...

А. Н.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ обычномъ мѣсячномъ обзорѣннн нашей внутренней жизни, появившемся въ январьской книжкѣ нашего журнала за настоящій 1882 годъ, мы сказали, что Россія или, по крайней мѣрѣ, русское общество встрѣтило этотъ наступившій новый годъ далеко не въ розовомъ настроеніи духа. Если-бы чужое недовольство могло доставлять облегченіе и отраду въ собственномъ недовольствѣ, то мы могли бы найти немало утѣшенія въ томъ, что и другіе народы Европы, т. е. по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которымъ предоставлена извѣстная дѣятельная роль такъ называемыхъ великихъ державъ на сценѣ современной политической жизни Европы, что и эти другіе народы, говоримъ мы, вступили въ наступающій новый годъ также неособенно съ легкимъ сердцемъ, и въ отношеніи къ нимъ совершенно кстати будетъ примѣнить извѣстную польскую пословицу, гласящую, что «у всякаго есть свой червь, который грызетъ его». Если это обстоятельство само по себѣ и не составляетъ для насъ утѣшенія, то все-таки оно не совершенно безразлично для насъ, безразлично по крайней мѣрѣ настолько, чтобы на него не стоило вовсе обращать вниманіе. Не отступая отъ высказаннаго нами недавно мнѣнія, что Европа сама по себѣ, а Россія сама по себѣ, мы не отрицаемъ и не отрицаемъ того вліянія, иногда къ сожалѣнію даже большаго, чѣмъ слѣдуетъ, которымъ то или другое положеніе дѣлъ въ Европѣ отражается на Россіи, не только по отношенію къ внѣшней, но даже нерѣдко и внутренней ея политикѣ. Въ виду въ особенности этого послѣдняго обстоятельства, мы, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ и считаемъ небезполезнымъ, хотя съ птичьяго полета, взглядывать отъ времени до времени на Европу.

Посреди окружающей насъ темноты, и такого поверхностнаго взгляда иногда достаточно для уясненія себѣ кое-чего въ нашей государственной жизни. Думаемъ не бесполезно будетъ бросить такой взглядъ и въ настоящую минуту, при началѣ вновь наступившаго года, высматривая разумѣется главнымъ образомъ лишь то, что имѣетъ какое либо прямое или косвенное соприкосновеніе съ непосредственными интересами и задачами нашего отечества.

Понятно, что обзоръ этотъ намъ приходится начать съ ближайшаго нашего сосѣда на западѣ и, съ позволенія сказать, друга нашего — Германіи, и не только потому, что это ближайшій сосѣдъ и другъ нашъ, но и потому въ особенности, что волею исторической судьбы, а еще болѣе благодаря исторической несообразительности нашей внѣшней политики, эта Германія изображаетъ собою въ международной жизни Европы въ настоящее время нѣчто въ родѣ *deus ex machina* древнихъ. Говоря: Германія, мы, конечно, говоримъ не о самой странѣ этой, ни даже о самомъ народѣ ея, а единственно о человѣкѣ, патриотизмъ котораго, исключительно силою личнаго генія и несокрушимой энергіи, сумѣлъ дать реальную форму завѣтной, но до него лишь платонической мечтѣ нѣмцевъ объ ихъ національномъ единствѣ, и насильно, противъ воли, заставилъ ихъ, наконецъ, дѣйствительно сплотиться, пересоздавъ бывший разнокалиберный германскій союзъ въ компактную массу настоящей германской имперіи. Но этого мало. Создавъ эту единую Германію, онъ же, этотъ человѣкъ, одинъ и поддерживаетъ еще неокрѣпшую ея сплоченность, нерѣдко вопреки ея собственному желанію, напрягая всѣ усилія къ тому, чтобы придать этой сплоченности вѣковѣчную неизблѣмость и принимая почти исключительно на себя разрѣшеніе имъ же, такъ сказать, навязанныхъ созданной имъ Германіи задачъ и возбужденныхъ въ ней вождельній. Эти задачи и эти вождельнія, которыхъ этотъ великій государственный человѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ величайшій патриотъ почти не считаетъ нужнымъ даже скрывать, сводятся ни больше, ни меньше, какъ къ доставленію германской расѣ, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ, не только преобладающаго, но прямо господствующаго положенія надъ всѣми другими, живущими въ ней расами и народами, умомъ или силою, такъ или иначе, обращая ихъ въ покорныя орудія для выполненія своихъ обширныхъ плановъ на пользу Германіи. Люди подобнаго закала, по самой природѣ своей и по сознанію своего превосходства, всегда, какъ извѣстно, склонны къ самовластію, къ диктатурѣ. Они не выносятъ противодѣйствія, раздражаются всякимъ противорѣчіемъ, почти неизбѣжнымъ при конституціонномъ строѣ страны. Всякая оппозиція возмущаетъ ихъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, она не можетъ исходить иначе, какъ отъ близорукой посредственности, дѣйствующей подъ вѣл-

ниемъ узкихъ, партийныхъ интересовъ минуты, и неспособной возвыситься до пониманія требованій высшихъ социальныхъ интересовъ. Если опытъ подтверждаетъ иногда справедливость подобнаго взгляда, то, съ другой стороны, и люди вышеуказаннаго закала точно также неспособны обыкновенно признавать за собой погрѣшности и возможности крайнихъ увлеченій, и потому напрягаютъ всѣ усилія, если не къ уничтоженію, то къ возможному ограниченію оппозиціи. Таковъ именно и такъ именно дѣйствуетъ и великій государственный человѣкъ Германіи, о которомъ мы ведемъ рѣчь. Для достиженія своихъ цѣлей онъ считаетъ необходимымъ: внутри—сосредоточеніе въ рукахъ правительства, т. е. въ его собственныхъ рукахъ, наибольшей власти и наибольшихъ финансовыхъ средствъ, чтобы обратить всю Германію въ одинъ строго дисциплинированный и грозно вооруженный, укрѣпленный воинскій станъ; а извнѣ—постоянное возбужденіе всякаго рода неурядицъ между другими державами и внутри ихъ, которые бы постоянно держали ихъ въ напряженномъ состояніи, возбуждали бы между ними соперничество и столкновеніе, не допускали бы никакихъ соглашеній, и такимъ образомъ способствовали бы постоянному истощенію и ослабленію всего, что не Германія.

И какъ извѣстно, князь Бисмаркъ, съ свойственною ему энергіею и настойчивостью, стремится достигать того и другаго съ неразборчивостью средствъ фанатика, доходящаго иногда до цинизма, до отрицанія всякой политической морали. Одинаково равнодушный къ похваламъ и нарицаніямъ, въ дружбѣ и враждѣ, онъ не признаетъ ничего обязательнымъ для себя, кромѣ интересовъ даже не германскаго народа, но лишь германской имперіи. Вышедшая недавно въ Германіи книга «Бисмарковская антологія» («Bismarcks-antologie»), сгруппировавшая, высказанныя желѣзнымъ канцлеромъ въ разное время и при различныхъ случаяхъ, его политическіе взгляды, мысли и принципы, вполне подтверждаютъ то, что мы только что сказали о политическихъ нравахъ князя Бисмарка. «Я мало нуждаюсь въ благодарности и равнодушенъ къ критикѣ».—«Я буду до конца прямо и неуклонно слѣдовать по пути, на который вступилъ въ интересахъ отечества; встрѣчу ли на этомъ пути любовь или ненависть—для меня это положительно безразлично». Вотъ образчики мыслей князя Бисмарка, которые мы встрѣчаемъ въ вышеуказанной книгѣ, вполне обрисовывающіе нравственную личность этого человѣка, котораго глубоко чтить и едва ли не столько же ненавидитъ Германія, предъ которымъ она преклоняется и которымъ тяготится почти въ равной степени, передъ патріотизмомъ и умомъ котораго не можемъ не преклониться даже мы, по чувству высшей безотносительной справедливости, не смотря на все зло, которое онъ постоянно дѣлалъ, дѣлаетъ и, конечно, будетъ дѣ-

латъ и еще много сдѣлаетъ нашему отечеству, если оно не станетъ, наконецъ, твердо и непоколебимо на почву строго національной политики; если оно не откажется отъ системы уступокъ и податливости, которыя, по мнѣнію самаго Бисмарка, занесенному въ упомянутую нами книгу, «лишь раздражаютъ аппетитъ» того, кому дѣлаются эти уступки, что, впрочемъ, и безъ князя Бисмарка отлично свидѣлствуетъ наша исторія.

Для достиженія своихъ цѣлей, желѣзный канцлеръ, какъ мы сказали уже выше, считаетъ необходимымъ внутри—усиленіе правительственной власти и денежныхъ средствъ; отсюда, съ одной стороны, его пренебреженіе и нескрываема антимпатія къ конституціоннымъ формамъ и вообще къ парламентаризму, его посягательство на конституціонныя права страны и, въ особенности, палаты; отсюда же, съ другой стороны, проекты его экономическихъ реформъ. На послѣднихъ выборахъ въ германскій рейхстагъ внутренняя политика князя Бисмарка потерпѣла, какъ извѣстно, пораженіе, и вышедшій изъ этихъ выборовъ настоящій составъ рейхстага оказался, какъ никогда еще, не соответствующимъ планамъ и стремленіямъ канцлера и нерасположеннымъ къ уступчивости. Такое обстоятельство, въ человѣкѣ, столь раздражительно относящемся вообще ко всякой оппозиціи, ко всякому противодействию, естественно должно было усилить его всегдашнюю антипатію къ парламентаризму и обострить его отношенія къ рейхстагу; и дѣйствительно эти отношенія между ними въ послѣднее время обострились до того, что, неостанавливаясь ни предъ чѣмъ канцлеръ счелъ нужнымъ выдвинуть противъ встрѣчаемой имъ въ рейхстагѣ упорной оппозиціи, права и прерогативы короны, придавая имъ столь широкое и своеобразное толкованіе, что за ними исчезаетъ, съ одной стороны, и значеніе большинства, и отвѣтственность министровъ передъ парламентомъ, а съ другой—устанавливается принципъ обязательнаго содѣйствія видамъ правительства всѣхъ чиновниковъ въ имперіи, даже въ дѣлѣ выборовъ депутатовъ рейхстага. Этотъ новый и по меньшей мѣрѣ необычный въ конституціонномъ государствѣ приемъ борьбы, вмѣшивающій, такъ сказать, непосредственно личность государя въ парламентскія дразги, очевидно способенъ скорѣе усилить, чѣмъ успокоить раздраженіе, и дѣйствительно онъ произвелъ въ Германіи крайне удручающее впечатлѣніе, подъ гнетомъ котораго и засталъ ее новый годъ. Такимъ образомъ, милой сосѣдѣ нашей—Германіи, и великому руководителю судебъ ея, князю Бисмарку, пришлось встрѣтить новый годъ, также какъ и намъ, въ достаточно сѣромъ настроеніи духа. По отношенію къ послѣднему, этотъ сѣрый оттѣнокъ усиливается еще, съ одной стороны, тѣмъ, что всѣ проектируемыя имъ мѣры въ пользу рабочихъ классовъ,—мѣры, долженствующія служить орудіемъ противъ социализма,

встрѣчаютъ весьма мало сочувствія, а главное, довѣрія, не только въ средѣ либеральныхъ партій вообще, но и въ средѣ самихъ рабочихъ; развѣдающій Германію социализмъ безостановочно продолжаетъ свою работу, тѣмъ успѣшнѣе, что чрезвычайный приростъ населенія увеличиваетъ въ странѣ число бѣдняковъ, и это печальное обстоятельство весьма мало ослабляется возрастающей эмиграціей. Такъ, напримѣръ, втеченіи прошлаго года въ Америку и Австралію выселилось изъ Германіи около 123,000 человекъ, но это далеко не бѣднѣйшій пролетаріатъ, который именно и удручаетъ страну. Переселеніе за океанъ требуетъ все-таки извѣстныхъ и, относительно, довольно значительныхъ средствъ, какими не располагаютъ наиболѣе бѣдные люди, остающіеся, такимъ образомъ, на хребтѣ страны; эмиграція же уноситъ изъ Германіи не только людей, но и талеры. Съ другой стороны, пресловутые майскіе законы, которые съ такимъ трудомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ успѣлъ провести въ рейхстагѣ князь Бисмаркъ, съ помощью національ-либераловъ, въ надеждѣ раздавить ими враждебную ему тогда партію центра и вообще обуздать нерасположеніе католической части Германіи къ гегемоніи протестантской Пруссіи, — эти пресловутые, говоримъ мы, майскіе законы далеко не привели къ предполагаемой цѣли, нарушивъ лишь религіозный миръ въ странѣ, и обострили только культурную борьбу, вслѣдствіе чего въ настоящее время приходится трубить назадъ и идти на сдѣлки съ Ватиканомъ или, какъ не безъ насмѣшки говорить либеральная печать, совершить путешествіе въ Каноссу, о которомъ князь Бисмаркъ заговаривалъ когда-то, что онъ никогда этого не сдѣлаетъ.

Если наступившій новый 1882 годъ засталъ горизонтъ внутренней жизни Германіи заволоченнымъ достаточно сѣрыми облаками; если нѣмцы встрѣтили наступленіе этого года, будируя противъ своего стараго канцлера и огрызаясь на его безцеремонное обращеніе съ ихъ представителями въ рейхстагѣ, то за то виды, отерывавшіеся имъ въ этотъ моментъ во всѣ стороны за предѣлами Германіи, благодаря искусству и заботливости того же непокладистаго для нихъ канцлера, могли только радовать нѣмецкое сердце, и дѣйствительно радовали настолько, что въ этомъ не могли не сознаться даже враждебные князю Бисмарку органы независимой германской прессы. Въ самомъ дѣлѣ, куда бы нѣмецъ ни обратилъ взоры за предѣлы своего фатерланда, всюду онъ могъ созерцать отрадную для него картину народовъ и правительствъ, враждебно или недовѣрчиво настроенныхъ одни къ другимъ, осажденныхъ внутри или внѣ различными злобами дня, истощающихъ свои средства и силы въ борьбѣ съ этими злобами, слишкомъ слабыхъ каждое въ отдѣльности, чтобы противодѣйствовать въ чемъ либо могущественной Германіи, и слишкомъ разбѣдиненныхъ между собою

искусно напущенными между ними разнаго рода черными кошками, чтобы оказать коллективное противодѣйствіе, и вслѣдствіе этого вынужденныхъ предоставить ей господство надъ положеніемъ дѣль въ Европѣ, заискивать въ ней, прислушиваться къ ея мнѣніямъ и болѣе или менѣе подчиняться ея требованіямъ или, говоря болѣе дипломатически, ея совѣтамъ и указаніямъ. Понятно, какимъ мѣщанскимъ тщеславіемъ, какимъ нагло-хвастливымъ задоромъ, свойственнымъ обыкновенно всякому выскочкѣ, должна надуваться грудь каждаго нѣмца, въ сознаніи такого небывалаго, чуть-ли не со временъ Карла Великаго, политическаго значенія его фатерланда, и какъ много можетъ онъ простить домашнихъ пиньковъ и подзатыльниковъ своему желѣзному канцлеру, котораго, онъ не безъ основанія признаетъ создателемъ такого, необычнаго для него, нѣмца, положенія, вѣлчительно съ черными кошками.

Въ самомъ дѣлѣ, что въ моментъ наступленія новаго 1882 г. представляла нѣмцу Европа, во всѣ стороны отъ Германіи?

Вотъ на востокъ отъ нея Россія, истощенная ловко подстроеною изъ Берлина войною, одуроченная и ограбленная заключеннымъ въ томъ же Берлинѣ миромъ, обиженная и обезкураженная тщетою своихъ благородныхъ усилій и великодушныхъ пожертвованій на защиту и освобожденіе отъ турецкаго ига единоплеменныхъ ей народовъ, тѣмъ же опять Берлиномъ обращенныхъ на новое порабощеніе ихъ нѣмцами и мадыарами; Россія, разоряемая ажіотажемъ берлинской биржи, удрученная руководимою и поддерживаемою изъ-заграницы крамолою; Россія, углубленная въ залечиваніе своихъ экономическихъ и соціальныхъ язвъ, обрѣзывающая свой военный бюджетъ, чтобы заткнуть свои финансовыя прорѣхи. Вотъ эта, когда-то грозная и всегда ненавистная нѣмцу Россія, ненавистная тѣмъ болѣе, что она сама своими руками, чуть не вынаничила ядро его фатерланда—Прусію, столько разъ выручала и помогала ему, и безъ помощи которой, можетъ быть, не было бы и самаго Седана, и пятимиллиардной контрибуціи. Какъ же не радоваться нѣмцу картинѣ, представляющей ему за восточнымъ рубежомъ его; какъ же не думать ему, что, по крайней мѣрѣ съ этой стороны, нивакія его притязанія и поползновенія не встрѣтятъ отпора, и притомъ на этотъ разъ уже не по добродушному сосѣдскому благожелательству, не по родственнымъ и дружескимъ связямъ, какъ бывало прежде, а просто по слабости, по безсилію дать отпоръ. И глава нѣмцевъ Бисмаркъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, захотѣлъ было привести въ исполненіе давно задуманный имъ планъ относительно Россіи, о которомъ подробно говорится въ предшествующей статьѣ нашего сотоварища: «Власти—бдите!»

Говоря въ свое время о данцигскомъ свиданіи, мы хотя и не имѣли въ виду тѣхъ откровеній, которыя сообщили газетные корреспонденты, но, какъ читатели наши вѣроятно припомнятъ, мы, такъ сказать, предугадали то, что теперь дѣлается извѣстнымъ изъ вышеприведенныхъ откровеній, угадывали просто по соображенію наличныхъ обстоятельствъ и существовавшихъ данныхъ. Немаловажнымъ препятствіемъ для осуществленія враждебныхъ для Россіи плановъ князя Бисмарка является до сихъ поръ, конечно, самъ маститый императоръ Германіи, который, при рыцарски-благородномъ характерѣ своемъ, не можетъ, безъ сомнѣнія, не возмущаться несправедливою войною противъ своего стараго и вѣрнаго союзника—Россіи, оказавшей столько самоотверженныхъ услугъ и ему, и его предшественникамъ, и Пруссіи въ частности, и Германіи вообще. Но желѣзный канцлеръ не таковой человѣкъ, чтобы могъ уступить даже и этому препятствію, такъ сказать, даромъ; и въ свое время, по поводу свиданія двухъ императоровъ, мы говорили, что князь Бисмаркъ явился въ Данцигъ на это свиданіе, конечно, не затѣмъ только, чтобы платонически наслаждаться картиною обмѣна родственныхъ чувствъ между августѣйшими дѣдомъ и внукомъ. Онъ слишкомъ дѣловой человѣкъ для такихъ сентиментальностей; если въ горячее время чрезвычайно интересовавшей его выборной агитаціи потрудился пріѣхать въ Данцигъ, то, конечно, для того, чтобы въ интимныхъ бесѣдахъ съ управляющимъ нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ г. Гирсомъ сдѣлать выгодный для Германіи политическій гешефтъ на счетъ Россіи, и успѣхомъ этого гешефта объясняется то «успокоеніе», о которомъ упоминалъ г. Гирсъ въ своей бесѣдѣ съ австрійскимъ посломъ въ Петербургѣ графомъ Кальноки. «Неожиданная же умѣренность» тона князя Бисмарка въ Данцигѣ, о которой г. Гирсъ также счелъ нужнымъ сообщить австрійскому послу, показываетъ, что данцигскій гешефтъ былъ менѣе тяжелъ для насъ, чѣмъ ожидалъ того дипломатическій представитель Россіи. Основываясь на послѣдовавшемъ скорѣ за данцигскимъ свиданіемъ откровеніи англійской консервативной газеты «Standart», мы полагали тогда и, по нѣкоторымъ даннымъ, полагаемъ и теперь, что политическій гешефтъ германскаго канцлера въ Данцигѣ заключался, по крайней мѣрѣ главнымъ образомъ, въ застрахованіи полной свободы дѣйствій для Австріи по отношенію въ славянамъ на Балканскомъ полуостровѣ отъ противодѣйствія Россіи, т. е. въ отказѣ отъ нашей исторической задачи на востокѣ. Что же, по нынѣшнему времени, это дѣйствительно довольно умѣренно, если принять въ соображеніе, что этою уступкою покупалось отклоненіе или, какъ мы продолжаемъ думать, лишь отсрочка угрожающей намъ изъ Берлина катастрофы—войны; продолжаемъ же мы такъ думать и потому, между прочимъ, что, по мнѣнію самого князя Бисмарка, зане-

сенному, какъ мы выше видѣли, въ его антологию, «уступки только раздражаютъ аппетитъ». Дай Богъ, чтобы мы съумѣли хотя воспользоваться данною намъ отсрочкою.

Все нами сказанное относительно Германіи удостовѣряетъ, что при наступленіи настоящаго года германскій нѣмецъ могъ быть вполне доволенъ положеніемъ дѣлъ на востокъ отъ своего фатерланда. Не менѣе утѣшительныя картины представляются ему на югѣ и на западѣ.

На югѣ ему представляется прежде всего Австро-Венгрія, рабски-покорно идущая на помочахъ Берлина, скрѣпя сердце совершающая свою, яко-бы, культурную миссію на востокъ, чтобы подготовить, руками своихъ славянъ и тупоумныхъ въ своей ненависти къ славянамъ и своемъ самогнѣніи мадьяръ, Балканскій полуостровъ для наводненія его нѣмцами. Направляемая этими помочами, путемъ захватовъ за Дунаемъ, она противъ воли стремится превратить себя въ славянскую державу, съ тѣмъ, чтобы отдать за то свои нѣмецкія провинціи, исконное гнѣздо габсбурговъ, Германіи. Политическія обстоятельства Европы какъ нельзя болѣе благоприятствуютъ въ настоящее время осуществленію этого плана, по крайней мѣрѣ по отношенію къ захватамъ. Какъ увидимъ ниже, въ томъ же Берлинѣ дѣло подстроено такъ ловко, что никто уже въ Европѣ не закричитъ теперь: «прочь руки!» Такъ думаютъ, по крайней мѣрѣ, въ Берлинѣ и нетерпѣливо понукаютъ Австрію пользоваться благоприятными обстоятельствами и спѣшить дѣломъ. Поводомъ къ приступу, къ началу движенія должна служить необходимость подавить возстаніе въ Герцеговинѣ и въ Бокѣ Которской. Возстаніе, возбужденное искусственно самимъ правительствомъ, которое издавна само подготавливало его путемъ всевозможныхъ притѣсненій населенія, особенно православнаго, въ Герцеговинѣ и Босніи, и окончательно вызванномъ, какъ здѣсь, такъ и въ собственной австрійской провинціи Бокѣ Которской, введеніемъ всеобщей воинской повинности, что составляетъ, по отношенію къ первымъ, наглое нарушеніе и берлинскаго трактата, и правъ султана, а по отношенію ко второй—нарушеніе правъ населенія, обезпеченныхъ ему вѣнскимъ конгрессомъ, по которому Бока Которская досталась Австріи подъ условіемъ, что жители ея никогда не будутъ австрійскими солдатами, сохранять свой судъ и право носить оружіе. Попытка къ нарушенію этихъ правъ была уже сдѣлана одинъ разъ австрійскимъ правительствомъ, если не ошибаемся, въ 1869 году, и тогда кривошане отстаивали свои права. Теперь понадобилось снова возбудить въ средѣ ихъ возстаніе, чтобы, подъ предлогомъ усмиренія возстанія, какъ здѣсь, такъ и въ Герцеговинѣ, занять ихъ горы и стѣснить съ этой стороны Герцеговину и Черногорію, служащую какъ-бы опорнымъ пунктомъ и для кривошанъ, и для герцеговинцевъ. Та же потребность усмиренія оправдываетъ сгруппиро-

ваніе на мѣстѣ значительныхъ силъ, помощью которыхъ можно было бы окончательно, яко-бы, завоевать временно уступленные Австріи турецкія провинціи, занять Новобазарскій округъ, подчинить независимыя славянскія княжества, обрѣзать ихъ, подъ видомъ исправленія границъ, необходимаго, яко-бы, для предупрежденія на будущее время возстаній въ Кривошѣ, Герцеговинѣ и Босніи, и такимъ образомъ подготовиться къ дальнѣйшему движению на Салоники. Сказавъ выше, что возстаніе, какъ въ Герцеговинѣ, такъ и въ самой Бокѣ Которской, вызвано искусственно, мы основываемся на томъ, что австрійское правительство не могло не знать, не предвидѣть, къ какимъ результатамъ неизбѣжно долженъ былъ привести образъ его дѣйствій въ этихъ провинціяхъ. Относительно Боки Которской она имѣла въ виду опытъ 1869 года. Что же касается Герцеговины и Босніи, то хотя настоящее возстаніе въ этихъ провинціяхъ австрійскою офиціозною печатью приписывается исключительно яко-бы введенію въ этихъ провинціяхъ всеобщей обязательной воинской повинности, но независимая печать положительно опровергаетъ такое увѣреніе офиціозовъ. Группируя показанія свободной печати по этому предмету, «Новое Время» (№ 2112 сего года) говоритъ: «Она, т. е. свободная пресса, утверждаетъ, что возстаніе является результатомъ анти-политическаго и анти-гуманнаго обращенія съ покореннымъ краемъ; воинская же повинность была лишь каплею, переполнившюю чашу терпѣнія угнетеннаго народа. Первый губернаторъ Босніи и Герцеговины фельдцейхмейстеръ Филипповичъ пытался управлять на началахъ справедливости. Онъ покровительствовалъ христіанскому элементу, не давалъ мусульманскимъ бегамъ (помѣщикамъ) притѣснять райю, предполагалъ установить болѣе правильныя отношенія между собственниками и арендаторами, совѣтовалъ не увеличивать уже и безъ того непомерныя налоги. Но политика Филипповича не понравилась въ Вѣнѣ; онъ былъ отозванъ и на мѣсто его назначенъ герцогъ Вильгельмъ Виртембергскій. Герцогъ вовсе не былъ знакомъ съ краемъ и потому ограничился военною сферою, предоставивъ вѣнскимъ чиновникамъ гражданское управленіе. Вотъ эти-то чиновники и суть главные виновники нижнѣшняго возстанія. По ихъ предписанію мусульманамъ не только возвратили ихъ прежнія права и преимущества, но даже оказывали всевозможныя почести. Феодальные порядки были восстановлены, нерѣдко при содѣйствіи военныхъ командъ. Масса христіанскаго населенія, особливо православнаго, осталась тѣмъ же безправнымъ стадомъ, чѣмъ была прежде. Не смотря на крайнее истощеніе края продолжительными возстаніями и войнами, не только не послѣдовало уменьшенія налоговъ, а были напротивъ введены новые, несуществовавшіе при турецкомъ режимѣ. Къ десятины и третины присоединились: на-

логъ на рогатый скотъ, поземельный налогъ, налоги на соль и табакъ, налогъ на всѣ предметы потребления и т. д. Къ тому же налоги взимались съ безопадною строгостью. Жалобы оставались безъ вниманія, въ Вѣну пропускались лишь такія депутаціи, которыя на всѣ вопросы императора отвѣчали, что край благоденствуетъ и что тамъ все обстоитъ благополучно. Тѣмъ временемъ недовольство народа новыми хозяевами обнаруживалось все рѣзче и явственнѣе. Такимъ образомъ горячаго матеріала, нагроможденнаго австрійцами въ Босніи и Герцеговинѣ, было вполне достаточно, когда изъ Вѣны пришелъ приказъ о привлеченіи населенія этихъ провинцій къ отбыванію воинской повинности. Этимъ нововведеніемъ остались недовольны, какъ притѣсняемые австрійцами православные, такъ и покровительствуемые ими мусульмане, и возстаніе началось. Съ своей стороны, мы прибавимъ, что нѣкоторые органы независимой австрійской печати, напримеръ, вѣнская «Presse», давно уже предостерегали правительство, что система управленія, которая практикуется имъ въ присоединенныхъ турецкихъ провинціяхъ, ничего, кромѣ ненависти къ Австріи и озлобленія на нее со стороны населенія, произвести не можетъ.

Въ Европѣ и особенно въ Австріи, какъ извѣстно, давно уже вошло въ обычай всякое національное движеніе въ славянствѣ приписывать русскимъ проискамъ, рублямъ. Такъ недавно еще попытка одного униатскаго прихода въ восточной Галиціи возвратиться на лоно православной церкви, и польскими, и нѣмецкими клерикально-католическими органами приписывалась подкупу галиційскихъ крестьянъ русскими чиновниками и священниками. Къ тому же избитому маневру прибѣгаетъ и въ настоящее время офиціозная и враждебная славянству печать въ Австріи и въ Венгріи для объясненія возстанія кривошанъ и герцеговинцевъ. Пытаясь заглушить справедливыя обвиненія независимой печати, офиціозная и враждебная славянамъ австрійская печать громко трубить («Новое Время», № 2112 сего года), что возстаніе порождено не столько недовольствомъ населенія Босніи и Герцеговины, сколько интригами Черногоріи, Сербіи и въ особенности Россіи. Одна газета увѣряетъ, что на-дняхъ въ какомъ-то горномъ ущельѣ на герцеговинско-черногорской границѣ Стоянъ Ковачевичъ имѣлъ тайное свиданіе съ русскимъ полковникомъ барономъ Каульбарсомъ; другіе стараются привести въ связь съ герцеговинскимъ возстаніемъ повѣзду генерала Дохтурова и сопровождающихъ его двухъ полковниковъ нашего генеральнаго штаба по Румыніи, Болгаріи и Сербіи; третьи, наконецъ, сообщаютъ, что у Перо Матановича, арестованнаго на-дняхъ въ Триестѣ и въ квартирѣ Петко Старевича въ Требинѣ, двухъ извѣстныхъ южно-славянскихъ агитаторовъ, найдены документы, свидѣтельствующіе объ ихъ сношеніяхъ съ митрополитомъ Михаиломъ

сербскимъ и съ русскими славянофильскими кружками. Какъ видно, вся тактика вѣнской офиціозной прессы заключается въ томъ, чтобы какъ нибудь свалить вину съ больной головы на здоровую. Тактика старая, но она въ данный моментъ едва-ли кого введетъ въ заблужденіе. Какъ-бы то ни было, дѣло сдѣлано, вступительная часть берлинской инструкціи исполнена — возстаніе возбуждено и сосредоточеніе на театрѣ значительныхъ военныхъ силъ — по послѣднимъ извѣстіямъ свыше 50,000 — послѣдственно производится. Въ исходѣ возстанія, къ сожалѣнію, трудно сомнѣваться. Силы борющихся слишкомъ неравны, а обстоятельства, какъ мы уже сказали, подстроены такъ, что храбрымъ славянскимъ устамъ неоткуда ждать ни помощи, ни даже дипломатическаго заступничества. Не только работающее предъ Австріей настоящее сербское правительство, но и бывший до сихъ поръ менѣе податливымъ, но теперь, какъ слышно въ послѣднее время, также подчинившійся австрійской ферулѣ князь черногорскій, примутъ, конечно, всё мѣры, чтобы не допустить своихъ подданныхъ до какаго нибудь дѣятельнаго содѣйствія единоплеменнымъ повстанцамъ, хотя ненужно, повидимому, особой прозорливости, чтобы понять, что торжество швабовъ и мадьяръ въ сосѣднихъ славянскихъ земляхъ, не замедлитъ неблагоприятно отразиться на независимости ихъ собственныхъ княжествъ. Одною изъ самыхъ печальныхъ сторонъ возникшей въ настоящее время борьбы между возставшими славянами и Австріей есть безъ сомнѣнія то, что это будетъ борьба братоубійственная, позорная для славянства. Большая часть австрійскихъ войскъ, посланныхъ для усмиренія возстанія, состоитъ изъ чешскихъ и хорватскихъ полковъ, и такимъ образомъ славяне будутъ душить славянъ же для порабоженія ихъ нѣмцамъ и мадьярамъ. Жалкая, жалкая судьба славянства! Полагаемъ однако же, что торжество, во всякомъ случаѣ, нелегко и недешево достанется врагамъ славянства. Въ 1869 году число повстанцевъ кривошанъ не достигало, насколько извѣстно, и 1,000 человекъ и они тѣмъ не менѣе успѣли отбиться отъ посланныхъ противъ нихъ нѣсколькихъ тысячъ австрійскихъ солдатъ и отстоять свои права. Что касается до герцеговинцевъ, то недавняя трехлѣтняя борьба ихъ съ турками, веденная почти безъ всякой посторонней помощи, даетъ право рассчитывать, что они и теперь съумѣютъ постоять за себя. Во главѣ ихъ стоятъ старыя прославившіеся вожди, каковы: Ковачевичъ, Сочица, Зимоничъ и др., а всегдашній союзникъ ихъ—горныя труппы ихъ родины и теперь налицо при нихъ. Возстаніе же между тѣмъ разрастается и по послѣднимъ извѣстіямъ симптомы его обнаруживаются даже въ Сараевѣ и Мосгарѣ, чего не было даже во время возстанія 1875—1878 годовъ. Съ другой стороны, работа, исполняемая австро-венгерскимъ

правительствомъ въ пользу Германіи, тяжело ложится на населеніе монархіи габсбурговъ. Въ средѣ этого населенія, занятаго мирными промышленными дѣлами своими, весьма немного сочувствующихъ и даже знающихъ вполнѣ грандіозные планы желѣзнаго канцлера и увлекающихся перспективою западно-славянской имперіи подѣ скипетромъ габсбурговъ; въ венгріи же слѣбнымъ антиславянскимъ шовинизмомъ проникнута только немногочисленная въ средѣ мадьяръ интеллигенція.

Остальное населеніе обѣихъ половинъ имперіи, т. е. громадное большинство его чувствуетъ только, что завоевательныя похоти правительства увеличиваютъ только и безъ того нелегкое бремя податной тяготы, понижаютъ курсъ, увеличиваютъ дороговизну, нарушаютъ нормальное теченіе промышленныхъ дѣлъ и, наконецъ, отзываютъ людей отъ мирныхъ занятій подѣ ружье. Оно видитъ, что вслѣдствіе возстанія, возбужденнаго, все равно для него, умыслено или неумышленно самимъ правительствомъ въ присоединенныхъ турецкихъ областяхъ, присоединенія которыхъ оно, это населеніе, вовсе не желало—расходы военнаго министерства быстро возрастаютъ. Объявленные въ началѣ достаточными для подавленія возстанія 2.000,000 гульденовъ, возрасли уже до 10.000,000, и дѣло по всей вѣроятности не остановится и на этой цифрѣ. Съ одной стороны, эта неприятная для податныхъ кармановъ перспектива, а съ другой—призывъ резервистовъ произвели въ Австро-Венгріи самое тяжелое впечатлѣніе, что совершенно отражается въ печати. Но Берлину что за дѣло до всего этого? Его предначертанія должны быть исполнены; что же касается тяготы, которая падаетъ на населеніе исполнительницы этихъ предначертаній Австріи, то большинство этого населенія славяне и мадьяры, которые для того и существуютъ, чтобы работать на нѣмцевъ. Если часть этой тяготы захватитъ немного и австрійскихъ нѣмцевъ, то такая маленькая неприятность съ избыткомъ вознаградится для нихъ неизмѣримымъ счастьемъ вступить въ лоно великаго общегерманскаго фатерланда. Такимъ образомъ положеніе дѣлъ и въ Австро Венгріи при наступленіи 1882 года должно было вполнѣ удовлетворить нѣмца бисмарковскаго прихода.

Южнѣ Австріи лежитъ стародавняя болячка Европы, далеко неблистательная нынѣ Оттоманская Порта. Дома у нея безурядье, извнѣ обижаютъ ее, съ одной стороны, въ Тунисѣ—Франція, съ другой въ Герцеговинѣ и Босніи—Австрія, начавшая распорядиться въ нихъ съ полнымъ забвеніемъ правъ султана, не говоря о притязаніяхъ Англіи на Египетъ, и все это дѣлается по вдохновеніямъ изъ Берлина. Порта протестуетъ, но протестуетъ въ одиночествѣ, потому что дѣло устроено такъ, что всѣ другія державы, когда-то столь чувствительныя, столь ревнивыя другъ къ другу относительно всякаго прикосновенія къ во-

сточному вопросу, теперь какъ-бы не замѣчаютъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, разнообразныхъ и довольно безцеремонныхъ точекъ, которыя наносятся этому вопросу со всѣхъ сторонъ. Но Берлинъ успѣлъ увѣрить блистательную Порту, что все это дѣлается къ ея же благополучію и по особенной къ ней дружбѣ и сочувствію. Что подъ условіемъ не мѣшать только Австріи, ей, блистательной Портѣ, помогутъ во всемъ остальномъ и противъ всѣхъ; помощью германскихъ чиновниковъ устроятъ отличнымъ манеромъ и финансы ея, и административные порядки, помощью германскихъ заводчиковъ, офицеровъ и инструкторовъ непобѣдимѣйшимъ образомъ организуютъ ея военныя силы, помощью берлинской политической магіи посодѣйствуютъ утвержденію панисламизма и султанскаго калифата по всему сѣверному побережью Африки, упраздненію англо-французской опеки въ Египтѣ, а пожалуй даже и изгнанію французовъ не только изъ Туниса, но изъ Алжиріи, лишь бы только она, Порта, повременила съ послѣднимъ, такъ какъ пока необходимо занимать и истощать Францію африканскими дѣлами.

Въ вознагражденіе же за это маленькое терпѣніе, она можетъ наплевать на неисполненныя еще ею обязательства по берлинскому трактату, напримѣръ, по отношенію реформъ въ Малой Азіи, армянскаго вопроса, денежныхъ расчетовъ съ Россіею за минувшую войну и т. п. мелочей. Берлинскіе уроки политической мудрости настолько, повидимому, были убѣдительны, что Порта признала себя обязанною особымъ, торжественнымъ посольствомъ выразить Берлину свою признательность и готовность во всемъ подчиниться его указаніямъ, съ поднесеніемъ при семъ орденовъ и подарковъ въ знакъ своей совершенной преданности и глубочайшаго почтенія и затѣмъ, заручившись берлинскимъ благословеніемъ, сочла уже возможнымъ не только пуститься во всякія ябѣдничества относительно платежа долговъ своихъ Россіи, но и явно грубить и огрызаться противъ Англіи и Франціи, о чемъ, съ давнихъ поръ, она не смѣла и помыслить. Таково знаменіе времени. Новый, 1882 годъ засталъ, такимъ образомъ, Турцію подъ управленіемъ двухъ султановъ, съ строгимъ раздѣленіемъ компетенцій. Одному, Абдуль-Гамидъ-хану предоставлено непосредственное господство надъ сералемъ, съ внѣшнимъ фигурированіемъ власти; другой — посоль Германской имперіи, безъ внѣшняго оказательства власти и права на вмѣшательство въ непосредственныя дѣла гарема, полновластно управляетъ государствомъ чрезъ посредство германскихъ чиновниковъ и по инструкціямъ изъ Берлина. Понятно, что и взглядъ на Турцію, при наступленіи 1882 г., не мало долженъ былъ радовать нѣмецкое сердце.

Не менѣе отрадная картина представилась созерцанію нѣмца въ новый годъ и на западѣ. Вотъ, напримѣръ, Италія, встрѣтившая новый годъ въ положеніи человѣка, сѣвшаго между двумя стульями, по ми-

лости того же Берлина. Разсоренная тунискимъ дѣломъ съ Франціею, она бросилась было на поклонъ въ Берлинъ, но туда ее, какъ извѣстно, не пустили, дозволивъ ей только принести повинную за мечтанія о «неискупленной Италіи» въ Вѣнѣ; а теперь, когда въ Берлинѣ понадобилось помириться съ своими католиками, оттуда же поднимается вопросъ о возстановленіи свѣтской власти святѣйшаго отца папы—обстоятельство, вполне достаточное для внушенія государственнымъ людямъ Италіи грустныхъ размышленій, что измѣняя сторяча національнымъ интересамъ, можно иногда совершенно неожиданно понасть пальцемъ... ну хоть въ чернильницу. Конечно, изъ чужихъ рукъ выгодно получать подачки, не только такіе цѣнные, какъ освобожденіе, подаренное Наполеономъ III, но и менѣе крупные, какъ, напримѣръ, Венеція и Римъ. Но вѣдь переметными сумами хотя и пользуются при случаѣ, но потомъ ихъ бросаютъ, когда въ нихъ нѣтъ крайней надобности. Держава, которая желаетъ, чтобы на нее смотрѣли, дѣйствительно, какъ на великую державу, должна внушить къ себѣ довѣріе и держаться пословицы: «не надѣйся дѣдъ на чужой обѣдъ, а пораньше вставай, да свой затѣвай».

Далѣе, за Италіей идетъ Франція, съ своею тунискою фонтанелью, которую она такъ опрометчиво позволила наложить на себя, которая истоощаетъ ее теперь и не мало хлопотъ готовить ей въ будущемъ. Франція одинокая, излированная, съ плохую военную организаціею, какъ показала та же тунисская экспедиція, озабоченная своими внутренними парламентскими дрязгами и неспособная, при настоящихъ условіяхъ, проявлять принадлежавшее ей, когда то, вліяніе на политическія дѣла Европы.

Не въ лучшемъ, въ этомъ отношеніи, положеніи находится и задорный, когда-то, Альбіонъ. Собственною ядовитостью или тоже благодаря какому нибудь дружескому содѣйствію, но старая злокачественная ирландская язва ея разболѣлась уже въ настоящее время, какъ едва-ли когда бывало до сихъ поръ со времени покоренія Зеленаго острова. Либеральное министерство не имѣетъ смѣлости прибѣгнуть къ рѣшительнымъ, цѣлесообразнымъ мѣрамъ для уврачеванія язвы, да если-бы и осмѣлилось предложить ихъ палатамъ, то, конечно, потерпѣло бы полнѣйшее фіаско и лишь ускорило бы свое паденіе, такъ какъ никакіе аргументы его не въ состояніи были прошибить толстокожій эгоизмъ и закорузлые предрасудки достопочтенныхъ членовъ обѣихъ англійскихъ палатъ; палативныя же мѣры, которыя съ такимъ трудомъ и урѣзками удалось министерству Гладстона вырвать у этихъ палатъ, не только не приносятъ облегченія, но, есть основаніе думать, еще сильнѣе растрavляютъ язву, которая и поглощаетъ все вниманіе, едва-ли не всѣ средства правительства и притомъ, повидимому, на-

столько, что ему уже не до дѣлъ континента, не до того, чтобы наблюдать за движеніемъ хищническихъ лапъ на немъ и бить по этимъ лапамъ, чтобы они не протягивались къ чужому. Знаменательнымъ указаніемъ на то, что именно такую безсильную, по крайней мѣрѣ для вѣшняго воздѣйствія, кажется Англія нѣкоторымъ европейскимъ политическимъ воротиламъ, въ настоящее время можетъ служить то, что оно, это время, избрано ими для возбужденія египетскаго вопроса затрогивающаго самые кровные интересы Англіи, причѣмъ даже, съ позволенія сказать, Турція осмѣливается, какъ мы сказали выше, огрызаться съ нею по этому вопросу. Въ то же время, въ самой Англіи обнаруживаются совершенно неожиданно крайне дикіе симптомы какой-то перемѣны политическаго настроенія, указывающіе на неизвѣстно пока куда идущее стремленіе испортить установившіяся было, со вступленіемъ во власть либеральнаго министерства, хорошія отношенія между Россією и Великобританією. Исконное предразсудочно-болѣзненное британское руссофобіе, притихшее было съ паденіемъ министерства яраго руссофоба Биконсфильда, появляется снова и съ какимъ-то, какъ-бы умышленно-афектированнымъ шумомъ сгѣшпить заявить о своемъ появленіи на сцену.

Въ настоящемъ пробужденіи британской руссофобіи, нелишнемъ на этотъ разъ даже нѣкотораго комизма, есть одна совершенно новая странность. Руссофобія въ Англіи есть, какъ извѣстно, національная болѣзнь, нѣчто въ родѣ, если такъ можно выразиться, національнаго маньякизма, по временамъ ослабѣвающаго, притихающаго, но никогда не прекращающагося совершенно, временами же доходящаго до приступовъ бѣшенства. До сихъ поръ болѣзнь эта, какъ извѣстно, также коренилась, такъ сказать, на почвѣ восточнаго вопроса. Какъ въ Европѣ, такъ еще болѣе въ средней Азій, корень ея главнымъ образомъ заключался въ страхѣ за Индію. Если послѣ періода успокоенія болѣзни, наступившаго послѣ вступленія во власть виговъ и Гладстона, можно было ожидать новаго приступа болѣзни, то, по прежнимъ примѣрамъ, такой пароксизмъ долженъ былъ, казалось бы, обнаружиться послѣ побѣдъ генерала Скобелева и покоренія ахаль-текинскихъ туркменъ. Противъ ожиданія, дѣло тогда обошлось довольно благополучно; но вдругъ, совершенно неожиданно, самый бѣшенный взрывъ руссофобіи прорывается въ настоящее время, и въ этомъ взрывѣ ни о восточномъ вопросѣ, ни объ Индіи нѣтъ помина. Взрывъ прорывается по поводу жидовъ ¹⁾, по поводу бывшихъ въ прошломъ году въ юго-западной Россіи,

¹⁾ Мы раздѣляемъ понятія: «еврей» и «жидъ», сообразно пословицѣ, «что хотя всякій жидъ—еврей, но не всякій еврей—жидъ». Разница, полагаемъ, очевидная, ае требующая разъясненій.

а недавно и въ Варшавѣ, противожидовскихъ безпорядковъ, произведенныхъ простонародьемъ, озлобленнымъ поведеніемъ самихъ же жидовъ относительно народа. Безпорядки эти, какъ всякое нарушение общественной безопасности и порядка путемъ насилія и самоуправства, представляютъ конечно явленіе прискорбное и нежелательное, но они вовсе не имѣли ни религіозной подкладки, ни того кроваваго трагическаго характера возмутительной народной жестокости и неистовства, сопровождаемаго убійствами и насиліемъ женщинъ (послѣднее особенно совершенно не въ нравахъ нашего простонародья въ подобныхъ обстоятельствахъ, который стараются приписать имъ создатели, двигатели настоящей англо-жидовской шумихи). Вызванныя безконечно продолжительною, постоянно противозаконною, постоянно преступною и безнравственною дѣятельностью самихъ жидовъ направленною во вредъ и разореніе народа, и притомъ постоянно не только безнаказанною, но и ничѣмъ дѣйствительно необуздываемою, — безпорядки эти были прямымъ послѣдствіемъ указанной нами причины со стороны потерявшаго терпѣніе народа, лишеннаго всякой защиты и огражденія отъ жидовской эксплуатаціи и экономическаго порабощенія, вслѣдствіе вѣрнопой жидовской солидарности, ихъ ловкости обходить всякій законъ, парализовать всякую мѣру направленія противъ ихъ магической дѣятельности. Вызванный исключительно экономическими причинами, жидовскій погромъ у насъ имѣлъ и чисто экономическій характеръ. Господствующій, всепробладавшій характеръ этого погрома, повсюду, какъ извѣстно, выражался въ истребленіи жидовскаго имущества, какъ несправедливо, незаконно нажитаго, по мнѣнію темнаго люда; и онъ истреблялъ это неправое нажитое добро, но не пользовался имъ и не трогалъ его хозяевъ, если они сами не вступали въ борьбу. Всѣми слѣдствіями, произведенными по поводу противожидовскихъ безпорядковъ, также какъ и очевидцами, положительно доказано что воровство и грабежъ являлись всюду лишь частными случаями, произведенными главнымъ образомъ примѣшавшимися къ народу, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, разными темными личностями, занимающимися обычною ловлею рыбы въ мутной водѣ. Точно тоже можно сказать и относительно насильственныхъ дѣйствій, непосредственно противъ личности жидовъ. Поубиенія, увѣчья, раны во время жидовскихъ погромовъ являются отдѣльными, единичными случаями, вызванными по большей части самими жидами тамъ, гдѣ они пытались отбиваться и пускали въ ходъ револьверы. Это вполне подтверждается и относительно ничтожнымъ числомъ лицъ, требовавшихъ медицинской помощи, послѣ всѣхъ отдѣльныхъ случаевъ жидовскаго погрома въ разныхъ мѣстахъ Россіи; притомъ въ числѣ пострадавшихъ были не одни жидаи, но и христіане, изъ числа нападавшихъ. Случаевъ намѣреннаго убій-

ства, а тѣмъ паче убійства дѣтей или насилуванія женщинъ не было нигдѣ, ни одного; ихъ по крайней мѣрѣ не обнаружено ни однимъ слѣдствіемъ, о нихъ не упомянуто ни одинъ мѣстный корреспондентъ ни въ русскихъ, ни даже въ издающихся не только въ Россіи, но и за границу жидовскихъ газетахъ, и только теперь, по прошествіи года, извѣстія о подобныхъ ужасахъ появились на столбцахъ нѣсколькихъ англійскихъ газетъ. Говоря вообще, ни предвидѣть, ни предупредить внезапныя вспышки и прорывы массоваго раздраженія въ народѣ, подобныя тѣмъ, которыя проявились въ Россіи въ прошломъ году противу жидовъ, никакое правительство, никакая администрація не въ состояніи. Явленія этого рода возникаютъ болѣе даже неожиданно, безъ всякихъ предупреждающихъ симптомовъ, чѣмъ взрывы, напримеръ, отъ паровыхъ котловъ или прорывы плотинъ, и затѣмъ распространяются съ быстротою и неудержимостью пожаровъ и наводненій. Все, что можетъ сдѣлать въ такихъ прискорбныхъ случаяхъ мѣстная власть— это съ возможною быстротою принять возможные мѣры къ прекращенію безпорядковъ и къ наказанію виновныхъ въ совершеніи ихъ. Все это, болѣе или менѣе энергично, было исполнено властями всюду, гдѣ только появлялись противу-жидовскіе безпорядки въ Россіи, хотя эти власти и застигнуты были ими совершенно върасплохъ. Что касается до центральнаго правительства и до русскаго общества, то, какъ то, такъ и другое съ одинаковою строгостью отнеслись къ проявленію буйнаго самоуправства простонародья нашего противу жидовъ, при всемъ сознаніи, что первыми виновниками народнаго озлобленія, вызваннаго безпорядки, были сами же жидаы. Со стороны правительства, послѣ произведенныхъ повсюду, гдѣ проявлялись безпорядки, строгихъ слѣдствій виновные, по крайней мѣрѣ, главные и непосредственные зачинщики, руководители или подстрекатели были преданы суду и подвергнуты болѣе или менѣе строгимъ наказаніямъ влючительно до ссылки въ Сибирь на поселеніе и въ каторжныя работы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видахъ предупрежденія подобныхъ прискорбныхъ случаевъ на будущее время, въ главныхъ пунктахъ всей той части государства, которая наиболѣе отравлена присутствіемъ многочисленнаго жидовскаго населенія, назначены были особыя комісіи для мѣстнаго изслѣдованія ядовитаго жидовскаго вопроса. Съ своей стороны, общество путемъ печати выразило... не будемъ скрывать,—выразило не оправдательное сочувствіе къ жидамъ, какъ безвинно потерпѣвшимъ. Нѣтъ, конечно, этого ни одинъ непроданный и не продавшійся жидамъ органъ печати, какъ выразитель дѣйствительнаго общественнаго мнѣнія, не могъ и не можетъ сдѣлать, не только у насъ, но и нигдѣ въ мірѣ, гдѣ только есть жидаы, ни даже въ самой Англій, не смотря на внезапный взрывъ юдофильскаго фарисейства въ настоящую минуту; но вся печать выразила глубокое сожалѣніе, что

такое прискорбное явленіе имѣло и, въ особенности, что оно могло имѣть мѣсто, что существуютъ условія, способныя вызывать подобныя явленія. Замѣтимъ также, что проявленіе народнаго раздраженія въ насильственной формѣ противъ жидовъ, вслѣдствіе ихъ ядовитаго значенія въ экономической жизни народа, въ родѣ тѣхъ, какія произошли у насъ въ юго-западной Россіи, какъ мы говорили уже о томъ своевременно, обнаруживались далеко не у насъ только. Примѣры подобныхъ взрывовъ гораздо ранѣе проявлялись въ Галиціи, въ Молдавіи, наконецъ, въ высоко-культурной Германіи. Въ послѣдней, какъ извѣстно, нападенія мѣстныхъ жителей христіанъ на жидовъ повторялись въ послѣдніе годы многократно, во многихъ мѣстахъ и раньше и позже нашихъ беспорядковъ, и если количественно жидовскіе погромы въ Германіи уступали нашимъ, то по той простой причинѣ, что Германія не изобилуетъ такой массой жидовъ, какъ Россія. Тамъ, какъ извѣстно, одинъ жидъ приходится на 70 не жидовъ; а въ восточной части Пруссіи съ Познанью одинъ жидъ на 50 не жидовъ; у насъ же въ западной части государства одинъ жидъ сидитъ на 11 не жидовъ, а есть и такія прокаженныя мѣстности, гдѣ эта пропорція представляетъ 1:7. Извѣстно, что въ Европѣ наибольшее скопленіе жидовъ является совмѣстнымъ съ польскимъ населеніемъ, хотя это взаимное влеченіе жидовъ и поляковъ относится лишь къ польской шляхтѣ, а не къ польскому народу, для котораго жида являются такимъ же экономическимъ бѣдствіемъ, какъ и въ западной Россіи, какъ и всюду. Сближеніе жидовъ съ польской шляхтой, а въ послѣднее двадцатилѣтіе съ польской интеллигенціей вообще, до того усилилось, что жида возведены были въ санъ «поляковъ моисѣева закона». Когда прошлымъ лѣтомъ въ Россіи начались жидовскіе погромы, польская печать и польская интеллигенція очень рѣзко обвинила весь русскій народъ включительно съ обществомъ, въ варварствѣ, съ свойственнымъ полякамъ высокомѣріемъ выставляя намъ на видъ, что подобныя проявленія варварской разнузданности немислимы въ средѣ цивилизованной польской націи; но недавній жидовскій погромъ въ Варшавѣ, распространившійся отчасти и на ея окрестности, и если не превоспешій, то по меньшей мѣрѣ неуступившій качественно и количественно самымъ крупнымъ изъ мѣстныхъ погромовъ, бывшихъ въ Россіи, можетъ удостовѣрить польскую интеллигенцію, что она можетъ брататься съ жидами сколько ей угодно, но что народъ въ Привислянскомъ краѣ не принимаетъ никакого участія въ этомъ братаньѣ съ поляками моисѣева закона, которые для него, также какъ и для народа въ западной Россіи, всегда останутся въ огромномъ большинствѣ жидомъ, грабителемъ и разорителемъ его. Надо сказать при этомъ, что такой взглядъ на евреевъ, какъ вредныхъ и нежелательныхъ сожителей, раздѣляетъ у

насть, какъ и въ Польшѣ, не одно коренное населеніе края, но и жирующие въ немъ нѣмецкіе колонисты. Вотъ, на примѣръ, недавній фактъ сообщаемый одною изъ нашихъ тоже юдофильствующихъ отчасти газетъ («Голосъ», № 10 сего года), подтверждающій только что сказанное нами. «Въ настоящее время вопросъ о правѣ евреевъ жить въ селахъ и деревняхъ, по словамъ «Одесскаго Вѣстника», сильно занимаетъ нѣмцевъ-колонистовъ Одесскаго уѣзда. Грослибентальское общество составило недавно приговоръ, которымъ запретило своимъ членамъ отдавать въ наемъ свои дома евреямъ, подь угрозою уплаты штрафа въ 50 р. за нанятую евреями квартиру или торговое помѣщеніе. Вслѣдъ за этимъ, фридентальское сельское общество установило особый налогъ съ мѣстныхъ поселенъ за отдачу въ наемъ въ своихъ домахъ квартиръ евреямъ, въ размѣрѣ 50 р. въ годъ за каждую комнату. Приведеніе въ дѣйствіе этихъ приговоровъ равносильно выселенію евреевъ изъ Грослибенталя и Фриденталя. И вотъ послѣдовали на эти приговоры жалобы, какъ со стороны нѣкоторыхъ поселенъ, такъ и со стороны мѣстныхъ евреевъ, которымъ грозитъ выселеніе изъ селъ. Жалобы эти были недавно разсмотрѣны и обсуждены одесскимъ уѣзднымъ крестьянскимъ присутствіемъ. Присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, принимая во вниманіе 52 ст. общ. полож. о крест., ст. 143 полож. о крест. учрежд. и п. 10 циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 26 ноября 1877 года за № 6970, на основаніи которыхъ сельскимъ обществамъ дозволяется обявлять своихъ членовъ не отдавать въ наемъ помѣщеній постороннимъ лицамъ, пребываніе коихъ въ средѣ общества признается вреднымъ или опаснымъ,—утвердило упомянутые приговоры обществъ Фриденталя и Грослибенталя, а жалобы на нихъ признало незаслуживающими уваженія».

Въ народномъ озлобленіи противъ евреевъ у насъ, какъ и въ Германіи, религиозный вопросъ не имѣетъ никакого значенія; доказательствомъ тому служатъ карAIMы, живущіе въ Россіи и также исповѣдывающіе законъ Моисея, къ которымъ, однако, народъ не питаетъ ни малѣйшей злобы и отвращенія. Многоуважаемая соотечественница наша г-жа Ольга Новикова (урожденная Кирѣева), проживающая въ Англии и взявшая на себя высокопочтенный, но мало благодарный трудъ ратовать въ англійской печати за Россію и опровергать взведенныя на нее клеветы, при настоящемъ походѣ этой печати на Россію по поводу жидовскихъ погромовъ, въ письмѣ своемъ помѣщенномъ недавно въ Times, изобличая ложь сообщаемыхъ изстѣй объ этихъ погромахъ, между прочимъ, именно указываетъ на нашихъ карAIMовъ. Вотъ что говоритъ она по этому поводу («Новое Время», № 2109 сего года). «Большая часть обвиненій, появляющихся

въ печати, весьма неосновательны и поэтому не имѣютъ вѣса. Почти всегда происшествіе не понято по самому существу, и фактъ, что потерпѣвшіе исповѣдуютъ еврейскую вѣру, принимается за доказательство, что беспорядки вызваны христіанскимъ фанатизмомъ. Было бы точно также справедливо сказать, что аграрныя преступленія въ Ирландіи — протесты противъ вѣры протестантскихъ лэндлордовъ. У насъ два рода евреевъ въ Россіи — талмудисты и караимы. Пострадали только первые. Не тронули ни одного волоса на головѣ караимскихъ евреевъ, даже въ самый разгаръ беспорядковъ. А между тѣмъ послѣдніе точно также отвергаютъ христіанство, какъ и первые. Почему же такой контрастъ? Лучшій отвѣтъ можно найти въ адресѣ, посланномъ караимами евреямъ-талмудистамъ. Вотъ выдержка изъ этого адреса. «Почему многочисленные и разнородные элементы русскаго общества, имѣющіе повидимому столь мало общихъ интересовъ, ненавидятъ васъ такъ единодушно и такъ согласно? Неужели это только религіозная ненависть? Нѣтъ, ваша любовь къ деньгамъ, ваша ненасытная алчность, ваше корыстолюбіе, ваша жажда наживы, ваши обманы, ваше плутовство, ваше ростовщичество, ваши кабаки, ваше факторство и всѣ другіе несправедливыя поступки озлобили народъ, возбудили зависть торговыхъ классовъ и навлекли на евреевъ ненависть дворянъ...» Все это совершенно вѣрно, сколько почтенно патріотическое стремленіе г-жи Новиковой защитить свой народъ отъ взведенныхъ на него клеветъ, но къ сожалѣнію бесполезно. Такая газета, какъ напримѣръ „Times“, не можетъ не знать самымъ достовѣрнымъ образомъ, какъ внутренней, такъ и фактической стороны, бывшихъ въ Россіи беспорядковъ во всей подробности, а также и того, что движеніе противъ евреевъ обнаружено не въ одной Россіи, но и въ Германіи. И если не придавъ этимъ беспорядкамъ своевременно особенно никакого значенія, она, спустя почти цѣлый годъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, ставъ во главѣ англо-жидовской прессы, забила тревогу и съ такимъ остервененіемъ выступила противъ Россіи въ сообществѣ съ католическими кардиналами, англиканскими епископами и жидовскими раввинами, поднимающими противъ Россіи небо и землю, устраивающими для возбужденія вражды къ ней громадныя митинги, подающими нашему послу въ Лондонѣ глупыя петиціи и неостанавливающимися передъ абсурдомъ парламентскаго запроса правительству по поводу русскихъ жидовъ и требованія отъ него дипломатическаго вмѣшательства по этому предмету, — то тутъ, по справедливому заключенію либеральной „Pall-mall“, дѣло вовсе не въ филантропіи и даже не въ жидакъ, а просто въ подвохъ подъ либеральное правительство, подъ кабинетъ Гладстона. Тоже думаетъ и „Daily-News“, говоря, что «источникомъ настоящаго настроенія Англіи служить, повидимому, ненависть къ Россіи

болѣе, чѣмъ расположеніе къ евреямъ». («Новое Время», № 2114 сего года). Ужь на что остороженъ и угодливъ нашъ, яко-бы дипломатическій органъ, „Journal de S’Petersbourg“, но и тотъ на этотъ разъ пришелъ къ подобному же заключенію, указавъ на то, что «подъ докровомъ филантропіи, лордъ Шефтсбюри и прелаты, выступившіе во главѣ подписки въ пользу русскихъ евреевъ, занимаются политикою, притомъ политикою злонамѣренною, политикою антирелигіозною и, слѣдовательно, политикою антифилантропическою. Англійскія газеты, съ «Times» во главѣ, печатаютъ о русскихъ «звѣрствахъ» мнимыя подробности, гдѣ обнаруживается самая пылкая фантазія и въ то же время самая явная злонамѣренность». Затѣмъ, выкинувъ всѣ обычныя нашей французской газетѣ смягченія и подслащиванія, вотъ что мы находимъ въ ней: «Теперь намъ остается узнать, съ какою цѣлью эта ложь и эти преувеличенія были обнародованы. Конечно, не съ филантропическою». Въ другомъ номерѣ своемъ, передавая слова «Times», что посоль нашъ при С.-Джемскомъ дворѣ отказался послать въ Петербургъ поданную ему на-дняхъ лондонскимъ отдѣленіемъ «Alliance Israelite» петицію въ пользу русскихъ евреевъ, «Journal de S’Petersbourg» замѣчаетъ: «Откуда намъ позволительно вывести заключеніе, что имѣлось въ виду кое-что другое, а не благотворительность. Что же такое? Чьи нибудь интересы—отдѣльной ли личности или партіи—не требуютъ ли, чтобы Россія поссорилась съ Англійей? Отличныя отношенія, установившіяся между обѣими государствами съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ кабинетъ Гладстона, быть можетъ не приходятся по вкусу извѣстнымъ лицамъ? Такъ слѣдуетъ думать, иначе трудно было бы объяснить подобный союзъ жи съ филантропіей. Подобныя петиціи, равно какъ и митинги «негодованія», обусловливаются не столько чувствомъ челоѣколюбія, сколько враждебностью къ Россіи. Раздумать враждебныя чувства къ Россіи входитъ въ расчетъ противниковъ кабинета Гладстона, такъ какъ со времени появленія его у кормила правленія отношенія Англійи къ Россіи, столь натянутыя при лордѣ Биконсфильдѣ, сдѣлались превосходными. Противникамъ нынѣшняго англійскаго премьера удалось уже возстановить противъ него ирландцевъ, теперь они стараются произвести расколъ среди либеральной партіи, агитируя противъ русской «нетерпимости».

Мы, съ своей стороны, можемъ только поздравить нашу французскую газету съ такою необычною для нея откровенностью. Не можемъ не сожалѣть только, что ей, служащей яко-бы органомъ нашей дипломатіи, «по собственному сознанію», «остается узнать теперь», въ чемъ же заключается это нѣчто иное. Вѣдь въ этомъ-то и состоитъ одна изъ давнихъ бѣдъ нашихъ, что объ обстоятельствахъ международной

политики, самымъ непосредственнымъ образомъ затрoгивающихъ интересы Россіи, нашей дипломатіи всегда какъ-то остается еще узнать, иногда и въ такихъ случаяхъ, когда эти обстоятельства извѣстны уже всѣмъ, кромѣ ея, русской дипломатіи. Въ утѣшеніе нашей французской газетѣ мы можемъ однако сказать, что мы живемъ въ такое время, когда никакія тайны не остаются долго тайнами, и что, подобно тому, какъ недавно разоблачены были интимныя бесѣды князя Бисмарка во время берлинскаго конгресса съ Андраши, Биконсфильдомъ и даже Вадингтономъ, надо думать, съ каждымъ порознь и по секрету, о полюбовномъ раздѣлѣ владѣній султана, съ обѣщаніемъ Англіи—Египта, съ разрѣшеніемъ Франціи завоеванія Туниса, подъ условіемъ, съ ихъ стороны, предоставить Австріи Балканскій полуостровъ до Салоникъ, точно также, надѣмся, не замедлитъ разоблачиться и загадка настоящаго англо-жидовскаго похода на Россію, и, быть можетъ, мы узнаемъ тогда, что въ виду весьма возможнаго осложненія между раскуражившеюся вдругъ Портою и поглощенною ирландскими дѣлами Англіею, когда ей особенно могутъ быть полезны добрыя отношенія съ Россіею, кому нибудь и понадобилось разстроить именно теперь эти добрыя отношенія, ловко пустивъ между ними черную кошку жидовской агитаціи. Вотъ откуда, можетъ быть, исходить весь этотъ удивляющій насъ англо-жидовскій задоръ. А до чего доходитъ этотъ задоръ и усердіе видимыхъ вожаковъ жидовскаго похода на Россію—можно судить по тому, что нѣкоторыя англійскія газеты, несовсѣмъ еще осатавляя въ этомъ бѣшенствѣ руссофобіи, подобно жидовскому «Daily Telegraph», сочли нужнымъ нѣсколько охладить и поумѣрить эти задоръ и усердіе. Въ одномъ изъ недавнихъ номеровъ своихъ, договорившись въ своей руссофобіи до чортиковъ жидовствующій «Daily Telegraph» помѣстилъ, между прочимъ, такую оду въ честь русскихъ жидовъ («Новое Время», № 2113 сего года): «Они—говоритъ газета—составляютъ трезвое, дѣятельное, бережливое, покорное законамъ общество. Они занимаются земледѣліемъ, ремеслами и торговлею; и въ моментъ, когда они задумаютъ убраться прочь съ своимъ талантомъ, энергіею и капиталомъ, страна отодвинется назадъ на цѣлыя сто лѣтъ. Русское правительство должно подумать объ этомъ. Теперь оно не отпускаетъ будто бы евреевъ, но Европа не потерпитъ этого насилія и принудитъ его снять запретъ на еврейское выселеніе изъ Россіи». Съ этимъ подборомъ нелѣпостей можетъ поспорить развѣ «Times», которая, въ отвѣтной статьѣ на письмо г-жи Новиковой, провозглашаетъ, что по отношенію къ жидамъ «русское правительство нравственно обязано не только объяснить прошлое, но и обратить вниманіе на свое будущее обращеніе съ національностью, предприимчивости которой ни одна страна не обязана

болѣе, чѣмъ Россія». «Жиды земледѣльцы!.. Россія обязана жидамъ!.. Безъ жидовъ Россія отодвинется на сто лѣтъ назадъ!.. Жидовъ не пускаютъ выселяться!..» И это говорятъ серьезныя газеты! По истинѣ, можно сказать, все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ... такъ пошло до глупости и такъ живо до крайняго безстыдства. Оговоримся однако. «Times» правду говоритъ, что ни одна страна не обязана жидамъ болѣе, чѣмъ Россія,—но чѣмъ? По непомѣрной, сравнительно съ другими странами, массѣ жидовъ въ Россіи, по ихъ чрезвычайной скученности въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и вслѣдствіе ошибокъ самаго нашего законодательства по отношенію къ жидамъ, страна наша несомнѣнно претерпѣваетъ отъ ихъ злокачественной дѣятельности и въ этомъ смыслѣ обязана имъ дѣйствительно несравненно болѣе, чѣмъ всякая другая страна. Что же касается до запрещенія будто жидамъ выселяться отъ насъ, то мы именно можемъ сказать: «не такъ глупы» и повторить слова «Новаго Времени»: «скатертью имъ дорога!» Къ сожалѣнію, мы боимся, что и жиды скажутъ: «не такъ и мы глупы» и далеко не такъ охотно пойдутъ отъ насъ, какъ это думаетъ или притворяется думающею англійская газета. «Daily Telegraph» не останавливается на одной угрозѣ выселеніемъ евреевъ, она «угрожаетъ также англійскимъ вмѣшательствомъ и предостерегаетъ Гладстона, что если онъ не поспѣшитъ съ дипломатическими представленіями Россіи, то онъ будетъ ниспровергнутъ». Дѣйствительно, нѣкій баронъ Вормсъ предполагаетъ сдѣлать въ парламентѣ запросъ министерству Гладстона по еврейскому вопросу въ Россіи и потребуетъ дипломатическаго вмѣшательства со стороны Англій, подобнаго вмѣшательству въ 1863 году по польскому вопросу. Вотъ по поводу этой-то глупой затѣи и жидовствующаго британскаго руссофобства и отозвались нѣкоторыя болѣе сдержанныя англійскія газеты. Такъ, напримѣръ, газета «Pall Mall» говоритъ: «The Daily Telegraph» сегодня требуетъ, чтобы были сдѣланы представленія русскому правительству, и указываетъ, какъ на прецедентъ, на вмѣшательство лорда Росселя въ 1863 году за поляковъ. Но депеши лорда Росселя по этому случаю долго разсматривались, какъ самыя жалкіе плоды политики неумѣстнаго вмѣшательства (meddle and muddle policy), которая навлекла на Англійю всеобщее презрѣніе. Онѣ были не только безсильны, но онѣ сдѣлали положеніе дѣль рѣшительно худшимъ для поляковъ» («Новое Время», № 2113 сего года). Въ то же время «Daily News» по поводу парламентскаго запроса о жидакъ «рѣшительно высказывается противъ намѣренія барона Вормса предложить палатѣ общинъ, чтобы она обратилась къ правительству съ предложеніемъ отправить ноту русскому правительству по поводу гоненія на евреевъ. Газета говоритъ, что подкладка еврейской агитаціи—ненависть къ Россіи, а вовсе не любовь къ евреямъ, къ ко-

торымъ англичане не питаютъ особенно нѣжнаго расположенія. Газета замѣчаетъ, что между польскимъ возстаніемъ и еврейскимъ движеніемъ нѣтъ ничего общаго. Лордъ Россель, отправляя свои ноты, могъ указать на рѣшенія, противныя договорамъ въ пользу Польши; между тѣмъ Россія не принимала никакихъ обязательствъ передъ европейскими державами касательно обращенія съ своими подданными еврейскаго происхожденія. Въмѣшательство Вормса можетъ скорѣе ухудшить положеніе евреевъ, чѣмъ улучшить его» («Новое Время», № 2134 сего года). Весьма характерно, что почтенный органъ британскаго министерства, далеко не безучастный въ воспроизведеніи на своихъ столбахъ жидовскихъ клеветъ на Россію, помѣстилъ недавно достаточно живое описаніе безпорядковъ, бывшихъ прошлымъ лѣтомъ въ мѣстечкѣ Смѣлѣ, Киевской губерніи. Почти рядомъ съ этимъ описаніемъ помѣщено письмо какаго то нѣмца, въ которомъ говорится: «Я думаю, вы въ Англіи сдѣлаете совершенно достаточно... если вы позволите евреямъ селиться здѣсь (въ Англіи) и въ колоніяхъ, если они вздумаютъ явиться; но я совѣтую вамъ, не приглашайте ихъ или не помогайте имъ переселяться сюда: вы очень скоро пожалѣете объ этомъ». Въмѣшавшись въ жидовскую агитацію, «Daily News» не хочетъ, однако, видѣть страну свою обездоленною наплывомъ жидовъ изъ Россіи и тонкимъ образомъ старается предостеречь своихъ юдофильствующихъ согражданъ отъ слишкомъ усерднаго зазыванія этого неблагополучнаго племени, избытку котораго едва-ли будетъ рада какая нибудь страна. что подтверждаетъ даже консервативный «Standart», не смотря на то что юдофильская агитація въ Англіи идетъ именно изъ консервативнаго лагеря. Тамъ, полемизируя съ «Times», «Standart» говоритъ между прочимъ: «Никто не мѣшаетъ евреямъ удерживать свою религію, но они должны перестать быть кастою. Ни земледѣіемъ, ни ремеслами, по мнѣнію газеты, евреи никогда не займутся. Въ Италіи нерасположеніе къ евреямъ настолько же сильно, какъ и въ Германіи. Любопытно, что даже во Франціи для борьбы съ еврействомъ появилась особая газета «Anti-Juif». Весьма интересныя и поучительныя указанія относительно экономическаго значенія жидовъ для обитаемой ими страны находимъ мы въ одномъ изъ писемъ лондонскаго корреспондента газеты «Новое Время» г. М. М.—ъ (№ 2115 сего года). Вотъ, между прочимъ, что говоритъ онъ: «Извѣстный французскій писатель Элизе Реклю, котораго нѣкто не заподозритъ въ какой-либо антипатіи къ евреямъ, утверждаетъ, что евреи не менѣе содѣйствовали гибели Польши, чѣмъ разнузданность польской шляхты: «Никакая страна въ Европѣ не содержала и не содержитъ такого количества евреевъ, а эти люди чуждой расы, какова бы ни была ихъ привязанность къ польской почвѣ, составляли въ дѣйствительности отдѣльный народъ,

имѣющей интересы, прямо противоположные интересамъ остальныхъ жителей, и тѣмъ не менѣе служившей имъ посредниками во всемъ, образу, такъ сказать, буржуазію страны. Они одни занимались торговлею; они одни распредѣляли продукты, продавая въ одно и то же время и крупностямъ, и дворянамъ, но мѣшая туземцамъ придти въ непосредственное соприкосновеніе другъ съ другомъ; благодаря имъ, совершался круговоротъ экономической жизни всей націи, и однакоже они не были изъ націи; въ минуту опасности они не были болѣе тамъ для сближенія отдѣльныхъ классовъ и разъединенныхъ общинъ, и народъ, составленный изъ людей, которые совсѣмъ не знали другъ друга, остался въ замѣшательствѣ и розни». Говоря затѣмъ противъ возможнаго замѣчанія на слова Реклю, что при обширности Россіи и сравнительной многочисленности ея населенія, жида не могутъ, яко-бы, имѣть такого злокачественнаго вліянія и значенія, какое имѣли (а пожалуй и теперь имѣютъ) въ Польшѣ, особенно если имъ дозволено будетъ свободное расселеніе по всей странѣ, г. М.—ъ справедливо замѣчаетъ, что въ такомъ случаѣ въ Россію, по всей вѣроятности, нахлынутъ и румынскіе, и австрійскіе, и даже германскіе евреи, и въ подтвержденіе своихъ словъ говоритъ: «Въ Германіи евреевъ гораздо меньше, чѣмъ въ Россіи, и однакоже авторъ сочиненія «Нѣмецкая домашняя жизнь» утверждаетъ, что анти-еврейское движеніе въ Германіи «народилось изъ сознанія, что еврей сдѣлался господиномъ нѣмца, сводя его къ наименьшему заработку при наивысшихъ цѣнахъ, чтъ еврей продаетъ съ выгодой для себя вещи, которыя никакой нѣмецъ не могъ бы продать по той же цѣнѣ. Дѣло въ томъ, что весь рабочій вопросъ, поднятіе и паденіе цѣнъ на хлѣбное зерно и запасы, цѣна хлѣба бѣдняка и стоимость его скуртува—находятся въ рукахъ евреевъ. Дѣло въ томъ, что фермы и виноградники, молочныя и риги, лѣса и сады, овцы на лугахъ и скотъ на тысячахъ холмовъ,—все заложено и перезаложено евреямъ. Нѣмецкій крестьянинъ, нѣмецкій рабочій, сельскій и городской,—всѣ видятъ въ еврей своего господина и боятся быть поставленными окончательно въ положеніе голоданія на желудкахъ, которые могутъ быть отняты у свиньи, въ то время, какъ еврейскій хозяинъ наслаждается монополіею пурпура, тонкаго бѣлья и роскошнаго стола». Но Элизе Реклю утверждаетъ про русскую Вѣлоруссію, что въ ней евреи успѣли уже сдѣлаться почти единственными посредниками обмѣна и что все общество въ ней, кажется, существуетъ только для нихъ и ихъ выгоды». Всѣ эти указанія и справки нужны, конечно, не для насъ, русскихъ, знающихъ горькимъ опытомъ значеніе жидовской язвы на тѣлѣ нашей страны, въ жизни нашего народа. Для насъ важно то, что это вредное племя послужило въ настоящее время фиктивнымъ поводомъ къ пробужденію въ Англии эпидеміи

руссофобіи, и важно притомъ вовсе не со стороны этого повода, который, надо признаться, выбранъ неособенно удачно, но со стороны той тайной цѣли, для которой понадобилось это пробужденіе. Самъ же по себѣ этотъ новый пароксизмъ британской руссофобіи можетъ вызвать въ насъ только горькую улыбку. Мы слишкомъ привычны, слишкомъ обстрѣлены враждебными нападками и всяческими клеветами со стороны западной Европы, чтобы подобныя выходы могли трогать насъ, а тѣмъ болѣе устранить. Боязлива и даже очень ужъ подчасъ пуглива наша дипломатія—это, въ сожалѣнію, правда; но не народъ нашъ, не общество, даже не печать наша. Напротивъ того, можно указать случаи, когда попытки устрашенія со стороны Европы производили на насъ совершенно противоположное дѣйствіе.

И въ настоящее время, какова бы ни была истинная, но пока еще тайная цѣль возбужденной въ Англии агитаціи противъ Россіи по поводу жидовъ, имѣетъ ли она политическій характеръ стремленія поскорить Россію съ Британією, разъединить, въ виду возможныхъ политическихъ событій, и для большаго успѣха въ томъ свалить кабинетъ, изъ среды котораго уже разъ раздалось: «прочъ руки!», и замѣнить его тѣми дѣятелями, которые въ знаменательный періодъ времени отъ 1875 до 1878 годовъ такъ усердно играли въ руку Берлину и создававшимъ тамъ комбинаціямъ и планамъ; или вся эта англо-жидовская кутерьма имѣетъ болѣе низменную цѣль, въ виду предстоящаго у насъ разрѣшенія жидовскаго вопроса, повліять на наши рѣшающія сферы въ смыслѣ благопріятномъ для жидовскихъ интересовъ; во всякомъ случаѣ мы, русскіе люди, съумѣемъ оцѣнить эту агитацію по принадлежащему ей достоинству, а гг. Манингамъ, Шефстбюри, Вормсамъ и ихъ адгерентамъ, скажемъ: «Милорды и джентльмены! Вы несомнѣнно одинъ изъ величайшихъ міровыхъ народовъ, когда-либо обитавшихъ на земномъ шарѣ. Вы, великая нація, сильная и богатая своимъ образованіемъ, своею промышленностію, своею энергією и предприимчивостію. Все это мы, русскіе люди, знаемъ и признаемъ за вами, потому что въ нашемъ народномъ характерѣ есть черта, которой лишены вы—это способность безпристрастно относиться даже къ врагамъ, не унижаться до лжи и клеветы на нихъ, и потому мы, русскіе люди, знаемъ и признаемъ за вами всѣ выше указанныя достоинства; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы знаемъ, что въ политическомъ и экономическомъ отношеніи, вы самый беззастѣнчивый народъ въ мірѣ; намъ извѣстно, что нигдѣ въ мірѣ общественная нравственность не процитана такимъ фарисействомъ, какъ у васъ въ Англии, и преимущественно въ средѣ вашей, милорды и джентльмены, для которой если не единственное, то главнѣйшее мѣрило этой нравственности составляетъ слово shocking. На ту ложь, на тѣ кле-

веты, которыя вы валите на насъ, мы могли бы отвѣтить вамъ словами Чацкаго: «я правду о тебѣ пораскажу такую, что хуже всякой лжи». Раскапывать вашу національную грязь мы однако не будемъ, а вмѣсто этого скажемъ вамъ словами нашего дѣдушки Крылова: «Чѣмъ кумушекъ считать трудиться, не лучше-ли на себя, кума, оборотиться» и напомнимъ при этомъ, что эти слова есть только пересказъ въ народномъ говорѣ словъ другаго, безконечно болѣе авторитетнаго учителя, несовѣтующаго указывать на соломенку въ глазу другаго, когда въ своемъ сидитъ цѣлое бревно. Совѣтъ этотъ можетъ быть вамъ не безъизвѣстенъ, если допустить, что евангеліе, которое вы такъ любите держать въ рукахъ во дни столь набожно препровождаемыхъ вами воскресеній, вы не держите верхъ ногами, низомъ вверху, не замѣчая того подъ вліяніемъ занимающихъ васъ въ это время меркантильныхъ расчетовъ. Если же совѣтъ этотъ вамъ неизвѣстенъ, то мы скажемъ вамъ вотъ что: «если-бы вся ложь, всѣ клеветы, которыя вы пишете и говорите о бывшихъ у насъ антижидовскихъ безпорядкахъ, была правда, если-бы эта правда была даже вдвое, втрое хуже того, какъ вы ее изображаете,—то и тогда изъ всѣхъ народовъ міра вы, гг. британскіе милорды и джентльмены, послѣдніе имѣли бы право упрекнуть насъ, въ виду того, что сами вы дѣлали и дѣлаете въ Ирландіи, въ Индіи, въ Китаѣ и чуть не всюду, гдѣ, такъ или иначе, затрогивались ваши карманые интересы, для которыхъ вы ни предъ чѣмъ не останавливаетесь, тѣмъ паче въ настоящемъ случаѣ, когда все, что вы теперь пишете и говорите о насъ вездѣ, не исключая церковныхъ кафедръ, все это наглая, безстыдная жидовская ложь! Наша почтенная соотечественница, г-жа Новикова, удостоившая снисзойти до возраженій на ваши клеветы, въ письмѣ своемъ по этому поводу въ газетѣ «Times», говорить, между прочимъ: «Въ пятьдесятъ разъ больше мужчинъ, женщинъ и дѣтей было избито въ одинъ день въ одной только болгарской деревнѣ, нежели пострадало евреевъ во всей Россіи, втеченіи цѣлаго года социальной войны. Но тогда евреи, какъ корпорація, не удовольствовались молчаніемъ; они употребили все свое вліяніе, чтобы втянуть Англію въ войну съ Россією, для поддержанія системы, при которой батавскія избіенія были естественными и неизбѣжными эвизодами» («Новое Время», № 2109 сего года). Мы, съ своей стороны, прибавимъ, что англазированный еврей, стоявшій тогда во главѣ правительства, публично, съ парламентской трибуны, предъ лицомъ не только всей вашей страны, но и всего міра, съ истинно-жидовскимъ цинизмомъ издѣваясь надъ страданіями болгаръ, цокальное избіеніе ихъ турками называлъ полезнымъ маленькимъ кровопусканіемъ, и большинство по крайней мѣрѣ двухъ третей тогдашняго парламента,—большинство, состоявшее изъ васъ, милорды и джентльмены, кровныхъ британцевъ,

а также и большинство вашей прессы аплодировало этой цинично-кровожадной остротѣ вашего премьера. Вычеркните эти позорные аплодисменты изъ вашей исторіи, въ которой и безъ того такъ много подобныхъ фактовъ, сдѣлайте для ирландскаго народа то, что русское правительство и дворянство сдѣлало для своихъ крестьянъ и что то же русское правительство сдѣлало потомъ для польскихъ крестьянъ, и тогда ужъ толкуйте о справедливости, человеколюбіи; но къ этому васъ можетъ быть принудять, самимъ же вамъ, милорды и джентельмены, такое дѣло не по плечу.

Просимъ извиненія у читателя, что, желая выяснить политическое положеніе дѣлъ въ западной Европѣ при наступленіи настоящаго года, мы нѣсколько увлеклись въ неподлежащую намъ сферу. Но дѣло въ томъ, что намъ нельзя и не слѣдуетъ игнорировать этого положенія, по тому непосредственному влиянію, какимъ оно можетъ отразиться и несомнѣнно отражается на теченіи нашей внутренней жизни, на настроеніи нашего общества и, до извѣстной степени, на самыхъ мѣропріятіяхъ правительства. Выводъ изъ всего нами сказаннаго тотъ, что наступившій 1882 годъ не одну Россію засталъ въ уединенномъ политически и удрученномъ внутреннею состояніи. Въ томъ же болѣе или менѣе положеніи находятся всѣ великія державы, подъ влияніемъ, можно думать, всюду проводимой какою-то невидимой, но искусною рукою, разлада внутренняго и внѣшняго, истощающаго ихъ силы и средства,—и надъ всѣмъ этимъ общимъ разъединеніемъ и ослабленіемъ, какою-то угрозою возвышается вооруженная съ головы до ногъ Германія, хотя и она также смущается внутри кой-какими облачками на своемъ небѣ, но которые, несомнѣнно, разсѣются, какъ только воздухъ будетъ потрясенъ первымъ пушечнымъ выстрѣломъ, къ которому можетъ быть и прибѣгнуть именно для того, чтобы согнать эти неприятныя тучки. Уже есть симптомы, указывающіе, съ одной стороны, на расположеніе разрѣшить именно такимъ способомъ гордіевы узлы внутри, пользуясь благоприятными условіями внѣ; съ другой—что начавшаяся борьба австро-мадьяръ съ славянами на Балканскомъ полуостровѣ и усиленно взмываемый египетскій вопросъ могутъ быть лишь прелюдіями къ возбужденію съ наступающею весною океаннаго восточнаго вопроса во всемъ его объемѣ, т. е. какъ средства разыграть при этомъ и третій актъ великой сочиненной Бисмаркомъ трагедіи «Объединеніе Германіи» и тогда... и тогда, читатель, какъ вы думаете, останется ли наша Россія только зрительницею событій?...

Наступленіе новаго 1882 г. ознаменовалось въ нашей внутренней жизни двумя знаменательными актами, которыми новое царствованіе,

выполняя, такъ сказать, завѣщаніе минувшаго, начинается тотъ рядъ уже намѣченныхъ благотворныхъ мѣропріятій, которыя должны не только завершить великое дѣло освобожденія крестьянъ, но и способствовать дѣйствительному улучшенію ихъ быта. Этими благодатными актами являются выраженные въ высочайшихъ указахъ правительствующему сенату отъ 1-го января сего года повелѣнія: во первыхъ, объ обязательномъ выкупѣ надѣловъ крестьянъ, оставшихся еще во временно-обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, и во вторыхъ, о пониженіи выкупныхъ платежей. Объ этой, если такъ можно выразиться преемственной отеческой заботливости нашихъ вѣнценосныхъ вождей о благѣ народа ясно свидѣтельствуютъ оба указа, причеиъ въ первомъ изъ нихъ не забыта и та готовность нашего дворянства, съ которою оно шло на встрѣчу желанія правительства относительно прекращенія обязательныхъ отношеній къ нему крестьянъ, ходатайствуя (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ) о переводѣ ихъ на выкупъ. Въ указѣ объ обязательномъ выкупѣ именно сказано: «Во вниманіе къ сему (т. е. къ ходатайствамъ дворянства), еще по указаніямъ любезнѣйшаго Родителя Нашего, были составлены соображенія о прекращеніи обязательныхъ отношеній между бывшими помѣщичьими крестьянами и помѣщиками, съ возможнымъ соблюденіемъ выгодъ той и другой стороны. Соображенія сіи удостоились въ общемъ ихъ видѣ высочайшаго одобренія въ Божѣ почившаго Государя, въ февралѣ прошлаго года. Засимъ подробныя по настоящему предмету предположенія были, по повелѣнію Нашему, разсмотрѣны сначала въ главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, а потомъ въ государственномъ совѣтѣ». Въ свою очередь и въ указѣ о положеніи выкупныхъ платежей сказано: «Прекративъ крѣпостныя отношенія во всемъ государствѣ, императоръ Александръ II повелѣлъ въ 1863 году уменьшить платежи по выкупу земли, причитавшіеся съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ всей западной полосы имперіи. Подобнымъ же образомъ повелѣно было понизить выкупные платежи и по отдѣльнымъ во многихъ другихъ мѣстностяхъ селеніямъ, которыя находились въ особенно неблагоприятныхъ условіяхъ».

Сущность обѣихъ правительственныхъ распоряженій заключается въ слѣдующемъ:

По предмету выкупа надѣловъ крестьянами, остающимися еще въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ:

1) Остающихся еще въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ, состоящихъ на великороссійскомъ и малороссійскомъ мѣстныхъ положеніяхъ, перевести на выкупъ и причислить къ разряду крестьянъ-собственниковъ съ 1-го января 1883 года.

2) Мѣру сію привести въ исполненіе на основаніи утвержденнаго Нами сего числа и прилагаемаго при семъ положенія.

3) До перевода временно-обязанныхъ крестьянъ на выкупъ, согласно издаваемому положенію, крестьяне сіи должны состоять къ помѣщикамъ въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ коихъ находятся къ нимъ нынѣ; выкупъ же крестьянами надѣловъ въ собственность можетъ до того времени производиться на существовавшихъ доселѣ основаніяхъ.

По предмету же пониженія выкупныхъ платежей, постановлены такого рода указанія:

1) Понизить выкупные платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ были введены мѣстныя великороссійское и малороссійское положенія 19 февраля 1861 года. Изъ нихъ, въ губерніи Могилевской и бѣлорусскихъ уѣздахъ Витебской (Велижскомъ, Витебскомъ, Городецкомъ, Лепельскомъ, Невельскомъ, Полоцкомъ, Себежскомъ и Суражскомъ) такое пониженіе произвести въ тѣхъ селеніяхъ, которыя перешли на выкупъ по выкупнымъ договорамъ и объявленіямъ, состоявшимся до изданія высочайшаго указа 2 ноября 1863 года, объ обязательномъ выкупѣ въ Бѣлорусскомъ краѣ, если притомъ означенныя селенія не воспользовались уже впоследствии сбавкою въ выкупныхъ платежахъ при исправленіи, по разнымъ случаямъ, выкупныхъ по тѣмъ селеніямъ актовъ.

2) Пониженіе выкупныхъ платежей произвести въ размѣрѣ одного рубля съ каждаго обложеннаго сими платежами душеваго надѣла, а въ мѣстностяхъ, состоящихъ на малороссійскомъ мѣстномъ положеніи 19 февраля 1861 года—въ размѣрѣ шестнадцати копѣекъ съ каждаго рубля нынѣшняго оклада выкупныхъ платежей крестьянъ; и

3) Пониженіе выкупныхъ платежей ввести въ дѣйствіе по селеніямъ крестьянъ-собственниковъ съ 1 іюля 1882 года; по селеніямъ тѣхъ временно-обязанныхъ крестьянъ, которые перейдутъ на выкупъ до 1883 года—съ тѣхъ сроковъ, съ коихъ будутъ прекращены ихъ обязательныя отношенія къ помѣщикамъ (ст. 150 и 156 полож. о вык. 19 февраля 1861 года), а по селеніямъ тѣхъ изъ сихъ крестьянъ, которые будутъ переведены на выкупъ, на основаніи особаго указа Нашего, сего числа Нами даннаго—съ 1-го января 1883 года».

Этими общими чертами не исчерпывается еще благотѣльное для народа значеніе послѣдняго мѣропріятія. Въ виду того, что вслѣдствіе тѣхъ или другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей пришли въ своемъ экономическомъ бытѣ въ особенно захудалое состояніе, требующее и усиленной помощи, высочайшій указъ 1 января о положеніи выкупныхъ платежей идетъ на встрѣчу именно этому обстоятельству и повелѣваетъ: «Независимо отъ сего, Мы повелѣли подлежащимъ учрежденіямъ собрать подробныя свѣдѣнія о

тѣхъ селеніяхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, кои, по случаю разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, находятся въ особенно разстроенномъ хозяйственномъ положеніи, и, на основаніи данныхъ Нами указаній, сдѣлать распредѣленіе добавочнаго для таковыхъ селеній пониженія выкупныхъ платежей». Изъ высочайше утвержденнаго 28 декабря 1881 г. мнѣнія государственнаго совѣта видно, что общая сумма пониженія выкупныхъ платежей во всѣхъ означенныхъ въ ст. 1-ой мѣстностяхъ составляетъ двѣнадцать миліоновъ рублей въ годъ. Изъ нихъ 2.000.000 рублей покрываются изъ общихъ средствъ выкупной операціи, 7.000.000 рублей—изъ свободныхъ суммъ по ликвидаціи бывшихъ государственныхъ кредитныхъ установленій, а 3.000.000 рублей назначаются пособіемъ выкупной операціи на счетъ казны. Изъ этой общей суммы 12.000.000 р. одна часть обращается на общее пониженіе выкупныхъ платежей со всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, какъ состоящихъ уже на выкупѣ, такъ и тѣхъ, которые имѣютъ впредь перейти на выкупъ; остальная же затѣмъ часть должна быть употреблена на дальнѣйшее пониженіе выкупныхъ платежей, согласно вышеприведенной нами, изъ указа 1 января, высочайшей воли, тѣхъ крестьянъ, для коихъ эта особая помощь окажется необходимою. «Сумма эта—сказано въ упомянутомъ мнѣніи государственнаго совѣта—должна быть распредѣлена между таковыми селеніями сообразно степени ихъ хозяйственнаго разстройства, по взаимному соглашенію министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ, съ тѣмъ: а) чтобы проектъ означеннаго распредѣленія, какой, по полученіи нужныхъ для сего свѣдѣній, будетъ составленъ, былъ, прежде окончательнаго утвержденія, сообщенъ на заключеніе губернскихъ земскихъ собраній, а въ губерніяхъ, гдѣ не введены еще земскія учрежденія—губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, съ участіемъ непремѣнныхъ членовъ подлежащихъ уѣздныхъ присутствій; б) чтобы причитающійся по каждому сельскому обществу, среднимъ числомъ, окладъ выкупнаго платежа за десятину удобной земли въ крестьянскомъ надѣлѣ, былъ, за сдѣланнымъ въ ономъ пониженіемъ, общимъ и добавочнымъ—не ниже подесятиннаго оклада оброчной подати, уплачиваемой бывшими государственными крестьянами въ сосѣднихъ селеніяхъ, и в) чтобы упомянутое распредѣленіе суммы добавочнаго пониженія выкупныхъ платежей было окончено не позднѣе начала 1883 года». Засимъ остается желать только, чтобы распредѣленіе дополнительнаго пониженія выкупныхъ платежей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянское хозяйство требуетъ усиленной поддержки, было сдѣлано съ возможною справедливостію, цѣлесообразностію и согласно дѣйствительной нуждѣ, что, конечно, болѣе всего будетъ за-

всѣтъ отъ мѣстныхъ органовъ. Конечно, предназначаемый на этотъ предметъ остатокъ отъ 12.000,000 р. не настолько великъ, чтобы, на первыхъ же порахъ, помочь всѣмъ нуждающимся въ дополнительномъ пониженіи выкупныхъ платежей; но съ постепеннымъ поправленіемъ однихъ, онъ будетъ обращаемъ въ пользу другихъ нуждающихся, и такимъ образомъ будетъ расширяться кругъ благотворнаго вліянія этой мѣры. Вообще о благотвѣльномъ значеніи обѣихъ правительственныхъ мѣропріятій, объявленныхъ вышеупомянутыми высочайшими указами 1 января сего года, мы уже не разъ бесѣдовали съ нашими читателями, когда эти мѣропріятія находились еще въ сферѣ пожеланій и проектовъ, и потому распространяться о томъ, въ настоящее время, считаемъ излишнимъ. Не можемъ не пожалѣть однако, что указъ объ обязательномъ выкупѣ надѣловъ, оставшихся въ обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, завершающій крестьянско-помѣщичій земельный вопросъ окончательно, и на этотъ разъ не коснулся того же вопроса въ нашемъ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ, въ виду особенно тяжелыхъ для крестьянъ мѣстныхъ условій, разрѣшеніе этого жизненнаго для нихъ вопроса едва-ли не болѣе настоятельно необходимо, чѣмъ было это въ коренной Россіи. Мы думали и продолжаемъ думать, что рѣшеніе земельного крестьянскаго вопроса въ Привислянскомъ краѣ состоялось вовсе не въ видѣ поощренія крестьянъ и какъ-бы въ видѣ наказанія польскихъ пановъ за возстаніе 1863 г., а главнымъ образомъ по требованію справедливости, государственныхъ интересовъ, и подъ вліяніемъ вообще освободительной идеи, которою одушевлено было минувшее царствованіе; поэтому намъ всегда казалось прискорбно страннымъ, почему эти требованія и эта идея какъ-бы теряли свою силу и значеніе относительно Прибалтійскаго края, гдѣ безправіе крестьянина, подъ гнетомъ дворянскаго самовластиа, далеко обогнало все, что существовало когда нибудь, въ этомъ отношеніи, въ Польшѣ. Въ послѣднее время, въ нашей печати появились толки о предстоящей будто бы сенаторской ревизіи. Большинство нашихъ газетъ встрѣтило это извѣстіе съ полнымъ сочувствіемъ и съ большими надеждами на благотворныя послѣдствія ревизіи для мѣстнаго кореннаго населенія. Говоря объ этомъ, нельзя не указать, какъ на особый курьезъ, на то положеніе, которое приняла по отношенію къ вопросу о сенаторской ревизіи Прибалтійскаго края одна изъ нашихъ большихъ и наиболѣе распространенныхъ газетъ, именно «Голосъ», которая, со дня своего основанія, втеченіи чуть не 20-ти лѣтъ ратовавшая противъ феодальныхъ порядковъ, господствующихъ въ этой русской Ирландіи, помощью которыхъ, относительно, горсть припльскихъ нѣмцевъ самовластно господствуетъ надъ двумя миліонами безправнаго кореннаго населенія края, въ средѣ котораго нѣмцы, вѣлочительно съ онѣмеченными даже латышами и эстами, со-

ставляютъ не болѣе 10%. Недавнее продолжительное подневольное молчаніе, повидимому, значительно умудрило почтенную газету, и вотъ послѣ недавняго возобновленія, она, по поводу предполагаемой ревизіи Прибалтійскаго края, выступаетъ съ совершенно новымъ для нея и достаточно своеобразнымъ взглядомъ на этотъ край и существующія въ немъ средневѣковыя отношенія и порядки. Она не только восхваляетъ эти порядки и отношенія, какъ образецъ автономнаго самоуправленія и благоустройства, но рекомендуетъ позаимствоваться ими и для остальной Россіи. Воздерживаемся пока отъ всякаго толкованія такого превращенія...

Если-бы спросили насъ лично, что мы сами думаемъ о сенаторской ревизіи Прибалтійскаго края — мы крайне затруднились бы дать категорическій отвѣтъ на подобный вопросъ. Мы, конечно, должны были радоваться такой ревизіи и желать, чтобы она была произведена съ возможною всесторонностью и строгимъ безпристрастіемъ; но дѣло въ томъ, что прежде всего мы не вѣруемъ въ самую возможность такой ревизіи и даже вообще ревизіи. Наши прибалтійскіе ландлорды такъ ловко и тонко дипломатичны, такъ энергично настойчивы во всемъ, что касается ихъ псевдо-правъ, такъ, наконецъ, вліятельно-сильны въ высшихъ рѣшающихъ сферахъ, такъ ловко умѣютъ сплачивать неприятныхъ имъ крупно-официальныхъ личностей, что свидѣтельствуютъ хотя бы примѣры губернатора Головина, архіепископа Платона и др., что заѣхавшему къ нимъ свѣжему человѣку будетъ трудно разобраться въ трясинѣ ихъ своеобразныхъ порядковъ, при дружномъ общемъ противодѣйствіи; въ крайнихъ случаяхъ припертые къ стѣнѣ, они поднимаютъ такой гвалтъ о своей, яко-бы, всеоправдывающей лояльности, что мы даже и не понимаемъ, какимъ образомъ при данныхъ условіяхъ можетъ быть произведена дѣйствительная ревизія этого гнѣзда нетопырей, которые, въ тревогѣ отъ внесеннаго къ нимъ свѣта, захлещать крыльями и огонь и глаза тому, кто рискнетъ внести свѣтильникъ и тѣмъ нарушить безпечальное существованіе ихъ во тьмѣ. Если же къ этому прибавить, что, богатые военною доблестью, мы, русскіе люди, весьма бѣдны доблестью гражданскою; что охотниковъ наживать себѣ сильныхъ и вліятельныхъ враговъ и портить свои отношенія, ради государева дѣла, у насъ немного, за то очень много такихъ, хоть и безотносительно честныхъ людей, которые ни взятыи не возьмутъ, ни казны не обокрадутъ, и въ самомъ лучшемъ видѣ произведутъ ревизію какойнибудь Пензенской губерніи, но, при вышеуказанныхъ нами условіяхъ Прибалтійскаго края, скажутъ себѣ, махнувъ рукою: «Да ну ихъ!.. Что прать противъ рожна? Одинъ въ полѣ не воинъ!» и другіе, тому подобныя самооправдывающіе и самоуспокоивающіе аргументы, причемъ, по славянской добросердечности, по-

стараятся всякое щекотливое дѣло уладить къ общему удовольствію, чтобы никого не огорчить, не обидѣть. Что вообще у насъ князей Якововъ Долгоруковыхъ немного, а если и найдется такой, то захотятъ ли его слушать и вѣрить ему, когда, прежде, чѣмъ онъ окончитъ дѣло и явится съ отчетомъ, его, всѣми прямыми и кривыми путями, съ передняго и задняго крыльца, и чрезъ кабинетъ, и чрезъ спальню, постараются всячески обнести, очернить, представить челоуѣкомъ одностороннимъ, тупоумнымъ, грубымъ, желчнымъ, славянофиломъ и, пожалуй, анархистомъ. Вы думаете, что тутъ и всѣ неудобства и препятствія дѣйствительной ревизіи Прибалтійскаго края? Нѣтъ, читатель, мы еще не у берега; я еще не сказалъ вамъ о томъ гвалтѣ, крикѣ, воѣ, который при первомъ приступѣ къ мало-мальски серьезной ревизіи разныя гг. фонъ-Бокки подымутъ въ печати цѣлой Европы и въ особенности въ печати великаго нѣмецкаго фатерланда; эти виды мы уже видали. Все, что не по праву нашимъ остзейскимъ нѣмцамъ, сейчасъ, чрезъ посредство мѣстныхъ корреспондентовъ, находить отзывъ въ Германіи. Вотъ недавній примѣръ, который находимъ въ газетѣ «Новое Время» (№ 2112 сего года). «Юдофильская агитация въ Англіи не даетъ, какъ кажется, покоя нѣмцамъ, которые, чтобы не отстать отъ англичанъ, выдумали «русскія звѣрства» и въ Прибалтійскомъ краѣ, причемъ жертвами оказались, конечно, нѣмцы. Безсознательно преувеличивая ничтожныя безпорядки, бывшіе по случаю переписи въ окрестностяхъ Динабурга, нѣкоторыя нѣмецкія газеты, въ томъ числѣ «Frankfurter Zeitung», утверждаютъ, что вслѣдствіе распространившихся слуховъ объ уступкѣ Прибалтійскаго края Германіи, русскіе совершили нападеніе на динабургское предмѣстье Гриве и разрушили дома нѣмцевъ, расхитивъ предварительно принадлежащее послѣднимъ имущество. Русскія войска, будто бы, не были въ состояніи прекратить безпорядки, которые, будто, распространяются въ Курляндской губерніи». И подобную пошлую ложь вы найдете всякій день въ нѣмецкихъ газетахъ. Какая же, помилюте, тутъ ревизія при нашей болѣзненной чувствительности къ тому, что скажетъ Европа. А тутъ еще, чего добраго, и самъ желѣзный канцлеръ неодобрительно покачаетъ головою! Ну и что же, въ концѣ концовъ, изъ всего вышесказаннаго можетъ послѣдовать относительно ревизіи Прибалтійскаго края? Одно изъ двухъ, читатель: если назначенный ревизоръ (сенаторъ Манассеинъ) окажется Яковомъ Долгорукимъ—его живо спустятъ, не давъ окончить дѣла, какъ спустили генерала Головина и ему подобныхъ, или дискредитируютъ его дѣятельность прежде чѣмъ онъ представитъ отчеты и заключенія свои, которыя явятся уже заблаговременно затуманенныя сомнѣніемъ и недоувѣріемъ и, какъ таковыя, подлежащими крайне осторожному съ ними обращенію, а, въ послѣдствіяхъ своихъ,

по приложенію къ дѣлу, и возможно всестороннему обрѣзанію. Если же назначенный сенаторъ окажется человѣкомъ, обладающимъ отиѣннымъ политиво-дипломатическимъ тактомъ, чуждымъ крайнихъ тенденцій, умѣлымъ ловко выходить изъ щекотливыхъ положеній, тогда, какъ чаще всего случается при подобныхъ оказіяхъ—въ результатѣ ревизіи окажется, что хотя, съ одной стороны, конечно..., но, съ другой стороны, однако...; а по неизмѣнному закону математики минусъ на минусъ даетъ, какъ извѣстно, минусъ, что и требуется для нашихъ прибалтійскихъ, да и всякихъ вообще нѣмцевъ. Намъ скажутъ можетъ быть и, не отрицаемъ, не безъ нѣкотораго основанія, что не слѣдуетъ ничего отпѣвать прежде смерти; что такой песимистическій взглядъ на предстоящую въ Прибалтійскомъ краѣ ревизію, не разуменъ уже по своей преждевременности; что наконецъ рукой въ мягкой перчаткѣ можно иногда сдѣлать дѣло если не лучше, то и не хуже, чѣмъ безъ оной, и яко-бы въ доказательство послѣдняго укажутъ намъ на графа Берга, а въ заключеніе прибавятъ, что въ вопросахъ, подобныхъ данному, главное дѣло заключается въ томъ, чтобы дѣятель стоялъ непоколебимо на почвѣ государственныхъ интересовъ и достоинства Россіи, и чтобы исключительно къ поддержанію ихъ направлены были всѣ его стремленія, и что чѣмъ съ меньшею крутостью онъ достигнетъ этихъ цѣлей, тѣмъ пожалуй будетъ лучше. Все это совершенно вѣрно; но для чего же нибудь существуетъ историческій опытъ, а опытъ этотъ, по отношенію къ Прибалтійскому краю, вовсе не располагаетъ къ оптимизму; далеко напротивъ. Да и не въ одномъ этомъ краѣ, а по всѣмъ инородческимъ окраинамъ нашимъ въ Европѣ, и въ Финляндіи, и въ Привислянскомъ, и даже уже совсѣмъ не въ инородческомъ Западномъ краѣ, тотъ же историческій опытъ развѣ не свидѣтельствуетъ намъ и многократно, до какой степени зыбка тамъ вышеупомянутая почва государственныхъ интересовъ и достоинства Россіи. Умные люди и великіе обворожители русско-сановныхъ сердецъ живутъ во всѣхъ этихъ нашихъ окраинахъ, знаютъ чувствительность этихъ русско-сановныхъ сердецъ въ полному аристократическаго достоинства и изящества, любезному, льстивому и глубоко почтительному обращенію съ ними туземныхъ сливокъ, и артистически умѣютъ играть на струнахъ этой чувствительности, съ такимъ успѣхомъ, что хозяйка этихъ сердецъ дѣлаются самыми усердными и ревностными ходатаями, проводниками, защитниками и попустителями стремленій, желаній и притязаній этихъ музыкантовъ, иногда даже и не подозревая, что стремленія и притязанія эти идутъ въ разрѣзъ съ государственнымъ интересами и достоинствомъ Россіи. Развѣ мы не видали такихъ сановниковъ съ русскими именами: каковы напимѣръ, князь Суворовъ въ битность его въ Ригѣ, генераль Поташовъ въ Вильнѣ, графъ Адлербергъ въ Финляндіи,

г. Сабуровъ въ званіи попечителя дерптскаго учебнаго округа, и многіе другіе. Ни одинъ изъ нихъ, мы готовы вѣрить, не желалъ и не думалъ дѣйствовать въ ущербъ русскимъ интересамъ; но, но... однимъ словомъ ужасные оборожители обитаютъ въ нашихъ окраинахъ. Немудрено, что супруга (супруги тамъ имѣютъ великое значеніе по особенной податливости къ политическому гипнотизму) какого-нибудь русскаго сановника на этихъ окраинахъ воскликнетъ иногда въ умиленіи: «Ah, il n'y a pas en Russie de grandes dames, que les dames polonaises!»

Дай Богъ, мы искренно желаемъ, чтобы нашъ пессимизмъ относительно ревизіи Прибалтійскаго края оказался вполне и безусловно неосновательнымъ, и съ искреннимъ удовольствіемъ принесемъ тогда повинную голову, а пока въ оправданіе себя скажемъ, что намъ, русскимъ, столько разъ обжигавшимся на молокѣ, позволительно дуть на воду.

Январь наступившаго новаго года ознаменовался также обычнымъ въ эту пору обнародованіемъ государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1882 годъ. Противъ ожиданія, роспись эта оказалась весьма благоприятнаго характера. Дефицитъ предусмотрѣнъ всего въ 4.337,281 р., да и то сдѣлано уже распоряженіе покрыть его сокращеніями, съ разверстаніемъ, пропорціонально бюджетамъ всѣхъ вѣдомствъ, что составитъ для нихъ, сколько извѣстно, $\frac{9}{10}$ $\frac{0}{10}$. Такой благоприятный характеръ нашей государственной росписи достигнуть главнымъ образомъ путемъ сокращенія расходовъ преимущественно по военному вѣдомству. О значеніи этихъ сокращеній мы надѣемся еще побесѣдовать съ читателями.

КОРЕСПОНДЕНЦІЯ.

СТЕПНОЙ ОАЗИСЪ.

(ПОВЪДЪ ВЪ НОВОРОССІЙСКІЯ СТЕПИ).

I.

Особенность русскихъ культурныхъ людей главнымъ образомъ, по нашему мнѣнію, выражается въ той близорукой дальновзоркости, благодаря которой мы знаемъ или по крайней мѣрѣ интересуемся узнать, что думаетъ какой нибудь Бисмаркъ, и не мало не беспокоимся о происходящемъ у насъ чуть не подъ носомъ, хотя часто послѣднее бываетъ слишкомъ важно для насъ самихъ. Беремъ такой примѣръ: многимъ петербуржцамъ извѣстно, что въ Новороссіи производятся казною большія работы по облѣсенію степей и для этой цѣли въ числѣ прочихъ существуетъ въ Екатеринославской губерніи велико-анадольское лѣсничество, считающееся образцовымъ въ дѣлѣ степнаго лѣсоразведенія въ Россіи; между тѣмъ многимъ жителямъ (изъ культурныхъ) Екатеринославской губерніи ничего не извѣстно, какъ о тѣхъ грандіозныхъ работахъ, такъ и объ образцовомъ лѣсницествѣ, этомъ благословенномъ оазисѣ Новороссіи. Въ особенности поражаетъ это незнаніе въ помѣщикахъ и вообще въ землевладѣльцахъ, на которыхъ за послѣднее время такъ сильно отразились разныя невзгоды, въ видѣ продолжительныхъ засухъ, безвременныхъ и столь-же продолжительныхъ дождей и проч.; а вѣдь и самимъ землевладѣльцамъ не грѣшно бы было, хотя въ небольшомъ размѣрѣ, заняться разведеніемъ лѣса, такъ какъ, полагаемъ, имъ хо-

ропо известно важное значеніе лѣса въ сельскомъ хозяйствѣ, не только какъ матеріала для разныхъ хозяйственныхъ подѣлокъ, но и какъ регулятора влажности и тепла, какъ защиты отъ господствующихъ (восточныхъ) вѣтровъ и проч¹⁾. Правда, что еще нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ мужей (лѣсоводовъ даже) отвергаютъ благотворное вліяніе лѣса на климатъ, но на то они и ученые, чтобы лукаво мудрствовать въ своихъ кабинетахъ; засуха въ ихъ мозгахъ происходитъ, конечно, не отъ безлѣсія. Для нихъ не убѣдительно и замѣчательный примѣръ Франціи, облѣсившей 711,525 гектаровъ сыпучихъ песковъ по берегу Атлантическаго океана и тѣмъ предохранившей огромную площадь земли отъ ежегодныхъ песчаныхъ заносовъ; благодаря вырощенному лѣсу, уничтожились сами собой болота, дѣлавшія этотъ край вреднымъ для здоровья жителей. Въ настоящее время эта мѣстность славится своимъ здоровьемъ, чистымъ воздухомъ. Тысячи людей отправляются туда каждое лѣто для отдыха среди вырощенныхъ великолѣпныхъ сосновыхъ лѣсовъ и для купанія въ волнахъ Атлантическаго океана, по берегу котораго, какъ напримѣръ въ департаментахъ Ландовъ, Жиронды и Нижней Шаранты, устроены прелестныя мѣста для морскихъ купаній.

Жизнь не хочетъ ждать теорій, а природа, за равнодушіе къ ея требованіямъ, жестоко мститъ. Когда-то житница Россіи, Новороссія теперь сама голодаетъ, и мы думаемъ, что въ числѣ причинъ такого бѣдствія не послѣднюю составляетъ истребленіе лѣсовъ въ этой и такъ безлѣсной мѣстности.

Но оставимъ эти невеселыя размышленія и попробуемъ сами начать дѣло. Безспорно, что разсудать мы умѣемъ о всевозможныхъ вещахъ, это легче чѣмъ дѣлать дѣло, даже небольшое; но докажемъ, что мы способны и на разумный трудъ, что у насъ найдется энергія, а не однѣ фразы.

Предположите, читатель, что вы, также какъ и я, землевладѣлецъ степнаго имѣнія; образованіе мы съ вами получили среднее, общее, пусть даже классическое, и при всемъ томъ хозяйство ведемъ поря-

¹⁾ Въ числѣ счастливыхъ исключеній укажемъ на помѣщика Александровскаго-узвда Екатеринбургской губерніи И. И. Свіягина, который въ своемъ имѣніи очень удачно развелъ лѣсъ на пространствахъ нѣсколькихъ десятковъ десятинъ и кромѣ того также успѣшно разводитъ лѣсъ на казенныхъ арендуемыхъ имъ земляхъ. За свою удивительную энергію и труды онъ награжденъ былъ преміей въ 1,000 р., кажется, вольно-экономическимъ обществомъ, а въ этомъ году получилъ отъ министерства государственныхъ имуществъ высшую премію т. е. золотую, медаль и 500 полумперіаловъ. Жаль, только что эти награды достаются человѣку, потерявшему уже и здоровье, и средства.

дочно. Лѣса ни у насъ, ни у сосѣдей нѣтъ, а надобность въ немъ большая и постоянная, и вотъ мы, сознавая всю выгоду, и собственную и общественную, имѣть въ своемъ имѣніи хотя небольшой лѣсокъ, пожелали бы заняться лѣсоразведеніемъ. Въ такомъ низменномъ дѣлѣ Цицеронъ намъ не поможетъ, а необходимыхъ положительныхъ знаній у насъ нѣтъ. «Ба, припомнимъ мы,—пойдемъ-ка къ знакомому лѣсническому, онъ если самъ насъ не научить, то укажетъ способъ къ тому». Связано—сдѣлано. Приѣзжаемъ мы къ нашему знакомцу и просимъ помочь. Съ полною готовностью объясняетъ онъ намъ въ общихъ чертахъ ходъ дѣла; но какъ въ этомъ лѣсничествѣ работъ по лѣсоразведенію не производилось, то для обстоятельнаго ознакомленія онъ предложилъ намъ прочесть имѣющійся у него за нѣсколько лѣтъ лѣсной журналъ. Счастливые, что достали такой цѣнный грузъ, мы возвращаемся домой и принимаемся за чтеніе. Посмѣялись мы сначала, увидѣвъ книжки неразрѣзанными, но припомнили, что вѣдь выписывавшій ихъ человекъ не молодой, семья большая, гдѣ тутъ, думаемъ, читать серьезныя книги, особенно живя въ уѣздномъ городѣ, въ средѣ нашего чиновничества, гдѣ все свободное отъ службы время поглощается картами, водкою и сплетнями. Но когда мы просмотрѣли эти тощія книжонки, у насъ какъ-то невольно явился неразрѣшенный нами вопросъ: для кого и для чего издается этотъ журналъ? Водянистость и мертвенность содержанія его поражаетъ свѣжаго человека ¹⁾. Ни серьезныхъ теоретическихъ статей, ни популярныхъ въ лучшемъ значеніи этого слова, тамъ не найдешь. Положимъ, нѣтъ у насъ Юдейховъ, нѣтъ и Росмесслеровъ, но есть же люди образованные, специалисты лѣснаго дѣла. Среди разныхъ пустяковъ, въ родѣ нѣсколькихъ статей о примѣненіи фотографіи къ лѣсному дѣлу, мы едва нашли статью «О лѣсоразведеніи въ Екатеринославской губерніи» ²⁾. И что же оказывается, что авторъ ея, нѣкто г. Орлуковичъ, только видѣлъ лѣсныя культуры, надо думать, въ качествѣ ревизирующаго лица, а самъ знакомъ съ ними больше по официальнымъ даннымъ, массу которыхъ онъ и приводитъ, не знакомя насъ съ живымъ дѣломъ. Мы узнаемъ, что, кромѣ другихъ, въ одной Екатеринославской губерніи министерство государственныхъ имуществъ производитъ боль-

¹⁾ Впрочемъ въ 1881 году этотъ журналъ нѣсколько оживился, благодаря статьѣ Анджейковича «О лѣсахъ Франціи», еще несовершенной печатаніемъ. Статья эта такъ интересна и поучительна для многихъ, что мы искренно сожалѣемъ, видя ее въ такомъ мало-читаемомъ журналѣ. Изъ этой статьи мы воспользовались свѣденіями объ укрѣпленіи и облѣсеніи сыпучихъ песковъ во Франціи.

²⁾ «Лѣсной журналъ», 1880 г., книжка 5.

пія работы по облѣсенію степей, начавъ эти работы довольно давно, лѣтъ 40 назадъ; а мы, жители сосѣднихъ губерній, интересующіеся этимъ дѣломъ, ничего о немъ не знаемъ. Авторъ сообщаетъ, что въ настоящее время разводится въ этой губерніи до 400 дес. лѣсу ежегодно; но давно ли ведется дѣло въ такомъ размѣрѣ и какіе достигнуты результаты—неизвѣстно. Не узнаемъ мы также изъ статьи и какія цѣли преслѣдуетъ министерство, затрачивая на это дѣло большія средства. А вѣдь все это знать немаловажно: частный человѣкъ, даже богатый, не то что казна, онъ не можетъ тратить большихъ денегъ на дѣло, повидимому, мало обѣщающее. Намъ говорятъ, что извѣстный лѣсоводъ и впоследствии профессоръ фонъ-Граффъ, втеченіи своей 25-ти-лѣтней дѣятельности, развелъ 100 дес. лѣсу, потративъ на это, кромѣ своей энергіи, массу крестьянскаго труда и казенныхъ денегъ, а пріемникъ его г. Баркъ въ 14 лѣтъ успѣлъ это дѣло, почти умирившее, оживить и дать ему прочное основаніе, разведя около 1,000 дес. лѣсу съ значительно меньшими затратами труда и капитала; но почему при Граффѣ лѣсоразведеніе, несуществовавшее до него, умирало, а при г. Баркѣ оживилось, мы не знаемъ, также какъ и того, что вырощенныя первымъ 100 дес. лѣсу, а вторымъ 1,000 дес. дѣйствительно ли походятъ на лѣсъ, доставляющій какую-нибудь пользу, или это только жалкіе намеки на настоящій лѣсъ. Обо всемъ этомъ и о многомъ другомъ, интересующемъ насъ, авторъ скромно умалчиваетъ, сообщая взамѣнъ, какое тяжелое бремя для лѣсничихъ весенніе и осенніе разъѣзды по участкамъ для осмотра лѣсныхъ культуръ, и что онъ самъ, авторъ, въ прошломъ году имѣлъ несчастье лично испытать эту тягость и узнать, что, при весеннемъ половодіи, представляетъ собою каждый, безводный лѣтомъ, ручеекъ, или незамѣтная балочка. Бѣдный, намъ его очень жаль; разъѣздныя деньги хорошо получать, но тратить ихъ на разъѣзды вообще—скверно, а весной и осенью въ особенности. Изъ той же статьи мы узнаемъ, какъ важенъ вопросъ о выборѣ мѣста подлѣ культуры; такъ, г. Баркъ нашелъ, что степное лѣсоразведеніе, вопреки указаніямъ природы, возможно только на открытой, ровной, возвышенной степи, а не въ балкахъ. Значить, прежде думали иначе; но какъ и почему, намъ не говорятъ. Да неужели при всякихъ цѣляхъ лѣсоразведеніе возможно лишь на высокой степи? Напримѣръ, если-бы я захотѣлъ поддержать въ балкѣ, ручьѣ, прудѣ влажность и предотвратить скорѣе ихъ высыханіе посадкою ивовыхъ и тополевыхъ кольевъ, то мнѣ не слѣдуетъ этого дѣлать, а непременно надо сажать вербу на высокой степи, гдѣ она скоро засохнетъ? Но какъ ни плоха эта статья, нельзя и за нее не сказать спасибо автору, такъ какъ больше мы ничего подходящаго не нашли въ лѣсномъ журналѣ за нѣсколько лѣтъ его жалкаго существованія,

и только благодаря случайности, мы прочли статью «Лѣсоразведеніе на югѣ Россіи» въ официальномъ журналѣ «Сельское хозяйство и лѣсоводство». Авторъ этой статьи тотъ самый ученый лѣсоводъ г. Баркъ, создавшій, по словамъ г. Орлуковича, 1,000 дес. лѣсу, слѣдовательно тѣмъ болѣе интереса представляла эта статья. Отъ такого авторитета въ дѣлѣ лѣсоразведенія мы узнаемъ, что начало ему положено нѣмцами-колонистами (безъ нѣмцевъ никакъ нельзя), которые, подъ руководствомъ послѣдовательнаго и весьма энергичнаго попечительнаго комитета (вотъ какіе комитеты бываютъ!), обязаны были развести по $\frac{1}{2}$ дес. на каждый надѣлъ въ 60 и 90 дес. Но эти обязательныя работы—повѣствуетъ г. Баркъ,—показались нѣмцамъ такою тяжелою повинностію, что нѣкоторые семейства изъ-за нихъ бросили свое хозяйство и возвратились въ Германію, потому что въ то время приемы лѣсоразведенія отличались сложностью и дороговизною. Но, читаемъ мы дальше, не смотря на громадный трудъ, работы по лѣсоразведенію не увѣнчивались особымъ успѣхомъ: большинство посаженныхъ деревьевъ засыхали на второмъ и третьемъ годахъ посадки, пока не стали очищать и разрыхлять почву не только около самихъ деревьевъ, но и по всему пространству молодаго насажденія. Вышій министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ, обозрѣвая вначалѣ сороковыхъ годовъ эти колоніи, восторгался красивыми лѣсными посадками нѣмцевъ, и какъ въ то время Новороссійскій край заселялся государственными крестьянами изъ губерній Полтавской, Кіевской и Харьковской, то министръ вознимѣлъ мысль привить переселенцамъ любовь къ лѣсоразведенію. Съ этою цѣлью поручено было колонисту Вибѣ начать культурныя работы на казенномъ оброчномъ участкѣ Таврической губерніи, и сдѣлано было распоряженіе о посылкѣ къ нему крестьянскихъ мальчиковъ на обученіе. Зная недовѣріе русскаго населенія къ работамъ нѣмецкихъ колонистовъ, графъ Киселевъ не ограничился этою мѣрою, а учредилъ въ Екатеринославской губерніи велико-анадольское образцовое степное лѣсничество, гдѣ всѣ работы по лѣсоразведенію должны были производиться русскими рабочими, подъ руководствомъ русскаго же лѣсничаго специалиста. Замѣтимъ отъ себя, что первымъ лѣсничимъ былъ фонъ-Граффъ, а вторымъ г. Баркъ. Изъ того же источника узнаемъ, что при основаніи этого лѣсничества имѣлось въ виду доказать возможность облѣсенія степей при самыхъ неблагоприятныхъ почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ, опредѣлить лучшія для облѣсенія древесныя и кустарныя породы, выработать рациональныя культурныя приемы, содѣйствовать всякими мѣрами частнымъ лицамъ при ихъ работахъ по посадкѣ деревъ, и образовать свѣдущихъ по лѣсоразведенію крестьянъ, которые, возвращаясь въ свои общества, могли бы разводить образцовыя расадничьи при волостныхъ

правленіяхъ и давать нужныя указанія всѣмъ, желающимъ заняться разведеніемъ деревь. При лѣсничествѣ была образована школа лѣсниковъ съ 4-хъ-годичнымъ курсомъ, число учениковъ которой доходило до 120. Самая посадка деревьевъ производилась садовымъ способомъ, принятымъ нѣмецкими колонистами. Разведено было 140 дес. лѣсу изъ ясеня, береста, клена, бѣлой акаціи, гледичи и проч. по 2,400 деревь на 1 десятину. Но каждая десятина разведеннаго такимъ способомъ лѣса, говоритъ г. Баркъ,—обходилась казнѣ по нынѣшнимъ цѣнамъ на рабочихъ въ 700 р.; при такой дороговизнѣ, подобныя работы могли продолжаться только пока существовалъ даровой трудъ государственныхъ крестьянъ, подъ названіемъ лѣсной повинности и въ видѣ обязательнаго комплектованія числа учениковъ-работниковъ. Главная цѣль—распространеніе лѣсоразведенія между крестьянами, вовсе не достигалась; образцовые рассадники при волостныхъ правленіяхъ образовывались весьма туго; крестьяне добровольно не разводили деревьвъ, принудительныя же распоряженія начальства не приводили къ лучшимъ результатамъ, а выпущенныхъ изъ школы лѣсниковъ приходилось назначать въ простые лѣсные сторожа. Въ виду такихъ результатовъ, министерство въ 1866 году закрыло школу лѣсниковъ и сократило, какъ штатъ лѣсничества, такъ и расходы по лѣсоразведенію. Культурныя работы еще продолжались, но въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ и уже безъ помощи приученныхъ воспитанниковъ-рабочихъ, одними наемными поденщиками. Но это критическое положеніе дѣла, на которое было затрачено столько труда и денегъ, послужило могущественнымъ стимуломъ къ большей настойчивости и энергіи со стороны лицъ, знакомыхъ уже съ этимъ дѣломъ и заинтересованныхъ въ его дальнѣйшемъ успѣхѣ. Съ этого времени вся сила энергіи и знанія была направлена исключительно на удешевленіе и упрощеніе культурныхъ приемовъ. Разнообразные опыты въ этомъ направленіи дали къ началу семидесятыхъ годовъ настолько положительныя и усвоительныя результаты (не забудемъ, что въ 1868 году былъ назначенъ въ лѣсничество г. Баркъ), что въ 1874 году, по инициативѣ министерства государственныхъ имуществъ, можно было смѣло проектировать значительное расширеніе степнаго лѣсоразведенія, съ полнымъ убѣжденіемъ, что дѣлаемая затрата современемъ окупятся съ лихвою.

Мы преклоняемся предъ знаніемъ, энергією и трудами г. Барка, но не можемъ не высказать нѣкотораго сомнѣнія, на примѣръ, по поводу сравнительной дороговизны культуръ фонъ-Граффа и дешевизны таковыхъ впоследствии, т. е. при г. Баркѣ. Между прочимъ, замѣтимъ, что первый получалъ содержанія всего 300 р. въ годъ, почти тоже, что теперь получаетъ кондукторъ. Да и помимо соображеній о

стоимости администраціи. и прямыя-то расходы на культуры въ настоящее время намъ кажутся значительнѣе, чѣмъ они выведены въ статьѣ г. Барка. Что же касается до выводовъ о прибыльности лѣсоразведенія, считая расходъ на посадку 1 дес. лѣсу и уходъ за нимъ втеченіи 30 лѣтъ въ 918 р. 33 к., а доходъ за то же время въ 1,120 р., слѣдовательно, чистаго дохода за 30 лѣтъ 201 р. 67 к. или ежегодно по 6 р. 72 к. на каждую десятину,—такой выводъ, повторяемъ, мы считаемъ просто фантастичнымъ, хотя-бы потому только, что теперь, какъ мы слышали, есть даже и въ Екатеринославской губерніи нѣкоторыя лѣсничества съ естественнымъ лѣсомъ, требующимъ только охраны и по срубкѣ вырастающимъ вновь безъ всякаго ухода, которыя тѣмъ не менѣе даютъ ежегодный дефицитъ. Наконецъ, достигнута ли, хотя отчасти, та главная цѣль, которую ставитъ г. Баркъ дѣлу лѣсоразведенія—распространеніе его между крестьянами?

Тѣмъ не менѣе розовыя мечты г. Барка о выгодности лѣсоразведенія такъ увлекли насъ, что мы рѣшились посмотреть эти чудныя лѣса, вырастающіе какъ-бы по мановенію волшебника и дешево, и скоро, и приносящіе такой огромный доходъ. Кстати, и время было подходящее—на дворѣ весна; въ газетахъ уже появились извѣстія о надеждахъ на урожай, значить меньше встрѣтимъ горя, нужды и другихъ непріятныхъ вещей, которыя бы могли отравить нашу *partie de plaisir*. Правда, насъ пугали противо-еврейскими беспорядками, но мы не считаемъ основательными эти страхи и, наконецъ, въ крайнемъ случаѣ мы можемъ принять благородную роль неприванныхъ умиротворителей. Я уже не говорю, что каждому жителю города, все равно какого—Петербурга, Москвы, Переяслава, (Конотона, пріятно будетъ, послѣ тѣхъ миазмовъ, которыми дышешь у себя дома, хотя короткое время подышать чистымъ, сухимъ воздухомъ нашихъ южныхъ степей. Еще большее удовольствіе должно было доставить намъ, если мы найдемъ, среди этихъ обширныхъ степей, тотъ почти сказочный лѣсъ, который, не существовавши, чуть не умеръ и затѣмъ воскресъ, разросшись въ 10 разъ больше прежняго и, при всемъ томъ скрываясь въ какой-то таинственности, завѣсу которой мы намѣрены теперь изъяснить и придать.

Тамъ, среди новороссійскихъ степей, въ странѣ пшеницы, гдѣ теперь нѣтъ и ржанаго хлѣба, мы поищемъ тотъ счастливый уголокъ, называемый велико-анадольскимъ степнымъ образцовымъ лѣсничествомъ, находящимся Екатеринославской губерніи, въ Мариупольскомъ уѣздѣ, и по землѣ котораго проходитъ такъ долго строящаяся желѣзная дорога (мариупольскій участокъ донецкой каменноугольной желѣзной дороги). Такъ какъ мы съ вами, читатель, ѣдемъ съ сѣвера, то намъ совер-

шенно естественно не знать въ точности мѣстность этого лѣсничества; но, соображая, что по дорогѣ на югъ, такъ сказать, въ преддверіи степей лежитъ большой городъ, въ которомъ находится казенное лѣсное управленіе смежной съ той, куда мы ѣдемъ, губерніи, мы зайдемъ въ это учрежденіе и подробно справимся, куда и какъ намъ проѣхать? Зашли мы, положимъ, утромъ часовъ въ 9—10, когда начальства еще нѣтъ, и обратились къ секретарю или другому чиновнику за разрѣшеніемъ подобной справки, на что получаемъ вѣжливый отвѣтъ, что такого лѣсничества они не знаютъ, и что мы можемъ объ этомъ узнать въ Екатеринославѣ, тамъ, дескать, знаютъ (не доставало, чтобы и тамъ не знали). Мы поражены невѣроятностью такого отвѣта и думаемъ, что это неумѣстная шутка, но нѣтъ—эти люди слишкомъ солидны и одинъ видъ ихъ убѣждаетъ въ чистосердечности ихъ незнанія¹⁾. Чего добраго, думаемъ мы, не мистификація ли всѣ эти рассказы о степномъ оазисѣ, о всѣхъ этихъ тысячахъ десятинъ разведеннаго лѣса, въ родѣ той почтовой дороги, на устройство и ежегодный ремонтъ которой выдавались солидные куши денегъ, а затѣмъ вдругъ оказалось, что такой дороги вовсе и не существовало. Но нѣтъ, мы не хотимъ этому вѣрить и хотя-бы надѣясь на одно русское авось, поѣдемъ дальше искать этотъ таинственный лѣсъ. Къ счастью, случайно-встрѣченный нами господинъ, съ которымъ мы разговорились въ вагонѣ, объяснилъ намъ, что отъ послѣдней станціи Еленовки, константиновской (нынѣ донецкой) желѣзной дороги до лѣсничества всего верстъ 26. И вотъ, благодаря только такому указанію, мы добрались до цѣли своего пути, не заѣзжая справляться въ Екатеринославъ, лежащій въ сторонѣ, и на поѣздку куда нужно было-бы потратить, кромѣ денегъ, два дня времени. Не доѣзжая до лѣсничества 2 верстъ, расположено село Благодатное; было ли въ немъ прежде благодатно—неизвѣстно, но теперь, судя по рассказамъ везшаго насъ на парѣ клячъ мужичка изъ этого села, въ немъ крестьянамъ живется плохо; конечно, живущіе же въ селѣ разночинцы-евреи роскошествуютъ. Если-бы не роздали мужикамъ весною хлѣба, то нечѣмъ было бы и въ степи посѣять.—Въ иныхъ хатахъ по недѣлѣ хлѣба-то и не видѣли, говорилъ нашъ возница,—а питались больше картошкой, спасибо, только и уродившейся въ прошломъ году. Благодаря его словоохотливости, мы узнаемъ, что

¹⁾ Такой именно случай былъ недавно (въ маѣ) съ управляющимъ одного большаго имѣнія Полтавской губерніи. Рассказывая его, онъ добавлялъ, что какой-то старичекъ, должно быть писецъ, утѣшалъ его немного, сказавъ, что такое лѣсничество действительно есть въ Екатеринославской губерніи, такъ какъ оттуда прежде выписывались древесныя сѣмена, но что мѣстонахожденія его онъ не запомнитъ.

лѣсничество даетъ населенію порядочный заработокъ, но такъ какъ всѣ работы сдаются въ губернскомъ городѣ съ торговъ еврею, потому что не евреевъ-подрядчиковъ въ здѣшней губерніи нѣтъ, то почти вся выгода достается подрядчику, а крестьяне за тяжелый трудъ получаютъ малое вознагражденіе. А вѣдь кажется, чего бы легче сдать эти работы самимъ работникамъ, т. е. обществу крестьянъ, хотя-бы съ круговой порукой; но существующій законъ о подрядахъ и сложныя формы бумажной отчетности дѣлаетъ невозможною такую простую и вмѣстѣ важную мѣру, отъ проведенія которой, кромѣ теперешнихъ эксплуататоровъ, никто бы ничего не потерялъ, казна же и въ особенности крестьяне были бы въ рѣшительной выгодѣ. Впрочемъ и при существующемъ законѣ находятъ возможнымъ дѣлать исключенія. Такъ, на примѣръ, назначенная для орошенія нашихъ новороссійскихъ степей партія генераль-маіора Жилинскаго ¹⁾ производитъ въ Екатеринославской губерніи огромныя работы, нанимая при этомъ, безъ посредства подрядчиковъ, тысячи рабочихъ, пища которымъ готовится пища также насчетъ казны, (мы слышали, что въ настоящемъ году на эти работы назначено 140,000 р.). Къ чести чиновъ этой партіи, всюду слышны хорошіе отзывы рабочихъ, какъ о качествѣ пищи, такъ и о способѣ денежнаго расчета.

II.

Но вотъ мы миновали село и невдалекѣ показался лѣсъ. Мѣстность тутъ нѣсколько покатая и издали лѣсъ, не смотря на окружающую неоглядную степь, не представлялъ особенно поражающей картины; но лишь только мы пробѣжали отдалявшее насъ отъ лѣса пространство, какъ пейзажъ измѣнился. Мы мало еще видѣли, но много чувствовали. День былъ жаркій, въ степи солнце жгло невыносимо, преслѣдующая дорожная пыль стѣсняла и безъ того трудное дыханіе. Здѣсь же, когда по обѣ стороны дороги высилась сплошная стѣна деревь, листва которыхъ давала намъ столь желанную прохладу, мы забыли всѣ дорожныя невзгоды. Дышалось какъ-то особенно свободно и легко, земною грудью вдыхали мы этотъ, непривычный для горожанъ, здоровый и свѣжій воздухъ. Окружающій лѣсъ казался такимъ пріятнымъ; эти горделивыя тополи, стройныя какъ пальмы ясени, роскошныя по своей яркой и густой зелени береста, вязы, клены и липы, тонкій ароматъ отцвѣтающей сирени и жимолости и разцвѣтающей бѣлой акации, наконецъ, эта правильность рядовъ деревьевъ, напоми-

¹⁾ Того самаго, который осушалъ болота въ Полѣсьѣ.

нающая о грандіозномъ человѣческомъ трудѣ и энергіи,—все это, повторяю, приводитъ въ восторгъ, какъ сѣверянина, большею частію еще и невиданнаго такихъ роскошныхъ деревьевъ, такъ и жителя южныхъ губерній, непривычнаго видѣть въ своихъ степяхъ такую массу древесной растительности.—Ба, да тутъ растутъ и сосны, невольно удивились мы; но, присмотрѣвшись, оказывается, что глубокой суглинистый черноземъ плохой кормилецъ для сосны. Миновавши плотину чрезъ рѣчку Кашлагачъ, виѣ лѣса совершенно высыхающую, и пройдя нѣсколькой алей (иначе эту дорогу трудно было назвать), мы повернули, наконецъ, на главную алею, идущую къ дому лѣсничаго. При началѣ ея стояли, какъ-бы на-стражѣ, нѣсколько каменныхъ грубыхъ статуй (ихъ здѣсь очень много), вѣроятно древнія божества, нѣчто въ родѣ Венеры, если считать ее богиней безобразія. За домомъ правивантовъ ¹⁾, мы подѣхали къ довольно красивому дому лѣсничаго. Къ счастью нашему, хозяинъ оказался дома, а не въ лѣсу, радушно насъ встрѣтилъ, предупредительно предложивъ услуги осмотрѣть лѣсничество. Онъ еще молодой человѣкъ, всего нѣсколько лѣтъ окончившій курсъ въ петровско-разумовской академіи. Мы нѣсколько удивились, узнавши, что на такомъ мѣстѣ не генералъ или около этого; но оказалось, что нашъ любезный хозяинъ считается только завѣдывающимъ, а не управляющимъ лѣсничествомъ. Хотя мы и не совсѣмъ поняли это раздѣленіе, но за то вполне поняли неудобство назначить генерала на эту должность, непрежѣнно требующую личнаго труда и знанія. Онъ очень охотно удовлетворялъ нашему любопытству относительно разныхъ сторонъ лѣснаго дѣла, въ особенности объ искусственномъ лѣсовозращеніи или, на языкѣ спеціалистовъ, культурѣ лѣса. Дѣло это онъ видимо любитъ и говорить о немъ съ удовольствіемъ.

Мы интересовались видѣть лѣсъ въ различныхъ стадіяхъ роста, услышать хотя краткую исторію его, въ особенности исторію его юности, когда ему, какъ ребенку, необходимы разумный уходъ и попеченія. Лѣсничество основано въ 1843 году, среди открытой степи, на казенныхъ арендныхъ земляхъ. Мы уже знаемъ, что первымъ лѣсничимъ былъ знаменитый впоследствии лѣсоводъ и профессоръ, а въ то время молодой энергичный подпоручикъ корпуса лѣсничихъ фонъ-Граффъ, первый же, доказавшій возможность лѣсоразведенія въ открытой степи

¹⁾ Это молодые люди изъ окончившихъ курсъ въ лѣсныхъ учебныхъ заведеніяхъ, присылаемые сюда для практики; но мы не добились узнать, въ чемъ они практикуются, намъ показалось—въ ничего-недѣланіи. Потому ихъ, какъ людей опытныхъ, называютъ лѣсничими.

на большомъ пространствѣ, и можно съ увѣренностію сказать, что дѣло степнаго лѣсоразведенія въ Россіи своимъ существованіемъ въ настоящемъ видѣ всецѣло обязано этому неутомимому труженику, память о которомъ должна быть чтима у насъ такъ же, какъ у нѣмцевъ о лѣсничемъ Котта. Г. Граффъ трудился втеченіи 25 лѣтъ. Началъ онъ, не имѣя ни одного помощника, при очень малыхъ средствахъ, не пользуясь не только сочувствіемъ окружающихъ, но часто испытывая противодѣйствіе, въ особенности со стороны невѣжества и бюрократизма. По его, Граффа, инициативѣ открыта въ лѣсничествѣ школа лѣсниковъ, въ ученики которой набирали крестьянскихъ мальчиковъ сиротъ. Первое время эти бѣдняки не имѣли даже помѣщенія. Работая въ лѣсничествѣ, они должны были ходить для ѣды и ночлега въ ближайшую деревню, къ крестьянамъ, которымъ сначала ничего не платили и уже потомъ стали выдавать по 30 к. за каждаго мальчика въ сутки. Г. Граффъ, помимо приемовъ по лѣсоразведенію, долженъ былъ самъ учить ихъ чтенію, письму и счету, не имѣя долгое время никакихъ пособій. Наконецъ, самихъ рабочихъ нужно было учить этому новому для нихъ дѣлу. Но всѣ препятствія, всѣ невзгоды, недоброжелательство окружающихъ и своего ближайшаго начальства, даже зависть сослуживцевъ—все это преодолѣлъ г. Граффъ своимъ знаніемъ, тяжкимъ трудомъ, величайшею энергіею и безупречною честностію, за которую его тоже не очень-то долюбивали, по пословицѣ, какъ собаку, лежащую на снѣгѣ. Онъ оставилъ потомству дѣйствительно 140 дес. лѣсу, но это именно тотъ лѣсъ, которымъ такъ хвалятся здѣсь. Мы не знаемъ, сколько было у него неудачъ, хотя, несомнѣнно, онъ долженъ были быть въ такомъ новомъ дѣлѣ. Намъ извѣстно, что, несмотря на примѣръ Граффа, въ 1874 г. ученый лѣсоводъ г. Шенрокъ, въ составленномъ имъ проектѣ лѣсоразведенія, въ Екатеринославской губерніи считалъ почти невозможнымъ разводить лѣсъ, въ особенности заводить лѣсные питомники среди открытой степи, предлагая направлять лѣсоразведеніе въ балки, возлѣ рѣкъ и ручьевъ. Съ такимъ мнѣніемъ согласился и ученый комитетъ при министерствѣ государственныхъ имуществъ. Только въ самое послѣднее время стало первенствовать другое мнѣніе, впадая тоже въ крайность, хотя одно не должно бы исключать другое, а идти вмѣстѣ; на открытой, высокой, но черноземной степи можно и должно сажать берестъ, вязъ, дубъ, ясень, кленъ, липу, и проч., на пескахъ разводить шелогу, сосну, березу, осину, а въ балкахъ и возлѣ рѣкъ полезно сажать ивы, тополи, ольхи, конечно, съ другими приѣмами, чѣмъ на высокой степи. Г. Граффъ съ назначеніемъ профессоромъ долженъ былъ оставить лѣсничество. Преемникомъ ему былъ г. Баркъ, управлявшій лѣсничествомъ почти до послѣдняго времени. При немъ то, начиная съ 1874 г., начаты культуры лѣса въ

Большае размѣръ, какъ ведется это дѣло и теперь (2-й годъ) завѣдывающимъ лѣсничествомъ, г. Полянскимъ. Въ настоящее время въ этомъ лѣсницествѣ считается подъ лѣсомъ около 900 дес.; ежегодно разводится 90 дес. лѣсу, да кромѣ того на принадлежащихъ сюда же 5 участкахъ ежегодно разводится 150 дес., всего 240 дес. Общее количество земли, предположенной для облѣсенія въ этомъ лѣсницествѣ, составляетъ 5, 500 дес. Въ сосѣднемъ азовскомъ лѣсницествѣ того же уѣзда занято подъ лѣсомъ 150 дес., а всего предполагается развести на 2,500 дес., по 30 дес. въ годъ, да на принадлежащемъ къ тому же лѣсницеству участкѣ въ Александровскомъ уѣздѣ предположено развести лѣсъ на 1,850 дес., по 30 дес. въ годъ. Въ Александровскомъ же уѣздѣ находится больше-михайловское казенное лѣсничество, въ которомъ ежегодно производится посадки лѣса на 15 дес. Въ этомъ послѣднемъ и въ новомосковскомъ лѣсницествѣ, гдѣ ежегодно разводится до 6 дес. лѣсу, на неудобныхъ песчаныхъ мѣстахъ культивируется довольно успѣшно сосна. Кромѣ упомянутыхъ лѣсничествъ, казенное лѣсное управленіе ведетъ культуру въ Верхнедѣпровскомъ уѣздѣ, гдѣ уже разведено до 230 дес. лѣсу, а всего предполагается до 1,500 дес. на 2 участкахъ, по 60 дес. ежегодно. Итого, въ Екатеринославской губерніи, казна ежегодно разводитъ до 400 дес. лѣсу, а всего должно быть разведено въ недалекомъ будущемъ около 12,000 дес. Нельзя не признать, что дѣятельность въ этомъ отношеніи министерства государственныхъ имуществъ довольно почтенная.

Но мы нѣсколько отклонились отъ главнаго предмета; не забудемъ, что мы возлѣ дома лѣсничаго, вокругъ котораго и по дорогѣ къ нему изъ села Благодатнаго лѣсъ уже большой, сравнительно старій. Напротивъ фасада дома расположенъ концентрическими полукругами такъ называемый арборетъ, раздѣленный радіально одною главною и нѣсколькими второстепенными аллеями. Въ этомъ арборетѣ, кромѣ общихъ всему лѣсницеству большихъ деревьевъ, растутъ масса всевозможныхъ кустарниковъ. Уже не говоря о бузинѣ, красной и черной, мы замѣтили сирень, жимолость (татарская), нѣсколько видовъ боярышника, бирючину, музирникъ, аморфу, бересклетъ (2-хъ видовъ), крушину (2-хъ видовъ), лохъ узколистный или дикая маслина, лохъ серебристый, птелею, барбарисъ, уксусное дерево, желѣзное дерево, тернъ, золотистую смородину, таволгу, визильникъ, мушмалу, рабитникъ и др. Какъ-бы для нашего удовольствія, большинство кустовъ было въ цвѣту. Такая масса ихъ не была бездѣльно разведена здѣсь; въ 1846 году министръ, при посѣщеніи лѣсничества, приказалъ сдѣлать большій посѣвъ разныхъ кустарныхъ породъ, въ особенноти боярышника и терновника, въ виду того, что государь императоръ желаетъ распространить употребленіе живыхъ

изгородей, особенно на поляхъ, и вмѣсто каменныхъ и деревянныхъ заборовъ.

За арборетомъ идетъ плантація фруктовыхъ деревьевъ, а затѣмъ, окруженное алеей большихъ канадскихъ тополей и маленькой изгородью подстриженного серебристаго лоха, тянется удлиненнымъ прямо-угольникомъ чистое пространство, поросшее сочною травою, и на этомъ свѣтлозеленомъ фонѣ какъ-бы гитскимъ аперомъ написано темною зеленою слѣдующее: «Г. 18-Н-43 г. К.», что означаетъ: первая и послѣдняя буквы—графъ Киселевъ, бывшій тогда министромъ государственныхъ имуществъ, въ срединѣ вензелевое изображеніе имени императора Николая I, по обѣ стороны котораго годъ основанія лѣсничества. Буквы и цифры огромныхъ размѣровъ сдѣланы изъ густо посаженнаго береста и вяза, подстриженнаго въ наклонной по направленію къ дому плоскости. Далѣе затѣмъ опять идетъ старый лѣсъ, среди котораго обращаютъ на себя особенное вниманіе остролиственный кленъ и американскій берестъ по своимъ роскошнымъ, огромныхъ размѣровъ, листьямъ, а послѣдній—и по своему стройному, могучему стволу, съ гладкою, лоснящеюся, темнобурою корою. Все это труды г. Граффа.

Но вернемся назадъ, къ дому, и пойдемъ въ противоположную сторону, на востокъ, для того, чтобы осмотрѣть въ постепенности все болѣе и болѣе молодыя насажденія. Намъ показалось только страннымъ, что направленіе культуръ идетъ съ запада на востокъ, а не наоборотъ; мы думаемъ, что будь молодой лѣсокъ защищенъ съ востока большимъ старымъ лѣсомъ, восточные сухіе вѣтры меньше бы наносили ему вреда.

III.

По обѣ стороны широкой алей, по которой мы шли, лѣсъ сравнительно молодой, лѣтъ 7—8. Берестъ, вязъ и ясень такъ переплелись вѣтвями, что совершенно затѣнили занимаемую ими землю, или, какъ говорятъ лѣсничіе, насажденіе сомкнулось, а потому не требуетъ очистки отъ сорныхъ травъ. На свободныхъ отъ проѣзда мѣстахъ алей а также между рядами деревьевъ расположены сѣмянные грядки, на которыхъ красуются густо выросшія изъ сѣмянъ маленькія деревца или, какъ ихъ называютъ, сѣянцы ¹⁾ ясеня, береста, клена, акаціи и др. Красивѣе всѣхъ намъ показались грядки ясеня, всходы котораго, послѣ

¹⁾ Деревца уже высаженныя изъ грядокъ въ приготовленную почву называются саженцами.

посѣва, приходится ждать цѣлый годъ ¹⁾). Въ настоящемъ случаѣ мы порадовались, что такое долготерпѣніе награждено по заслугамъ,—молодые асенки были роскошны. При этомъ считаемъ не лишнимъ вкратцѣ разсказать, какъ объ этихъ грядкахъ, такъ и вообще о приготовленіи почвы подъ посѣвы и посадки. Предназначенная для посадокъ земля предварительно отдается на нѣсколько лѣтъ подъ посѣвы хлѣбовъ, а за годъ до посадки распахивается два раза, въ маѣ и сентябрѣ, обыкновеннымъ плугомъ, насколько можно глубже. Въ промежутокъ времени между распахиваніями, когда почва покрывается вновь травами, она бороуется до-черна, для истребленія сорныхъ травъ, и послѣ второй распахивки оставляется неборонованною, чтобы зимою между бороздами могло накопиться больше снѣгу. Раннею весною площадь заборонивается и тотчасъ же засаживается деревьями, чтобы воспользоваться весеннею сыростью почвы. Деревца для посадки величиною 4—6 вершковъ выращиваются, какъ мы видѣли, на грядкахъ. Сѣмянные грядки закладываются для породъ, всходы которыхъ не очень боятся морозовъ, какъ-то: кленовъ, желтой акаціи, дуба; на открытой степи, и для болѣе нѣжныхъ всходовъ бѣлой акаціи, ясени и берестовъ, между рядами существующаго молодого насажденія, если же такого нѣтъ, то и подѣльную рѣдкаго стараго лѣса или сада, или, наконецъ, нарочно—выращивается, такъ называемое, защитное насажденіе изъ скорораствующихъ породъ бѣлаго или чернаго тополя, осины и др. Для грядокъ земля перекапывается полосою въ 1½ арш. ширины, глубиною до 6 верш. выравнивается граблями, укатывается нетяжелымъ каткомъ, затѣмъ проводятся поперечныя бороздки въ разстояніи ¼ арш., такой глубины, чтобы сѣмена покрылись землею вдвое противъ толщины самого сѣмени ²⁾). Время для посѣва разное: для клена и дуба—поздняя осень, желтой акаціи—ранняя весна, бѣлой акаціи и сосны—начало мая, для береста—конецъ мая, для ясени, липы и граба—іюнь. Для удержанія влаги, грядки до появленія всходовъ покрываются слегка соломой. Молодые всходы (особенно сосны) поливаются въ первомъ году, во время засухъ, на второмъ же году, кромѣ полотья, ничего не требуютъ. Выращенные изъ сѣмянъ сѣянцы бываютъ годны къ пересадкѣ прямо въ степь: у бѣлой акаціи и дуба въ первомъ году, у береста, клена, желтой акаціи и сосны—на второмъ году, а у ясени—

¹⁾ Сѣмена ясени, посѣянные въ іюнь, взойти бы осенью или раннею весною; но въ предохраненіе отъ морозовъ, которыхъ всходы ясени такъ боятся, грядки послѣ посѣва покрываются соломой или камышомъ, слоемъ вершка въ 4 и болѣе. Сверхъ того, зимою по снѣгу дѣлаютъ вторую такую же покрывку, чѣмъ искусственно задерживаются всходы до конца апрѣля слѣдующаго послѣ посѣва года.

²⁾ Для посадки 1 дес. нужно саженъ 70 такой грядки.

только въ третьемъ году. Посадку должно производить рано весной, когда почва достаточна сыра. Прежде всего сажаютъ клены, остролистный и подевой, затѣмъ липу, ильмы (берестъ и вязъ) и ясенъ и, наконецъ, татарскій кленъ, желтую и бѣлую акацію. Сосну сажаютъ на песчаныхъ почвахъ очень раннею весной, до разверзанія почекъ. Въ грядкахъ же сосна хорошо растетъ и на черноземѣ. Для удобства работы, при посадкахъ слишкомъ длинные стебли и корни у сѣянцевъ обрубартся по $\frac{1}{4}$ арш., исключеніе изъ этого составляютъ: сосна, ясенъ и клены (кромѣ татарскаго), для которыхъ обрѣзка вредна. Наканунѣ посадки, на приготовленной почвѣ обозначаются ряды въ разстояніи 1 саж., что дѣлается или канатомъ, или особымъ двуколеснымъ маркеромъ, въ которомъ колеса отстоятъ другъ отъ друга на 1 саж. Первая линія дѣлается ногою по вѣшкамъ; на эту линію направляютъ одно колесо, а другимъ обозначаютъ второй рядъ и т. д. Въ рядахъ деревца сажаютъ на разстояніи $\frac{1}{2}$ арш., такъ что на 1 дес. нужно 14,400 сѣянцевъ. Ямки для деревцевъ дѣлаются или особымъ сажальнымъ коломъ съ перекладиною, или ударомъ лопаты образуютъ щелину и, посадивши растеніице, дѣлаютъ вторую щелину параллельно, отчего первая изъ нихъ сжимается. Послѣ посадки единственный уходъ, какой требуютъ деревца, это почаше очищать ихъ отъ сорныхъ травъ, разрыхляя при этомъ землю, и тогда можно быть увѣреннымъ въ будущности насажденія. При этомъ мы должны добавить, что, въ настоящее время, многіе лѣсоводы пришли къ убѣжденію, что достаточно одной осенней вспашки для земли, назначенной подъ лѣсъ, не требуя даже особенно глубокаго паханья, не болѣе 4 вершковъ; затѣмъ, принятое разстояніе между рядами деревцевъ находятъ полезнымъ сократить до $\frac{3}{4}$ саж. или до 5 фут., а деревца садить на аршинномъ разстояніи, причемъ значительно сократятся расходы на очистку, такъ какъ въ болѣе тѣсныхъ рядахъ деревца скорѣе сомнутса. Кромѣ выгоды отъ замѣны двухъ вспашекъ одною и отъ уменьшенія очистки, при этомъ сократится расходъ на сѣянцы: на одну десятину ихъ потребуется при $\frac{3}{4}$ саж. разстояніи рядовъ—9,600, а при 5 фут.—10,080, а не 14,400; наконецъ, молодыя деревца, насаженные въ ряду на аршинномъ разстояніи, не будутъ тѣснить другъ друга, какъ это бываетъ при $\frac{1}{2}$ арш. разстояніи, и при прорѣживаніи дадутъ болѣе цѣнный матеріалъ.

Заговоривши о воспитаніи молодыхъ деревцовъ, мы подошли къ посадкамъ, кажется, 1874 года, гдѣ, среди разцвѣтающей бѣлой акаціи, такъ приятно и сильно щебочащей обоняніе, мы увидѣли какіе-то черные стволы деревцевъ, какъ оказалось, той же акаціи, поражаемыхъ своимъ неприятнымъ видомъ. Мы подумали, что это пожаръ оставилъ свои ужасные слѣды; но нѣтъ, не отъ сильнаго жара, а отъ

холода суровой зимы 1879—1880 гт. погибла эта акація; впрочемъ, съ нею это случается чуть-ли не каждый годъ, такъ какъ ея поздніе молодые побѣги, растущіе до самой зимы, не успѣваютъ одеревенѣть и не выдерживаютъ наступающихъ морозовъ. Дерево это, при степномъ лѣсоразведеніи сослужило добрую службу: оно легче другихъ разводится въ степи, вырастаетъ въ порядочной величины дерево, довольно крѣпкой древесины, но при всемъ томъ его пора бы оставить для садовъ и бульваровъ, гдѣ оно можетъ служить прекраснымъ декоративнымъ деревомъ. По его красивымъ, бѣлымъ цвѣтамъ, съ пріятнымъ, сильнымъ запахомъ, почти весь май наполняющимъ окрестность, по его перистой листвѣ, зеленѣющей до самыхъ морозовъ, можно даже предпочесть это дерево другимъ, но только въ городѣ или, вообще, при усадьбахъ, гдѣ оно можетъ быть защищено отъ морозовъ. Въ настоящее время разведеніе въ степи бѣлой акаціи можно объяснить только традиціей; сама практика указала на другія породы, какъ-то: берестъ, вязъ, кленъ, ясень и др., никакъ ни менѣе, если не болѣе, цѣнныя по своей древесинѣ и лучше выдерживающія морозы. Идя далѣе, мы подошли къ тѣмъ участкамъ, гдѣ были сдѣланы разныя опыты надъ посадками, при неодинаковыхъ условіяхъ, какъ относительно густоты посадокъ, обработки земли, такъ и способа очистки отъ сорныхъ травъ. Намъ показалось, что всѣ эти опыты наглядно убѣждаютъ больше всего въ томъ, что успѣшность роста молодыхъ деревцовъ зависитъ отъ степени совершенства очистокъ отъ сорныхъ травъ. Но мы чуть-чуть не проглядѣли сѣянные грабки дуба, посѣяннаго осенью прошедшаго года и прикрытыя соломой для предохраненія отъ сильнаго высыханія почвы; если снять покрывку, то уже видны ростки и, вѣроятно, скоро появятся и первичныя листочки; къ тому времени грабки постепенно освобождаются отъ покрывки. Это здѣсь едва-ли не первый опытъ посѣва желудей въ грабки на открытомъ мѣстѣ. Прежде, какъ видно, здѣсь практиковался способъ посѣва дубовыхъ желудей въ рядкахъ, между другими деревьями болѣе или менѣе взрослыми и совершенно затѣнявшими молодые всходы, отчего послѣднимъ, судя по видѣннымъ нами экземплярамъ, жилось плохо; такъ, уплѣвшіе десятилѣтніе дубки были не болѣе $\frac{1}{2}$ арш. ростомъ съ 3—5 листочками. Но эти же экземпляры, высаженные, въ смѣси съ желтой акаціей, на открытое мѣсто, дали, втеченіи одного года, прекрасный результатъ: ростъ удвоился и утроился, деревца приняли видъ здоровый, покрывшись свѣжими зелеными листьями. Этотъ опытъ рѣшительно говоритъ въ свою пользу. Тутъ мы только вспомнили, что во время нашей прогулки мы видѣли уже много хорошихъ деревьевъ береста, ясеня, ельновъ, липъ и др., но ни одного дуба; была ли это случайность, намъ почему то не объяснили, мы же склонны думать, что дубъ здѣсь не

пользовался гостеприимствомъ: ему отводили слишкомъ невыгодное помещеніе, лишали солнечнаго свѣта, и немудрено, что таковой важный гость обидѣлся. Продолжая прогулку, мы встрѣтили главнаго и дѣтельнаго помощника или, вѣрнѣе, сотрудника лѣсничаго, мѣстнаго кондуктора. Какъ встрѣченный нами, такъ и другіе подобные ему кондуктора на другихъ участкахъ, есть продуктъ дѣятельныхъ заботъ о лѣсоразведеніи все того же фонъ-Граффа. Воспитанники основанной имъ школы лѣсниковъ, дали лѣсному управленію незамѣнимыхъ работниковъ, съ дѣтства привыкшихъ къ своему нелегкому труду и въ совершенствѣ знакомыхъ съ приемами степнаго лѣсоразведенія. Нельзя не пожалѣть, что ихъ такъ скупо награждаютъ: незавидное унтеръ-офицерское званіе и 240 р. въ годъ жалованья—вотъ крайній предѣлъ ихъ заслугъ. Не дай Богъ, если они оставятъ свою малоблагодарную службу, дѣлу степнаго лѣсоразведенія будетъ нанесенъ тогда неисчислимый ущербъ. Въ настоящее время, въ среду землевладѣльцевъ стали проникать идеи о пользѣ лѣсоразведенія и нѣкоторые изъ нихъ серьезно принялись за это дѣло; но бѣда въ томъ, что они не имѣютъ знающихъ дѣло лицъ. Брать же для этого лѣсничихъ изъ корпуса лѣсничихъ слишкомъ невыгодно, и вотъ тутъ-то и могли бы пригодиться такіе практическія дѣятели. Все это заставляетъ пожалѣть, что, въ настоящее время, нѣтъ при великоанадольскомъ лѣсничествѣ таковой школы лѣсниковъ, изъ которыхъ бы въ послѣдствіи выработались дѣльные и опытные лѣсные кондуктора, какъ для казенной, такъ и для частной службъ. Выпускаемые же теперь на эту должность молодые люди изъ лѣсныхъ среднихъ учебныхъ заведеній не могутъ замѣнить тѣхъ, по своей практичной неумѣлости и непривычки къ такому сильному труду; должность эту они считаютъ переходною, какъ тяжелое испытаніе и какъ ступень ихъ карьеры, а свою службу цѣнятъ довольно высоко. Разсуждая о такихъ матеріяхъ, мы незамѣтно подошли къ мѣсту работъ; производилась очистка отъ сорныхъ травъ въ трехлѣтнихъ посадкахъ. Между рядами эта очистка производится трехъ и пяти-лемешными скоблями (особые для этой цѣли инструменты), запряженными 1—2 и даже 3-мя лошадьми при двухъ рабочихъ; наиболѣе практичнымъ находятъ трех-лемешный одноконный скобель, который, кромѣ уничтоженія сорныхъ травъ, еще и взрыхляетъ почву, не требуя бороновки ¹⁾. Въ самыхъ же рядахъ, между деревьями, очистка производится женщинами посредствомъ ручныхъ скобелей или даже мотыгами. Рабочіе раздѣлены на партіи, за которыми

¹⁾ Известный уже намъ помощникъ-лѣсоводъ И. И. Свигинъ первый придумалъ этотъ инструментъ и приложилъ къ практикѣ.

надсматриваютъ объѣзжники, а всѣми ими управляетъ кондукторъ, по составленной наканунѣ диспозиціи, переходя отъ одной партіи къ другой. Нынѣшній годъ особенно благопріятный для роста травъ, благодаря частымъ весеннимъ дождямъ, не требуетъ со стороны лѣснаго управленія большихъ усилій и затратъ на поддержку молодыхъ насажденій въ должной чистотѣ, такъ какъ бурьянъ растетъ не по днямъ, а по часамъ.

Но вотъ мы подходимъ къ концу прогулки; остались посадки прошлаго и настоящаго годовъ, слишкомъ невысокія, чтобы скрыть строящуюся невдалекѣ желѣзную дорогу и разстилающуюся за нею, во всѣ стороны до самаго горизонта, степь, на которой не видно ни одного кустика и ничего, на чемъ могъ бы остановиться взглядъ. Но мы еще успѣемъ утомиться однообразіемъ степнаго ландшафта; будемъ смотрѣть вблизи: передъ нами молодой, едва замѣтный для непривычнаго глаза, лѣсъ. Налѣво отъ дороги—посадки прошлаго 1880 года, а направо—этого (1881) года. Присмотрѣвшись къ послѣднимъ, различаемъ однолѣтніе сажанцы береста и двухлѣтніе—ясени. Не смотря на недавнюю очистку, молодые деревца уже сильно заросли бурьяномъ, настоятельно требуя новой очистки. Обѣ посадки, не смотря на разницу въ цѣлый годъ, почти одинаковаго роста; причиною тому прошедшій, неблагопріятный для всей растительности, годъ; почти всю весну и большую часть лѣта стояла засуха, а затѣмъ конецъ іюля и весь августъ лилъ дождь; вслѣдствіе такой ненормальности въ распредѣленіи влаги, приростъ древесины получился самый незначительный. За то нынѣшній годъ, надо надѣяться, судя по веснѣ, вознаградитъ за прошлогоднія потери; мы же, съ своей стороны, отъ души пожелаемъ юнымъ деревцамъ усиленнаго роста, какъ самаго лучшаго и вполне заслуженнаго вознагражденія лѣсническому за его попеченія. Мы окончили нашу пріятную и поучительную прогулку. Наши лучшія загородныя гулянья, приправленныя музыкою, иллюминаціею, фонтанами, освѣщенными электрическимъ свѣтомъ и другими прелестями, никогда бы не доставили намъ столько истиннаго удовольствія, сколько могъ дать этотъ чудный лѣсъ, представшій передъ нами во всѣхъ фазисахъ развитія, начиная отъ едва замѣтныхъ растеньицъ, которыхъ неопытный глазъ не отличить отъ травы, переходя въ густо заросшій кустарникъ, съ его ярко-зеленою листвою, и кончая, наконецъ, большимъ стройнымъ деревомъ, останавливающимъ наше вниманіе красотою своей архитектуры. Но, конечно, не красота этого пейзажа заставляетъ тратить на него столько человѣческаго труда. Съ прошлаго года устроена въ лѣсничествѣ метеорологическая станція. Наблюденія производятся въ нѣсколькихъ мѣстахъ, какъ въ лѣсу, такъ и въ степи. Не смотря на краткость времени этихъ наблюденій, насъ увѣрили, что уже теперь выяснилась

огромная разница въ силѣ испаряемости влаги; наибольшая приходится на пунеты, устроенные въ степи съ восточной стороны лѣсничества, подверженной дѣйствию сухихъ восточныхъ вѣтровъ, затѣмъ въ мѣстахъ, менѣе защищенныхъ съ востока лѣсомъ, а минимумъ испаряемости—среди лѣса. Но, понятно, трудно ждать, чтобы, въ настоящее время, этотъ, сравнительно небольшой по пространству и возрасту лѣсъ могъ имѣть сильное влияние на климатъ, хотя въ извѣстной степени это несомнѣнно. Относительно эксплуатаціи лѣса, намъ передавали, что лѣсничество даетъ на продажу порядочныя бревна, дрова, хворостъ и хмызь (мелкіе сучья) по довольно умѣренной таксѣ, значительно меньшей, чѣмъ въ другихъ казенныхъ лѣсахъ. Бревна покупаются нерѣдко сосѣдними крестьянами, а прошедшею зимою покупались и дрова, за неизмѣнимъ обыкновеннаго топлива, т. е. навоза и соломы. Но вообще можно замѣтить, что сбытъ здѣсь небольшой, и трудно сказать, почему, по причинѣ ли бѣдности мѣстныхъ крестьянъ и другихъ поселенцевъ, или по отсутствію въ лѣсничествѣ сортиментовъ лѣса съ наибольшимъ сбытомъ. Еще труднѣе объяснить малый отпускъ молодыхъ деревцовъ для посадокъ, или сѣянцевъ и сажанцевъ, которыхъ лѣсничество можетъ предложить очень большое количество крестьянамъ, разнымъ поселенцамъ и священникамъ бесплатно, а прочимъ по очень умѣренной таксѣ; такъ, напримѣръ, 10 штукъ береста, взятаго съ сѣмянныхъ грядъ, ростомъ не выше $\frac{1}{2}$ арш., стоятъ 2 к., а выше до 1 арш.—3 к., и тѣмъ не менѣе берутъ мало, какъ за деньги, такъ и даромъ. А жаль, что такое благое дѣло такъ мало популярно среди мѣстныхъ жителей. Казна, на лѣсоразведеніе въ степяхъ вообще и въ этомъ лѣсничествѣ въ частности, надо полагать, тратитъ изрядныя куши денегъ, получая, конечно, покуда самый незначительный процентъ на затрачиваемый капиталъ¹⁾, на возвратъ котораго можно надѣяться лишь въ отдаленномъ будущемъ. Безспорно, однако, что такія затраты желательны и производительны: благотворное влияние лѣса на климатъ выкупить сдѣланныя издержки, помимо прямой стоимости лѣсныхъ матеріаловъ.

Но уже пора намъ окончить прогулку; мы не замѣтили, какъ солнце спустилось за лѣсъ, повѣяло прохладою и ароматомъ цвѣтущихъ деревьевъ и травъ. Грачи затихли послѣ своихъ крикливыхъ дневныхъ пѣсенъ, вѣтеръ тоже стихъ, даже на тополяхъ листья были неподвижны. Послышалась вдали пѣсня рабочихъ, возвращающихся домой

¹⁾ Мы слышали, что расходъ на лѣсничество въ годъ превышаетъ 41,000 р., изъ коихъ собственно на культуры тратится болѣе 28,000 р. Доходъ лѣсничества отъ продажи дерева, сѣянцевъ и сажанцевъ и случайный всего около 1,7%²⁾ на весь затрачиваемый ежегодно капиталъ.

на отдыхъ; дневная работа въ лѣсу должно быть неособенно утомила ихъ, они шли съ веселыми пѣснями; да, впрочемъ, покажется ли такая работа тяжелою людямъ, которыхъ ждетъ страдная пора. Немного осталось до косовицы; нынѣшній годъ будетъ что косить, травы прекрасныя, кромѣ сильно выпаванныхъ мѣстъ, которыхъ здѣсь также не мало и гдѣ растетъ такая трава ¹⁾, что ни одна скотина ея ѣсть не станетъ. Жито (озимая рожь) стоитъ стѣною въ 1½ и 2 арш. ростомъ (въ началѣ мая); мужички только радуются, глядя на хорошій ростъ хлѣба, да молятся и просятъ Бога избавить ихъ отъ напастей, отъ разныхъ жучковъ, мухъ, саранчи, пожирающихъ хлѣбъ на корню и послѣ которыхъ даже солома не годится на кормъ скоту.

Покуда мы разсуждали о причинахъ столькихъ золъ, непокидающихъ этотъ, еще недавно хлѣбородный край втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, незамѣтно наступилъ вечеръ. Пѣсни рабочихъ едва доносились до нашего слуха; свѣтлый серпъ луны выплывалъ изъ-за лѣса, освѣщая своимъ блѣднымъ свѣтомъ ярко-зеленыя верхушки деревьевъ; ни одна птишка не прерывала вечерней тишины, какъ-то особенно торжественной; казалось—мы не въ лѣсу, а въ обители скимниковъ. Разговоръ не клеился, каждый думалъ свою думу и навѣрно эти думы были хорошія думы; при обстановкѣ насъ окружавшей, врядъ-ли и могли быть у кого иныя мысли, не святые, не чистые. Мы постепенно подвигались къ дому, лѣсъ становился все выше и выше, распространяя все большую тѣнь, и только мѣстами, свозъ негустую листву ясени, врвался серебристый свѣтъ. Гдѣ-то вдали тихо, нѣжно запѣлъ свою чарующую пѣсню соловей, въ нѣсколькихъ мѣстахъ ему откликнулись товарищи. Невидимые пѣвцы давали свой дивный концертъ, мелодіи ихъ пѣсенъ, если и были нѣсколько грустны, все же говорили о счастіи...

Намъ оставалось поблагодарить радушнаго хозяина за его привѣтливый пріемъ и готовность удовлетворить законной жаждѣ знанія или даже, если хотите, любопытства. Мы съ удовольствіемъ исполнили нашу обязанность, въ душѣ пожелавъ себѣ почаще встрѣчать такихъ чинковниковъ. Мы съ сожалѣніемъ и грустью оставляли этотъ действительно степной оазисъ.

IV.

По мѣрѣ удаленія отъ лѣсничества оставляло насъ поэтическое настроеніе. Для ночлега мы остановились у одного крестьянина средней руки въ селѣ Благодатномъ. Хата-мазанка, полъ земляной, но

¹⁾ Золотая трава, востовикъ весенній, *Senecio vernalis*.

ведѣ чисто и бѣло, дымъ глаза не ѣсть, какъ въ курныхъ хатахъ сѣверной и средней Россіи, хотя сквозъ яркую бѣлизну стѣнъ и здѣсь просвѣчиваетъ бѣдность. Зашли полюбопытствовать нѣсколько мужиковъ, завели разговоры, а мы и рады были тому. Послышались жалобы на неурожай и другія невзгоды; мы, конечно, утѣшали предстоящимъ урожаемъ хлѣбовъ и травъ. А тутъ еще озлобленіе противъ евреевъ, котораго мы не въ силахъ были побѣдить никакими аргументами. По рассказамъ крестьянъ, евреи всегда фигурируютъ въ роляхъ притѣснителей. Смежная съ селомъ казенная земля арендуется евреемъ, который затѣмъ передаетъ эту землю крестьянамъ, съ уплатою ему приличной или, вѣрнѣе, неприличной преміи. Пробовали было крестьяне сами арендовать, да хуже выходитъ: расходъ на повѣзду въ губернской городъ, да прокормится, да цѣлому кагалу евреевъ дать отступнаго, а изъ чего дать, когда общество не даетъ своимъ повѣреннымъ денегъ на отступныя; если же не дать, вгонять въ большую цѣну. Но какъ ни какъ, иной разъ мужикамъ и удастся отстоять за собой землю на торгахъ—начальство всегда помогало мужикамъ въ этомъ случаѣ: подчасъ арендуемая земля и дальше 3 версть отъ мужицкой (по закону лежащія далѣе 3 версть казенныя земли крестьяне арендовать не могли) или по приговору недостаетъ залога ¹⁾ начальство и это спускало, велитъ только прислать новый приговоръ; но еврей хитрѣе начальства. Смотришь, мѣсяца черезъ два узнаютъ мужики, что министерство не утвердило за ними землю; значитъ, надо снаряжаться на вторые торги, которые часто тѣмъ же кончаются, а между тѣмъ на дворѣ ноябрь—время для посѣва озими пропало. Еврей же успеетъ нужную мужикамъ землю снять, если не на торгахъ, то ковайственнымъ способомъ копѣекъ по 50 за десятину, а потомъ передать ее крестьянамъ рубля по 1½. Наконецъ, крестьяне, арендуя, пануть согласно контракта только 1/3 часть земли, а еврей всю землю отдаетъ подъ посѣвъ, не боясь штрафовъ, да что съ него и возмешь-то. Тоже, говорятъ, практикуется и съ поставкою рабочихъ въ лѣсничество. Распахка земли подъ лѣсъ тоже отдается еврею съ подряда и имъ уже передается крестьянамъ по значительно меньшей цѣнѣ. При постройкѣ желѣзной дороги, изъ мѣстныхъ жителей наживаются только евреи; одинъ изъ нихъ, напримѣръ, взялъ доставку извести по 2 р. 20 к. за кубическую сажень и сейчасъ же сдалъ крестьянамъ по 1 р. 20 к. И это дѣлается частною компаніею, не связанною ни закономъ о подрядахъ, ни формальностью сложныхъ бумажныхъ отчетовъ. И

¹⁾ Эти стѣсненія для крестьянъ недавно отменены высочайшимъ повелѣніемъ.

если-бы еще довѣріе оказывалось солиднымъ подрядчикамъ, а то вѣдь въ большинствѣ случаевъ у послѣдняго крестьянина больше обезпеченія, чѣмъ у этихъ аферистовъ, надувающихъ и компанію и мужика, часто не платя послѣдному денегъ за работу, а въ случаѣ неустойки, ловко умиющихъ припрятать свое имущество. Вообще евреи въ здѣшней мѣстности такіе ходоки, что крестьяне даже не рискуютъ связаться съ ними въ арендѣ земли, предпочитая ее арендовать черезъ ихъ же посредство по двойной и болѣе цѣнѣ. Нѣмцы, пользующіеся славой хитраго народа, и тѣ подпали эксплуататорскому влиянію евреевъ. Такъ, намъ рассказали одинъ случай, какъ нѣмцы-мемониты, народъ безъ сомнѣнія трудолюбивый и трезвый, не имѣя возможности купить землю, поселились на заарендованной ими казенной землѣ, да и построили цѣлую колонію. Слѣдовавшій втеченіи нѣсколькихъ лѣтъне урожай на столько уронилъ ихъ благосостояніе, что они не могли внести залогъ при новой арендѣ, а потому земля осталась за евреемъ по цѣнѣ около 1 р. за десятину. Новый арендаторъ предложилъ мемонитамъ уплачивать ему: за усадебную и огородную землю, ими же созданную, по 3 к. за 1 квадратную сажень, или по 72 р. за десятину, за полевую землю по 1 р. 50 к. и кромѣ того, за выпасъ скота на той же землѣ по 2 р. 50 к. за штуку. Не смотря на тяжесть условій, нѣмцы платили эту контрибуцію; но кончается и этотъ срокъ аренды, еврей увѣраетъ нѣмцевъ, что земля останется опять за нимъ, а потому осенью передъ посѣвомъ озими беретъ съ нихъ часть годовой платы за будущій годъ. На бѣду земля остается на торгахъ за другимъ евреемъ, который потребовалъ съ нѣмцевъ полной уплаты за все количество десятинъ; когда же тѣ отказались, говоря, что они уже часть заплатили, то онъ не обратилъ на это никакого вниманія, а заявилъ начальству, что нѣмцы самовольно засѣяли на заарендованной имъ землѣ озимой хлѣбъ, который и былъ, по распоряженію начальства, немедленно описанъ и проданъ тѣмъ же нѣмцамъ, а съ пострадавшаго еврея сложена причитающаяся арендная плата. Нѣмцамъ предоставили вѣдаться съ прежнимъ арендаторомъ, а новому платить положенную имъ контрибуцію. Говорятъ, что отъ такихъ экспериментовъ многія нѣмецкія колоніи, бывшія на казенной арендной землѣ, совершенно опустѣли; вѣроятно очень круто пришло нѣмцамъ, что они предпочли бросить свои постройки и насиженные мѣста. Продѣлывалось ли что нибудь подобное съ крестьянами, мы не слышали. А то вотъ и другой интересный разсказецъ: Сдавалась лѣсничимъ, вѣроятно по предписанію начальства, въ аренду казенная земля безъ торговъ, такъ называемымъ ховайственнымъ способомъ, на 1 годъ. Земля эта прежде арендовалась крестьянами одного изъ сосѣднихъ селеній по сравнительно высокой

и вѣнѣ, благодаря чему и наступившимъ неурожайнымъ годамъ крестьяне сильно разорились и не могли дать на торгахъ ту же цѣну, а за меньшую министерство не утвердило, хотя мѣстные власти и находили эту меньшую цѣну выгодною для казны. Земля была выпажана и кажется изъ 1,400 дес. оставалось 200 дес. цѣлины, которую мужики приберегали, рассчитывая опять заарендовать всю эту землю, какъ необходимую имъ въ виду недостатка собственной. Охотниками на эти цѣлины 200 дес. сейчасъ же явились нѣсколько евреевъ; но лѣсничій, вѣроятно, предполагая сдать вмѣстѣ и остальную землю, а можетъ быть просто не желая обидѣть крестьянъ—отказалъ евреямъ. Тогда главный изъ нихъ, величаемый марнопольскимъ губернаторомъ ¹⁾, командировалъ своего агента въ губернской городъ, и пока крестьяне вели переговоры, тотъ успѣлъ заарендовать эти 200 дес. помимо лѣсничаго и по цѣнѣ ниже даже противъ предлагавшейся крестьянами, и черезъ недѣлю явился къ своему принципалу съ контрактомъ въ рукахъ. Крестьяне только развели руками, узнавши такой казусъ, и пришлось имъ остальную плохую землю взять по изрядной цѣнѣ (процентовъ на 17 менѣе той, по которой еврей снялъ цѣлину). Понятно, что и тѣ 200 дес. они же взяли у еврея, но уже съ другою приплатою. Повидимому и разводимымъ лѣсомъ крестьяне мало восхищаются, а ближайшіе даже жалуются, говоря, что лѣсъ будто бы расплодилъ волковъ и огромную массу грачей. Первые уничтожаютъ скоть, а вторые—сѣмена во время посѣва; но мы думаемъ, что послѣднее по крайней мѣрѣ не совсемъ вѣрно. Мы и сами замѣчали массу грачей на степи во время посѣва, но намъ казалось, что они уничтожаютъ не столько сѣмена, сколько личинки насѣкомыхъ, за что, если это такъ, ихъ стоитъ даже поблагодарить. Относительно распространенія лѣсныхъ посадокъ среди крестьянъ мы слышали такое мнѣніе: гдѣ же мужику садить лѣсъ, когда ему едва хватаетъ, а часто и не хватаетъ земли про свой обиходъ; въ огородѣ нужно садить овощи, картошку, безъ которой прошедшую зиму и этою весною, когда хлѣба у очень многихъ не было, пришлось бы плохо; а въ степи нужно сѣять хлѣбъ, все же болѣе необходимый, чѣмъ лѣсъ. «Мы вѣдь не крупныя помѣщики, говорили крестьяне,—у тѣхъ пустуютъ огромныя степи, а у насъ каждый клочекъ на счету. Если бышимъ казеннымъ едва можно жить при ихъ 4-хъ и болѣе десятинномъ надѣлѣ, то бышимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, у которыхъ ощутительнѣе недостатокъ земли, тѣмъ болѣе приходится больше думать о хлѣбѣ, особенно когда

¹⁾ Уздѣный городъ Марнополь Екатеринославской губерніи въ средѣ простаго народа называется Марнополь.

его нѣтъ, чѣмъ о лѣсѣ, который все же хорошо разводить людямъ сытымъ». Противъ такихъ аргументовъ трудно и спорить. Уже на что помѣщики, люди сравнительно очень богатые, въ особенности болѣе крупныя изъ нихъ, какихъ здѣсь не мало, а и тѣ не только не разводятъ лѣса, но и хозяйство-то свое ведутъ не лучше мужиковъ. Тѣ же плуги и бороны, съ помощію которыхъ кое-какъ разрылается нашъ глубокой черноземъ едва на 3 верш. въ глубину, и развѣ у особенно хорошихъ хозяевъ вспашка дѣлается на 4 верш. Ни о какихъ сѣвооборотахъ нѣтъ и помину, а разныя усовершенствованныя земледѣльческія орудія валяются въ сараяхъ нашихъ ланд-лордовъ; только сѣялки и вѣялки во всеобщемъ употребленіи у помѣщиковъ, но и богатые мужики имѣютъ ихъ, такъ какъ практическая польза этихъ орудій признана и мужиками. Молотилки, огромная польза которыхъ также вѣ сомнѣніи, послѣ первой, подчасъ ничтожной порчи, идутъ тоже отдыхать въ сарай и вмѣсто нихъ молотятъ болѣе упрощенными орудіями, употреблявшимися еще до потопа, а именно, каменными катками.

Намъ кажется, что главную причину малой популярности лѣсныхъ культуръ составляетъ относительная дороговизна ихъ для частныхъ лицъ и, наконецъ, слишкомъ малое распространеніе въ публикѣ необходимыхъ свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ: ни въ одной газетѣ не печатаются и никогда не печатались объявленія о цѣнахъ на сѣянцы и сажанцы и объ условіяхъ ихъ отпуска изъ казенныхъ лѣсничествъ. Такое важное для государства дѣло ведется какъ-бы втихомолку, и жизненность его парализуется массою формальностей, бесполезно стѣсняющихъ лицъ, руководящихъ дѣломъ. Не лишнее было бы измѣнить порядокъ бумажнаго контроля и вообще упростить канцелярскую часть, отнимающую у лѣсничаго, часто во время работы, очень много дорогаго времени. Пора бы побольше довѣрять исполнителямъ правительственныхъ предначертаній, нашимъ мелкимъ соникамъ; знаніе, умѣніе, практическая опытность на ихъ сторонѣ, и имъ увѣрены что у большинства изъ нихъ найдется и честность. А за злоупотребленіе довѣріемъ наказывайте строго, и одинаково строго, какъ малыхъ, такъ и большихъ сошекъ. Прямимъ послѣдствіемъ такого довѣрія явилось бы по крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ, удешевленіе работъ, большая любовь къ дѣлу и несомнѣнное улучшеніе самого дѣла. Улучшеній же осталось сдѣлать не мало. Какъ на примѣръ непонятнаго намъ недоовѣрія уважемъ на то обстоятельство, что лѣсничіе другихъ лѣсничествъ Екатеринославкой губерніи не имѣютъ права продавать молодыя деревца для посадокъ, безъ разрѣшенія высшаго начальства, и если-бы кто пожелалъ приобрести для этой цѣли хоть сотню вазовыхъ сѣянцевъ или сажанцевъ, стоящихъ всего 20 к.,

то по заявленіи о томъ лѣсническому, послѣдній долженъ представить губернскому начальству, которое, только испросивъ разрѣшеніе лѣснаго департамента, можетъ дозволить лѣсническому продать сѣянцы; на процедуру эту понадобится около 2-хъ мѣсяцевъ, втеченіи которыхъ можетъ пройти охота сажать деревца, да и время года наступитъ неподходящее. При этомъ не можемъ не вспомнить о благихъ начинаніяхъ въ дѣлѣ степнаго облѣсенія верхнеднѣпровскаго земства той же губерніи. При содѣйствіи мѣстнаго лѣсничаго, на небольшія средства, было создано два древесныхъ питомника, изъ которыхъ отпускаются мѣстному уѣздному населенію бесплатно или за ничтожную плату и безъ всякихъ формальностей сѣянцы и сажанцы. Не смотря на трехлѣтнюю молодость существованія питомниковъ, быстро растеть ихъ популярность; во многихъ селеніяхъ намъ приходилось видѣть и любоваться посаженными деревцами изъ земскихъ питомниковъ, въ особенности насъ радовали хорошо растущія молодня насажденія возлѣ сельскихъ школъ. Кромѣ того, мы имѣемъ свѣдѣнія, что маріупольское и ростовское земства завели для той же цѣли питомники, но о степени приносимой ими пользы намъ ничего неизвѣстно.

Считаемъ не безынтереснымъ привести здѣсь, въ заключеніе нашей статьи, выписку изъ высочайшаго повелѣнія 19 января 1876 года о назначеніи почетныхъ наградъ и денежныхъ премій за труды и успѣхи по лѣсоразведенію и по устройству лѣсовъ, а также и таблицу о числѣ десятиныхъ лѣса, разводимаго на казенныхъ земляхъ въ разныхъ губерніяхъ по инициативѣ министерства государственныхъ имуществъ¹⁾.

Преміи распредѣлены такъ: 1) 120 премій въ сто рублей при серебряной медали, каждая за разведеніе лѣса и посадку деревьевъ на крестьянскихъ земляхъ въ губерніяхъ: Херсонской, Еваторинославской, Саратовской, Самарской, Тамбовской, Воронежской, Харьковской, Курской, Полтавской, Орловской, Тульской, Московской, по 10 на каждую губернію, и 120 серебряныхъ медалей, въ видѣ вторыхъ премій для тѣхъ же губерній, по 10 на каждую.

2) 20 премій по 100 р. при серебряной медали каждая, за разведеніе лѣса и посадку деревьевъ на крестьянскихъ земляхъ въ губерніяхъ Киевской и Подольской, по 10 на каждую, и 20 серебряныхъ медалей въ видѣ вторыхъ премій.

3) Двѣ преміи по 500 полуимперіаловъ при золотой медали каждая, за наибольшіе труды и успѣхи по лѣсоразведенію на земляхъ частныхъ лицъ въ губерніяхъ вышепоименованныхъ, съ присоедине-

¹⁾ Свѣдѣнія о преміяхъ и таблицу мы заимствуемъ изъ статьи г. Барка въ журналѣ «Сельское хозяйство и лѣсоводство». 1880 г., апрѣль.

ніемъ въ нимъ Таврической, Бессарабской, Черниговской и Симбирской губерній, и пять золотыхъ медалей, въ видѣ вторыхъ премій.

4) Двѣ преміи по 200 полуимперіаловъ при золотой медали каждая, за наилучшее по правиламъ лѣснаго хозяйства устройство лѣсныхъ дачъ частныхъ владѣльцевъ, въ которой нибудь изъ вышепоименованныхъ губерній, съ присоединеніемъ Пензенской, Казанской, Нижегородской, Владимірской, Рязанской, Калужской, Смоленской, Псковской, Петербургской, Тверской и Ярославской, и 5-ти золотыхъ медалей, въ видѣ вторыхъ премій.

Слѣдовавшія за 1878 годъ преміи за разведеніе лѣса на частныхъ земляхъ распределены министерствомъ государственныхъ имуществъ между соискателями. Присужденіе же премій крестьянамъ предоставлено земскимъ управамъ, причемъ допускается награжденіе, какъ отдѣльныхъ домохозяевъ, такъ и сельскихъ обществъ.

ТАБЛИЦА.

Разведено лѣса въ губерніяхъ:	Въ 1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	1878 г.	Всего.	
Екатеринославской	168	198	280	318	356	1,320	дес.
Херсонско-Бессарабской	13	40	195	448	376	1,072	»
Таврической	10	15	20	21	40	106	»
Полтавской	68	94	69	105	121	457	»
Бурской	1	31	62	175	33	302	»
Воронежской	25	45	89	49	105	313	»
Саратовской	—	—	20	15	8	43	»
Тамбовской	40	34	544	1,069	480	2,167	»
Тульской	70	131	144	490	402	1,237	»
Рязанской	13	9	23	113	81	239	»
Подольской	—	6	25	57	62	150	»
Кіевской	—	27	43	133	153	356	»
Харьковской	—	10	72	119	158	339	»
Пензенской	28	41	111	73	109	362	»
	436	681	1,697	3,185	2,464	8,463	»

А.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

ВЪ ОБЛАСТИ БІОЛОГІИ.

Внутренняя борьба, или борьба частей въ организмѣ.

«Борьба есть мать вещей», сказала древне-греческій мыслитель Гераклитъ эфесскій. И это положеніе составляетъ основную истину современной философіи естествознанія. Последняя не знаетъ иного происхожденія вещей, помимо того, которое опредѣляется взаимною борьбою этихъ самыхъ вещей; не знаетъ иного источника всего разнообразія окружающаго насъ міра, помимо того, который обуславливается результатомъ этой борьбы.

Борьба и жизнь, борьба и свѣтъ!
Гдѣ нѣтъ борьбы, тамъ жизни нѣтъ.

Гдѣ нѣтъ борьбы, тамъ нѣтъ и быть не можетъ никакого явленія, такъ какъ всякое явленіе, начиная отъ паденія ничтожной песчинки и заканчивая наиболѣе сложнымъ жизненнымъ явтомъ, есть результатъ, есть равнодѣйствующая двухъ факторовъ, простыхъ или сложныхъ, дѣйствія и воздѣйствія:—дѣйствія окружающаго на тѣло, и воздѣйствія тѣла на окружающее. Чѣмъ сложнѣе суммирующіеся факторы, тѣмъ сложнѣе и явленіе, тѣмъ разнороднѣе, тѣмъ разнообразнѣе и результаты борьбы. Служа источникомъ каждому явленію, она же содѣйствуетъ и умноженію ихъ, она опредѣляетъ существованіе однѣхъ формъ бытія и погибель другихъ.

Тамъ, говорить извѣстный нѣмецкій геологъ ¹⁾, гдѣ шаръ земной, омываемый отчасти водою, соприкасается съ воздушною оболочкою, измѣненіе и разнообразіе предметовъ и состояній обнаруживаются въ наибольшей степени. Тутъ происходитъ непрерывная, живая борьба природы съ самой собою. Каждое существо борется за свое существованіе и потому стремится къ уничтоженію другихъ твореній. Скала защищается отъ напора волъ; теплота побѣждаетъ воду; растеніе тѣснится въ почву; животное поддерживаетъ жизнь свою тѣмъ, что его окружаетъ; человѣкъ устремляется впередъ по пути развитія, покоряя и подчиняя своему владычеству остальную природу, съ помощью ея собственныхъ законовъ. То, что не можетъ устоять противъ этой постоянной борьбы, погибаетъ; что въ состояніи ее выдержать, то развивается далѣе, и такая судьба постигаетъ одинаково, какъ цѣлые роды, такъ и каждое недѣлимое порознь.

Это еще не все.

Когда съ неменьшимъ правомъ могъ бы сказать, что такая судьба постигаетъ не только цѣлые роды, не только каждое недѣлимое порознь, но и каждую группу атомовъ данной молекулы, каждую группу молекулъ, составляющихъ болѣе сложную часть цѣлаго, каждую группу анатомическихъ, или только протоплазматическихъ элементовъ, образующихъ тѣло того или другаго живаго существа.

Динамическія и статическія свойства каждой такой группы выражаютъ собою результатъ взаимной борьбы составляющихъ ее частей, результатъ ихъ взаимодействія. И жизненные свойства каждаго организма, его дѣятельность, его строеніе, въ свою очередь, составляютъ результатъ этой внутренней борьбы, борьбы его анатомическихъ элементовъ. Отсюда вѣрное значеніе послѣдней. Отсюда становится уже совершенно понятнымъ, что знаніе физиологической и морфологической природы организма предполагаетъ всестороннее знаніе условій борьбы между его анатомическими частями.

Однако, не смотря на такую, повидимому, простую истину, не только знаніе условій внутренней борьбы по сей день обрѣтается въ зачаточномъ состояніи, но даже истинное значеніе такого знанія для біологіи оцѣнено далеко еще не въ надлежащей мѣрѣ. Правда, необходимость подобнаго знанія сознавалась сравнительно уже давно; но не менѣе вѣрно и то, что попытки нѣкоторыхъ ученыхъ ввести основной принципъ борьбы въ изученіе внутренней природы организма, въ изученіе условій и характера совмѣстной дѣя-

¹⁾ В. Котта, «Геологія настоящаго времени», переводъ съ нѣмецкаго А. Тасина. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 412.

тельности анатомическихъ элементовъ, что попытки подобнаго рода обыкновенно понимались и истолковывались крайне превратно.

Такъ, болѣе 15-ти лѣтъ назадъ, известный нѣмецкій зоологъ Егеръ (ссылаемся на Егера, какъ на ближайшій примѣръ, вовсе не имѣя въ виду приписывать ему первенство по вопросу, о которомъ идетъ рѣчь) указывалъ уже на то обстоятельство, что «стреніе и отправленіе животныхъ и растений будетъ непонятно, если не принять въ соображеніе, что и тутъ всѣ отношенія обусловливаются и создаются общимъ веществъ между отдѣльными, оживленными индивидами, живущими сообща, изъ которыхъ каждый стремится по возможности разрастись и, въ то же время, его стремленіе сдерживается такимъ же стремленіемъ остальныхъ»¹⁾. Поучительно, именно въ виду занимающаго насъ вопроса, сопоставить это мнѣніе нѣмецкаго зоолога съ тѣмъ примѣчаніемъ, которое дѣлаетъ къ нему нашъ почтенный профессоръ А. Бекетовъ. «Борьба за существованіе, естественный подборъ и тому подобныя принадлежности дарвинизма смутили весьма многихъ, невнимавшихъ въ дѣло попристальнѣе (говорить въ своемъ примѣчаніи Бекетовъ). Посмотрите на кучу камней, подумайте о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности и обо всѣхъ вмѣстѣ, и вамъ тотчасъ же представится борьба за существованіе, только не въ смыслѣ Дарвина, а въ смыслѣ Егера. Каждый камень стремится упасть на землю и даже проникнуть въ центръ земли, всѣ камни стремятся къ тому же самому, но они другъ друга ограничиваютъ въ своихъ стремленіяхъ, они борются, стремятся другъ друга раздавить и слѣдствіемъ того получается кучка камней извѣстной формы. Точно также, вслѣдствіе борьбы за существованіе клѣточекъ, получается извѣстная органическая форма. Взаимодѣйствіе и противодѣйствіе силъ замѣчается, какъ въ органической, такъ и въ неорганической природѣ, но то, что называетъ Дарвинъ борьбою за существованіе, происходитъ лишь между организмами, вполне обособленными, иначе понимать дѣло, значить, вмѣсто свѣта, внесеннаго Дарвиномъ, напускать тьму кромѣшную»¹⁾.

Согласно подобному ограниченію, пришлось бы, конечно, и въ вышеприведенныхъ словахъ геолога Котта не видѣть ничего болѣе, кромѣ желанія «напустить тьму кромѣшную»; сюда же пришлось бы отнести и всѣ новѣйшія попытки вообще распространить принципъ борьбы на наибольшій кругъ явленій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, расширить

¹⁾ Густавъ Егеръ, «Микроскопическій міръ». Переводъ съ нѣмецкаго, профессора А. Бекетова. С.-Петербургъ, 1868 г., стр. 203.

¹⁾ Тамъ же, стр. 203.

его толкование. Но отчего же свѣтъ, внесенный Дарвиномъ въ одну сферу жизненныхъ явленій, не могъ въ такой же мѣрѣ освѣтить и остальные? Во всякомъ случаѣ не оттого, что принципъ борьбы не применимъ къ этимъ остальнымъ сферамъ жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ научныя основанія, которыя давали бы право утверждать, что «борьба за существованіе происходитъ только между организмами, вполне обособленными», и что о взаимной борьбѣ анатомическихъ элементовъ или другихъ, болѣе сложныхъ частей, не можетъ быть и рѣчи.

Правда, нѣкоторые ученые и понынѣ продолжаютъ утверждать, что за характерную черту жизни въ предѣлахъ одного и того же тѣла отнюдь нельзя признавать борьбу за существованіе между его элементами, въ смыслѣ подавленія низшихъ индивидуальностей высшею¹⁾. Не меньшая, однако, правда, что это утверждается скорѣе для того, чтобы, такъ сказать, облагородить ученіе органистической социологіи²⁾ нежели въ виду истины, установленныхъ біологіей.

Но вотъ эти-то самыя истины и не даютъ права ограничивать борьбу за существованіе лишь организмами, вполне обособленными. Вѣдь къ числу такихъ организмовъ относятся и всѣ одноклѣточные существа какъ растительнаго, такъ и животнаго царства. И если борьба за существованіе возможна для этихъ клѣточекъ, то отчего же она невозможна для клѣточекъ, составляющихъ тѣло сложнаго организма, тогда какъ послѣднія тѣснѣе связаны между собою, подлежатъ болѣе взаимнымъ вліяніямъ, болѣе зависятъ другъ отъ друга—словомъ, не только обнаруживаютъ всѣ условія борьбы за существованіе, но обнаруживаютъ ихъ въ такой высокой степени, какая едва-ли возможна среди клѣточекъ «вполнѣ обособленныхъ».

Такимъ образомъ, разъ, жизнь одноклѣточныхъ существъ подлежитъ вліянію борьбы и знаніе этой жизни предполагаетъ изученіе условій данной борьбы, то обязательно тоже самое должно быть признано и относительно анатомическихъ элементовъ многокѣточного организма; маю того, въ послѣднемъ случаѣ всестороннее изученіе борьбы между частями цѣлаго еще болѣе обязательно, такъ какъ, въ концѣ концовъ, она опредѣляетъ не только характеръ жизненныхъ свойствъ анатомическихъ элементовъ, но и вырабатываетъ условія для той обшійственной ихъ дѣятельности, которую выражаетъ самая природа организма.

¹⁾ А. Эспинасъ, «Соціальная жизнь животныхъ», переводъ съ французскаго Ф. Павленкова. С.-Петербургъ, 1882 г.

²⁾ Ученіе, по которому общество есть организмъ и подлежитъ тѣмъ законамъ развитія въ цѣломъ и въ частяхъ, какъ организмъ и его анатомическіе элементы.

Наконецъ, помимо всѣхъ этихъ основаній, ограниченіе борьбы за существованіе «организмами вполнѣ обособленными» негнѣрно даже фактически. Среди высшихъ растительныхъ формъ, какъ извѣстно, нѣтъ «обособленныхъ организмовъ», а есть колоніи организмовъ, тѣсно связанныхъ между собою въ одно растеніе. И тѣмъ не менѣе, ученіе Дарвина распространяется на эти растительныя формы въ такой же мѣрѣ, какъ и на «обособленные организмы».

Мы вовсе не имѣемъ въ виду защищать здѣсь теорію дарвинизма, и наши замѣчанія относятся къ этой теоріи и говорятъ въ ея пользу, на сколько принимаетъ она принципъ борьбы, какъ основу жизненныхъ явленій. Что же касается примѣненія настоящаго принципа во всей его полнотѣ, то, напротивъ, мы ведемъ свою рычъ именно потому, что въ этомъ отношеніи теорія Дарвина отличается крайнею односторонностью и далеко не обнимаетъ всѣхъ біологическихъ условій борьбы, подлежащихъ изученію.

Правда, такое замѣчаніе можетъ казаться дѣрзкимъ абсурдомъ съ точки зрѣнія не въ мѣру усердствующихъ послѣдователей дарвинизма. Но по этому случаю мы можемъ повторить слова нашего извѣстнаго ботаника И. Бородина, который совершенно справедливо говоритъ, что «дарвинизмъ въ послѣдніе годы все болѣе и болѣе грозитъ превратиться изъ гениальной попытки объясненія формъ органическаго міра, создающей опредѣленную раму для фактическаго ихъ изслѣдованія, въ религію современнаго естествознанія, въ догматъ вѣры, непризнаніе котораго клеймится, какъ признакъ отсталости¹⁾».

Рискуя быть заклейменнымъ отсталымъ, мы тѣмъ не менѣе смѣемъ думать, что тѣ, которые относятся къ дарвинизму какъ къ неогрѣшному догмату и требуютъ такого же отношенія отъ другихъ, оказываютъ этому ученію медвѣжью услугу, обрекая его застою. Нѣтъ, новѣйшіе успѣхи біологіи, хотя во многомъ обязаны дарвинизму, свидѣтельствуютъ, тѣмъ не менѣе, что ученіе Дарвина далеко не послѣднее слово науки.

Безпристрастная истина прежде всего. И вотъ эта именно истина не даетъ никакого права отрицать весьма существенной односторонности теоріи Дарвина. Ученіе о приспособленіи организмовъ къ окружающему въ борьбѣ за существованіе и о выжитіи наиболѣе приспособленныхъ, поставило жизнь и ея развитіе въ прямую зависимость отъ внѣшнихъ условій. Приспособленіе къ окружающему выдвинуло впередъ всего изученіе условій внѣшней борьбы. И эти условия

¹⁾ И. Бородинъ, «Новѣйшіе успѣхи ботаники». С. Петербургъ, 1880 г., стр. 125.

дѣйствительно были изслѣдованы весьма тщательно, весьма обстоятельно. Но дарвинизмъ не пошелъ дальше. Онъ ограничился изученіемъ только этихъ условій, онъ оцѣнилъ принципъ борьбы только со стороны внѣшнихъ условій, упуская совершенно изъ виду существованіе внутреннихъ условій жизни, условій внутренней борьбы.

Упускалось изъ виду именно то обстоятельство, что организмъ не можетъ быть рассматриваемъ какъ продуктъ только внѣшней борьбы; что онъ въ такой же мѣрѣ, и даже болѣе того, продуктъ внутренней борьбы, борьбы его частей между собою. Но условія этой борьбы давались взаимнымъ сочетаніемъ анатомическихъ элементовъ, ихъ отношеніемъ другъ къ другу, энергіей жизнедѣятельности каждаго элемента порознь и всѣхъ вмѣстѣ,—словомъ той внутренней жизнью, которая не можетъ быть отождествляема съ внѣшними условіями существованія самаго организма. А потому, очевидно, и результаты внутренней борьбы не могутъ быть приписываемы борьбѣ организма съ окружающимъ, въ смыслѣ его приспособленія къ послѣднему.

Эти внѣшнія соотношенія являются виновниками тѣхъ или другихъ уклоненій, тѣхъ или другихъ измѣненій въ организаціи, но всегда въ зависимости отъ внутренней борьбы, которая именно вырабатываетъ, выдвигаетъ впередъ различныя фізіологическія и вообще біологическія способности, подлежащая утилизаціи и дальнѣйшему развитію.

Самъ Дарвинъ въ послѣднее время опубликовалъ замѣчательный трудъ о двигательной способности растений ¹⁾, подтверждающій важное значеніе указываемаго нами біологическаго фактора. И хотя, не смотря на это, его усердные поклонники продолжаютъ истолковывать всѣ явленія органическаго міра условіями внѣшней борьбы, хотя внутреннія условія жизни и продолжаютъ еще игнорироваться или истолковываться въ крайне превратномъ смыслѣ, — тѣмъ не менѣе истина мало-по-малу беретъ свое; время отъ времени начинаютъ появляться попытки болѣе точной оцѣнки внутреннихъ условій жизни и ихъ важнаго біологическаго значенія, независимо отъ того, что представляютъ условія внѣшней борьбы,—попытки цѣловать, что изученіе однихъ только этихъ послѣднихъ условій недостаточно для надлежащаго пониманія тѣхъ многосложныхъ соотношеній, которыми опредѣляются явленія органическаго міра.

Къ числу такихъ важныхъ и многознаменательныхъ попытокъ от-

¹⁾ См. нашу хронику въ «Русской Рѣчи» 1881, кн.

носится недавно опубликованный прекрасный трудъ нѣмецкаго ученаго Вильгельма Ру: ¹⁾ «Борьба частей въ организмѣ».

Предметъ, которому авторъ посвящаетъ свой трудъ, какъ свидѣтельствуемъ самое названіе, относится къ тому именно вопросу, о которомъ шла рѣчь выше. Рядомъ тщательнаго обзора многочисленныхъ фактовъ, представляемыхъ разнообразными явленіями жизни органическихъ существъ, Ру доказываетъ, что эти послѣднія составляютъ продуктъ не только внѣшней, но и внутренней борьбы, борьбы анатомическихъ частей и клѣточекъ, тканей и органовъ. Въ виду того важнаго биологическаго значенія, которое, согласно вышеуказанному, представляетъ эта точка зрѣнія, мы надѣемся, читателямъ нашего журнала будетъ небезынтересно познакомиться съ названнымъ трудомъ Вильгельма Ру, съ тѣми существенными воззрѣніями и толкованіями, которыя составляютъ суть этого труда.

Ру прежде всего обращается къ явленіямъ функциональной дѣятельности, отличающейся, подобно всѣмъ явленіямъ жизни, высокою цѣлесообразностью. Со времени теоріи Дарвина о происхожденіи видовъ, ученіе о цѣлесообразности совершенно потеряло свой первоначальный смыслъ.—Цѣлесообразность, которая обнаруживается функциональною дѣятельностью организма и его строеніемъ, гармоническое соотвѣтствіе органовъ и ихъ отправленій, соотвѣтствіе тѣмъ цѣлямъ для которыхъ предназначень тотъ или другой органъ—разсматривается какъ результатъ приспособительныхъ измѣненій, выработанныхъ постепенно, естественнымъ подборомъ, въ борьбѣ организма за существованіе; изъ многоразличныхъ измѣненій обнаруживаемыхъ организмомъ, удерживались и упражнялись тѣ именно, которыя оказывались наиболее для него полезными, при данныхъ условіяхъ существованія. Остальныя же, какъ вовсе неотвѣчающія требованіямъ этихъ условій, по причинѣ неупражненія, стирались, атрофировались. Такимъ образомъ, совершенно механическимъ путемъ выработывалась та цѣлесообразность, въ которой прежде видѣли участіе предначертательной совидающей силы.

Не отрицая механическаго происхожденія цѣлесообразности, разсматривая ее какъ необходимый результатъ опредѣленныхъ соотношеній, Ру, тѣмъ не менѣе, не находитъ, чтобы теорія подбора Дарвина истолковала всѣ эти соотношенія. Онъ указываетъ прежде всего на то, упомянутое уже нами обстоятельство, что ученіе Дарвина ограничивается изслѣдованіемъ явленій приспособленія къ внѣшнимъ условіямъ существованія и, въ зависимости отъ этого, поясняетъ цѣлесообразность только относящуюся къ даннымъ условіямъ.

¹⁾ Dr. Wilhelm Roux: Der Kampf der Theile im Organismus, Leipzig, 1881.

Но подобное толкованіе не обнимаетъ собою всѣхъ явленій цѣлесообразности; ограничиваясь лишь одною внѣшнею ея стороною, оно упускаетъ изъ виду ту, именно внутреннюю цѣлесообразность строенія (*inneren Zweckmässigkeiten der Organisation*), которая составляетъ общее достояніе организмовъ и которая характеризуется взаимнымъ соотношеніемъ ихъ частей. Составляетъ ли эта внутренняя цѣлесообразность необходимое слѣдствіе все того же естественнаго подбора и можетъ ли она, въ свою очередь, истолковываться въ смыслѣ приспособленія организма къ внѣшнимъ условіямъ существованія, т. е. путемъ подбора (въ борьбѣ за существованіе) измѣненій, наиболѣе отвѣчающихъ даннымъ условіямъ? На этотъ вопросъ, теорія Дарвина не даетъ отвѣта, и болѣе тщательное изслѣдованіе характера внутренней цѣлесообразности] обнаруживаетъ такіа особенноти, которыя не могутъ быть истолкованы теоріей подбора.

Прежде всего одинъ изъ основныхъ принциповъ этой теоріи, употребленіе или неупотребленіе органовъ въ зависимости отъ ихъ полезности, въ зависимости отъ условій внѣшней борьбы, оказывается недостаточнымъ и подлежитъ критикѣ.

Дарвинъ ¹⁾ говоритъ, что происхожденіе многихъ измѣненій въ организаціи должно быть приписано упражненію или бездѣятельному состоянію органовъ. — «Многія животныя представляютъ намъ черты строенія, которыя могутъ быть объяснены дѣйствіемъ неупотребленія органовъ. Какъ замѣтилъ профессоръ Оуэзъ, нѣтъ въ природѣ ничего аномальнѣе птицы, которая не можетъ летать, однако, такихъ птицъ существуетъ нѣсколько. Южно-американская головастая утка едва можетъ перелетывать по поверхности воды и ея крылья почти въ томъ же (атрофированномъ) состояніи, какъ крылья домашней эльсбурійской утки. Такъ какъ крупныя птицы, добывающія свою пищу изъ почвы, рѣдко летаютъ, развѣ для избѣжанія опасности, то я полагаю (говоритъ Дарвинъ), что почти совершенное отсутствіе крыльевъ, свойственное многимъ птицамъ, обитающимъ или обитавшимъ на островахъ, ненаселенныхъ хищниками, есть слѣдствіе неупотребленія органовъ».

Та же атрофія крыльевъ, вслѣдствіе ихъ неупотребленія, наблюдается у насѣкомыхъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ жестковкрылыхъ; напротивъ, тѣ изъ насѣкомыхъ, которыя «принуждены постоянно летать для поддержанія своей жизни, представляютъ не уменьшеніе, а увеличеніе крыльевъ». Соответствующее отношеніе между дѣятельностью органа и его развитіемъ обнаруживается и въ другихъ многочисленныхъ случаяхъ.

¹⁾ Ч. Дарвинъ, «О происхожденіи видовъ», переводъ съ англійскаго, С. А. Качинскаго, изданіе третье. Москва, 1873 г., стр. 106.

«Глаза крота и нѣкоторых роющихъ грызуновъ зачаточны по объему и въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно затануты кожей и шерстью. Это состояніе глазъ вѣроятно обусловлено, говоритъ Дарвинъ, постепеннымъ уменьшеніемъ черезъ неупотребленіе. Всѣмъ извѣстно, что животныя разныхъ классовъ, обитающія въ пещерахъ Сиріи и Кентуки, совершенно слѣпы. У нѣкоторыхъ изъ раковъ, глазная ножка осталась, хотя глазъ и исчезъ: стативъ телескопа сохранился, хотя самый телескопъ съ его стеклами утратился. Такъ какъ трудно предположить, чтобы глаза, хотя и безполезные, могли быть сколько нибудь вредны животнымъ, постоянно живущимъ въ темнотѣ, я вполне приписываю ихъ утрату неупотребленію. У одного изъ слѣпыхъ животныхъ, именно у пещерной крысы, глаза имѣютъ огромные размѣры и профессоръ Силиманъ полагаетъ, что поживши нѣсколько дней на свѣтѣ, она приобретаетъ слабую способность къ зрѣнію. Точно также, какъ въ Мадерѣ крылья нѣкоторыхъ насекомыхъ увеличились, крылья же другихъ уменьшились въ размѣрахъ дѣйствіемъ естественнаго подбора, при содѣйствіи изощренія или неупотребленія, такъ и въ случаѣ пещерной крысы естественный подборъ, повидимому, боролся съ отсутствіемъ свѣта и увеличилъ объемъ глазъ, между тѣмъ какъ въ остальныхъ жителяхъ пещеръ одно неупотребленіе произвело весь результатъ»¹⁾.

Само собою понятно, что, съ рассматриваемой здѣсь точки зрѣнія, это употребленіе или неупотребленіе зрительныхъ органовъ находится въ прямой зависимости отъ такого внѣшняго условія, какъ присутствіе или отсутствіе свѣта. Приспособленіе къ окружающей темнотѣ родитъ слѣпной.

И дѣйствительно, такое именно воззрѣніе высказываетъ Шьедте, слова котораго приводитъ Дарвинъ въ подтвержденіе своей точки зрѣнія. По мнѣнію Шьедте, подземныхъ животныхъ слѣдуетъ рассматривать, «какъ мелкія развѣтвленія, проникшія въ землю изъ географически-органическихъ фаунъ смежныхъ молосъ и разросшіяся въ темнотѣ, вслѣдствіе приспособленія къ окружающей средѣ. Животныя, мало уклоняющіяся отъ обыкновенныхъ формъ, подготовляютъ переходъ отъ свѣта къ мраву; затѣмъ слѣдуютъ животныя, приспособленныя къ полутьмѣ; наконецъ уже являются тѣ, которыя предназначены для совершенной темноты»²⁾. Отсюда прямой выводъ, что «животныя, достигшія, втеченіи безчисленныхъ поколѣній, отдаленныхъ закоулковъ пещеръ, должны были утратить, бо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 109.

²⁾ Тамъ же, стр. 109.

лѣе или менѣе окончательно, свои глаза, вслѣдствіе неупотребленія ихъ».

Такое заключеніе вполне согласуется съ основнымъ принципомъ естественнаго подбора, дѣйствующаго въ зависимости отъ условий внѣшней борьбы, но вовсе не обнимаетъ всѣхъ относящихся сюда фактовъ. Новѣйшія наблюденія и изслѣдованія обнаружили рядъ такихъ явленій изъ той же области, которыя никакъ не могутъ быть приписаны «приспособленію къ окружающей средѣ», «приспособленію» къ полумраку или совершенной темнотѣ пещеръ.

«Несправедливо было бы думать, говорить Земперъ,—что отсутствіе свѣта необходимо ведетъ къ совершенной или несовершенной слѣпотѣ. Мы знаемъ, въ настоящее время, такіе факты, которые говорятъ совершенно противное. Такъ, между многочисленными пещерными насѣкомыми встрѣчаются формы съ совершенно развитыми глазами, которыя, однако, живутъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и слѣпыя насѣкомыя. Въ нѣкоторыхъ пещерахъ, изслѣдованныхъ мною на Филиппинскихъ островахъ и Полаосѣ, я самъ находилъ, замѣчаетъ Земперъ, въ глубочайшихъ, совершенно темныхъ закоулкахъ однѣхъ лишь зрячихъ насѣкомыхъ» ¹⁾. Еще болѣе поучительный фактъ сообщаетъ Земперъ со словъ своего друга, доктора Регина (Hagen) изъ Кембриджа (въ Америкѣ). По наблюденіямъ этого ученаго, между мѣстными пещерными жуками встрѣчаются виды, у которыхъ слѣпыя однѣ только самки, тогда какъ самцы, напротивъ, снабжены вполне развитыми глазами. И это, не смотря на то, что тѣ и другія всегда живутъ вмѣстѣ, въ совершенно темныхъ пещерахъ (in absolut dunkeln Höhlen).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ данномъ случаѣ, при тождественности окружающей среды—отсутствіи свѣта, получаются совершенно различные результаты, или, другими словами, что результаты эти не могутъ быть приписаны приспособленію къ пещерной темнотѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, было бы совершенно невозможно допустить, что отсутствіе свѣта, обуславливая потерю зрѣнія у насѣкомыхъ-самокъ, не оказываетъ соотвѣтствующаго вліянія на самцовъ. И если, въ послѣднемъ случаѣ, зрительные органы продолжаютъ пребывать въ неприкосновенности, не смотря на мракъ, постоянно окружающій животное, то, очевидно, что потеря зрѣнія, въ первомъ случаѣ, не можетъ быть приписана дѣйствію этого мрака.

Заключеніе это подтверждается также рядомъ фактовъ противоположнаго характера, именно, существованіемъ слѣпыхъ или полуслѣпыхъ

¹⁾ Karl Semper, «Die natürlichen Existenzbedingungen der Thiere. Erster Theil». Leipzig, 1880 г., стр. 100—101.

животныхъ на открытыхъ мѣстахъ, «гдѣ средняя интенсивность свѣта вполне допускаетъ употребленіе зрительныхъ органовъ». Таковы, на-
 примѣръ, мѣлководныя и нѣкоторыя морскіе моллюски, различные
 кольчатые черви, нѣкоторыя ракообразныя и проч. ¹⁾). Всѣ подобнаго
 рода факты совершенно уже иначе освѣщаютъ рассматриваемый во-
 просъ. Если, съ одной стороны, отсутствие свѣта вовсе не влечетъ за
 собою атрофію зрительнаго органа, то, съ другой стороны, эта атрофія
 наблюдается тамъ, гдѣ было бы невозможно предвидѣть ее, гдѣ внѣш-
 няя условія вовсе не предполагаютъ ее.

Сами по себѣ уже эти факты говорятъ, какъ неосновательно огра-
 ничивать употребленіе или неупотребленіе органовъ одною зависимо-
 стью отъ условій внѣшней борьбы и, исходя изъ такой зависимости,
 пояснять всѣ явленія цѣлесообразности. Сами по себѣ уже эти факты
 показываютъ, что употребленіе органа опредѣляется не только требо-
 ваніями внѣшней борьбы, но динамическимъ и статическимъ состоя-
 ніемъ самаго органа. Такое состояніе зависитъ, какъ отъ отношенія
 его къ остальнымъ сложнымъ органамъ, такъ и отъ характера со-
 вмѣстной дѣятельности его анатомическихъ частей (клеточекъ и тка-
 ней). То и другое предполагаетъ, однако, извѣстную гармонію, извѣст-
 ную цѣлесообразность дѣйствія, независимо отъ которой, въ виду выше-
 сказаннаго, упражненіе органа не могло бы дать никакихъ опредѣ-
 ленныхъ результатовъ.

Отсюда нетрудно уже понять, какъ односторонни тѣ толкованія
 явленій цѣлесообразности, которыя основываются на естественномъ
 подборѣ и употребленіи или неупотребленіи органовъ въ зависимости
 отъ приспособленія къ внѣшнимъ условіямъ.

Но еще рѣзче, еще полнѣе обнаруживается такая несостоятель-
 ность въ виду тѣхъ фактовъ, которые, какъ указываетъ Ру, прямо
 уже относятся къ внутренней дѣятельности органовъ, характеризую-
 щей ихъ природу, и гдѣ именно, во всей своей цѣлости, выступаетъ
 значеніе внутренней цѣлесообразности.

Сюда прежде всего относится одинъ изъ основныхъ біологическихъ
 законовъ — законъ экономіи жизненной энергіи, достиженія
 наибольшихъ результатовъ при наименьшей затратѣ жиз-
 ненной энергіи.

Частнымъ и въ высокой степени поучительнымъ выраженіемъ этого
 общаго закона можетъ служить архитектура костей.

¹⁾ Тамъ же, стр. 103.

Исследования Германа Мейера ¹⁾, а затѣмъ Ю. Вольфа ²⁾, Вольфермана ³⁾, Борделебена ⁴⁾, Меркеля ⁵⁾, Эби ⁶⁾ и Лангерганзена ⁷⁾ показываютъ самымъ точнымъ образомъ, что кости построены такъ, чтобы при наименьшей затратѣ матеріала отличатся наибольшою прочностью ⁸⁾. Этому именно и удовлетворяетъ губчатое вещество, состоящее изъ пластинокъ, извѣстнымъ образомъ расположенныхъ въ каждой кости.

Прежде обыкновенно предполагалось, что расположеніе этихъ пластинокъ совершенно случайное и не имѣетъ никакой опредѣленной цѣли. Но Германъ Мейеръ показалъ несостоятельность подобнаго предположенія, обративъ вниманіе ученыхъ на въ высокой степени правильное строеніе губчатого вещества, какъ нельзя болѣе, по расположенію своихъ пластинокъ, отвѣчающаго указанному закону—наибольшей прочности при наименьшей затратѣ матеріала.

Слѣдующій весьма интересный фактъ можетъ дать наглядное понятіе о томъ, въ какой степени строеніе пластинокъ губчатого вещества дѣйствительно соответствуетъ этому закону.

Въ обществѣ естествоиспытателей, гдѣ показывалъ Мейеръ свои препараты, находился извѣстный математикъ Кульманъ. Просматривая эти препараты, Кульманъ замѣтилъ, что во многихъ человѣческихъ костяхъ расположеніе пластинокъ губчатого вещества вполне соответствуетъ направленію тѣхъ линій, какія проводятся математиками въ графической статикѣ, при постройкѣ такихъ же по формѣ дѣлъ, какъ разсматриваемыя кости, и предназначенныхъ для противодѣйствія силамъ, какимъ противодѣйствуютъ послѣднія. Съ цѣлью подтвердить свое замѣчаніе, онъ нарисовалъ кранъ, имѣющій видъ верхней половины бедра кости человѣка и предложилъ своимъ ученикамъ провести въ немъ линіи въ такомъ направленіи, какое необходимо для того, чтобы этотъ кранъ могъ противодѣйствовать силѣ, равной тому давленію, которое выдерживаетъ верхній конецъ бедра кости. При сличеніи графическаго чертежа съ соответствующимъ препаратомъ

¹⁾ Herm. Meyer, «Archiv für Anatomie u. Physiologie», 1869.

²⁾ J. Wolff, «Berliner klin. Wochenschrift», 1868, und «Virchow's Archiv f. patholog. Anatomie». Bd. 50, 1870, u. Bd. 61, 1874.

³⁾ H. Wolfersman, «Archiv f. Anatomie u. Physiologie», 1872.

⁴⁾ K. Bardeleben, «Beiträge zur Kenntniss der Wirbelsäule». Jena, 1874.

⁵⁾ «Virchow's Archiv». Bd. 59.

⁶⁾ Aeby, «Centralblatt f. d. med. Wiss.», 1873.

⁷⁾ «Virchow's Archiv». Bd. 61.

⁸⁾ См. также очень интересную статью по тому же предмету профессора Лесгаэта, «Архитектура костей» («Медицинскій Вѣстникъ», № 1, 1882).

оказалось, что начерченные линии расположены въ точности по тѣмъ же направленіямъ, какъ и пластинки губчатого вещества верхняго конца бедраиной кости.

Едва-ли можно требовать болѣе убѣдительнаго доказательства той по истинѣ замѣчательной цѣлесообразности, какою отличается архитектура костей, той математической точности, съ какою структура губчатого вещества, расположеніе его пластинокъ слѣдуетъ условіямъ наибольшей прочности строенія при наименьшей затратѣ матеріала.

Достоинно замѣчанія, что тотъ же законъ наблюдается и въ растительномъ мірѣ среди тканей, соответствующихъ по своему назначенію костной ткани. Такъ Швенденеръ ¹⁾, устанавливая понятіе о механической ткани высшихъ растений, показалъ, что элементы ея располагаются такимъ образомъ, чтобы съ наименьшимъ расходомъ матеріала достигалась наибольшая крѣпость, и этому какъ нельзя лучше отвѣчаетъ то периферическое направленіе, какое стремится занять механическая ткань въ растеніи.

Не только строеніе костной ткани (или механической у растеній) но и строеніе другихъ, активныхъ тканей животнаго организма слѣдуетъ тому же великому закону экономіи жизненной энергіи. Примѣромъ можетъ служить мышечная ткань. Давно уже былъ констатированъ тотъ фактъ, что ни одна искусственная машина не утилизируетъ съ такимъ совершенствомъ двигательную энергію, ни одна не производитъ при соответствующей затратѣ этой энергіи такого количества полезной работы, какъ мускулы. Но само собою понятно, что фактъ этотъ служитъ частнымъ выраженіемъ того же общаго закона—достиженія наибольшихъ результатовъ (въ данномъ случаѣ мускульной работы) при не значительной затратѣ жизненной энергіи. И это, какъ показываетъ Ру ²⁾, достигается тѣмъ, что мышечныя волокна всегда располагаются въ направленіи наиболѣе энергичнаго проявленія ихъ общей функциональной дѣятельности, т. е. въ направленіи, наиболѣе устраняющемъ возможность бесполезной, непродуцительной затраты жизненной энергіи, подобно тому, какъ такая же непродуцительная затрата матеріала устраняется соответствующимъ расположеніемъ пластинокъ губчатого вещества кости. Разница лишь въ томъ, что въ мышечной ткани это расположеніе элементовъ опредѣляется направленіемъ функциональной дѣятельности, а въ губчатомъ веществѣ—направленіемъ давленія, которое выдерживаетъ кость.

¹⁾ S. Schwendener, «Das mechanische Prinzip im anatomischen Bau der Monocotylen». Lei, zig, 1874.

²⁾ W. Roux «Der Kampf der Theile», и т. д., стр. 29—30.

Въ другихъ тканяхъ, въ строеніи, напимѣрь, сухожилій и проч., замѣчается во всей своей цѣлости вліяніе того же закона, и не только въ отдѣльныхъ тканяхъ, даже въ сложныхъ системахъ.

Прекраснымъ примѣромъ можетъ служить кровеносная система, именно энергія распространенія крови по кровеноснымъ сосудамъ и отношенія послѣднихъ къ этой энергіи.

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, прежде всего, необходимо принять во вниманіе, что кровь, подобно всякой жидкости, подлежитъ гидравлическимъ законамъ, а потому та сила, съ какою эта жидкость распространяется по сосудамъ, можетъ, въ виду тѣхъ поворотовъ, которые описываетъ кровь, а также въ моментъ раздѣленія потока, когда изъ общаго ствола онъ вступаетъ въ развѣтвленіе—можетъ въ значительной степени расходоваться совершенно непроизводительно. А такая непроизводительная потеря силы должна, конечно, повліять на скорость распространенія крови. Отсюда уже само собою разумѣется, что если законъ экономіи жизненной энергіи играетъ и въ случаѣ разсматриваемаго явленія столь выдающуюся роль, какъ въ предъидущихъ случаяхъ, то кровеносные сосуды должны отличаться такими приспособленіями, которыя устраняли бы указанную, непроизводительную затрату.

Дѣйствительно, тщательныя изслѣдованія Ру ¹⁾, произведенныя въ этомъ направленіи, т. е. изслѣдованіе кровеносныхъ сосудовъ въ мѣстахъ ихъ развѣтвленія, опредѣленіе того отношенія, которое существуетъ между боковымъ давленіемъ крови на стѣнки сосудовъ и обратнымъ воздѣйствіемъ послѣднихъ,—вполнѣ оправдываютъ предъидущее предположеніе. Изслѣдованія эти именно свидѣтельствуютъ, что кровеносные сосуды вполнѣ приспособлены къ тому, чтобы циркуліяція крови по всѣмъ безчисленнымъ развѣтвленіямъ достигалась съ наименьшей затратой жизненной энергіи, чтобы сила, съ какою прогоняется кровь по сосудамъ, не расходовалась непроизводительно на треніе, на бесполезное растяженіе стѣнокъ сосудовъ и т. п. И этой замѣчательной способностью сосуды обязаны своему свойству—воздѣйствовать боковому давленію крови, гдѣ такое давленіе могло бы повлечь бесполезную затрату силы тока и, напротивъ, содѣйствовать, рядомъ самостоятельныхъ сокращеній, распространенію этого тона по мельчайшимъ развѣтвленіямъ.

Не входя въ болѣе специальное описаніе приспособительныхъ особенностей кровеносныхъ сосудовъ, мы позволяемъ себѣ думать, что и сдѣланныя здѣсь указанія съ достаточною точностью свидѣтельствуютъ

¹⁾ W. Roux, «Der Kampf» и т. д., стр. 31—33, а также «Ueber die Verzweigungen der Blutgefäße. Jena, 1878 г.

о характерѣ этихъ приспособленій. Эти приспособленія, подобно тѣмъ приспособленіямъ, которыя выражаются указаннымъ выше строеніемъ костной ткани, мышечной и проч., суть внутреннія приспособленія; они отвѣчаютъ не тѣмъ или другимъ внѣшнимъ условіямъ, а условіямъ экономіи жизненной энергіи.

Теперь спрашивается, чѣмъ опредѣляется такое соотвѣтствіе внутренняго, динамическаго и статическаго состоянія органовъ закону экономіи жизненной энергіи? Вѣдь это соотвѣтствіе характеризуетъ собою именно внутреннюю, а не внѣшнюю цѣлесообразность органовъ; оно свидѣтельствуетъ не только о томъ, что функція органа вполне отвѣчаетъ его назначенію, но что части, составляющія этотъ органъ, всегда стремятся расположиться такимъ образомъ, чтобы облечь его функцію, чтобы послѣдняя сопровождалась съ наименьшей затратой жизненной энергіи.

Напримѣръ, въ органахъ передвиженія цѣлесообразность обнаруживается не только въ томъ отношеніи, что органы эти, по устройству своему, вполне соотвѣтствуютъ акту ходьбы или летанію, а также и въ томъ, что по своему внутреннему строенію, по расположенію своихъ частей, они въ такой же мѣрѣ отвѣчаютъ закону экономіи жизненной энергіи, т. е. выполняютъ актъ борьбы съ наименьшей затратой жизненной энергіи. Первое соотвѣтствіе будетъ внѣшнюю цѣлесообразностью, второе—внутреннюю цѣлесообразностью.

Если теорія естественнаго подбора обнимаетъ собою всѣ явленія цѣлесообразности въ смыслѣ разъясненномъ уже выше, то она должна конечно пояснить и происхожденіе внутренней цѣлесообразности. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Нѣтъ! По самому характеру своему, данная цѣлесообразность устраняетъ толкованіе естественнаго подбора, и вотъ почему:

По теоріи подбора, какъ было уже упомянуто выше, изъ нѣсколькихъ различныхъ измѣненій обнаруживаемыхъ тѣмъ или другимъ органомъ, то, которое при данныхъ условіяхъ среды, представляетъ наибольшія выгоды организму въ борьбѣ за существованіе, удерживается, воспитывается и развивается, а остальные измѣненія, какъ бесполезныя или даже вредныя, постепенно исчезаютъ. Такимъ образомъ создается цѣлесообразность. Стало быть, она предполагаетъ существованіе нѣсколькихъ измѣненій, изъ которыхъ организмъ избираетъ наиболѣе полезное для себя въ борьбѣ съ окружающимъ. Стало быть, пока таковая полезность отсутствуетъ, пока измѣненіе не представляетъ никакой выгоды организму, пока послѣдній не можетъ сдѣлать изъ него никакой поль-

зы—до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о цѣлесообразности, до тѣхъ поръ совершенно отсутствуютъ условія для ея возникновенія.

Запомнимъ это, и обратимся теперь къ тѣмъ явленіямъ, которыя выше были рассмотрѣны нами подъ именемъ внутренней цѣлесообразности. Какъ мы знаемъ, цѣлесообразность относящихся сюда измѣненій состоитъ въ томъ, что онѣ устраняютъ непроизводительную затрату жизненной энергіи. Внутреннее строеніе органовъ, расположеніе ихъ частей отвѣчающее такой экономіи, несомнѣнно весьма существенно, весьма выгодно для организма.

Но дѣло въ томъ, что эта экономія достигается не единичными усиліями анатомическихъ частей органа, а ихъ совмѣстной работой, требующей всегда опредѣленнаго взаимнаго сочетанія и расположенія. И только тогда, когда такое расположеніе на лицо, только тогда организмъ дѣйствительно можетъ уже пользоваться выгодами, которыя представляетъ экономія жизненной энергіи; но до того этихъ выгодъ для него не существуетъ.

А между тѣмъ разсматриваемое здѣсь расположеніе анатомическихъ частей предполагаетъ тысячи единичныхъ измѣненій въ этихъ послѣднихъ, хотя ни одно изъ такихъ единичныхъ измѣненій, само по себѣ, не представляетъ никакой выгоды организму, въ смыслѣ сколько-нибудь чувствительной экономіи жизненной энергіи. Не смотря однако на то, эти единичныя измѣненія анатомическихъ частей имѣли мѣсто и вовсе не отличались случайнымъ характеромъ, такъ какъ вели къ опредѣленной цѣли—къ такому взаимному расположенію, которое обуславливало собою достиженіе наибольшихъ результатовъ при наименьшей затратѣ жизненной энергіи.

Мы видимъ такимъ образомъ, что разсматриваемая здѣсь внутренняя цѣлесообразность, въ противоположность внѣшней, слагается не путемъ выбора одного наиболѣе полезнаго измѣненія, изъ нѣсколькихъ данныхъ, а представляетъ собою результатъ многочисленныхъ единичныхъ измѣненій, изъ которыхъ ни одно само по себѣ не отличается никакими преимуществами, болѣе выгодными для организма, но полезность которыхъ обнаруживается именно при опредѣленномъ сочетаніи ихъ между собою.

Стало быть, въ послѣднемъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о выборѣ, и вотъ это-то обстоятельство говоритъ прямо противъ того универсальнаго значенія, которое обыкновенно приписывается дарвинистами теоріи подбора. Согласно послѣдней, какъ мы видѣли, необходимо признать, что цѣлесообразность не можетъ быть результатомъ такихъ

измѣненій, которыя не предоставляли бы выгоды организму въ его борьбѣ за существованіе.

Но мы видимъ, однако, что внутренняя цѣлесообразность слагается изъ такихъ именно единичныхъ измѣненій, изъ которыхъ ни одно само по себѣ не представляетъ указанной выгоды; польза, которую извлекаетъ организмъ изъ экономіи жизненной энергіи заключается не въ единичныхъ измѣненіяхъ анатомическихъ частей, а въ томъ опредѣленномъ ихъ расположеніи, которое вырабатывается изъ этихъ измѣненій. Нагляднымъ примѣромъ можетъ послужить извѣстное уже намъ губчатое вещество кости, которое, какъ мы знаемъ, обязано своимъ цѣлесообразнымъ строеніемъ опредѣленному взаимному расположенію составляющихъ его пластинокъ, и именно взаимному расположенію ихъ, а не каждой пластинкѣ въ отдѣльности.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть измѣнится данное расположеніе, пусть оно потеряетъ ту опредѣленность которою отличается, и хотя при этомъ элементы губчатого вещества будутъ оставаться всѣ налицо, тѣмъ не менѣе оно утратитъ первоначальную прочность, утратитъ способность выдерживать давленіе съ надлежащею силою, утратитъ свое назначеніе, свое цѣлесообразное строеніе. И все это, замѣтьте, только потому, что уничтожена опредѣленность взаимнаго расположенія пластинокъ.

Если изъ двухъ костей естественный подборъ останавливается на той, у которой большая прочность соединяется съ меньшей затратой матеріала, то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ данномъ случаѣ этотъ естественный подборъ пользуется лишь тѣмъ, что заготовлено условіями внутренней цѣлесообразности; такой выборъ не создаетъ, а предполагаетъ цѣлесообразность, заставляя ее, если можно такъ выразиться, выступать изнутри наружу и специализироваться. Стало быть, условія внутренней цѣлесообразности вовсе не объясняются условіями естественнаго подбора. Не объясняются онѣ этими условіями также и потому, что, напримѣръ, у губчатого вещества опредѣленность взаимнаго расположенія пластинокъ есть результатъ гармоническаго сочетанія тысячей различныхъ единичныхъ измѣненій данныхъ элементовъ, измѣненій, изъ которыхъ ни одно, само по себѣ, не представляло выгоды организму и которыя, тѣмъ не менѣе, всѣ были необходимы, чтобы данная внутренняя цѣлесообразность могла получить мѣсто. Но въ такомъ случаѣ, какимъ же образомъ естественный подборъ могъ упрочить эти единичныя измѣненія прежде, чѣмъ обнаружилась та польза, которую могъ извлечь изъ нихъ организмъ въ борьбѣ съ окружающимъ?

Наконецъ, если мы даже допустимъ одновременное существованіе

нѣсколькихъ различныхъ группировокъ разсматриваемыхъ пластинокъ, — группировокъ, изъ которыхъ путемъ естественнаго подбора упрочена была наиболѣе выгодная, наиболѣе отвѣчающая требованіямъ жизненной экономіи, то это опять-таки предполагаетъ въ данной группировкѣ болѣе гармоничное, болѣе цѣлесообразное расположеніе элементовъ.

И такъ, мы видимъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ цѣлесообразность является результатомъ опредѣленнаго сочетанія данныхъ измѣненій, а не результатомъ выбора одного изъ нихъ, наиболѣе выгоднаго, во всѣхъ такихъ случаяхъ явленіе остается необъяснимымъ съ точки зрѣнія естественнаго подбора.

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ происхожденіе цѣлесообразности приписывать подбору, разъ самая возможность выбора предполагаетъ цѣлесообразность.

Предъидущая характеристика внутренней цѣлесообразности можетъ быть пояснена опредѣленнѣе слѣдующею, весьма важнѣйшею группою явленій, на которую указываетъ Ру. Въ исторіи развитія животныхъ, говоритъ Ру, существуетъ одинъ пунктъ, въ виду котораго можно съ точностію заключить, что явленіе совершенствованія, въ данномъ случаѣ, необходимо предполагаетъ одновременное соотносительное измѣненіе всѣхъ частей организма почти во всѣхъ его органахъ, а не послѣдовательное измѣненіе только нѣкоторыхъ элементовъ, одновременное существованіе тысячей и даже миліоновъ цѣлесообразныхъ способностей.

Сюда именно относится случай перехода животныхъ изъ водной среды въ наземную. Въ самомъ дѣлѣ, обратите вниманіе на слѣдующія измѣненія въ условіяхъ, которыми необходимо сопровождается подобный переходъ. Прежде всего увеличеніе въ вѣсѣ тѣла: всѣ части организма, какъ и все тѣло животнаго, при перемѣщеніи его изъ воды на сушу, будутъ отличаться непривычною для животнаго тяжестью. Оно въ этой новой средѣ, если можно такъ выразиться, почувствуетъ себя тяжелѣе на вѣсѣ количества воды, равнаго по объему его тѣлу. Соответственно тому и первоначальное напряженіе мускуловъ окажется недостаточнымъ для перемѣщенія тѣла, большая часть движеній котораго въ водѣ вовсе почти не сопряжены съ преодоленіемъ силы тяжести, а на сушѣ потребуетъ значительной мышечной энергіи.

Такимъ-же образомъ, кости, которыя у воднаго животнаго подвергаются почти исключительно одному только дѣйствию сокротительной силы мышцъ, съ переходомъ животнаго на сушу, должны выдерживать давленіе всей тяжести тѣла.

Далѣе, распространеніе крови, въ свою очередь, испытываетъ измѣненія. Пока животное пребываетъ въ водѣ, тяжесть крови почти не оказываетъ никакого вліянія на ея распредѣленіе; но это вліяніе обна-

руживается тотчас же, какъ животное переворачивается на сушу. Правильность кровообращенія нарушается и можетъ повлечь за собою смерть, если не будетъ восстановлена соответствующими приспособительными измѣненіями.

Словомъ, при переходѣ животнаго изъ воды на сушу, почти все, существовавшее до того равновѣсіе между внѣшними и внутренними соотношеніями нарушается. И какъ-бы ни былъ постепененъ такой переходъ, но въ каждый данный моментъ это нарушение равновѣсія, распространяется одновременно на всѣ части организма.

Стало бытъ, въ разсматриваемомъ случаѣ, для того, чтобы нарушенное равновѣсіе было восстановлено (а это непрѣмѣнное условіе переселенія животнаго изъ водной среды въ наземную) необходимо одновременное соотносительное измѣненіе всѣхъ частей организма, а не тѣхъ или другихъ въ отдѣльности. Здѣсь опять-таки внутренняя цѣлесообразность является результатомъ одновременнаго дѣятельнаго сочетанія миліоновъ элементовъ, а такая одновременность, говорить Ру ¹⁾, вовсе не отвѣчаетъ условіямъ подбора.

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ естественный подборъ могъ бы обусловить собою эту способность частей къ одновременному восстановленію нарушеннаго равновѣсія? Если мы даже допустимъ возможность выбора, то вопросъ тѣмъ не менѣе останется вопросомъ. Если мы даже допустимъ, что изъ многоразличныхъ измѣненій въ органахъ, каковыми сопровождается переселеніе воднаго животнаго на сушу, естественный подборъ удержалъ тѣ именно измѣненія, которыя болѣе содѣйствовали восстановленію нарушеннаго равновѣсія,—то этимъ повторимъ только то, что было уже сказано выше: во всѣхъ подобныхъ случаяхъ выборъ, если онъ и возможенъ, возможенъ только между такими способностями, самое существованіе которыхъ предполагаетъ цѣлесообразность. Сказать, что естественный подборъ удерживаетъ тѣ именно измѣненія, которыя болѣе содѣйствуютъ восстановленію нарушеннаго равновѣсія, значитъ сказать, что этотъ подборъ отдаетъ преимущество такимъ измѣненіямъ, которыя отличаются наибольшою цѣлесообразностью, но вовсе не значитъ объяснить происхожденіе послѣдней.

И такъ, анализъ самыхъ разнообразныхъ фактовъ приводитъ насъ къ одному и тому же заключенію; всѣ эти факты единогласно свидѣтельствуютъ, что подборъ, въ условіяхъ внѣшней борьбы, далеко не обнимаетъ собою всю совокупность явленій цѣлесообразности, и это именно потому, что, помимо внѣшней цѣлесообразности, существуетъ внутренняя цѣлесообразность, которую ни-

¹⁾ W. Roux, «Der Kampf der Theile», и т. д. стр. 40—45.

какъ нельзя отождествлять съ первой ни по характеру ея, ни по условіямъ ея происхожденія, — нельзя, такъ какъ первая, въ концѣ концовъ, есть сколокъ со второй.

Внѣшняя цѣлесообразность есть результатъ выбора изъ различныхъ измѣненій, одного или нѣсколькихъ, наиболѣе выгодныхъ; внутренняя цѣлесообразность есть результатъ одновременнаго и опредѣленнаго сочетанія многочисленныхъ измѣненій, одинаково необходимыхъ. Первая опредѣляется дѣятельностью подбора въ условіяхъ внѣшней борьбы. Но чѣмъ опредѣляется вторая, чѣмъ опредѣляется это «одновременное и опредѣленное сочетаніе многочисленныхъ, одинаково необходимыхъ измѣненій?» Предъидущее говорить, что естественный подборъ тутъ ни причесть. Гдѣ же слѣдуетъ искать причину? Эта причина внутренняя, а не внѣшняя; ее слѣдуетъ искать въ условіяхъ внутренней борьбы; словомъ, внутренняя цѣлесообразность есть результатъ борьбы частей въ организмѣ.

Это положеніе Ру доказываетъ рядомъ многочисленныхъ и разнообразныхъ данныхъ. Что внутренняя борьба дѣйствительно существуетъ, это мы должны допустить просто уже въ виду основнаго условія всякой борьбы — отсутствія совершенной идентичности между частями цѣлага. Но такое именно неравенство и наблюдается между частями организма; ихъ разнородность служитъ причиною ихъ взаимной борьбы.

Мало того, можно было бы эту разнородность выразить въ механическихъ терминахъ; можно было бы сказать, и это несомнѣнно такъ, что она выражаетъ собою болѣе или менѣе различныя состоянія внутримолекулярнаго движенія, различныя, какъ по характеру, такъ и по интенсивности, и тогда для насъ тотчасъ же станетъ ясно не только необходимость борьбы между анатомическими частями, но и характеръ ихъ взаимнаго вліянія; мы поймемъ тогда, что такое вліяніе достигается путемъ передачи внутримолекулярнаго движенія отъ одной анатомической части къ другой. Каждый, напримѣръ, анатомическій элементъ, каждая клѣточка сообщаетъ свое внутримолекулярное движеніе сосѣдней клѣткѣ и воспринимаетъ движеніе послѣдней. Возможность, даже несомнѣнность подобной передачи внутримолекулярнаго движенія отъ клѣтки къ клѣткѣ мы необходимо должны допустить уже а priori, но она подтверждается также изслѣдованіями знаменитаго ботаника Негели ¹⁾, показавшаго, что одноклѣточные грибы, пу-

¹⁾ С. v. Nägeli, Theorie der Gärung. Munchen, 1879; стр. 76, 81—82.

темъ такой передачи своего внутримолекулярнаго движенія въ окружающую ихъ жидкую сферу, могутъ измѣнить послѣднюю. И если передача такого движенія возможна въ данномъ случаѣ, то тѣмъ не менѣе обязательно признать ее для клѣточекъ, органически связанныхъ между собою, погруженныхъ въ одну и ту же питательную жидкость.

Устанавливаемая нами точка зрѣнія важна именно въ томъ отношеніи, что она даетъ возможность видѣть въ истинномъ свѣтѣ тѣ факты внутренней борьбы, на которые указываетъ Ру. Борьба, говорить Ру, — существуетъ не только между различными органами, она существуетъ также между тканями, между элементами тканей — клѣточками, не только между клѣточками, но и между ихъ составными частями, между частицами протоплазмы. И это вполне согласуется съ указанной нами выше передачей внутримолекулярныхъ движеній отъ одного пункта къ другому.

Такимъ образомъ, каждая, напримѣръ, клѣтка, сообщая свое движеніе сосѣдней клѣткѣ, тѣмъ самымъ стремится уподобить ее себѣ, стремится приспособить ее къ себѣ, и въ то же время испытываетъ соотвѣтствующія вліянія со стороны послѣдней. И такое взаимодействіе клѣтокъ, въ виду органической ихъ связи между собою, побуждаетъ ихъ приспособляться другъ къ другу, побуждаетъ ихъ къ гармонической содѣятельности. Таковы результаты ихъ борьбы.

Въ самомъ дѣлѣ, орудіемъ такой борьбы у каждой клѣтки служить степень энергіи ея жизнедѣятельности, ея самоподвижности и самообразовательной способности. Эта самообразовательная дѣятельность и опредѣляетъ собою питаніе клѣтки, которое достигается путемъ перегруппировки воспринимаемыхъ извнѣ постороннихъ веществъ, соотвѣтственно органическому сложенію самой клѣтки, путемъ приспосабливанія ихъ, какъ говорить самъ Ру къ дѣятельности, присущей клѣткѣ, ея органическихъ процессовъ.

Но само собою разумѣется, что при равенствѣ остальныхъ условий такое приспособленіе, съ точки зрѣнія молекулярной биологіи, будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ выше энергія внутренняго молекулярнаго движенія протоплазмы. Теперь представьте себѣ, что въ данной группѣ клѣтокъ энергія, а стало быть, и образовательная способность неодинаковы; въ такомъ случаѣ, очевидно, клѣточки, у которыхъ такая способность наиболѣе развита, будутъ питаться лучше остальныхъ клѣтокъ, будутъ асимилировать питательныхъ веществъ не только быстрѣе, но и совершеннѣе, т. е., воспринимая хотя бы даже одинаковое количество этихъ веществъ, будутъ утилизировать большую часть ихъ, въ сравненіи съ клѣточками съ менѣе интенсивною образовательною энергіею.

Результатомъ такого неравенства будетъ то, что клѣточки, отли-

чающіяся указаннымъ преимуществомъ, размножаясь быстрее остальныхъ, въ концѣ концовъ, совершенно вытѣсняютъ ихъ, и обновленная такимъ образомъ группа клѣточекъ будетъ уже отличаться большею солидарностью въ частяхъ. Если такая группа составляетъ собою ткань, то послѣдняя будетъ уже болѣе предъидущей соответствовать закону экономіи жизненной энергіи, такъ какъ она состоитъ изъ клѣточекъ, болѣе совершенно утилизирующихъ пищевыя вещества, а стало быть въ таковой же степени устраняющихъ непроизводительную затрату ихъ. Въ свою очередь, то же пришлось бы сказать и о каждомъ органѣ, состоящемъ изъ такихъ тканей.

Здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ примѣровъ постепеннаго возникновенія внутренней цѣлесообразности, являющейся прямымъ результатомъ борьбы клѣточекъ между собою. Само собою разумѣется, что отождествлять условія этой борьбы съ борьбою за существованіе самаго организма такъ же неосновательно, какъ неосновательно отождествлять часть съ цѣлымъ.

Каждая клѣточка борется за существованіе съ другими, смежными; но въ этой борьбѣ берутъ перевѣсъ и выживаютъ только наиболѣе приспособившіяся другъ къ другу, стало быть, наиболѣе соответствующія другъ другу по своимъ способностямъ, по своей жизнедѣятельности; а разъ такое соответствіе существуетъ, существуютъ и условія для болѣе гармоническаго проявленія данныхъ единичныхъ способностей; обнаруживаясь одновременно и въ одномъ и томъ же опредѣленномъ направленіи, они по необходимости сольются въ общей работѣ, и разъ клѣточки, приспособившіяся такимъ образомъ другъ къ другу, составляютъ какую нибудь ткань, то она не можетъ не отличаться цѣлесообразностью.

Примѣромъ можетъ служить мышечная ткань; рабочій мускуль не могъ бы съ такимъ совершенствомъ утилизировать двигательную энергію, если-бы составляющія его клѣточки не обнаруживали свою сократительную дѣятельность, подъ вліяніемъ раздраженія, съ тою одновременностью и опредѣленностью въ направленіи, какая присуща имъ; такая одновременность и послѣдовательность, въ свою очередь, была бы невозможна, если-бы она не выработалась путемъ приспособленія клѣточекъ другъ къ другу въ ихъ борьбѣ между собою, если-бы въ этой борьбѣ клѣточки, обнаруживавшія наименьшую наклонность къ такому приспособленію, не вымерли бы.

Вотъ это-то постепенное вымирание клѣточекъ, наименѣе отвечающихъ внутреннимъ условіямъ совмѣстнаго существованія данныхъ элементовъ, необходимо содѣйствовало все большому и большому развитію внутренней цѣлесообразности. Но не одно это. Здѣсь слѣдуетъ

также обратить вниманіе и на другія весьма важныя стороны разсматриваемых явленій.

Если путемъ борьбы и устанавливалась болѣе и болѣе прочная связь между анатомическими элементами, въ началѣ слабо сплоченными, то не только путемъ ихъ уподобленія другъ другу, путемъ слянія, интегрированія, но и путемъ ихъ обособленія, путемъ дифференцированія. Въ самомъ дѣлѣ, специализація клѣточекъ сама по себѣ является прямымъ слѣдствіемъ ихъ взаимной борьбы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: при равенствѣ остальныхъ условій, борьба между клѣточками будетъ тѣмъ слабѣе, чѣмъ меньше между ними конкуренціи; но, очевидно, наименьшая конкуренція возможна между группами клѣточекъ, наиболѣе разошедшихся между собою по своимъ потребностямъ и по проявленію своихъ характерныхъ способностей, т. е. стало быть, между двумя или больше различно специализированными группами клѣтокъ.

Отсюда, само собою ясно, что специализація клѣточекъ, какъ ослабляющая конкуренцію въ борьбѣ за существованіе, необходимо будетъ имѣть мѣсто тамъ, гдѣ ослабленіе конкуренціи доставляетъ клѣточкамъ наибольшую выгоду, гдѣ оно является необходимымъ условіемъ переживанія.

Это общее положеніе вполне подтверждается болѣе частнымъ изслѣдованіемъ занимающаго насъ предмета. Каждая клѣточка, каждая протоплазма клѣточки подлежатъ тѣмъ или другимъ вліяніямъ, усиливающимъ, въ большей или меньшей степени, ея внутримолекулярную дѣятельность и, стало быть, и ея самообразовательную способность, или, напротивъ, подавляющимъ эту способность. Къ такимъ вліяніямъ относятся не только физическіе дѣтели, но также и пищевыя вещества, вносящіе съ собою въ клѣтку ту или другую реакцію.

Если-бы клѣтка безразлично поглощала годныя и негодныя для питанія вещества, то она, конечно, не могла бы выдержать борьбу среди такихъ анатомическихъ элементовъ, которые отличаются избирательною способностью и поглощаютъ только наиболѣе пригодныя вещества, легче другихъ уподобляемая самообразовательною дѣятельностью протоплазмы. Но изъ числа послѣднихъ веществъ не всѣ, разумѣется, будутъ одинаково реагировать на протоплазму клѣтки. Нѣкоторые будутъ болѣе другихъ усиливать ея внутримолекулярную дѣятельность, стало быть, и ея самообразовательную способность. А такъ какъ послѣдняя способность является главнымъ орудіемъ въ борьбѣ клѣтокъ между собою, то отсюда понятно, что изъ различныхъ измѣненій, испытываемыхъ каждою клѣткою, будутъ удерживаться и все болѣе и болѣе преобладать тѣ именно, которыя съ наибольшею легкостью допускаютъ поглощеніе данныхъ веществъ.

Въ данномъ случаѣ, мы будемъ имѣть измѣненіе клѣточекъ въ одномъ и томъ же опредѣленномъ направленіи, т. е. уподобленіе клѣтокъ, ихъ интегрированіе. Но это предполагаетъ одинаковое отношеніе внутримолекулярной подвижности данныхъ клѣтокъ къ пищевымъ веществамъ. А между тѣмъ, необходимо принять во вниманіе, что клѣтки, какъ анатомическіе элементы, по самымъ условіямъ своего совмѣстнаго существованія, не могутъ всѣ подлежать одинаковымъ влияніямъ, не могутъ обнаруживать совершенно одинаковую дѣятельность, не могутъ, стало бытъ, и возбуждаться одинаково однѣми и тѣми же веществами; и если самообразовательная способность однѣхъ клѣточекъ наиболѣе усиливается данною группою пищевыхъ элементовъ, то у другихъ клѣточекъ эта способность можетъ болѣе всего усиливаться совершенно другою группою веществъ. Въ такомъ случаѣ, здѣсь уже клѣтки будутъ побуждаться силою борьбы къ выработкѣ иныхъ измѣненій, именно, наиболѣе облегчающихъ поглощеніе этихъ послѣднихъ веществъ. И хотя результатомъ этого опять-таки будетъ измѣненіе клѣточекъ въ одномъ и томъ же опредѣленномъ направленіи, но, очевидно, настоящее измѣненіе и предъидущее, по характеру своему, будутъ неодинаковыми; у одной группы клѣтокъ преобладающими признаками явятся измѣненія одного рода, у другой—другаго; это будутъ двѣ обособленныя группы, двѣ группы клѣточекъ, специализировавшіяся по двумъ различнымъ направленіямъ. Направленія эти, какъ мы видимъ, не случайны, онѣ опредѣлены условіями внутренней борьбы, борьбы клѣтокъ между собою.

Само собою разумѣется, пищевыя вещества приведены нами только ради примѣра. Можно было бы такимъ же образомъ сослаться и на влиянія иныхъ факторовъ, напримѣръ, физическихъ дѣтелей. Сущность разсматриваемыхъ соотношеній въ томъ, что разъ клѣтки подлежатъ тѣмъ или другимъ влияніямъ, тѣмъ или другимъ возбужденіямъ, то, силою борьбы, которую ведутъ онѣ между собою, каждая клѣточка необходимо стремится къ развитію изъ присущихъ ей свойствъ того именно свойства, того внутримолекулярнаго состоянія, которое отличается наибольшою воспримчивостію къ возбужденію, усиливающему ея самообразовательную дѣятельность, а стало бытъ, и ея шансы къ побѣдѣ.

Такъ, если подобнымъ возбудителемъ будетъ физическій дѣтель, то тѣ элементы клѣтки, которые обусловливаютъ собою воспримчивость протоплазмы къ данному возбужденію, будутъ по преимуществу утилизоваться клѣткою, какъ наиболѣе обезпечивающіе ей побѣду при данныхъ условіяхъ, и въ концѣ концовъ, вытѣснятъ или совершенно ступаютъ остальные.

Такимъ образомъ, изъ общей способности къ возбужденію постепенно выдѣляется та или другая специальная воспримчивость, и если мы представимъ себѣ ткань, состоящую изъ клѣточекъ, видоизмѣнившихся въ томъ же, только что указанномъ направленіи, то станетъ понятно, почему эта ткань отличается такою специальною воспримчивостью, какую не обнаруживаетъ ткань иной группы клѣтокъ.

Другой примѣръ:

По законамъ графической статики, если тѣло, имѣющее форму той или другой кости, подвергается давленію въ томъ же направленіи, какъ послѣдняя, то давленіе распредѣляется не по всѣмъ точкамъ тѣла въ равной мѣрѣ, а отъ центра къ периферіямъ, причѣмъ, если бы разложить это давленіе и выразить его направленіе графически, то мы получили бы линіи давленія, вполне соответствующія, какъ было уже сказано, расположенію пластинокъ губчатого вещества кости.

Посмотримъ же теперь на это явленіе съ точки зрѣнія взаимной борьбы анатомическихъ элементовъ кости. Допустимъ прежде всего, что, по причинамъ, изложеннымъ выше, изъ всѣхъ общихъ способностей клѣтки въ этихъ элементахъ всего болѣе развилась способность воздѣйствовать внѣшнему давленію. Такъ и должно было случиться съ клѣтками, поставленными въ необходимость приспособляться къ условіямъ наибольшаго давленія, и такое приспособленіе, въ концѣ концовъ, должно было сказаться и на образовательной способности, т. е., другими словами, здѣсь давленіе является необходимымъ условіемъ асимилациі и послѣдняя идетъ рука объ руку съ первою.

Разъ мы примемъ это соотношеніе во вниманіе, то тотчасъ же поймемъ что элементы кости должны стремиться расположиться въ томъ именно направленіи, въ какомъ распредѣляется давленіе на кость, такъ какъ всякое другое расположеніе, какъ наименѣе отвѣчающее линіи давленія и стало бытъ и условіямъ образовательной дѣятельности, будетъ устранено борьбою клѣтокъ между собою. Но расположеніе элементовъ въ направленіи линій давленія и составляетъ характерную черту въ строеніи губчатого вещества. И такое строеніе какъ мы видимъ, находитъ полное объясненіе въ условіяхъ внутренней борьбы.

И такъ, подводя итогъ, мы приходимъ къ заключенію, что въ борьбѣ клѣтокъ между собою, изъ общихъ, присущихъ имъ свойствъ динамическихъ и статическихъ, въ каждомъ анатомическомъ элементѣ предпочтительно развиваются и обособляются тѣ именно свойства, которыя наиболѣе обезпечиваютъ ему побѣду въ условіяхъ его существованія, какъ элементарной части органическаго тѣла.

Такимъ образомъ возникаютъ, растутъ и развиваются различныя специальныя анатомофизиологическія особенности; такимъ образомъ все

болѣе и болѣе дифференцируются строеніе и функціи клѣтокъ, а вслѣдъ за ними—строеніе функціи тканей; но послѣднія также ведутъ борьбу между собою и результатомъ этой борьбы служатъ анатомофизиологическія свойства органовъ, которыя, вступая въ борьбу между собою, опредѣляютъ свойства организма въ цѣломъ.

Таковы тѣ общія положенія, къ которымъ приводитъ прекрасный и во многихъ отношеніяхъ замѣчательный трудъ Вильгельма Ру. Трудъ этотъ съ несомнѣнною ясностью показываетъ, какое громадное біологическое значеніе представляютъ внутреннія условія жизни, условія внутренней борьбы, и какъ неосновательно приписывать многосложныя проявленія жизни однѣмъ условіямъ внѣшней борьбы. Активная дѣятельность принадлежитъ внутреннимъ условіямъ. «Жизненные процессы въ себѣ самихъ содержатъ и причину своего возстановленія», говоритъ Ру.

Эльпе.

ОТВѢТЪ Г. ДЕНСКОМУ НА ЕГО ЛЕКЦІЮ О ЛОГИКѢ И ПОЛЕМИКѢ.

(«Русская Мысль» 1871 г. кн. XII.
«Полемика и логика г. Евгения Маркова» В. Е. Денскаго).

Нѣкто, г. Денскій, въ декабрской книжкѣ журнала «Русская Мысль» написалъ весьма взволнованную статью по поводу мыслей нашихъ о «сельскомъ правосудіи» и «уѣздномъ управленіи», высказанныхъ въ «Русской Рѣчи» за прошлый годъ, и прочелъ намъ цѣлую лекцію о логикѣ и полемикѣ. За всякое поученіе, даже непрошенное, мы охотно благодаримъ, но рѣшительно недоумѣваемъ, что въ нашихъ статьяхъ могло вывести изъ себя почтеннаго сотрудника «Русской Мысли» и побудило его пуститься очевидно въ непривычныя для него и не всегда благодарныя упражненія въ остроумничаніи и даже просто ругательствѣ на нашъ счетъ.

Автора, повидимому, прежде всего обидѣлъ недосмотръ корректора «Русской Рѣчи», который опустилъ во всѣхъ нашихъ цитатахъ напечатать его имя черезъ Р, вмѣсто Д, по той простой причинѣ, что переписчикъ дѣйствительно пишетъ эти двѣ буквы очень сходно другъ съ другомъ.

«Не Ренскаго, а Денскаго, г. Марковъ!» съ отчаяніемъ вопить на насъ обиженный авторъ чуть не на каждой строкѣ своей замѣтки.

Но, право, поразмысливъ немного, автору не слѣдовало особенно обижаться на это довольно невинное *lèse majesté* его литературнаго имени. Во 1-хъ, имя Денскаго пока еще не успѣло получить большой извѣстности, поэтому врядъ-ли кто изъ читателей замѣтилъ невыгодность обмѣна его на имя Ренскаго; во 2-хъ, какъ видно изъ объявленія

о подписѣ на «Русскую Мысль» 1882 года, Денскій не есть даже имя автора, а только его псевдонимъ, которому еще менѣе поводовъ обижаться на невольное искаженіе начальной буквы; оскорбленіе маски не есть оскорбленіе личности. Во всякомъ случаѣ, мы готовы смиренно извиниться передъ сердитымъ авторомъ и за переписчика, и за корректора.

Затѣмъ мы желали бы съ такимъ же смиреніемъ принять и авторитетныя поученія почтеннаго автора касательно логики и полемики, но, къ сожалѣнію, затрудняемся въ некоторыми мелочами.

Изъ самобытныхъ приемовъ полемики г. Денскаго (а не Ренскаго), единственный, который мы замѣтили, есть именно тотъ, которому мы не желали бы подражать сами и не желали бы, чтобы другіе ему подражали.

Г. Денскій самобытенъ въ томъ, что считаетъ дозволеннымъ въ полемику о вещахъ, совершенно объективныхъ, не касающихся ни его самаго, ни автора, котораго онъ разбираетъ, въ дѣловыя разсужденія о волостныхъ судахъ и мировыхъ судьяхъ, вводитъ зачѣмъ-то такія личныя подробности, которыхъ не принято касаться въ обществѣ порядочныхъ людей, ведущихъ устную или письменную бесѣду на почвѣ дѣла. Такъ, г. Денскій постоянно величаетъ насъ «курскимъ помѣщикомъ», представителемъ то «земско-культурнаго» слоя Россіи, то «культурно-интеллигентнаго класса», «свѣдущимъ земскимъ джентльменомъ» и т. п.

Мы полагаемъ, что всѣ эти величанія также мало помогаютъ и логикѣ, и полемикѣ г. Денскаго, какъ мало помогли бы намъ секретныя розыски о мѣсто-жителствѣ и происхожденіи самаго г. Денскаго.

Въ самомъ дѣлѣ, какое дѣло читателю, кто такой Марковъ, курскій ли помѣщикъ, или петербургскій купецъ; кто такой В. Е. Денскій—прирожденный ли Рюриковичъ, или добродѣтельный «сынъ колокольни» изъ породы разныхъ Рождественскихъ и Введенскихъ, или демократическій потомокъ вольноотпущеннаго двороваго?

Кажется, автора соблазнила довольно дешевая возможность острить на счетъ «курскихъ помѣщиковъ», сравнивая ихъ, какъ это онъ дѣлаетъ въ своей статьѣ, съ «курскими соловьями»?

Но во 1-хъ, честь этого остроумнаго изобрѣтенія давно предвосхитили у него публицисты «Отечественныхъ Записокъ»; а во 2-хъ, мы точно также мало способны устыдиться сравненія съ «курскимъ соловьемъ», какъ и званія «курскаго помѣщика» или «джентльмена», хотя бы и «земскаго», хотя бы и «свѣдущаго».

Другихъ поученій изъ лекціи г. Денскаго о полемикѣ мы извлечь не могли. Не коснемся мы также и его приравненія насъ, за наши

статьи о сельскомъ и мировомъ судѣ, и еъ волкамъ, и еъ осламъ, и еъ ядовитымъ змѣямъ...

На подобныя вещи не отвѣчаютъ, и мы увѣрены, что самому г. Денскому стало стыдно за его дѣтскую злобу и за его дѣтскую ругань, когда онъ прочелъ ихъ въ печати.

Въ статьѣ г. Денскаго читается намъ правоученіе не по одной полемикѣ, но и по логикѣ. Необходимо и намъ остановиться хотя минуту на логикѣ—и своей, и г. Денскаго. Г. Денскій и въ этой области проявляетъ самобытность, которой мы не умѣли бы послѣдовать при всемъ своемъ желаніи.

Какова наша логика, интересующійся можетъ ознакомиться изъ нашихъ собственныхъ статей, безъ услужливыхъ выписокъ г. Денскаго, потому что и для выписокъ необходима логика; отсутствие же ея въ критическихъ замѣткахъ можетъ также просто происходить отъ отсутствія ея въ самомъ критикѣ, какъ и въ критикуемыхъ статьяхъ.

На этотъ разъ мы сильно подозреваемъ, что мнѣе всего виноваты тутъ критикуемая статья. Въ самомъ дѣлѣ, читатель, разсуди ты насъ съ критикомъ.

Въ статьѣ своей «Сельское правосудіе» мы анализировали внутреннія свойства сельской общины и пришли, между прочимъ, къ заключенію, что при всѣхъ частныхъ несовершенствахъ и несправедливостяхъ общинной жизни, все-таки ея приемы вообще отличаются духомъ справедливости и особенной практической примѣнимости, что она «самая испытанная общественная сила», «почти единственное живучее и плодотворное начало» въ нашемъ общественномъ бытѣ, и что поэтому сама община вѣрнѣе и удобнѣе всѣхъ можетъ быть судьей «внутреннихъ тревоженій» между своими собственными членами.

Затѣмъ мы установили другую, паралельную послыку. Мы признали, что вторженіе въ жизнь общины чуждыхъ взглядовъ и точекъ зрѣнія, попытка мѣрять дѣла ея на иной аршинъ, «примѣнять къ нимъ цѣли и приемы, которыхъ не вѣдаетъ сельская жизнь крестьянина, были бы вредны и несправедливы. Мы вошли потомъ въ специальную оцѣнку того вреда, который, по нашему мнѣнію, былъ бы внесенъ въ бытъ крестьянъ, если-бы непосредственное завѣдываніе сельскимъ правосудіемъ въ первой инстанціи было поручено мировымъ судьямъ, людямъ иной среды и иныхъ понятій.

Какъ практической выводъ изъ этихъ общихъ основаній, мы предложили предоставить сельскому суду стариковъ или общины непосредственное разбирательство и рѣшеніе всѣхъ споровъ и исковъ, возникающихъ внутри общины.

Затѣмъ, во второй статьѣ своей, мы перешли отъ первоначальной

общественной единицы, — сельской общины, къ слѣдующей, высшей ступени. Мы должны были установить: во 1-хъ, судебный органъ для дѣлъ, первоначально возникающихъ между лицами различныхъ сельскихъ общинъ, во 2-хъ, способы надзора за правосудіемъ самой общины.

Очевидно, что каковы бы ни были признаваемые нами сравнительныя достоинства общинной жизни, онѣ могли касаться только ея внутреннихъ дѣлъ, и никакимъ образомъ не могли устранить необходимость органовъ, внѣ и выше ихъ стоящихъ, обнимающихъ собою не одну, а многія общины. Мы высказали это открыто въ первой же своей статьѣ. Мы не касаемся пока суда между крестьянами разныхъ обществъ и между крестьянами и другими сословіями, равно какъ устройства высшей инстанціи для сельскаго суда и порядка надзора за дѣйствіями сельскихъ общинъ. Вопросъ этотъ составить предметъ другой статьи нашей... говорится у насъ въ концѣ статьи «Сельское правосудіе» («Русская Рѣчь», іюль 1881 г.)

Не понимаемъ поэтому, отчего такъ удивила г. Денскаго наша вторая статья, гдѣ именно предложена была такая инстанція, и отчего она показалась ему логически противорѣчащею нашимъ похваламъ сельской общинѣ? Если г. Денскій читалъ наши статьи со вниманіемъ и съ серьезною цѣлью, а не черезъ десять строкъ одну, для того, чтобы надергать цитаты и смѣшать ихъ въ беспорядочный винегретъ, ради уличенія насъ въ отсутствіи логики, — то онъ уже изъ первой статьи нашей могъ ясно видѣть, какъ далеки мы отъ мистическихъ воззрѣній на сельскую общину, и какъ несообразно было бы съ общимъ строемъ мыслей нашихъ предоставлять этой общинѣ какое-то безконтрольно-деспотическое право дѣлать все, что ей угодно.

Если мы признавали сравнительныя достоинства сельскаго суда, какъ 1-й инстанціи, непосредственно вѣдающей бытъ крестьянъ, противъ суда волостнаго и мирового, именно вслѣдствіе условія близости, простоты, дешевизны, знакомства съ обстановкою крестьянской жизни; если мы находили, что община проще и легче всего можетъ управлять сама собою въ ежедневныхъ, часто весьма мелочныхъ дѣлахъ своего быта, понятныхъ и важныхъ только для члена самой общины, — то этимъ вовсе не давалось права г. Денскому или кому другому ожидать отъ насъ выдѣленія сельской общины въ какое-то независимое и никому неподвѣдомственное государство въ російскомъ государствѣ.

Напротивъ того, въ той же самой первой статьѣ своей мы очень настойчиво предостерегали отъ увлеченія мнимымъ совершенствомъ общинной жизни и мнимыми добродѣтелями простаго народа, на ко-

торыя наталкивають насъ пылкіе юноши, принимающіе свои мечты за дѣйствительность.

«Сельская община не имѣетъ въ себѣ ничего мистическаго, ничего идеальнаго, писали мы, между прочимъ, при самомъ вступленіи въ статью о сельскомъ правосудіи.—Она есть явленіе почти первобытное, проникнутое всею простотою, грубостью и узостью непосредственныхъ интересовъ крестьянскаго быта; она полна стремленій себялюбія и матеріальности, какъ все человѣческое, полна частныхъ несправедливостей, несовершенствъ, притѣсненій, обидъ неравенства, инстинктивныхъ заблужденій и неразумныхъ понятій,—вообще исполнена обычныхъ земныхъ грѣховъ всего сущаго и далеко не представляетъ собою безмятежной Аркадіи, гдѣ царитъ социальная и нравственная правда».

Спрашивается, при такомъ возрѣніи нашемъ на общину, возможно-ли было логически ожидать отъ насъ изытія этой общины изъ-подъ всякаго вѣдѣнія и контроля; возможно-ли было такъ узко и близорую понять наши похвалы практическимъ достоинствамъ общины, какъ наиболѣе удобнаго первичнаго органа общественнаго управленія?

Точно такая же непостижимая для насъ близорукость, за которую мы нисколько не можемъ быть отвѣтственны, обуяла почтеннаго г. Денскаго и въ вопросѣ о вмѣшательствѣ «культурныхъ людей» въ жизнь народа.

Онъ изумляется, какъ это, послѣ первой статьи, мы рѣшились во второй статьѣ своей предлагать, какъ высшую инстанцію для жалобъ на неправильныя дѣйствія сельскаго суда,—мироваго судью, т. е. культурнаго человѣка, вмѣшательство котораго въ бытъ крестьянъ сами же признали вреднымъ? Это тѣмъ забавнѣе, что именно въ первой статьѣ своей, на цѣлыхъ 4 страницахъ, мы оспариваемъ, какъ неосновательное и мистическое, увлеченіе г. Денскаго, и ему подобныхъ мечтателей, его взглядъ на образованные классы, будто бы губящіе правду народную.

«Авторъ отправляется отъ той довольно рискованной точки зрѣнія, что всѣ грѣхи и слабости теперешняго волостнаго суда, да и вообще крестьянскаго управленія, происходятъ исключительно отъ вмѣшательства въ нихъ... людей образованныхъ, или, какъ онъ иронически называетъ, «культурныхъ», говоримъ мы на 218 стран. своей статьи «Сельское правосудіе». — «Отстраните отъ мужика все это начальство, всѣхъ этихъ непрошенныхъ «культуръ-трегеровъ», оставьте волостному суду разбираться, какъ онъ самъ знаетъ, безъ всякихъ кассаций и апелляцій, и въ волостномъ судѣ воцарится правда и порядокъ. Такова общая идея статьи г. Денскаго».

Эту именно идею его мы затѣмъ и опровергаемъ, находя, что даже съ точки зрѣнія логики, такая постановка вопроса не выдерживаетъ ни малѣйшей критики.

Можно ли было послѣ этого счесть за противорѣчіе самимъ себѣ предложеніе нашей второй статьи, поставить мирового судью какъ высшую инстанцію для сельскаго суда—пусть уже судить читатель.

Разгадка недоумѣній г. Денскаго намъ кажется впрочемъ довольно простою.

Г. Денскій, повидимому, привыкъ имѣть дѣло не съ тонкими и сложными оттѣнками мысли, въ которыхъ люди практическаго ума и жизненнаго опыта привыкли отыскивать истину, а только съ общими, такъ сказать, азбучными положеніями книжныхъ руководствъ, которыя всегда просты и абсолютны и оттого всегда нѣсколько близоруки.

Мы не знаемъ, принадлежитъ ли г. Денскій къ числу неопытныхъ юношей, еще пробующихъ свое перо и черпающихъ свои познанія міра изъ однихъ только тетрадей и книжекъ; но во всякомъ случаѣ его изумленіе передъ кажущимся ему логическимъ противорѣчіемъ столь очевидныхъ мыслей нашихъ весьма сродни таковой обычной слабости юнаго возраста, столь же горячаго, сколь мало проницательнаго.

Онъ услышалъ, напримѣръ, что мы хвалимъ сельскую общину, и вотъ ужъ этого довольно ему, чтобы приписать намъ мнѣніе, будто кромѣ общины ничего быть не должно.

Онъ услышалъ, что мы считаемъ вреднымъ «тѣсное вмѣшательство» образованныхъ людей въ внутреннюю жизнь крестьянскаго общества, приложеніе къ ней идей нашего культурнаго класса. И этого ужъ довольно, чтобы онъ считалъ немислимымъ съ нашей точки зрѣнія, всякое отношеніе культурнаго человѣка къ дѣламъ крестьянства, хотя бы въ этихъ отношеніяхъ не было ни «тѣснаго вмѣшательства» въ его бытъ, ни приложенія къ нему чуждыхъ идей.

Но вѣдь такая оригинальная логика г. Денскихъ способна вовлечь человѣчество въ довольно забавныя положенія. Такъ, напримѣръ, все европейское общество признаетъ, напр., за истину, что свобода есть естественное право всякаго человѣка, и въ то же время однако учреждаетъ начальства, суды, тюрьмы, наказанія.

Сейчасъ на сцену явятся г-да Денскіе и съ пѣною у рта начнутъ обличать Европу въ отсутствіи у нея логики, въ противорѣчій ея собственнымъ убѣжденіямъ.

Или какъ нибудь государственный человѣкъ, напр. Гладстонъ, всю жизнь свою посвящаетъ защитѣ ирландскихъ интересовъ, а потомъ вдругъ рѣшается подавлять вооруженною силою тѣхъ же ирландцевъ, отертыя неповинующихся закону.

Г-да Денскіе никакъ въ толкѣ не возьмутъ, какъ это Гладстонъ можетъ быть такъ непослѣдователенъ, такъ нелогиченъ: то все за ирландцевъ, а то вдругъ противъ.

А если еще во время усмиренія Ирландіи военною силою тотъ же Гладстонъ будетъ проводить въ парламентѣ билль въ пользу земельныхъ правъ тѣхъ же возмущившихся ирландцевъ, то изумленію и упрекамъ г-дъ Денскихъ, конечно, не будетъ конца!

Но кто тутъ виноватъ, читатель: Европа ли съ Гладстономъ, или они сами, г-да Денскіе?

Вѣдь не одинъ логикъ въ свѣтѣ не можетъ быть признанъ виновнымъ за то, что его слушаютъ и судятъ люди, для которыхъ изъ всѣхъ многообразныхъ цвѣтовъ Божьяго міра существуютъ только два простыхъ абсолютныхъ цвѣта—черный и бѣлый, только «да» или «нѣтъ», и которымъ поэтому искренно кажется, что на свѣтѣ все, что ни черно, должно быть бѣло, а все что не бѣло,—должно быть черно, что только и есть логика въ «да» или «нѣтъ».

Для такихъ «упрощенныхъ» глазъ, всѣ промежуточные краски—зеленныя, красныя, желтыя, синія, роковымъ образомъ кажутся противорѣчьемъ, непослѣдовательностью,—и они будутъ поэтому совершенно напрасно читать поученіе объ этой непослѣдовательности людямъ, обладающимъ обыкновенными здоровыми глазами. Наивныя поученія ихъ прежде всего съ головою и ногами выдадутъ ихъ собственный органической грѣхъ, которому уже нигде не въ силахъ помочь, какъ и мы, напр., не можемъ помочь г. Денскому изъ «Русской Мысли» въ его безнадежномъ исканіи логики среди чужихъ статей.

Евгеній Марковъ.

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ РѢЧИ“

С.-Петербургъ, Средняя Подъяческая, 1.

Журналъ «Русская Рѣчь» выходитъ въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 25 до 30 и болѣе листовъ.

Подписная цѣна на годъ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой въ Петербургъ	16—
съ пересылкой	17—
за границу: въ Европу	} 18—
Сѣверную Америку и Египеть	

Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.

Допускается разсрочка платы по третямъ:

	при подписѣ	къ 1 Маю	къ 1 Сентябрю
безъ доставки	7 р.	5 р.	3 р.
съ доставкой	8 —	5 —	3 —
съ пересылкой	9 —	5 —	3 —

Отъ Редакціи.

Редакція отвѣчаетъ вполне за доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты или выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Русской Рѣчи» съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ петербургскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ петербургскіе—50 к. и изъ петербургскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и притомъ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ А. Навроцкій.

Главная Контора «Русской Рѣчи»

Средняя Подъяческая, 1.

